КН
20
Н 40

Невский В.И.
От „Земли и воли" к группе „Освобождение труда". - М., 1930.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
—И—
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
28141 1993 ГОД

Москва. Главлит А 70.237. Изд. Всес. О-ва политкаторжан. 4.000 экз.

„Мосполиграф", 16-я типография, Трехпрудный, 9.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий сборник мы включили бо́льшую часть работ, освещающих развитие рабочего движения и русской социал-демократии, начиная с 70-х годов и до первого с'езда.

Нечего говорить, что работы, произведенные на основе нового материала, уже одним тем, что они пускают в научный оборот этот дотоле неизвестный ученым материал, уже по одному этому заслуживают некоторого внимания.

А нужно сказать, что статьи этого сборника—и обследование фактической стороны рабочего движения 70-х годов, и изучение таких организаций, как рабочие союзы 70-х и начала 80-х годов, и анализ эволюционных процессов, происходивших в народничестве и народовольчестве («Зерно» и группа Д. Д. Бекарюкова и Ю. Мельникова) 80-годов, и, наконец, рассмотрение и изучение рабочего движения 80-х и первой половины 90-х годов параллельно с изучением наших уже чисто социал-демократических организаций раннего периода—все это произведено в результате работы в архивах.

Нужно также прибавить, что в сборнике, кроме одной статьи (о группе «Освобождение Труда»), почти не нашла своего отражения работа над чисто социал-демократическими организациями, отчасти потому, что сборник и без того разросся, и включение в него, например, исследования о социал-демократической организации 90-х или о реакции 80-х годов, увеличило бы размер книги, отчасти потому, что эти исследования еще не закончены и носят подготовительный характер.

На вполне законный вопрос читателя, есть ли смысл в публикации уже напечатанных работ, думается, достаточным ответом может быть, во-первых, то обстоятельство, что все эти работы разбросаны в различных изданиях, и, во-вторых, то, что все они в сущности касаются одного главного вопроса.

В самом деле, основное положение всех этих наших работ, мысль о том, что русская социал-демократия получила свое начало не только из одного источника—группы «Освобождение Труда», но и что ее развитие параллельно этому шло и самостоятельно, мысль, формулированная в первом томе наших «Очерков РКП(б)» в отношении всего периода 70-х и 80-х годов, здесь получила свое более детальное раз'яснение и обоснование.

Изучение же этого процесса в высшей степени важно для понимания следующего периода истории русской социал-демократии, периода шатаний и периода подготовки большевизма,—вопросы, которые должны быть подробно разработаны и затронуты в готовящемся втором томе наших «Очерков».

Подтвердились и другие наши положения о происхождении, развитии и характере наших рабочих организаций 70-х годов, особенно после того, когда удалось набросать более или менее ясную картину условий развития этих пролетарских организаций массового движения этого десятилетия.

Конечно, все эти процессы, как и характер организации, замалчивались старыми народническими публицистами или давались в ином аспекте. С помощью архивов и ряда воспоминаний, к которым, однако, приходится подходить с сугубой осторожностью, мы имеем возможность в аспекте новых фактов дать в развернутом виде всю историю эпохи.

Трудно оспаривать и то положение, что эволюция некоторых революционных черно-передельческих организаций, равно как и некоторых народовольческих групп, неизбежно должна была кончаться социал-демократией.

Не подлежит теперь спору и та характеристика, которая дана нами всему периоду социал-демократии 80-х годов, как переходному периоду от народничества к марксизму, периоду борьбы за самостоятельную классовую партию пролетариата.

В сущности говоря, все перечисленные проблемы были нами поставлены еще в 1922 г., главным образом на страницах семи первых номеров Ленинградской «Красной Летописи» и в трех выпусках «Историко-революционного сборника»; в разработке же этих проблем принимала участие (и продолжает делать это дальше) целая группа старых и молодых работников.

В этом отношении можно указать ряд работ, отчасти уже появившихся, отчасти подготовляющихся к печати, напр., т.т. Э. А. Корольчук, Н. Л. Сергиевского, П. И. Анатольева и др.

Статьи, собранные в этом сборнике, таким образом, только самая незначительная часть той общей работы, которую ведет группа историков над фактическим материалом, доказывающим замечательную мысль В. И. Ленина о том, что историю русской социал-демократии нельзя понять, не поняви эволюции народничества в сторону либерализма и в сторону научного социализма.

Автор настоящего сборника будет счастлив уж тем, что, несмотря на его ошибки и заблуждения, исследователи будут обращаться к его книге просто как к собранию документов, освещающих именно эту эволюцию, этот определенный период нашей истории.

Само собой разумеется, что нами приняты во внимание все вышедшие за 10 лет новые работы, так или иначе изменявшие или исправлявшие наши положения, что и оговорено в примечаниях или сносках. Совершенно новый, еще неопубликованный материал дан нами о рабочем движении 80-х годов.

В заключение считаю своим долгом выразить здесь горячую дружескую признательность т.т. П. И. Анатольеву и П. П. Парадизову, особенно первому, без настояний и помощи которых этот сборник не увидел бы света, равно как без готовности издательства Всесоюзного общества политкаторжан все благие пожелания моих друзей остались бы тщетными.

В. Невский.

10 ноября 1929 г.

I. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

К ВОПРОСУ О РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ 70-х ГОДОВ XIX в.

I

Читатель плехановских мемуаров, вероятно, заметил то интересное обстоятельство, что автор рисует главным образом тип заводского передового рабочего, в то время как носителем массового рабочего движения в 70-е годы прошлого века был по преимуществу фабричный рабочий, полупролетарий, полукрестьянин, еще очень прочно связанный с деревней и деревенским укладом.

Плеханов отчасти указывает причины, вызывавшие эти явления,—то невыносимо тяжелое положение, в каком очутился русский крестьянин вскоре же после овобождения от крепостной зависимости.

Для 60-х годов это невыносимое положение русского рабочего достаточно хорошо нарисовано в прекрасной книге Н. Флеровского, книге, которую следовало бы назвать не так, как назвал ее автор—«Положение рабочего класса в России», а просто—«Страдания и бедствия русского рабочего класса после освобождения», так как именно о страданиях и бедствиях только и приходилось писать Флеровскому [1].

Из-за длинных и часто очень туманных рассуждений автора о благах общинного владения землей выступает подлинная карти-

[1] Оставляя в стороне вопрос о том, что Н. Флеровский подходил к рабочему движению со своей, народнической, точки зрения, что его совсем, напр., не интересует вопрос о формах борьбы рабочих со своими угнетателями (на это, быть может, были и свои особые «независящие» обстоятельства), нужно сказать, что книга Флеровского за всем тем лучшая да, пожалуй, и единственная работа о положении рабочих того времени.

на Дантова ада, в котором русские рабочие были обречены на страдания, мучения, вырождение и преждевременную гибель.

Спрашивается, каково же было положение рабочих в 70-х годах, когда работали такие землевольцы, как, напр., Г. В. Плеханов, в той рабочей среде, жизнь и борьба которой вне всякого сомнения оказали очень большое влияние на выработку взглядов основоположника русского марксизма? Уяснить себе это положение, представить себе более ясно условия жизни и борьбы русского рабочего 70-х годов, его умственное развитие, стремления и идеалы —это значит отчасти понять и ту эволюцию, какую пережили русские народники во главе с Плехановым, чтобы дойти до марксистского миросозерцания. Само собой разумеется, в полном об'еме, со всей исчерпывающей глубиной исчерпать этот вопрос в небольшой работе невозможно: слишком мало мы еще знаем фактов из истории рабочего движения 70-х годов, слишком поверхностно мы еще изучили процесс выделения рабочей интеллигенции этой эпохи, совершенно не разрешили мы еще вопроса о взаимоотношениях и влиянии друг на друга этой возникающей рабочей и уже давно работавшей революционно-буржуазной интеллигенции, чтобы возможно было уже сейчас окончательно и решительно исчерпать указанную выше проблему. Ближайшее знакомство с революционными кружками начала 70-х годов, повидимому, заставит нас отказаться от установившейся с легкой руки самого Г. В. Плеханова теории, что рабочие 70-х годов самостоятельно, помимо «революционной бациллы», дошли до социал-демократических построений.

Схема стройная и привлекательная, что и говорить, но, думается, и в нее придется скоро внести самые существенные поправки. Разрешать этот вопрос здесь, однако, нам не придется, мы только подойдем вплотную к нему из обзора того материала, какой намерены предложить здесь.

Итак, в каком положении находился русский рабочий в 70-х годах, когда работал и действовал среди пролетариата Г. В. Плеханов?

К сожалению, и по этому вопросу до настоящего времени сырой материал, разбросанный в разных местах, не обследован и не приведен в порядок.

Легальная литература 70-х годов хотя и мало, но все же уделяла некоторое внимание рабочим,—их положению, их борьбе и отношению к ним правительства. До настоящего времени, однако, нет тщательного обследования этой литературы.

Нелегальная наша печать занималась рабочими несколько больше, но и она, как известно, не этот вопрос ставила в центре

внимания. В таких изданиях 70-х годов, как «Народное Дело», «Набат» П. П. Ткачева, нет почти ничего о рабочих, а если и есть, то все это преподносится так, что читатель не найдет в этих изданиях интересующих его сведений. Значительно больше внимания русскому рабочему уделено в «Работнике», еще больше в «Начале» и «Земле и Воле», и достаточно полно этот вопрос о жизни русского рабочего освещен Лавровым в его журнале «Вперед».

Лавристы вообще интересовались этим вопросом, как известно, гораздо больше прочих революционеров 70-х годов, и поэтому вполне понятно, что на страницах их органа рабочая жизнь освещалась настолько полно, насколько возможно это было сделать на страницах периодического зарубежного журнала.

Интереснейшие данные о положении рабочих находятся, разумеется, в заводских архивах, в донесениях всякого ранга правительственных агентов, в разных официальных анкетах и тому подобных материалах, но этот материал также еще не вполне обследован.

Но из того немногого, что имеется в нашем распоряжении, можно нарисовать картину достаточно ясную.

Начнем с Петербурга, центра Российской империи, одного из самых промышленных русских городов, где уже тогда находились крупнейшие механические заводы. «С странным чувством,—говорится в № 8 «Вперед» от 1 мая 1875 г.,—читаем мы, русские, иногда даже революционеры, хронику рабочей борьбы в Западной Европе. Тут мы видим, как в хронику заносится каждый мелкий факт, чуть ли не стачка и неудовольствие каких-нибудь трех, пяти рабочих. Не каждый ли задавал себе, при виде подобных фактов, несколько вопросов о России? Что представляет из себя эта масса рабочего люда России? Неужели среди этих миллионов измученных, ограбленных работников нет подобных явлений? Отчего до нас из этого мира страданий не доносится почти ни одной жалобы, ни одного стона? Разве изредка мы услышим о какой-нибудь грозной выходке, в роде известной нарвской стачки, но потом надолго опять все замирает и погружается в немое молчание. Какова обыденная обстановка этой страдальческой жизни?» [1].

Задав себе этот вопрос, автор статьи далее рассказывает о положении рабочих в мастерских Варшавской жел. дороги. Правление дороги решило поставить на должную высоту медицинскую помощь, устроило приемный покой, а для получения средств «на

---

[1] «Вперед» № 8 от 1 мая 1875 г.—«Из жизни петербургского рабочего люда», стр. 238.

сей предмет ежемесячное жалованье всех рабочих облагается налогом в 1%».

Рабочие протестовали и обложения провести не удалось, но зато начальство в отместку понизило заработную плату рабочих иным путем, именно—лишив их льготного проезда по своей же дороге.

Способы понижения заработной платы изобретались фабрикантами и заводчиками самые разнообразные. Вот, напр., завод «Товарищества латунного производства» на Выборгской стороне, где всего 140 рабочих. Рабочий день—12 ч. (с 5 ч. утра до 6 ч. вечера с перерывом в 1 ч. на обед), рабочая плата взрослым от 60 к. до 1 руб., мальчикам до 17 лет 40—55 коп. В конце февраля заводоуправление вывесило об'явление с предложением понизить норму угара с 6% до 3%. Суть этой махинации сводилась к тому, что рабочие, принявши предложение, теряли бы почти весь свой заработок. «На заводе,—говорит автор цитированной статьи,—в сутки переплавляется не менее 120 пуд. металла. При 6% угаре действительном и при 3% вымышленном, рабочим пришлось бы ежедневно отвечать более чем за 3½ пуда смерхсметного угара стоимостью около 33 руб., из которых на каждого рабочего приходилось по 66 коп., при среднем ежедневном заработке в 80 к.».

Рабочие и в этом случае не дали себя в обиду; но ведь такой исход для рабочих бывал редкостью; по большей части рабочие оставались в накладе. Даже на крупнейших механических заводах того времени администрация не церемонилась с рабочими. Примером такого бесцеремонного обращения могут служить те приемы, какие применяли хозяева завода Семянникова (Невского механического), не желая терять ни копейки даже в том случае, когда они были виновны в задержке жалованья рабочим. Такие задержки были обычным явлением на Семянниковском заводе и постоянно вызывали недовольство рабочих. «...Администрация, по причинам, может быть чисто канцелярским, почти всегда оттягивала время получки заработанных денег на несколько часов, а иногда и на день; рабочие, конечно, не могли быть довольны такими порядками и привыкли понуждать начальство, собираясь толпой и стращая администрацию разрушением. Достаточно было нескольких разбитых стекол; начальство уступало, канцеляристы торопились; быстро приготовлялись и раздавались учетные листки, и заработки выдавались мигом». Но в 1875 г. когда выдача денег перед Пасхой была замедлена, недовольство рабочих приняло острую форму, и дело окончилось большими волнениями, вызовом из Петербурга эскадрона казаков, арестом пяти человек и преданием их суду. Дело разбиралось в С.-Петербургском окружном суде;

судили четырех «зачинщиков»: Лазарева, Тихонова, Васильева и Стольберга. Первых двух суд оправдал, а последних приговорил к аресту при полиции на 3 недели [1].

Плеханов пишет, что средний заработок петербургского рабочего из того круга, с которым он имел дело, был 1 р. 25 к.— 2 руб. Такой заработок имели только наиболее квалифицированные рабочие. Рядовой средний заводской рабочий получал значительно меньше. Вернее было бы сказать, что такая плата, как 2 р. в день, в 70-е годы даже на заводах Петербурга была необычным явлением. Как увидим ниже, в провинции заводские рабочие получали значительно меньше, чем в Петербурге. Средняя заработная плата от 60 коп. до 1 р. скорее характеризует петербургского заводского рабочего, чем тот заработок, который указывает Плеханов. Что же касается среднего заработка фабричного рабочего, то цифра, указываемая Г. В. Плехановым (20—25 р.), была совершенно исключительным явлением. Правда, напр., на суконной фабрике Торнтона «при усердии» ткач суконных материй мог выработать 35 р. в месяц, но на деле он никогда не зарабатывал более 30 руб., а на таких фабриках, как Максвель, и того меньше. Капиталист имел всегда в своем распоряжении целый арсенал средств для уменьшения заработной платы. Штрафы были одним из таких средств, и притом самым излюбленным. Даже в Петербурге эти штрафы доходили иногда до небывалых размеров, достигая порой такой величины, что поглощали весь заработок.

Но Петербург все же выделялся из других городов, хотя и на его фабриках процветали, кроме усиленных штрафов, тысячи иных средств для понижения заработной платы (вычет квартирных денег, напр., на фабрике Максвеля, достигавший 2 р. 20 к. в месяц, принудительная закупка товаров в заводской или фабричной лавке, принудительные лотереи и т. п.). Положение провинциального рабочего было неизмеримо хуже петербургского. Более низкая, а иногда и прямо нищенская заработная плата понижалась настолько, что рабочий, в сущности говоря, работал даром. Система штрафов была настолько искусно построена, что нередки были и такие случаи, когда рабочий оставался должен хозяину, сколько бы он и как бы он ни работал. Особенно применялись штрафы в центральном промышленном районе, и особенно этим славилась фабрика Саввы Морозова в Орехове-Зуеве. Стачка 540 ткачей этой фабрики 1 марта 1876 г. была вызвана именно чрезмерными штра-

[1] Случай этот подробно описан в № 11 «Вперед» от 15 июня 1875 г., стр. 330—334.

Дело III Отд. с. е. и. в. канцелярии, 3 Эксп., № 70 за 1875 г., лл. 122—127. Историко-Революционный Архив в Ленинграде.

фами. Даже комиссия, назначенная владимирским губернатором, вынуждена была констатировать это.

«...Штрафы,—читаем в докладе этой комиссии,—за порчу изделий чрезвычайно многочисленны и различны по размеру, так, например, за спущенные с'емы с трех веретен, за допущенную из ровницы черную нитку в початок, за помарку початок и за всякий даже недосмотр какой-либо порчи тех частей машин, на которых они работают, взыскивается от 25 до 50 к.; за пьянство 1 р., за прогульные дни от 1 до 2 руб. и более, смотря по количеству получаемого жалованья; удерживается также у каждого рабочего из жалованья по 40 коп. за освещение казарм и какие-то пожертвования до 30 коп., смотря тоже по количеству жалованья. Между тем, в условиях найма не говорится ни о каких штрафах...» [1].

Но и помимо штрафов, капиталисты имели возможность понижать заработную плату. Излюбленным средством для этого служили фабричные лавки, приносившие немалый доход своим хозяевам. Это было прекрасно известно властям, но дальше секретных сообщений в Третье Отделение собственной его величества Канцелярии местные власти не шли. Вот как, напр., описываются злоупотребления фабриканта Кокушкина в Шуе донесением помощника начальника Владимирского губернского жандармского управления. На этой фабрике, по словам донесения, «открыт магазин, в котором продаются все с'естные продукты, чай, сахар, обувь, ситец и одежда. Рабочие не получают плату по 5 и 6 недель... и, нуждаясь в деньгах, поневоле должны забирать в лавке Кокушкина все продукты по самым высоким ценам, а именно: мука продается по 75 коп. за пуд, сахар по 24 коп. за фунт и пр. Если же рабочему необходимо нужны деньги ранее того срока, когда Кокушкину вздумается сделать уплату, то его заставляют брать товарами из фабричной лавки; таким образом, получая из лавки ржаную муку по 75 к., он продает ее по 61 коп., сахар по 24 коп., продает его по 18 и 20 коп. за фунт...».

«...Рабочие ходят по базару,—говорится в донесении далее,—и продают куски сахару, а полиция не обращает на это никакого внимания...».

По словам автора донесения, в результате такого положения рабочих, «на всякий заработанный рубль они теряют 15 коп., а иногда и более» [2].

[1] Дело № 39 III Отд. с. е. и. в. канц., 3 Эксп., за 1876 г., л. 17. Ист.-Рев. Арх. в Ленинграде.

[2] Дело № 104 III Отд. с. е. и. в. канц., за 1875 г., лл. 87—88. Ист.-Рев. Арх. в Ленинграде.

То, что говорится здесь о фабрике Кокушкина, не было исключением. Задержка жалованья и, таким образом, вынужденный необходимостью забор негодных продуктов рабочими в фабричных лавках были общим правилом. То же донесение указывает и другую фабрику шуйского городского головы Калужского, который задерживал жалованье рабочих по 5 и 6 недель, вынуждая их брать продукты в кредит в лавке купца Турушина; этот же последний за услугу отчислял определенный процент Калужскому.

Описывая положение рабочих центрального промышленного района (Шуи, Костромы, Иваново-Вознесенска и т. д.), только-что цитированное донесение говорит: «...Рабочий штрафуется фабрикантом почти бесконтрольно, самый неуловимый штраф для фабриканта это есть браковка вытканного миткаля. За работу куска миткаля от 50 до 60 арш. фабрикант платит рабочему от 1 р. 25 коп. до 1 р. 75 коп., но при приеме товара он всегда бракует, и тогда выдается рабочему такая плата, какая вздумается фабриканту...» [1].

Но штрафы и расплата продуктами из фабричных лавок были далеко не последними средствами для понижения заработной платы. Фабрикант изобретал тысячи других способов для этого. Читая донесения жандармов, иногда затрудняешься отличить их от корреспонденций в нелегальных изданиях: до такой степени возмутительны способы эксплоатации рабочих фабрикантами, что даже жандармы не скрывают своего негодования.

«При уплате денег фабриканты,—читаем мы в выше цитированном донесении,—пускаются на все хитрости, чтобы только обсчитать рабочих... так, летом этого года на одной из фабрик в Иваново-Вознесенске выдавали плату рабочим полуимпериалами, считая каждый в 6 р. 25 коп., и потом в лавках того же фабриканта принимали эти полуимпериалы по 5 р. 50 к. Хороший ткач, зарабатывая в месяц до 13 р. и более... получая плату золотом, терял до 1 р. 50 коп.» [1].

А вот образец другого способа, практиковавшегося фабрикантами с целью наживы за счет рабочего: «...в Иваново-Вознесенске на фабриках Зубковых на-днях выдали рабочим плату сериями и присчитали проценты за месяц и за два вперед, а так как в этом городе нет казначейства, где бы можно было разменять серию, то рабочие продавали их частным лицам по 49 р. 50 коп. и таким образом потеряли по 2 к. на рубль» [2].

---

[1] Цит. д. № 104 1875 г., л. 104.
[2] Цит. д. № 104 1875 г., л. 88.

Злоупотребления фабрикантов приняли, наконец, такой характер, вызвали такое недовольство рабочих, что владимирский губернатор вынужден был издать распоряжение (от 10 сент. 1875 г. за № 5576) о воспрещении понижать ценность государственной монеты при расплате с рабочими!

Рабочие, как это будет показано ниже, тоже не молчали, и их протесты настолько встревожили местную власть, что она, в лице все того же владимирского губернатора, далеко не миролюбиво настроенного к рабочим, обратилась к своим агентам, исправникам и полицеймейстерам, с секретным циркуляром, где между прочим говорилось следующее: «...До сведения моего дошло, что многие г.г. фабриканты и заводчики за прогул, за несвоевременную явку на работы и другие провинности дозволяют себе по собственному усмотрению подвергать рабочих штрафам или уменьшать заработную плату, хотя бы это и не входило в договоры найма; штрафы эти нередко взыскиваются совершенно напрасно по одним ни в чем не основанным начетам фабричных табельщиков и во многих случаях в размерах, далеко превышающих виновность, так что многим рабочим часто приходится уходить с фабрик без всякого заработка» [1].

Из этого же официального источника видны и иные способы выжимания незаконной прибыли из рабочих, удержания части заработной платы при увольнении их раньше срока.

«...При увольнении рабочих с фабрик,—говорится в циркуляре,—прежде истечения условленного срока заводоуправление всегда удерживает у них заработанную за последние недели плату, хотя бы рабочие увольнялись по самым тяжким болезням и по требованиям начальства или общественных учреждений».

Таким образом, ткач, после невероятных трудов заработавший 13 р. в месяц, терял 1 р. 50 коп. на полуимпериалах, которыми он получал свою плату, штрафы понижали его заработок иногда рублей на пять или на шесть, с него брали за квартиру, отчисляли на разные пожертвования, но это было еще не все,—фабричная лавка встречала его по выходе из конторы, и здесь он, по признанию цитированных выше официальных документов, терял еще до 15% на рубль (на 13 р. своего жалованья всего до 2 р.), так как вынужден был забирать негодные товары в кредит вследствие довольно частой задержки жалованья. Возвращаясь в фабричную казарму, рабочий после каторжного месячного труда

---

[1] Цирк. влад. губернатора Струкова от 16 августа 1875 г. за № 137 в деле № 104, л. 47.

имел на руках не более пяти-шести рублей, а иногда приходил и прямо с пустыми руками.

Закон, правда, карал фабриканта за недозволенные способы понижения заработной платы, но высшей мерой наказания по суду мог быть только денежный штраф не свыше трехсот рублей. Даже жандармский капитан Шуйского уезда Завьялов, перу которого принадлежит только-что цитированное донесение, рассуждает совершенно правильно, указывая на смехотворность этой ответственности и делая следующий простой расчет: даже уплативши штраф в 300 р., хозяин фабрики с 1 000 душ рабочих, применяя вышеописанные способы эксплоатации, положит в карман достаточно солидную прибыль. Дело, однако, в том, что и штрафа фабрикант не платил по той простой причине, что тот же жандармский капитан Завьялов или какой-нибудь другой агент правительства никогда и не решался привлекать фабриканта к суду, ограничиваясь в лучшем случае секретным циркуляром наподобие циркуляра губернатора Струкова.

При таком положении рабочих неудивительно было и то особенное отрицательное отношение, какое существовало к капитализму у народников. «При взгляде на произведения села Иванова, этого русского Манчестера, и на предметы льняного производства крестьян Псковской губернии, не мешает вспомнить о тех последствиях, которым неизбежно подвергается рабочий класс вследствие развития машинной обработки, пользование которой, при современном экономическом порядке, доступно только одним капиталистам» [1]. Мы вернемся еще к этим взглядам народников на капитализм, а сейчас укажем, что их негодование, конечно, имело очень много оснований, так как в том же «Народном Деле», откуда взята приведенная выдержка, приводятся поистине ужасные факты о работе детей автором статьи: на московской фабрике Малютиных «работают безостановочно две смены в 100 детей каждая, не моложе 11 лет, в следующем порядке: первая смена от 7 ч. утра до 1 ч. дня и от 7 ч. вечера до 1 ч. ночи; вторая смена от 1 ч. дня до 7 ч. вечера и 1 ч. ночи до 7 ч. утра».

«При этом дети,—добавляет автор статьи,—должны являться за ½ часа до назначенного времени; живут же они в окрестных деревнях на расстоянии 2—3 верст, и за эту 12-часовую работу получают 3 р. в месяц».

Но такая работа малолетних была обычным явлением 70-х годов. О продолжительности рабочего дня взрослых, пожалуй, и го-

---

[1] «Народное Дело» № 4 от 30 июня 1870 г. Ср. «Стачки и выставка».

ворить нечего: все источники указывают, что рабочий день в 12 и 14 часов был обычен для русских фабрик. Стоит только, быть может, подчеркнуть, что даже жандармы в своих донесениях робко замечали своему начальству, что рабочий день на фабриках центрального промышленного района б е с п р е р ы в н о в т е ч е н и е 18 ч а с о в тоже нередкое явление.

В донесении жандармского капитана Завьялова о фабриках Иваново-Вознесенска, Шуи и т. д. прямо говорится, что в течение всей Нижегородской ярмарки, т.-е. по крайней мере в течение двух месяцев, рабочие на фабриках его района работают беспрерывно по 18 ч. в сутки, имея, да и то не всегда, не более 6 часов отдыха.

Но, быть может, таковы были бедствия рабочих центрального текстильного района? Быть-может, в Петербурге, где находилось очень много заводских рабочих, описываемых Г. В. Плехановым положение рабочего класса было лучше? Да, конечно, Плеханов довольно правильно рисует экономическое положение своих знакомых рабочих, но дело в том, что эта группа рабочих была цветом петербургского пролетариата, наиболее квалифицированной и хорошо оплачиваемой верхушкой петербургских заводских рабочих.

Тот средний заработок в 2 р. в день, обычный для знакомых Плеханова, был далеко не обычен вообще для среднего заводского рабочего Петербурга.

Но послушаем лучше, что говорит по этому поводу современный наблюдатель жизни русского заводского рабочего на одном из самых лучших и привилегированных петербургских заводов 70-х годов,—на Обуховском.

«В настоящее время постоянных рабочих на заводе около 1 500 чел.; летом, когда производятся новые постройки, число их возрастает до 2 000. Рабочий день собственно заводских рабочих продолжается 12 часов, с 6 часов утра до 12 и от 1 до 7 ч. вечера. Но это только официальный рабочий день; в действительности же завод не приостанавливает своих работ и ночью. Та часть рабочих, которая назначена в ночную работу, отпускается домой часом раньше, т.-е. в 6 часов вечера, и к шабашу, т.-е. к 7 часам, обязана снова явиться на завод. В этот час рабочий должен и поужинать и отдохнуть от 11-часовой дневной работы и выспаться. Если рабочий проработает всю ночь, то он получает за нее дневную плату; впрочем это случается редко: трудно человеку работать по 22 часа в сутки, натура берет свое,—человек волей-неволей засыпает, а тут что-нибудь попортилось, бдительный техник налагает

на рабочего штраф, который его разом лишает заработной платы нескольких дней» [1].

Если в Петербурге, на лучшем механическом заводе России (Обуховский завод в те времена с успехом конкурировал с Канонен-König Круппом), обычным явлением был 22-часовой рабочий день, то чего можно было ожидать от текстильных фабрик, куда шел темный, забитый крестьянин и даже крестьянка?

Но послушаем дальше, что говорит современный наблюдатель о заработной плате рабочих Обуховского завода.

«Плата рабочим,—читаем мы дальше в корреспонденции,—начинается от 55 коп. чернорабочему, 1 р., 1 р. 50 к. и более—слесарям. Ученики (челов. 60), которыми переполнены чертежная и оружейные мастерские, получают и того менее—коп. 30—60 в сутки,—причем ученики в чертежной нередко обязаны работать целую ночь напролет. Вообще мы немного ошибемся, если положим средний дневной заработок 1 рубль; мы даже убеждены, что рабочий и того не получает, если принять во внимание штрафы. Кроме того, на заводе есть много рабочих, работающих «на штуку»; они, хотя и не так стеснены рабочим временем, но что касается до заработка, то вряд ли они стоят лучше других, так как плата поштучно рассчитана так, чтобы она не превышала обыкновенного заработка».

Эксплоатация и на Обуховском заводе не отставала от текстильных фабрик: автор статьи вычисляет норму эксплоатации в $170^{5}/_{36}\%$!

Быть может, однако, здесь эксплоатация носила какие-либо иные, более гуманные формы? Увы, и здесь процветали все те же излюбленные российские штрафы. «Каждое утро в 6 часов паровой свисток, т. н. «гудок», оповещает начало работ; все рабочие обязаны быть уже на своих местах; опоздать—беда, а опоздать рабочему человеку легко: большинство рабочих, за неимением квартир в селе Александровском, живет в окрестных деревнях, в Мурзинках Рыбацком, верстах в 2-х, 3-х от завода. Опоздал рабочий ¼ часа—у него вычитают ½ дня; опоздал ½ часа вычитается день; прогулял день—налагается штраф рубля в 3 и более. Кроме штрафов за опоздывание на работу, за прогульные дни, берут их и за неисправную работу и за все другие неисправности, берут их без особых рассуждений—по произволу господ начальствующих».

Как высоки бывали иногда штрафы на Обуховском заводе, свидетельствует случай начала 1873 г., когда при отливке 11-дюй-

---

[1] «Вперед» № 6 от 1 апреля 1875 г.—«Из села Александровского», стр. 170.

мового орудия начальник завода «за нерасторопность» оштрафовал каждого рабочего на 5 рублей.

Стоит ли говорить о том, что прочие условия работы на этом лучшем петербургском заводе были ужасны: в литейной отсутствовала механическая передача, и расплавленную сталь приходилось подавать к изложницам руками в тиглях; рабочие, работавшие у газовых труб, у горнов и сименсовых печей, не имели ни респираторов, ни синих очков; при пробе орудий рабочие подвергались опасности быть убитыми вследствие отсутствия технических приспособлений; несчастные случаи также были не редки на заводе; обращение же администрации с рабочими было поистине варварское: ругань и издевательство—вот характеристика этого обращения.

О жилищных условиях рабочих распространяться нет смысла, ибо они еще накануне нашей великой революции оставляли желать многого.

Если таково было положение заводских рабочих в Петербурге, можно сказать, в двух шагах от дворца, то что приходится сказать о жизни заводских рабочих в других местах России, напр., в центре или на Урале!

Нельзя забывать, что здесь в 70-е годы еще продолжали жить остатки старых крепостнических отношений, и это причудливое сочетание старых феодальных остатков с новыми капиталистическими отношениями особенно тяжело отзывалось на пролетариате. В качестве примера возьмем Мышегский завод Калужской губ Тарусского уезда.

Завод этот существовал с 1828 г., и рабочие на нем были, как и на большинстве русских заводов того времени, крепостные крестьяне. Еще в те крепостные времена помещица и владелица завода княгиня Бибарсова в целях улучшения производства купила вблизи завода землю, выстроила на ней жилища и поселила там крестьян-рабочих. Незадолго до освобождения завод был куплен генеральшей Хрущевой вместе с землей. При освобождении крестьян в 1861 г. Хрущева не пожелала терять купленной земли, и 400 душ ее крестьян-рабочих не получили ни одного вершка, так как их причислили к дворовым. Напрасно они посылали ходоков по начальству, земли им не давали, а жить где-нибудь было нужно, тем более что завод считал жилища, в которых они ютились, своей собственностью. В 1863 году произошли волнения на заводе, рабочие снова послали ходоков, но начальство оставалось непреклонно. После надлежащего внушения начальства рабочие притихли. Но вот в 1876 году новая администрация вздумала ввести новые правила, в числе которых стояли пункты и о введении «зи-

ков», т.-е. заводских номерков, выдаваемых каждому рабочему для пред'явления при входе в завод, и что самое главное—пункт о земле и жилищах рабочих, как о собственности завода. Рабочие заволновались и забастовали, отказавшись принять эти новые правила (2 марта 1876 г.).

Начальство также заволновалось. На завод прикатил сам жандармский полковник Шрамм. Рабочие, однако, не испугались и подали Шрамму заявление следующего содержания:

«Общества мастеровых Мышегского чугунно-плавильного завода об'яснение.

На предложенное вашим высокородием условие, составленное заводскою конторою относительно исполнения нами работ на вышесказанном литейном заводе, мы имеем честь об'яснить, что на все пункты, выраженные в этом условии, мы не соглашаемся потому, что некоторые из этих пунктов есть для нас обременительны. 1-е) Работать никогда не осмеливались отказываться и производить работы, как производили и прежде. 2-е) Не принимаем на себя обязанности ходить на завод с ярлыками, которые будут для нас стеснительны; в таком лишь случае мы готовы их принять, если со стороны конторы по оным для нас не будет притеснения. 3-е) Квартиры, занимаемые в настоящее время нами, они должны оставаться в нашу пользу безвозмездно на праве собственности, а также и усадебными оседлостями, и в таком лишь случае мы соглашаемся на все изложенные конторою условия. 4-е) Если же конторе не заблагорассудится принять во внимание нашей просимости согласно 3-го пункта, то пусть контора или владелец завода даст нам возмездие согласно циркуляра, изданного 29-го мая 1868 года за № 1627 о мерах к обеспечению быта горно-заводского населения и частных заводов. 5-е) Со дня поступления нами на работу и заключения с конторою формального условия, которое бы было никогда и никем нарушаемо на том основании, что в случае перемены или уничтожения вышесказанного циркуляра могли бы мы себя гарантировать именно выраженным 4-м пунктом в сем об'яснении» [1].

«Возмездие», как выражались забастовщики, не заставило себя ждать. Полковник Шрамм наметил пять человек рабочих как зачинщиков: Мурашова, Конюхова, Ченцова, Каретникова и Константинова и в то же время в своей угодливости капиталистам дошел до того, что без разрешения начальства поскакал в Москву к генеральше Хрущевой. Генеральша послала на завод своего сы-

---

[1] Дело № 119 III Отд. с. е. и. в. канц., 3-я Эксп. — «Сведения по Калужской г:б.» за 1876 г., лл. 12, 3—21 и 25—31.

на, и здесь, в Калуге, состоялось у губернатора совещание, на котором было решено работы начать с апреля после Пасхи, новых правил не вводить до августа с тем, однако, непременным условием, что зачинщики должны быть высланы из пределов Калужской губернии. Нечего говорить о том, что и губернатор и жандармы против этого не возражали. Рабочих все же эти меры не запугали, и они подали губернатору такое заявление:

Мирской приговор.

1876 года марта 2 дня мы, нижеподписавшиеся, Калужской губернии, Тарусского уезда, Солоненской волости, села Мышегского завода мастеровые, быв сего числа на полном сельском сходе при старосте Никите Смирнове обсуждали дело, которое нам предлагал управляющий Мышегского завода Степан Егорович об условии об исправлении должности, мы усмотрели это условие, считаем для нас очень...[1], потому показаны большие штрафы, единогласно приговорили: 1. Если из нашей среды кто возьмет билет или номер, тот будет штрафован на 5 руб. 2. Если управляющий кого сгонит с работы без причины или не примет на работу, то мы единогласно приговорили: должны защищать друг друга, в случае дать ему помощь или его семейству. 3. Если управляющий будет вызывать по одному и посылать на работу и кто из'явит желание, тот будет штрафован на 15 руб., тот кто без согласия общества пойдет в заведение[2].

Под этим мирским приговором стоит 137 подписей, т.-е. приговор подписали все рабочие завода, жившие на заводских земля

В апреле работы возобновились, но права частной собственности в конце-концов восторжествовали, и рабочие свою борьб успешно закончить не могли.

Но, быть может, эти патриархальные отношения были только исключением в 70-е годы прошлого века? Дело в том, что причудливое сочетание таких полукрепостнических отношений с ор мами нового капиталистического бытия можно считать характерным не только для какой-либо одной губернии, но, пожалуй, для всей страны. Вот три центральных губернии: Орловская, К лужская и Смоленская. Здесь в 70-х годах существовал по сл вам современной буржуазной прессы, «Русский фабрично-з

[1] Слозо пропущено в рукописи; повидимому, должно быть: «отягощительным».

[2] Дело № 19 за 1876 г. с. е. и. в. канц., 3-я Эксп., л. 31.

ородской оазис» [1]. Главным предпринимателем этого района был в те времена отставной генерал-майор С. И. Мальцев.

Этому магнату принадлежали 107 фабрик и заводов, из них хрустальных и стеклянных в Брянском уезде Орловской губ.—5, в Рославльском уезде Смоленской губ.—2, механических, чугунно-литейных и железоделательных—7, в Жиздринском уезде Калужской губ. фаянсовый—1, винокуренных—5, и, кроме того, кожевенные, кирпичные, лесопильные, дегтярно-скипидарные, заводы эмалированной посуды и т. д. и т. п. Во владениях Мальцева находилось 20 верст рельсовых путей, 130 верст шоссейных дорог, 8 пароходов, ходивших по Десне и Болве, 100 верст телеграфных проводов и т. п. Все эти заводы и угодья располагались на пространстве в 238 000 десятин, «т. е., полагая в одной квадратной миле 5 022 дес.,—говорит здесь автор статьи в журнале «Вперед»,—«участок» г-на Мальцева занимает $47^2/_5$ квадр. мили, т.-е. превосходит владения многих германских государств и почти все швейцарские кантоны, взятые отдельно» [2].

И действительно, Мальцев ничем не отличался от владетельного князя любой страны. Прежде всего, в зависимости, в кабале или, если угодно, в подданстве у Мальцева находилось около 200 тысяч народа, причем только связанных с производством около 128 000 человек, из которых 12 589 мастеровых и 15 765 чернорабочих и служащих. Принимая в среднем семью каждого рабочего даже в 3 чел., получим число «подданных» Мальцева по крайней мере в 6 миллионов человек,—население, превышавшее численность подданных такого, напр., короля, как черногорский.

Что термин «подданный» не праздная выдумка, а более или менее точное обозначение тех отношений, какие существовали между владетельной особой Мальцева и людьми, жившими на его землях, об этом свидетельствует не только «злостный» революционер, автор анонимной статьи в журнале «Вперед», но и такой в данном случае авторитетный источник, как донесение нач. губ. Орловск. жандармского упр. в Третье Отделение. «На означенных заводах», читаем мы здесь, «в Брянском уезде выделывают: хрусталь, стекло разных сортов, чугунные изделия, сахар из свекло-

---

[1] Об этом «оазисе» остались, кроме сведений в современной буржуазной прессе («С.-Петербургские Ведомости» № 71 за 1875 г. И. З — им: «Русский фабрично-заводский оазис», «Голос» № 73 за 1876 г.), сведения и в нелегальном журнале «Вперед» за 1875 г. № 12: «Нечто о русском промышленном оазисе» и многочисленные документы в делах III Отд. с. е. и. в. канц. за 70-е годы, напр., д. № 64 за 1870 г. и др.

[2] «Вперед« № 12 от 1 июля 1875 г. Статья «Нечто о русском промышленном оазисе».

вицы, курят вино и водку, варят портер, пиво и мед, бьют масло, пилят лес, делают кирпич и прядут и вьют канаты». Кроме того, по словам того же донесения, Мальцеву же принадлежал и «паровой завод для приготовления товарных вагонов».

«Все эти заводы и работающее на них население», продолжает автор донесения, «составляют совершенно отдельный уголок уезда, вполне зависимый от заводовладельца г. Мальцева. Крестьяне («мастеровые»), как кажется, вполне понимают эту зависимость, так как с прекращением работ на этих заводах они лишаются средств для прокормления своих семейств. В этом случае, если бы они даже и получили наделы наравне с прочим сельским населением уезда, то, по непривычке к хлебопашеству и неуменью взяться за это дело, вряд ли означенные наделы могли бы поддержать их благосостояние» [1].

По словам автора донесения, для местного населения никто из местных властей—ни мировые посредники, ни становые пристава, ни тем более волостные правления не имели никакого авторитета; даже губернатор имел меньше значения, чем «заводская администрация и заводовладелец, имеющий огромное нравственное влияние на местное население» [2].

О том, в чем состояло это «нравственное» влияние, сам не отдавая себе в этом отчета, раз'ясняет несколько далее наивный автор жандармского доклада.

Мальцев, рассказывает автор, выпустил «в обращение записки на получение разных припасов из своих магазинов ценностью от 5 руб. до 10 коп.» «...Эти записки имеют свободное обращение наравне с кредитными государственными билетами не только в Брянском уезде и в г. Брянске, но даже, как говорят, и в смежных уездах: Карачевском, Трубчевском, Жиздринском и Рославльском уезде Смоленской губ. В г. Брянске, как кажется, редко можно получить звонкую монету, а размен денег производится без препятствий означенными записками генерал-майора Мальцева».

Разве не смотрят на нас из-за этих наивных строк сухого донесения начальника Орловского губернского жандармского управления «подданные» владетельного князька XIX века генерал-майора Мальцева, разве не слышатся из-за этих строк стоны и рыдания тех 200 тысяч подданных, очень большая часть которых, освобожденная в 1861 г. без земли, находилась в полной зависимости от предприимчивого генерала и вынуждена была предпочи

---

[1] Дело № 64 за 1870 г. III Отд. с. е. и. в. канц., 3-я Эксп.—«О стачках и забастовках рабочих».

[2] Цит. выше дело № 64 за 1870 г., л. 11.

тать даже государственным собственные мальцевские деньги, выпущенные только в одном 70-м году на сумму 50 тыс. рублей! [1].

Спрашивается теперь, в каком же положении находились все эти «подданные» генерала Мальцева?

По вычислениям, весьма правдоподобным, автора статьи в журнале «Вперед», годовая заработная плата (средняя) самых квалифицированных рабочих только что описанного «промышленного оазиса»(мастеровых) равнялась всего-на-всего 100 р. 42 к. или 27½ коп. в день; средняя заработная плата всех рабочих,—и квалифицированных и чернорабочих,—составляла и того меньше—всего 44 р. 58 к. в год или 12 коп. с лишком в день, а средний заработок тех 128 тысяч подданных, которые были привязаны к предприятиям Мальцева, выражался ничтожной цифрой в 4⅓ к. в день! [2].

Да и эта ничтожная плата, выраженная в его собственных деньгах,выдавалась владетельным генералом далеко не аккуратно, что и служило довольно часто поводом рабочих волнений.

Стоит ли распространяться о том, что на медицинскую помощь 200 тысяч своих подданных Мальцев жертвовал по 3 коп. в год на душу, что на каждого инвалида-рабочего, изувеченного на его заводах, приходилось пособия не более 50 коп. в год и что из пятидесятитысячного детского населения школьного возраста, подведомственного Мальцеву, обучалось 1 500 чел., т.-е. немного более одного процента.

Чтобы не возвращаться более в «промышленному оазису» генерала Мальцева, зададимся вопросом, как же чувствовали себя подданные этого владетельного князька? Документы ничего не говорят о стачках во владениях Мальцева, есть глухие указания о постоянном недовольстве рабочих; жандармы постоянно находятся в тревоге, разыскивая неуловимых «внушителей»; они даже однажды заподозрили самого Мальцева чуть ли не в участии в центральном комитете социально-революционной партии (дело, впрочем, скоро выяснилось: молодой Мальцев, которому папаша давал ограниченное количество денег, обрисовал высшему начальству отца, как вольтерьянца и карбонария), но корней и нитей не нашли и занимались привлечением к ответственности ни в чем неповинных людей. Однако есть указания, что далеко не все подданные Мальцева относились с достодолжным уважением к порядкам, им установленным.

---

[1] См. донесение нач. Орловск. губ. жанд. упр. в указанном выше деле № 64 от 29 мая 1870 г.

[2] «Вперед» № 12 от 1 июля 1875 г., стр. 370.

В апреле 1876 года в самой резиденции Мальцева на столбе у ворот в селе Дятькове был наклеен пасквиль. «Ваше превосходительство,—писал неизвестный автор этого воззвания:—Сергей Иванович, покамест вы нас будете мучить и кровь пить... ...ты вспомни о том, что наши деды и отцы и мы вам ратуем и трудом приобрели вашему отцу и вам своими трудами множество имений; а если вы не улучшите наш быт... А так как ты раз'езжаешь днем и ночью и не оставишь быть кровопийцей, то будешь застрелен»... [1].

Само собой разумеется, что жандармы сейчас же по прочтении этой своеобразной прокламации начали искать «корни и нити» и самого автора, а местное начальство решило вступить в полемику с неизвестным автором. «Пасквиль», как называют анонимную прокламацию официальные документы, появился в ночь с 14 на 15 апреля 1876 г., а уже через три дня в Дятьковской церкви местный духовный отец, священник Красовский, выступил с обличением крамолы и с восхвалением Мальцева и вообще всего существующего строя. В проповеди, сказанной им на тему «Моисей вывел евреев из плена Египетского», Красовский доказывал два положения: во-первых, что царь Александр Второй освобождением крестьян уподобился Моисею и, во-вторых, что Моисею же уподобляется и генерал-майор Мальцев, при помощи которого, работая на его заводах и фабриках, освобождаются рабочие от плена нищеты и невежества.

Не успели, однако, обыватели Дятькова, как следует, вдуматься в содержание сказанной проповеди, как уже в ночь с 20 на 21 апреля 1876 г. на стене Дятьковской церкви появился и ответ на произведение ораторского искусства отца Красовского. «Господа,—писал опять неизвестный автор,—хороша попова проповедь. Но с конца он читал. Я лучше проповедь составил про Моисея. Сколько у фараонов было народу, когда фараон народ запрягал израильский в соху, пахал землю на людях, никто не вывел израильтян до Моисея, когда господь послал вывесть израильтян Моисея из каторжной работы.

Например, так и в России, много было царей и господ, никто не отрубил господам когти. Александр Второй, государь, от господ рабов отнял и повырвал им когти, и перестали их запрягать в соху. Так, например, попы указывают на этого Моисея. Тот был да умер Моисей, а этот еще жив; например, этот хочет, чтоб ели

---

[1] Дело III Отд. с. е. и. в. канц., 3-я Эксп., № 56 за 1876 г.—«Сведения по Орловской губ.», л. 16. Многоточие означает пропущенные весьма сильные выражения в истинно-русском духе.

землю..., деньги и носили ему, а он столбам своим раздавал, а нас велел в соху запрягать да на нас пахать»... [1].

Жандармы пытались по почерку приписать авторство этих произведений мальцевскому мастеровому Михаилу Васильевичу Хлопецкому [2], но в виду его упорного запирательства из этого ничего не вышло, и своеобразная полемика наводила начальство на грустные размышления о некультурности неблагодарного населения.

Таковы были отношения между подданными и владетельным князем в русском промышленном оазисе, такими же они были и повсюду.

На Урале это сочетание старых феодальных отношений с новыми, порождаемыми развивающимся капитализмом, создавало еще более тяжелые условия существования пролетариата. Как известно, освобождение уральских крестьян, большинство которых работало на заводах, произошло еще хуже, чем освобождение крестьян остальной России. «Мне лично приходилось видеть семьи,— говорит автор прекрасной статьи о положении уральских рабочих в «Вестнике Народной Воли», у которых изба стояла на их земле, а двор принадлежал заводу, или наоборот. Но случалось и хуже: двор считался собственностью крестьянина, а изба и огород—заводу, или даже половина избы была крестьянина, а половина—завода. С полями та же история: например, 5 сажен отводилось крестьянину в одном месте, а через версту еще две или три, а еще через версту—еще и т. д. Почему это? По очень простой причине: заводчику очень не хотелось, чтобы мужику досталась такая земля, которая могла содержать в себе руду, или такая, которая годилась бы для хлебопашества. В первом случае заводчик мог потерять руду (хотя на этот счет тоже были изданы всевозможные законы, правила и руководства и пр. и пр.); во втором—крестьянин мог заняться хлебопашеством и не пойти на завод работать за плату, которую желал давать заводчик. Казенные заводы были наделены так же или еще хуже» [3].

В этой статье, напечатанной в нелегальном издании, автор не боялся цензурных рогаток, и потому неприкрашенная правда жизни смотрит у него с каждой страницы. Он описывает положение рабочих в начале 80-х годов и только отчасти касается 70-х,

[1] Дел III Отд. № 56 за 1876 г., л. 17. Многоточие обозначает пропущенное сильное выражение.

[2] Тамже, лл. 33—37.

[3] Н. М. Положение рудокопов и заводских рабочих на Урале. «Вестник Народной Воли», кн. 2, стр. 162.

но едва ли можно отрицать, что положение рабочих в 80-е годы значительно улучшилось по сравнению с предшествующим десятилетием, а в начале 80-х годов оно было потрясающим.

Волнения заводских рабочих Урала в 70-х годах были обычным явлением (на некоторые из них мы укажем ниже), но они, как известно, кончались не в пользу рабочих, причем сплошь и рядом дело завершалось поголовной поркой. Н. М. рассказывает, как он еще в 1882 г., работая на одном из заводов Урала, встретил особую породу людей, «поротых» в 70-х годах, следы чего они хранили до самой смерти. Особенно тяжелым положение уральского рабочего оказалось в 1873 г., когда был неурожай, и в 1874, 1875 и 1876 годах, когда уральские крестьяне и рабочие переживали голод. В 1873 г. пуд ржаной муки на Урале стоил 3—4 руб., между тем как заработная плата взрослого рабочего упала с 30 коп. до 5—7 коп. в день. Есть было нечего, и крестьяне-рабочие стали примешивать к хлебу кору, а рубкой и продажей дров в казенном и частновладельческом лесу поддерживали свое существование. Борьба с порубками поставила крестьян в такие условия, что они стали бежать, куда глаза глядят. Тогда пермский губернатор вместе с уральским магнатом Демидовым изобрел очень простое средство: Демидов продавал рабочим хлеб из своих запасов по 4 р. 15 коп. за пуд, платя рабочему в день по 25 коп., а так как хлеба все же нехватало на всех, то губернатор рекомендовал новое средство—примешивание к муке порошка известкового камня. Пропаганда этого нового средства велась очень просто: после молебна чиновник об'яснял все выгоды нового способа питания, а тут же рядом стояла рота солдат и лежали пучки розог. В результате такой пропаганды в одной волости из 5 000 чел. умерло от нового средства питания 600 человек [1]. Что приведенные сведения не злостная выдумка, подтверждается и другими свидетельствами. В № 33 журнала «Вперед» от 15 мая 1876 г. сообщаются подобные же сведения о рабочих пермских заводов: владельцы заводов задерживали жалованье, хлеба у рабочих не было, между тем рабочих, которые в то же время были и крестьянами, секли за невзнос податей. В таком же, если не в худшем, положении в 1876 г. оказалась очень многочисленная на Урале категория рабочих-дроворубов: их выороли дважды,—раз за то, что они не взнесли податей, а другой раз за то, что они не соглашались на чисто каторжные условия по рубке дров [2]. В этом же номере журнала приводятся условия договора

---

[1] Н. М., стр. 171.

[2] «Вперед» № 33 за 1876 г., стр. 298.

на одном из пермских заводов. Он настолько характерен, что без всяких комментариев достаточно хорошо рисует ту петлю, которой затягивалась шея рабочего. По пункту первому этого договора рабочий состоит в распоряжении управляющего, который распределяет его на работы. По пункту второму рабочий может получать продовольствие в заводской лавке в долг или за наличные. По пункту четвертому долг рабочего вычитается из заработка рабочего по 2 р. и больше в месяц. Подати и недоимки вычитаются также из заработка рабочего. По одному из следующих пунктов рабочий, недовольный порядками на заводе и желающий подать жалобу в суд, обязан заявить об этом управляющему за 3 дня, в противном случае он обязан уплатить штраф в 120 р. Штрафы договором установлены в следующих случаях и размерах: за уход с караула 150 р., за оставление рабочим службы 150 р., за порчу имущества—50% стоимости вещи, за неявку на тревогу—10 р., за неявку на работу—1 р., за пьянство—1 р., за леность—50 к., за ссору, брань и бесчинство—3 р., за порчу лошади—25 руб., за недонесение об ущербе, причиненном хозяину,—по числу ответчиков [1]. Все это могло бы показаться бредом безумного, если бы не подобное же свидетельство уже цитированного выше Н. М., который приводит примеры таких штрафов в 70-х годах, когда на Тагильском заводе немец мастер Карл Иванович заставлял рабочих при выходе из завода прощаться с ним, желая здоровья ему и его жене, Христине Максимилиановне; кто не мог назвать этих мудреных имен, тот платил штраф. Таким путем немец собирал в год 400 р., которые составлялись так: имя жены давало доходу 150 р., а отчество, как более трудное—250 р. Другой мастер, тоже иностранец, но на этот раз уже англичанин, в эпоху тех же 70-х годов оштрафовал из 500 человек рабочих Шайтанского завода 370 чел., из которых было 280 женщин, за то, что рабочие не купили жестяной шляпы его изобретения весом три четверти фунта. Таким путем мастер собрал в свою пользу 370 р. штрафу [2].

Штрафовали за то, что русские рабочие не умели говорить по-английски, за то, что у рабочего один глаз косой, за то, что рабочий—курносый, и т. д. и т. п.

Сколько же получал уральский рабочий?

По вычислениям Н. М., работавшего в качестве рабочего на Урале, уральский рабочий на шахтах зарабатывал так:

---

[1] «Вперед» № 33 от 15 мая 1876 г., стр. 298—299.
[2] Н. М., стр. 184.

1) отец с дочерью, считая 290 дней по 70 коп. в день, считая лошадь	203 р.
2) мать и старший сын по 20 коп. в день, считая 250 рабочих дней для матери и 290 для сына	108 р.
3) девочка по 10 коп. в день, считая 290 раб. дней .	29 р.
Всего	340 р.

Расходы этой семьи исчислялись так:

Пища	230 р. 20 к.
Одежда	42 р. 65 к.
Обувь	8 р. 66 к.
Содержание лошади, сбруя и т. п. . . .	65 р. 40 к.
Подати и другие расходы	24 р. 80 к.
Всего	371 р. 71 к.

Таким образом, получался дефицит в 31 р. 71 коп.
Бюджет заводского рабочего с семьей:

Отец получает по 30 к. в день за 290 раб. дней	87 р. — к.
Жена по 20 к. в день за 250 раб. дней	50 р. — к.
Старший сын по 25 к. за 290 рабочих дней . .	72 р. 50 к.
Старшая дочь за 290 рабочих дней по 15 коп. в день	43 р. 50 к.
Младшая дочь за 290 рабочих дней по 10 коп. в день	29 р. — к.
Всего	282 р. — к.

Расход такой семьи, не имеющей лошади, выражается суммой 306 руб. 31 коп., так что и здесь получается дефицит в 24 руб. 31 коп.

Если же принять во внимание самые минимальные размеры штрафов—1 р. в месяц у мужчин и 50 коп. у женщин и детей, тогда дефицит для первой рабочей семьи возрастет до 67 р. 71 к., а второй до 60 р. 31 коп.

Что касается других условий жизни уральских рабочих, то Н. М. приходит к выводу, что через 200 лет в Пермской губ. не осталось бы ни одного жителя, если бы не изменились социальные и экономические условия и если бы не было переселений на Урал из других мест России.

Можно, пожалуй, было бы сказать, что на Урале давили рабочего полуфеодальные остатки, а в других местах их не было; но мы видели, как в самом центре России, на заводах Мальцева, царили такие же полуфеодальные отношения. Там же, где перед капиталистом стоял уже независимый от него полукрепостной крестьянин, там капиталист выжимал соки посредством штрафов и

всякими иными путями—вычетами за квартиры, за гнилые продукты и т. п.

Мрачные краски, какими мы обрисовали положение рабочих Урала, сгустились бы еще больше, если мы пожелали бы коснуться жизни сибирских приисковых рабочих 70-х годов. Читателям, желающим познакомиться с положением приисковых рабочих в Сибири в 60-е и 70-е годы не по официальным источникам, а из уст наблюдателей, беспристрастно рисующих это положение, можно, кроме книги Флеровского, рекомендовать обширные корреспонденции из Иркутска, напечатанные в газете «Вперед» [1]. Современный читатель с трудом верит, читая эти красноречивые строки: кажется, что корреспондент революционного журнала нарочно сгущает краски.

Рабочие на прииски нанимались еще задолго до начала работ, часто за тысячи верст от приисков: приказчики золотопромышленников раз'езжали по селам и деревням и, раздавая задатки от 30 до 50 р., забирали паспорта подрядившихся. После этого начиналось путешествие рабочих на прииски, причем рабочие уже по дороге попадали в еще большую кабалу, так как вся эта дорога была усеяна притонами и кабаками, в которых рабочий пропивался до тла. Но вот он после невероятной дороги пешком попадал на прииски, где должен был приступить к выполнению договора. По этому договору рабочий связан по рукам и по ногам. «Платы рабочим полагается от 6 до 15 р. в месяц. За эту плату он обязан работать шесть дней в неделю (не исключая и праздни[ков]), причем каждый день он обязан кончить урок, к о т о р ы й е м у б у д е т н а з н а ч е н. За работу по воскресеньям и двунадесятым праздникам или за так называемую «старательскую» работу ему полагается добавочная задельная плата (обыкновенно по 1 руб. за куб. сажень). Но старательская работа не добровольна, а о б я з а т е л ь н а; только раз в месяц рабочий может отпраздновать воскресенье. Плата за старательскую работу должна, повидимому, увеличить жалованье, получаемое рабочим, рублей на пять в месяц. Увы! это только повидимому... «...Уроки, назначаемые рабочему, так велики, что человек средней силы не в состоянии окончить такого урока в день; поэтому за рабочим постоянно остается недоимка; так что в воскресенье вместо того, чтобы работать за добавочную плату, рабочий только отрабатывает накопившиеся на нем за неделю недоимки».

[1] Корреспонденции эти могут составить довольно порядочную брошюру. Они печатались в следующих номерах газеты за 1875 г.: №№ 7, 8, 9, 10, 11, 14 и 16.

«... Затем,—говорится в корреспонденции,—в контракте идет перечисление штрафов: штраф за неявку на работу, штраф за опаздывание, штраф за невыработку урока, штраф за неповиновение распоряжениям приказчика, штраф за пьянство, за неприличное поведение, и мало ли еще за что!—После штрафов идут об'яснения того, кому и как рабочий должен повиноваться: от горного исправника и его казаков, от хозяина и его приказчиков до последнего конюха; и всякому-то «беспрекословно», под опасением «строгого взыскания» за всякое «ослушание». Венцом всего этого здания «прижимок», нагроможденных одна на другую, служит заключительный параграф, из которого явствует, что «рабочий ни в каком случае не вправе оставить прииск; в случае же такой тайной отлучки с оного, он возвращается обратно через конюхов или через казаков (одолжаемых горным исправником для этой цели) и подвергается наказанию». Что же касается хозяина или до его приказчика, то он «в праве рассчитать неугодившего ему рабочего, когда ему заблагорассудится, причем он вправе удалить немедленно такого рабочего из прииска, предоставив ему выбираться из тайги, как он знает» [1]. Если же принять, далее, во внимание, что условия работы и по климатическим условиям (суровая погода, сырость, вода, холод) и по техническим (отсутствие предохранительных устройств, сносных жилищ, одежды, обуви и т. п.) очень тяжелы, если не забыть, что медицинской помощи на приисках не было, что единственным удовлетворением для рабочих была отравленная водка, что рабочий сплошь и рядом подвергался телесным наказаниям, если помнить, что жаловаться было некому, что все начальство, от самого маленького чина до губернатора, было подкуплено, то вполне можно согласиться с следующими словами автора статьи: «вся эта каторжная жизнь: безобразное помещение, плохая пища, вечное недосыпание, сверхчеловеческий труд, побои, оскорбления доводят иной раз рабочего до такого отчаяния, что он решается бежать, рискуя заблудиться в тайге и помереть с голоду или быть растерзанным зверями». «Но и тут удача большая редкость,—продолжает автор.—Конюхи верхами отправляются за ним в погоню по хорошо известным им лесным тропинкам». Конечно, рабочих обязательно ловят и приводят обратно. Если же рабочие бегут партиями, то их ловят уже казаки; в случае же протеста и сопротивления, начальству ничего не стоит сочинить дело о «бунте», и в результате суд и экзекуция» [2].

[1] «Вперед» № 7 за 1875 г., стр. 204—205.
[2] «Вперед» № 8 за 1875 г., стр. 246.

Описание жизни сибирских приисковых рабочих, данное революционерами, однако бледнеет по сравнению с той картиной, которую можно было бы нарисовать, исходя исключительно из тех сухих цифр, какие попадали в секретные отчеты, посылаемые в Третье Отделение даже подкупленными жандармами. Приведем для примера хотя бы несколько таких цифр хотя бы из одного такого отчета [1].

Возьмем для примера несколько цифровых данных по Томской губ. за 1875 г. В этом году всех приисковых рабочих в этой губернии числилось 4 494 чел., служащих 320 чел., зимовых рабочих и служащих 1 200 чел., при них лошадей 1 620 голов. Эти рабочие добыли за год золота 124 пуда 37 фунтов 77 зол. 51 долю. Средняя заработная плата рабочего исчислялась от 3 р. 30 коп. до 25 руб. в месяц. Машинисты, плотники, кузнецы и прочие мастеровые получали в среднем от 5 до 30 руб. в месяц. За старательскую работу полагалась плата: за кубическую сажень торфа от 1 р. 20 коп. до 2 р. 50 коп., за добавочный песок от 1 до 2 р. и за каждую таратайку песка по 10 коп.; за найденное «под'емное золото» по 1 руб. за золотник; за праздничные дни старательские рабочие получали от 1 р. 40 к. в день.

Картина как будто бы самая отрадная. Но она сейчас же покрывается мрачными красками, как только мы коснемся других фактов и цифр. На всю эту массу людей полагается один фельдшер. От скученности, грязи и дурного питания от одного тифа умерло 64 человека, а переболело несколько сот. Убито было в течение зимы 16 человек. Самыми же показательными цифрами являются цифры бежавших и уклонившихся: за 1875 г. не явились совсем на работы 45 человек, бежало из этого земного ада 254 человека, причем 129 из них было возвращено на прииски силой [2].

Далеко не сладкая жизнь донецкого шахтера тех времен, предпочитавшего иногда жить даже зимой под открытым небом, чем в ужасных землянках, все же могла назваться раем, ибо в Донецком бассейне, по крайней мере, климат был значительно мягче сибирского. Но и на Юге России жизнь рабочего не была увенчана розами. Возьмем для примера хотя бы условия жизни

[1] Отчеты эти посылались начальниками губернских жандармских управлений всех сибирских губерний в III Отд. с. е. и. в. канцелярии. За 70-е годы их несколько десятков. Несмотря на то, что подкупленные золотопромышленниками жандармы пытались скрыть истину, она и из их отчетов выходит наружу.

[2] Дело III Отд. № 106.—«Сведения по Томской губ.» за 1875 г., доклад нач. Томск. губ. жанд. упр.

одесского рабочего. Вот какими чертами описывается жизнь этого рабочего в одной из корреспонденций в журнале «Вперед».

«Самый несчастный пролетариат, это—чернорабочее сословие, работающее в гаванях; оно разделяется на две части: рабочие оседлые, постоянно, лето и зиму живущие в Одессе, и рабочие, приходящие осенью и зимою на заработки. В состав первых входят самые разнообразные личности: между ними попадаются и отставные офицеры, и молодые люди, окончившие курс в высших учебных заведениях, и отставные матросы, и др. Лето и зиму, ежедневно, с рассветом появляются они на всех тех пунктах гаваней, где набирают поденщиков. Эти-то оседлые, почти без исключения, едва одеты; на них не видать совсем платья, а какие-то лохмотья, ноги без обуви; их потому и назвали б о с о н о г и м и или с т у х а н а м и. Другая часть рабочих, пришельцы, выглядывают как-то лучше оседлых, они в сапогах; но они, как заметно, с трудом одолевают эту трудную работу. Представьте себе, какою железною энергиею должны обладать эти рабочие, когда им приходится с рассвета до заката солнца стоять в трюмах и глотать облака пыли от сыплющегося туда зерна; непривычные к этой работе завязывают себе платками носы и рты, чтобы как-нибудь избегнуть густой пыли. И так как эта работа бывает спешная, то часто приходится стоять на ней почти целые сутки...». «...Многие из этих оседлых рабочих имеют большие семейства, которые живут в сырых удушливых подвалах грязных домов или под землею—в скалах, где когда-то турки прятались от неприятеля. Другие, поденщики, живут на Пересыпи, и ежедневно, после полуторачасовой ходьбы, принимаются за 12-часовую работу».

«...Рабочая поденная плата летом 90 коп., а зимою 70 коп. в таком городе, как Одесса» [1].

Если принять во внимание, что босоногие или, как просто их называют на Юге, «босяки», это южный лумпенпролетариат и что все то, что касается работы, относится не к ним, а к настоящим рабочим, главным образом к пришлым, то слова автора заметки вполне верны: в таких же, если не в худших условиях находились «береговые» рабочие, грузчики и в других южных городах, как Ростов-на-Дону, где их скоплялось иногда несколько десятков тысяч, Мариуполь, Бердянск и т. п. По сравнению с жизнью этих рабочих жизнь квалифицированных мастеровых механических заводов, среди которых вел пропаганду Е. О. Заславский, казалась раем: на маленьком заводе Гулье-Бланшарда лучший рабочий по-

---

[1] «Вперед» 1875 г. № 3, стр. 71—72.

зал 1 р. 90 коп., средний 1 р. 40 коп., чернорабочий—80 коп., отобоец—90 коп. Но это уже считалось сущим раем! [1].

О жизни ремесленников и кустарей мы не можем сейчас рассказаться как за неимением места, так и потому, что не они ступили в 70-е годы, как впрочем и всегда, на борьбу с капиом [2].

Даже такие агенты правительства, как жандармы, не могли не видеть ужасного положения рабочих. «При установившихся поках,—писал один из них о рабочих Богородского и Дмитровского уездов Московской губ.,—на фабриках, как рассказывают рабочие, эти последние почти ничего не зарабатывают, так как большая часть заработка остается в лавках, имеющихся почти при каждой большой фабрике, из коих брать провизию рабочим как бы вменяется в обязанность и притом по ценам выше существующих в окрестностях фабрик цен на те же самые предметы. Провизия же из этих лавок очень часто отпускается недоброкачественной. Претензии же, возникающие со стороны рабочих на все эти беспорядки, редко встречают надлежащее удовлетворение» [3].

Этот жандарм, искоренявший не хуже других своих коллег крамолу, однако так выражается о положении рабочих:

«...Имея возможность всегда и легко заменить одних рабочих другими, фабриканты стали относиться к ним строже, а рабочие, сознавая, что на место их имеется много кандидатов, по необходимости переносят все стеснения, которые при ином порядке вещей не имели бы места.

Получая небольшой заработок, фабричные рабочие должны отказывать себе в предметах первой и существенной потребности, следствием чего является упадок сил рабочего, оберегать которые, по мнению моему, необходимо для целей государственных» [4].

Этот предшественник Зубатова указывает далее на Англию, как на страну, где государство законодательным путем предоставляет некоторые права и рабочим в борьбе их с капиталистами.

Как видим отсюда, сознание какого-то нового явления, вытекавшего из действительно невыносимо тяжелых условий жизни рабочих, начинало проникать не только в головы революционеров.

---

[1] «Вперед» № 29 за 1875 г., стр. 147.

[2] Описанию жизни кустарей уделяют много внимания все почти народнические издания, понятно почему: кустари—крестьяне. Во «Впереде» в этом отношении лучшие заметки. См., напр., № 9 за 1875 г. стр. 271—275,—«Из жизни села Павлова», № 29 за 1876 г., стр. 131, и т. д.

[3] Дело III Отд. № 53 за 1886 г.—«Сведения по Моск. губ.», л. 95.

[4] Цит. дело № 53, лл. 154—155.

что нам понятно, но даже в головы тех, кто был призван самодер жавием увеличивать бедствия пролетариата, и что самое главно в головы рядовых представителей этих охранителей «порядка» и эксплоатации.

Вот что писал рядовой представитель синемундирной охрани тельной полиции по Коломенскому и Бронницкому уездам Мо сковской губ.: «...Значительное число населения из собственнико (т.-е. крестьян. *В. Н.*) становятся постепенно батраками, фабрич ными, находящимися в полной зависимости от хозяев, которы в свою очередь, за весьма лишь немногими исключениями (Мило тин, Струве, Сергеев), ведут дела нерационально, не заботясь о сохранении здоровья и сил рабочих, не думая о завтрашнем дне и делая лишь все возможные усилия для достижения единствен ной цели—удешевления труда, причем обман, неправильный расчет рабочих и другие неблаговидные приемы не составляют исключений (подчеркнуто нами. *В. Н.*). Сознание в рабочих этой беспомощности начинает сказываться...» [1].

Синемундирный охранитель ошибался только в одном—в вы воде: невыносимо тяжелое положение вызывало в них не только или, вернее, совсем не чувство беспомощности, а чувство недо вольства, возмущения и негодования и поднимало их на активный протест, на бунт и забастовку.

Изучая рабочее движение 70-х годов, нельзя, конечно, упу скать из вида одно, в высшей степени важное обстоятельство — наличие большого революционного движения, охватившего очень широкие мелко-буржуазные слои русской интеллигенции. Это об стоятельство настолько важно, что, не учитывая его, рискуешь не понять многих фактов первостепенного значения. Важно же это обстоятельство потому, что именно оно диктовало правитель ству меры, какие последнее предпринимало по отношению к раз вивающемуся рабочему движению. Мы разумеем два рода меро приятий, теперь уже достаточно хорошо выясненных в историче ской литературе: мероприятия, направленные к созданию таких препон, которые не давали бы возможности проникать в рабочую среду «внушителям», и мероприятия, которые показали бы, что именно правительство, и только он одно, заботится о рабочих [2]. Действительно, революционная работа народников среди пролета

[1] Дело III Отд. № 53, лл. 84—5.

[2] Эта сторона дела с достаточной полнотой выяснена в работе М. Б лабанова «Очерки по истории рабочего класса в России». Киев. 192 года. Рабочее движение 70-х годов и мероприятия правительства рассмо трены автором этой работы во II томе.

рия с каждым днем все росла и ширилась. Существует довольно неправильное представление об этой работе: обыкновенно думают, что работа эта велась урывками и не систематически, между тем как она с каждым годом принимала все более и более широкие размеры и подготовляла тех людей из рабочей среды, которые уже в 70-х годах попытались взять рабочее дело в свои руки. Правительство прекрасно понимало всю опасность появления рабочей революционной организации; оно знало и те пути, по которым могла притти в Россию эта организация. И оно, как известно теперь, не ошиблось: Обнорский и его товарищи ездили учиться за границу, где уже существовала пролетарская социалистическая организация. Не глупостью жандармов, стало-быть, об'ясняются, те странные названия дел, какие мы теперь находим в архивах, напр., «О мерах к предохранению в пределах империи пропаганды учений интернационала». Правительство прекрасно понимало, что рабочая масса, сорганизованная и зараженная социалистическим учением, — огромная сила. Этим и об'ясняются те циркуляры, какие вышли из недр министерства внутренних дел от 6 июня 1870 г. губернаторам, предписывавшие им следить за движением и направлять дела о стачках административным порядком с правом высылать «зачинщиков» в северные губернии и на родину. Этим об'ясняется и то необыкновенно тщательное наблюдение, какое вели жандармы в отношении проникновения в рабочую среду агитаторов-социалистов.

Этим же об'ясняются и попытки правительства урегулировать «рабочий вопрос» законодательным путем.

Мы знаем, что ни те, ни другие предохранительные меры не достигли цели: наблюдения за пропагандой не остановили пропаганды, потуги урегулировать рабочий вопрос законодательным путем так и остались потугами.

Об'ективные условия жизни рабочего складывались так, что не бастовать он не мог. Что это действительно так, видно из более внимательного изучения рабочего движения в 70-е годы. Все писавшие об этом движении обыкновенно повторяют старые факты, чаще всего обращаясь к известным работам, авторы которых не могли расширить рамки своего исследования. В своей работе Мартова говорит о том, что с 1865 по 1880 год включительно в России было примерно 49 стачек: с 1865 по 1879 г.—20, примерно с 20 тыс. бастовавших, и с 1879 по 1880 г. — 29 с 30—35 тыс. бастовавших [1]. Это далеко не верно. Стачечное движение

---

[1] Л. Мартов. Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. Изд. «Книга», П.—М., 1923 г.

70-х годов было значительно шире, чем это кажется с первого взгляда. Оставляя в стороне вопрос о 60-х годах, рассмотрим стачки за десять лет, с 1870 по 1880 г. включительно, нисколько не претендуя на полноту нашего перечня.

В 1870 г. нам известны, по крайней мере, 14 стачек.

22 мая произошла известная стачка на Невской бумагопрядильне, когда 800 человек пред'явили администрации требования об увеличении заработной платы и об изменении тех каторжных условий, в каких им приходилось работать. 10 июня дело о забастовке слушалось в окружном суде, который и приговорил семь человек «зачинщиков» к семидневному аресту. Судебная Палата, пересматривавшая это дело, оправдала всех обвиняемых. Правительство, как известно, придало этой стачке большое значение, и с этого времени и ведет свое начало та практика, какая установилась по отношению к «зачинщикам»: несмотря на то или другое решение суда, «зачинщиков» ожидала почти всегда ссылка или высылка на родину. Четверо из руководителей стачки 22 мая 1870 г.: Семен Владимиров, Федор Петров, Борис Потапов и Василий Акулов и были высланы на родину [1].

Не успели еще умолкнуть толки по поводу забастовки на Невской бумагопрядильне, как 29 июня забастовали судовые рабочие на Калашниковской набережной у подрядчиков Лопатиных Ершина, Полуянова и Потюхина. Мы не знаем, сколько рабочих бастовало, но причины, вследствие которых они требовали расчета, для нас ясны. Сам начальник Петербургского губернского жандармского управления в своем донесении по начальству выражается по этому поводу определенно: «Лихоимственные извороты нанимателей порождают справедливый ропот рабочих и дают им повод к стачкам». Эти извороты подрядчики старались не только проводить на практике, но и узаконять в своих договорах с рабочими. «В эти договоры, — говорит тот же начальник, — подрядчики включили отяготительное для рабочих условие, не одобряемое законом» [2].

Не одобряемое законом условие состояло в том, что рабочие в случае дождливых дней не только не должны были получать жалованья, но обязаны были платить богобоязненным подрядчикам по рублю штрафа за каждый дождливый день, посылаемый господом богом.

---

[1] Дело III Отд. с. е. и. в. канц. за 1870 г. № 64, лл. 1—25. Стачка эта подробно описана у М. Балабанова.

[2] Дело III Отд. с. е. и. в. канц. за 1870 г., № 62, л. 36.

В июле произошли две стачки: одна на постройке Тамбовско-Саратовской железной дороги и другая среди каменщиков, строивших кронштадтский док.

Положение строительных рабочих на железных дорогах, судя по современной литературе, было прямо ужасно: рабочие жили либо под открытым небом, либо в землянках, продовольствие было настолько неудовлетворительно, что люди умирали от брюшного тифа и дизентерии тысячами, медицинская помощь отсутствовала, процветали штрафы, побои, рабочий день был непомерно длинен, а в случае протеста прибегали к содействию полиции, которая, конечно, всегда становилась на сторону подрядчика.

Строитель Тамбовско-Саратовской линии Гладин сдал земляные работы подрядчикам. Те наняли рабочих, дали им задаток 20 р. и обещали выдать деньги в июле 1870 г. Но прошел июль, а рабочие не только не получили денег, но были поставлены в такое положение, что единственным выходом было бросить работу. Пища была плохая; процветали штрафы, напр., за прогул 1 р. 50 к.; за прогул по болезни — штраф в размере дневного жалованья и т. п. Договор, заключенный с рабочими, носил кабальный характер; напр., в статье 11-й говорилось о том, что рабочий обязан платить за пищу от 14 до 20 коп. в день, по статье 19-й рабочий должен был платить «за дерзость», непослушание, ослушание подрядчиков и прочие пороки по 2 руб. По статье 8-й договора рабочий обязан был работать до позднего вечера, вставши до восхода солнца, имея на отдых с обедом,— в июне 2 часа, в июле и августе 1½ часа, а в октябре и ноябре без отдыха.

Когда в июле подрядчик денег не заплатил, рабочие бросили работы и отправились в Саратов к судье.

Русская самодержавная юстиция выказала себя во всем блеске: судья ответил, что это не его участок и что рабочие должны обратиться к уездному судье. Рабочие пошли с жалобами в полицию, а полиция, недолго думая, под конвоем отправила их на работы к подрядчикам [1].

«Дождливые» дни, повидимому, были довольно распространенным явлением, потому что и кронштадтская стачка строительных рабочих также была вызвана отчасти этими «дождливыми» штрафами. Стачка закончилась соглашением.

---

[1] «Саратовский Справочный Листок» 1870 г., № 127, заметка «Неожиданное приращение нищих в Саратове», и «С.-Петербургские Ведомости» от 17 июля 1870 г. № 194.

Стачка 120 человек рабочих меховой фабрики Нечаева в Вологде (17 сентября) имела причиной плохое продовольствие и низкую заработную плату, судя по тому, что одним из требований стояло — выдача мягкого, а не черствого хлеба, и повышение платы. Плата была действительно мизерная: рабочий получал от 1 до 4 руб. в неделю.

Стачкой, по словам официальных документов, руководили Евграф Шутьков и Осип Иванов, собирая рабочих в гостинице, уговаривая их нажать на хозяина, а в случае упорства бросить работы, причем тот, кто продолжал работать, должен был платить 2 руб. штрафа. Рабочие стачку выиграли, но Е. Шутьков пошел за это в ссылку в Архангельскую губ., а Иванов в Олонецкую [1].

В октябре 1870 г. произошли 2 стачки и обе в Москве: 7-го на сахарном заводе Пассбурга, где забастовали 13 чел., и 15-го на шелковой фабрике Шалаева, где бастовали 19 чел. [2]. Причиною стачек была низкая заработная плата, обе стачки окончились судебным разбирательством, причем в стачке на заводе Пассбурга полиция нашла «зачинщиков» — Емельяна Яковлева и Степана Андреева. И в том и в другом случае рабочие стачку проиграли.

О стачке на заводе Липина в Петербурге известно только то, что она произошла в октябре, но никаких подробностей о ней официальные источники не дают [3].

Следующая стачка 50 рабочих на шелковой фабрике Шульца (местечко Сетунь, Московской губ.) показывает также всю неприглядность рабочей жизни: рабочие требовали устройства особых спален, так как им приходилось спать в помещении, где находился паровой котел и где, таким образом, они постоянно находились в смрадной атмосфере и под угрозой несчастного случая. Стачку эту рабочие выиграли после рассмотрения дела у мирового судьи [4].

Мартов, перечисляя в своей работе стачки 1870 г., упоминает стачку «Новой бумагопрядильни», в с. Сетуни и Кронштадте, говорит о стачке в Белостоке, на какой-то фабрике в Варшаве и о стачке ткачей в Петербурге.

Ему остались неизвестны стачки на заводе Пассбурга, у Шалаева и у Нечаева, а также и довольно большая стачка 500 рабочих бумагопрядильни Ермакова в Вышнем Волочке, где в те-

---

[1] См. цит. дело № 64 за 1870 г.
[2] Дело III Отд. с. е. и. в. канц. за 1870 г. № 64, лл. 39, 40 и 47.
[3] Дело III Отд. с. е. и. в. канц. 3 Эксп. за 1870 г. № 64, л. 52.
[4] См. дело III Отд. № 65 за 1870 г. и «С.-Петерб. Ведом.» за 1870 г. № 194.

чение 3 дней (20—23 ноября) рабочие добивались повышения заработной платы и где, однако, стачку они проиграли [1].

В деле № 64 3 Эксп. с. е. и. в. Канц. о стачках 1870 г. нет ни слова ни о стачках портных, ни о двух стачках по Варшавской ж. д. и по Белостоку, точно так же как и в делах 1870 г. о стачках в этих городах указаний нет. Повидимому, стачки эти были небольшие и носили мирный характер, почему местные власти и не нашли нужным осведомить о них III Отделение.

Что же можно сказать о стачках 1870 года?

Прежде всего, бросается в глаза, что стачки возникают не только в таких крупных городах, как Петербург и Варшава, но и в глухой провинции, как Вологда и Сетунь.

Стачки охватывают как фабричных рабочих, так и рабочих сравнительно неквалифицированных, как, например, крестьян на постройке железной дороги. Причины стачек это — решительно все стороны рабочей жизни: низкая заработная плата, штрафы, плохие условия питанья, жилища и т. п.

Против рабочих выступает не только предприниматель, но и государство в лице полиции, суда и жандармов. Наконец, результаты стачек, независимо от разрешения спора кончаются и ссылкой «зачинщиков», т.-е. наиболее выдающихся рабочих.

В этих стачках налицо все те элементы, какие мы встретим и дальше: смесь, сочетание самых разнообразных черт, рисующих еще неразвитое рабочее движение, когда рядом с чисто стихийным движением крестьянской рабочей массы (строительные рабочие на железной дороге) замечается некоторая организованность, в результате которой выделяются руководители стачки (на Невской бумагопрядильне, у Пассбурга).

В следующем 1871 году нам известны семнадцать стачек [2]: в Вологде у купца Грибанова по отделке льна, на Холуницких заводах, в Згерже, на Тираспольско-Калишской ж. д., в Петербурге, в Одессе, в Вильно, в Москве и в Лифляндии. Все эти стачки, за исключением стачки в Згерже, имели причиной низкую заработную плату и вообще невыносимые условия жизни. Кроме того, рабочие купца Грибанова в Вологде (38 чел.) указывали на плохое качество сырья, а извозчики в Одессе (4 тыс. чел.) были недовольны городской управой, об'явившей слишком низкую таксу.

Стачка на Холуницких заводах интересна во многих отношениях. Этот старинный завод представлял, как и вся промыш-

[1] Дело III Отд. № 401, за 1870 г., л. 75.

[2] Мартов называет только две: в Орехове-Зуеве, о которой почти ничего неизвестно, и в Одессе—стачку извозчиков.

ленность Урала, как, напр., в Орл. губ. заводы Мальцева, тот пережиток феодального уклада, который не мирился с новыми капиталистическими отношениями [1]. Еще в 1865 г. здесь происходили волнения. Дело доходило до того, что рабочие, не получавшие заработной платы, остановили в дороге караван с железом, конфисковали его и только такой героической мерой заставили владельца Понамарева рассчитаться с ними. Положение рабочих не улучшилось, когда появился новый владелец Васгафт, рассуждавший, что рабочие, имевшие клочки земель, могут прожить и без денег. В 1871 г. перед Пасхой рабочие потребовали заработной платы. Васгафт не только отказал, но и сам убежал с завода в город. Тогда под руководством рабочего Якима Федоровича Захватнина забастовала «кричная фабрика». Человек 50 рабочих решили остановить другие цехи. Здесь выделился другой рабочий Прокопий Егорович Киселев. Начались собрания и, как водится, столкновения с начальством. В результате одного из таких столкновений Киселева с мировым посредником последний распорядился арестовать первого. Но на выручку подоспели товарищи Захватнин и Сиов, и Киселев остался на свободе. Стачка теперь охватила весь завод: 11 апреля стал плющильный цех, и обсуждался вопрос об остановке прочих цехов. Как раз в это время по распоряжению исправника был произведен арест зачинщиков. Когда вести об этом дошли до рабочих, обсуждавших свои требования на сходке, они выделили отряд, который в количестве 80 чел. ворвался во двор исправника и освободил арестованных. Раздавались крики на сходке и во дворе исправника: «Как могли взять этих людей. Почему и за что хотите отправить их в город? Мы ни за что не дадим отправить их в город». Завод был во власти рабочих до тех пор, пока начальство не согнало из окрестных деревень 50 сотских и 40 отставных солдат, которые, вооружившись и выпивши для храбрости, произвели аресты. Дело Киселева, не подчинившегося мировому посреднику, разбиралось у мирового судьи, который приговорил его к штрафу в 15 р. Понятно, жандармы и губернатор не могли на этом успокоиться. Киселев особенно мозолил им глаза, так как он, несомненно, выделялся как агитатор. Это он крикнул толпе, когда его пытались арестовать: «Эй, ребята, меня везут в правление под арест, что на это скажете?» Рабочие на это ничего не сказали, а просто освободили его.

---

[1] За недостатком места пришлось опустить всю первую часть работы, где описано положение рабочих в 70-х годах и в том числе на Мальцевских заводах.

Вятский губернатор рассуждал просто и предлагал выпороть всех виновных: и больно, и показательно, и рабочую силу сохранит. Он прямо указал, что русские рабочие не доросли до более гуманных наказаний.

Жандармы посмотрели на это дело иначе. Для них важнее всего было убить зачатки организованности в самом начале, и они так и поступили: все выделившиеся в качестве руководителей забастовки были высланы, при этом Яков Захватнин и Носырев на 3 срока, Яков Киселев на 5 лет (первый в Олонецкую, Носырев в Архангельскую губ., Киселев в Новгородскую). Были высланы, кроме того: в Архангельскую губ. Алпатов на 5 лет, Федор Захватнин и Поздеев на 2 года и Дюпин без срока; В. В. Раков и Орков на 3 года и Прокопий Киселев на 4 года в Олонецкую [1].

Почему получили такое суровое наказание Носырев и Дюпин, нам дела не видно; что же касается Василия Васильевича Ракова, то он действительно выделялся среди рабочих, и его удалось арестовать только тогда, когда исправник собрал сотских и солдат. Как видит читатель, на Холуницких заводах дело шло по старинке, так как на любом посессионном заводе старого времени: начальство, не жалея «животишек», эксплоатировало их; «животишки», уставшие терпеть, действовали миром, выбирали излюбленных людей и ждали «возмездия», как выражались полу-крестьяне, полу-рабочие Мышегского завода. «Возмездие», конечно, не заставляло себя ожидать, но здесь важно подчеркнуть, что в 70-е годы среди освобожденных крестьян-рабочих еще были живы традиции крестьянского уклада, крестьянского мира до такой степени, что даже новые отношения свои между собой, как рабочими, и владельцами завода, как капиталистами, рабочие продолжали выражать в старых, исконно-русских терминах («мирской сход» Мышегского завода).

И в других стачках жандармы искали зачинщиков; так во время стачки в Вологде они арестовали рабочих Александра Тугарина и Максима Соколова, в Одессе выслали зачинщиков в Олонецкую губ.

Стачка в Згерже 1 июня 1871 г. примечательна тем, что это была стачка солидарности. Дело началось на фабрике Литтауэра. Рабочие этой фабрики выпили пива; увидевший это сын хозяина, повидимому, оскорбил рабочих, так как вслед за посещением рабочих молодым Литтауэром 20 человек мастеров бросились к квартире хозяина. Последний вызвал президента города,

---

[1] См. дело III Отд. за 1870 г. № 64, л. 81 и др., а также статью П. Сидорова в кн. V «Архив истории труда в России», стр. 17.

и в результате 9 рабочих попали под арест. Тогда рабочие других фабрик в количестве 200 чел. из чувства солидарности поддержали товарищей, бросили работы и направились к магистрату, требуя освобождения арестованных, которые и были освобождены.

Из дела не видно, какое «возмездие» получили рабочие в Згерже, быть может, они остались и без возмездия, так как на фабрике Литтауэра могли работать и иностранные подданные, а с ними, как увидим ниже, обращаться при помощи испытанных русских способов в роде розог было неудобно.

Зато в столице российского государства с рабочими, забастовавшими на постройке музея в Соляном Городке (28 июля) у подрядчика Львова, жандармы поступили, как всегда: ни в чем неповинных рабочих отдали под суд, и мировой судья приговорил 3 к аресту на 6 недель и 6 к аресту на 4 недели [1].

В 1872 году мы могли установить 25 стачек: в январе в Устюге забастовали щетинщики Азова и Крашенникова и на Александровском заводе в Петербурге, в июне строительные рабочие в Кронштадте, в августе произошла огромная стачка на Кренгольмской мануфактуре и небольшая стачка на кирпичном заводе Немчинова в Московской губ.; в сентябре на платочно-набивной фабрике Котова в Москве и в Мальвицах на каменноугольных копях, и в ноябре в Петербурге (на Охте и за Невской заставой) в столярных мастерских Алексеева, а также крупная стачка на заводе Ушакова в Елабужском уезде Вятской губ., на Лозово-Севастопольской ж. д. и т. д.

Крупнейшей стачкой этого года, да, пожалуй, и всего десятилетия, была несомненно стачка на Кренгольмской мануфактуре, где пришли в движение более 5 тыс. человек. Стачка эта уже не раз подробно описывалась, и потому на этой стороне дела мы останавливаться не будем [2]. Остановимся на причинах стачки. Если судить только по тем требованиям, которые выдвинули рабочие, то с первого взгляда может показаться, что это — стачка, не имеющая никакого сходства со старыми русскими стачками. В самом деле, рабочие выдвинули требования: сокращение рабочего дня (начинать работу в 5½ ч. утра и иметь 1½ на обед, администрация согласилась на первое требование и предложила 1¼ вместо 1½ ч.), увеличение платы (администрация отвергла это требование), отмена штрафов за испорченные части машин и за

---

[1] См. уже цит. дело III Отд. № 64 за 1870 г., лл. 8, 9 и сл.
[2] См. М. Балабанов. Очерки, ч. II, стр. 168—175 и т. д.

выработку (администрация, хотя и с оговорками, уступила в этих пунктах), удаление фельдшера Палкина (отвергнуто), старосты Петра Сека (удовлетворено), отмены вычетов за детей, не посещающих школы (отклонено), отмены вычетов в пользу больницы и церкви (удовлетворено), удаление К. Сека, Г. Брунса и К. Пекземеги (компромиссное обещание).

Кроме того, рабочие этой фабрики были народом пришлым, крепостной зависимости у владельцев фабрики не состоявшим, своими словами, как-будто на этой фабрике дело обстояло так, что все здесь носило характер нового капиталистического предприятия. А между тем и здесь было много черт старого, еще феодального периода нашей промышленности. Начать с того, что на фабрике еще в 1872 году действовал особый устав 1857 г., по которому администрация фабрики пользовалась правами полицейской власти на манер владельцев посессионных заводов. Правда, по видимости, староста, осуществлявший эту власть, выбирался рабочими, на самом же деле он назначался управляющим. Власть же эта была очень велика: он не только мог налагать на рабочих большие штрафы (заработная плата за 10 дней), но и наказать розгами до 50 ударов и назначить арест до двух суток, судить рабочих как по уголовным, так и по гражданским делам, в случае смерти родителей назначать опекунов малолетним рабочим и т. п. Договоры с рабочими носили такой же характер. Словом, и на Кренгольмской мануфактуре рабочие находились в такой же полуфеодальной зависимости от хозяев, как в Калужской губ. у Мальцева, выпускавшего для своих крестьян-рабочих собственные деньги, как и на Холуницких заводах в Вятской губ., где рабочие были зажаты в земельные тиски актом об освобождении крестьян, как и во многих других местах.

Ясно, что рано или поздно это противоречие, этот архаизм, очень тяжело давивший рабочего, вынужденного считаться с новыми капиталистическими отношениями, должен был при малейшем поводе вызвать волнение рабочих. Повод нашелся в июле 1872 г. во время эпидемии холеры, когда ужасная смертность населения и беспомощность администрации заставляли часть рабочих требовать расчета. Не останавливаясь на деталях хода этой стачки, подчеркнем только, что ход этот, как две капли воды, похож на ход старых русских стачек 70-х годов: оставление работ, выборы уполномоченных, их хождение к начальству в Нарву, арест, приезд начальства (жандармского полковника и эстляндского губернатора) и, наконец, посылка на фабрику войск. Словом, все шло честь честью, по старинке. Но было здесь, однако,

и новое, как и во всех стачках, начиная с 1870 г.: все высшее начальство, вплоть до министров внутренних дел и финансов и даже самого царя, придавало стачке огромное значение. Специальная комиссия, составленная для рассмотрения причин стачки, признала необходимым полицейский устав фабрики отменить, изменить порядок работы детей, для обеда дать 1½ часа и т. п. Министры и царь заключение комиссии одобрили, но принудить фабрикантов к выполнению пожеланий комиссии не решились, и рабочие в общем добились немногого. Было, впрочем, и еще кое-что новое—участие самой администрации в забастовке в лице штрейкбрехеров, подкупленных управлением и стремившихся стачку сломить. Трое из этих штрейкбрехеров, правда, оказались в тюрьме, но в тюрьме же сидели и двое из тех, кого жандармы считали зачинщиками.

Щетинщики в Устюге и строительные рабочие бастовали,—первые вследствие понижения заработной платы, вторые, борясь с произвольными штрафами.

Причиной забастовки на платочно-набивной фабрике Котова в Москве было понижение заработной платы на 35%, штрафы и вычеты—за растраченный товар по 1 р. 25 к., за расчетные книжки по 25 коп. и за разбитые стекла по 11 руб. со всех рабочих. Рабочие отказались платить и 12 сентября забастовали, а хозяин за это запретил им пользоваться кухней для варки пищи. Дело разбиралось в мировом суде и кончилось не в пользу рабочих: 11 чел., не пожелавших принять условия хозяина, взяли расчет [1].

Стачка столяров в Петербурге началась 15 ноября в мастерской Алексеева на Охте. Причина стачки—низкая заработная плата. Охтенские столяры, бросив работу, двинулись в другую мастерскую за Невскую заставу и там тоже прекратили работы. Явившаяся полиция стачку прекратила, рабочие ничего не добились, трое же руководителей стачки, Григорий Леонтьев, Степан Павлов и Матвей Иванов, были высланы на родину [2].

В 1873 году мы насчитали 16 стачек [3]: в апреле на Морозовской мануфактуре, в мае 700 чел. строительных рабочих на Лозово-Севастопольской железной дороге, в июне на соляных промыслах в Баскунчаке, в ноябре на Серпуховской фабрике Коншина (200 чел.), в декабре на Серпуховской же фабрике Третьяковых и, кроме того, на приисках Сабашникова в Нерчинском

---

[1] Дело III Отд. № 64 за 1870 г., лл. 8 и 9.
[2] Дело III Отд. № 64 за 1870 г., лл. 10, 11 и 12.
[3] Из них о 12 известно и число участников.

руге, на фабрике Михина в Костроме и в Черниговской губ. на ...окуренном заводе Гриневского [1].

Из этих стачек волнения в Нерчинском округе на приисках ...ашникова, как догадывается читатель, носили характер ти... стачек дореформенного времени: рабочие, добивавшиеся ...шения условий жизни, улучшения питания и повышения за... ной платы, как водится, выбрали уполномоченных и послали ...; их там посадили в тюрьму и предложили отправиться назад ...ски; дело кончилось столкновением с надзирателем тюрь... хотя рабочих все же этапом возвратили на работы, где и ...нула стачка, носившая весьма бурный характер.

Стачка на озере Баскунчаке, судя по ее описанию в газете «...ед», носила характер все того же насилия над рабочими ...ющего Акимова, какое допускали и другие царьки на за... и промыслах «доброго старого времени». Акимов дошел до ...то что даже арестовал несколько человек и держал их голод... дней 10. Причиной стачки послужили кабальные условия ...

...е же причины вызвали и стачку на строительных работах ...во-Севастопольской железной дороги.

...ирный характер носили стачки на фабрике Коншина и Третьяковых.

На первой из них хозяин понизил расценок на 10%, и присучальщики и прядильщики стали получать вместо 12 руб.—9 руб. Кроме того, фабрикант нарушил условия, давая материал худшего качества и заставляя рабочих вносить по 2 руб. на голодающих. Даже жандармы нашли требования рабочих правильными. Стачка произошла 1 декабря, и под давлением жандармов фабрикант отменил сбор на голодающих, но главное требование рабочих об оставлении старой расценки отклонил, стачка вспыхнула снова 11, 12 и 13 декабря. В результате 100 чел. рабочих получили расчет, а жандармы взяли на замечание Захара Ефимова, Александра Селиверстова, Сергея Родинова и Прохора Дмитриева. Последнего привлекли к суду за оскорбление исправника, причем

[1] Сведения о стачках у Коншина и Третьяковых взяты нами из дела III Отд. № 64 за 1870 г., лл. 32, 33 и 34—37; о стачках на Лозово-Севаст. ж. д. в Лавровском «Вперед» за 1874 г., т. II—«Что делается на родине», стр. 123; о стачках в Баскунчаке — «Вперед» за 1875 г., № 22 и 23, стр. 720; о стачках у Сабашниковых см. В. Невский. «Очерки по истории РКП(б)», ч. I, стр. 164; что касается стачки у Михина, о ней см. у Мартова, стр. 13 названной выше работы по изд. «Книга» 1923 г.: мы о ней данных не нашли. Известия о стачке на заводе Гриневского см. «Вперед» за 1875 г. № 10, стр. 305.

оскорбление заключалось в том, что, будучи выборным от рабочих, Дмитриев на указание исправника, что за стачку угрожает ответственность, сказал: «Не повесят меня за это».

Чем окончилось дело Дмитриева, сведений нет.

Стачка у Третьяковых возникла также вследствие понижения расценок. До 1 декабря при работе в две смены была плата в 35 к. за кусок ткани (миткаля). Затем фабрикант установил одну смену, уменьшив плату до 25 к. Рабочие согласились на это, но когда хозяин при этой плате ввел снова две смены, 200 чел. рабочих забастовали (7 декабря).

Рабочие, повидимому, стачку проиграли.

Есть указания, что в июне 1873 г. в Казани бастовали рабочие на постройке порта, но какой характер она носила, сколько рабочих бастовало, неизвестно [1].

В середине 70-х годов Россия переживала жестокий промышленный кризис, усилившийся вследствие голода на Волге (в особенности в Самарской губернии). Кризис, как известно, еще более осложнившийся из-за начавшейся войны в 1877 г., сменился промышленным под'емом только к концу десятилетия. Вследствие этих обстоятельств с 1874 года начинается сокращение производства, расчет рабочих и наступление капиталистов на пролетариат: сокращение платы, увеличение штрафов, удлинение рабочего дня, задержка заработной платы.

В соответствии с таким положением дел начинаются и оборонительные стачки рабочих, и число их возрастает. Действительно, в 1874 г. мы насчитали 20 стачек, в 1875—23 и в 1876—25.

Дабы не утомлять читателя, мы не будем подробно описывать каждую стачку, тем более, что все они перечислены в прилагаемой сводной таблице (табл. I), но на некоторых из них все же остановиться необходимо.

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что в число борцов вступают металлисты: в 1874 году бастуют рабочие гвоздильного завода в Ландварове (безуспешно), рабочие мастерских Николаевской жел. дор., завод Юза и Семянниковский завод. Затем в движение вступают и еще новые слои рабочих: рабочие винокуренных заводов, кожевники, химики, стеклянщики, рабочие свеклосахарного завода.

Мы не имеем исчерпывающих данных, чтобы судить, какой характер носили стачки среди только-что перечисленных категорий рабочих; данные эти больше литературного свойства, перво

---

[1] Дело Департ. Полиц. Исполнит. III Отд. 1 ст., № 158, за 1873 г., л. 1.

источников обо всех этих стачках у нас в руках нет, но, что в большинстве случаев стачки эти имели все черты примитивных протестов,—это почти несомненно, судя по тому, что мы находим, например, о стачке гвоздильщиков в Ландварове. «Рабочие слишком теперь забиты,—говорят сообщения об этой стачке,—слишком заели их теперь нужда и работа, чтобы обладать достаточною энергией потягаться с хозяином, хотя тот лишил их недавно обычных там праздничных подарков и понизил заработную плату части рабочих. Сохранилась еще в некотором роде бодрость духа только у молодых рабочих» [1].

Ожидать бодрости духа от кожевников или рабочих на винокуренных заводах во время кризиса 70-х годов тоже едва ли возможно.

Необходимо только отметить в высокой степени любопытный случай стачки на свеклосахарном заводе Горецкого в Борисовке [2]. Здесь 18 июня 1874 г. рабочие-крестьяне, работавшие на свекловичных плантациях, внезапно стали требовать расчета. По выяснении дела оказалось, что причиною оставления работы послужили речи какого-то молодого агитатора, так и не разысканного жандармами. Он между прочим говорил: «Бросайте работы у панов, а кто останется, тот будет записан в панские люди; кроме того, приедет становой, запишет тех, кто будет на работах, и взыщет штраф за первый день 5 руб., за второй—10 руб., а за третий—25 руб.». Совместными усилиями жандармов и администрации завода удалось убедить рабочих остаться на заводе.

Господство старых феодально-крепостнических отношений очень хорошо видно на стачке рабочих химического завода в Елабужском уезде в июне 1874 г. Здесь находились два завода, Кокшанский и Бандюжский. Тяжелые условия работы, плохое продовольствие и прямо нищенская заработная плата (5 р. 80 к. в месяц) заставили рабочих потребовать расчета; администрация отказала, так как летом в страдную пору рабочих найти было трудно. Тогда рабочие под воздействием агитатора, уже сидевшего за стачку в тюрьме, Леонтия Петровича Баранова (ему помогали убеждать рабочих Федор Кузьмин, Прокопий Михайлов, Нефед Потанин), в количестве 33 человек бежали в Елабугу (2 июня), а на следующий день за ними ушли еще 12 человек. В Елабуге всех этих 45 человек беглецов арестовали. Так дело шло на Кокшанском заводе; так же протекали события и на Бандюжском заводе.

---

[1] «Вперед» за 1875 г. № 24 от 31 дек., стр. 754.
[2] Дело III Отд. № 70 за 1874 г., л. 104.

Здесь в качестве руководителей стачки выделились Осип Антипов, Василий Куликов, Григорий Егоров и солдат Егор Макаров.

С этого завода еще 30 мая бежало 30 человек. Чтобы пресечь в корне «зло», губернатор выслал пять человек: Баранова в Архангельскую губ. на 1 год, Кузьмина и Михайлова в г. Слободской на 2 мес., Потанина и Судейкина в г. Глазов на 2 мес. (большинство рабочих пришли из волжских губерний, и Глазов для них казался севером). Этой «мягкой» мерой надеялись заставить остальных рабочих остаться на заводе, а для того, чтобы они не сбежали, их, «свободных» продавцов своей рабочей силы (в количестве 40 чел.), под конвоем отправили на завод. Но двое рабочих этой партии, Николай Кучкин и Петр Крапивин, заявили уже при отправке, что и сами они работать не будут и других будут подговаривать бросить работы. «Агитаторов» арестовали, а остальную партию отправили на заводы. Но 5 июня снова бежало 22 человека с Кокшанского завода и 10 человек с Бандюжского. Беглецов снова настигли и снова под конвоем отправили на завод, где почти не осталось рабочих, которые бежали поодиночке [1].

Не правда ли, только-что набросанная картина напоминает эпизоды из невольничества в Америке или, что гораздо вернее, из времен совсем недавнего русского прошлого крепостной России, когда крестьян, не желавших переселяться и бежавших с новых мест, помещик силой возвращал обратно?

Эти остатки недавнего прошлого охотно принимались даже в тех местах и теми хозяевами, где, казалось бы, о крепостном праве позабыли совсем. В том же 1874 году, летом же (6 июля 1874 г.), произошла стачка в Або, на строящейся Або-Тавастгусской железной дороге. Рабочие были русские крестьяне, а подрядчик просвещенный финн, клявший русских варваров.

«Русские варвары», однако, потребовали уплаты заработных денег за 2 месяца, задержанных подрядчиком. Просвещенный финн обратился тогда за содействием к властям самодержавного губернатора, и власть заставила 84 чел. остаться на работах, а 22 чел., упрямо не желавших работать, отправили в Петербург, где их уже столичное начальство, как бунтовщиков, выслало на родину [2].

В высшей степени бурный характер носили волнения на заводе Юза в апреле 1874 г. и два раза в мае и июне 1875 г. [3].

---

[1] Дело III Отд. № 70 за 1874 г., лл. 94—98.

[2] Дело III Отд. «О стачках рабочих на фабриках и заводах», за 1874—76 гг., № 70, лл. 87—89.

[3] Чтобы не было в дальнейшем никаких недоразумений, считаем необходимым раз'яснить, что у нас дан перечень стачек и «волнений», ко-

Подробно на этих волнениях останавливаться нет смысла, так как они уже рассказаны несколько раз; стоит только подчеркнуть и здесь этот стихийный характер движения, свойственный 70-м годам, и полуфеодальные отношения, царившие даже на этом крупном металлургическом заводе [1]. В особенности резко эти полуфеодальные черты проявились во время волнений в 1875 г., когда рабочие каменноугольных копей, принадлежавших тому же «просвещенному мореплавателю» Юзу, пришли просить о прибавке, и желая вернее добиться успеха, пытались склонить на свою сторону заводских вальцовщиков. «Управление завода узнало о попытке каменноугольщиков, тотчас выкатило несколько бочек водки вальцовщикам, перепоило их и посредством различных речей и обещаний успело восстановить захмелевших рабочих против их товарищей каменноугольщиков. Когда последние громадной толпой и без всякого оружия направились к заводу для переговоров с вальцовщиками, последние встретили их с железными прутьями в руках под предводительством служащих на заводе англичан. Каменноугольщики, видя полную невозможность бороться с вооруженными вальцовщиками, бросились бежать от них. Версты 1½ вальцовщики преследовали стачечников, потом остановились, одни—как бы устыдившись своего дела, другие—по причине полного охмеления. Тогда англичане сели на лошадей и продолжали дальнейшее преследование. Толпа рассыпалась по степи, так что англичане настигали рабочих поодиночке; поймав рабочего, они били его какими-то железными шарами (по словам рабочих) наподобие кистеней» [2].

Нужно сказать, что все это проделывалось на глазах сына заводчика Юза (оставшегося, конечно, безнаказанным,—жандармы не могли же считать его «зачинщиком»), и, право, не знаешь,

---

торые по сути дела мало чем отличаются во многих случаях от стачек, официальные документы сплошь и рядом стачки называют волнениями и наоборот, руководствуясь определением закона, что стачка имеет целью по заранее обусловленному уговору рабочих добиваться от хозяина изменения условий труда и т. п. Но в стачках 70-х годов сплошь и рядом невозможно отличить, где были уговор и руководитель, а где их не было. Далее, трудно отрицать, что остановка работ, напр., на Семянниковском заводе хотя бы на час, вследствие волнений, не была тем признаком, который между прочим характеризует и стачку.

[1] См. Г. Новополин. Из истории рабочего движения 1880—1903 года. «Летопись революции» 1923 г., № 2, Укр. изд.; В. Невский. Очерки по истории РКП(б), ч. I, изд. 2, стр. 166, и «Вперед» за 1875 г. № 12, стр. 372—373.

[2] «Вперед» за 1875 г. № 12, стр. 373, «Из Бахмута». Рассказ этот подтверждается документально, см. Г. Новополин.

кто представляется более варварским феодалом—вятский ли губернатор, отправляющий насильно обратно бежавших с завода рабочих, или «просвещенный» Юз, допускающий и способствующий избиению ни в чем неповинных рабочих.

Но что же говорить о юзовских вальцовщиках, если механические рабочие одного из крупнейших заводов столицы, Семянниковского, в мае 1875 г. во время задержки платы выбили стекла. (Волнения на Семянниковском происходили в 1874 и 1875 годах.)

Правда, это явление—задержка платы—было настолько обычным, что не только семянниковские рабочие, но и сами ангелы должны были выйти из терпения; однако, самодержавное правительство пришло на помощь капиталистам и выслало против них казаков, а зачинщиков предало суду. Даже царский окружной суд, впрочем, приговорил только двух рабочих к 3-недельному аресту (Лазарев и Тихонов оправданы, а Васильев и Стольберг получили по 3 недели ареста) [1].

Стачка 102 извозчиков из 107 в Выборге (от 22 по 24 мая 1874 г.) примечательна в том отношении, что здесь в качестве хозяина, как и в других аналогичных случаях, против стачечников выступал коллективный буржуа, городская управа, или магистрат: причиною стачки послужило стеснительное распоряжение о ежедневном дежурстве 25 извозчиков у вокзала (за уклонение штраф 10 марок) [2].

Стоит остановиться еще на одной стачке 1874 г.: она характерна по тем приемам, какие употребляли рабочие, чтобы поддержать солидарность бастовавших. В ноябре на Далматовской фабрике Зубкова в Кинешемском уезде Костромской губ. забастовали 75 ткачей. Причиною стачки было понижение заработной платы англичанином Ворсвиком,—с 50 коп. до 39 коп. за кусок ткани в 70 аршин и 29 коп. за кусок меньшего размера. Организатором стачки оказался Евстрат Игнатьев, а его помощниками Никита Петров и Федор Васильев. Игнатьев уговаривал отправляться для переговоров с хозяином; он же, когда хозяин отказал в прибавке, уговаривал рабочих требовать расчета; он же придумал такое средство действовать солидарно: всем участникам стачки отдать свое верхнее платье на руки Петрову, который спрячет его под замок; в случае хозяин тулупа или поддевки потребует расчета, он получает свое платье; в случае же кто-либо остается на фабрике и таким манером срывает стачку, забастов-

---

[1] Дело III Отд. № 70, за 1874 г., лл. 122—127.

[2] Дело III Отд. № 67, лл. 14—18.—«Сведения из великого княжества Финляндского» за 1874 г.

вники берут его платье и пропивают. Рабочие получили расчет, а Игнатьев попал в тюрьму [1].

Мы имеем сведения о мирной и успешно окончившейся стачке 600 человек рабочих на фабрике Шибаева (Богородского у. Московской губ.) 24 апреля 1874 г.: рабочим удалось повысить заработную плату [2].

Нам почти ничего неизвестно о стачке на фабрике Баранова Александрове и Ермакова в В.-Волочке, на заводе Зиновьева в Царскосельском у., на заводах Демидова и некоторых других, более мелких, так что их приходится только регистрировать.

В следующем 1875 году наступление капитала еще более способствовало развитию движения; мы насчитали в этом году 25 стачек и волнений. О волнениях на Семянниковском и Юзовском заводе говорилось уже выше, но металлисты бастовали в этом году еще на двух заводах: на заводе Беллино-Фендерих в Одессе в феврале и на чугунолитейном заводе Несслера и Путиловском в Петербурге.

Стачка на первом из этих заводов представляет интерес в том отношении, что хотя она и была проиграна рабочими, но проводилась вполне организованно и, как теперь хорошо известно, под руководством социалистической рабочей организации Е. О. Заславского, «Южно-российского союза рабочих» [3].

Правительство обратило на эту стачку особенное внимание, заполнило завод полицией, несмотря на то, что рабочие вели себя удивительно выдержанно. Причиной стачки было понижение заработной платы на 15%. Стачка на заводе Несслера на Выборгской стороне 18 ноября 1875 г. была вызвана увеличением штрафов за прогульные дни, в размере двухдневной поденной платы. Стачка кончилась арестом 3 человек [4].

Крупнейшей стачкой в текстильной промышленности в этом году, несомненно, была стачка на фабрике Н. Коншина в Серпухове 25 июня. Причина стачки—уменьшение заработной платы и распоряжение о работе в праздник до 6 час. утра. Рабочие жаловались, что они не могут сходить даже в церковь. Уменьшение же заработной платы выразилось в том, что при старых расценках администрация требовала выработки куска миткаля на 3—4 арш.

[1] Дело III Отд. № 70 за 1874 г., л. 117.

[2] См. об этой стачке интересное сообщение у М. Балабанова («Очерки», т. II, стр. 175), а также Архив б. Мин. Вн. Дел. Департ. Пол., отд. III, стол 1, № 120, за 1874 г.

[3] См. В. Невский. Очерки по истории РКП(б), т. I, изд. 2-е, 1925 г.

[4] Дело 3 Эксп. III Отд. с. е. и. в. канц. № 32, за 1875 г., л. 206, и II секр. архив, секр. свед. в пакетах за 1875 г. № Б/58.

длиннее [1]. Стачка длилась два дня, рабочие вели себя довольно решительно, ходили по городу с песнями, а около дачи Коншина собирались толпами и, как говорит донесение жандармов, «водили хороводы». В Серпухов прискакал генерал-губернатор, князь Долгоруков, и, собравши рабочих, держал к ним речь о вреде стачки, уверяя, что и без стачки Коншин отменит распоряжение о работе в праздники.

Однако, главного требования рабочих о заработной плате, о ее неснижении, Коншин не удовлетворил. Жандармы, кроме того, нашли и зачинщиков: Измаила Кудинова, которого выслали в Вологодскую губернию, и Ивана Балашова, которого отправили в Кострому. Наметили они еще и третью жертву, рядового Никифора Макушина, но, повидимому, роль его была не ясна и самим жандармам, потому что в деле нет упоминаний о его дальнейшей судьбе. По окончании стачки рабочие отслужили молебен, явление не редкое в рабочем движении (московские рабочие, в губернии, даже по окончании забастовки в январе 1905 г. служили молебен).

Неудачно окончилась стачка и на шелковой фабрике Лезерсона в Богородском у. Московской губ. в декабре 1875 г. Здесь тоже причиной стачки послужило понижение заработной платы. Хотя управляющий фабрики А. Альтман немного плату увеличил, рабочие не удовлетворились и подали жалобу судье. Мировой судья жалобу принять отказался, мотивируя свое решение тем, что он может разбирать только устные жалобы, каждого рабочего отдельно, а не коллективное ходатайство. Рабочие послали жалобу губернатору, но и тот стал на сторону фабриканта. Тогда большинство рабочих вышло на работу, а 11 человек, самых решительных протестантов, получили расчет [2].

Большая забастовка строительных рабочих на Оренбургской железной дороге в мае 1875 г. (800 чел.) носила все те же безобразные черты крепостнического государства, когда его представители—помещик и капиталист—расправляются со «свободными» рабочими, как с крепостными.

На постройке этой железнодорожной линии, как на постройке вообще всех дорог, царили поистине крепостные порядки; и здесь отвратительные условия жизни, плохая пища, штрафы и задержка платы довели рабочих до протеста. Стачка кончилась не только поражением рабочих, но и применением розог к стачечникам и высылкой 15 человек в Архангельскую губернию [3].

[1] Дело 3 Эксп. III Отд. за 1875 г., лл. 92—97 и 105—109.
[2] Дело 3 Эксп. III Отд. № 50 за 1875 г., ч. 2, л. 6.
[3] Дело Департ. Пол. III Отд. № 158 за 1875 г., л. 1—3, и Мартов, стр. 13.

Есть сведения еще о стачках на табачных фабриках в Одессе и Кременчуге и еще в каком-то южном городе, но что это за стачки, какой характер носили они, какие требования выдвинули рабочие,—данных в нашем распоряжении не имеется [1]. Впрочем, об одной из стачек, на табачной фабрике Дурунча и Шишмана в Вильно, сведения имеются, хотя и очень краткие. «Кройщики фабрики караимов Дурунча и Шишмана в Вильне уговорились между собою составить стачку, чтобы принудить хозяина изменить предпринятые неблагоприятные условия и повысить заработную плату. Главное, напирали на недостаточное доставление им работы, которое уже одно уменьшает наполовину и более их доходы без всякой пользы для хозяина. Но предвидя невозможность действовать одним, они уговорились с кройщиками остальных фабрик, чтобы никто из них не согласился работать для их фабрикантов во все продолжение стачки, а в случае их успеха и другие фабриканты вынуждены будут быть справедливее к своим рабочим. За кройщиками стали и другие рабочие. Открылась агитация табачных фабрик вообще, для заявления и своих требований, когда стачка мастеров окончится благополучно. Между прочим, рабочие постановили протестовать против бесчеловечного обращения с их товарищами девушками, и потребовать, чтобы рабочая касса перешла в ведение выборных из среды рабочих же, без всякого вмешательства со стороны фабрикантов» [2]. Мы с намерением привели эту длинную выдержку из прекрасной статьи в Ларинском журнале «Вперед» о положении рабочих в Западном крае, чтобы показать, насколько уже в 70-е годы организованнее русского было польско-еврейское рабочее движение: кассы взаимопомощи, сознание своей товарищеской солидарности, стойкость и сознательность только и могут создать такую подготовку к стачке, какая только-что описана, и если стачка все же была проиграна, то только потому, что на помощь еврейской буржуазии пришло русское самодержавие.

О забастовках на фабрике Моэса и Шимана нет почти никаких данных, если не считать кратких сообщений, что стачки эти были проиграны рабочими [3].

Точно так же о стачках строительных рабочих в Петербурге можно сказать только одно, что они происходили часто и проте-

[1] «Вперед» № 23 за 1875 г., стр. 726.

[2] Дело 3 Эксп. III Отд. № 64, за 1870 г., ч. I, л. 168—169.

[3] См. В. Невский. Очерки по истории РКП(б), ч. I, изд. 2-е, стр. 183, и изд. Центрархива «Южно-русские рабочие союзы», а также «Вперед» за 1875 г. № 20, стр. 929.

кали мирно. По крайней мере об этом имеются официальные указания властей, не склонных в данном случае преувеличивать факты. Судя же по тому, что в 1875 г. одних плотников и каменщиков в Петербурге собралось 600 артелей, включавших до 30 тыс человек, и что условия их работы и платы были далеко не удовлетворительны, можно согласиться с утверждением жандармов, что в течение строительного сезона плотники и каменщики устраивали стачки, требуя повышения платы, и уходили с работ.

В истории забастовочного движения 70-х годов 1875—76-е годы приходится считать исключительными, так как большинство бастующих, что нам удалось выяснить, за эти годы приходится на механическое производство, чего нельзя сказать о всем десятилетии. В самом деле, из 25 стачек и волнений 1876 года, что удалось установить, восемь—это стачки и волнения металлистов, при этом в Петербурге и на таких гигантах, как Александровский и Путиловский заводы. Эти заводы того периода нельзя, конечно, сравнить с заводами в их нынешнем виде, но все же это были крупнейшие заводы и тогда, и хотя мы не знаем точного числа бастовавших на некоторых из этих предприятий, можно, однако, безошибочно утверждать, что более 6 тыс. механических рабочих в 1875—76-х годах в движении участвовало.

Кризис затронул, в конце концов, и эти заводы, где рабочие по условиям своего производства находились в значительно лучших условиях, чем на фабриках. Действительно, рассматривая причины стачек 1876 года, мы видим, что в большинстве случаев (60,8% всех стачек и 52,92% бастовавших) это было понижение заработной платы, увеличение штрафов, задержка жалованья (8,8% стачек и 5,27% участвовавших) и т. д.

Стачка в Александровском заводе вспыхнула 7 января. Управляющий Пратт ввел новые правила, суть которых сводилась к следующему: 1) рабочие не получали заработной платы за время болезни, 2) увечье рабочего по вине завода не оплачивалось, 3) бесплатный проезд по железным дорогам отменяется, и 4) уничтожается поштучная задельная плата, а все мастеровые переводятся на жалованье. Это на деле было очень большое понижение заработной платы. Завод остановился. Первоначально переговоры ни к чему не привели, завод не работал и 8 января. После переговоров с выборными от рабочих, Пратт сделал частичные уступки, отменив распоряжение об уничтожении поштучной платы и об'явив, что впредь оплата будет вводиться по соглашению с мастерами.

Завод пошел, но забастовка вызвала аресты зачинщиков: Михаила Петровича Евстигнеева, Федора Кирилловича Дроздова, Ва-

сылия Петрова, Алексея Агафонова и Александра Тимофеева. Среди этих имен мы не встречаем членов тогдашних руководящих революционных кружков, но можно с уверенностью сказать, что рабочие эти с социалистическими организациями связаны были: на Александровском заводе, как и везде за Невской заставой, пропаганда была поставлена хорошо [1].

В феврале произошла забастовка на механическом заводе Полькопа, Рау и Левенштейна в Варшаве: 160 человек котельного цеха в виду задержки жалованья требовали выдачи заработной платы за месяц вперед. Забастовка была проиграна, но пострадал ли кто за эту стачку—сведений не имеется [2].

В феврале же (27 числа) бастовал и завод Берда. Причиной забастовки была задержка платы и вообще неаккуратная расплата. Пострадавших за эту забастовку установить не удалось [3].

В марте происходила забастовка на Мышегском заводе в Таруском уезде Калужской губ.—Хрущевой. И здесь поводом к забастовке, насколько можно судить по имеющимся данным, было понижение заработной платы, но истинная причина стачки находилась, как мы знаем, глубже. Здесь еще вполне царил тот феодальный режим, который юридически освобожденного заводского крестьянина на деле оставлял все же закрепощенным человеком, как и до 1861 г. [4].

Летом (26 июня) пришли в движение рабочие Путиловского завода, остановившие завод вечером. Причина и здесь была задержка платы рабочим и служащим; последние (конторщики, техники и служащие) не получали жалованья 3 месяца. Рабочие собрались на дворе, к ним вышел сам Путилов и об'яснил, что завод находится в затруднительном положении, дал обещание, что жалованье будет выплачено немедленно [5].

Настроение среди рабочих было повышенное,—как раз за четыре дня до этой стачки на Охтенском пороховом заводе в призматическом отделении вследствие непредусмотрительности администрации произошел взрыв, во время которого было убито 7 человек и 6 ранено. При малейшем нажиме на рабочих можно было ожидать осложнений, и этим, вероятно, да еще кратковременно-

[1] Дело III Отд. № 10, за 1876 г., лл. 4—13.
[2] Дело III Отд. № 25, л. 8.—«Сведения по Варш. губ.» за 1876 г.
[3] Дело III Отд. № 10, л. 43.—«Сведения по Пет. губ.» за 1876 г.
[4] Нам кажется непонятным, почему Балабанов не подчеркнул именно этого крепостнического характера отношений на заводе. Кстати т. Балабанов называет завод почему-то Мышкинским, когда в действительности он назывался Мышегским (Мартов называет его Мышагским).
[5] Дело III Отд. № 10, л. 125.—«Сведения по Петерб. губ.» за 1876 г.

стью стачки об'ясняется, что жандармы не искали на этот раз виновников [1].

В конце лета, в августе 1876 г., произошли волнения и в далекой Сибири, на железоделательном Абакинском заводе Пермикина, Енисейской губ. Причина была все та же—задержка жалованья. Впрочем, здесь присоединились еще особые условия: отсутствие продовольствия и сырых материалов. Рабочие волновались, указывая на невыносимо тяжелые условия жизни и на то, что отсутствие сырья угрожает им безработицей. Губернатор оказал давление на администрацию, и волнения повидимому, кончились мирно, без последствий для рабочих [2]. В сентябре произошли волнения на Сормовском заводе. Бастовало 500 человек по поводу понижения заработной платы. Волнения закончились битьем стекол в заводе, но плата все же была уменьшена, и рабочие ничего не добились [3]. 2 октября 1876 г. произошли новые волнения на Путиловском заводе: не работали от 7 до 9 час. вечера сталелитейный и старочугунный цехи в количестве 500 человек. Дело дошло и здесь до битья стекол. Причина стачки все та же: неуплата жалованья за сентябрь. В результате волнений жалованье выплатили [4].

В текстильном производстве стачки происходили: в феврале на фабрике Кнорре в Петербурге, на фабрике Максвеля 28 февраля, 1 марта на фабрике Саввы Морозова, на фабрике Скороспелова в Богородском у. Московской губ. 22 марта и опять в В.-Волочке на фабрике Ермакова.

На ситцевой фабрике Кнорре за Невской заставой рабочие устроили стачку все по той же причине—понижение заработной платы и задержки в выплате: 6 февраля рабочие в количестве 100 человек направились в город к мировому судье; в дело, конечно, вмешалась полиция. Мировой суд решением 28 февраля иск рабочих признал правильным, и рабочие получили исполнительные листы [5].

Фабрика Максвеля забастовала 26 февраля 1876 года [6]. Причины забастовки очень хорошо рассказаны, правда, не по поводу этой стачки, а вообще, в корреспонденции в газете «Вперед» и сводились в данном случае к тому, что Максвель делал вычеты за квартиру по 25 коп. с человека в месяц даже с тех рабочих, ко-

---

[1] Дело III Отд. № 10, л. 120.—«Сведения по Петерб. губ.» за 1876 г.
[2] Дело III Отд. № 132, л. 22.—Сведения по Енис. губ. за 1876 год.
[3] Дело III Отд. № 81, л. 37.—«Сведения по Нижегор. губ.» за 1876 г.
[4] Дело III Отд. № 10, л. 161—«Сведения по Петерб. губ.» за 1876 г.
[5] Дело III Отд. № 10, л. 51.—«Сведения по Петерб. губ.» за 1876 г.
[6] Дело III Отд. № 10, л. 67.—«Сведения по Петерб. губ.» за 1876 г.

тов ые не жили в его домах, построенных под рабочие казармы [1]. Рабочие на этот раз добились успеха, и 19 марта Масквель деньги, украденные у рабочих, возвратил им.

На фабрике Морозова Саввы в с. Никольском стачка произошла 1 марта 1876 г. и закончилась 2 числа, когда вследствие вмешательства губернатора и жандармов рабочим пришлось стать на работу на старых условиях. Причиной стачки были те же чрезмерные штрафы, бесподобную характеристику которых словами жандарма мы привели выше. В данном случае был об'явлен штраф за мягкие початки от 25 до 50 коп., в то время как в условиях найма о штрафах вообще ничего не говорилось. Рабочие в количестве 540 чел. в 9 час. утра 1 марта бросили работы; на фабрику приехали губернатор и жандармы, но рабочие вели себя смирно, и властям пришлось, несмотря на явную эксплоатацию и грабеж Морозовым рабочих, убеждать последних стать на работы. Большинство рабочих согласилось стать по-старому, а часть все же предпочла взять расчет [2].

Небольшая стачка (22 марта 1876 г.) на фабрике Скороспелова Богородского у. Московской губ., особенно интересна по своим вопиющим причинам: 336 ткачей не вынесли явного грабежа и издевательства фабриканта и потребовали отмены штрафов. А грабеж и издевательства были, действительно, из ряда вон выходящие: фабрикант вычитал с рабочих за разницу в материале, даваемом рабочему и получаемом от него после обработки, при чем совершенно сознательно конторой заносился провес из книжек рассчитанных рабочих в книжки рабочих работающих. Несмотря, однако, на это явно уголовное дело, рабочие стачку проиграли и получили расчет [3].

Характерна стачка (в июне 1876 г.) и на торфяниках Рабенека в Богородском же уезде, где работали главным образом пришлые крестьяне. По вине хозяина рабочие за отсутствием инструментов с 9 по 26 мая сидели в холоде, сырости и не имея продовольствия, без работы; когда же они потребовали за это время плату, Рабенек им отказал, доказывая, что инструменты имелись и что работе мешал дождь. Рабочие обратились к мировому судье, его не оказалось на месте; они отправились в Москву с жалобой к обер-полицеймейстеру. Результат был, какой и следовало ожи-

[1] «Вперед» № 8, за 1875 г., стр. 239.
[2] Дело III Отд. № 39, лл. 15, 16, 17, 18.—«Сведения по Влад. губ.» за 1876 г.
[3] Дело III Отд. № 53, лл. 45 — 47. —«Сведения по Московской губ.» за 1876 г.

дать от начальства: рабочих без денег этапным порядком отправили на родину [1].

Строительные рабочие тоже бастовали в 1876 году. На постройке Поти-Тифлисской железной дороги царили такие же порядки, как и на постройках других дорог: невыносимые условия жизни, плохое питание, непомерно-длинный рабочий день, штрафы, побои и, кроме всего этого задержка заработной платы. Все это и явилось причиной стачки [2].

Наконец, в этом же году бастовали и рабочие угольных копей в Польше, в Домброве, на руднике «Кошелево», принадлежавшем французско-итальянскому банку, к которому копи перешли недавно. Причиной стачки послужило уменьшение заработной платы и отказ выплатить заработную плату некоторым категориям рабочих. Рабочие стачку выиграли [3].

Следующий 1877 год стачками не богат, мы имеем сведения только о 8 стачках: в Западном крае, на Пермской жел. дор., на Добринской суконной фабрике Гродненской губ., о стачке ткачей в Белостоке и о беспорядках на сахарном заводе в Киевской губ. Кроме того, известны еще волнения в октябре на Путиловском и других механических заводах Петербурга [4].

Добринская суконная фабрика Якоби и Риберта в конце 1877 г. понизила заработную плату; в ответ 24 ноября суконщики устроили стачку. Стачка окончилась поражением рабочих, но она примечательна тем, что ее руководителями, к величайшему неудовольствию жандармов, оказались иностранно-подданные рабочие, английский подданный И. В. Брандшуа и прусский подданный Ф. В. Клят. Им, конечно, с фабрики пришлось уйти, но каково же было негодование губернатора, когда он узнал, что оба крамольника снова поступили на фабрики в Белостоке. Однако, с подданным «ее величества королевы Великобритании» обращаться так, как с русским «быдлом», было нельзя [5].

О второй стачке в Белостоке сведений в нашем распоряжении нет, но, по словам Мартова, ткачи, боровшиеся за повышение заработной платы, стачку выиграли.

[1] Дело III Отд. № 53, лл. 65—66. — «Сведения по Московской губ. за 1876 г.

[2] «Вперед» за 1876 г. № 37, стр. 452.

[3] Дело III Отд. № 49, л. 68.—«Сведения по Петроковск. губ.» за 1876 г.

[4] Дело 3 Эксп. III Отд. за 1877 г., № 2, л. 94—95.

[5] Дело III Отд. № 18, лл. 53—56. — «Сведения по Гродненск. губ. за 1878 год.

Несомненно, в 1877 году стачек было не восемь, а больше, но их было все же меньше, чем в 1876 и чем в следующих 1878 и 1879 годах. Это находит свое об'яснение в том факте, что об'явление войны сопровождалось таким зажимом внутри страны, что рабочим не было никакой возможности выявить свой протест, тем более, что полиция усердно занималась подогреванием патриотических чувств и старалась давлениеем на хозяев приостановить движение рабочих.

Решительно во всех донесениях жандармов и губернаторов за 1877 г. в III Отделение подчеркивается патриотическое настроение населения и спокойствие. Что это спокойствие поддерживалось искусственно, не подлежит сомнению, но что об'явление войны и вызванный этим режим оказали влияние на внезапное уменьшение стачек, это также не подлежит сомнению.

Война принесла большие затруднения русскому хозяйству, несмотря на промышленное оживление, которое началось с 1878 г.: фабриканты попрежнему нажимают на рабочих, и стачки с новой силой вспыхивают в 1878 году.

В этом году произошло, по нашему подсчету, 30 стачек. Не останавливаясь на стачках, описанных Плехановым, скажем несколько слов о некоторых других неизвестных или мало известных случаях рабочего движения этого года.

В марте произошла стачка в Кнышине Гродненской губ.; бастовали 105 чел. 8 маленьких фабрик вследствие понижения заработной платы с 23 коп. до 18 коп. за аршин ткани [1].

В конце марта (27-го) в Москве забастовали 212 чел. фабрики Простакова. Причиною забастовки послужил вычет 10% из заработной платы за продукты, взятые рабочими из фабричной лавки. Рабочие подали жалобу в мировой суд, но судья в иске отказал за неподсудностью. Рабочие стачку проиграли [2].

В мае (22-го) рабочий Мельцер фабрики Аунерт в местечке Супресле избил хозяина за неправильный расчет. Мельцера арестовали, тогда и все остальные рабочие бросили работу, требуя освобождения арестованного. Забастовка продолжалась до 28 мая [3].

Довольно бурная и успешная стачка происходила в Московском у. 18—19 июля на фабрике Третьяковых. Причиной стачки было распоряжение управляющего фабрикой Бала о понижении расценки с 20 коп. до 17 коп. с пуда. Рабочие частично остановили работу и направили депутатов к Балу. Тот отказался удовлетво-

---

[1] Дело III Отд. № 18, лл. 53—56.—«Сведения по Гродненск. губ.» за 1878 год.

[2] Дело III Отд. № 40, л. 38.—«Сведения по Моск. губ.» за 1878—79 г.

[3] Дело III Отд. № 40, л. 38.—«Сведения по Моск. губ.» за 1878—79 г.

рить требование рабочих и вывесил об этом об'явление. Тогда забастовали все 1 500 чел., и началось битье стекол в здании фабрики. После переговоров рабочих с хозяином Третьяковым расценки были оставлены прежние. Такая уступчивость фабриканта об'ясняется тем, что и при прежних расценках эксплоатация на фабрике была очень велика: даже жандарм в своем донесении об этой стачке характеризует Бала, как человека, который «бесчестно эксплоатировал рабочих» [1].

Забастовка 2 500 человек 1 августа 1878 года на фабрике Н. Коншина в Серпухове была начата 30 ткачами в виде протеста против работы в праздники, в то время как на других фабриках в праздники не работали. Стачка интересна в том отношении, что ткачи организовали группы, которые не пускали слабых и запуганных рабочих, особенно женщин, желавших работать. Дело и здесь дошло до битья стекол в фабричных корпусах. Администрация согласилась работу в праздники не производить, но дело ткачей разбиралось в мировом суде [2].

Причиной другой забастовки в августе 1878 г. в Костроме на механическом заводе Шикова (19—21 авг.) послужила задержка заработной платы и, главное, понижение ее [3]. Жалованье выдали, но повышения платы рабочие не добились.

В августе же бастовали рабочие Московско-Курской железной дороги в Москве и рабочие завода Курикова в Петербурге [4]. К сожалению, о характере этих забастовок ничего неизвестно.

Осенью и зимой происходили стачки: в Гродненской губ. на фабрике Комшау и Филипп 389 чел., требовали повышения заработной платы, стачку выиграли [5]; грузчики бастовали в Одессе [6]; строительные рабочие на Боровичской железной дороге по поводу задержки платы [6]; стачка на фабрике Кенига в Петербурге, о ней пишет Плеханов; в Белостоке на фабрике Розенталя бастовало 9 чел., требуя повышения заработной платы [7] и в булочной Высгалковского в Варшаве 3 чел. [8]. Только

---

[1] Дело III Отд. № 40, л. 38.—«Сведения по Моск. губ.» за 1878—79 гг.
[2] Дело III Отд. № 40, л. 39.—«Сведения по Моск. губ.» за 1878 г.
[3] Дело III Отд. № 17, л. 15.—«Сведения по Костр. губ.» за 1878—79 гг.
[4] Мартов называет фамилию заводчика «Курикин», это явная описка: в Петербурге за Московской заставой находились заводы Курикова,—кожевенный и механический, и на них-то и происходила стачка.
[5] Дело III Отд. № 18, л. 53.—«Сведения по Гродн. губ.» за 1878 г.
[6] «Набат» за 1878 г. «Корреспонд.», стр. 47.
[7] Дело III Отд. № 18, лл. 53 — 56.—«Сведения по Гродн. губ.» за 1878 г.
[8] Дело III Отд. № 336 за 1878—79 гг., лл. 34—85.

чел. Розенталя стачку выиграли. Рабочие на фабрике Розента- протестовали и против введения расчетных книжек, причем бочие одной фабрики поддерживали рабочих другой. Стачка, видимому, захватила большое число рабочих, так как в доку- нтах имеется указание, что рабочие Розенталя побили стекла фабрике Трускера, пытаясь, вероятно, снять с работы своих варищей. Нужно иметь в виду, что таких «фабрик», как Розен- ля (15 чел. рабочих) и Трускера (11 чел.), в суконном и вообще ерстяном производстве Гродненской губ. были сотни (в округе Белостока), и эксплоатация там процветала невиданная.

По поводу как раз подобных розенталевской стачек жан- дармский докладчик писал III Отделению: «Все эти беспорядки происходят отчасти потому, что с падением курса все вздорожало, тогда как с введением так называемой пошлины фабриканты ста- ли получать от своих фабрик большие барыши, что небезызвестно рабочим, у которых, таким образом, является естественное стре- мление с увеличением благосостояния фабриканта увеличить свое» [1].

Судя по этой выдержке и по тому, что о многих мелких за- бастовках, о которых имеются сведения в печати, жандармы про- сто не знали, так как хозяева и рабочие предпочитали не иметь дела с властями, забастовок в Западном крае было гораздо боль- ше, чем это отметили мы. А что действительно мелкие фабрикан- ты и хозяйчики предпочитали улаживать дело с рабочими без властей, это видно хотя бы из дела о забастовке 3 человек в бу- лочной Высгалковского в Варшаве, которое дошло даже до генерал- губернатора и Петербурга.

Кроме только-что перечисленных, происходили еще стачки: в январе в Петербурге на Екатерингофской бумагопрядильне, на металлическом заводе на Выборгской стороне в мае, большая стачка на фабрике Каретниковых в июне в Тейкове Владимир- ской губ. и др.

Последний из рассматриваемых нами годов, 1879-й, был са- мым богатым стачками. Если даже исключить стачку на фабрике Коншина в январе [2], то и тогда мы насчитали 37 стачек. Причиною

[1] Дело III Отд. № 18, лл. 53—56.—«Сведения по Гродненской губ.» за 1878—80 гг.

[2] Мартов в своей известной работе «Развитие крупной промышлен- ности и рабочее движение до 1892 г.» (цитирую по VI т. «История Рос- сии в XIX в.», изд. «Гранат», стр. 125) говорит о стачке 4 тыс. рабо- чих на фабрике Коншина в январе 1879 г. О стачке в январе на этой фабрике нет никаких следов ни в III Отделении, ни в других докумен-

всех этих стачек был громадный нажим капиталистов, понижавших заработную плату: против этого понижения рабочие и протестовали. Почти в половине случаев так или иначе добивались успеха: из 33 случаев в 14 они выиграли стачку.

В январе произошли стачки: в с. Ясене Петроковской губ. на стеклянном заводе (8 чел.), в Белостоке на шерстяной фабрике Друкера (9 чел.) [1], на Новой бумагопрядильне (3 000 ч.)—описана у Плеханова, на фабрике Шау (150 чел.), в Лодзи на фабрике Дылона (43 чел.) [2], на Далматовской фабрике Миндовского и Кокорева (770 чел.) [3] и на Екатерингофской мануфактуре в Волынкине (100 мальч.).

За стачку на Далматовской фабрике трое рабочих были высланы.

В феврале была стачка на зав. «Аулас» в Петербурге (90 ч.).

В марте и апреле происходили стачки: 1) в Дмитровском у. Московской губ. на фабрике Лепешкина бастовало 1 500 чел.; причина — уменьшение платы: по условию было за кусок в 52 арш.—35 коп., а фабрикант положил за 58 арш.—те же 35 к. так что заработок уменьшился с 17—12 р. до 12—7 р. в месяц; рабочие добились уплаты вычтенных денег за 14 мес. и прибавки по 10 коп. на кусок [4]; 2) на Реутовской фабрике (17 апреля) бр. Мазуриных, где из 4 тыс. бастовало 100 чел., требуя повышения платы: на фабрику прислали войска, 4 рабочих арестовали, но рабочие стачку выиграли; 3) на фабрике Коншина в Серпухове (18, 19 и 20 апреля), где бастовало 2 700 чел. против понижения заработной платы и где рабочие добились успеха [5]; 4) в Киеве в железнодорожных мастерских успешная стачка 2 тыс. рабочих [6]; 5) на Мотовилихинском заводе в Перми стачка 62 чел. (чернорабочие) [7]; 6) на Семянниковском заводе успешная стачка против

тах. Стачка на фабрике Коншина в 1879 г. происходила в апреле, бастовало тогда 2700 чел.

Мартов не указывает источника, из которого он взял свои сведения. Не ошибка ли у Мартова и не спутал ли он даты, руководствуясь какими-либо печатными источниками? Во всяком случае пришлось и эту стачку поместить в таблицу, так как в январе на фабрике Коншина волнения происходили.

[1] Дело III Отд. № 18, за 1879 г., лл. 65—69.

[2] Дело III Отд. № 336 за 1878—79 г., л. 38.

[3] Арх. б. Мин. Вн. Дел. Деп. Пол. Исполн., III Отд., стол 1, 1879 г., № 446; см. также М. Балабанов («Очерки», ч. II).

[4] Дело III Отд. № 22.—«Сведения по Моск. губ.» за 1879 г.

[5] Дело III Отд № 22, за 1879 г., лл. 28—29.

[6] Мартов.

[7] Дело III Отд. № 78 за 1879. г., лл. 77—83.

задержки платы [1]; 7) на фабрике Зубковых в Иваново-Вознесенске [2], на чугуннолитейном заводе Кинга в Петербурге (100 чел.) и на сахарном заводе в Подольской губ. (47 чел.).

На забастовке в Мотовилихе и у Зубковых стоит остановиться.

На Мотовилихе забастовала артель в 62 чел. чернорабочих по причине дурного качества пищи. Требование рабочих улучшить пищу администрация отклонила; тогда 52 чел. подали жалобу прокурору; тот жалобу не принял под предлогом, что рабочие не приложили 76 гербовых марок, а жандармы выслали на родину зачинщиков: Василия Антоновича Поперекова, М. Г. Баранова, С. А. Репина и А. Ф. Багина. Из этих зачинщиков один, В. А. Попереков, повидимому, был пропагандистом, так как он интеллигент, служил раньше письмоводителем у судебного следователя и вообще был замечен жандармами как агитатор.

Стачка на фабрике Зубковых интересна в том отношении, что в качестве «агитатора» выступил сам хозяин Зубков. Александр Зубков продал свою фабрику жене своей Евг. Зубковой и ее компаньонам Фокину, Ватовым и Новикову. Новые владельцы начали с того, что прибавили рабочим по 10 к. с куска Вдруг на фабрику явился старый хозяин, собирает рабочих и заявляет: «Теперь держитесь, после 1 октября с вас выжмут соки, а то поставят двухколесную пушку». Рабочие, услыхав раз'яснение такого компетентного в выжимании соков человека, как их бывший хозяин, бросили работу и потребовали заключения условия о прибавке в 10 коп. не до 1 октября, а до Пасхи. Конечно, новые хозяева отказали рабочим, а жандармы, приехавшие на фабрику, ловко воспользовавшись провокацией бывшего хозяина, заставили новых владельцев произвести расчет, так что, за исключением небольшого числа взявших расчет, большинство рабочих согласилось работать на старых условиях.

В июне и июле были стачки в мастерских Юго-Восточных железных дорог в Воронеже [3], среди углекопов на Шахтной в Донской обл. [4], на фабрике Третьяковых, на фабрике Ильина и на фабрике Мараева в Серпухове и в Харькове на кирпичном заводе Шмидмана (14 чел.).

[1] Мартов.
[2] Дело III Отд. № 37 за 1879 г., лл. 56—59.
[3] Мартов.
[4] Мартов.

Забастовка 1 500 чел. на фабрике Третьяковых [1] носила наступательный характер; рабочие добивались повышения платы с 3 коп. до 8 коп., надбавки на чистку; стачка протекала бурно, и когда жандармы арестовали рабочих А. Афанасьева и А. А. Хайкова, товарищи пытались их освободить. Забастовка была выиграна, но двое руководителей ее Яков Филиппов и Максимов-Филатов были высланы в Калужскую губ.

Забастовка 370 ткачей на фабрике Мараева была также наступательная: рабочие требовали прибавки, хозяин уступил, об'явив повышение от 4 до 6 коп. на штуку, и только, когда рабочие и на это не согласились, стал рассчитывать несогласных.

В этой стачке среди руководителей, кроме мужчин М. Михайлова, П. Яковлева и В. Прокофьева, оказалась и одна ткачиха, солдатская дочь Любовь Семеновна.

Осенью произошли стачки в Москве на суконной фабрике Шредера [2], во Владимирской губ. на фабрике Собиновского [3] и на фабрике Гилля [4], в Петербурге в кузне пожарной команды в августе; тогда же в Петроковской губ. на каменноугольных копях (11 чел.), в Калужской губ. на Буковском заводе (100 чел.) и в других местах.

На Собиновской мануфактуре забастовка 2 тыс. рабочих носила также наступательный характер: они требовали введения повышенной платы, как и на других фабриках, где с Пасхи до 1 октября плата выше, чем в остальное время. Забастовка продолжалась с 6 по 14 октября и осложнилась тем, что рабочие жили в хозяйских квартирах и были в долгу в фабричной лавке. Это обстоятельство и помогло хозяину: рабочие стачку проиграли.

Забастовка на фабрике Гилля в с. Измайлове была оборонительная. Из 1 000 чел. бросили работу 400 ткачей. Выбранная ими депутация из 8 чел. представила генерал-губернатору жалобу, где указывалось, что фабрикант понизил заработную плату, что фабричная лавка отпускает плохие продукты, что на фабрике плохая вода, что хозяин берет за баню 25 коп. в месяц, между тем как баня мала и не все могут в ней мыться, и что в пользу хозяина производится вычет 10% заработной платы за квартиры. Фабрикант согласился понизить цены на продукты в лавке и дать баню 2 раза в месяц. Рабочие не удовлетворились этим; тогда под да-

---

[1] О стачках у Третьяковых и Ильина см. дело III Отд. № 22 за 1879 г., лл. 43 и сл., а о стачках у Мараева в том же деле, л. 57.

[2] Мартов.

[3] Дело III Отд. № 37 за 1879—86 гг., лл. 109—172.

[4] Дело III Отд. № 22 за 1879 г., лл. 95—96.

влечением власти (были вызваны на фабрику войска) начался расчет недовольных (170 чел.), а остальные начали работу на старых условиях.

Все только-что описанные забастовки 70-х годов мы свели в таблицы (II—VI). Рассматривая полученные данные, мы видим: 1) что неверны были наши представления о р а з м е р а х рабочего движения 70-х годов и 2) что, самое главное, неверны были представления о х а р а к т е р е этого движения. Мартов, а вслед за ним и все писавшие о стачках 70-х годов полагают, что за весь период с 1865 по 1880 г. включительно было 49 стачек с 55 тыс. бастовавших рабочих, т.-е. за весь 16-летний период происходило примерно 3 стачки в год (с 1865 по 1870 г. 20 стачек с 20 тыс. участников и за 11 лет, с 1870 по 1880 г., 29 стачек с 35 тыс. участников [1]).

Что же мы видим из таблицы о числе стачек и бастовавших за десятилетие (табл. II)?

Прежде всего, то, что только за десять лет от 1870 по 1879 г. (без 1880 г., что принимает в расчет Мартов) было 162 стачки. Полагая, что среди сведений, какими мы пользовались, некоторые сомнительны или не проверены (сообщение Мартова о стачке на фабрике Коншина в январе 1879 г., о стачке на фабрике Дурунча в 1875 г. и т. д.), мы можем сказать, что только в десятилетие 1870—1879 гг. произошло не меньше 229 стачек, причем в 153 случаях известны и число участников и причины стачек. Теперь, если вычесть из цифры Мартова те примерно тысяч около шести бастовавших в 1880 г. (Хлудовская мануфактура—2 600 ч., Каверин—450 чел., Сериков—860 чел., Киевские жел.-дор. мастерские, арсенал там же—2 тыс., а ведь это далеко не все стачки), то на период, какой берем мы, т.-е. с 1870 по 1879 г., остается из мартовской цифры уже не 55 тыс., о каких говорит Мартов, а меньше, именно тысяч около 50. Но и эту цифру придется уменьшить, так как придется отбросить еще то число стачечников, какое приходится на стачки пятилетия 1865—1870 гг. Мы не знаем, сколько стачек было в этом периоде и сколько рабочих бастовало, но несомненно, что, вычитая из всей мартовской цифры в 55 тыс. еще и то число забастовщиков, какое приходится на пятилетие 1865—1879 гг., мы цифру в 55 тыс. еще более уменьшим, так что, по мартовским исчислениям, выйдет на период от 1870—1879 гг. цифра гораздо меньшая, чем 50 тыс.

---

[1] М а р т о в. Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. Изд. «Книга», П.-М. 1923 г.

Между тем мы видим, что только в 153 стачках, о которых имеются сведения, участвовало более 112 тыс. человек забастовщиков, что дает в среднем на стачку 738 чел. Если исходить из этих цифр, то можно с твердой уверенностью сказать, что только за десять лет, от 1870 по 1879 г., участвовало в массовом рабочем движении более ста двенадцати тысяч рабочих [1].

Рассматривая таблицу, мы видим, что число стачек и стачечников, хотя и колеблясь, растет к концу десятилетия, причем три момента обращают наше внимание: 1874 г., когда число стачечников дошло до 24 260 чел., а число стачек до 30; 1877 год, когда число стачек и стачечников было очень мало, всего 8, и 1879 г., когда число стачек опять дошло до 37, число стачечников повысилось до 20 тыс.

Все писавшие о стачках 70-х годов обыкновенно обходили молчанием почему-то 1877 год, между тем как кризис промышленный был и в этом году. Почему же так внезапно уменьшились стачки? Ведь не перестали же фабриканты в 1877 г. эксплоатировать рабочих. Дело об'ясняется просто: в этом году, в начале, была об'явлена война Турции, и правительство, пользуясь под'емом патриотического настроения известных буржуазных кругов, еще туже завернуло гайку того котла, в котором кипели рабочие. Что это действительно так, об этом свидетельствуют донесения решительно всех жандармов и губернаторов, что патриотизм охватил, мол, и рабочих и они не хотят бунтовать. Дело об'ясняется проще: правительство, пользуясь войной, зажало рабочих еще сильнее [2].

В середине 70-х годов в России был промышленный кризис, и фабриканты повели наступление на рабочих, чем и об'ясняется, как совершенно правильно говорит Мартов, оборонительный характер стачек этого времени. Но самый острый момент кризиса был в 1874—76 годах, и мы видим, как в ответ на нажим капиталистов увеличивается сопротивление рабочих. Но вот наступает

---

[1] А за период с 1870—1880 г. включительно в 62 стачках бастовало 120 588 чел.

[2] С. Вознесенский в специальной статье «Стачечная борьба рабочих с 1870—1917 гг.» в («Архиве истории труда в России», кн. 8, стр. 149) повторяет сведения Мартова без критической проверки их; тов. М. Балабанов в своих «Очерках», ч. II, в специальной работе о рабочем движении, также удовлетворяется цифрами Мартова, который не мог пользоваться теми данными, какими пользовался М. Балабанов и мы. Нечего толковать о таких авторах, как т. Батурин, Лядов и др. Впрочем, эти авторы не работают с первоисточниками, но как без новой проверки данных работают люди, пытающиеся делать весьма рискованные выводы,—это не понятно.

война, рабочее движение на короткое время замирает, однако сама война еще более обостряет последствия кризиса, и мы видим, как уже в 1876 г. число стачек и стачечников растет. В 1876 г. наметился сдвиг в области промышленности, начался под'ем, и мы видим, что число стачек сразу увеличилось, причем стачки эти, вопреки мнению Мартова, носят не только оборонительный характер. В некоторых случаях стачки носят уже и наступательный характер и почти в половине случаев (а не только в некоторых случаях, как говорит Мартов) кончаются успехом для рабочих.

Еще важнее выводы из таблицы распределения стачек по годам и по производствам.

Прежде всего необходимо указать на то обстоятельство, которое почему-то упускали из вида все писавшие о рабочем движении 70-х годов,—на участие металлистов в движении этого времени. Оказывается, что 22,84% всех стачек были стачками металлистов, причем в этих стачках участвовало 39% всех бастовавших. Текстильные рабочие, правда, были главной массой бастовавших (44,78% всех участников и 40,74% всех стачек), но роль металлистов в движении велика, что и становится особенно ясным, когда мы обратимся к рассмотрению стачек по годам. Металлисты до 1874 г. участвуют в движении мало: они лучше оплачиваются, у них более короткий рабочий день, они вообще экономически—верхушка рабочего класса,—словом, они то, что так хорошо охарактеризовал Плеханов, когда говорит, что рабочие-металлисты живут лучше пролетария-студента. Они организованнее и сознательнее и на стихийный взрыв не пойдут. Текстильный рабочий поднимается стихийно и идет массой. Но вот кризис охватывает и механическую промышленность, и в движение теперь идет и металлист, но, конечно, прежде всего такой, который близок к крестьянину—чернорабочий Путиловского, Семянниковского, Сормовского, Мотовилихинского заводов. Но даже такой металлист, идя в движение, увлекает за собой текстильщика: в 1878 и 1879 годах, когда механический рабочий уже меньше идет в борьбу, текстильщики как раз только-что раскачиваются, дают небольшую массу борцов.

В высшей степени интересно то явление, какое мы замечаем в соотношении бастующих металлистов и текстилей в годы войны: механические заводы работают на войну, вот почему в 1878 году после 7 102 бойцов 1876 г. они дают в 1878 г. только 1 532 чел., в то время как текстильные рабочие после 3 133 бойцов 1876 г. дают в 1878 г. уже 11 129 бойцов: война только ухудшила их положение, и они с большой энергией идут в бой.

Сравнительно высокий процент стачек (8,74%) строительных рабочих, участвующих в движении, об'ясняется просто: железнодорожное строительство 70-х годов вывело на арену борьбы и этих рабочих. Не менее интересно и распределение стачек и бастующих по районам. Северный район с Петербургом во главе дает почти треть всех бастующих (48 546 чел., или 40,26%); за Севером идет центральный промышленный район с Москвой и ее округой (38 084 чел., или 31,58%); затем следует Юг, где на сцену начинает выступать рабочий крупной южно-русской промышленности (19 795 чел., или 16,41%); после Юга идет Запад, а Урал и Сибирь со своей отсталой полуфеодальной промышленностью плетутся в хвосте.

Слабое участие западного, польского рабочего об'ясняется отчасти лучшими условиями труда, а отчасти тем, что Польша была меньше затронута войной, в то время как ситец русского центрального промышленного района не шел, например, в Персию и Турцию, потому что Кавказ был театром военных действий.

Бастовали рабочие мелких фабрик, на которых кризис и война отразились так же сильно, как и на русском текстиле.

Не менее интересна и таблица, где приведены результаты стачек (табл. V).

В пользу рабочих окончилось только 63 стачки (52 целиком и 11 по соглашению) из 162 всех стачек, т.-е. менее половины, причем в них участвовало 44,66% рабочих; большинство стачек рабочие, однако, проиграли.

Таблица о причинах стачек является прекрасной иллюстрацией положения рабочих; причиною подавляющего большинства стачек была низкая заработная плата: 63,68% всех стачек и 54,73% всех бастовавших (табл. VI) [1].

---

[1] По вычислениям т. Э. А. Корольчук, число стачек за 10 лет 70-х годов было меньше и распределялись они по годам так: 1870 г.—14 стачек, 1871—15, 1872—21, 1873—13, 1874—26, 1875—20, 1876—25, 1877—5, 1878—30 и 1879—41. Расхождение с нашими данными небольшое (у нас всего за 10 лет 229 стачек, а у т. Корольчук 210), об'ясняется тем, что мы считали и случаи волнений и случаи, которых не приняла в расчет т. Корольчук, и в общем не колеблет наших выводов. Подтверждают наши выводы цифры т. Корольчук и о распределении стачек по районам: на северный район, по данным т. Корольчук, приходится 75, в том числе на Петербург 54 (у нас 92 стачки), на центральный район 58, в том числе на Москву 12 (у нас 62 стачки), на западный—28 (у нас 25), на Урало-Сибирь 18 (у нас 21) и на Юг 29 (у нас 43). Цифры т. Корольчук, указывающие распределение стачек по причинам их возникновения, тоже не нарушают картины, данной нами: заработная плата, по т. Корольчук, вызвала 129 стачек, а по нашим данным 160, рабочий день—7 стачек (по нашим данным 5), плохие условия труда

В свете только-что приведенных данных представляется в высшей степени ясной и картина того политического, социалистического рабочего движения, которое ярче всего выражается в двух организациях 70-х годов: «Южно-российском союзе рабочих» и «Северно-русском рабочем союзе». Становится понятным возникновение этих организаций. Три года, 1874, 1875 и 1876, характеризуются вообще под'емом движения по сравнению с предшествующими годами.

Кроме того, на Юге 1875 год, момент образования Союза вообще, дает максимум движения, точно так же, как на Севере 1876 и 1879 годы, когда закладывались основы и развивались работы Северного союза, тоже есть максимум движения.

И тот и другой союзы возникают в двух крупнейший районах механического производства, северном и южном, и именно среди металлистов. Необходимо здесь подчеркнуть, что в Петербурге ядро союза, а до 1879 г. и вообще все более важные кружки состояли почти исключительно из металлистов [1].

Из всего только-что сказанного становится понятным движение рабочих, которое описывает Г. В. Плеханов. Стачки в Новой бумагопрядильне, на фабрике Шау, Бекера и Шапшала в Петербурге представляются теперь нам только отдельным и не особенно значительным эпизодом общерусского рабочего движения: среди двух десятков тысяч бастовавших рабочих забастовки в Петербурге даже на такой крупной фабрике, как Новая бумагопрядильня, были только эпизодами; в центре России тоже пришли в движение довольно большие массы рабочих: бастовала, напр., такая же крупная фабрика Коншина, бастовали мелкие заведения, бастовали рабочие всяких категорий, в крупных и мелких предприятиях; забастовка вообще стала в порядок дня русской жизни, стала не выходящим из ряда событием, а обычным спутником промышленного развития.

Не здесь ли, не в этом ли развитии рабочего движения, как совершенно правильно полагает т. Ваганьян, и нужно искать тех истоков, откуда родилось критическое отношение Плеханова к господствовавшим народническим теориям?

17 стачек (по нашим данным 16) и т. д. Если же и другие цифры дают в общем одну и ту же картину, то не приходится оспаривать и наших выводов.

[1] Вопросу о Северном союзе посвящена наша другая работа, в которой состав союза освещается более точно, в связи как с только-что приведенными данными о рабочем движении, так и в связи с новыми фактами из истории возникновения Союза.

Взгляд о том, будто бы Союз имел своей базой фабричных, а не заводских рабочих, нужно оставить. Плеханов выражается очень определенно, когда говорит о руководящем ядре рабочих 70-х годов. «Прошу читателя иметь в виду, что говорю здесь о так называемых заводских рабочих, составлявших значительную часть петербургского рабочего населения и сильно отличавшихся от фабричных как по своему сравнительно сносному экономическому положению, так и по своим привычкам».

Плеханов как раз говорит о той группе рабочих, которая и стояла в центре рабочего движения и была ядром, основавшим «Северный рабочий союз». Эти рабочие были, за немногим исключением, металлисты, вели пропаганду среди металлистов и об'единяли металлистов.

Действительно, кроме В. Обнорского, С. Халтурина и Митрофанова, о котором распространяться вследствие его предательства много не приходится, в центре движения стояли С. Виноградов, К. Иванайнен, Д. Смирнов, С. Волков, И. Бачин, братья Петерсоны, Мясников и десять других. Подавляющее большинство этих рабочих и их товарищей были или металлистами или работали на металлических заводах: на Патронном, на заводе Макферсона, у Семянникова, на Путиловском, на Александровском и т. п. Здесь-то, на этих заводах, и были главные кружки, и из членов этих кружков и составилась та периферия «Северного рабочего союза», о которой говорят некоторые участники движения того времени. Сам С. Халтурин работал на таком крупном заводе, как Александровский. В числе выдающихся деятелей «Северного рабочего союза» не было ни одного ткача или вообще фабричного рабочего. П. А. Моисеенко был членом союза, но, во-первых, он в центре его не стоял, а, во-вторых, судя по характеристике, даваемой ему Плехановым, и вообще в те времена руководящей роли не имел. Из только-что сказанного совсем не следует, что «Северный рабочий союз» не вел вовсе пропаганды среди фабричных рабочих, пропаганда такая велась, но не фабричный пролетариат выковал «Северный рабочий союз» и не фабричные рабочие были той массой, которая отложила свой отпечаток на программе союза: этой массой была масса петербургских заводских рабочих, т.-е. металлистов. Мысль о том, что отличие программы «Северного рабочего союза» от программы его южного предшественника вытекает будто бы из различия рабочей массы, среди которой возникли эти организации (в Петербурге ткачи, а в Одессе—металлисты), нужно оставить как совершенно не обоснованную и противоречащую фактам. Это, между прочим, удостоверяется и

Плехановым, который, говоря о союзе, выражается так: «Большинство членов его принадлежало к числу «заводских» [1].

Второй, не менее важный и интересный вывод, к которому мы приходим, внимательно изучая воспоминания Плеханова и документальные данные, это то обстоятельство, что основание «Северного рабочего союза» нужно отодвинуть несколько дальше в глубь 70-х годов [2].

Обыкновенно считают датой основания союза декабрь 1878 г. Плеханов говорит о том, что союз возник «естественным образом» «из того ядра петербургской рабочей организации»... «которое составилось из «старых», испытанных революционеров рабочих» [3].

Эти старые, испытанные революционеры рабочие—В. Обнорский, Виноградов, Иванайнен, Бачин, Волков, Петерсон и другие, имена которых Плехановым скрыты инициалами [4].

Что же это за ядро рабочих? Как оно возникло, кто входил в это ядро, кроме рабочих, и главное, когда возникло это ядро?

Ядро рабочих, из которых возник союз, сформировалось как ядро союза, надо думать, не позже зимы 1876—77 годов.

Об этом прямо говорится в письме, которое тов. Г. Голосовым приписывается В. Обнорскому [5], и где говорится о том, что уже в 1876—77 годах была образована федерация с центральным выборным кружком и независимо от интеллигенции. Имеются указания, что решение пойти по другому пути, чем тот, который рекомендовали рабочим народники, созрело у рабочих гораздо раньше, чем в 1878—79 годах. Недовольство интеллигенцией, звавшей рабочих в народ, было давно, об этом говорят многие участники движения того времени, и как результат этого недовольства—мысль о создании своей организации стала принимать более реальные формы в 1876 г. С. Волков, автобиографией которого нам удалось воспользоваться, прямо утверждает, что уже до его ареста Обнорский, Халтурин и он пришли к мысли об основании союза, арест же Волкова случился в октябре 1876 г.

Вместе с Волковым, Обнорским и Халтуриным в качестве основателей союза разными лицами называются и другие рабочие,

[1] Соч. Плеханова под ред. Рязанова, т. III, стр. 182.

[2] См. об этом в публикации Э. Кольчук «Из истории пропаганды среди рабочих Петербурга во второй половине 70-х годов».—«Историко-революционный сборник», т. III.

[3] Соч. Плеханова, т. III, стр. 182.

[4] Инициалы эти уже раскрыты в работе т. Кольчук, которая, к сожалению, еще не опубликована.

[5] См. «Каторга и Ссылка» за 1924 г. № 6 (13)—«К биографии одного из основателей Северно-русского союза», стр. 48—70.

напр., Бурцевым — Д. Смирнов, который попал в тюрьму уже в 1876 г., и, стало-быть, если он был основателем союза, то союз был основан уже в 1876 г.

Дело, повидимому, обстояло так, что уже в 1876 г. основное ядро сформировалось и на деле существовало как союз, а в 1878—79 годах общие собрания только зафиксировали формально то официальное имя, которое мы все знаем.

В высшей степени важен и интересен вопрос о возникновении самого первоначального ядра союза. Исключительную важность представляет этот вопрос потому, что существует общепринятое мнение, будто союз возник среди рабочих в результате теоретических разногласий между рабочими и интеллигентами и при том так, что интеллигенция не играла абсолютно никакой роли в этом возникновении союза. Получилось как-будто бы нечто в роде самопроизвольного зарождения без всякого участия «революционной бациллы», без привлечения социализма извне. Подобное мнение выводится как раз из тех слов Г. В. Плеханова, который говорит, что к началу 1879 г. «р а б о ч е е д в и ж е н и е переросло н а р о д н и ч е с к о е учение на целую голову» и что народническая интеллигенция могла рекомендовать рабочим только «агитацию», «агитацию» и «агитацию» да упрекать рабочих за их склонность и любовь к самообразованию.

Что рабочие к концу 1879 г. переросли народническое учение, Плеханов несомненно прав. Но в его взгляд, что народническая интеллигенция рекомендовала рабочим только одну агитацию, необходимо внести поправку. Эта поправка напрашивается сама собой, когда мы вспоминаем о Заславском и его работе в Одессе; эту поправку нужно внести и во многие работы народников среди рабочих Петербурга.

Уже в 1871 г. существовал кружок рабочих, в котором вели пропаганду чайковцы. Уже в это время образовалась та группа рабочих, в которой получили свое первоначальное развитие будущие деятели союза: Обнорский, Иванайнен, Волков, Бачин и другие.

И здесь уже, под влиянием народнической интеллигенции, образовались и библиотека и касса взаимопомощи и возникла мысль о выдвигании на первый план не максимальных, а минимальных требований. Мы говорим о том кружке заводских рабочих, где играл очень большую роль оказавшийся предателем студент Медико-Хирургической Академии А. Низовкин и где и выросли такие выдающиеся деятели «Северного рабочего союза», как В. Обнорский.

Мы не можем здесь распространяться подробно по этому вопросу и позволим себе только привести выдержку из одного интересного документа, относящегося к 1877 г. и принадлежащего народнику. Автор этого документа, обсуждая вопрос о только-что происшедшей Казанской демонстрации, где принимали участие и рабочие, говорит: «... Таким образом, само собой происходит изменение в нашей программе действия, т.-е. оно получает вообще то же направление, как на Западе, именно—идет из города в деревню, а не наоборот...». Говоря далее о задачах «народной партии», автор пишет, что «она должна была расширить свою программу действия: не довольствуясь одной пропагандой, она должна была вступить на путь политической агитации».

Приходится признать, читая эти строчки, что если среди народников, работавших в пролетариате, уже в 1876 г. существовали такие взгляды, то толковать о самопроизвольном зарождении социал-демократических или близких к ним взглядов среди рабочих не приходится. Как в Одессе Заславский принес в рабочую среду новые, необычные тогда взгляды о политической борьбе, так, очевидно, и в Петербурге были свои Заславские, которые впервые формулировали в рабочей среде идеи о политической агитации и о внесении социалистического сознания не из деревни в город, а наоборот—из города в деревню. Да и сам Плеханов, как мы знаем из его статей того времени, держался в рабочем вопросе далеко не обычного взгляда: он, по крайней мере, придавал ему гораздо большее значение, чем многие другие. Да и не могло быть иначе в то время, когда рабочее движение принимало массовый характер, как это было показано выше: если более ста тысяч рабочих немногочисленного в 70-е годы пролетариата пришло в движение, если это движение стихийно выдвигало своих руководителей, если металлисты в этом движении и такие центры, как Петербург, шли в авангарде, то должны были появиться лица как среди социалистической интеллигенции, так и среди рабочих, распропагандированных этой интеллигенцией, люди, которые уже по-новому сформулировали задачи нового революционного слоя—пролетариата.

И такие лица, как мы видели, были: сказать, что нужно перейти к политической агитации и что руководителем этой агитации будет не деревня, а город, это и означало сказать еще в 1876 г. то, что потом повторили, еще более подучившись, В. Оборский, С. Халтурин, И. Бачин и другие. Говоря это в 1879 г., они сами не знали, что «говорят прозой» и что говорят то, чему учили их некоторые народники еще в 1876 г.

Гораздо труднее решить вопрос, какое значение в этом движении играло то или другое лицо—С. Халтурин, В. Обнорский, И. Бачин, Д. Смирнов и т. д., да это не имеет исключительного значения, хотя и представляет большой интерес для истории «Северного рабочего союза». Плеханов как-будто бы склонен считать С. Халтурина вдохновителем всего дела. Думается, вернее его замечание, что руководящую роль играло то ядро рабочих, которое было воспитано народниками еще в начале 70-х годов; а раз так, то фигура В. Обнорского и его ближайших товарищей выдвигается на первый план, но этот вопрос в небольшой работе, к сожалению, невозможно раз'яснить со всей тщательностью и подробностью.

Наша работа преследует более скромные задачи—дать наивозможно более фактов из истории рабочего движения 70-х годов, чтобы оно представилось не только картиной одних стачек в Петербурге, картиной яркой, написанной кистью такого большого мастера-художника, как Плеханов, а частью той большой картины, которую писала рука поднимающегося на борьбу всероссийского пролетариата.

ПЕРВАЯ КЛАССОВАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОЧИХ В РОССИИ.

I. Пребывание В. П. Обнорского в Одессе в 1873—74 годах и его первый от'езд за границу.

«Южно-российский союз рабочих» Е. О. Заславского (1872—1875 гг.) и «Южно-русский рабочий союз» (1880—81 гг.) Ковальской, бесспорно, в истории русского рабочего движения составляют одну из самых интересных страниц.

Документы из следственного дела о «Южно-российском союзе рабочих», опубликованные Центрархивом, устанавливают три в высшей степени важные обстоятельства:

1) что В. П. Обнорский довольно долго жил в Одессе, принимал участие в Союзе Е. О. Заславского и из Одессы уехал за границу;

2) что уже в программе «Южно-российского союза рабочих» заключались элементы той программы, какую затем в Петербурге Обнорский вместе с Халтуриным развил в общеизвестную программу «Северного союза русских рабочих», и

3) что отделившаяся от «Народной Воли» группа «Черного Передела», в лице Ковальской и ее товарищей, начала очень интенсивную работу среди пролетариата.

Л. Г. Дейч в своей статье о Викторе Обнорском говорит, что во время провала рабочих кружков чайковцев Обнорскому удалось избежать ареста [1]. «Обнорский каким-то чудом спасся. И хотя жандармы усиленно стремились изловить его, но им это не удалось, он перешел на «нелегальное положение», начал проживать под фальшивым паспортом. Затем вместе со своим товарищем Левашовым он отправился в Онежский уезд (Архангельской губ.), где

[1] «Пролетарская Революция», 1922 г. № 3, стр. 49. См. статью «В. Обнорский».

в одной деревне поступил в качестве молотобойца к кузнецу Монакову».

Приведя затем выдержку из дела о Монакове, Л. Г. Дейч продолжает: «Затем Обнорский вновь вернулся в Петербург, где, удачно избегая жандармских розысков, успешно вел пропаганду и агитацию среди своих товарищей-рабочих. Когда же зимой 1877 г. возникли обширные стачки на некоторых фабриках и заводах, он принял в них очень деятельное участие».

Далее Л. Г. Дейч рассказывает о поездке В. П. Обнорского за границу летом 1878 г. Создается, таким образом, представление, что Обнорский попал за границу летом 1878 г., а до этого времени, после кратковременной отлучки в Архангельскую губ., в 1873 г. жил и работал в Петербурге.

Между тем, дело в действительности было так. Сейчас же после разгрома жандармами кружка Чайковского, В. П. Обнорский уехал не в Архангельскую губ., а в Одессу. Это видно из нескольких дел Историко-Революционного Архива в Ленинграде.

В деле о «Южно-российском союзе рабочих» имеются подлинные протоколы допросов привлеченных рабочих [1].

Это протоколы допросов Ивана Масловского, Ярослава Гинтовта, товарищей Обнорского: Григория Ив. Баранцева, Страхова и Иосифа Дицмана. Всеми этими протоколами устанавливается, что В. П. Обнорский осенью 1873 г. был в Одессе и работал там на заводах. Так в протоколе допроса Ивана Николаевича Масловского, рабочего на заводе Фалька (протокол № 1 от 8 ноября 1874 г.), говорится: «...В прошлом году работал на заводе Фалька. Осенью того же прошлого года, около одного месяца, работал там же Виктор Павлов Обнорский»... То же самое подтверждает и протокол допроса (№ 2) Гинтовта, который на допросе 10 ноября

[1] Дело о «Южно-российском союзе рабочих» состоит из нескольких отдельных частей: 1) Жандармское дознание, которое велось в Одессе жанд. полк. Кнопом (его донесения министру вн. дел., копия протоколов и т. п.), содержится в большом деле III Отделения (3 Экспедиция № 144) «О распространении молодыми людьми книг соц.-револ. содержания и о пропаганде их в народе», часть 166, литера А и литера Б, за 1874—7—78 годы; 2) Следственный материал—дело Одесской Судебной Палаты за 1875—77 гг. за №№ 42, 42/2, 42/3 и 42/4 и 3) Дело, обнимающее весь судебный процесс 1877 год в Особом Присутствии Сената за № 42/6, об'единенным одним № 23.

Кроме этих дел, хранящихся в Историко-Революционном Архиве в Ленинграде, имеются еще дела в Одессе. Часть подлинного дела о «Южно-российском союзе рабочих» опубликована в изд. Центрархива «Южно-русские рабочие союзы» под ред. В. В. Максакова и В. И. Невского. Центрархив. «Новая Москва». 1924 г.

1874 г. показал следующее: «...Виктора Обнорского припоминаю, как работавшего около месяца в прошлом году на том же заводе Фалька»... Баранцев тоже выражается очень определенно: «С Виктором Павловичем Обнорским я познакомился прошлого года на заводе Фалька»... (протокол № 3 от 16 ноября 1874 г.). Только один Дицман утверждает, что В. П. Обнорский появился на заводе в начале 1874 г.

Как же тогда согласовать приводимое Л. Г. Дейчем свидетельство Монакова о том, что Обнорский работал у него в Архангельской губернии, как полагает Л. Г. Дейч, сейчас же после арестов в Петербурге в 1873 г.? Очень просто: В. П. Обнорский в 1873 г. в Архангельской губернии не был и попал туда только в феврале 1875 г. В том же деле 3 Экспедиции, III Отделения с. е. и. в. Канц. № 144, ч. 207 [1], устанавливаются следующие факты: «...Показаниями Монакова обнаружено, что он 5 лет пробыл в Петербурге, работал на заводе, и в 1875 году, в феврале, вернулся в деревню Фехтольму и открыл свою кузницу; что в ноябре 1874 года, работая на заводе Нобеля, познакомился с мастеровыми других заводов—Василием Павловым и Николаем Федоровичем Столбовым, которые, узнав, что он уезжает в свою деревню, просили его взять их к себе в подмастерья, на что он согласился, и они вскоре после приезда его в д. Фехтольму, в феврале месяце настоящего года, приехали к нему»...

Василий Павлов и Николай Столбов прожили у Монакова три месяца и примерно в мае 1875 года, как они говорили, уехали в Петербург. Дальнейшим расследованием было установлено, что Василий Павлов—это Виктор Павлович Обнорский, а Николай Столбов—Левашов. Таким образом выясняется, что в Архангельской губ. Обнорский появился в феврале 1875 года и что, следовательно, показания Баранцева, Гинтовта и Дицмана соответствуют действительности. Наконец, рабочий-революционер 70-х годов Сергей Иванович Виноградов в своих показаниях [2] определенно говорит о том, где был Обнорский в конце 1873 и почти весь 1874 год:

---

[1] Дело № 144, ч. 207, на 77 листах,—«О распространении молодыми людьми книг соц.-револ. содержания и о пропаганде их в народе». «О Павле Монакове, Владимире Томашевском, Викторе Обнорском и двор. Александре Левашове». 1875 г. Отношение нач. Арханг. губ. жанд. упр. от 21 октября 1875 г. за № 11.

[2] «Дело о распространении революционной пропаганды в империи» Особого Присутствия Сената. Предварительное следствие, т. V, стр. 17. В этом деле содержатся показания многих рабочих того времени, напр., Митрофанова и др.

«...Обнорский скрылся из Петербурга без нашего ведома, и чтобы он уехал с Лисовским, об этом я не знаю. Обнорский из Одессы прислал мне письмо, в котором упоминал, что в Одессе нашел таких же хороших людей, как и в Петербурге. Обнорский в письме жаловался на свое плохое положение. По поводу этого письма Кравчинский дал мне 10 рублей да еще было собрано с рабочих Васильевского Острова 10 рублей, и эти деньги, 20 рублей, были отосланы Обнорскому в Одессу Митрофановым».

Лисовский—народник-пропагандист того же периода, и с ним-то и уехал Обнорский в Одессу. Лисовскому удалось пристроиться на службу в пароходном обществе, а В. П. Обнорский некоторое время был без работы, чем и об'ясняется его просьба о помощи. «От Обнорского,—говорится в том же показании Виноградова,—я получил из Одессы еще другое письмо». Показания эти относятся как раз к 1873—74 годам.

Из всех только-что приведенных документальных данных явствует с несомненностью, что В. П. Обнорский тотчас же после арестов 1873 года, именно осенью, уехал в Одессу и, как это выясняется, работал там сначала на заводе Фалька, где особенно хорошо сошелся с Григорием Ивановичем Баранцевым, молодым рабочим, а при его посредстве и с Яковом Кравченко и Яном Рыбецким (или Ревицким, как он еще назывался), лучшими учениками Е. О. Заславского. Обнорский, кроме того, работал еще в мастерской газового завода, на водопроводе и в железнодорожных мастерских. Мы теперь можем установить связи, при помощи которых Обнорский попал на эти заводы: товарищем Обнорского на водопроводе был слесарь Масловский, а на железной дороге—слесарь Егоров.

Все эти люди, без сомнения, связали В. П. Обнорского с организацией Е. О. Заславского.

И действительно, из показаний тех же лиц, Баранцева, Дицмана и Страхова, члена кружка Обнорского, входившего, как часть, в общую организацию Е. О. Заславского, выясняется, что Обнорский занимался пропагандой среди рабочих, при чем пропаганда эта носила сначала обычный народнический характер того времени: Обнорский распространял обычные революционные книжки 70-х годов: «Сказку о четырех братьях», «Мудрицу Наумовну», «Где лучше» или пользовавшиеся тогда популярностью романы «Эмма» и др. А затем мы видим, что и в том кружке, где главным образом работал Обнорский, стали читаться такие книжки, как «Артели рабочих», «Очерки фабричной жизни», газета «Работник» и т. п.

Совершенно правильно сделать предположение, как это и делает В. К-ов [1], что Обнорский уже здесь, в Одессе, под влиянием Е. О. Заславского изменил свои народнические взгляды по вопросу о завоевании политической свободы и по вопросу об организации рабочих. И именно здесь у него созрела мысль уехать за границу и там, на Западе, посмотреть и поучиться у западно-европейского пролетариата, как нужно браться за организацию рабочих. Мы имеем теперь определенное подтверждение того, что как раз в промежуток времени между осенью 1874 г. и концом 1875 г. Обнорский был за границей, уехавши туда прямо из Одессы. Тот же самый Виноградов, показания которого мы только-что цитировали, говорит по этому поводу следующее: «В октябре месяце 1874 г. мне пришла мысль побывать за границей и главным образом в Швейцарии просто из любопытства. Эту мысль я сообщил Карлу Адамову. Тот сказал, что и он бы не прочь был побывать за границей. Мы, таким образом, и порешили намерение это исполнить. Из Петербурга без письменных видов я и Карл Адамов тайно уехали по железной дороге к Варшаве»... Они пробрались за границу и побывали во Франции, в Савойе, Базеле, Женеве, Лозанне, Фрибурге и Берне. Далее в показании говорится: «Обнорского мы в Швейцарии так и не видали, хотя, уезжая из Петербурга, имели сведения, что Обнорский проживает в Швейцарии». В том же деле имеются сведения, что как раз в это время в Женеве жил тот самый Лисовский, который вместе с Обнорским жил в Одессе; если принять во внимание замечание, что Обнорский, по словам Л. Г. Дейча, неохотно вступал в общение с русским эмигрантами за границей, то вполне возможно, что Лисовский, к которому обращались с расспросами об Обнорском Виноградов и Адамов, просто не сказал им, где живет их товарищ.

Во всяком случае, в Петербурге знали, что Обнорский как раз именно в это время, т.-е. в конце 1873 г. и начале 1874 г., жил за границей. Это и было, очевидно, первым его заграничным путешествием. Жил он, стало-быть, там первый раз месяца 3—4, не больше (с октября 1873 г. по февраль 1874 г.). В феврале он уже был в Петербурге, а затем не надолго уехал в Архангельскую губернию и летом 1875 г. снова оказался в столице. Второй раз В. Обнорский был за границей уже в 1876 г. Это видно опять же из показаний его товарищей рабочих и его брата, тоже петербургского рабочего, неоднократно привлекавшегося жандармами

[1] Автор работы «Южно-российский союз рабочих» в изд. Центрархива «Южно-русские рабочие союзы» М. 1924 г.

к допросам. Из этих показаний[1] выясняется, что в декабре 1875 г. В. Обнорский видался со своим братом и сообщил ему, что он недавно приехал из-за границы и что опять туда же уезжает. Сколько времени этот раз он жил за рубежом, по данным дела установить невозможно. Наконец, третий раз, если принять во вниманние, что в 1876 г. Обнорский уезжал из России, он посетил Западную Европу уже в 1878 году, т.-е. как раз незадолго до основания «Северного союза русских рабочих».

Таким образом несомненно одно: В. П. Обнорский, как совершенно справедливо замечает Л. Г. Дейч, был идейным творцом замечательной организации петербургских рабочих 70-годов: сначала он учился у Е. О. Заславского, а затем ездил три раза доучиваться за границу, как и в каком направлении строить рабочую организацию. Ему было уже в 1873 году около 25 лет, а когда он приступил к осуществлению своей идеи в Петербурге, ему было уже под тридцать (в 1878 г.); когда же он встретился с Халтуриным, то этому последнему шел только двадцатый год: Халтурин родился 21 декабря 1856 г., в Петербург попал не ранее 1875 года, стало-быть, совсем молодым человеком, в то бремя как В. П. Обнорский уже был зрелый человек, опытный революционер, прошедший школу Е. О. Заславского в Одессе, побывавший за границей и уже познакомившийся с программами западно-европейских социалистических партий, в том числе, вероятно, и с программой германской социал-демократии.

Все это говорит за то, что идейным творцом, так сказать, первым организатором «Северно-русского рабочего союза», является не Халтурин, а Обнорский: Обнорский дал идею, основы программы, а Халтурин уже на практике выполнил большую часть работы.

2. Южно-российский союз рабочих как школа для В. П. Обнорского.

Что действительно В. П. Обнорский получил первые уроки наглядного обучения у Е. О. Заславского в Одессе, это видно из всего материала в следственном деле о союзе. И сам Заславский, и вся его организация были действительно необычным явлением в революционной практике того времени.

---

[1] Упомянутое дело «О распространении революционной пропаганды в империи». Предварительное следствие, т. V, отношение Петербургского губ. жанд. упр. за № 1627.

Как это видно из показаний Д. Е. Изотова, дело пропаганды среди одесских рабочих в этот период «Южно-российского союза» началось, как обычно тогда начиналось такое дело,—почти с легальных занятий студентов с рабочими в 1872 г.

«...В конце 1872 года услышал я от рабочего Гренка, что находятся студенты, которые желают давать рабочим бесплатно уроки, я же все это время желал как-нибудь доставить себе образование с той целью, чтобы быть образованным, иметь возможность читать книги и, таким образом, теоретическим способом познакомиться с техническою стороною моего ремесла, почему тогда же отправился с рабочими Гренко, Николаем Наддачиным и Эрховерхом в квартиру студента Ярошевича, или Ярошенко; там условились, чтобы нанять удобную для чтения лекций квартиру; я нанял одну большую комнату за 18 рублей в месяц в самом городе, и с декабря месяца начались читаться лекции. Ярошенко читал арифметику, студент Победоносцев или Знаменосцев читал грамматику, а студент Костюринов читал геометрию. Деньги за квартиру отчасти платили мы, слушатели: я, Николай Наддачин, Эрховерх, Гренко, Сикачин и часть Осуховский, а то студенты сами давали месяца три по 10 рублей. На этих лекциях каждый учитель говорил только о своем предмете и ничего противозаконного или противоправительственного. Лекции эти продолжались месяца три, а именно до студенческих экзаменов, и потом прекратились. После того в мае месяце 1873 г. Заславский начал читать нам лекции по политической экономии» [1]. Очень быстро Е. О. Заславский повернул дело в другую сторону. Мы не будем распространяться о фактическом развитии организации,—это рассказано в статье тов В. К-ова. Остановимся на самом характере Союза. Необычна прежде всего пропаганда, какую вел Заславский. Он, без сомнения, распространял и обычные книжки того времени, в роде «Сказки о четырех братьях», но не подлежит никакому сомнению, что центр тяжести его пропаганды лежал в распространении мысли об организации рабочих, в популяризации программы «Международного общества рабочих» и снабжении рабочих именно такого рода литературой. Об этом достаточно подробно говорится в статье тов. В. К-ова. Конечно, нельзя назвать Е. О. Заславского марксистом, но факт остается фактом—очень скоро он оставил и обычные народнические приемы, и средства организации, и обычное содержание пропаганды. Он не смотрел на рабочих только как на материал, удобный для того, чтобы

---

[1] Деле о «Южно-российском союзе рабочих» № 144, ч. 166, 42 и т. д.

выбрать подходящих людей для будущей работы в крестьянстве. Для него рабочая организация была самодовлеющим делом, организацией, которая ставит совершенно определенные, а не подсобные задачи.

В первом параграфе устава «Южно-российского союза рабочих» хотя и недостаточно точно, но уже довольно определенно высказаны те основные положения, какие через год или два В. П. Обнорский формулирует более отчетливо, заимствуя свою формулировку у германских социал-демократов. Прежде всего Заславский утверждает, что «только посредством насильственного переворота» можно уничтожить тот порядок несправедливости и привилегий, какой царит в мире и какой «не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих», но ведь и другие народники, например, бунтари бакунинского толка, стояли за насильственный переворот,—это еще не отличает его программы от обычных программ того времени. Быть-может, и то мнение, высказанное в программе,—именно, что переворот «поставит труд основою личного и общественного благостояния», отмена частной собственности и замена ее собственностью коммунистическою, т.-е. что в основу будущего строя ляжет общественный труд,—это тоже общая черта всех тогдашних революционных народнических программ. Но вот утверждение, что «этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их об'единении»,—вот это утверждение с добавлением, что южно-русские рабочие как раз и об'единяются для пропаганды идеи освобождения и развития сомосознания рабочих,—вот эта часть программы коренным образом отличает ее и всю организацию от всех существовавших организаций. Это первая попытка формулировать необходимость сомостоятельной классовой организации пролетариата. Мало того, в программе прямо и определенно говорится, в чем должна заключаться и пропаганда, и ближайшая цель организации: пропаганда должна заключаться в раз'яснении «идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала привилегированных классов» и необходимости об'единения рабочих в классовую организацию, а ближайшая цель—борьба за экономические требования и за политическую свободу «для будущей борьбы с установившимися экономическим и политическим порядком».

Последнее положение—борьба за политическую свободу—это было такой ересью для революционеров 70-х годов, что Заславскому приходилось выдержать не один словесный бой с правоверными народниками, отрицавшими борьбу за политическую сво-

боду. (И не только словесный: пришлось бороться с попытками бунтарей разрушить его организацию изнутри.)

Стало-быть, ход рассуждений этого первого параграфа таков: современный строй несправедлив для рабочих потому, что он основан на несправедливости привилегированных классов; справедливый строй—это коммунистический строй, основанный на общественном труде, как говорит Заславский; добиться такого строя можно только насильственным переворотом (в этом большое отличие Заславского от мирных лавристов), но переворот этот может произойти только в том случае, если рабочие разовьют в себе не только по отдельности, а все как класс, свое классовое самосознание и об'единятся в свою рабочую классовую партию. Для этого они уже сейчас должны поставить своей задачей пропаганду идеи освобождения от ига капитала и привилегированных классов, организацию этой партии рабочих (союз рабочих) и подготовку к борьбе за экономическое уличшение и политическую свободу. Таков, в сущности, смысл первого параграфа устава, и мы видим, что в нем заложены уже все элементы будущей программы «Северного союза русских рабочих»: Обнорский их только немного изменит, расширит, резче сформулирует и вообще научно построит из них уже нечто, напоминающее программу будущей рабочей партии.

Не менее интересен и третий параграф устава этого союза: «Членом союза может быть каждый трудящийся человек, ведущий близкие сношения с рабочими, а не с привилегированными классами, и сочувствующий своими поступками основному желанию рабочих—борьбе с привилегированными классами во имя своего освобождения».

Стало-быть, все нетрудящиеся элементы, все нетрудовые элементы, как мы сказали бы теперь, и все буржуазные элементы в союз Заславского не допускались, не говоря уже о том, что желающие быть его членами должны были своими поступками, т.-е. работой, доказать, что они признают программу. Это уже элементы настоящей классовой организации.

Таким образом, освобождение рабочих и борьба за это освобождение, о чем говорится в первом и во втором параграфах, по мнению Заславского, есть дело самих рабочих.

Мы знаем, как на практике очень последовательно и отчетливо проводил эту мысль Заславский: его попытки устроить кооперативные предприятия (баню), его организация касс взаимопомощи из взносов рабочих, его предоставление рабочим широкой инициативы и самостоятельности, его, наконец, нелюбовь к народнической интеллигенции — все это доказывает, что За-

славский не только понимал огромное значение этой мысли—«освобождение рабочих есть дело самих рабочих»,—но и рабочих заставил понять весь смысл этого положения. Но мы знаем, что все эти мысли (необходимость классового самосознания, об'единения и организованности, идея, что освобождение рабочих есть дело их рук) суть идеи, развиваемые в уставе и программе «Международного общества рабочих».

И пропаганда Заславского была направлена в ту же сторону,—развить классовое самосознание рабочих: об этом говорят как все показания участников союза, так и выбор литературы, какою пользовался Заславский. Это последнее обстоятельство хорошо подмечено тов. В. К-овым.

В самом деле, такие книги, как «Очерки фабричной жизни», «Паровая машина», «Артели рабочих», «Историческое развитие Интернационала», газета «Работник», пользовались преимущественно распространением в кружках союза и почти не распространялись в других народнических кружках Юга (об этом говорят результаты обысков). А книги эти, не говоря уже об «Историческом развитии Интернационала», в большинстве толковали именно о развитии классового самосознания, о невыносимом гнете капитала и о путях освобождения рабочих.

Возьмем для примера «Очерки фабричной жизни»[1]. В этой книжечке в ряде довольно талантливых очерков описываются разные случаи из жизни фабричных. Есть, например, такой рассказ: двое фабричных на берегу реки удят рыбу. Рассказчик вступает в разговор с фабричными. Те сначала боятся, но, убедившись, что их собеседник человек далекий от администрации фабрики, рассказывают, что в реке ловится иногда мясо. На вопрос собеседника, полный удивления, они раз'ясняют, что управляющий фабрикой кормил рабочих таким тухлым мясом, что даже закабаленные фабрикой рабочие отказались его есть. Тогда управляющему оставалось только выбросить это мясо. Он, однако, попытался сбыть его торговцу. Тот взял было это мясо, но вскоре возвратил его обратно управляющему,—до того оно пахло. Однако, управляющий не смутился и, вложивши мясо в бочку, опустил его в реку и, вымочивши, снова пустил его на харчи фабричным. Есть рассказ о ревизии фабрики, произведенной губернатором, о невозможных порядках в фабричной больнице, где больные занимались пьянством и лечили себя сами своими домашними средствами. Подобные книжки, без сомнения, заста-

---

[1] «Очерки фабричной жизни», соч. А. Голицынского. Изд. 2-е, 1872 г., С.-Петербург.

вили рабочих призадуматься над своею жизнью; они, правда, не указывали выхода, но агитационным средством являлись прекрасным, так как брали материал из знакомой рабочей обстановки.

Такая книжка, как «Артели рабочих» [1], хотя и не была социалистической по содержанию, но все же будила мысль. Уже эпиграф в начале книги служил хорошим введением ко всей книге. «Должны ли фабрики непременно служить дьяволу? На бога надейся, а сам не плошай». Правда, в этой книжке на вопрос, как же рабочему улучшить свое положение, даются рецепты в роде следующего: «Стоит только соединиться многим рабочим вместе, составить артель, собрать капитал и устроить свою собственную мастерскую или фабрику». Но уже то, что во всей даже такой литературе неустанно проводится мысль об об'единении рабочих, приносило большую пользу.

Газета «Работник» возникла по инициативе революционеров-москвичей (Бардиной, Джабадари, Петра Алексеева и др.) и издавалась в Женеве с января 1875 г. по март 1876 г. при ближайшем участии З. К. Ралли, В. А. Гольштейна и Жуковского. В течение этого времени вышло пятнадцать номеров (несколько двойных номеров). Газета эта была, несомненно, анархического направления.

В государстве авторы статей в «Работнике» видели корень всех бед и зол. Так, в № 6 в статье «Борьба народа с государством» говорится определенно: «Нужно приняться за дело великое: разрушить государство русское и устроить свой вольный союз общин». В «Письмах французского работника к его братьям в России», принадлежащих рабочему Шалэну, точно так же дается совет рабочим уничтожить государство, так как всякое правительство является врагом свободы. Община об'являлась исходной точкой социализма, а поэтому рекомендовалось общину всячески поддерживать и развивать. В статье «Земля и Воля» в № 10 по этому поводу, между прочим, говорится так: «Крестьянство великорусское должно вместе с другими работниками сложиться в одну великую общину». Но община эта мыслилась федералистическая (редакторы-издатели газеты так и называли себя социалистами-федералистами). Газета высказывается за социалистический переворот, но зато резко обрушивается на тех, кто советует рабочим бороться за политическую свободу. В № 14 в статье «Благодетели» об'ясняется, почему не нужно бороться

---

[1] «Артели рабочих (ассоциации) для основании фабрик и мастерских» Л.-М. 2-е изд. Киев. 1871 г.

за политическую свободу, хотя и нужно свергнуть царя,—потому что разницы между царством и республикой, в которой попрежнему останутся сытые и голодные, нет никакой...

Газета не разделяет рабочих и крестьян и об'ясняет в передовой статье первого номера это таким образом («Почему мы печатаем газету»): «Мы пишем газету для работающего народа русского, вот почему она и называется «Работник».

Мы так долго останавливались на выяснении характера этой газеты потому, что ею очень сильно пользовался Заславский.

Как видно из только-что сказанного, газета «Работник» была типичной литературой анархического направления того времени, и за всем тем в ней было два элемента, сильно отличавшие ее от всей остальной литературы,—это постоянно подчеркиваемая мысль, что освобождение «работников» (под которыми, впрочем, анархисты понимали всех трудящихся) есть дело самих работников, и рассказы об этой освободительной борьбе западных рабочих. Эта мысль проводится в статье № 4 «На себя надейся», в статье «Благодетели», в №№ 14 и 15, в статье о стачках, да, пожалуй, и во всех статьях, где речь идет о борьбе рабочих. «На кого надежду положить», спрашивается в № 4, и дается ответ: «На себя надейся. Надо перестать обманывать себя надеждой,—говорится в № 14—15,—на то, что кто-либо, кроме самих рабочих, сможет освободить рабочий народ». В статье № 5 «Русское государство» борьба народа с самодержавием рисуется как борьба двух классов: один—это царь, купцы, помещики, фабриканты, а другой—это все те люди, которые честно добывают хлеб свой, а не прабят своего ближнего. Пропагандировались газетой и стачки. Кроме корреспонденций о стачках за границей и в России (например, письма из Москвы о фабрике Столярова и Таляева, об Ушаковском химическом заводе в Вятской губ. (№ 3), о положении рабочих в Одессе (№ 15), как живет и борется черноземный рабочий (№№ 12, 13, 14 и 15), в № 4 была напечатана специальная статья «Стачки». В этой статье раз'яснялось, что такое стачка, описывались случаи, когда западные рабочие прибегали к стачкам, и делались такие выводы: «...Никакой свободы труда нету, а есть только свобода помирать с голоду». Затем указывалась польза от стачек: «...привыкает рабочий бунтовать, не робеть перед каждым чиновником да полицейским, научается половчей с ними расправляться. В этом главное значение стачки. Что же касется повышения заработной платы, то от этого польза рабочему небольшая. Иное дело, если он добьется уменьшения числа часов работы». Наконец, давался совет и русским рабочим: «пора и русским рабочим за ум

взяться; пора и им сплотиться между собой на борьбу против общего врага, пора и им начать делать стачки».

Международному об'единению пролетариата были посвящены и специальные статьи—«Международное товарищество рабочих» (начинаются в № 6 и заканчиваются в № 13).

Вот такого рода статьи и книги, почти совсем не распространявшиеся в крестьянстве, имели все же очень большое значение для развитя классового самосознания рабочих в Одессе, и они же характеризуют то направление, какое взял Заславский в своей работе. И документы, и жандармы, и, наконец, сами участники союза особенно подчеркивают стремление Заславского развить самодеятельность рабочих, на деле им доказать, что дело их освобождения есть их собственное дело. И хотя Л. Шишко в своей статье о Кравчинском говорит, что будто бы вся пропаганда народников тех времен имела «стремление передать дело рабочих в их собственные руки»[1], однако мы видим, что это было далеко не так, и что, как раз наоборот, большинство народников в своих воспоминаниях подчеркивают иную тенденцию: видеть в пролетариате материал, из которого легче всего подготовить народников-революционеров для деревни, для террора (во времена «Народной Воли»). Мы, кроме того, знаем резкий и, можно сказать, исторический пример отрицательного отношения народников к самостоятельной попытке рабочих взять дело своего особождения в свои руки и построить по-своему, по-рабочему свою организацию. Мы говорим все о том же «Северном союзе» Обнорского и Халтурина и о полемике их с народниками. Заславский иначе относился к этому делу, и потому он достиг таких больших успехов: в Одессе в союзе было до 200 членов (а по некоторым данным и до 300), в Ростове-на-Дону существовало отделение, завязывались связи, повидимому, с Харьковом, Николаевом и другими городами. Отделение в Ростове-на-Дону было организовано самими рабочими без всякой помощи интеллигенции; пропаганда в Одессе и в Ростове велась тоже такими прекрасными учениками Заславского, как Рыбецкий, Кравченко, Наддачин.

Надо думать, что это и подействовало на Обнорского, и что именно под влиянием дела, затеянного Заславским и уже тогда, в бытность Обнорского в Одессе, развернувшегося и обещавшего успех, Обнорский и сам решил посвятить себя созданию рабочей организации в России.

---

[1] Л. Шишко. С. М. Кравчинский и кружок чайковцев.

Он это и сделал, и сделал хорошо: поехал за границу, пополнил свои знания, развил и углубил программу Заславского и, найдя себе такого прекрасного организатора, как С. Халтурин, основал уже свой «Северный союз русских рабочих». Ученик Заславского не только оказался достойным учителя, но и превзошел своего учителя, что видно из тех уроков политической грамоты, какую преподал народникам слесарь Обнорский, который, повидимому, был и автором программы «Северного союза русских рабочих», и автором полемики со своими друзьями-противниками.

Значение «Северного союза русских рабочих» в истории русского революционного движения огромно. Это всем известно и это так; но если это так, то не меньшее значение приобретает и «Южно-российский союз рабочих» Заславского, учителя Обнорского, который и получил свое воспитание по организации рабочих именно здесь, в Одессе.

3. «Южно-российский союз рабочих» и «Южно-русский рабочий союз» Ковальской.

В каком же отношении к союзу Заславского и Обнорского стоит «Южно-русский рабочий союз» 80-х годов Ковальской и Щедрина? Каково его значение вообще? Организационной или хотя бы такой идейной связи, какая нами только-что установлена между «Южно-российским союзом рабочих» Заславского и «Северным союзом русских рабочих» Обнорского—Халтурина, нет, конечно, никакой. Ковальская сама говорит, что она и ее товарищи были одиночками.

В этом отношении достойны внимания нижеследующие строчки из ее предисловия[1]: «... В 79 году партия «Земля и Воля» разделилась на две, которые потом приняли название «Народная Воля» и «Черный Передел». Последний остался верен землевольческой программе. Вступая в «Черный Передел», принимая основные положения программы, по которой я и раньше работала, в вопросах тактики я колебалась. Опыты революционеров, работавших в деревнях, были мало успешны. Чужому человеку в деревне приходилось долго, с трудом завоевывать доверие крестьян, а когда его престиж укреплялся, жандармы уже шли по его следам; приходилось сниматься с места, перекочевывать в другое, где повторялась та же история. Бунты (вопреки теории Каблица, гово-

[1] К статье «Южно-русский союз» в изд. Центрархива «Южно-русские рабочие союзы». М. 1924 г.

ривнего, что в горниле бунтов путем упражнения революционное чувство растет) успешно подавлялись, вызывая в крестьянах разочарование и недоверие и к агитаторам, и к собственным силам. Чернопередслец Петров, поехавший возобновлять связи с чигиринскими крестьянами (после чигиринской истории), вернулся из поездки без всяких результатов. Приехал Харизоменов, яркий народник, особенно умевший приспособляться в деревне, но и от его рассказов у меня получилось впечатление, что там только еще ощупывается почва, да и то у единиц из крестьян. Мои собственные опыты были также мало успешны. К тактике Стефановича (чигиринское дело) вызывать бунты, *действуя именем царских комиссаров*, я относилась крайне отрицательно.

Размышляя о разных подходах к массам, я постепенно пришла к мысли о необходимости *выдвинуть на первый план* деятельности, с одной стороны, *экономический террор* (он входил в программу «Черного Передела», но на первом плане стояли бунты), как более понятный, защищающий непосредственно интересы масс, берущий наименее жертв и поднимающий революционный дух; с другой стороны—*организацию рабочих союзов*, члены которых перебрасывали бы из городов в свои деревни революционную работу, и на первом плане опять же экономический террор».

В этом отрывке как нельзя лучше самим автором вскрыты те причины, какие толкали чернопередельцев на работу среди пролетариата: невозможность успешной *социалистической* работы в крестьянстве. Совсем, конечно, не потому, что в деревне не давали долго работать (в городе было не лучше), а потому, что чигиринская тактика, дававшая тысячи крестьян, была неприемлема для революционеров, а Петров, Харизоменов да и любой, конечно, чернопередслец в лучшем случае мог надеяться приобрести в деревне единицы последователей. Мы знаем причины этих неудач: они лежали куда глубже полицейской деятельности против революционеров. Мы знаем известный рассказ пропагандиста-народника о мужике, внимательно слушавшем речь революционера и радостно заявившем, что как только произойдет революция и отберут землю у помещиков, он принаймет себе работничков. Дело заключалось в том, что крестьянин еще не был готов к восприятию социалистической пропаганды. Вырастал зато новый класс, пролетариат, и настолько заявлял о себе, что лишь слепой не видел и не понимал, какое огромное значение имеет этот новый класс. Даже те разрозненные стачки, что вспыхивали тут и там еще в 70-х годах, показывали, какая могучая сила зре-

ет в рабочем классе, а такие организации, как Союз Заславского и Обнорского, были, можно сказать, фактом еще более доказательным в пользу того, что рабочая среда—неиссякаемый источник революционной энергии. Рабочее движение выдвигало, так сказать, на авансцену истории и невольно втягивало в себя все наиболее революционное и вдумчивое в революционной народнической среде.

Это вырастающее рабочее движение, как известно, наложило большой отпечаток и на взгляды Плеханова, уже тогда на страницах «Черного Передела» придававшего большое значение революционному движению пролетариата и постепенно эволюционировавшего от народничества к марксизму. Самый раскол в партии «Земля и Воля» знаменовал собою определенную зрелость экономических и, стало-быть, общественно-политических отношений: в 1879 г. выделялись герои—радикалы-народовольцы,—боровшиеся за политическую свободу, которая нужна была буржуазному обществу, как воздух, а через несколько лет, в 1883 г. выделились идеологи пролетариата для организации классовой партии пролетариата, которая тоже нужна была, как воздух, рабочему классу, тоже, между прочим, для борьбы и за политическую свободу. Эту эволюцию пережил не только один Плеханов, ее переживал и Аксельрод. Ковальская говорит об Аксельроде в 1880 г.: «Узнав о нашем намерении ехать организовать убийство Хлудова, он возмутился и стал нам доказывать, что это невозможно, нежелательно, вредно. Предложил прочесть составленную им новую программу для «Черного Передела». Это был набросок программы очень расплывчатой, какого-то перехода от народничества к марксизму (подчеркнуто нами. *В. Н.*). Соединение несоединимого. Теперь восстановлять по памяти эту программу считаю невозможным, но уверенно могу сказать о ней: в народническую программу широко вклинились политические задачи, в тактику—средства западной социал-демократии. Для нас она была совершенно неприемлема. Впоследствии я узнала, что за границей она тоже не была одобрена чернопередельцами». Пусть так: чернопередельцы ее, эту программу Аксельрода, не одобрили, но эволюцию своих взглядов переживал он, Плеханов, Дейч да, пожалуй, уже и многие рядовые чернопередельцы. Новые силы и, стало-быть, новые слова уже были налицо и уже носились в воздухе: нужно было только, чтобы народовольцы сказали свое наиболее сильное слово, и эволюция превратится для одних в эволюцию к новой социал-демократической партии, а для других— в кризис «Народной Воли». Скоро часть чернопередельцев за границей станет группой «Освобождения Труда», а часть в России ор-

ганизует вместе с Дм. Благоевым «партию русских социал-демократов». Но и не только это, даже такие верные старым традициям революционеры, как Ковальская и Щедрин, будут говорить все еще старые слова, а на практике начнут делать уже новое дело. В самом деле, программа «Южно-русского рабочего союза» в Киеве—старая народническая программа (в этом отношении не только по сравнению с Союзом Обнорского, но даже и с Союзом Заславского она шаг назад), но дело Ковальской и Щедрина—уже новое рабочее дело: как только организация Союза развернулась и работа охватила несколько сот человек, народники-черноперельцы неминуемо и неизбежно пришли к устройству стачек. Они должны были к этому притти, они не могли не притти к этому: все равно—рабочее движение стихийно бы повело их к этому, как это случилось с Заславским, Обнорским и Халтуриным.

Организационной связи между Союзом Ковальской и Союзом Обнорского и Заславского нет, но зато есть другая, социально-экономическая связь: союзы одесский и петербургский были первым следствием уже созревших экономических условий, первыми ударами по народническому мировоззрению, а киевский союз—последней попыткой умирающего революционного воззрения приспособиться к новым условиям и начать переходный период, хотя и со старыми словами и со старыми знаменами.

Мы употребили выражение: «со старыми знаменами и словами». Да, киевский «Южно-русский рабочий союз» говорит в своей программе: «Некоторые думают, что рабочие должны добиться политической свободы, чтобы потом посредством ее улучшить свой экономический быт. Но наука о человечестве несомненно доказывает, что политическая свобода не может явиться без предварительного экономического переворота, политические права и влияния принадлежат только тем классам общества, в руках которых находится или экономическая или нравственная и физическая сила (боевая организация). Стало-быть, для того, чтобы выйти из настоящего положения, рабочие должны направить все усилия к достижению экономического переворота; политические же льготы, как показывает история, будут непременным результатом экономического изменения».

Ковальская и Щедрин говорили в своей программе прекрасным народническим поэтическим языком, но как только спускались в рабочую гущу, жизнь заставляла их говорить самой настоящей прозой. Союз сначала мало привлекал рабочих: в первоначальном кружке было человек десять, рабочая масса мало и слабо, повидимому, понимала пропаганду за какую-то отдельную

цель, но вот началось недовольство рабочих арсенала, и Союз заговорил языком конкретных требований минуты, языком прозы, такой близкой и понятной всей массе, что масса сразу пошла за Союзом, а после удовлетворения некоторых требований, пред'явленных в прокламации Союзом, приток рабочих настолько увеличился, что по ночам Щедрин устраивал настоящие массовки.

«Такой успех,—говорит Ковальская,—вызвал прилив рабочих в таком количестве, что мы не знали, где найти место для собраний».

В программе киевского союза средствами борьбы в первую голову считается: фабричный террор, политический террор, тайная агитация и организация на почве касс, библиотек и т. д.

Мы видим, таким образом, что и в программу чернопередельцев Ковальской и Щедрина просочилась народовольческая ересь,—политический террор, которого, по крайней мере на словах, так чурались правоверные народники.

Так жизнь заставляла чернопередельцев, во-первых, итти в город, в рабочую массу, во-вторых, вносить в свою программу то одно, то другое положение своих противников и, в-третьих, в своей практической работе итти вслед за течением рабочей стихии.

4. Судьба некоторых участников процесса по делу «Южно-российского союза рабочих».

Необходимо хотя бы немного остановиться на некоторых деятелях «Южно-российского союза рабочих», так как главных организаторов и вдохновителей этого замечательного союза уже нет в живых.

Евгений Осипович Заславский фигура незаурядная даже в те времена, даже среди таких блестящих имен, как Кравчинский, Осинский, Лизогуб, Кропоткин и десятки других революционеров-народников. Это, прежде всего, блестящий организатор. Он не блещет ораторскими талантами, у него нет внешних эффектов, он не увлекает мгновенно, а медленным систематическим воздействием, силою логики и, самое главное, практикой, делом привлекает к себе людей. Он не только пропагандирует лозунг: «Освобождение рабочих есть дело самих рабочих», он умеет воплотить его в жизнь, он умеет заставить самих рабочих делать свое дело.

Организаторы бывают двух родов: организаторы-агитаторы, организаторы чувства, так сказать, — это люди, действующие главным образом на чувства, умеющие найти у каждого человека

его личный, частный интерес. Такого типа организаторы быстро привлекают людей, быстро достигают эффектов.

Организаторы второго рода—это люди холодного расчета: нельзя сказать, что это бесстрастные люди,—нет, но они поражают логикой своих схем, неизбежностью их приемлемости, неотвратимостью своих выводов. Такие люди заставляют действовать других, сами остаются как бы в тени, в стороне, а между тем они центр и начало всего. К таким типам и принадлежал Заславский. Он не был синтезом двух указанных типов, тем, например, чем являлся т. Ленин, этот гениальный организатор масс, счастливо сочетавший в себе и необыкновенную силу мысли, и необыкновенную страстность убеждения, и необыкновенное умение увлекать миллионные массы на путь самодеятельности, и необыкновенное уменье остаться в тени, и вместе с тем необыкновенную притягательность своей нравственной личности, моральная ценность которой заставляет умолкать все противоречия и разногласия. Конечно, Заславский не был таким организатором, но он имел одно из свойств такого организатора: он умел действовать так, что, делая сам, вовлекал в это дело и массу своих учеников, заставлял их итти по пути самодеятельности. Он создавал новых деятелей, как Обнорский, Рыбецкий, Наддачин, а это великое качество организатора.

Нечего и говорить, что таким скромным, незаметным, тихим, но необыкновенно твердым и верным своим убеждениям Заславский оставался до конца. Еще в одесской тюрьме он психически заболел. Какой-то народник, сидевший в это время в тюрьме, вспоминает, какое тяжелое впечатление производил тогда Заславский на товарищей [1].

Жандармы, судебные власти и Сенат склонны были подозревать Заславского в симуляции. Его несколько раз подвергали освидетельствованию, он сидел в больнице Николая чудотворца, его мучили испытаниями и консилиумами, и надо сказать, что, просматривая отчеты об этих консилиумах, иногда задаешь себе вопрос: да не симуляция ли это, да не самый ли умный человек здесь, подозреваемый в сумасшествии, Заславский? Он не проронил ни одного лишнего слова, он вообще ничего не сказал жандармам, несколько раз он только требовал выполнения каких-то судебных формальностей.

Царь, вообще очень интересовавшийся делом Союза (первый доклад царю был сделан 22 декабря 1875 г., затем 7 января 1876 г. и т. д.), дал Заславскому самое тяжелое наказание—10 лет ка-

[1] «Былое», 1903 г., № 4.

торжных работ, хотя в сущности Союз ни к каким террористическим актам рабочих не призывал. Но и после этого больной и измученный Заславский не запятнал себя просьбой о помиловании. Его жена, Мария Григорьевна Заславская, просила царя (15 июля 1877 г.) о помиловании. В ход были пущены кое-какие связи. В деле имеется письмо одной высокопоставленной дамы, умолявшей Мезенцева обратить внимание на прошение. Мезенцев переслал письмо и прошение в Сенат. Заступничество сильных людей имело успех, и Заславскому был сокращен срок на 4 года. Но он был болен, и жена снова обратилась к царю, прося заменить мужу каторгу ссылкой на поселение. Пока рассматривалось прошение, и шла волокита, Заславского собрались отправлять в Сибирь. В виду же возбуждения нового ходатайства, его возвратили 11 февраля 1878 г. с дороги, со станции Колпино Николаевской железной дороги, снова в Петербург в тюрьму. 18 мая 1878 г., наконец, царь окончательно заменил Заславскому каторгу ссылкой на поселение в Томскую губ.

Такая милость об'ясняется, между прочим, тем, что, кроме хлопот высокопоставленных лиц, сам Сенат после второго ходатайства Заславской склонился на его сторону и высказался за смягчение участи. Но было уже поздно: 13 июня 1878 г. Евгений Осипович Заславский умер от туберкулеза в петербургской тюремной больнице, а через два дня, 15 июня, жене его выдали труп, и она похоронила мужа на католическом кладбище.

Самые верные и преданные делу ученики Заславского держались так же стойко, как и он сам. Все это была молодежь, и тем не менее они стойко и достойно держали себя в течение всего процесса и в особенности потом, когда на них обрушились кары правительства. Вслед за Заславским наиболее тяжелое наказание получили Ян Рыбецкий и Федор Кравченко—по 5 лет каторжных работ на заводах. Христофор-Ян Рыбецкий (или Рывецкий [1]) причинил много хлопот следственным властям, т. к. он называл себя турецко-подданным, а между тем у жандармов были сведения, что он русско-поданный из обедневших дворян, поляк, просто-напросто обменявший свой паспорт на паспорт турецко-подданного. Однако, вопрос этот остается до конца невыясненным, и Рыбецкий так и пошел на каторгу, как неизвестного звания человек. Этот токарь был одним из деятельнейших сотрудников Заславского: пламенный агитатор, он не любил ждать, бросался в

---

[1] Фамилия Рыбецкого встречается в следственном деле и в различных начертаниях: Рыбецкий, Рыбицкий, Рывицкий, Ревицкий и т. д. В целях единообразия мы остановились на первой редакции.

массу и, хотя не соблюдал надлежащей осторожности, достигал на первых порах больших результатов. Сквери рисует его именно таким полным огня и веры прозелитом Заславского. Рабочий, токарь, молодой человек 25 лет, он ни слова не сказал жандармам. Так же стойко держался другой ученик Заславского, Федор Иванович Кравченко, слесарь из мещан. Оставшись сиротой 3 лет, он жил у тетки, обучался грамоте, а с 11 лет пошел в ученики и с тех пор до суда не разрывал связи с рабочей средой. На скамью подсудимых сел всего 19 лет и, несмотря на это, ни слова не сказал жандармам. И он, и Ян Рыбецкий за такое упорное нежелание разговаривать с жандармами были отправлены в один из самых ужаснейших царских застенков — в новобелгородскую тюрьму.

Василий Яковлевич Мрачковский и Михаил Петрович Сквери рассказали на допросах очень многое, и тем не менее правительство не пощадило и их и отправило в ссылку на поселение (с лишением прав): Мрачковского — в Сургут, а Сквери — в Пелым. Сквери уже в Сибири подавал царю прошение о возвращении ему отнятых у него по суду прав.

Степан Дмитриевич Лущенко, слесарь из мещан, держался очень хорошо и по сути дела от всего отказался, получил арестантские роты на 2 года с лишением прав, так же, как и кузнец Михаил Фомич Курлановский. Но Курлановский давал откровенные показания, и потому не удивительно, что он подал царю прошение о помиловании. Как и по каким причинам такое же прошение подал Лущенко, остается невыясненным. Эти слезные прошения возымели действие, царь заменил обоим арестантские роты, и они получили всего по 4 года полицейского надзора. Царь так же помиловал еще трех обвиняемых, которым грозило серьезное наказание,—Силенку, Наумова и Ляховича: им, по мнению суда, полагалась каторга, но в виду того, что они совершили преступление «по легкомыслию и неведению», суд сам ходатайствовал заменить им каторгу ссылкой на поселение с лишением прав. Царь согласился с мнением суда, и эти осужденные пошли: Силенко (он к тому же подал царю прошение о помиловании) в Пелым, Наумов в Обдорск, Ляхович в Березов.

Степан Степанович Наумов, наборщик типографии Заславского, молодой человек 24 лет, несмотря на все ухищрения жандармов побудить его к оговору своего хозяина, остался тверд своим убеждениям, и так как против него не было никаких важных улик, то жандармы обвинили его просто в том, что он не признает бога и царя. По этому поводу Наумов так писал на допросе: «С Ивановым (рабочий, оговаривавший Наумова. *В. Н.*),

сколько помню, я имел разговор не о каком-либо противозаконном обществе, а об обществе ремесленников, которое собирается в ремесленной управе; недоволен же он на меня собственно за бывший между нами религиозный спор о посте. Я говорил ему, что бог не требует, чтобы человек изнурял себя постом, а Иванов доказывал противное». Такие убеждения да ухищрения жандармов, что Наумов очень близко стоял к Заславскому, и посадили его на скамью подсудимых.

Рабочий Макар Романович Короленко, совсем молодой человек, вероятно, за полное свое сознание получил год и три месяца крепости.

Федор Денисович Соколов, Георгий Никифорович Тараненко, Капитон Мартынович Волощук и очень видный работник Союза Николай Борисович Наддачин, несмотря на то, что они очень стойко держались в течение всего дела, получили только арест при полиции на 3 месяца и затем, за исключением Волощука, надзор полиции.

Вообще, несмотря на очень большое число сознавшихся на допросах (Силенко, Мрачковский, Короленко, Сквери, Ляхович, Тисельский, Изотов [1]) и даже предателей (например, Толстоносов), остальные привлеченные держались настолько хорошо, что даже Сенат вынужден был из числа 39 человек, по мнению жандармов подлежавших суду, посадить на скамью подсудимых только 15 человек.

Сообщая мин. вн. дел. Мезенцеву о прекращении следствия 25 февраля 1877 г., обер-прокурор Сената сообщил постановление Особого Присутствия о том, что дело прекращено по отношению к следующим лицам: Виктору, Дмитрию и Каллистрату Быстриевским, Александру Ломейеру, вольному штурману Василию Энглези, сыну солдата Григорию Осуховскому, лифл. уроженцу Александру Кнепперу, студенту Федору Щербине, сыну священника Ивану Телятникову, учителю прих. нар. училища Ипполиту Веру, канонику Андрею Павлову, крестьянам Платону Тисельскому, Дмитрию Изотову, Ивану Шатунскому и Игнатию Самсонову, и мещанам: Сергею Наддачину, Дм. Гренко, Павлу Сикачину, Ив. Чимеренко, Терентию Полякову, Дм. Масоку, Ив. Шокину, Ник. Тонзурову, Алексею Медведеву и неизвестного звания Иосифу Ляховскому.

Любопытен мотив, приводимый Особым Присутствием Сената, в силу которого, по его мнению, не следует отдавать под суд

---

[1] В статье тов. В. К-ова Гренко и Изотов обозначены как несознавшиеся. Это не верно.

Наддачина, Тисельского, Быстриевских, Чимеренко, Павлова, Энглези, Тонзурова и Ломейера:

«...Тем более,—писал Сенат,—что они в этом отношении являются не более виновными, чем, например, свидетель Незабитовский, знавший столько же, если даже не более, чем они, и не донесший своевременно о том, что ему было известно, и что последний из них, подобно свидетелю Незабитовскому, мог действительно опасаться, что в случае доноса он будет убит».

Даже Сенат отказался привлечь многих из арестованных жандармами, потому что работа предателя Толстоносова, донос которого и помог жандармам раскрыть дело, слишком была очевидна, и в жандармские сети попали совсем непричастные к делу люди вроде слесаря Телятникова (этот молодой человек плакал на допросе).

Как видно из перечня привлеченных и обвиняемых, все это были рабочие; интеллигентов было двое: Заславский и Федор Андреевич Щербина, студент Новороссийского университета, впоследствии известный статистик. Но участие Щербины в деле не ясно. Повидимому, он только начинал входить в организацию и знакомиться с рабочими; данных, указывающих на его связь с Заславским, не имеется. Привлечен он был потому, что жил на квартире у рабочего. Когда начались аресты, он пытался отойти в сторону, но когда он хотел выручить кассу (деньги), хранившуюся у одного из рабочих, доброволец-сыщик, рабочий Тавлеев, помог полиции задержать Щербину. Связь однако у Щербины с союзом какая-то существовала. Сам он на допросе пытался об'яснить свое знакомство с рабочими тем, что он был корреспондентом газет, куда писал о жизни рабочих, и между прочим, показывал: «...Вообще существующим у нас порядком государственного устройства я доволен, хотя многие частности и желал бы изменить, например, увеличить средства на народное образование».

За такое «доволен» жандармы выслали Щербину только под надзор полиции в Вологодскую губернию. Впрочем, его долго не оставляли в покое, так как тот самый Тавлеев, который помог жандармам ловить Щербину, 5 сентября 1876 г. в городском саду был убит, как это хорошо известно, революционерами. Жандармы попытались привлечь к ответственности и Щербину за сочувствие в убийстве, но ему удалось доказать свою непричастность.

Дальнейшая судьба большинства участников «Южно-российского союза рабочих» неизвестна, за немногими исключениями.

Михаил Сквери жив и выпустил книжечку воспоминаний.

Из отправленных в белгородскую тюрьму, только об одном из братьев Наддачиных имеются сведения в делах Историко-Рево-

люционного Архива, именно, что Николай Наддачин работал в начале 80-х годов на заводе в Петербурге и даже был привлечен за участие в забастовке.

Как сообщает в своих воспоминаниях П. Владыченко, Степан Степанович Наумов по возвращении из Сибири жил в Одессе, где и умер в старой городской больнице от истощения и острого воспаления печени [1]. По его словам, Сергей Наддачин покончил с собой в ссылке в Селенгинске, бросившись вниз головой с высокой скалы.

5. «Южно-российский союз рабочих» — первая классовая рабочая социалистическая организация.

Как бы ни относиться к деятельности Заславского, к какому толку народников ни причислять его, несомненно одно: дело, начатое Е. О. Заславским, есть одно из звеньев той цепи, какой связывается современное рабочее движение с прошлым. Сквери склонен причислять Заславского к лавристам, и это отчасти верно,—в его мировоззрении были элементы лавризма (его отвращение к бунтовству, его тяготение к основательной подготовке революционеров, его склонность к Международному обществу рабочих, его, наконец, работа—создание касс, кооператива и т. п.), но не в этом значение его организации.

Он первый поставил вопрос об организации рабочих, как о самодовлеющей, ставящей своей задачей борьбу экономическую и политическую; он первый поставил вопрос, как мы сказали бы теперь, о создании пролетарской партии, ибо мыслил себе переворот, как результат развития классового сознания и об'единения рабочих («этот переворот может осуществиться только после осознания рабочими их безвыходного положения и после их полного об'единения»); он, наконец, первый практически начал дело об'единения рабочих в особую организацию.

Как бы ни относиться критически к его программе теперь, в те времена—во времена господства народнической идеологии—это был большой шаг вперед.

Заславский, кроме того, сумел создать чисто рабочую организацию; если не считать его, как творца организации, среди всей массы рабочих (человек 200) было всего два-три интелли-

[1] Повидимому, Ст. Ст. Наумов в 1895 г. привлекался по делу Колпакчи и Фишеля Койгена в Одессе (см. обзор важнейших жанд. дознаний за 1895 и 1896 гг., стр. 42).

гента: Щербина, может быть, Сквери, да и то отношения к организации Щербины еще не ясны .При этом рабочая организация Заславского включала в себя действительно лучшие элементы. Сквери уже дал характеристики некоторых рабочих. Но можно взять любого, все они как на подбор (мы говорим о лучших его учениках и, конечно, не считаем ими тех, кто значится в числе сознавшихся). Возьмем хотя бы Сергея Наддачина. Это чистокровный рабочий, с малых лет зарабатывавший себе кусок хлеба. «Родился в Крыму,—говорит он о себе,—близ Ялты, но где именно, не знаю; до 11 лет жил при родителях на южном берегу Крыма, и в это время какой-то случайный учитель обучал меня грамоте, потом с 11 лет я переселился в Симферополь к севастопольскому купцу, взявшему меня на воспитание; здесь, в Симферополе, до 15 лет я учился в уездном училище, а потом, выйдя из 2-го класса, поступил к столяру Юдину для обучения столярному мастерству. Окончил в 20 лет от роду это обучение...» и затем работал на заводе Фендриха. Его участие в работе было очень велико, в особенности в той части, где дело шло об ассоциациях (баня, касса, библиотека). Но, несмотря на это, он держался на допросе с достоинством и твердо, не говоря лишнего и никого не подводя. И таких рабочих в союзе Заславского было большинство. Рабочие, по преимуществу молодежь, развитые, грамотные, стойкие, сильные: ведь жандармы, в конце концов, привлекли к ответственности только 39 человек, а сами они считали в организации 300 человек. Остальные просто ускользнули из цепких лап жандармов. Мало того, около Заславского выросла еще группа молодежи, отдавшей себя целиком революции, несмотря на кары, какие обрушило правительство на Заславского и его товарищей; это группа Владыченки, братьев Ивичевичей, М. Терентьева, Тефтула и др.

Наконец, организация Заславского была школой для В. Обнорского. Обнорский, таким образом, связывает организацию Заславского с «Северным союзом русских рабочих». Но теперь установлено достаточно хорошо, что один из учеников Обнорского и Халтурина, П. А. Моисеенко, являлся организатором и руководителем двух крупнейших стачек: Морозовской в 80-х годах и Ростовской в 90-х годах. Стало-быть, устанавливается несомненная связь и преемственность революционного рабочего движения от 70-х годов, от его лучших представителей, до 90-х годов, когда это движение разливается широкой волной уже под руководством социал-демократии. Мало этого, достаточно хорошо теперь установлено, что ядро так называемой «Партии русских социал-демократов» (группа Благоева) вклю-

чало в себя бывших чернопередельцев (Латышев и Благославов—чернопередельцы [1]), а группа Бруснева получила и свой опыт, и свои связи от некоторых членов Благоевской группы (Лавров и Герасимов—благоевцы [2]); точно так же установлено, что в первых кружках С. И. Мицкевича были рабочие, уцелевшие еще от погрома Брусневской группы,—мы говорим об остатках кружков Афанасьева брусневских времен в Москве.

Таким образом, мы можем шаг за шагом проследить развитие пролетарской организации от первого ее ядра, от рабочей организации 70-х годов «Южно-российского союза рабочих», к 80-м и 90-м годам и, стало быть, ко времени широкого рабочего движения.

Таким образом, «Южно-российский союз рабочих» по справедливости можно назвать первой в России социалистической рабочей организацией, а Заславского—первым организатором такого союза.

Вместе с тем из работы Ковальской вытекает другой не менее важный вывод: чернопередельцы уже в 1880 и 1881 гг. были на распутьи. Аксельрод вырабатывает проект программы, где причудливо сплетаются элементы народничества и социал-демократии, а практики-чернопередельцы постепенно оставляют работу в крестьянстве и идут в рабочие массы, где еще со старой программой и со старыми лозунгами под давлением жизни руководят рабочими в их повседневной экономической борьбе. Незаметно для них самих в их идеологию просачиваются новые элементы. Так сначала робко, а затем все сильней и сильней эта новая струя в революционном движении становится все шире и шире, пока, наконец, не превращается в могучий поток, вливающийся в международную борьбу пролетариата.

---

[1] Б. Николаевский. Программа первого в России с.-д. кружка. «Былое» № 13, 1918 г.

[2] Воспоминания В. С Голубева. «Былое», декабрь, № 12, 1906 г.

ВИКТОР ПАВЛОВИЧ ОБНОРСКИЙ

I. Несколько замечаний о характере рабочего движения 70-х годов.

Десятилетие от 1870 до 1879 года прошлого века замечательно, как известно, не только тем, что как раз в это время наиболее ярко проявилось революционное движение разночинной интеллигенции, но и тем, что уже тогда были сделаны попытки создать классовую революционную организацию рабочих. До настоящего времени, однако, этот последний вопрос нельзя считать выясненным с достаточной полнотой по многим причинам. Прежде всего требуют некоторых раз'яснений и дополнений наши обычные представления о рабочем движении 70-х годов; затем нуждается в более тщательном обследовании вопрос о взаимоотношениях между революционной интеллигенцией и создавшимися тогда рабочими организациями; мало освещен и вопрос о роли рабочей интеллигенции в этом движении, и, наконец, почти совершенно не исследован вопрос о той новой идеологии, вернее, о том сдвиге в революционном мировоззрении, который начался уже тогда и который, в конце концов, привел народников к марксизму. Само собою понятно, что в настоящей работе мы не намерены рассматривать все эти вопросы (для этого требуется и больше, чем имеется у нас, материалов и более продолжительная подготовительная работа), но некоторые из них мы постараемся осветить с несколько иной точки зрения, чем это делалось доселе.

При рассмотрении рабочего движения 70-х годов во всех учебниках и работах принято обыкновенно останавливаться на тех фактах и явлениях, которые так хорошо и ярко описаны Г. В. Плехановым в его воспоминаниях: «Русский рабочий в революционном движении»[1], а также в корреспонденциях о вол-

---

[1] Собр. соч Г. В. Плеханова, т. III, стр. 121.

нениях рабочих на петербургских фабриках, напечатанных в №№ 2, 3 и 4 «Земли и Воли» за 1879 г.[1] Но здесь описаны только стачки ткачей 1878 и 1879 гг. в Петербурге. О более ранних стачках текстильных рабочих писали и другие авторы[2]. Зато о стачках рабочих других категорий писалось очень мало. Наиболее обстоятельную сводку стачек дал покойный Мартов в своей работе «Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России», печатавшейся в свое время в «Истории России в XIX в.» (в изд. Граната[3]). Однако, и здесь дана далеко не полная картина движения. В новой работе Балабанова к тому, что дал Мартов, прибавлено очень мало. И везде во всех работах по этому вопросу рабочее движение представляется главным образом как движение текстильных рабочих. Быть может, именно этим обстоятельством об'ясняется, например, то истолкование различного характера программ Петербургского и Одесского рабочих союзов, какое дает М. Н. Покровский в своих «Очерках по истории революционного движения в России в XIX и XX вв.». Тов. Покровский, как известно, об'ясняет более революционный характер программы Е. О. Заславского тем, что главным кадром этой организации были рабочие металлисты, в то время как в Петербурге в союз входили ткачи. Такое неправильное заключение напрашивается само собой у всякого, кто недостаточно хорошо знаком с рабочим движением 70-х годов.

В действительности рабочее движение 70-х годов ни в коем случае нельзя считать движением исключительно текстильных рабочих. В особой работе по этому вопросу мы показали это достаточно подробно[4]. Здесь можно ограничиться указанием на то, что рабочее движение 70-х годов было значительно интенсивнее, чем это представляется, например, по данным Мартова, который насчитывает за период от 1865 по 1880 г., т.-е. за 15 лет, около 40 стачек с числом бастовавших рабочих приблизительно в 50 тыс. человек. В действительности и число стачек, и число бастовавших было значительно больше. Только за одиннадцать

---

[1] Собр. соч. Г. В. Плеханова, т. I.

[2] Напр., т. Батурин. Рабочее движение 70-х годов.

[3] Отдельное издание «Книги» 1923 г. в Петрограде. Мартов, впрочем, пользовался работой Прокоповича, опубликованной в трудах Вольного Экономического Общества и впоследствии вошедшей в его книгу «К рабочему вопросу».

[4] См. наше предисловие к готовящемуся к печати новому изданию книги «Русский рабочий в революционном движении» Г. В. Плеханова, в котором на основании документов б. III Отделения с. е. и. в. канц. и других данных подробно показан характер рабочего движения 70-х годов и приводятся сводные таблицы.

лет, с 1870 по 1880 г., произошло по крайней мере 243 стачки, причем в 162 стачках, данные о которых известны, участвовало не менее 120 тыс. рабочих.

Забастовочное движение, за исключением 1877 г.—начала русско-турецкой войны,—росло из года в год, так что в 1879 г. бастовало более 20 тыс. человек. Распределение и числа стачек и числа бастовавших по годам показывает, что 1874 и 1879 годы были годами максимального развития стачечного движения (в 1874 г. было более 24 260 бастовавших в 30 стачках, а в 1879 г. более 20 тысяч в 37 стачках). Кроме того, оказывается, что из всего числа бастовавших текстильные рабочие дали 53 тыс. с лишком человек, т.-е. 39,20% всего числа: металлисты—47 тыс., а остальное число приходится на долю всех прочих категорий. Для металлистов годами наибольшего напряжения борьбы были годы 1874, 1875, 1876 и 1879 (более 16 тыс., более 9 тыс., более 7 тыс. и 5½ тыс.), для текстилей годы 1878 и 1879 (с 11 тыс. с небольшим и 14½ тыс.).

Бастовали не только мелкие механические заводы в роде одесского завода Беллино-Фендрих, но и такие гиганты, как Путиловский, Семянниковский и Обуховский заводы; мало того, забастовки начались и на крупных заводах Юга, например, в Юзове.

Из числа 162 стачек на долю механических приходится 37, на долю текстильных 66, строительных (главным образом на постройке железных дорог) 16 и на долю прочих 43. Однако, несмотря на то, что металлисты бастовали 37 раз, они дали участников около 47 тысяч, т.-е. немногим меньше, чем текстильные рабочие, которые в 66 стачках участвовали в количестве около 54 тыс.

Распределение этих стачек за десятилетие по районам показывает, что наибольшее число стачек падает на северный район во главе с Петербургом (около 65 стачек и 48 546 бастовавших), затем идет центральный промышленный район, за ним следует Юг и западный край; Сибирь и Урал занимают последнее место.

Для характеристики движения нелишним будет сказать, что причиною стачек в подавляющем большинстве случаев было понижение заработной платы в той или иной форме (понижение расценок, увеличение штрафов, удержание части платы за квартиры и продукты и т. п.) и что до 1878 г. подавляющее же большинство стачек рабочие проиграли. Только в 1878 г. и особенно в 1879 г. борьба рабочих имеет успех, и стачки кончаются их победой. Мало того, начиная с 1878 г., стачки носят кое-где наступательный характер, в то время как до этого они исключи-

тельно оборонительные[1]. Это явление вполне понятно потому, что середина десятилетия характеризуется тяжелым промышленным кризисом и, стало-быть, наступлением капитала на пролетариат, а последние годы десятилетия были годами под'ема, и рабочий, спрос на которого возрос, собрался с силами и перешел в наступление. Для иллюстрации только-что сказанного можно указать на то, что в 1878 из 30 стачек 1, а в 1879 г. из 37 стачек 14 было выиграно, в то время как во все прочие годы большинство стачек было проиграно. Интересно также то обстоятельство, что в 1879 г. большинство выигранных стачек приходится на долю текстильных рабочих, в то время как в годы депрессии почти все текстильные стачки кончились неудачей для рабочих.

Если взять данные о стачечном движении только одних металлистов, то и из этих далеко, несомненно, неполных цифр получется небезынтересная картина.

Г о д ы	Число стачек	Число бастовавших
1870	2	—
1871	1	1 500
1872	1	2 782
1873	1	—
1874	7	16 350
1875	7	9 380
1876	7	7 102
1877	3	—
1878	3	1 532
1879	5	5 552[2]

Отсюда видно, что металлисты точно так же, как и прочие рабочие, больше всего бастовали в годы самого тяжелого кризиса и в годы под'ема, причем максимум бастовавших приходится на 1874 г.

В свете только-что приведенных цифр становятся понятными те явления рабочего движения, которые до настоящего времени вводили в заблуждение даже таких историков, как М. Н. Покровский. Всем было известно рабочее движение 70-х годов как движение текстильных рабочих. Отсюда и организация, например, Северно-русского рабочего союза представлялась делом текстильных рабочих. Сравнивая программы двух рабочих союзов—Северного и Южного,—тов. Покровский об'ясняет их различие социальной базой двух организаций и говорит: «Основная черта Северного союза была та, что это был союз текстильщиков, тка-

---

[1] Мартов неправильно все стачки десятилетия считает оборонительными.

[2] О 1872 и 1877 годах данных о числе стачечников не имеется.

чей-рабочих, вчера вышедших из деревни и сохранивших еще всю связь с деревней. На Юге это был союз главным образом металлистов» [1].

Что Южный союз был организацией металлистов, это не подлежит сомнению, что Северный союз был организацией текстильных рабочих, это просто неверно. Начать с того, что все выдающиеся рабочие центрального рабочего кружка были металлисты: Виноградов, Митрофанов, Обнорский, Волков, братья Петерсоны, Бачин и др. Самого Халтурина никак нельзя тоже причислить к текстильным рабочим, он—столяр, модельщик, работал больше на механических предприятиях.

Далее, главные кружки, образованные этими рабочими, находились на механических заводах: Макферсона, Семянниковском, Обуховском, Путиловском, Патронном и др.; фабричные рабочие входили в Союз, но в очень небольшом числе и наиболее развитые и сознательные, мало чем отличавшиеся от своих товарищей металлистов. Это наше утверждение подтверждается множеством свидетельств: и Плеханов, и Шишко, и другие деятели того времени, как о членах Северного союза, говорят прежде всего о металлистах.

Это подтверждается и другими, как увидим ниже, более веские соображениями.

Приходится расстаться и с другими общепринятым мнением, что Северно-русский союз возник «на почве питерской забастовки 1878 г.», как думает тов. Покровский. Формально дата образования Северного союза относится к 1878 г., но, повидимому, начало этой организации нужно отодвинуть значительно дальше, в глубь 70-х годов, к формированию того рабочего центра, из которого вырос Союз и который уже был налицо во всяком случае, как увидим ниже, в середине десятилетия [2].

Это вполне совпадает с той картиной движения, которая дана нами выше: рабочее движение 70-х годов не только движение ткачей, но и движение металлистов; это движение особенно сильно в середине десятилетия (1874, 1875 и 1876 гг.), и вполне поэтому становится понятным возникновение рабочих кружков как раз на таких механических заводах, где именно в эти годы происходили стачки (Латунный завод в Петербурге в 1874 г., Семянниковский завод и Неслера в 1875 г., Александровский и Путиловский заводы в 1876 г. и т. д.).

---

[1] М. Н. Покровский. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв., стр. 80.

[2] В наших очерках по «Истории РКП(б)», т. I, мы относим образование Союза к 1877 г., но это также неверно.

И на Юге эти годы тоже отмечены забастовками металлистов—в Одессе, на заводе Юза и т. д.

Забастовка ткачей в 1878 г. была большой забастовкой, охватившей больше 3 тыс. рабочих, но забастовки 1876 г. в Петербурге на заводах Александровском, Путиловском и на заводе Берда охватили больше 6 тыс. механических рабочих, так почему же забастовка о т с т а л ы х ткачей послужила почвой для возникновения Северного союза, а забастовка механических рабочих не могла быть такой почвой?

Движение 70-х годов было значительно сложнее и пестрее, чем думали до настоящего времени, оно втянуло в свой круговорот различные слои пролетариата—металлистов, ткачей, строительных рабочих, железнодорожных мастеровых, химических рабочих, горняков и т. д.

Металлисты и ткачи были двумя главными группами, участвовавшими в борьбе. Уже в середине десятилетия рабочее движение достигло довольно большого развития, причем металлисты в это время вместе с ткачами и составляют главную массу борцов.

Социальной базой и для Северного и для Южного союзов были именно металлисты, а не ткачи, причем фактическое образование Северного союза относится не к 1878 г., а к более раннему периоду.

2. Б и о г р а ф и ч е с к и е с в е д е н и я о В. П. О б н о р с к о м и н а ч а л о е г о р е в о л ю ц и о н н о й р а б о т ы.

Биографические сведения о В. П. Обнорском очень скудны и недостаточны. Этим, вероятно, и об'ясняются те неточности и неправильности, которые встречаются почти у всех писавших о ранних годах жизни Обнорского.

Виктор Павлович Обнорский родился в 1852 г. в г. Грязовце, Вологодской губ.; ни день ни месяц его рождения неизвестны. О том, чем занимались и кто были его родители, сведений в нашем распоряжении не имеется. Есть указания, что отец Обнорского, Павел Иванович Обнорский, был унтер-офицером в отставке, но что он делал, чем занимался в Грязовце, неизвестно. Вообще о жизни его родителей нет никаких сведений. Мать Обнорского звали Пелагеей Львовной, но кто она была по происхождению, когда вышла замуж за отца Обнорского, также установить не удалось. Судя по тому, что говорит о себе сам Обнорский, родители его переехали из Грязовца в Вологду, но когда это произошло, можно сказать только приблизительно: так как В. П. Обнорский учился в Вологодском уездном училище, курс кото-

рого и окончил, то предположительно можно утверждать, что Обнорские в Вологде жили уже в начале 60-х годов [1].

Неизвестно также и то, по каким причинам родители Обнорского оказались в Грязовце и затем в Вологде: дело в том, что В. П. Обнорский называет себя в показаниях на допросах кронштадтским мещанином, также называет себя и его брат Василий, живший в 70-х годах в Петербурге; в тех же показаниях Обнорский пишет, что мать его Пелагея Львовна живет в Вологде (в 1879 г.) на средства сыновей. Неизвестно поэтому, были ли Обнорские уроженцами Кронштадта и по каким-то причинам переселились в Вологодскую губернию, или, наоборот, будучи уроженцами этой губернии, Обнорские переехали в Кронштадт и приписались там к мещанскому обществу.

Известно во всяком случае, что Виктор Обнорский имел трех братьев, Василия, Евгения и Александра, и что на средства одного из братьев, именно Евгения, Виктор Обнорский учился в уездном училище г. Вологды. Не представляется возможным сказать также и о том, где обучался первоначально слесарному ремеслу В. П. Обнорский—в Вологде, Кронштадте или Петербурге. По показаниям С. Митрофанова, 17-летний Виктор Обнорский уже работал в 1869 г. на заводе Нобеля в Петербурге [2]. По показаниям же брата его Василия, следует, что Виктор Обнорский сначала работал на Патронном заводе и только в 1870 г. перешел к Нобелю [3]. Как бы то ни было, у Нобеля Виктор Обнорский работал до 1873 г., когда снова перешел на работу в Патронный завод, где попрежнему работал его брат Василий, токарь по металлу. (Другой брат Виктора, Александр Обнорский, был, как и Виктор, по специальности слесарем; чем занимался третий его брат, Евгений,—неизвестно.)

Здесь-то, работая на заводе Нобеля, Виктор Павлович Обнорский двадцатилетним юношей и вошел в кружок чайковцев.

---

[1] Первый протокол показаний В. П. Обнорского в деле Петербургского Военно-Окружного Суда за 1880 г. № 314: «Дознание по обвинению мещ. Виктора Обнорского в преступлениях, предусмотренных 318 и 975 ст. Улож. о наказаниях», лл. 8 и 9. См. приложение № 1. Л. Г. Дейч в своей статье (в «Пролетарской Революции» за 1922 г., № 3) «Виктор Обнорский» повторяет то, что и все, об этой поре жизни Обнорского: «Родители его, небогатые мещане гор. Кронштадта, определили его в уездное училище, где он хорошо учился; но дальнейшего образования, вследствие нужды, они дать ему не могли» (стр. 48).

Те же самые сведения и в наших «Очерках по истории РКП(б)», стр. 187.

[2] Дело Петерб. Военно-Окружного Суда № 314 за 1880 г., лл. 40 и 41.

[3] См. лл. 38 и 39 цитированного дела № 314 за 1880 г.

Человеком, который познакомил В. Обнорского с чайковцами, был С. В. Митрофанов.

Известно, какими яркими положительными чертами наделяет Г. В. Плеханов этого выдающегося рабочего, с которым он встретился в 1875 г. «Я увидел, что мой собеседник читал не одни только ряженые брошюры. Ему знакомы были сочинения Чернышевского, Бакунина, Лаврова, и он умел отнестись к ним критически. Журнал и газета «Вперед» казались ему недостаточно революционными» [1].

Неизвестно, состоял ли Митрофанов уже тогда, т.-е. в момент знакомства с ним Плеханова, на службе III Отделения, но что он в это время уже «оказывал ему услуги», видно из документальных данных [2].

Степан Васильевич Митрофанов родился в 1848 г., жил в Петербурге с 1862 г., был по специальности, кажется, металлистом и уже в 60-е годы примкнул к ревлюционному движению или, вернее, был затронут революционной пропагандой. В этом смысле можно сказать, что Митрофанов относился к тем рабочим, которые служили преемственной связью между революционными кружками 60-х годов и революционными рабочими организациями 70-х годов [3]. Связи эти, связи рабочего поколения 70-х годов с рабочими, затронутыми пропагандой в предшествующее десятилетие, установить очень трудно, но не подлежит сомнению, что они были. Во всяком случае, и потому, что Митрофанов был старше Обнорского, и потому, что он появился в Петербурге раньше, он прежде познакомился с революционерами, и он же ввел в их круг Обнорского.

В своем показании о начале революционной деятельности В. Обнорского Митрофанов пишет: «Я познакомился с Виктором Обнорским в 1869 г., когда мы вместе работали с ним на заводе Нобеля, и знал его первое время за человека хотя и начитанного, но ничего противоправительственного не представлял ни в словах его, ни в действиях.

Затем в 1872 г. и в 1873 г. я неоднократно встречался с ним в квартирах студента Низовкина и рабочих Алексея Петерсона

---

[1] Собр. соч., т. III, стр. 127.

[2] См. биографию Митрофанова в примечаниях к готовящемуся к печати новому изданию воспоминаний Г. Плеханова «Русский рабочий в революционном движении».

[3] См. об этом Вл. Бурцев. Северный союз русских рабочих («Былое» № 1, за 1906 г., стр. 175) и Л. Шишко. Кравчинский и кружок чайковцев.

и Дмитрия Смирнова, где бывали разные сходки рабочих и студентов, но никогда близко знакомым не был с Обнорским» [1].

Трудно установить, когда именно Обнорский вступил в революционный кружок, о котором говорит Митрофанов, однако ясно одно: кружок, куда Обнорский попал не позже во всяком случае 1872 г., т.-е. когда ему было не больше 20 лет, был кружок, организованный чайковцами.

3. Образование рабочего центра в первой половине 70-х годов в Петербурге.

Как известно, кружок чайковцев возник в конце 60-х годов, именно в 1869 г., в противовес агитации С. Нечаева. Ставя выше всего развитие нравственного чувства и знаний, чайковцы организовали кружки саморазвития, задачей которых было подготовить молодежь, преданную общественным идеалам и народным интересам. Только после такой основательной подготовки считалось возможным начинать революционную деятельность. Зимой 1870—1871 г. кружок был уже тесной сплоченной организацией в Петербурге (Н. Чайковский, М. Натансон, С. Перовская и др.), в Москве (М. Антонова, С. Клячко и А. Иванчин-Писарев), несколько позже в Киеве (Н. Лопатин, П. Аксельрод и др.) и в Одессе (Ф. Волховский, С. Чудновский и т. д.). В 1872 г. к этим кружкам примкнули П. Кропоткин, С. Кравчинский, Л. Шишко и др.

Развивши печатание и распространение легальных и запрещенных в России книг, кружок чайковцев в 1871 г. перешел к пропаганде среди пролетариата.

В высшей степени важно точно установить два обстоятельства в работе чайковцев в рабочей среде: среди какой аудитории работали чайковцы и каков был характер этой работы.

Работа велась среди заводских и фабричных рабочих, причем, по свидетельству участников кружка чайковцев, пропаганда в этих двух группах резко отличалась своим содержанием. П. Кропоткин, рассказывая об этой пропаганде, между прочим говорит: «Сердюков, молодой человек с блестящим образованием, приобрел множество приятелей среди рабочих-механиков, большинство которых работало на правительственном артиллерийском заводе, и устроил кружок человек из тридцати, которые собирались для совместных чтений и дебатов. Плата на механических заводах в Петербурге довольно хорошая, и те из рабочих, которые не обременены семьями, могут порядочно существовать. Они

---

[1] Лл. 40 и 41 выше цитированного дела Военно-Окружного Суда за 1880 г. № 314.

вскоре ознакомились с радикальной и социалистической литературой той эпохи. Бокль, Лассаль, Милль, Дрепер, Шпильгаген—все это были имена, известные им» [1].

Л. Шишко точно также очень определенно говорит о характере пропаганды среди рабочих. Заводским рабочим, говорит он, «читались лекции по русской истории и политической экономии, причем сообщались сведения о международном рабочем движении» [2]. Шишко подчеркивает, что в их пропаганде среди рабочих западно-европейское рабочее движение играло большую роль, так как факты этого движения оказывали и на самих чайковцев большое влияние. Известно также, что кружок чайковцев в 1871 г. установил тесные сношения с русской секцией интернационала в Женеве [3].

О работе среди заводских рабочих на Васильевском Острове и за Невской заставой пишет Шишко, о работе на заводах Выборгской Стороны говорится в показаниях рабочих, привлеченных по делу чайковцев.

О высоком уровне развития этих заводских рабочих говорят решительно все участники и наблюдатели движения: Кропоткин, Шишко, Аптекман, Плеханов и др.

Известна та характеристика, какую дал этим рабочим Кропоткин. «Однако, наши надежды на то, что эти молодые люди превратятся в ревностных пропагандистов в среде менее привилегированных классов рабочих, не вполне оправдались. В свободной стране они сделались бы постоянными ораторами публичных митингов, но они, подобно привилегированным часовых дел мастерам в Женеве, относились к обыкновенным фабричным с некото-

---

[1] «Пропаганда среди петербургских рабочих в начале семидесятых годов». Загр. «Былое» № 1, стр. 33; см. также «Записки революционера».

[2] Л. Шишко. Общественное движение в 60-х и первой половине 70-х гг. Госизд., 1921 г., стр. 83.

[3] Вот перечисление тех книг, какие находились в обращении среди чайковцев: «История 1848 года» Луи Блана, «Рабочий вопрос» Ланге, «История парижской коммуны» Корвеза и Ланжоля, «Положение рабочего класса» Флеровского, «Исторические письма» Лаврова, Лассаль (соч., т. I), Бокль, «Происхождение видов» Ч. Дарвина, «История великой французской революции» Луи Блана, сочинения Милля, Берне, Спенсера, Дрепера, Шпильгагена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Костомарова, Щапова, Лаврова, Флеровского, «Рефлексы головного мозга» Сеченова и т. п.

Этот перечень, данный Л. Шишко, очень хорошо рисует ту умственную атмосферу, в какой жили чайковцы вообще и рабочие их кружков в частности.

рого рода презрением и не обнаруживали особенной поспешности в желании пострадать за дело социализма» [1].

Если в этой характеристике явно слышится раздражение бунтаря-народника, мечтавшего о пропаганде в деревне, то в совершенно спокойном тоне констатируют тот же факт и такие наблюдатели, как Плеханов и Аптекман. Заводские и даже развитые фабричные рабочие, как общее правило, в народ не пошли.

Ясно и определенно констатирует этот факт тов. О. В. Аптекман. Приведя выдержку из мемуаров Г. В. Плеханова, который рассказывает о неудачных попытках заставить саратовских рабочих заниматься пропагандой в деревне, Аптекман пишет:

«Мне остается только подписаться под этими словами Плеханова и вместе с ним констатировать, что наши рабочие отлынивали таки от работы в деревне. Это—факт» [2].

Дело тут было не в отлынивании: некоторые заводские рабочие пытались заниматься пропагандой в деревне, но они очень скоро убеждались в бесплодности и невозможности этого дела. Плеханов очень хорошо передает в своих воспоминаниях причины такого нежелания рабочих вести пропаганду в деревне: развитые рабочие по своей собственной среде, особенно фабрично-заводских рабочих, прекрасно понимали всю необходимость некоторой предварительной подготовки даже рабочих, прежде чем итти в народ.

«Мало хорошего добьетесь вы от такого рабочего, который ничего не знает», говорил один из рабочих Плеханову [3].

Эти разговоры Плеханова с рабочими относятся к 1876 г. Что же сказать о развитии фабричных рабочих начала 70-х годов, когда В. Обнорский начинал свою работу?

Ясно отсюда, что и характер пропаганды среди фабричных резко отличался от прапаганды среди заводских. «Среди фабричных рабочих пропаганда носила более элементарный характер. Члены кружка открывали у себя по квартирам вечерние классы, на которые собирались рабочие небольшими группами. Некоторые из них приходили сначала исключительно с целью научиться грамоте или арифметике и только после ряда более интимных бесед знакомились с революционными задачами кружка» [4]. Привлекавшийся затем по процессу 50-ти известный своей речью на

---

[1] Загр. «Былое» № 1, стр. 33.

[2] О. В. Аптекман. «Земля и Воля» 70-х годов. «Русская истор. библ.», № 20, стр. 112.

[3] Собр. соч. Г. В. Плеханова, т. III, стр. 129.

[4] Л. Шишко. Общественное движение в 60-х и первой половине 70-х годов, стр. 83—84.

суде ткач Петр Алексеев пришел к Синегубу просто для того, чтобы научиться грамоте.

Среди этих рабочих призывы бунтарей-бакунистов находили больше откликов, среди же заводских только отдельные представители отзывались на эти призывы, и можно считать установленным, что высоко-сознательные, развитые рабочие заводов отрицательно относились к анархической пропаганде бакунистов-народников [1].

Заводские рабочие, особенно высоко-развитые и сознательные элементы их, искали чего-то другого, чем то, что предлагали им анархисты-народники.

К таким высоко-развитым и сознательным рабочим принадлежал и Виктор Обнорский,—даже, пожалуй, больше того; уже в эти ранние годы кружка чайковцев Виктор Обнорский выделялся из среды этих развитых заводских рабочих.

Вот как характеризует эту группу заводских рабочих Л. Шишко: «Это была довольно большая и хорошо сорганизованная группа, среди которой находились очень развитые рабочие (Обнорский, Лавров, Орлов). Заводские рабочие, т.-е. рабочие механических заводов, слесаря, токари по металлу, литейщики и пр., вообще стояли гораздо выше фабричных по своему развитию; они читали самостоятельно, и для них установились систематические лекции по политической экономии, истории, западно-европейскому рабочему движению и т. д.» [2].

Известны имена некоторых членов этого заводского рабочего кружка, довольно многочисленного. По словам Кропоткина, число заводских рабочих, входивших в кружок чайковцев, было 30, но это был кружок только одного Патронного завода, а так как связи чайковцев с рабочими охватывали почти все крупнейшие заводы Петербурга (Васильевского Острова, Выборгской Стороны, Невской и Нарвской застав, заводы Патронный, Макфер-

---

[1] Кроме уже приведенных свидетельств Плеханова, Аптекмана и Кропоткина, можно указать и на свидетельства Джабадари и «Старика»—Ковалика: «Движение 70-х годов по большому процессу» («Былое» 1906 г., № 12, стр. 57). См. также статью Г. Голосова, приводящего как раз ссылку на Ковалика, в интересной статье «К биографии одного из основателей «Северо-русского рабочего союза» в «Каторге и Ссылке» № 6 (13) за 1924 г., стр. 52; здесь Г. Голосов приводит пример того, как рабочий Бачин смеялся над кн. Кропоткиным и говорил, что студентов следует бить, если они учат вздору («Государственные преступления», т. III, стр. 56),

[2] «Русское Богатство», октябрь 1906 г., стр. 75, Л. Шишко. К характеристике движения начала 70-х годов.

сона, Нобеля, Берда, Семянниковский, Обуховский, Александровский, Путиловский и др.), то само собою ясно, что число всех затронутых пропатандой заводских рабочих было значительно больше.

Во всяком случае, их было уже тогда, в первой половине 70-х годов, больше сотни, по крайней мере.

И уже тогда во главе этой группы заводских рабочих стояло несколько человек, которые выделялись своими знаниями, развитием, революционной выдержанностью. Эти рабочие были: В. П. Обнорский, С. В. Митрофанов, Сергей Иванович Виноградов, Алексей Ильич Козлов, Алексей Васильевич Графов, Филипп Яковлевич Вангесов, Дмитрий Николаевич Смирнов и Алексей Васильевич Лавров. Этих рабочих называет обвинительный акт по процессу 193-х [1]. На основании того же обвинительного акта и других источников (мемуары чайковцев и архивные данные) к этим именам нужно присоединить Михаила Андреевича Орлова, Алексея Николаевича Петерсона, К. Иванайнена и Волкова.

Среди этого рабочего центра выдающуюся роль уже тогда играл Виктор Павлович Обнорский. Как бы ни относиться к «откровенным» (по сути дела предательским) показаниям А. В. Низовкина, стоявшего во главе рабочей оппозиции к чайковцам, в характеристике, данной им рабочим, содержится много истины, так как эта характеристика целиком подтверждается и характеристикой мемуаристов-чайковцев и слишком откровенными показаниями рабочих, привлеченных по делу 193-х и затем по делу В. Обнорского. (Не только Митрофанов рассказывал все, топили интеллигентов и даже друг друга почти все рабочие, например, Виноградов.)

После этой оговорки вполне уместно привести следующее место из показаний А. В. Низовкина: «...Невежественные и нечитающие фабричные чрезвычайно легко, целыми массами, подчинялись влиянию чайковцев; слушая агитаторов, фабричные вполне верили в возможность осуществления тех химерических затей, о которых те распространялись перед ними; ни малейшего сомнения не выражали фабричные по поводу самых сумасбродных планов и соображений, напротив, даже восторгались ими: «Эх, кабы скорее это!» восклицали они, рассказывая о слышанном ими от чайковцев. Между тем, с другой стороны, мои знакомые мастеровые, начитанные и просвещенные, не только не верили ни в какие революционные и насильственные средства, но даже открыто смеялись над агитаторами и говорили: «Порядка

[1] Процесс 193-х, изд. Саблина. М. 1906 г., стр. 6, 11.

им вновь не выдумать, а что беспорядку они могут наделать,— это верно». У невежественного, нечитающего фабричного нет никакого определенного мировоззрения, на которое бы он мог опираться и благодаря которому он приобрел бы ту нравственную устойчивость, без которой он не может сопротивляться революционному влиянию; у него может работать только воображение, а агитаторы только и действуют на одно воображение и вот почему они легко агитируют грубую массу. Но у читающего мастерового, привыкшего размышлять, воображение не может взять верх над рассудком, и потому его не так-то легко увлечь революционными химерами и перспективами взятия Петропавловской крепости и артиллерийских казарм. Читающий мастеровой, у которого поэтому сложился известный определенный взгляд на государство и общественные отношения, никогда не поддержит какого-либо неразумного посягательства на целость основ общественного порядка. Говоря о чтении, я, конечно, подразумеваю чтение только цензурной литературы, под влиянием которой рабочий никогда не сделается революционером, Если некоторые мастеровые, как, например, Обнорский и Орлов, заполучили революционный образ мыслей, то это произошло не от чтения цензурных книг, а исключительно от внушений со стороны тех лиц, с которыми им пришлось стать в близкие отношения; книги тут ни при чем, и Обнорский отнюдь не начитаннее, например, Митрофанова, Виноградова, Симакова, хотя разница в образе мыслей между тем и другим громадная»[1].

Если отбросить злобные выпады против своих бывших товарищей-чайковцев и если вспомнить, например, довольно отрицательную характеристику заводских, данную Кропоткиным, примеры, приводимые Плехановым, Аптекманом, Ковариком и др., о нежелании заводских итти в народ и об их требовании сначала получить солидные знания, если не забыть совета И. А. Бачина бить интеллигентов, когда они говорят вздор (а вздором, по мнению Бачина, вне сомнения и были мечты бакунистов о бунте), если принять во внимание все эти и подобные им факты, то, пожалуй, придется сказать, что по существу характеристика Низовкина похожа на правду.

Нас, однако, здесь интересует не эта твердо установленная достоверными свидетельствами характеристика, а то обстоятельство, которое можно кратко формулировать так: существование

---

[1] Дело № 46 «Предварительное следствие о развитии в империи революционной пропаганды, произв. членом Моск. Суд. Пал. Крахт, назнач. для произв. следствия по госуд. преступл.», т. II, л. 22, показания А. В. Низовкина.

рабочей оппозиции в среде революционных заводских рабочих уже в начале образования первых кружков в первой половине 70-х годов. Причины этой оппозиции хорошо раз'яснены Плехановым, Кропоткиным и др.: рабочие, хорошо зная крестьянство, не верили в его склонность к коммунизму и видели прямую свою задачу в создании своей рабочей организации. На почве этого недовольства Низовкин и пытался возглавить эту оппозицию и играть первую скрипку в движении. Невысокий моральный уровень не позволил ему добиться этого; кроме того, рабочие не верили и ему [1].

Сделавшись под влиянием пропаганды чайковцев развитыми, сознательными революционерами, они далее эволюционировали под влиянием условий своей жизни к пролетарскому социализму, а чайковцы уже в 1873 г. были бакунистами-анархистами.

Неверно, конечно, указание Низовкина, что чтение не имело большого влияния на формирование мировоззрения рабочих: ведь, кроме легальной и нелегальной народнической литературы, рабочие читали например, и такие книги, как «Программу рабочих» Ф. Лассаля, «Историческое развитие Интернационала» и «Гражданскую войну во Франции» [2].

У таких рабочих, действительно, было достаточно знаний, чтобы не принимать на веру утопических революционных лозунгов чайковцев-бакунистов.

Кто же стоял во главе этой своеобразной рабочей оппозиции первой половины 70-х годов? Вне всякого сомнения, самая развитая группа петербургских заводских рабочих.

Среди них Виктор Обнорский уже тогда играл самую выдающуюся роль. Доказательств этому много. Не говоря уже о том, что современники отзываются о нем, как об одном из самых развитых рабочих, есть указание, что именно он был во главе центральной группы рабочих. Об этом говорит Низовкин в своих показаниях, прямо называя его учителем даже такого передового рабочего, как Виноградов [3]. Такую же характеристику дает ему и другой народник, А. П. Блюммер, познакомившийся с Обнорским в 1872 г., в своих показаниях [4]. Так же характеризуют его и рабочие, Виноградов и Митрофанов.

---

[1] См. «Обвинительный акт по делу 193-х», изд. Саблина, стр. 24, и показания Виноградова и Митрофанова в деле о развитии революционной пропаганды в империи.

[2] См. «Обвинительный акт по делу 193-х».

[3] См. «Предварительное следствие по делу о развитии революционной пропаганды в империи», т. V, л. 61, показание Низовкина.

[4] Там же, л. 153.

Мы увидим далее, что эта характеристика не далека от действительности, а теперь дадим еще описание рабочей организации. Описание это помещено в газете «Вперед». Автор этого описания, рассказав о начале пропаганды среди рабочих, далее останавливается на кассе и библиотеке, устроенной рабочими [1]. «Оба эти учреждения, основанные пропагандистами из интеллигентской молодежи, в последнее время находились совершенно в руках рабочих. Для удобства (при разбросанности Петербурга) оба учреждения разделились на три отделения или секции: Выборгскую, Василеостровскую и Невскую, по местностям, где скучено большинство петербургского пролетариата. О деятельности кассы нечего сказать—дело было в самом зародышевом состоянии, и при скудных средствах оно не успело еще принести какой-либо пользы, кроме той, что касса служила одним из первых опытов организации. Библиотека успела уже принести пользу: число книг в ней, преимущественно социалистического содержания, перешло далеко за сто. И они не лежали даром».

Из дела по процессу 193-х и из дела о В. Обнорском мы знаем, кто был кассиром и библиотекарем в этой рабочей организации: кассиром библиотечной кассы был рабочий Волков, кассиром кассы — Лавров, библиотекарем — Смирнов, после ареста Лаврова кассиром кассы был избран Виноградов. Одно время кассиром кассы был и В. Обнорский [2].

Средства кассы составлялись из взносов самих рабочих,—платился определенный процент заработной платы.

Библиотека была устроена сначала из книг, пожертвованных чайковцами, затем пополнялась покупками новых произведений легальной и нелегальной печати.

4. Поездка В. П. Обнорского в Одессу и первое путешествие за границу.

Еще в декабре 1873 г. начались аресты рабочих (в это время как раз и был арестован М. А. Орлов), что предвещало общий большой разгром чайковцев. Не дожидаясь больших арестов, происшедших весной 1874 г., В. П. Обнорский, находившийся на виду

---

[1] «Вперед», от 15 февраля 1875 г., № 3. «Из Цюриха», 25 января 1875 г., стр. 76.

[2] См. «Дело о развитии революционной пропаганды в империи», предварительное следствие, т. V, л. 48, показание Митрофанова.

у шпионов, вместе с Лисовским уехали сначала в Москву, а затем в Одессу [1].

Низовкин, однако, об'ясняет от'езд Лисовского и Обнорского совсем иными мотивами. «...По словам рабочих,—пишет он в своих показаниях,—агитация в течение лета так усиленно пошла, что, например, Лисовскому и рабочему Обнорскому показалось в Петербурге уже тесно, и они отправились пропагандировать в Одессу» [2].

В Одессе в это время работала группа чайковцев и Е. О. Заславский. Замечательно то, что В. П. Обнорский, приехавши в Одессу, не завел знакомств с тамошними чайковцами (братья Жебуневы, Ю. Крыжановский, А. Костюрин, Л. Дическуло, В. Костюрин, М. Ланганс, Ф. Волховский и др.).

Ни в обвинительном акте по делу 193-х, ни в самом деле никаких следов пребывания В. П. Обнорского в Одессе нет: он поступил на завод Фалька и сошелся с рабочими из организации Заславского. Доказательством этого могут служить два обстоятельства: живя в Одессе, В. П. Обнорский испытывал крайнюю нужду, но и не подумал обратиться за помощью к одесским чайковцам, а просил поддержки у своих петербургских товарищей; это понятно, если принять во внимание, что чайковцы в то время были уже бунтарями, а Обнорский искал в Одессе уже что-то другое и нашел его у Заславского. Вот что показывал С. И. Виноградов на допросе по этому поводу: «...Обнорский скрылся из Петербурга без нашего ведома, и что он делал с Лисовским, об этом я не знаю. Обнорский из Одессы прислал мне письмо, в котором упоминал, что в Одессе нашел таких же хороших людей, как и в Петербурге. Обнорский в письме жаловался на свое положение. По поводу этого письма Кравчинский дал мне что-то десять рублей, да еще было собрано рабочими Васильевского Острова десять руб., и эти деньги, 20 рублей, были отосланы Обнорскому в Одессу Митрофановым. Расписку почтовой конторы Митрофанов передал мне, и эта расписка у меня была отобрана при обыске; но того обстоятельства, чтобы сказанные

---

[1] Показание самого В. П. Обнорского на втором допросе (см. прил.). Об этом же говорит и Август Петрович Блюммер; см. «Дело о развитии революц. пропаганды в империи», предварит. следствие, т. V, л. 153; С. В. Митрофанов показывал также (прот. от 22 марта 1874 г., «Дело о развитии революц. пропаганды в империи», дознание, том X: л. 144): «...в августе или сентябре м-це 1873 г. в Москву и Одессу с целью познакомиться с тамошними рабочими и присмотреться к их положению».

[2] «Дело о развитии революц. пропаг. в империи», предварит. следствие, т. V, л. 63.

20 руб. я получил от Куприяновой, не было. Слышал я, что Обнорскому посылал и еще кто-то деньги... ...От Обнорского я получил из Одессы еще другое письмо»[1].

Другое обстоятельство, указывающее на то, что Обнорский в Одессе не имел связей с чайковцами,—это факт дознания о нем в связи с делом «Южно-российского союза рабочих». Одесские жандармы заинтересовались Обнорским в связи с привлечением к дознанию Яна Рыбецкого по делу о распространении последним запрещенных книг. Путем допросов рабочих: Гинтовта, Баранцева, Страхова и Дицмана было установлено, что В. П. Обнорский приехал в Одессу с А. А. Лисовским, что он работал на заводе Фалька, на водопроводе и в мастерских железной дороги, что он особенно был близок с учениками Е. И. Баранцевым, Яном Рыбецким и Ф. И. Кравченком и что занимался пропагандой социалистических идей[2].

Ян Рыбецкий и Ф. И. Кравченко, как известно, были самыми выдающимися рабочими «Южно-российского союза рабочих», так что факт знакомства В. П. Обнорского с ними уже сам по себе достаточен для того, чтобы утверждать о связях Обнорского с руководителем Союза, Е. О. Заславским. Необыкновенный успех дела, затеянного Заславским, необыкновенная самодеятельность

---

[1] «Предварит. следствие по делу о разв. в империи револ. пропаг. произв. членом Моск. Суд. Палаты Крахт, назначенным для производства следствия по госуд. преступлениям», т. V, л. 17.

В вещественных доказательствах по делу А. П. Блюммера имеется письмо следующего содержания:

«Август Петрович!

Я очень нуждаюсь в деньгах. Не можете ли вы мне прислать сколько-нибудь. Вот уже две недели, как я без места, отказали. Не знаю, скоро, ли поступлю на другое.

Да находится еще здесь один человек, которому непременно надо ехать из Одессы, а денег ни гроша. А если же он не уедет, то может сгинуть.

Да, очень в скверных обстоятельствах находимся оба, не повезло с одной стороны. Пожалуйста, если можете, пришлите

Виктор [Павлов].

Адрес: Одесса, Приморская ул., Механический завод Фалька, ученику Баранцеву, для передачи Виктору Павлову.

Отвечайте, пожалуйста, в день получения этой записки; можете или нет прислать».

В том же деле имеется и почтовая расписка, найденная у Блюммера, об отправке денег 20 р. на имя Баранцева (за № 2172 от 29 октября 1873 г.).

[2] См. выдержки из показаний этих рабочих в книге под нашей редакцией «Южно-русские рабочие союзы», Центрархив, М. 1924 г., стр. 71—74.

рабочих, их сознательность, наконец, цели, поставленные Союзом,—все это и было как раз то, чего искал В. П. Обнорский.

В смысле выработки мировоззрения В. П. Обнорского «Южнороссийский союз рабочих», повидимому, сыграл в его жизни большую роль: это было на деле доказательством того, что и в России возможна рабочая социалистическая организация. Теперь только оставалось познакомиться с рабочим делом за границей, и В. П. Обнорский, нанявшись на пароход «Русского общества пароходства и торговли» в декабре 1873 г. (или, во всяком случае, не позже января 1874 г.), выехал из Одесского порта в качестве кочегара. Жандармам на допросе В. П. Обнорский об'яснил, что «поступил он на этот пароход лишь из одной любознательности видеть жизнь за границей» [1].

Пароход останавливался в Константинополе, Мессине, Лиссабоне, Гавре и, наконец, прибыл в Лондон. Пробыв здесь $1^1/_2$ суток, Обнорский уехал в Париж, прожил там несколько дней и переехал окончательно в Женеву.

В Женеве в это время эмиграция была представлена якобинцами во главе с Ткачевым, издававшим «Набат», и бакунистами-анархистами, издававшими под редакцией Ралли популярно-пропагандистский орган «Работник». Обнорский познакомился здесь с представителями всех политических течений и встречался с Чернесовым, Ивановским, Ралли, Клеменцем, Эльсницем, Кропоткиным и Драгомановым. Аксельрод также в эти пору жизни Обнорского встречался с ним, но, повидимому, в то время еще близко не сошелся, так как в своих мемуарах ограничился несколькими строчками по поводу встречи [2].

Но все эти знакомства В. П. Обнорский поддерживал для того, чтобы найти то главное, чего искал,—западно-европейские рабочие организации, их уставы, программы политических партий. С этой целью, а также с целью заработать деньги на жизнь, он поступил на механический завод и быстро вошел в рабочую жизнь. «...Между рабочими которых (т.-е. заводов Женевы. — *В. Н.*),—пишет он в своих показаниях,—я, как занимающийся физической работой, имел много знакомых» [3].

---

[1] См. приложение, протокол показания, приведенный в III т. «Историко-революц. сборника» под ред. В. И. Невского. Гиз. М.-Л. 1926 г.

[2] П. Аксельрод. Пережитое и передуманное. Берлин, 1923 г., т. I, стр. 299.

[3] Дело Военно-Окружного Суда № 314, за 1880 г., л. 54, приложение, протокол второго допроса в III т. «Истор.-революц. сб.», под ред. В. И. Невского.

Действительно, большую часть времени Обнорский проводил в рабочей среде, знакомился с жизнью своих новых товарищей и изучал французский язык, который практически он знал хорошо. С интеллигентской и вообще с русской эмиграцией Обнорский встречался до того редко, что его в Женеве было найти почти невозможно. По крайней мере, двое его товарищей, С. И. Виноградов и Карл Адамович Иванайнен, уехавшие в октябре 1874 г. за границу, добравшись, наконец, до Женевы, Обнорского там не нашли [1]. Об этой поездке приятелей Обнорского сохранились современные известия; некоторые подробности путешествия настолько характерны, что о них стоит упомянуть, так как и путешествие В. П. Обнорского, по всей вероятности, не обошлось без подобных случайностей.

Как рассказывают в своих показаниях Виноградов и Иванайнен, они уже давно задумали поехать за границу. Скопив небольшую сумму денег, друзья запаслись путеводителем Фрума, доехали в третьем классе до границы, которую и перешли нелегально. Доехали до Франкфурта-на-Майне и здесь, без языка и знакомств, остались без копейки денег. Заложили часы и продали пальто, добрались до Берна и дошли до Женевы. Здесь их арестовали и направили к русскому консулу, какому-то попу, который выгнал их. Голодные и гонимые, они были в отчаянии. Кухарка сжалилась над ними, накормила их, и они переночевали в сене. Как бездомных бродяг швейцарская полиция выслала их из Женевы, но они снова пришли в Швейцарию и в Нионе явились к префекту. Их посадили в тюрьму, где они и просидели 20 дней, после этого опять выслали в Лозанну, потом во Фрейбург. Мытарства их продолжались очень долго, и их высылали пять раз, причем однажды во Францию и четыре раза в Германию. Но Швейцария тянула их к себе, как обетованная земля свободы, и они, наконец, попали в Цюрих. Здесь, шатаясь по улицам, они встретили какого-то господина, по виду расположившего их к себе, и они сказали ему: «Deux russes, keine Arbeit, kien Brot!» Господин устроил их наконец на завод Escher Wyssu et C°, Виноградова—литейщиком, а Иванайнена—чернорабочим [2].

---

[1] Виноградов в своем показании пишет: «Обнорского мы в Швейцарии так и не видали, хотя, уезжая из Петербурга, имели сведение, что Обнорский проживает в Швейцарии» («Дело о развит. револ. пропаг. в империи», предварит. следствие, т. V, лл. 19 и 22. Здесь же показания Иванайнена).

[2] Яркое описание их мытарств напечатано в № 3 «Вперед» от 15 февраля 1875 г. в корресп. «Из Цюриха» 25 января 1875 г., стр. 76—77.

Хотя В. П. Обнорский был в несколько лучших условиях, но и его положение порой было очень тяжело, он жил в крайней нужде, пока не устроился на заводе. Глубокой осенью (а может быть, и в декабре 1874 г.) Обнорский выехал из Женевы, перешел снова границу и прибыл в Петербург.

5. Работа В. П. Обнорского в народе в Архангельской губернии. Роман А. К. Левашова.

Обнорский приехал в Петербург как раз в то время, когда организация чайковцев была разгромлена. Оставаться в Петербурге было опасно, необходимо было пережить где-либо в более укромном месте это тревожное время. Подвернувшийся случай помог Обнорскому: его товарищ по заводу Нобеля, Павел Монаков, собирался ехать в родную деревню в Архангельскую губернию и открыть там кузницу. Ему были нужны помощники; Обнорский и его приятель, студент Левашов, предложили себя в качестве таких помощников, Монаков согласился, и в феврале 1875 г. Обнорский и Левашов находились уже в деревне Фехтольме Архангельской губернии.

Простая случайность открыла жандармам местопребывание Обнорского, правда, уже несколько месяцев спустя после от'езда Обнорского из Фехтольмы.

29 сентября 1875 г. в Онежское уездное полицейское управление Архангельской губернии поступило заявление пристава 1-го стана о том, что сын дьячка, студент Петербургского университета Димитрий Кононов, был оскорблен посредством нанесения побоев крестьянином Серебренниковым в доме писаря села Турчасовского (Посадной волости, Онежского уезда) Ивана Пахомова. По словам Серебренникова, Кононов будто бы, защищая Нечаева, говорил портив правительства. К делу припутали и крестьянина деревни Олевской Антона Филипповича Типисева, который будто бы в защиту Кононова сказал: «Какой ныне закон, что делает государь, у меня забрал всех братьев в солдаты!».

Донесение пристава попало исправнику, а от него губернатору, который и передал все дело начальнику Архангельского губернского жандармского управления полковнику Щетинину.

Полковник Щетинин почему-то придал делу большое значение и вместе с исполняющим должность губернского прокурора Родионовым выехал на место происшествия. Студент Кононов уже уехал в Петербург, и потому Щетинин допросил Пахомова, Серебренникова и других местных крестьян, в том числе и дьячка

Кононова. Дьячок на допросе показал, что Пахомов и Серебренников говорили ему, будто бы в деревне Фехтольме (в 7 верстах от Турчасовского) у кузнеца Павла Семеновича Монакова жили два молодых человека, в качестве помощников, которые и занимались пропагандой. Так и возникло дело о Монакове. Типисев был оставлен в покое, и власти все свое внимание обратили на таинственную кузницу.

Обыск у Монакова (14 октября 1875 г.) сейчас выяснил жандарму, в чем здесь дело. У Монакова нашли обычную для тогдашних пропагандистов-народников литературу: «Батрачку» Бельского (изд. 1872 г.), «Безоброчный» Ф. Д. Нефедова (изд. 1873 г.), «Беспутный» (изд. 1874 г.), «Рассказы о царстве Бовы королевича» (изд. 1873 г.) А. Иванова, «Степные очерки» А. И. Левитова, «Стенька Разин» Навроцкого, «Анархия по Прудону» (в двух частях) и «Эмма», роман Швейцера.

Дело было ясно: в деревне Фехтольме велась пропаганда. Из обстоятельств дела выяснилось, что Виктор Обнорский был знаком с Павлом Монаковым давно по работе на заводе Нобеля. Узнав, что Монаков собирается в деревню, Обнорский познакомил его с молодым человеком, назвавшим себя Николаем Федоровым, оказавшимся, по выяснении, Александром Константиновичем Левашовым.

Чтобы понять дальнейшие факты этого эпизода, необходимо иметь в виду, что 1874 г. был как раз временем самого большого увлечения хождением в народ, и если относительно Обнорского можно положительно утверждать, что он смотрел на Фехтольму, как на такое место, где удобно пережить тревожное время, то нельзя этого сказать о Левашове.

Александр Константинович Левашов принадлежал к семье богатого вологодского помещика, имевшего, кроме того, землю и в Тверской губернии.

А. К. Левашов по окончании Вологодской гимназии в 1868 г. поступил в Петербургский университет, откуда и был исключен в следующем году в связи со студенческими беспорядками. В 1871 г. поступил снова в университет и, как это известно из дела 193-х (показания Ярцева), в 1873 г. был уже хорошо знаком с чайковцами и с их рабочим кружком. Общее поветрие хождения в народ охватило и его, а тут подвернулся случай, и Левашов поехал в Фехтольму. Работой в кузнице, по словам Монакова, его помощники мало занимались, а больше читали книги и убеждали его, что лучшее государственное устройство — республиканское; Монаков при этом раскрыл, кто скрывался под именами Васи-

лия Павлова и Николая Федорова [1]; показал Монаков и то, что литературу дали ему его помощники.

Левашов, повидимому, серьезно думал заниматься пропагандой в народе.

Получив паспорт на имя Николая Федоровича Столбова, сына петербургской купеческой вдовы, Левашов решил прочно сесть в деревне и с этой целью жениться на крестьянке [2]. Такая скоро нашлась, тем более, что Н. Ф. Столбов, по мнению семьи будущей его жены, был партией выгодной. Незадолго до от'езда из Фехтольмы Столбов, он же Левашов, обвенчался с крестьянской девушкой Василисой Ивановной Сокольниковой (6 июня 1875 г.) [3].

Давая показания уже впоследствии, в 1878 г., Левашов так объяснял свой поступок: «Приехавши в деревню с целью пожить крестьянской жизнью и увлекшись той идеей, что жизнь зажиточного крестьянина очень хороша, имеет много привлекательного, мне пришло в голову, что можно устроиться в такой жизни и на долгое время; я даже расспрашивал, нельзя ли там снять участок земли в аренду, построить себе мельницу и так далее, на что получал утвердительные ответы. У меня мелькнула мысль, что для такой жизни мне не может быть помощницей девушка из моего положения, а что нужна крестьянка, и вот, не долго думая, в продолжение нескольких часов, у меня явилась решимость жениться, что и привел в исполнение, женившись на крестьянской девушке Василисе Ивановне. Мне решительно все равно было, какая это девушка,—та или другая,—и остановился на этой только потому, что она казалась мне хорошей работницей.

Я вообразил, что в такой глуши, как там, или если и там не удастся устроиться, то в каком-нибудь другом подходящем месте, мне всегда возможно будет довольно долго прожить без паспорта, тем более, что во всю мою бытность там у меня никто не спрашивал моего вида, а тем более мне казалось возможным жить без вида, если я оснуюсь там прочно. Проблеск мысли, что через это я могу доставить много неприятного другому человеку, т.-е. этой девушке, у меня был, но я утешал себя тем, что в таком

[1] Дело Арханг. и С.-Петер. губ. жанд. упр.: «Дознание о крестьянах Монакове и Типисеве, сбвиняемых в преступной пропаганде в Арх. губ., и дополн. к нему, произведенное в С.-Петербурге о В. П. Обнорском и А. К. Левашове за 1875—76 гг.», лл. 7 и 8.

[2] Выше названное дело, л. 21.

[3] Там же, л. 25. Левашов, по словам М. П. Сажина («Воспоминания», М. 1925 г., стр. 28), был кучером той лошади, которая увозила П. Кропоткина во время его бегства.

случае я могу обеспечить ее всегда в материальном отношении, так что ей не придется горевать.

Еще до женитьбы я намерен был приехать домой, и на другой или третий день после свадьбы я и уехал, не зная еще наверное, вернусь ли я или же устроюсь где-нибудь в другом месте и тогда выпишу эту девушку. Я спрашивал брата этой девушки, могу ли жить у них в доме, если вернусь, и он отвечал, что да, что у них есть свободная комната, в которой мне и можно будет поселиться.

Но после первых же дней моего от'езда оттуда этот проблеск мысли, что я своим поступком могу доставить горе другому человеку, становился все яснее и яснее и явился для меня в очень определенной форме, что я, не давши себе труда даже подумать хорошенько, из какой-то глупой фантазии, доставил горе человеку; даже если бы я жить с ней стал, то все же ей эта жизнь не показалась бы очень сладкой, так как разность воспитания, взглядов и т. д.—все это делало бы жизнь вместе невозможной...» [1].

Хорошо, однако, Левашову было четыре года спустя рассуждать о причинах своего бегства, но совсем не хорошо чувствовала себя В. И. Сокольникова, внезапно брошенная мужем: в июне 1875 г. и Василий Павлов, т.-е. Обнорский, и Николай Федоров, т.-е. Левашов, внезапно покинули Фехтольму.

Из обстоятельства дела не видно, какие причины заставили их это сделать,—подозрения ли, что за ними следят, неудовлетворенность своей работой или еще что-нибудь. Не исключено положение, что Обнорский просто получил известие о возможности возвратиться в столицу, а экспансивный Левашов уже строил какие-то новые планы. С легким сердцем Левашов оставил жену, пообещав выслать ей денег на проезд до Петербурга. Денег он, однако, выслал жене только 22 рубля на покрытие расходов по свадьбе, и его жена, не девушка и не вдова, вскоре получила от какого-то приятеля Левашова письмо.

«Извещаю вас,—говорилось в этом письме,—Василиса Ивановна, что Николай Федорович приказал вам долго жить. Приказал он мне получить от его матери денег 500 рублей и выслать их вам. Из них 50 р. посылаю теперь, а остальные 450 вышлю, как только получу. Велел он вам не печалиться и выходить замуж, а с деньгами этими жить в деревне хорошо можно, а в Питере для вас все непривычно будет, да здесь паспорт вам выправить стоит 5 р., а это расход немалый. Шубу и часы он здесь продал, так

---

[1] Выше названное дело о Монакове, Типисиве, Обнорском и Левашове—показания Левашова, л. 7.

вы пришлите поскорей по почте. Ружье он велел отдать своему приятелю Павлу Семеновичу, ему же велели какие-то часы послать. Посылаю вам паспорт. Коли что нужно будет, пишите на тот же адрес, что и раньше писали. Желаю вам жить хорошо. Петр Васильев. Мать Николая Федоровича велела вам сказать, что коли будете выходить замуж, так написали бы; она вам тогда еще денег на свадьбу пришлет. Писать и тогда на тот же адрес. На него пошлите шубу и часы» [1].

Все в этом письме было вымышлено, за исключением, пожалуй, того, что мать Левашова в это время была в Петербурге и, узнав о случившемся, пришла в ужас: потому, может быть, соответствуют истине те строчки письма, в которых сквозит желание откупиться от крестьянки.

Жандармы тогда не нашли ни Обнорского, ни Левашова.

Левашов переживал новое увлечение: он поддался идее борьбы за независимость балканских народов и в числе многих других ездил добровольцем в Сербию (в первых числах января 1876 г.).

Возвратившись из Сербии, Левашов поселился в своем имении, поступил на службу в канцелярию губернатора и очень скоро превратился в самого рядового помещика.

Что это действительно так, это видно из письма к нему А. Эндауровой, дочери вологодского помещика Ивана Николаевича Эндаурова.

«Александр Константинович! Вы женитесь,—писала Левашову Эндаурова,—и женитесь на состоянии? Ум отказывается верить этому. Вы ищете богатых невест. Вы ли это? Неужели вы из тех, которые ждут смерти бабушек, тетушек, чтобы получить поместья, земли и потом за сытым столом, на мягком ложе забыть все, все, чему верил, что уважал, что любил, чему отдавался, чему жертвовал собою, или все это было напускное, фанфаронство, игра в идею, во все прошлое? И ничего, ничего не осталось? Неужели вы так погрязли, что решитесь продать себя за несколько десятков тысяч! Без любви, без уважения. Продать себя. Выслушайте меня: расставаясь с вами навсегда, мне одно осталось в утешение, это глубокое уважение к вам и полная вера в вас, во все хорошее, неужели я должна и это потерять в воспоминании о вас?..» [2].

Но напрасно умоляла Левашова, по словам жандармов, эта экзальтированная девушка, и этот новый роман Левашов оборвал

---

[1] Вещественные доказательства по делу об Обнорском.

[2] Вышеназванное дело о Монакове, Типисиве, Обнорском и Левашове.

беспощадно. Когда после долгих поисков жандармы, наконец, напали на след Левашова и арестовали его (14 января 1878 г.), он был уже не тот. Переведенный из вологодской тюрьмы сначала в Архангельскую, а затем и в Петербург, Левашов в своих показаниях осуждал свое прошлое. Он, правда, ни о ком и ни о чем не сказал (благо его особенно не спрашивали), но над всем прошлым, к которому взывала Эндаурова, он поставил крест. Свое прошлое Левашов считал «необдуманным шагом». «В результате осталось одно очень тяжелое сознание задаром погубленных много лет, и даже мало того, что задаром, а и с вредом для себя и для других» [1].

Дальше все пошло, как по рельсам. Товарищ министра юстиции Эссен, родственник Левашовых, хлопотал перед министром юстиции, и дело о причастности А. К. Левашова к революционной пропаганде кончилось для него благополучно. По делу о вступлении в брак под чужим именем уголовный суд в 1880 г. приговорил Левашова к лишению всех прав, но и здесь пришли на помощь связи, и царь помиловал раскаявшегося помещика [2]. Только-что рассказанный роман Левашова, без сомнения, не характерное явление для революционой среды 70-х годов и приведен здесь прежде всего потому, что жизнь, хотя и не надолго, связала Обнорского с Левашовым, и затем потому, что показывает ту обстановку и те способы пропаганды в деревне, которые привлечь к себе внимание Обнорского не могли.

Обнорский, и раньше того не бывший сторонником хождения в народ, теперь окончательно решил посвятить себя работе среди пролетариата.

6. Вторая поездка за границу (ноябрь 1876 г.— декабрь 1877 г.).

Весь 1876 г. прошел в приготовлениях к устройству поселений в народе, но нельзя представлять себе дело так, что в среде революционеров только и говорили об этих поселениях. Самые разнообразные вопросы организации и тактики обсуждались на собраниях и сходках. Г. В. Плеханов рассказывает, какие страстные прения вызывал, например, вопрос об агитации в народе в свя-

---

[1] Выше цитированное дело о Монакове, Типисеве, Обнорском и Левашове, лл. 18 и 19.

[2] Дела Деп. Полиции 3-го делопроизводства, № 32, ч. 468, за 1888 г. (по запросам о политической благонадежности по Волог. губ.), № 31 за 1889 г. (о дворянине В. А. Кудрявом) и № 1158 за 1892 г. (о двор. А. К. Левашове). В 1902 г. Левашов стал с разрешения жандармов даже земским начальником.

зи с подготовлявшейся Казанской демонстрацией. Но, говоря об этом, он выражается слишком категорически, когда утверждает, что «для «интеллигенции» цель демонстрации так и осталась невыясненной» [1].

Это далеко неверно. В документе, опубликованном т. Кольчук в III т. «Истор.-револ. сб.» [2], документе, исходящем из среды той самой интеллигенции, о которой говорит Плеханов, и оценка демонстрации и выводы автора показывают, что уже тогда, в конце 1876 г., в начале 1877 г., существовали течения мысли, которая смотрела значительно дальше, чем обычная, господствующая народническая идеология.

Сказав о том, что до сих пор, т.-е. до Казанской демонстрации, господствующим мировоззрением среди революционеров было мировоззрение, по которому носителем социализма и деятелем революционного движения может быть только крестьянин, автор говорит, что теперь, после Казанской демонстрации, стало ясно, что такое мнение нужно изменить. Рабочий класс в городах— вот та сила, которая может изменить существующий порядок в обществе.

«Таким образом,—говорит автор,—само собою происходит и изменение в нашей программе действия, т.-е. оно получет то же направление, как и на Западе, именно, идет из города в деревню, а не наоборот (что, конечно, не исключает пользы и необходимости применения обратного образа действия, где есть к тому почва), и только программа наших требований, по причине подавляющего в России большинства сельского населения и по причине напряженности его недовольства, остается та же самая, именно в том смысле, что во главе требований народной партии должны стоять те требования, которые прямо клонятся к коренному изменению условий крестьянского быта».

Отдавши дань народничеству, автор ясно и определенно говорит о том, что значит «как на Западе», и как изменить программу.

Не ограничиваясь одной пропагандой, революционеры должны перейти к политической агитации. Этого, однако, мало.

«То сознание, которое здесь в городе, скорее, чем в деревне, приходит рабочему человеку на мысль, что он, истинный производитель всего этого выставляющегося во всем своим приманчивом блеске богатства, сам еле-еле может удовлетворять свои потреб-

---

[1] Собр. соч., т. III, стр. 149.

[2] Приложение к статье «Пропаганда среди рабочих Петербурга во второй половине 70-х годов».

ности,—должно раздражать его, выводить из апатичного состояния и возбуждать в нем страстное стремление выйти из своего вполне гнусного положения. В таком уже неспокойном, раздраженном состоянии, познакомившись с социалистическими идеями и стремлениями, а также и с историей борьбы его братьев по положению на Западе, в нем должно усиливаться и принимать сознательную форму стремление итти в бой с враждебными элементами, и итти сейчас, не откладывая надолго начала борьбы, итти если не за получением сразу, тотчас всего желаемого, то, по крайней мере, чего-нибудь возможного в данную минуту, по крайней мере, пробить брешь в этом уже чересчур теперь ставшем невыносимым для него порядке. Но тут он встречается сразу со всей современной политической системой; он видит, что он шагу не может сделать вперед, не пошатнув прежде эту систему, потому что она находится к услугам его прямых эксплоататоров, она вся устремлена только на то, чтобы сдавить его мысль и волю, она грубо, без всякого снисхождения дает ему чувствовать, что его считают и что он сам должен считать себя не более как машиной, отнюдь не человеком. А ему, хлебнувшему уже свежей воды, уже мало, что сам сознает себя человеком, что таким считают его товарищи; нет, ему хочется, чтобы его считали человеком и другие люди, и вот он стремится заявить себя человеком, и при том вполне свободным, имеющим право мыслить, говорить, действовать открыто и согласно своим убеждениям, к тому же он видит, что для успешной борьбы с своими прямыми экономическими эксплоататорами он должен пользоваться тем, что называют политической свободой, т.-е. свободой слова, сходок, совести, печати, пользоваться ею, как удобным средством для достижения своей прямой цели. Но эту свободу он должен завоевать себе, и для того он должен вступить в бой со всей существующей политической системой, его деятельность на пути к своему освобождению должна неминуемо принять политический характер».

Кто бы ни был автор этой замечательной статьи, ясно одно: автор ее не бакунист-анархист, не лаврист-оппортунист, как рисуют лавристов обычно бакунисты, и не либерал, ибо он, во-первых, критикует либералов, а во-вторых, предлагает в борьбе за политическую свободу революционные методы.

Главная движущая сила революции—пролетариат, который, завоевав политическую свободу, т.-е. низвергнув самодержавие, поведет за собой крестьянство, борясь за социализм.

Вот суть мировоззрения автора, и приходится согласиться, что уже в 1876 г. среди революционеров пробивались такие течения, которые мало чем отличались от социал-демократии Запада, и что, несомненно, такие течения только больше и больше убеждали Оболорского и его товарищей в необходимости создания рабочей социалистической организации.

Вообще, нельзя развитие революционной мысли 70-х годов изображать так, как это обыкновенно делают с легкой руки народников-бакунистов: единственным революционным течением было бакунистское, а все остальное пропитано оппортунизмом.

Даже те, кого называют лавристами, далеко не все были постепеновцы и оппортунисты. В доказательство можно привести свидетельство такого компетентного участника движения, как П. Б. Аксельрод.

В статье, напечатанной в «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», в Цюрихе в 1881 г.,—«Die Entwickelung der sozialrevolutionären Bewegung in Russland» Аксельрод характеризует мировоззрение лавристов 1874—1879 гг. как мировоззрение, которое утверждало, что крестьянская община не может служить исходным пунктом дальнейшего развития России и потому, что она уже распадается, и потому, что она—установление реакционное. Мировоззрение крестьян, развившееся и покоящееся на общинных порядках, отстало и реакционно, и потому крестьянин не может быть той силой, которая станет во главе революции.

«Следовательно, ничего не остается, как перенести центр социально-революционной деятельности, подобно западно-европейским социалистам, в круги промышленных рабочих, предоставив интересы крестьянства естественному ходу истории» [1].

Правда, и сам Аксельрод и Плеханов утверждают, что «группа лавристов никогда не отличалась энергией и смелостью», причем, по словам Плеханова, лавристы будто бы думали так, что нужно дать либералам возможность завоевать политическую свободу, а затем уже начинать работу среди пролетариата.

От Кривуши и Семеновского, двух выдающихся лавристов той эпохи, о которых говорит Плеханов, не осталось письменных документов, где излагается их credo; быть может, они и думали так, но из того документа, из которого мы привели отрывки, видно, как раз наоборот, и отрицательное отношение к либералам, и смелость, и энергия, и призывы итти в бой против самодержавия

---

[1] Переписка П. Б. Аксельрода и Г. В. Плеханова, т. II, стр. 190—194, М. 1925.

немедленно, в бой за политическую свободу, не отдавая инициативы в руки либералов.

Был ли автор цитированного документа лаврист или сторонник другой какой-либо фракции, не важно, важнее, что был, стало-быть, действовал и влиял на окружающих, важнее всего то, что Обнорский и его сторонники встречали не только одну сплошную, как стена, толпу бакунистов, но и людей, мировоззрение которых нельзя иначе характеризовать, как мировоззрение в зародыше социал-демократическое.

Что делал Обнорский, возвратившись из Архангельской губернии в Петербург и прожив там почти год, мы не знаем. Ни в обвинительном акте, ни в показаниях самого Обнорского, ни в мемуарах современников данных нет.

Несомненно одно, что как раз в этот промежуток времени Обнорский мог встретиться с молодым С. Халтуриным: в 1876 г. Халтурину было 19 лет, в то время как Обнорскому уже 24 года; Обнорский за это время побывал в Одессе, познакомился с опытом Заславского, пожил за границей и теоретически был уже сложившимся революционером, а С. Халтурин только-что начинал свое знакомство с революционерами.

Можно предположить, что, встретив С. Халтурина и увидев в нем необыкновенно талантливого приверженца взглядов о необходимости создания рабочей организации, В. Обнорский без боязни оставил Петербург и уехал за границу, чтобы окончательно остановиться на той или другой программе из западно-европейских рабочих партий [1]. До от'езда заграницу в течение 1876 г. (до ноября) В. Обнорский, вероятно, принимал участие в организации тех протестов и стачек, какие происходили в Петербурге, хотя прямых указаний на это участие у нас нет. В 1876 г. в январе в течение дня бастовали 1 000 чел. рабочих Александровского завода, в феврале полторы тысячи рабочих завода Берда, 100 чел. фабрики Кнорре и 2 000 чел. фабрики Максвелля, в июне более 3 тыс. рабочих Путиловского завода и в октябре 500 чел. того же завода. Причинами забастовки были либо понижение заработной платы, либо ее задержка и неаккуратная расплата; забастовки

---

[1] Л. Г. Дейч в своей статье «Виктор Обнорский» в «Пролет. Револ.» (№ 3 за 1922 г.) говорит (стр. 50): «когда же зимой 1877 г. возникли обширные стачки на некоторых фабриках и заводах, он принял в них очень деятельное участие». Это—творимая легенда тов. Дейча. Дело в том, что Обнорский осенью 1877 г. был еще за границей и никак участия в стачках этого года в Петербурге принимать не мог. Кроме того, о каких забастовках в Петербурге в 1877 г. говорит тов. Дейч? Просим назвать эти забастовки.

проходили быстро, потому что администрация частично шла на уступки. Принимал или не принимал участие в этих забастовках Обнорский, неизвестно; есть хотя и косвенные, но все же достаточные основания утверждать, что именно в течение 1876 г. среди рабочих окончательно созрела мысль о свей рабочей организации, и если это так, то можно предположить, что В. Обнорский принимал энергичное участие в осуществлении этой мысли. Г. Голосов в своей статье о И. А. Бачине приводит выдержку из письма, напи-санного в Лавровский «Вперед» и, как думает тов. Голосов, со слов В. Обнорского. Здесь говорится о том, что уже зимой 1876—1877 гг. рабочие в Петербурге «образовали между собою что-то в роде федерации, с выборными и центральным советом, совсем независимо от интеллигенции» [1].

Об этом же говорит и М. Р. Попов в своих воспоминаниях, где он рассказывает о посещении Бачиным Ростова-на-Дону с целью склонить и ростовских рабочих образовать такую же отдельную рабочую федерацию и примкнуть к петербургской рабочей организации. Вот это место из воспоминаний М. Р. Попова:

«...В это время среди интеллигентных питерских рабочих образовался кружок, который проповедывал, что рабочие сами должны взять свое дело в руки, что руководство интеллигенции рабочими явление ненормальное, и нужно, чтобы интеллигенция, как пришедшая в рабочую среду извне и не знающая этой среды, играла бы в этой среде не руководящую, а посредствующую роль: доставляла бы рабочей среде образовательные средства и средства материальные, а организационные работы и руководство рабочими—это дело самих уже рабочих» [2].

Как устанавливает Г. Голосов, Бачин приехал в Ростов-на-Дону не позже января-февраля 1877 г.; стало-быть, организацию самостоятельной рабочей федерации, вернее, того, что известно под именем «Северно-русского рабочего союза», необходимо отнести к 1876 г., по крайней мере.

С таким предположением легко и естественно согласуются и другие факты: и факт тех раздоров, которые возникли между рабочими и интеллигентами как раз в 1876 г. в связи с Казанской демонстрацией, и факт поездки Бачина в Ростов, и факт поездки В. Обнорского за границу.

Становится понятным и появление такой рукописи, как та, что цитирована нами выше; согласуется с таким предположением

[1] Г. Голосов. К биографии одного из основателей Северно-русского рабочего союза.—«Каторга и Ссылка» № 6 (13) за 1924 г.

[2] «Из моего революционного прошлого», стр. 292.—«Былое» за 1907 г., май.

и наше об'яснение, что именно брожение рабочих в 1876 г. в Петербурге толкнуло рабочих на более быструю организацию самостоятельного союза.

Кто же был организатором этого союза рабочих? Из предыдущего ясно, что организаторами его были рабочие того кружка рабочих, той кассы и библиотеки, что были созданы еще в период 1871—1874 годов.

Разойдясь с чайковцами, склонившимися к бакунизму, руководящее ядро рабочих в период 1874—1876 гг. окончательно обособилось и приступило к организации союза.

Руководящую роль среди рабочих, в свою очередь, играли такие люди, как В. Обнорский, С. Виноградов, И. Бачин и др.

Что касается С. Халтурина, то его нельзя считать основателем союза: в Петербург он попал только в 1875 г., в 1876 г. ему было всего 20 лет, он тогда только начинал свою революционную карьеру, и едва ли возможно предположить, что он, молодой рабочий, не прошедший всех перипетий борьбы и споров, в которых участвовали его старшие товарищи, мог быть инициатором дела.

Теперь нам ясно, почему В. Обнорский предпринял второе путешествие за границу: эта поездка была попыткой найти теоретическое обоснование своему делу, найти программу для новой организации.

В ноябре 1876 г. В. Обнорский был снова за границей, в Женеве. Поступив при помощи Гольденберга на завод Ванера слесарем, В. П. Обнорский поддерживал свои старые знакомства, завязанные им еще в первую поездку, и завел новые, ведя, впрочем, жизнь очень замкнутую и вращаясь главным образом среди рабочих [1].

Только в одном эмигрантском предприятии В. Обнорский принял участие—в «Обществе пособия политическим изгнанникам из России» [2].

О жизни Обнорского в этот период за границей мало что известно, кроме того, что он усиленно интересовался западноевропейскими рабочими организациями.

---

[1] Дело Военно-Окружного Суда № 314 за 1880 г., лл. 38 и 39, показания брата Василия и обвинительный акт в приложении.

[2] См. обвин. акт и показания в приложении и Р. Кантор. Общество пособия политическим изгнанникам из России, 1877 г. «Каторга и Ссылка» за 1924 г., № 4 (11), стр. 220—230. Здесь приведен «устав» общества, напечатанный в типографии «Работника», с подписями учредителей, в числе которых значится и В. Обнорский.

Во всяком случае, основные положения программы были выработаны Обнорским именно в это свое пребывание за границей. Соображения в пользу такого предположения следующие: генеральные собрания «Северно-русского союза» происходили 29 и 30 декабря 1878 г., программа Союза была опубликована в январе 1879 г., В. Обнорский приехал в Россию (третья поездка за границу) или в конце декабря 1878 г. или в начале января 1879 г.; а так как трудно предположить, чтобы Обнорский не участвовал в формулировке программы, то и остается именно то предположение, которое мы сделали, что именно в это время второго своего пребывания за границей Обнорский и формулировал основные положения программы.

Все время, протекшее с января 1878 г. по август того же года, когда Обнорский жил в России, он усиленно работает по оформлению Союза. К этому времени относятся и его поездки в Москву и его сношения с Рейнштейном, при помощи которого Обнорский думал поставить организацию рабочих и в Москве. Это обстоятельство подтверждается и признаниями самого Обнорского о знакомстве с Рейнштейном [1] (с ним Обнорский познакомился еще в 1871 г., работая на заводе Нобеля).

И П. Б. Аксельрод подтверждает наше предположение, что уже до августа 1878 г. программа Союза была выработана в основных чертах.

Говоря о появлении Обнорского в Женеве осенью 1878 г., Аксельрод пишет, что Обнорский приехал «как представитель петербургского кружка, который в конце 1878 г. принял название «Северного союза русских рабочих» [2].

Аксельрод ничего не говорит о том, что Обнорский просил его помощи в выработке программы, и, наоборот, подчеркивает, что цель поездки была приобретение типографии для газеты, задуманной рабочими.

Теоретическая работа, стало-быть, была проделана уже раньше.

Это предположение совпадает с тем, что Союз был организован не в 1878 г., а в 1876 г., а 1878 год был только годом окончательного оформления и публичного выступления новой организации с программой.

---

[1] Дело Военно-Окружного Суда № 314 за 1880 г., л. 54, также в приложении протокол второго допроса.

[2] «Пережитое и передуманное», т. I, стр. 299.

7. Третья поездка В. П. Обнорского за границу. Связи В. П. Обнорского с польскими рабочими. Возвращение в Россию. Арест и суд. Личность и значение Обнорского в истории русского рабочего движения. Выводы.

Третий раз В. П. Обнорский поехал за границу в августе 1878 г. и возвратился в Россию не позже начала января 1879 г.

Как уже сказано выше, цель поездки была чисто практическая—достать типографию для затеваемой «Рабочей Зари». По словам Л. Г. Дейча, видавшего Обнорского в Женеве в этот его последний приезд туда, Обнорский привлек внимание всех эмигрантов, но сам наиболее близко сошелся только с П. Б. Аксельродом и пригласил последнего даже принять участие в редактировании газеты.

Закупив материалы для типографии, дав обещание Аксельроду выслать деньги на дорогу в Россию, Обнорский уехал. Но не только закупкой типографии ограничилась эта поездка Обнорского. Одним из важнейших дел этого времени было установление Обнорским связей с польским рабочим движением. Это факт огромного значения, если вспомнить, что на польских рабочих собраниях летом 1879 г. уже читалась программа Союза [1].

В это пребывание за границей Обнорский ездил в Лондон, где видался с Ширяевым, и в Париж, где он видался, как рассказывает об этом именно Ширяев, с П. Л. Лавровым [2].

В Лондоне и Париже Обнорский был в октябре и ноябре 1878 г. В чем заключались те переговоры, какие вел Обнорский с Лавровым, сказать трудно,—данных для этого нет почти никаких.

Правда, С. Ширяев в своей «Автобиографической записке», говоря о «Северно-русском рабочем союзе», высказывает положение о «духовной связи» программы лавристов с программою Союза, подчеркивает факт влияния лавристов на Халтурина и утверждает, что именно лавристы имели очень большое влияние на выдающихся рабочих, принимавших участие в организации «Северно-русского рабочего союза» [3].

Возможно, что и к Лаврову Обнорский обратился с предло-

---

[1] См. И. Волковичер. Начало социалистического рабочего движения в бывшей русской Польше, часть первая, М. 1925 г., стр. 75.

[2] См. выдержку из письма С. Ширяева к П. Л. Лаврову, приведенную в примечании к статье В. Бурцева о «Северно-русском рабочем союзе» («Былое», 1906 г., январь, стр. 176).

[3] «Красный Архив», т. VII за 1924 г., стр. 81 и 89.

кением так или иначе участвовать в их литературном предприятии.

Из Парижа Обнорский направился в Краков, но с кем видался там он и с какой целью заезжал, остается невыясненным. Известно только то, что именно оттуда он отправился в Польшу и остановился в Варшаве.

В своих весьма скупых показаниях Обнорский рассказывает об этом следующее: «...проезжая от Ченстохова к Варшаве по железной дороге, я познакомился в вагоне с каким-то поляком, фамилии коего я не знаю. По приезде в Варшаву этот поляк пригласил меня на какую-то квартиру, где я познакомился с автором письма, Ксаверием Вонсовичем; этот последний, узнав, что я буду в Москве, дал мне означенное письмо к своему брату, служащему, по словам Вонсовича, в каком-то магазине в Москве» [1].

Нам не удалось установить московские связи Обнорского с польскими рабочими, но самый факт связи В. Обнорского с варшавским рабочим Вонсовичем имеет огромное значение. Этот Вонсович был членом варшавской рабочей социалистической организации и вместе со своими товарищами рабочими, Пашке, Бейтом и Сливинским, руководил рабочими кружками [2].

К делу Обнорского было приложено письмо (его, к сожалению найти нам не удалось) этого К. Вонсовича, слесаря в Варшаве, к своему брату, проживавшему в Москве. С этим братом и должен был встретиться Обнорский. Каково содержание письма, неизвестно, но, судя по той выдержке, какая приведена в протоколе показаний Обнорского, речь там шла об установлении связей русской рабочей организации с польской. Во всяком случае, в письме говорилось «о слиянии между поляками и русскими, которых правительство раз'единяет». Кроме того, в письме говорилось, что К. Вонсович именно в видах этого соединения и знакомит со своим братом В. Обнорского, от которого брат «все узнает».

Уже этих фактов достаточно, чтобы с уверенностью утверждать, что именно В. П. Обнорский и был тем лицом, которое впервые установило связь «Северно-русского рабочего союза» с польскими социалистическими рабочими кружками в 1878 г. Идя по его следам, «Северно-русский рабочий союз» и вступил в те сношения с польскими рабочими, в результате которых программа Союза читалась на собраниях польских рабочих организаций.

---

[1] Дело Военно-Окружного Суда № 314 за 1880 г., л. 68; см. также прилож., протокол третьего допроса.

[2] См. И. Волковичер, цит. выше работа, стр. 68.

Обнорский был арестован вскоре после возвращения из-за границы, 29 января 1879 г., на улице в Петербурге.

Большое значение для раскрытия и ареста Обнорского имел Н. В. Рейнштейн, убитый за предательство революционерами в Москве 5 марта 1879 г.[1]. Но возможно, что к этому был причастен и Митрофанов. Телеграмму, полученную из Москвы для Обнорского, он отнес в Петербургское жандармское управление[2].

В. П. Обнорский по приезде в Россию был и в Москве и здесь встречался с Рейнштейном и его женой. Знал ли уже тогда Обнорский о предательстве Рейнштейна, неизвестно, но жандармы усиленно интересовались его закомством с москвичами и вообще с кругами, близкими к Рейнштейну.

Типография «Северно-русского рабочего союза» тоже погибла благодаря провокатору Петру Суетину. Вместе с арестом типографии 14 марта 1880 г. были арестованы и члены Союза: А. П. Павлов, И. А. Гусев, Г. И. Налетушкин и А. А. Григорьев[3].

Дело этих рабочих разбиралось административным порядком, и все они получили административную ссылку

Дело же В. П. Обнорского пошло в Петербургский Военно-Окружной Суд и разбиралось 11 июня 1880 г. По приговору, об'явленному в окончательной форме 12 июня 1880 г., В. П. Обнорский был приговорен (по 2 ч. 250 и 2 ч. 251 и 975 ст. Улож. о Наказ.) к 10 годам каторжных работ.

Привлекавшиеся вместе с Обнорским Петр Петерсон и Яков Смирнов получили первый три, а второй один месяц ареста.

Обнорского обвиняли только в том, что он участвовал в кружке чайковцев в 1872 г. и вел пропаганду в Архангельской губ., и тем не менее он получил очень тяжелое наказание, в особенности по сравнению с остальными товарищами рабочими, участие которых в революционных организациях было доказано. Обнорский не привлекался как организатор «Северно-русского рабочего союза», правительство, видимо, не желало создавать специального рабочего процесса, чтобы не повторить ошибки, допущенной с союзом Заславского, когда классовый пролетарский состав подсудимых бросался прямо в глаза.

Тем более удивительна жестокая расправа с Обнорским. Впрочем эта жестокость находит хотя отчасти свое об'яснение в той необыкновенной сдержанности и выдержке, какие проявил

[1] См. дело Мин. Юст., II угол. отд., № 7668, за 1879 г., л. 35, и д. № 165 за 1879—1880 гг., ч. 1 и 2.

[2] Дело Военно-Окружного Суда № 314 за 1880 г., л. 41.

[3] Об обстоятельствах ареста типографии см. в № 2 — 3 «Красной Летописи» за 1922 г., в статье А. А. Шилова «Последняя страница из жизни Северно-русского рабочего союза», стр. 285—292.

о время следствия и суда Обнорский: он был очень скуп в своих показаниях, не только никого не выдал—от него жандармы в этом отношении вообще ничего не добились,—он если и говорил и называл имена, то только то и такие, что и какие были известны жандармам и что скрывать было бесполезно. Как известно, такой сдержанностью не могли похвалиться его ближайшие товарищи, дававшие весьма подробные показания (например, Виноградов).

С тем большим недоумением мы останавливаемся перед фактом подачи Обнорским прошения о помиловании [1]. Прошение было подано на имя Лорис-Меликова, который приговор суда утвердил, оставив прошение Обнорского без последствий.

Что побудило Обнорского на такой шаг? В чем тут дело? Сказать очень трудно, принимая в особенности во внимание все поведение Обнорского на суде.

Быть может, в его душе теплилась надежда получить облегчение в виду того, что не было фактов, уличающих его как в участии в кружке Чайковского, так и в «Северно-руском рабочем союзе»: ему ведь было неизвестно, что предатель Митрофанов все рассказал о первом, а Рейнштейн о втором.

Как бы то ни было, день суда над Обнорским был днем и его политической смерти: после этого он сходит со сцены. Отбыв каторгу и выйдя на поселение, Обнорский уже не возвращался больше к политической деятельности.

Вот что писал о своих встречах с Обнорским в 900-х годах Зунделевич:

«В 1901 или 1902 г. он проезжал через Читу на Дальний Восток в поисках работы. Я с ним тогда видался несколько раз: по его словам, жизнь его на поселении протекала попеременно в работе по его специальности, в накапливании по нескольку сот рублей и растрачивании накопленных денег, в безустанных поисках золота. Разочаровавшись в золоте в Забайкалье и оставшись без средств, он решил двинуться в Благовещенск или дальше, рассчитывая там найти работу и искать случая нахождения хорошего приска. Вероятно, мы говорили тогда с ним о политике, но ничего характерного в этих разговорах он не высказывал, так как у меня в памяти ничего не осталось. С тех пор я

---

[1] Прошение это находится в деле канцелярии главного начальника верховной распорядительной комиссии «О мещанах Викторе Обнорском, Петре Петерсоне и крестьянине Якове Смирнове, обвиняемых в госуд. преступл.» № 804—190 за 1880 г.

Опубликовано Р. Кантором в № 5 «Красной Летописи» за 1922 г., стр. 351: «К биографии Виктора Обнорского»; здесь же и покаянные прошения Петерсона и Смирнова.

об Обнорском ничего не слыхал». (Стр. 198—199, «Группа «Осв. Тр.».—Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча. Под ред. Л. Г. Дейча. Сб. № 3. М. 1925. Письма Зунделевича.)

Дальнейшая жизнь Обнорского не представляет никакого политического интереса.

О значении В. П. Обнорского для русского рабочего движения распространяться нечего: без опыта, проделанного Обнорским и его товарищами, невозможна была бы такая быстрая эволюция, какую проделали, в свою очередь, бывшие народники, чернопередельцы, с Плехановым во главе.

Не говоря уже о том идейном наследстве, которое оставил Обнорский в форме программы Союза, его личное влияние на окружающих рабочих имело тоже очень большое значение.

Высокообразованный, начитанный, всегда по-европейски одетый, спокойный, неуловимый для полиции, он почти в течение десяти лет вел революционную работу среди пролетариата.

Суровость приговора, может быть, тем и об'ясняется отчасти, что, несмотря на все старания полиции, Обнорский оставался неуловим. О его конспиративной выучке и необыкновенных приемах хорошо знала полиция.

Уже готовясь к его аресту, агентура сообщила из Москвы в Петербург: «На случай ареста Обнорского агент просил сообщить, что личность эта требует особенной зоркости за ней и строгого караула, иначе убежит,—он отличный гимнаст, прыгает из окон, через заборы, как белка» [1].

Интересно то обстоятельство, что личность и деятельность Обнорского не так давно послужили материалом для литературного произведения И. Я. Павловского «История одного убийства», где Обнорский выведен под именем Задонского.

Вот характеристика Обнорского в этом романе:

«Человек этот назывался своей настоящей фамилией—Задонским, хотя проживал под разными вымышленными именами и кличками, которые менял часто, так как был в течение уже многих лет нелегальным, и полиция разыскивала его очень усиленно, но тщетно. Это был единственный из оставшихся на воле членов кружка «чайковцев». Он даже ни разу не был арестован, хотя бы под вымышленным именем. Паспорт его всегда был в порядке,—а под каким паспортом он проживал и где именно, этого никто, кроме его самых ближайших двух-трех друзей, не знал. Вел же он себя так спокойно, так осторожно, что ничем не обращал на себя внимания ни квартирных жильцов, ни хозяев. По происхождению

[1] Дело III Отд. с. е. и. в. канц. № 86 за 1879 г., лл. 17—18.

своему Задонский был крестьянин, а по ремеслу—механик, и отлично знал свое дело. После разгрома кружка он жил около двух лет в Германии и Франции, работая на заводах, считался хорошим рабочим, зарабатывая до 10 и 12 франков...

...Долгая жизнь среди образованных людей, усиленная умственная деятельность, чтение хороших и серьезных книг, а также двухлетнее пребывание за границей, где он был знаком с корифеями социализма (между прочим с Энгельсом и Марксом, которые относились к нему с большим уважением), и в самом деле выработали из Задонского-крестьянина, человека вполне интеллигентного. Обращение его было мягкое, доброжелательное и ровное, в котором самый требовательный человек не мог бы открыть и тени рисовки. Во взгляде его черных глаз с золотистыми искорками было много чисто-русского, простонародного юмора. Говорил он мало и медленно, с запинкой, прямо глядя в глаза. Привычки культурного человека на европейский лад обнаруживались в нем решительно во всем: в чистоплотности его речи и костюма, сдержанности голоса и движений, в умении слушать, в манере есть и пить, смеяться, шутить. Водки он не пил, табаку не курил и нервы, казалось, имел железные.

...Но—факт замечательный—Задонский, который своим личным духовным развитием был обязан исключительно интеллигенции, в глубине души был ей враждебен... Он не верил ни в выносливость, ни в осторожность, ни в упорство в преследовании шли со стороны «барчуков», которые, по его мнению, в массе занимаются революцией из моды, ради сильных ощущений, ради препровождения времени и оставляют революционную деятельность, как только кончают курс. Задонский предпочел бы совсем обойтись без помощи интеллигенции»...

Если отбросить измышления автора этих строк насчет знакомства Обнорского с Марксом и Энгельсом, то придется согласиться, что портрет, нарисованный здесь, не далек от действительности: Л. Г. Дейч, видевший Обнорского в 1878 г., дает его портрет, весьма близкий в некоторых отношениях к только-что описанному.

В задачи настоящей работы не входит анализ программы «Северно-русского рабочего союза»,—это неоднократно делалось многими.

Необходимо только подчеркнуть, что программа не может быть названа ни в коем случае социал-демократической; как совершенно верно определяет Г. В. Плеханов, требование политической свободы придавало ей социал-демократическую окраску, и только; полагать, что «Северно-русский рабочий союз» (как

думает тов. Бубнов) может быть отнесен к социал-демократическим организациям первого периода, когда уже был поставлен вопрос в русских программах о диктатуре пролетариата, это все равно, как думать, что зародыши советской власти кроются в народных революционных организациях XVIII века.

Обнорский при выработке программы испытал разнообразные влияния: было здесь, несомненно, очень большое влияние германской социал-демократии, оказали влияние и бакунисты-анархисты (хотя бы пункт о свободной народной федерации), чувствуется и влияние лавристов.

Обнорский все эти влияния воспринял и своеобразно переработал.

В смысле же социал-демократичности, пожалуй, цитированный нами выше документ куда выдержаннее, чем программа Обнорского.

Бесспорным остается и тот факт, что Обнорский опередил революционное движение своего времени и раньше других наиболее отчетливо формулировал две задачи своего времени: необходимость борьбы за политическую свободу и необходимость создания классовой социалистической организации пролетариата.

И этой одной заслуги Обнорского достаточно для того, чтобы согласиться, что, несмотря на все свои промахи после 1879 г., он навсегда вписал свое имя в историю русского рабочего движения.

К каким же выводам можно притти в результате нашего анализа?

Выводы эти следующие:

1. Рабочее движение 70-х годов было значительно более широким, чем принято думать; металлисты в этом движении играли в массе видную, а в смысле руководства—главную роль.

2. Организация рабочего кружка чайковцами в период 1871—1874 гг. совпадает с оживлением рабочего движения в этот период.

3. Рабочая касса и рабочая библиотека, рабочий центр 1871—1874 гг., был исходным пунктом организации «Северно-русского рабочего союза».

4. Е. О. Заславский и его «Южно-российский союз рабочих» оказал несомненное влияние на В. П. Обнорского.

5. Образование «Северно-русского рабочего союза» произошло уже в 1876 г., когда образовалась самостоятельная рабочая организация, отколовшаяся от бакунистов в момент под'ема рабочего движения.

6. Программа Союза была выработана уже в 1876—1877 гг. В. П. Обнорским и его товарищами.

7. Центральный кружок организаторов Союза состоял в подавляющем числе из высоко-квалифицированных заводских рабочих Петербурга.

8. Основную массу членов Союза также составляли главным образом заводские рабочие.

9. Уже после Казанской демонстрации была формулирована неизвестным народником политическая программа.

10. На программе Союза заметно влияние главным образом германской социал-демократии и лавристов.

11. Организатором и идейным руководителем Союза был бесспорно В. П. Обнорский.

12. В. П. Обнорский установил связи «Северно-русского рабочего союза» с польским социалистическим рабочим движением.

13. «Северно-русский рабочий союз»—первая рабочая организация, поставившая задачу и пытавшаяся разрешить ее—создания социалистической классовой партии пролетариата и борьбы за политическую свободу, как необходимой предпосылки борьбы за социализм.

———

Источниками для настоящей работы служили:

А. Дела, хранящиеся в Историко Революционном Архиве в Ленинграде.

1. Предварительное следствие по делу о развитии в империи революционной пропаганды, произведенное членом Московской Судебной Палаты Крахт, назначенным для производства следствия по государственным преступлениям. № 46, т. V особенно.

2. Дело III Отделения с. е. и. в. канцелярии за 1879 г. № 86 «По обвинению мещанина Виктора Обнорского в государственном преступлении».

3. Дело Петербургского Военно-Окружного Суда о мещанах: Викторе Обнорском, Петре Петерсоне и крестьянине Якове Смирнове. Нач. 2 июня 1880 г., оконч. 6 ноября 1887 г., в 3 томах, № 314, и «Дознание по обвинению мещ. Виктора Обнорского в преступлениях, предусмотренных 318 и 975 ст. Улож. о Наказ.».

4. Дело III Отделения с. е. и. в. канцелярии, Экспедиц. 3-я, «О распространении революц. пропаганды в Привислинском крае» № 214 за 1879 г., в 3 томах.

5. Дело Мин. Юст. II угол. отделения № 7668 за 1879 г. «Об убийстве кронштадтского мещанина Н. В. Рейнштейна».

6. Дело Мин. Юст. II угол. отд. № 7398 за 1876 г. «О Монакове и других».

7. Дознание о крестьянах Монакове и Типсеве, обвиняемых в преступной пропаганде в Арханг. губ., и дополнение к нему, произведенное

в С.-Петербурге (о В. П. Обнорском и А. К. Левашове). Нач. 8 окт. 1875 г. и законч. 13 апр. 1876 г.

8. Дело Архангельского губ. жанд. управл. № 241 за 1880 г.

9. Дело Петербургского Военно-Окружного Суда № 263 за 1880 г.

10. Дело Деп. Полиции, 3-е делопроизводство, № 32, ч. 46, за 1888 г. «По запросам о политической благонадежности».

11. Дело Деп. Полиции, 3-е дел-ство, № 31 за 1889 г. «О дворянине Викторе Андрееве Кудрявом».

12. Дело Деп. Полиции, 3-е дел-ство, № 1158 за 1892 г. «О дворянине А. К. Левашове».

Б. Наиболее известные печатные источники:

1. Плеханов Г. В. «Русский рабочий в революционном движении. Собр. сочин., т. III.

2. Пропаганда среди петербургских рабочих в начале семидесятых годов П. Кропоткина. Загр. «Былое» № 1 и «Записки революционера». СПБ. 1906 г.

3. «О Северно-русском рабочем союзе». Загр. «Былое» № 3.

4. «Северно-рабочий союз». Загр. «Былое» № 5.

5. Бурцев В. Л. Северно-русский рабочий союз. «Былое» № 1 за 1906 г.

6. Шишко Л. К характеристике движения начала 70-х годов. «Русское Богатство» за 1906 г., октябрь.

7. Его же. Кравчинский и кружок чайковцев. Собр. соч. Пг. 1918 г.

8. Его же. Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов. Госизд. 1921 г.

9. Попов М. Р. Из моего революционного прошлого. «Былое» за 1907 г., май.

10. «Южно-русские рабочие союзы». Центрархив. М. 1924 г., под ред. В. В. Максакова и В. И. Невского.

11. Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное, кн. первая. Берлин. 1923 г.

12. Голосов Г. К биографии одного из основателей «Северно-русского рабочего союза» (И. А. Бачин и его драма).

13. Шилов А. А. Последняя страница из деятельности «Сев.-русского раб. союза». «Красная Летопись», № 2—3 за 1922 г.

14. Кантор Р. К биографии Виктора Обнорского. «Красная Летопись» № 5 за 1923 г.

15. Его же. Общество пособия политическим изгнанникам из России. «Каторга и Ссылка» № 4 (11) за 1924 г.

16. Дейч Л. Г. Виктор Обнорский. «Прол. Рев.» № 3 за 1922 г.

17. Его же. Группа «Осв. Труда». Сб. № 3. М. 1925 г. «Русские рабочие революционеры». В. Обнорский. «Раб. Мир.» за 1919 г. №№ 10—12.

18. Волковичер И. Начало социалистического рабочего движения в бывшей русской Польше. Часть I. Госизд. М. 1925 г.

19. «Автобиографическая записка С. Ширяева». «Красный Архив», т. VII за 1924 г.

20. Козьмин Б. П. Рабочее движение в России до революции 1905 г.

21. Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М. 1924 г.

22. Его же. Русская история в самом сжатом очерке, ч. I и II. М. 1922 г.

23. Балабанов М. История революционного движения в России. Госизд. Укр. 1925 г.
24. Его же. Очерки по истории рабочего класса в России. Киев, 1924 г., ч. II.
25. «Процесс 193-х». Изд. В. М. Саблина. М. 1906 г., и В. Богучарский. Государственные преступления.
26. Аптекман О. В. «Земля и Воля» 70-х годов. Русская историч. библиотека, № 20.
27. Павловский И. Я. История одного убийства. Пг. 1925 г.
28. Невский В. И. Очерки по истории РКП(б), т. I, изд. 1925 г.
29. Переписка П. Б. Аксельрода и Г. В. Плеханова, т. II. М. 1925 г.
30. «Вперед» за 1875 г. №№ 1, 2, 3, 6, 8, 9, 11, 12 и 22; за 1876 г. №№ 26, 27, 29, 31, 33, 34, 37, 39, 41, 44 и 48 (здесь сведения о рабочем движении 70-х годов) и журнал «Вперед» за 1874 г., т. II и III, за 1875 г. т. I, и за 1877 г. т. V.

В этом перечне печатных источников упомянуты только те работы, которые имеют отношение к затронутой теме, так что перечень литературы нисколько не претендует на исчерпывающую полноту и совсем не имеет в виду «Южно-российского союза рабочих».

II. СЕВЕРНЫЙ СОЮЗ РУССКИХ РАБОЧИХ

СЕВЕРНЫЙ СОЮЗ РУССКИХ РАБОЧИХ

«...Мы чересчур пропитались духом различных программ Запада».
Из письма Союза в «Землю и Волю».

1. Хронологические даты развития Союза.

В последнее время в исторической литературе были высказаны мнения, что датой основания «Северного союза русских рабочих» [1] необходимо считать не 1878 г., как это было принято всеми, а более раннюю дату, как дают основание думать новые факты, обнародованные в печати [2].

Кажется, не будет лишним в настоящее время, в момент пятидесятилетия опубликования программы Союза, снова поставить этот вопрос и остановиться более определенно на той или другой дате. Для того, чтобы сделать это, необходимо, хотя бы кратко, коснуться всех важнейших моментов развития пропаганды среди рабочих Петербурга 70-х годов.

Ограничимся только 70-ми годами, хотя пропаганда среди рабочих, несомненно, велась и раньше, в течение 60-х гг. [3]. Нужно отметить, что, начиная пропаганду в начале 1871 г. почти одновременно в различных частях Петербурга, чайковцы очень скоро

---

[1] Так назвали свой союз его основатели; так называем его и мы.

[2] Г. Голосов. К биографии одного из основателей «Северо-русского рабочего союза (И. А. Бачин и его драма). «Каторга и Ссылка» 1924 г., 6 (13); В. Невский. В. П. Обнорский. «Ист.-рев. сборн.» Лг. 1926, т. III; Э. Корольчук. Из истории пропаганды среди рабочих Петербурга во второй половине 70-х годов; там же. М. Бортник. В 70-е и 80-е годы на Трубочном заводе. «Кр. Летопись», 1928, № 2 (26), Лг.

[3] Такие рабочие, как, например, С. К. Волков (род. 1845 г., умер, в 1924 г.), были распропагандированы задолго до начала работы чайковцев; в революционное движение Волков вошел в 1863 г. в Казанской губ. (см. «Ист.-рев. сб.», т. III, ст. Э. Корольчук, стр. 105). Когда Волков попал в Петербург (1873 г.), за ним была уже десятилетняя практика. К числу таких рабочих относится и В. Н. Смирнов и некоторые другие.

встретили таких рабочих, которые уже были достаточно развиты и распропагандированы и помогли им в их первых начинаниях. Независимо друг от друга в конце 1871 г. начали пропаганду Чарушин, Синегуб и Попов, с одной стороны, и Лисовский—с другой.

Н. А. Чарушин начал эту работу среди рабочих химического завода Жданова на Петровском Острове Петербургской Стороны, переходя от чисто культурно-просветительных бесед к революционной пропаганде. В январе 1872 г. Н. А. Чарушин и М. Р. Попов оставили работу на этом заводе и стали искать новых связей с рабочими, находя их при посещении чайных на Выборгской и Петербургской Стороне. Синегуб и Стаховский вели пропаганду на заводе Жданова до лета 1872 г. [1].

А. А. Лисовский подошел к рабочим так же, как и его товарищи—студенты Медико-хирургической академии и университета,—которые вели культурно-просветительную работу, читая лекции по естествознанию и общественным наукам: студент Корнеев по всеобщей истории и географии, а с марта 1872 г. студент Заводчиков по физиологии и А. В. Низовкин по истории и географии. По математике на Васильевском Острове с рабочими занимался Вл. Корольков, отставной поручик. Вскоре и здесь чайковцы от культурно-просветительной деятельности перешли к революционной. Весной 1872 г. А. А. Лисовский при помощи рабочего С. В. Митрофанова организовал сапожную артель, где собирались рабочие, и где им читались лекции и на революционные темы [2] (на Большой Посадской улице на Петербургской Сто-

[1] Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, ч. I и II. Кружок чайковцев. Из воспом. о революц. движ. 1870-х гг., М. 1926, стр. 99. Кроме этих новых данных, о начале пропаганды среди рабочих см. старые воспоминания П. Кропоткина, Л. Шишко, М. Р. Попова, Л. Тихомирова и др. О работе среди пролетариата до 70-х гг. в литературе очень мало указаний, но что она велась в Петербурге, в этом сомнений быть не может.

[2] Сапожная артель была организована Лисовским и Митрофановым весной, а не в январе 1872 г., как говорит тов. М. Бортник в своей статье в «Красной Летописи», если доверять показаниям Низовкина, а С. В. Митрофанов относит образование артели даже к осени. 26 января 1876 г. он показывал: «...Осенью 1872 г. я в Петербурге учредил сапожную артель, и в осуществлении деятельности моей артели помогал г. Лисовский...» («Предварительное следствие по делу о развитии в империи революционной пропаганды, произведенное членом Московской Судебной Палаты Крахт, назначенным для производства следствия по государственным преступлениям», № 46, т. 5, лл. 45—52, показания Митрофанова. Ист.-рев. архив в Москве). А. В. Низовкин в своих показаниях по этому поводу говорит: «...Лисовский при содействии Митрофанова устроил артельные мастерские, или, как их называли, «ассоциации», сапожную и слесарную, из которых первая находилась на Петербургской Стороне, на Большой Посадской ул., а последняя на Васильевском Острове, близ биржи. Слесарная «ассоциация» просуществовала, впрочем, недолго, тогда как сапож-

роне). Другая артель (или, как тогда говорили, ассоциация), слесарная, на Васильевском Острове, близ биржи, просуществовала недолго.

В сентябре 1872 г. Синегуб и Стаховский перенесли пропаганду за Невскую заставу. Связи с рабочими быстро разрастались, и уже к концу 1872 г. чайковцы имели знакомства с рабочими и вели пропаганду во всех крупнейших заводах и во всех частях города: на Петербургской и Выборгской Стороне, на Васильевском Острове, за Невской заставой. Такие заводы, как Макферсона, Нобеля, Патронный, Семянниковский, Обуховский и др., входили в круг пропаганды чайковцев: П. Кропоткина, Л. Шишко, М. Попова и др. Чайковцы ставили своей целью прежде всего подготовить из рабочих пропагандистов в народе, они призывали Хорошо также известно, что чайковцы потерпели в этом неудачу: как общее правило, высоко развитые рабочие-металлисты пойти в деревню отказывались. Чайковцы ставили своей целью подготовку пропагандистов среди крестьян: значит ли это, что чайковцы не призывали рабочих к образованию своей рабочей организации? Конечно, нет. Пропаганда чайковцев вообще носила народнический характер, но, ведя эту пропаганду и имея целью подготовить из рабочих пропагандистов в народе, они призывали их также к созданию рабочей организации. Из показаний рабочих видно, что это делали и Кропоткин и другие пропагандисты. Рабочий С. И. Виноградов, например, показывал, что Кропоткин «говорил здесь рабочим о быте рабочего класса за границей и о том, как заграничные рабочие достигли самостоятельности» [1]. Из показаний Д. Н. Смирнова видно, что Кропоткин рассказывал о рабочем движении в Германии, об об'единении рабочих, их организациях и борьбе в этой стране. Затем, по словам того же Смирнова, Кропоткин рассказывал, «как живут рабочие в Бельгии и во Франции, в Швейцарии, как там, в Бельгии, рабочие в ка-

---

ная существовала довольно продолжительное время» (то же дело и том, лл. 56—68). Низовкин указывает, что в марте артель уже существовала. Тов. Бортник говорит, что просветительного характера лекции читались Корнеевым именно в сапожной артели. По показаниям Низовкина и Митрофанова, Корнеев читал свои лекции у себя на дому, на Дворянской ул.

Степан Васильевич Митрофанов, крестьянин Владимирской губ., Муромского у., род. 1839 г., приехал в Петербург в конце 60-х гг. и тогда уже сошелся с революционной молодежью. В деле чайковцев играл большую роль и, как большинство рабочих, не понес большого наказания. В конце 70-х гг., после процесса 193-х, поступил в качестве агента на службу III Отделения и выдал В. П. Обнорского.

[1] Дело о развитии в России революционной пропаганды. Историко-революционный архив б. III Отделения с. е. и. в. канц. № 46, т. V, лл. 11—19.

менноугольных копях сделали стачку, рассказывал также биографии замечательных рабочих и о развитии Интернационала» [1].

Митрофанов показывал, что «Кропоткин об'яснял, что был за границей, рассказывал при этом о движении рабочих в Бельгии, о пользе народных стачек, о развитии рабочих. Говорил также о международном обществе рабочих»... [2].

Характер этой пропаганды подтверждает и Низовкин в своих откровенных показаниях.

К этому необходимо прибавить, что устная пропаганда сопровождалась чтением книг и по истории рабочего движения, и по теории социализма, и книг чисто агитационного характера. Это были сочинения Маркса, Чернышевского, Бакунина, Флеровского и других социалистов («Гражданская война во Франции» Маркса, «Государственность и анархизм», «Историческое развитие Интернационала», «Вперед», «Капитал» Маркса, «Программа рабочих» Лассаля, «Письма без адреса» и другие произведения Чернышевского, «Анархия по Прудону», «Слово верующего к народу», «Пролетариат во Франции», «Азбука социальных наук» и «Положение рабочего класса в России» Флеровского, «Отщепенцы» Соколова, «История 1848 г.» Луи Блана, «Рабочий вопрос» Ланге, сочинения Милля, Берне, Спенсера, Дрепера, Добролюбова, Писарева, Костомарова, Щапова и т. д. [3].

Ясно, что заводские рабочие, и до пропаганды чайковцев отличавшиеся более высоким развитием, чем фабричные, очень хорошо восприняли идею о необходимости создания рабочей организации и совсем не хотели итти в народ, как это им предлагали их пропагандисты. Отсюда и произошел тот конфликт, который привел к образованию своеобразной «рабочей оппозиции» среди рабочих, распропагандированных чайковцами [4].

---

[1] Там же, лл. 37—42.

[2] Там же, лл. 45—52.

[3] Перечень литературы, распространявшейся чайковцами (и изданной ими и получаемой от других), можно найти у Л. Шишко. Общественное движение в 60-х и в первой половине 70-х гг. Гиз, 1921, стр. 83. См. также «Процесс 193-х» с пред. В. Каллаша, изд. В. М. Саблина.

[4] Мы не останавливаемся подробно на общеизвестных фактах этого конфликта и на различном уровне развития фабричных и заводских рабочих. Об этом см. у П. Кропоткина в «Записках революционера»; Л. Шишко. Общественное движение в 60-х и первой половине 70-х гг.; его же. Кравчинский и кружок чайковцев; Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении; О. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. (1924 г.) и т. п. Рассмотрение этого конфликта см. в нашей работе «В. П. Обнорский», «Ист.-рев. сб.», т. III. Из новых данных см. «Воспоминания Льва Тихомирова», Л. Гиз. 1927 г., и Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, ч. I и II, М. 1926 г.

Только немногие чайковцы ставили своей задачей создание самостоятельной организации рабочих или, вернее, понимали, что у рабочих есть своя особенная задача—создать такую организацию. Чайковец Мих. Вас. Куприянов в своих показаниях так говорит о цели своей пропаганды среди рабочих (он познакомился с фабричными рабочими Никифором Кондратьевым от Чешера, с Тарасовым с Никольской мануфактуры, с Павлом Кирюшкиным и еще с одним механиком): «цель знакомства была—образовать из рабочих людей, способных заявить сознательный протест против настоящего несправедливого положения рабочих, образовать людей, которые, нравственно связанные единством убеждений, постоянно расширяя круг своих единомышленников, употребляли бы все свои силы на служение интересам рабочего класса. Мои знакомые рабочие, именно четыре названные выше, не удовлетворяли меня ни умственными, ни нравственными своими качествами. Я смотрел на них как на средство приобрести более интересное знакомство. Возможность же улучшить положение рабочего класса я указывал в создании из рабочих большего количества людей, сознательно понимающих свое положение и могущих пред'явить сознательные требования; в том, что эти люди, если их будет много, будут составлять силу, а силу игнорировать невозможно»[1].

Рабочие, распропагандированные чайковцами, поняли эту задачу, и именно потому, что большинство чайковцев смотрело на рабочих только как на будущих пропагандистов в деревне, между чайковцами и рабочими возник конфликт. Возникновению этой рабочей оппозиции помог студент Медико-хирургической академии Александр Васильевич Низовкин. Познакомившись при посредстве товарищей студентов, находившихся под большим влиянием Лисовского, и с самим Лисовским, и с рабочим Митрофановым, Низовкин в марте 1872 г. попал к нему в ассоциацию и затем очень быстро сошелся со всеми выдающимися рабочими-чайковцами. Низовкин, казак по происхождению, сын состоятельных родителей, обладал большим честолюбием и хотел играть известную роль среди людей, с которыми его столкнула судьба. Не будучи революционером, он вместе с тем думал ограничиться культурнической работой в народе. Не такие задачи ставили себе чайковцы. Отсюда, естественно, чайковцы держались недоверчиво по отношению к Низовкину и не подпускали его близко не

[1] Дело № 46, т. IV, л. 14 и сл. (подчеркнуто нами.—*В. Н.*)

только к своему центру, но и вообще к своим организациям. Поэтому, как только Низовкин заметил среди квалифицированных рабочих стремление к самообразованию и к созданию своей собственной организации, он стал играть на этой слабой струнке рабочих. Как видно из его собственных весьма откровенных показаний, рабочие не особенно доверяли ему, но не отказывались от его услуг; Низовкин же, пользуясь этим, делал все возможное, чтобы поссорить рабочих с интеллигентами. Это ему не удалось, ибо рабочие, не ссорясь с чайковцами, самостоятельно организовали свой рабочий центр.

Как бы ни относиться к «откровенным» показаниям Низовкина, в них есть большая доля истины, когда он пишет: «...Напрасно думают, что образованный рабочий скорее может быть увлечен на путь мятежей, нежели темный человек массы. По моим наблюдениям, грубые и невежественные фабричные относились к агитаторам партии Чайковского с гораздо большей симпатией, нежели развитые мастеровые. Невежество рабочего ни в коем случае не гарантирует его от влияния антигосударственных элементов, бродящих в нашем обществе... Так называемый «рабочий вопрос» по самому существу своему может быть благополучно разрешен только при условии умственного развития рабочих масс» [1].

Истина здесь заключается в том, что сознательные, развитые рабочие критически подходили к народнической пропаганде чайковцев: они иронически относились к бунтарским надеждам чайковцев на восстание крестьянских масс и видели путь освобождения в создании прочной рабочей организации. Отсюда их недоверие и даже иногда ненависть к интеллигенции, зовущей мало развитого рабочего на борьбу, и стремление к развитию и образованию. Пример Бачина, о котором говорит тов. Г. Голосов, как нельзя лучше показателен. Мы имеем в виду разговор Бачина со своим товарищем Белиловым, разговор, в котором Бачин, говоря о лекциях студентов, «смеялся над князем Кропоткиным и говорил, что от студентов следует брать книги, а если они будут учить вздору, то их следует бить» [2].

Это напряженное чувство к интеллигентам-революционерам рабочих, познавших сладость развития, подтверждается и самими чайковцами, кн. Кропоткиным, «Стариком»—Коваликом и др. [3].

---

[1] Дело № 46, т. V, лл. 56—68.

[2] «Каторга и Ссылка» 1924, 6 (13), стр. 53, и «Процесс 193-х» в «Государственные преступления в России в XIX веке» В. Богучарского, т. III, стр. 56.

[3] Старик. Движение 70-х гг. по большому процессу,—«Былое», 1908, 12, стр. 57.

Это было подмечено и Низовкиным. В своих показаниях он, между прочим, говорит: «...Результатом преступной деятельности агитаторов партии Чайковского в среде заводских рабочих явилось, между прочим, сближение последних между собой. До того времени поименованные здесь мастеровые не представляли собою и подобия кружка. Это была просто нейтральная среда, из которой агитаторы отбирали подходящих людей, вроде Митрофанова, Обнорского, Орлова, Лаврова и т. д. В конце же 1873 г. и в начале 1874 рабочие, прочно заполучив идею солидарности, явно начали обнаруживать наклонность к тайному сближению между собой. Они стали проявлять инициативу сходок, чего прежде отнюдь не было» [1].

Зерном организации послужила библиотека, устроенная Низовкиным по инициативе А. Сердюкова среди рабочих Патронного и других металлических заводов, игравших вообще большую роль в жизни петербургской рабочей организации [2]. Не останавливаясь подробно на изложении возникновения и роста этой библиотеки, подчеркнем, что скоро эта библиотека рабочих Патронного завода настолько разрослась, что превратилась в общегородскую, и ее пришлось разделить на 4 части по районам: Васileостровскую, Невскую, Выборгскую и Колпинскую. Первым кассиром библиотеки был В. П. Обнорский, у него же хранилась и васileостровская часть библиотеки до его от'езда; после его от'езда библиотека находилась у Н. Кудрова, затем у С. Виноградова. Книги библиотеки, составившиеся сначала из пожертвований, затем покупались на деньги, собранные с рабочих (2% жалованья).

Точно так же, как библиотеку, весной 1873 г., 1 (13) апреля рабочие Патронного завода организовали кассу для выдачи ссуд по безработице на сходке у рабочего Кудрова, жившего над трактиром «Петушок». Взнос в кассу был 1 руб., ссудами можно было пользоваться только за поручительством двух рабочих, за ссуду выше 10 руб. взималось 2%. В кассе участвовали и аполитичные рабочие. Прав тов. М. Бортник, называющий эту эту кассу зародышем союза металлистов [3].

[1] Дело № 46, т. V, лл. 56—68.

[2] «Для того, чтобы рабочие всегда имели под руками книги и вообще в видах прочного привития к ним потребности читать, Сердюков предлагал устроить для них библиотеку. Мысль эта показалась мне оригинальной, и я поддержал ее». Дело № 46, т. V, лл. 56—68.

[3] См. в статье М. Бортника в «Красной Летописи» за 1928, 2 (26), подробно об этой кассе. См. также в показаниях Д. Смирнова: дело № 46, т. V, лл. 32—36.

Успехи рабочих Патронного завода окрылили инициаторов, и рабочие Петербурга вскоре приступили к созданию политической организации. Исходной точкой этой организации послужила библиотечная касса общегородского характера, которая, естественно, возникла после ареста А. Сердюкова. Заведывание библиотекой перешло к Низовкину. Общегородской библиотекой Низовкин заведывал до весны 1873 г., когда заведывание библиотекой было у него отнято.

Когда чайковцы убедились в ненадежности Низовкина, они, воспользовавшись его от'ездом на вакации домой, отняли у него библиотеку, разбив ее на упомянутые выше районные библиотеки. Низовкин об этом рассказывает так: «Приближалось время моего отъезда на каникулы, а между тем денег у меня не было. Я поэтому решил отправиться за Невскую заставу к рабочим Евдокимову, Орлову и Мясникову и у кого-нибудь из них занять нужные мне деньги. В праздник я и отправился к ним. Придя к ним, я не застал их дома, и мне сказали, что они в трактире «Рожок», находившемся в том же дворе. Я отправился в указанный трактир и там в одной задней и глухой комнате нашел целую компанию рабочих и между ними Клеменца и Левашова, которым меня и представил Мясников. На этой сходке присутствовало человек 12 рабочих: кроме Мясникова, были там Евдокимов, Орлов, Карп Адамов, Щеглов, Бачин, Василий Тимофеев и их товарищи, имен которых я не знаю. Был также Виноградов. Речь шла о библиотеке, а именно об из'ятии ее из моего заведывания и о распределении ее по рукам самих рабочих. Клеменц при этом заявил, что Рогачев вскоре доставит из Орла значительное количество книг, которые войдут в состав библиотеки рабочих. Распределена была библиотека таким образом: часть книг должна была находиться за Невской заставой у Мясникова; часть на Васильевском Острове у Петерсона 1-го и часть на Выборгской у Виноградова. Такое распределение библиотеки нашли необходимым будто бы в виду устранения всяких пререканий, так как все три группы рабочих относительно обмена книг будут нуждаться одна в другой. Распределенным таким образом книгам рабочие сами должны были вести списки, но и общий каталог также должен был вестись. Таким образом, сами рабочие сделались полными распорядителями своей собственной библиотеки»[1].

Однако, несмотря на отстранение Низовкина от заведывания библиотекой, он по приезде в Петербург осенью 1873 г. не отставал от рабочих, и ему удалось присутствовать на важнейшем

[1] Дело № 46, т. V, лл. 56—68.

рабочем собрании, где были заложены основы рабочей политической организации.

Событие это произошло 31 декабря 1874 г. на квартире рабочего Д. Смирнова, и собрание это получило среди рабочих название «Елки».

О том, как было устроено это собрание, мы имеем, кроме показания Низовкина, еще и показания рабочих С. В. Митрофанова, Д. Н. Смирнова, С. К. Волкова, С. И. Виноградова, К. А. Иванайнена и др. [1].

Собрание было устроено по инициативе самих рабочих и, как указывают некоторые рабочие, по инициативе Виноградова. На этой сходке присутствовало до 30 человек рабочих, а именно: из-за Невской заставы, с Васильевского Острова и Выборгской Стороны—Лавров, С. И. Виноградов, Виссарион Николаев, В. А. Графов, Козлов, Смыслов, Дм. Николаев, К. А. Иванайнен, Мясников, Кондратьев, братья Петерсоны, Д. Н. Смирнов, С. К. Колков, С. В. Митрофанов, Н. Соболев, А. Г. Городничий, К. Лаврентьев, В. Тимофеев, Вангесов, Кудров, Епифанов, И. Федоров, А. Бедункевич. Был также и А. Низовкин. Здесь было решено отделить библиотечную кассу от кассы взаимопомощи. Взносы в библиотечную кассу были уменьшены до 1%, так как приходилось вносить еще в другую кассу. Цели этой другой были определены так: помощь рабочим, пострадавшим за политические убеждения, и помощь во время стачки, безработицы и т. п. Касса эта получила название «кассы сопротивления», хотя все рабочие, за исключением Митрофанова, упорно отрицали это название. Митрофанов же так определял эту кассу: «Эту кассу Виноградов назвал кассою сопротивления, или противодействия, и вот на каком основании: по нашему понятию, рабочий, лишившийся работы, есть, конечно, суб'ект, долженствующий за неимением заработка кормиться милостынею, но при существовании рабочей кассы такого исхода быть не может, и, таким образом, этот источник к существованию рабочему, лишившемуся работы, есть средство, не допускающее несчастья, т.-е. сила противодействующая, почему и касса Виноградовым названа кассою сопротивления, или противодействия» [2].

Так это или нет, очевидно одно, что рабочие, организуя кассу, несомненно, имели в виду оказывать помощь своим товарищам в целях сопротивления натиску и со стороны хозяев и со стороны правительства.

---

[1] Дело № 46, т. V, лл. 56—68, 6—10, 11—19, 20—23, 32—36.
[2] Дело № 46, т. V, лл. 45—52.

Таким образом 31 декабря 1873 г. было положено начало самостоятельной организации рабочих в Петербурге.

Описание этой организации помещено в лавровском журнале «Вперед» № 3 от 15 февраля 1875 г. в корреспонденции «Из Цюриха». Заметка эта была написана по поводу приезда из России в Швейцарию двух рабочих из центрального кружка—Виноградова и Иванайнена [1]. В заметке обращают внимание два места: одно, где говорится, что оба эти учреждения, основанные пропагандистами из интеллигентной молодежи, в последнее время находились совершенно в руках рабочих, и другое, где указывается, что Виноградову и Иванайнену из всех цюрихских деятелей рабочего движения больше всего понравилась личность переплетчика Германа Грейлиха, и что последний, знакомясь с русскими, подчеркнул мысль о международной солидарности рабочих.

Действительно, мысль о самостоятельности своей рабочей организации прочно засела в голове петербургских рабочих. Вскоре после знаменательного заседания 31 декабря 1873 г. произошли новые собрания в феврале и в марте, на которых эта самостоятельность была еще более подчеркнута. В особенности примечательно собрание, происходившее в начале марта 1874 г., в праздничный день (3-го числа). Сходка эта имела целью «собраться всем вместе и посчитать свои силы». Собралось человек 30 рабочих. Присутствовали: Митрофанов, Виноградов, Графов, Козлов, Вас. Николаев, Смыслов, Д. Николаев, Меркулов, Мясни-

---

[1] Выдержки из этой заметки см. в статье т. М. Бортника; нами она еще раньше была использована в работе «В. П. Обнорский», в «Истор.-револ. сб.», т. III. Удивительно замечание тов. М. Бортника по моему адресу, что я будто бы не заметил в указанной выше заметке в № 3 «Вперед» знакомства русских рабочих с Г. Грейлихом. Заметить-то я это место заметил (странно было не заметить, когда я и указал впервые на эту заметку), да какие выводы из этого можно сделать? Тов. Бортник думает, что знакомство русских рабочих с Г. Грейлихом указывает на их тяготение к марксизму. Вот что мы читаем в этом месте заметки: «Из здешних рабочих деятелей их всего более, как кажется, заинтересовала типичная личность переплетчика Германа Грейлиха, с которым они познакомились, хотя это знакомство и ограничивается пока только нежными взглядами и рукопожатиями. Грейлих, со своей стороны, заметил, что узнает в них своих братьев-пролетариев, что они служат подтверждением взглядов, высказанных им когда-то в Tagwacht: «Люди более отличаются по своим общественным социальным положениям, нежели по различию национальностей». Из своего 6-месячного пребывания за границей Виноградов и Иванайнен там около месяца просидели в тюрьме, около месяца были в дороге, а затем работали на заводе в Женеве. Без знания языка, обменявшись рукопожатиями с Грейлихом, едва ли В. и И. могли сразу стать марксистами».

Придавая огромное значение этому путешествию, я из него не могу сделать выводов о тяготении к марксизму Виноградова и Иванайнена.

ков, Иванайнен, Бачин, Щеглов, Кондратьев, В. Тимофеев, Петерсон 1-й, Петерсон 2-й, Смирнов, Волков, Николай Соболев, Роман Осетров, Пушанкин, Фетисов. На этом собрании, по словам Низовкина, «рабочие много говорили о сближении между собой, причем выражали твердое намерение содействовать возникновению в своей среде кружков, подобных студенческим». По словам того же Низовкина, инициатива этого собрания принадлежала рабочим Пушанкину, Митрофанову, Виноградову, Мясникову, Иванайнену и Петерсону 1-му. На собрании присутствовали интеллигенты—Низовкин, Вететюев и Пыпин. Судя по показаниям рабочих, Низовкин на этом собрании выступал против стремления чайковцев направить деятельность организовавшихся рабочих по желательному для них бунтарскому направлению. «...Низовкин толковал о чайковцах,—говорит Митрофанов,—выражал нарекание на этот кружок и убеждал рабочих устраняться от лиц чайковской партии. В чем именно состояли стремления партии Чайковского, я не знаю, и Низовкин, по моему мнению, вооружал рабочих против Чайковского из самолюбия» [1].

Так как выступление Низовкина, хотя и было направлено против чайковцев, призывало рабочих к самостоятельной организации, то оно и было встречено с сочувствием.

Эта вторая организация была разгромлена жандармами в марте 1874 г.; часть рабочих попала в тюрьму, часть избежала ареста, в том числе и В. Обнорский.

Большинство рабочих, державшихся на допросах далеко не доблестно и дававших, как и Низовкин, довольно откровенные показания, скоро было выпущено и подчинено гласному надзору полиции.

Эти рабочие и новые примкнули к революционным организациям в конце 1875 г. и начале 1876 г.; об этом говорят как факты дознания по делу «Общества друзей», опубликованные тов. Э. А. Корольчук, так и свидетельства таких лиц, как Г. В. Плеханов, определенно утверждающий, что «испытанные революционеры-рабочие, присоединив к себе некоторых надежных новичков, составили ядро петербургской рабочей организации, с которым и сносилась главным образом «интеллигенция» [2].

Так как этот вопрос подробно освещен в работе тов. Корольчук, не будем останавливаться на нем, а только подчеркнем следующие обстоятельства.

[1] Показание Митрофанова от 26 января 1876. г. Дело № 46, т. V, лл. 45—52.

[2] Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении. Собр. соч., т. III, стр. 147.

Во главе новой организации стояли как вновь привлеченные рабочие, так и старые, известные нам по организации 1873—1874 гг. Рабочие Шкалов, Форсман, Павликов, Громов, Александр Егоров и некоторые другие были новички, зато рабочие А. Карпов, Василий Яковлев, Савельев, Волков, Смирнов, Петерсон, Ушаков, Иванайнен и Обручников, участвовавшие на сходке на квартире Кондратьева, специально снятой для собраний организации, были старыми участниками движения. Во всяком случае мы видим, что рабочие С. К. Волков, Д. Н. Смирнов, А. Н. Петерсон и его брат П. Петерсон, К. А. Иванайнен, А. Н. Кондратьев и И. А. Бачин, создавшие рабочий центр 1873—1874 гг., участвуют и в создании нового центра 1875—1876 гг.—«Общества друзей». И теперь рабочие при создании своей организации идут старыми испытанными путями: в течение лета 1876 г. они создают библиотеку и кассу, выбирают библиотекарей и кассиров. Центральный рабочий кружок вступает в сношения с лавристами и землевольцами (Халтов, Натансон, Плеханов, Кузнецов и др.), весной 1877 г. часть рабочих и интеллигентов переезжают в Москву с целью начать и там свою пропаганду; аресты в апреле 1877 г. работы не остановили, и сходки рабочих, созываемые А. Пресняковым, были перенесены на Гаванское поле и на острова.

В организации 1873—1874 гг. главной ее опорой были рабочие Васильевского Острова, Выборгской Стороны и Невской заставы; точно также и в «Обществе друзей» 1875—1876 гг. главные кадры его членов были рабочие Патронного завода, Выборгской Стороны, Васильевского Острова, Невской заставы и других районов (в «Общество друзей», кроме того, входили рабочие Путиловского завода, Балтийской железной дороги, Механического завода, Общества Росс. жел. дор. и др.).

В. Бурцев относит образование Союза к концу 1877 г., называя в числе его членов следующих рабочих: А. Петерсона, Д. Смирнова, С. Волкова, С. Виноградова, И. Бачина, Мясникова, А. Бамбина, Игн. Гусева и А. Павлова. Однако тов. Корольчук ошибается, говоря, что В. Бурцев, относя образование Союза к концу 1877 г., «перечисляет следующие имена основателей его»[1].

Что В. Бурцев относит образование Союза к концу 1877 г., это верно[2], но что он считает основателями Союза рабочих А. Петерсона и других, перечисленных им в первой книге «Былого» за 1906 г., этого ни из чего усматривать нельзя. В. Бурцев

[1] «Истор.-револ сб.», т. III, стр. 62 *(подчеркнуто нами.—В. Н.)*.
[2] «Былое» № 5 за 1904 г.

говорит следующее: «Среди рабочих, принадлежавших к Союзу, мы можем указать на Алекс. Ник. Петерсона, Дм. Ник. Смирнова, Серг. Виноградова, Мясникова, Бачина, Бамбина, Игн. Гусева, Павлова, Чуркина, Гаврилова, Волкова и др.» [1]. Принадлежать к Союзу еще не значит быть его основателем.

В. Бурцев, перечисляя участников Союза, включил в это число и тех, кто был в Союзе, когда эта организация еще не носила названия Союза, и тех, кто был в Союзе только в конце его существования. Тов. Корольчук доказала, что ни Волков, ни Смирнов не могли быть в числе основателей Союза в 1877 г.; они в это время сидели в тюрьме, арестованные еще в конце 1876 г. Но точно так же в конце 1877 г. не могли быть основателями Союза и Игн. Гусев и Павлов; Гусеву шел тогда только семнадцатый год (он род. в 1860 г.), и трудно предположить, чтобы в центре такого важного дела, как организация Союза, стоял такой молодой рабочий, как Гусев; Павлов был старше, ему шел двадцать первый год (он родился в 1856 г.), но сомнительно, чтобы и он был в центре организации, в то время как все остальные рабочие были уже ветеранами движения, тем более, что впервые на политическом горизонте они появляются только в апреле 1879 г. [2]. «Инициатором этого Союза,—по словам того же В. Бурцева,—были известный Халтурин и В. Обнорский» [3].

Можно считать, стало-быть, установленным, что хотя в организации 1877—78 гг. ни Волков, ни Смирнов не принимали участия, но основы Союза были заложены уже в 1876 г.

Что это действительно так, видно и из того, что в Союзе 1877—79 гг. в центре его участвуют все те же старые рабочие, вышедшие из кружка чайковцев 1873—74 гг. и 1875—76 гг.: В. Обнорский, С. Халтурин, А. Городничий, Д. Чуркин, Гр. Хохлов, Мясников, И. А. Бачин.

В. Обнорский играл выдающуюся роль еще в организации 1873—74 гг.; С. Халтурин занял видное положение в 1876 г.; А. Городничий и Мясников играли большую роль еще в организации 1873—74 гг. и 1875—76 гг. (они были на всех главных собраниях кружков этого времени); И. А. Бачин, как известно, в

---

[1] Там же, стр. 176.

[2] См. дело III Отд. с. е. и. в. канц. за 1880 г. № 346: «О производстве дознания о лицах, арестованных при открытии тайной типографии на Малой Мещанской улице» и «Красная Летопись» 1922 г., 2—3, статью А. А. Ш и л о в а. «Последняя страница из жизни «Северного рабочего союза» в Петербурге в 1880 г.».

[3] «Былое» № 5 за 1904 г., стр. 35.

феврале 1877 г. ездил с целью пропагандировать идею Союза в Ростов-на-Дону; гр. Хохлов участвовал в организации 1876 г.

Преемственная личная связь трех организаций налицо: рабочие, выдвинувшиеся еще в 1873—74 гг., как В. Обнорский, Волков, Смирнов, Городничий, Виноградов, Мясников, Иванайнен и др., участвуют одни в создании «Общества друзей» 1875—1876 гг., другие, уцелевшие от ареста, продолжают дело организации и в 1877—78 гг. устраивают два учредительных собрания 1878 г.

Преемственность эта видна из следующей таблицы:

Организация рабоч. 1873 — 74 гг.	В. Обнорский, А. Петерсон, П. Петерсон, С. Волков, С. Виноградов, И. А. Бачин, Д. Н. Смирнов, А. Кондратьев, А. Городничий, Гр. Хохлов, Мясников, С. А. Иванайнен, С. Митрофанов.
«Общество друзей» 1875—76 гг. и вообще организации 1875 — 1876 гг.	А. Петерсон, П. Петерсон, С. Волков, С. Виноградов, И. А. Бачин, А. Кондратьев, С. Халтурин, В. Обнорский.
Союз 1877—79 гг.	В. Обнорский, С. Халтурин, А. Городничий, Мясников, И. А. Бачин, Г. Хохлов.

Само собой разумеется, что каждый год дает новых сторонников и участников, но основной кадр рабочих идет еще от тех времен, когда закладывались основы рабочей организации 1873—74 годов.

Программа Союза была опубликована 24 января 1879 г., В. Обнорский был арестован 29 января того же года, а в ночь на 14 марта была арестована и типография Союза вместе с первым номером «Рабочей Зари» и рабочими И. Гусевым, А. Павловым и др.

Таким образом, устанавливаются следующие четыре хронологические даты:

1873—74 гг.	Основание центрального рабочего кружка с кассой и библиотекой.
1875—76 гг.	Организация центрального рабочего кружка с кассой и библиотекой.

1877—78 гг. Оформление этого центра в Союз.

1880 г. (март). Гибель Союза: арест типографии.

Во всех этих организациях руководящую роль играют выдающиеся рабочие, выдвинувшиеся еще во времена первых кружков чайковцев 1872—73 гг.

2. Условия возникновения Союза.

Факты рабочего движения 70-х годов об'ясняют многое при обсуждении вопроса о возникновении рабочей организации этого времени.

Как теперь установлено, рабочее движение 70-х годов было не только движением текстильных рабочих: оно было шире и глубже и охватило рабочих всех отраслей. С 1870 по 1880 гг. было около 250 стачек и волнений на фабриках и заводах России; в 162 случаях участвовало более 120 тыс. человек. Из этого числа рабочих механического производства было около 50 тыс., что составляет 39,2% всех бастовавших; текстильных более 50 тыс. (53996), что составляет 44,7%; остальные распределяются между строительными (8,74%) и рабочими прочих категорий.

Семидесятые годы были годами под'ема промышленности; кризис наступил позже, в половине 80-х годов. Частичный кризис в России был вызван русско-турецкой войной и отозвался отчасти на текстильных рабочих. В связи с этим мы и наблюдаем под'ем и развитие рабочего движения. Наибольшее число стачек как раз и приходится на 1874 г.—30 стачек и волнений и 24260 участвующих; 1875—76 гг.—23 и 25 стачек и число участвующих 16059 и 10 616 чел. и 1878—1879 гг.—30 и 37 стачек и волнений и 13 870 и 20 120 участников. Годы 1870, 1871, 1873, 1877 и 1880 дают и меньшее число стачек и меньшее число участников. Наибольшее число стачек и волнений, окончившихся победой рабочих, также падает на годы 1874, 1876, 1878 и 1879.

По районам стачки и волнения распределяются так, что большая их часть падает на Северный район, главным образом Петербург (40,26%) и Московскую промышленную область (31,5%). Из 243 стачек и волнений на долю одного Петербурга приходится 62 стачки, т.-е. 25,1% всех случаев, причем больше половины этих стачек приходится на долю механических заводов, именно 32 стачки.

По годам эти стачки распределяются так:

Годы	Число стачек		
	На механических заводах	На прочих предприятиях	Всего
1870	1	4	5
1871	1	1	2
1872	1	1	2
1873	1	1	2
1874	6	4	10
1875	5	3	8
1876	4	4	8
1877	3	—	3
1878	3	6	9
1879	3	3	6
1880	4	3	7
За 11 лет	32	30	62

Всех рабочих-металлистов бастовало (в стачках, о которых есть данные) по всей России 47 278 чел. Из этого числа на долю Петербурга приходится 21106 чел., т.-е. почти половина всех рабочих металлистов, бастовавших во всей стране, причем необходимо принять во внимание, что из 32 стачек известно число участников только в 20 стачках; ясно, что число всех механических рабочих в Петербурге было значительно, и они составляли, конечно, не шестую часть (20 тыс. из общего числа 120 тыс.) всех вообще бастовавших рабочих, а гораздо большую.

Бастовали такие заводы, как Александровский, Путиловский, Семянниковский, Берда, Макферсона, Патронный, т.-е. самые крупные заводы Петербурга. Таким образом необходимо, во-первых, считать установленным факт, что в 70-е годы во главе забастовочного движения в России идут рабочие-металлисты, и что петербургские рабочие-металлисты составляют авангард этого движения, и, во-вторых, признать, что годы, наиболее успешные для организации рабочих (1873—74, 1875—76 и 1878—79), совпадают с наибольшим развитием стихийного рабочего движения.

Далее посмотрим, каких специальностей рабочие строили свою рабочую организацию.

Как это видно из подлинных дел и из мемуарной литературы, в построении рабочей организации 1873—74 гг. участвовали исключительно металлисты Васильевского Острова, Выборгской Стороны и Невской заставы крупнейших заводов: Патронного, Макферсона, Семянниковского, Путиловского и др.

Вот имена главнейших участников этой организации: В. Обнорский, слесарь завода Нобеля и затем Патронного, братья Вангесовы, Филипп и Михаил Яковлевичи, токарь и слесарь Патронного завода, четыре брата Петерсона, все токари Патронного завода (из них выдающуюся роль играл Алексей Николаевич Петерсон), Семен Кузьмич Волков, слесарь Патронного завода, Дмитрий Николаевич Смирнов, слесарь инструментального отдела Патронного завода, Карл Адамович Иванайнен, слесарь, Антон Георгиевич Городничий, слесарь, Александр Федорович Бек, слесарь. Затем рабочие—Роман Осетров, Ник. Соболев, Ив. Звонников, Энно Лилиенталь, Адам Бедункевич, Ив. Любимов, В. А. Графов—тоже рабочие-металлисты. Точно так же рабочие, члены организации 1875—76 гг., как И. А. Бачин, кузнец Патронного завода, Александр Ив. Форсман, слесарь зав. Макферсона, И. В. Корсаков, слесарь завода Макферсона, В. Д. Шкалов, слесарь, М. И. Васильев, слесарь, А. Герасимов, рабочий Путиловского завода, Г. И. Федоров, слесарь, В. П. Кузовкин, слесарь; Вас. Як. Савельев, металлист Патронного завода, Гр. Хохлов, Дм. Чуркин, Кир. Ильин, Тих. Долбинин, Андерес Паркинен, участники «Северного Союза»—все металлисты Патронного завода. Точно так же рабочие Мясников, Меркулов, А. В. Лавров, Щеглов, Д. Николаев, Вас. Алексеевич Графов, В. Тимофеев, Пушанкин—все это были рабочие-металлисты.

Нет смысла перечислять всех рабочих, их перечень занял бы несколько печатных страниц, и все это имена слесарей, токарей и кузнецов Патронного, Путиловского, Семянниковского, Макферсона, Нобеля и других заводов—несколько сот имен рабочих-металлистов.

Только два-три человека руководящего кадра рабочих были не металлисты: например, Митрофанов—сапожник, С. Н. Халтурин (да и тот, будучи модельщиком-столяром, работал на механических заводах), Гер. Игн. Налетушкин (один из организаторов типографии Союза).

Можно, таким образом, считать установленным факт, что организаторами «Северного рабочего союза» были металлисты и что вся эта организация была организацией не текстильных рабочих, как утверждает М. Н. Покровский, а организацией квалифицированных рабочих-металлистов [1].

Кружки рабочих-текстилей и иных категорий были, но их организовали рабочие-металлисты и главным образом интеллиген-

---

[1] См. М. Н. Покровский. Очерк истории революционного движения в России в XIX и начале XX в. М. 1924, стр. 78.

ты-чайковцы и землевольцы—с целью пропаганды народнических идей и подготовки пропагандистов в крестьянской среде.

Следует считать доказанным (главным образом работами тов. Г. Голосова и тов. Э. А. Корольчук, равно как и свидетелями-мемуаристами), что на этой почве между передовыми рабочими-металлистами и революционерами-землевольцами произошел конфликт: рабочие металлисты отказались быть орудием в руках интеллигентов, отказались итти в деревню и поставили себе свои самостоятельные задачи. Это привело к организации сначала рабочего центра 1873—74 гг., затем к созданию ядра «Северного рабочего союза» 1875—76 гг. и, наконец, к оформлению Союза в 1877—78 гг. [1].

3. Организаторы «Северного союза русских рабочих».

Организаторами первого рабочего центра, как мы видели и как это устанавливается показаниями А. Низовкина, рабочих Волкова, Смирнова, Виноградова и других рабочих, привлеченных по делу 193-х и по другим делам 70-х годов, была группа металлистов. Это были, кроме только-что упомянутых рабочих, еще следующие: А. и П. Петерсон, К. А. Иванайнен, С. В. Митрофанов, В. А. Графов, В. Николаев, Мясников, Кондратьев, Н. Соболев, Лавров, И. Бачин, А. Г. Городничий, В. Тимофеев, Вангесов и др. Выдающуюся роль в этой организации играл В. П. Обнорский. Об этом достаточно ясно говорят в своих показаниях А. Низовкин, Митрофанов и другие рабочие. Это обстоятельство можно считать доказанным.

Более интересным является вопрос о том, принимал ли участие В. П. Обнорский в организации 1875—76 гг.

---

[1] См. работы: Г. Голосов. К биографии одного из основателей «Северно-русского робочего союза», «Каторга и Ссылка», 1924, 6 (13); Э. А. Корольчук. Из истории пропаганды среди рабочих Петербурга во второй половине 70-х годов, «Истор.-рев. сб.», т. III, 1926; В. Невский. В. П. Обнорский (там же); его же. К вопросу о рабочем движении в 70-е годы, «Историк-марксист» 1927 г., Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении, собр. соч., т. III; О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х гг., изд. 1907 г. и сл.; Л. Шишко. К характеристике движения начала 70-х годов, «Русское Богатство», октябрь 1906 г.; его же. Общественное движение в шестидесятых и первой половине 70-х годов, 1921 г.; его же. С. М. Кравчинский и кружок чайковцев, собр. соч., 1918 г.; М. Р. Попов. Из моего революционного прошлого, «Былое», май 1907 г.; Старик (Ковалик). Движение 70-х годов по большому процессу, «Былое» 1906 г., 12; П. Б. Аксельрод. Пережитое и передуманное. Берлин, 1923 г.

Обратимся для выяснения этого обстоятельства к документам. Как это устанавливается показаниями самого Обнорского и его товарищей (Митрофанов и др.), в августе 1873 г. он уехал в Одессу и был там до декабря этого года [1]. Из Одессы он (в декабре 1873 г.) уехал за границу, пробыл там весь год и вернулся в Россию в декабре 1874 г. Пробыв недолго в Петербурге и спасаясь от ареста, он уехал с Левашовым в феврале 1875 г. в Архангельскую губернию, где и пробыл до мая 1875 г. С этого времени, т.-е. с мая 1875 г. по ноябрь 1876 г., Обнорский жил то в Петербурге, то в Москве, занимаясь пропагандой и организацией рабочих. Образование же второго рабочего центра, зародыша «Северно-русского рабочего союза» («Общества друзей»), относится к периоду времени между январем и октябрем 1876 г. Об этом именно времени, называя в числе организаторов В. П. Обнорского и С. Н. Халтурина, и говорит С. К. Волков: «Тут я вскоре познакомился с знаменитыми деятелями революции—Виктором Обнорским и Степаном Халтуриным, и мы решили организовать «Северный рабочий союз (в Петербурге)» [2].

Но как раз в это время В. Обнорский и находился в Петербурге, с мая 1875 г., когда он приехал из Архагельской губ., по ноябрь 1876 г., когда он второй раз уехал за границу. Стало-быть, как раз в то время, когда создавалась организация «Общества друзей» (с января по октябрь 1876 г.), В. Обнорский находился в Петербурге, а так как в «Обществе друзей» принимали участие все его старые товарищи, с которыми он создавал организацию еще в 1873 г. (Виноградов, Волков, Смирнов и др.), то естественно, что и он помогал им. Правда, на политической арене в это время всплыла новая фигура—С. Халтурин, но это, конечно, нисколько не мешало работать и ветерану Обнорскому. Об этом определенно и говорит С. К. Волков.

В высшей степени интересно выяснить, принимал ли В. Обнорский участие в Союзе 1878 г. Для выяснения этого обстоятельства необходимо подчеркнуть, что оформление Союз получил на двух заседаниях 23 и 30 декабря 1878 г. Исследователи, утверждающие, что В. Обнорский не принимал участия в работе Союза в это время, ссылаются на то, что он был как раз в это время за границей. Обнорский второй раз уехал за границу в ноябре 1876 г. и пробыл там до декабря 1877 г. С января по август 1878 г. он снова был в Петербурге и, стало быть, пробыл здесь все время, пока

[1] См. «Протокол показаний В. П. Обнорского от 30 октября 1879 года», «Истор.-рев. сб.», т. III, стр. 39 и 40.

[2] Э. Корольчук. Из истории пропаганды среди рабочих Петербурга во второй половине 70-х годов. «Истор.-рев. сб.», т. III, стр. 62.

шло собирание сил и выработка программы Союза, которая уже в готовом виде была заслушана на собраниях 23 и 30 декабря 1878 г. Что это действительно так, что В. П. Обнорский принимал деятельное участие в организации Союза и в 1878 г. и в особенности в подготовке типографии для «Рабочей Зари», это видно из следующего. Аксельрод в своих воспоминаниях говорит как раз о приезде В. П. Обнорского осенью 1878 г. в Женеву и при этом замечает, что он приехал «как представитель петербургского кружка, который в конце 1878 г. принял название «Северного союза русских рабочих» [1]. Действительно, Обнорский третий раз был за границей в августе—декабре 1878 г. Действительно, с этим согласуются и следующие строчки В. Бурцева в его заметке о «Северно-русском рабочем союзе» в № 3 заграничного «Былого»: «...С планами систематической деятельности среди рабочих, со станком и шрифтом, полученными от набатовцев, Обнорский вернулся в Петербург в 1878 г. Там он встретил Халтурина и некоторых распропагандированных рабочих. С ними он и начал организацию Союза. 23 декабря 1878 г., как это отмечено в «Календаре Народной Воли», было 1-е генеральное собрание «Северно-русского рабочего союза», а 30 декабря—2-е» [2].

Из этой заметки Бурцева получается впечатление, что Обнорский как будто бы присутствовал на этих собраниях. Но на первом из этих собраний Обнорский ни в каком случае присутствовать не мог, так как он выехал из Парижа не ранее 27 декабря 1878 г., а если иметь в виду, что он еще заехал в Варшаву, то раньше как 30 декабря в Петербурге он быть не мог [3]. Но на втором собрании он присутствовать мог. Это, однако, не так важно: важнее то, что весь 1878 г. до августа Обнорский был в Петербурге, принимал участие в организации Союза и приехал в декабре 1878 г. с типографией для своей организации.

Таким образом, во всех трех этапах рабочей организации в 1873, в 1876 и 1878 гг. Обнорский принимал деятельное участие.

4. Программа «Северного союза русских рабочих».

В. Бурцев говорит о влиянии набатовцев на мировоззрение В. Обнорского. Едва ли это так. Не отрицая встреч Обнорского

---

[1] П. Б. Аксельрод. Пережитое и передуманное. Берлин 1922 г., т. I, стр. 299.

[2] «Былое» № 3, февраль 1903 г., стр. 199.

[3] См. «Протокол показаний В. П. Обнорского от 5 октября 1879 г.». «Истор.-рев. сб.», т. III, стр. 38.

с набатовцами и помощи, какую они оказали ему в типографском деле, скорее приходится признать влияние на него идей П. Л. Лаврова и германских и швейцарских социал-демократов. О встречах Обнорского с П. Л. Лавровым имеются некоторые сведения. Степан Ширяев в октябре 1878 г. писал Лаврову о том, что Обнорский собирается в Лондон к редактору «Вперед» и что Обнорский и в ноябре ездил в Париж, долго беседовал с Ширяевым, излагая свои взгляды и планы [1].

Что касается влияния германских и швейцарских социал-демократов на Обнорского, то оно налицо, как скоро мы сравним такие документы, как Готскую программу германской социал-демократии и программу Союза или эту последнюю и программу швейцарского рабочего союза Грейлиха, чтобы убедиться, что Обнорский и его товарищи очень сильно позаимствовали и от той и от другой программы.

Программа швейцарской партии была опубликована по-русски в 3-м сборнике «Вперед» за 1874 г., проект Готской программы в № 7 «Вперед» от 15 апреля 1875 г. В. Обнорский и его товарищи Виноградов и Иванайнен могли, кроме того, и на практике видеть применение этих программ. Остальные члены Союза также были знакомы с этими программами, так как лавристы усиленно распространяли «Вперед» и в России.

В самом деле, подготовительными мерами к водворению социализма Готская программа считала устройство производительных социалистических организаций. Вот это место в Готской программе:

«Как подготовительной меры к разрешению социального вопроса социалистическая рабочая партия Германии требует устройства социалистических производительных товариществ при содействии государства и под демократическим контролем трудящегося народа. Производительные товарищества должны быть призваны к жизни в промышленности и земледелии в достаточно крупных размерах, чтобы из них выросла социалистическая организация всего труда» [2].

В швейцарской программе та же мысль выражена так при определении целей союза рабочих:

«Цель его—соединение всех рабочих обществ в один союз, для того, чтобы отыскать средства для улучшения участи работника, и для того, чтобы достигнуть при помощи производительных ассоциаций окончательной замены наемной платы полною выруч-

[1] См. «Былое», январь 1906 г., стр. 176.

[2] Ф. Мерингг. История германской социал-демократии, т. V, стр. 396, М. 1907 г.

:ою с труда и тем самым достигнуть полного уничтожения всякого сословного государства» [1].

В русской программе мысли, выраженные немцами и швейцарцами, развиваются в первой и второй части программы. Русская рабочая организация ставит своей задачей «правильную ассоциационную организацию труда, предоставляющую в руки рабочих производителей продукты и орудия производства» (пункт 4 первой части программы), а для осуществления этого Союз добивается «учреждения производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам» (пункт 10 второй части программы).

Если далее сравнить отдельные пункты русской программы и программы немецкой, то мы увидим, что некоторые пункты нашей программы почти буквально повторяют программу немецкую; так, пункты восьмой и девятый второй части русской программы повторяют второй, четвертый и пятый пункты второй части немецкой (отмена косвенных налогов, установление подоходного налога, ограничение рабочего времени и запрещение детского труда); пункты первый и второй русской программы повторяют пункты четвертый первой части и первый—второй части немецкой (требование буржуазных свобод).

Необходимо заметить, что некоторые требования программы-минимум, пропущенные или измененные на Готском конгрессе, попали в нашу русскую программу прямо из проекта Готской программы: таков, например, пункт пятый второй части русской программы о замене постоянного войска народным вооружением, повторяющий пункт третий третьего раздела проекта Готской программы [2].

Мотивировка некоторых требований нашей программы напоминает о том, что русские народники и авторы нашей программы учились по Лассалю и, как лассальянцы, апеллировали к истине и справедливости, выводя свои требования из законов справедливости. В самом деле, формулировка первого параграфа первой части нашей программы очень напоминает первый параграф еще Эйзенахской программы [3]. В русской программе говорится: «Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства как строя крайне несправедливого»; в Эйзенахской программе формулировка первого пункта такова: «Существующие политические и социальные порядки в высшей степени несправед-

[1] «Вперед», непериодическое обозрение, т. III, 1874 г., стр. 144 отдела третьего.

[2] «Вперед» 1875, № 7, от 15 апреля 1875 г., стр. 214.

[3] Ф. Мерингг. История германской с.-д., т. IV, стр. 395.

ливы, и потому против них надо бороться с величайшей энергией».

Известно, что в Готскую программу проникло очень много лассалевских положений, и известно, как критиковал Маркс за это Готскую программу: в Готской программе очутились и полный продукт труда для рабочих, и железный закон заработной платы, и производительные ассоциации при содействии государственного кредита.

Отголоски этих воззрений отчасти мы находим и в нашей программе: так, например, идея производительных ассоциаций при содействии государства целиком заимствована авторами нашей программы из Готской программы и из Лассаля.

Наконец, как в немецкой программе, так и в русской нет и намека на тот переходный период, когда единственной формой государственной власти может быть только диктатура пролетариата. В немецкой программе вместо этого фигурирует «свободное государство», а в русской—народническая «свободная народная федерация общин». Авторы программы «Северно-русского рабочего союза», как известно, солидаризируются с международным рабочим движением, говоря о том, что Союз примыкает «к социально-демократической партии Запада».

Это и вообще сходство русской программы с социалистическими программами Запада дало повод некоторым новейшим исследователям считать «Северно-русский рабочий союз» зародышем русской социал-демократии и, главное, считать первым периодом истории нашей коммунистической партии [1]. Сделанные выше замечания указывают, что это далеко не так, и что более прав Г. В. Плеханов, который считает программу «Северно-русского рабочего союза» приближающейся к социал-демократической.

Это и понятно, потому что и деятели «Северно-русского рабочего союза», воспитавшиеся в народнических кружках чайковцев и потом испытавшие сильное влияние лавристов, не могли сразу и целиком сбросить, как и их учитель Лавров, народническую шелуху. Если немецким рабочим трудно было освободиться от лассалевских идей, то тем труднее было русским рабочим покончить с влиянием на них народничества.

Это народническое влияние так ярко проглядывает в формулировках пункта второго первой части и пункта шестого второй части нашей программы, где говорится об организации на-

[1] См., например, А. Бубнов. Основные моменты в развитии коммунистической партии в России. Гиз, 1921 г., стр. 1—8.

родной федерации «на началах русского обычного права» и о праве сельской общины на решение дел, размера податей и т. п.

Однако влияние социал-демократических тенденций на программу—вне сомнения. Несомненно также, что проводниками этих тенденций были лавристы. Мы не будем повторять всех доводов и фактов, подтверждающих большую работу, которую вели мирные лавристы среди пролетариата в семидесятые годы; интересующихся этим вопросом мы отсылаем к статье т. Э. А. Корольчук, сгруппировавшей все факты и доводы по этому вопросу [1]. Не будем также гадать, кто был автором замечательной рукописи «По поводу собрания русской народной партии 6 декабря 1876 г.» — Хазов ли, Богданович или Плеханов, как думают некоторые (мы думаем, что только не Плеханов, обеими ногами стоявший на позициях бунтарства), но позволим себе привести еще свидетельство одного современника о влиянии лавристов на рабочих и в том числе на деятелей «Северно-русского рабочего союза», свидетеля, хорошо знавшего положение дел в 70-е годы, но мало почему-то принимаемого во внимание. Мы говорим об «Автобиографической записке» С. Ширяева, хорошо знавшего и С. Халтурина и В. Обнорского. С последним, как было указано выше, С. Ширяев долго и горячо беседовал за границей, слушая его планы и предположения.

Считая датой основания Союза дату принятия программы, т.-е. декабрь 1878 г., С. Ширяев полагает, что условия, создавшие самостоятельную рабочую организацию, были таковы: «1) аресты, административные высылки и пр. расстроили почти исключительно те группы рабочих, которые поддерживали народническую программу; 2) контингент лиц из интеллигенции, действовавших среди рабочих в духе этой программы, не только значительно сократился численно, пострадал и от потери многих талантливых личностей, но, можно сказать, совсем расстроился» [2].

Обе эти причины едва ли играли такую большую роль: и деятели тех кружков, из которых вырос Союз, переживали страшные погромы, не меньше, чем остальные народники; их громили в 1873, 1874, в 1876, 1878 и 1879 гг. вплоть до гибели Союза в 1880 г. Все лучшие деятели Союза, рабочие, сидели по нескольку

---

[1] Э. Корольчук. Из истории пропаганды среди рабочих Петербурга во второй половине 70-х годов («Истор.-револ. сб.», т. III, стр. 55 и дальше); см. также в этом сб. ст. А. Санина. К ранней истории русского марксизма.

[2] «Автобиографическая записка Степана Ширяева».—«Красный Архив», 1924 г., 7, стр. 87.

раз в тюрьмах — Смирнов, Волков, Петерсон и множество других (показания некоторых из них, данные в тюрьме, мы цитировали)—не меньше, чем рабочие-народники. Да и много ли было рабочих-народников, неприверженцев Союза? Аресты интеллигенции не могли повлиять особенно сильно на дела Союза, так как по свидетельствам, о которых мы говорили достаточно, рабочие уже в 1874 г. стремились к самостоятельности (кстати сказать, С. Ширяев не понимает причин, вследствие которых возникла тяга к этой самостоятельности), да ведь рабочие, даже бывшие в кружках Союза, охотно общались с землевольцами (факт участия «Земли и Воли» в забастовке на Новой бумагопрядильне достаточно ярко говорит об этом).

Гораздо вернее другое замечание С. Ширяева, в котором он указывает, что «влияние лавристов, которых эти погромы почти не коснулись, продолжало действовать и внесло свою закваску в убеждения тех из рабочих, которые были организаторами Союза» [1]. Далее С. Ширяев приводит еще один аргумент, говорящий в пользу влияния лавристов на союзников,—сходство программы Лаврова и Союза. «И та и другая,—говорит он,—обращают исключительное внимание на пропаганду социалистических принципов—«уяснение сознания»; приобретение себе новых товарищей путем убеждения их, личных влияний; мирное расширение кружка заслоняет все другие практические цели. Правда, программа «Северного рабочего союза» выставляет кое-какие ближайшие требования, между прочим и политическую свободу, но ни из самой программы, ни из характера деятельности Союза не видно, чтобы он имел в виду какие-либо практические приемы для осуществления этих требований. Напротив, отношение его к стачкам, например, имеющим в виду прямую цель — улучшение существующего положения, было вполне пассивное, и в принципе он отрицает пользу их» [2]. Ширяев, очевидно, намекает на известное место ответа членов «Северного рабочего союза» в № 5 «Земли и Воли», на статью, напечатанную в № 4 этого органа по поводу программы. Здесь действительно подчеркивается мирный, пропагандистский характер деятельности Союза; не отказываясь от агитации во время стачек, Союз не выдвигает их как средство борьбы. «Теперь же скажем только,—говорится в этом ответе,—что при слабости еще организации, при недостатке энергичных боевых сил, наша деятельность в массе будет носить на себе ха-

---

[1] «Красный Архив», 1924 г., 7, стр. 87.
[2] Там же, стр. 88.

актер пропаганды и мирной агитации в среде рабочего и крестьянского люда» [1].

На практике, как это подчеркивает и С. Ширяев, союзники вынуждены были бороться и стачками, но в теории мирный лавровский характер пропаганды социализма налицо. Народовольцу Ширяеву, стоявшему за террор и подобные методы борьбы, эта лавристская тенденция Союза не нравилась. Влияние Лаврова на Н. Обнорского Ширяеву было хорошо известно, так как он виделся с Обнорским в Лондоне, куда последний приезжал в 1878 г. для свидания с Лавровым [2].

Кто же был автором программы Союза? При разрешении этого вопроса необходимо прежде всего установить—из-под пера интеллигента или рабочего вышла эта программа?

В этом отношении опять прав Ширяев, который считает, что автор или авторы программы—рабочие. Он прямо говорит об этом: «...Для меня остается невыясненной причина совершенного устранения интеллигенции и при составлении программы образующегося общества и от участия в самом Союзе, уже организовавшемся» [3].

Аргумент, приводимый им в пользу этого мнения, следующий: «Стоит просмотреть печатную программу Союза, чтобы убедиться в том, что она—произведение неопытного пера и именно столичного рабочего, который имеет особенную склонность щеголять иностранными словами» [4]. Аргумент этот явно не достаточен и не убедителен, так как никакого злоупотребления иностранными словами ни в программе, ни в ответе землевольцам, ни тем более в «Рабочей Заре» нет. Но утверждение Ширяева подтверждается действительно языком документа, простым и необычным для литературы 70-х годов, обращавшейся к рабочим. Здесь все просто, и, пожалуй, местами наивно, вплоть до отождествления Христа с социалистом. Здесь, наконец, нет подделки под народный язык, явление типичное для прокламаций, писанных интеллигентами.

Ширяев передает слухи, ходившие среди революционеров того времени, что инициатива создания Союза принадлежит 4—5 рабочим; их же творчеству, по этим слухам, обязана и программа (в числе этих лиц называли и С. Халтурина). Но если это

---

[1] «Революционная журналистика семидесятых годов», второе приложение к сборникам «Государственные преступления в России» под редакцией Б. Базилевского (В. Богучарского), стр. 260.

[2] См. «Былое» 1906, 1, стр. 172, и «Красный Архив», 1924, 7, стр. 80 и 104.

[3] «Красный Архив», 1924, 7, стр. 87.

[4] Там же, стр. 87.

верно, а это действительно вероятней всего, то участие В. Обнорского в составлении программы безусловно.

Вот какое место мы находим в полемической статье Союза: «...Мы уж чересчур увлеклись рассмотрением своего городского положения, чересчур пропитались духом различных программ Запада» [1]. Это важное признание с полным правом могли сделать такие люди, как В. Обнорский, достаточно долго живший за границей и действительно пропитавшийся духом программ Запада.

Участие В. Обнорского и С. Халтурина в составлении по крайней мере проекта программы несомненно. Кто же еще принимал участие в ее составлении?

Быть может, Александр Павлович Павлов, которому приписывает тов. А. А. Шилов если не составление, то близкое участие в составлении «Рабочей Зари». Едва ли это возможно, так как вряд ли могло быть, чтобы составление такого важного документа, как программа, было поручено Павлову, сравнительно молодому рабочему (ему было всего 23 года), тогда как налицо были такие рабочие, как Халтурин и Обнорский. Трудно предположить, чтобы Павлов был даже автором «Рабочей Зари». Хотя В. Обнорский был уже арестован, а Халтурина не было в Петербурге, но такой важности листок, как первый номер рабочей газеты, должен был писать человек, очень близко стоявший к тому центру Союза, из которого вышла программа, так как несмотря на то, что язык «Рабочей Зари» проще, примитивнее языка программы, идеи обоих документов, теоретическая, так сказать, установка одна и та же. Во всяком случае автор «Рабочей Зари» испытал на себе большое идейное влияние авторов программы и ответа «Земле и Воле».

В заключение необходимо остановиться на самом названии нашей замечательной рабочей организации 70-х годов, этом проводнике рабочего социализма с Запада в Россию [2]. Обычно принято название «Северно-русский рабочий союз»; на «Рабочей Заре» стоит надпись: «Типография Северного рабочего союза». Программа и письмо в № 5 «Земли и Воли» подписаны «Северный союз русских рабочих». Пожалуй, правильнее удержать это последнее название.

Мы не касались в нашей статье ни практической деятельности Союза, ни его отношения к другим организациям; нас интересовал только генезис Союза.

К каким же мы выводам пришли?

Выводы эти таковы:

---

[1] «Революционная журналистика семидесятых годов», стр. 258.

[2] См. В. Невский. К вопросу о рабочем движении в 70-е годы. «Историк-марксист» 1927, 4.

1. Хронологические даты развития Союза.

1. Первые кружки рабочих-металлистов были организованы 1872 г. чайковцами. В большинстве случаев чайковцы ставили ей задачей: а) подготовить из рабочих пропагандистов в крестьянство и б) лишь в виде исключения некоторые чайковцы ставили вопрос о создании самостоятельной рабочей организации.

2. Организация первого рабочего центра с библиотекой и «кассой сопротивления» 31 декабря 1873 г. (так называемая «чайка») и с тремя филиалами—дело «рабочей оппозиции» среди рабочих кружков чайковцев.

3. Восстановление этой рабочей организации в конце 1875 г. и в начале 1876 г. теми же рабочими первого центрального кружка.

4. Оформление организации в конце 1878 г. под именем «Северного союза русских рабочих»—третий этап в развитии Союза.

5. Гибель Союза в марте 1880 г.

2. Условия возникновения Союза.

1. Забастовочное рабочее движение 70-х годов значительно шире, глубже и разнообразнее, чем мы представляли до последнего времени. Это движение—не только стачки текстильных рабочих и не только в Петербурге и в других центрах, но стачки металлистов, ткачей и т. п. и во всей России, причем во главе движения идут металлисты.

2. Три вышеуказанные хронологические даты в организации Союза 1873—75, 1878 г. и его гибель в 1880 г. совпадают с под'емом рабочего движения в эти годы и с наступлением кризиса 80-х годов.

3. Организация «Северного союза русских рабочих» — это организация металлистов; личный состав Союза по данным подлинных дел о рабочих кружках 70-х годов, по показаниям чайковцев, участвовавших в процессе 193-х по делу общества «Друзья народа»,—центральное ядро металлистов (несколько сот), периферия — ткачи.

3. Организаторы Союза.

1. Организаторами первого рабочего центра в 1873 г. были рабочие-металлисты во главе с В. Обнорским, С. Виноградовым, С. Митрофановым и др.

2. В. Обнорский участвует и в организации второго рабочего центра 1875 г.

3. В. Обнорский и С. Халтурин принимают участие в восстановлении рабочего центра 1878 г.

4. Программа Союза.

1. Влияние Лаврова на центральную группу металлистов необходимо считать доказанным.

2. В. Обнорский — один из проводников лавровских идей и составителей программы.

3. Подробный анализ программы Союза показывает влияние на ее составителей: 1) идей «Международного общества рабочих», 2) Готской программы 1875 г. (и проекта этой программы), 3) программы швейцарской рабочей организации и 4) идей Лассаля.

4. Программа Союза и «Рабочая Заря»—продукты творчества одного и того же автора (единичного или, быть может, коллективного).

5. Программа Союза—своеобразное самостоятельное приспособление русскими рабочими программы западно-европейских рабочих социалистических партий к русским условиям.

6. Слабое развитие рабочего движения семидесятых годов не позволило авторам программы возвыситься до формулировки одной из основных мыслей Маркса—идеи диктатуры пролетариата.

III. ЗЕМЛЕВОЛЬЧЕСТВО И НАРОДОВОЛЬЧЕСТВО

«ЗЕРНО». (РАБОЧИЙ ЛИСТОК)

(К истории «Черного Передела».)

О. В. Аптекман [1] называет следующих членов «Черного Передела», отчасти примкнувших к этой организации в момент раскола, отчасти примкнувших впоследствии к новой группе. Это были: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович, В. И. Засулич, М. Р. Попов, Преображенский, Евг. Козлов, Козлова (его жена, урожд. Рубинчик), Е. Н. Ковальская, Е. Шерырева, М. К. Крылова, Переплетчиков, П. В. Приходько-Тесленко, И. Пьянков, В. Н. Игнатов, Николаев—«Егорыч», Короткевич, Л. Гартман [2] и О. В. Аптекман.

Из числа этих лиц Плеханов, Засулич, Дейч и Стефанович вынуждены были с 1880 г. эмигрировать за границу; в конце января 1880 г. были арестованы М. К. Крылова, П. Тесленко-Приходько и И. Пьянков вместе с типографией «Черного Передела»; за ними вскоре сел в тюрьму и О. В. Аптекман.

Однако, у «Черного Передела» первое время все же были сторонники. В Петербурге, кроме вышеназванных лиц, работали еще: А. П. Буланов, М. К. Решко, С. А. Вырубов, Ольга и Мария Трубниковы, учитель Алексей Ульянов с женой, студент М. И. Шефтель, К. Я. Загорский, Е. А. Дубровин, Блэк, Н. И. Семенов,

[1] «Общество «Земля и Воля» 70-х годов», стр. 382, Пгр., изд. «Колос», 1924 г.

[2] Л. Г. Дейч говорит, что Гартман, Короткевич и Переплетчиков не входили в «Черный Передел», см. его статью «Черный Передел» в «Истор.-револ. сб.» под ред. В. И. Невского, т. II. Он называет следующих лиц, составлявших первоначальную группу чернопередельцев: Аптекман, Дейч, Засулич, Игнатов, Крылова, Николаев, Плеханов, Преображенский, Стефанович, Тищенко, Харизоменов, Хотинский (стр. 283). См. также П. Аксельрод. Пережитое и передуманное. Берлин, 1923, стр. 349—350.

В. В. Ченыкаев, Н. Н. Лаврентьев, М. М. Симзен, М. И. Уваров, А. Бонч-Осмоловский, В. Бонч-Осмоловская, братья С. и В. Адамовичи, Марковские, Переляев, М. А. Кланг и Н. Л. Золотарева (медички), фельдшерица В. М. Бычкова и моряки мичманы—П. П. Петров, Н. Н. Лавров, Дружинин, Налимов [1].

Это была та молодежь, которая подхватила работу после ареста или от'езда старших товарищей.

В Москве также был кружок чернопередельцев; такие же кружки были в Киеве, Одессе, Харькове, Курске, Перми, Казани, Ростове-на-Дону и, вероятно, в других городах [2].

Мы не знаем почти ничего о работе этих кружков за очень немногими исключениями. А работа эта, несомненно, шла и, что особенно важно,—в рабочей среде. Следы этой работы по крайней мере имеются.

В Петербурге, например, указанная выше молодежь занималась пропагандой среди рабочих. Одним из таких пропагандистов и был Анатолий Буланов; документы называют, кроме того, еще двух лиц, «Егорыча» и «Петровича» (возможно, что это и есть Буланов). В кружок Буланова входили рабочие из-за Невской заставы В. П. Зайцев, Г. Константинов, М. Романов, В. Панкратьев, Г. Николаев, железнодорожник-рабочий Хромов (имевший связи с Харьковом) и А. И. Трапицын [3].

Чернопередельческие кружки рабочих вел и Н. Н. Лавров. По крайней мере брат последнего, Г. Лавров, участник Благоевской группы, утверждает на допросе, что рабочие кружки, переданные им благоевцам, он получил от своего брата Николая [4]. Точно так же В. Е. Благославов и П. А. Латышев, члены первоначальной Благоевской группы, имели связи с чернопередельцами [5]. О связях с чернопередельцами говорит и сам Д. Благоев, да и другие участники Благоевской группы, например, В. Харитонов.

---

[1] О. Буланова-Трубникова. Странички воспоминаний. «Былое», 1924, № 24.

[2] См. О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х годов. Пгр., изд. «Колос», 1924 г., гл. XIV, а также его же статью «Черный Передел» в изданном Истпартом сборнике под тем же названием в Петербурге, 1922 г.

[3] См. дело Истор.-Револ. Арх. в Ленинграде (б. Особого Присутствия Сен та) об отставном мичмане Ан толии Буланове и жене Ольге Булановой. См. также вышеназванные воспоминания О. Булановой в «Былом».

[4] См. Истор.-Револ. Арх., д. № 467, 1893 г., III делопроизводство.

[5] Об этом говорится в воспоминаниях В. Харитонова. Из воспоминаний участника группы Блягоева. «Прол. Рев.», 1928 г., № 8 (79), стр. 153; см. также Б. Николаевский («Былое», 1918 г., № 12) и работы Н. В. Сергиевского.

Таким образом, устанавливается непосредственная связь первых социал-демократических организаций в Петербурге с чернопередельческими рабочими организациями. Но что это были за связи, каким образом происходило идейное перерождение бывших чернопередельцев в России, мы еще не знаем, и этот вопрос еще ждет своего исследования.

В Киеве, как известно, работали Е. Н. Ковальская и Н. П. Щедрин, и им удалось создать большую рабочую организацию «Южно-русский рабочий союз»[1], выработать программу, выпустить прокламации в истинно-народническом духе, организовать стачку рабочих Киевского арсенала и применять аграрный террор.

О работе чернопередельцев в Одессе рассказывает Аксельрод в своих воспоминаниях «Пережитое и передуманное». Он говорит о том, как, попав в Одессу уже после разгрома организации Е. О. Заславского, он решил вновь организовать «Южно-русский рабочий союз». Это ему удалось. Рабочие были об'единены, и была даже написана программа и устав, причем устав был составлен Я. Стефановичем, тогда уже бывшим в числе членов «Черного Передела», так как он приехал в Одессу после раскола «Земли и Воли». Программа, написанная Аксельродом, носила народнический характер, что вполне понятно, так как Аксельрод был правоверным народником и примкнул к «Черному Переделу», почему и можно кружки, образованные в Одессе Аксельродом, с полным правом назвать чернопередельческими[1]. О существовании чернопередельческих кружков в Одессе говорит в своих показаниях и известный предатель, рабочий Меркулов.

Из его показаний вытекает, что среди рабочих вели пропаганду как народовольцы, так и народники, образовавшие группу «Черный Передел»: «Вообще строго выработанного плана относительно способа действий в кружках рабочих не существовало, и последние, будучи чужды тонкостей, которыми различаются программы фракций «Народной Воли» и «Народников» или «Черного Передела», легко меняли эти программы, смотря по тому, что им предлагали интеллигенты»[2].

По словам Меркулова, осенью 1878 г. в рабочих кружках Одессы вел пропаганду А. И. Желябов, а после его от'езда народовольцы М. Фроленко, Н. Колоткевич и П. Б. Аксельрод. Послед-

---

[1] П. Б. Аксельрод. Пережитое и передуманное. Берлин, 1923 г., стр. 327—333.

[2] «Южно-российский союз рабочих». Сб. статей и материалов под ред. Н. М. Осиповича. Гос. Изд. Укр. 1924 г. Прилож. 3, стр. 174 и 177.

него Меркулов называет принадлежащим к фракции «Черного Передела». Правда, Меркулов рассказывает о неудаче, постигшей Я. Стефановича, предложившего рабочим принять программу киевского «Рабочего союза» Е. Н. Ковальской: рабочие отказались, и программа осталась народовольческой. Этот факт не противоречит, однако, тому, что кружки, организованные Аксельродом, приняли его программу, т.-е. народническую, чернопередельческую. Показания же Меркулова раз'ясняют и недоумения М. Дрея, утверждающего, что ему неизвестны в Одессе никакие рабочие кружки, кроме народовольческих, и в том числе кружки, организованные Н. Дзвонкевичем и Голиковым, и что начало народовольческим кружкам положил Тригони: дело об'ясняется просто—рабочие были чужды тонкостей, разделявших две фракции, и легко меняли программы. В числе рабочих, которые слушали то народовольческую, то чернопередельческую пропаганду, Меркулов называет и тех рабочих, которых Дрей почему-то считает строгими народовольцами (Моисей Попов, П. Клименко, Галактион Баталов, Иван Иванайнен, бывший член «Северного союза русских рабочих» и т. д.) [1].

О работе чернопередельцев в Харькове Аксельрод в своих воспоминаниях выражается очень категорически: «Активных сторонников фракции «Черного Передела» в Харькове, кажется, вообще не было. Во всяком случае влияние этой фракции было здесь ничтожно, если вообще можно было говорить о каком бы то ни было ее влиянии» [2].

Если это верно по отношению к концу 1879 и 1880 гг., то нельзя этого сказать о следующих годах. Мы имеем положительные указания о существовании и работе чернопередельческой организации.

А. Макаревский рассказывает о народниках, работавших в Харькове в 1882 г. и позже,—Н. В. Иордане, Яворской, Шадрине, А. А. Макаренке, И. А. Манучарове, Д. Д. Бекарюкове, Кировой, Красносеровой, Ю. А. Бунине, А. Ф. Затурском, Н. А. Мерхелеве, Д. К. Крыжановском и др. [3]. Рабочий И. Веденьев, называя рабо-

---

[1] «Южно-российский союз рабочих». Гос. Изд. Укр. 1924 г., стр. 177, и М. Дрей. Заметка о рабочем движении в Одессе в 1880—1881 гг. «Каторга и Ссылка». М. 1924 г. № 5/12, стр. 74. Официальная «Хроника социалистического движения в России 1878—1887 гг.» (изд. Саблина. М. 1907 г., стр. 196) и Кульчицкий в «Истории русской революции» (ч. II, стр. 422) более правы, чем Дрей.

[2] «Пережитое и передуманное», стр. 336.

[3] «Летопись Революции». Гос. Изд. Укр. 1923 г., № 5. Алексей Макаревский. Революционный Харьков в 1882—85 гг., стр. 64, 67 и 73.

чих-народников С. А. Бронштейна и В. И. Соколова, говорит о пропаганде этих народников в рабочей среде и заявляет: «Все эти рабочие интеллигенты принадлежали к партии «Черного Передела» [1].

И. Веденьев рассказывает, что его и его товарища Соломона Бронштейна познакомил с рабочим Шкрябой рабочий Василий Соколов, и что Шкряба «приносил нам газеты «Зерно», «Рабочая Газета» и «Черный Передел» [2].

В кружки входили, кроме Веденьева, Бронштейна и Соколова, еще следующие рабочие: Ф. Шкряба, Як. Бибиков, Влас Соколов, Егор; литейщики: Кузьма Синцов, Ник. Насонов, Козьма Аликин, слесарь Василий и нелегальный из процесса 193; портные: Яков Рябоконь, Семен Крутиков, Иван Радченко и Андрей Бойко. В январе 1884 г. был убит шпион Ф. Шкряба, и в связи с этим убийством произошли большие аресты. В числе других попали в тюрьму чернопередельцы Н. Иордан, И. Манучаров, Ослонов, Крыжановский, Клюге, Бунин Ю., Павел Забалуев.

Рабочие кружки также пострадали. Многие рабочие уехали из Харькова и в других городах начали вести чернопередельческую пропаганду: Яков Бибиков в Ростове-на-Дону, Кузьма Аликин и нелегальный Александр в Александровске, Степан Ткаченко, Гуленко и Белецкий в Белгороде. Осенью 1884 г., в связи с неудачным побегам из тюрьмы Иордана и Манучарова, произошли новые провалы.

В октябре 1885 г. произошло слияние двух рабочих кружков народовольческого (А. Кондратенко, Я. Рябоконь и М. Решетникова) и народнического (И. Веденьев, В. Соколов и С. Бронштейн), и таким образом было положено начало той группе революционных народников, в которой после своего возвращения из Казани летом 1886 г. работал Д. Д. Бекарюков, формулировавший программу кружка, и Д. Д. Мельников, организовавший отделение кружка в Ростове-на-Дону.

О другой чернопередельческой организации в Харькове этих годов (конец 1883 и начало 1884 гг.) рассказывает тов. С. П. Мазуренко. Это была организация учеников Земледельческого училища. В нее входили И. Ф. Шепеленко, С. П. Мазуренко, Нестойко, Кузьменко, Марченко, Саенко, Гофман, Уманец, Селихов, Кренц, Жуков, Попов, Семихат, Смаковский, Радченко, Шах, Козлов, Овчинников и Баранов.

---

[1] Там же. И. Веденьев. В харьковских революционных кружках 1882—89 гг., стр. 98, 99 и сл.

[2] Там же, стр. 98.

«... Нами,—говорит т. Мазуренко,—был заложен культурно-просветительный кружок молодых «чернопередельцев» [1].

Эта группа в конце 1884 г. устроила отделение в Белгороде, куда поехал брат С. П. Мазуренко, Д. П. Мазуренко, для поступления в учительский институт. В кружок в Белгороде входили учащиеся в институте: Воронков, Макухин, Немешайлов, а также уехавшие туда рабочие С. Ткаченко, Гуленко, Белецкий и предатель Курелюк.

С этим кружком вошел в связь студент Петербургского Технологического Института С. Н. Велецкий (впоследствии известный статистик), через которого харьковцы получили связь с упоминавшейся ранее центральной группой чернопередельцев: Н. А. Мерхелев, С. П. Балабуха, Л. П. Лойко, Д. Д. Бекарюков, М. В. Рклицкий, Е. А. Левченкова, С. А. Синявина, Н. А. Голосов, П. Т. Яворский.

Организация С. П. Мазуренки в 1886 г. организовала технику и под редакцией Лойко, Балабухи и Мерхелева выпустила три прокламации «Слово к народу», «Русский народ» и «К русской интеллигенции».

Эта организация и эволюционировала, как говорит Л. П. Лойко, к народовольчеству [2].

Сведения, сообщаемые И. Веденьевым, С. П. Мазуренком и А. Макаревским, подтверждает и Л. П. Лойко [3].

Харьковские кружки имеют большое значение при изучении истории революционного движения, так как по их развитию представляется возможным проследить м е д л е н н у ю эволюцию от народничества к марксизму.

Действительно, читая в воспоминаниях И. Веденьева и С. П. Мазуренки сообщения о том, что еще в 1881, 1882 и 1883 годах в харьковских рабочих кружках усердно изучались и «Манифест коммунистической партии» и «Капитал» Маркса, удивляешься, как медленно умы революционеров отказывались от народнической догмы.

О казанской народнической организации 1882—1883 гг. рассказывает также Л. П. Лойко.

---

[1] С. П. М а з у р е н к о. От «Черного Передела» до коммунистической партии. «Пути Революции», истор.-рев. журнал 1926 г. № 2—3 (5—6), стр. 7, 11, 12, 13.

[2] «Пути Революции» 1926 г., № 2—3 (5—6), стр. 24. В центр. группу входил еще П. Грабовский.

[3] Л и д и я Л о й к о. От «Земли и Воли» к ВКП(б). 1878—1928. Воспоминания. Гиз. 1929, стр. 62.

Вернувшись в Казань из ссылки в Березове во второй половине 1882 г., Лойко там уже застала С. П. Балабуху и Д. Д. Бекарюкова.

Кроме названных лиц, в группу народников входили Е. Ф. Печоркин, П. А. Голубев, Сократ Мышкин, С. Вершинина, А. Чарушников и Неволин, Фокин, «бывшие землевольцы, а теперь—одни с чернопередельческим уклоном, другие—как-будто народовольцы—в общем все совсем не оформились в политическом отношении».

И казанская группа чернопередельцев, как харьковская, как, вероятно, и многие другие, переживала переходный период, стояла на распутье.

«Отсутствие программы, — говорит Лойко, — признак распутья, на каком оказались все революционные группировки после крушения надежд, возлагавшихся на террор. Но все живое, более последовательное не впадало в уныние, не поддавалось наступившей общественной и политической реакции, а искало новых путей, прислушиваясь к жизни, производя переоценку старых методов борьбы» [1].

Правда, по сознанию тов. Лойко, казанские чернопередельцы «не разбирались в сложности проблемы», не понимали исторического значения капитализма и рабочего движения, но на практике, на ряду с работой в крестьянстве, вели работу и среди пролетариата. Так, напр., Е. Ф. Печоркин, ведя работу среди крестьян Свияжского у., пропагандировал и среди рабочих Алафузовского завода.

В Саратове также была небольшая чернопередельческая группа (Е. А. Дубровин, А. Л. Блэк и др.). Правда, она была значительно слабее народовольцев, но работу все же вела. В материалах О. и И. Марковых рассказывается, что обсуждение программ началось в саратовских кружках летом 1880 года. Меньшая часть революционеров склонялась к «Черному Переделу», бо́льшая—к «Народной Воле». «После долгих споров было решено: игнорировать пункты разногласия, как не имеющие практического значения в провинции, войти в сношения как с «Исполнительным Комитетом», так и с редакцией «Черного Передела», образовать из себя строго замкнутый кружок, который по составу своих членов явится для Саратова центральным; участие в террористической борьбе оставить на совести каждого члена в отдельности, никому из членов ее не возбраняя и никого к ней

[1] Лидия Лойко. От «Земли и Воли» к ВКП(б). 1878—1928 г. Воспоминания. Гиз. 1929, стр. 57—59.

нравственно не принуждая, так как Ч. и Дубровин категорически заявили, что ни тот ни другой из них крови не прольют» [1].

Таким же сравнительно недолговечным кружком чернопередельцев был и кружок морских офицеров в Кронштадте. В него, кроме Буланова, Вырубова и Лаврова, входили еще Скворцов, Б. П. Дружинин и А. П. Андреев. Этот кружок вел пропаганду среди солдат, но вскоре распался, так как часть его членов отошла к «Народной Воле» (Дружинин, Скворцов). Впрочем вскоре и остальные примкнули к народовольцам [2].

Существовала чернопередельческая организация, постепенно эволюционировавшая от народничества и народовольчества, в Пензе, где работал Благославов и где получил свою выучку П. Ф. Теплов [3].

Работали чернопередельцы и в западном крае, напр., в Минске [4], в Ростове-на-Дону (после организации Заславского), в центре России, и как бы блестяща ни была деятельность «Народной Воли», чернопередельческие организации делали тоже свое дело: шли в рабочую среду, подготовляли, как и народовольцы, почву, на которой вскоре взошли пышные всходы социал-демократии.

Поэтому, пожалуй, более прав Л. Г. Дейч в своих спорах с Аптекманом, умаляющим значение чернопередельчества.

Чернопередельчество это—народничество, а именно народничество в течение всех 80-х годов и переживало ту зволюцию, которая в конце концов и привела к социал-демократии.

Изучение истории чернопередельческих организаций имеет исключительное значение при решении вопроса огромной важности,—о двух путях проникновения теории марксизма в Россию: одном через группу «Освобождение Труда» и другом, как это мы попытались впервые доказать,—самостоятельном, начиная с 70-х годов, от социал-демократов — лавристов через народнические, чернопередельческие группы.

Переходный характер Благоевской группы был подчеркнут нами уже в 1923 г. Но такой же переходный характер носила и группа Точисского, и группа чернопередельцев в Харькове, и, как подчеркивает это Лойко, в Казани, и группа Благославова в Пензе, и в Саратове, и в Минске, да, повидимому, и везде, как

---

[1] «Из жизни саратовских кружков (из материалов О. и И. Марковых)». «Былое», 1903 г., май, № 4, стр. 14. См. также «Каторга и Ссылка». М. 1925 г., № 16, стр. 222.

[2] «Каторга и Ссылка». М. 1925 г., 5 (18), стр. 214, 231 и 238.

[3] «Истор.-рев. сб.», т. II, стр. 161—162.

[4] «Былое», 1907, VI. Гурвич. Первые еврейские рабочие кружки.

переходный характер имела и центральная группа в Петербурге, чем так прекрасно говорят и «Черный Передел» и «Зерно».

Чернопередельчество, быть может, за исключением только идеологии, запечатлевшейся в программе киевского «Южно-русского рабочего союза» Е. Н. Ковальской [1], это не старое народничество, это не стройная доктрина «Земли и Воли», а причудливая смесь самых разнородных элементов утопического и научного социализма, анархизма-бакунизма, лассальянства, марксизма.

Из этой смеси постепенно и вырастал пролетарский социализм, русский революционный марксизм, и способствовали этому росту две силы: идейное влияние группы «Освобождение Труда» и стихийное рабочее движение, которое заставляло русских революционеров 80-х годов переоценить все ценности и самостоятельно, помимо Плеханова, притти к теории, об'яснявшей это движение пролетариата, т.-е. к Марксу.

Наша историческая мемуарная литература знает множество характеристик этого переходного периода [2].

Приведем еще одну из таких характеристик о Харькове.

«В 1887 г. в Харькове, — пишет тов. Л. Фрейфельд в своих воспоминаниях, — стало нарождаться новое течение среди интеллигентской молодежи с уклоном в марксизм и с уклоном в сторону чисто мирной пропагандистской работы, используя для своей цели исключительно легальную литературу. Террор отбрасывался самым решительным образом.

Возглавлявшая это течение интеллигентская группа энергично завязывала сношения с рабочими и вела среди них мирную пропаганду...» [3].

Об устремлении к мирным способам пропаганды говорят и другие мемуаристы, напр., коммунист тов. В. Д. Перазич.

Но не в этом мирном характере главное; главное в уклоне к марксизму, а этот уклон мы находим в 80-е годы повсюду в чернопередельческих, народнических организациях, которые хотя бы мало-мальски соприкасались с пролетариатом.

Этот уклон из народнической болезни в начале 80-х годов превращается к концу десятилетия в нормальное, здоровое, рево-

---

[1] Воспоминания Е. Н. Ковальской напечатаны в сб. Центрархива «Южно-русские рабочие союзы» под ред. В. В. Максакова и В. И. Невского. «Новая Москва». 1924. См. выше статью о работе чернопередельцев в Киеве.

[2] Они достаточно полно использованы в первом томе наших «Очерков по истории РКП(б)».

[3] Л. Фрейфельд. Светлой памяти Софьи Михайловны Гинзбург. «Каторга и Ссылка», М. 1927 г., № 5 (12), стр. 261.

люционное течение, теоретически вполне оправданное в трудах группы «Освобождение Труда».

Как орган, который наравне с «Черным Переделом» отражает влияние рабочего движения на чернопередельчество, «Зерно» и представляет большой интерес: чтобы понять возникновение социал-демократических организаций в средине и конце 80-х годов, нужно принимать во внимание не только «Рабочий» Благоева, но и «Зерно» Аксельрода, Буланова и Русанова.

Без сомнения, далеко не все землевольцы ушли к «Народной Воле», и работа среди пролетариата народниками велась очень широко.

Не подлежит, однако, сомнению, что в течение первых, по крайней мере, трех лет до основательного разгрома жандармами «Исполнительного Комитета», для работы вне сферы «Народной Воли» благоприятных условий не было. Героическая борьба радикальной русской интеллигенции с чудовищем самодержавия захватила все живые силы страны: не было ни времени, ни сил, чтобы увидеть теоретические и практические ошибки народовольцев. непосредственная борьба с самодержавием отнимала все время и внимание.

Теоретический же орган чернопередельцев, «Черный Передел» сам на своих страницах отражал то переходное время, какое переживало русское революционное движение.

Журнал этот выходил с января 1880 г. по декабрь 1881 г. Первый номер журнала вышел за границей. После ареста (январь 1880 г.) типографии в Петербурге, еще до выхода в свет первого номера, печатание было перенесено за границу, где и было напечатано два номера; третий, четвертый и пятый номер, на которых журнал прекратился, вышли в России из вновь налаженной типографии в западном крае. Редакторами «Черного Передела» были Плеханов и Аксельрод. Плеханову в журнале принадлежат: в первом номере «От редакции», передовая статья «Черный Передел» и статья «С.-Петербург, 14 декабря»; во втором номере: передовая статья «Лондон, 2 сентября»; в третьем номере: «Заявление прежних издателей „Черного Передела"».

И в этих статьях, равно как даже и в программе северно-русского общества «Земля и Воля», уже чувствуется дыхание нового времени (например, в программе признание необходимости террора).

Другой орган, издававшийся чернопередельцами,—«Зерно». Печатался он в России, вышло его всего 6 или 7 номеров, но ни о редакции, ни о сотрудниках этого журнала доселе почти ничего неизвестно.

Н. С. Русанов в своей книге «Из моих воспоминаний» (Берлин, изд. Гржебина, т. I), на стр. 342—343, рассказывает следующее: «...Я был настолько счастлив, что встретил кружок молодых, способных людей чернопередельческого направления, которые как раз занимались тем же, и обменом мыслей между собой и со мной значительно помогали взаимному выяснению некоторых «нерешенных вопросов», затронутых в первом томе «Капитала». Из этого кружка вышло, между прочим, то решение задачи о прибавочной стоимости и прибыли, которое я считаю до сих пор более удачным, чем об'яснение самого Маркса в последующих томах, изданных Энгельсом.

Из членов этого кружка мне особенно припоминается подружившийся со мной, кончавший в то время курс студент юрист, Михаил Исаакович Шефтель, впоследствии крупный присяжный поверенный, и экономист Загорский, не знаю, при каких обстоятельствах сошедший со сцены. Шефтель был убежденным сторонником «Черного Передела» и неоднократно просил меня принять участие в газете этой партии. Не сочувствуя ее направлению, я каждый раз отказывался, но счел возможным дать краткое популярное изложение понятия о прибавочной стоимости в «Зерне», рабочем листке, издававшемся тогда чернопередельцами в Питере. По поводу этой-то статейки Г. В. Плеханов... год спустя в Кларане сказал, не подозревая, что говорит с ее автором: «Заинтересовала меня лишь одна вещь в непрозябшем «Зерне», это—популяризация Маркса. Но как же писавший эту вещь не сообразил, что на нескольких столбцах нельзя было об'яснить сразу и марксовскую теорию стоимости и марксовскую теорию денег. Неразрешимая задача!.. А жаль, статейка без этой ошибки удалась бы»...

Статейка, о которой говорит Н. С. Русанов, это—«Хозяйская прибыль и барщина» в первом номере.

Без сомнения, «Зерно»—народнический орган по своему содержанию, но также несомненно, что и на этом листке отразился дух времени: статьи «Зерна» обращаются к рабочим, их имеют в виду. Кроме передовой статьи, каждый номер имеет еще и агитационный рассказ (например: «За кого царь», №№ 3, 4 и 5, «Мужицкая беседа», № 6); в этих рассказах ярко проглядывает та политическая струя, политическая агитация, к которой невольно переходили и чернопередельцы. В статьях, например, третьего и четвертого номера рассказывается о социализме и о том, как его добиться. Добиться его можно вооруженным восстанием против дворян, буржуазии и царя. Царь заодно с буржуазией. Интересны слова, рисующие буржуазию: она «стремится к

тому же, что и дворяне; она хочет стать лишь на их место или, по крайней мере, на ряду с ними властвовать над народом; хочет, чтобы дворяне и ее допустили свободно грабить народ».

Отсюда автор делает вывод, что рабочие должны надеяться только на самих себя. Во всех революциях всегда бывало так, что свободу завоевывали рабочие, но не для себя, а для других классов. На Западе рабочих много, они организованы и уже борятся за социализм. В России же другое положение.

«Русский народ живет по преимуществу в деревне: там он землю пашет и рукомеслом занимается. В городах на фабриках и заводах работает сравнительно со всей массой крестьян немного рабочих. Одних городских рабочих недостаточно для того, чтобы одолеть всех врагов народных. Они могут сделать почин восстания, прогнать власть из своего города, захватить на время управление городом в свои руки, но всего этого недостаточно для окончательной и полной победы. Рабочее восстание в городах должно быть поддержано крестьянским восстанием в деревнях, при том по возможности в большем количестве местностей».

После этих обычных в устах народника слов автор статьи прибавляет и нечто новое, обращаясь к рабочим: «...Главная ваша забота и главная ваша деятельность должны направляться на вашего же брата—городского рабочего. Приобретайте всюду сторонников своему делу. Проповедуйте свои стремления словом и делом. Старайтесь всячески расширить рабочее движение»...

Расширить же это рабочее движение возможно, только борясь с препятствиями и создав свою рабочую партию:

«...Ваша деятельность никак не должна ограничиваться одной пропагандой. Всякая живая партия не может не заявлять себя более решительно и резко: рабочее движение на пути к достижению своей великой цели часто натыкается на преграды и затруднения, которые ставят ему враги народные. Нужно опрокидывать эти препятствия во что бы то ни стало, хотя бы с значительными жертвами. Только ведя постоянную и энергичную борьбу с врагами народа, рабочая партия может разрастись широко и стать грозной силой, перед которой падет современная неправда».

Приемы борьбы этой рабочей партии: стачки, борьба с мастерами и террор против шпионов.

Какова же ближайшая цель такой рабочей партии? Завоевание такого государственного устройства, при котором управление было бы в руках выборных от народа. «Надо, чтобы нами управляли не царь с барами, а свой народ, выборный, везде был на службе». Всего этого: и выборного управдения, и выборного суда, и свободы собраний, и свободы слова можно добиться

олько всеобщим восстанием, к которому и нужно подготовлять абочих и крестьян.

До какой степени на «Зерне» отразилось влияние нового ремени, видно хотя бы по статье Русанова, о которой говорилось выше. Рабочая аудитория, где распространялось «Зерно», ое к чему обязывала.

А что «Зерно» распространялось среди рабочих, этому мы меем доказательства.

Когда арестовали рабочих Зайцева, Константинова и других, среди которых занимался пропагандой А. Буланов, то они показали, что он им давал читать «Зерно»[1]. Буланов вообще, по-видимому, был одним из самых энергичных деятелей петербургской группы «Черного Передела», и вероятней всего, что он и также Шефтель и Загорский, судя по словам Русанова, и были авторами статей в «Зерне».

Есть некоторые данные утверждать, что черноперединьческие организации были даже на Урале, и что и там распространялось «Зерно». По крайней мере, в феврале 1882 г. пермские жандармы начали дело о распространении «Зерна» среди рабочих Пермской ж. д. Этот листок был найден у пермского рабочего Павла Полетаева, который на допросе показал, что он получил «Зерно» от железнодорожного рабочего Ивана Токтуева[2].

Вероятно, постепенно найдутся документы, свидетельствующие о том, как «непрозябшее» «Зерно» пыталось все же вырасти в настоящее растение.

Во всяком случае, как бы ни были скудны сведения об этом революционном органе, предназначавшемся для рабочих, ясно одно, что факты жизни заставляли все революционные кружки и группы все больше и больше обращать внимание на поднимающийся пролетариат.

Вышеизложенные соображения о преемственной связи первых социал-демократических организаций с черноперединьцами заставляют нас особенно внимательно отнестись к той литературной деятельности этой народнической фракции, какая имела в виду пролетарскую аудиторию.

Подлинные печатные экземпляры, печатаемые в нашем сборнике номеров «Зерна» (№№ 1, 3, 4, 5 и 6), хранятся в библиотеке Ленинградского Историко-революционного архива (размером № 1—24 *см* × 16 *см*; №№ 3, 4, 5 и 6—27½ *см* × 20 *см*).

---

[1] См. упомянутое выше дело о распространении революционной пропаганды в империи Особого Присутствия Сената об отставном мичмане Анатолии Буланове и др.

[2] Истор.-Рев. Арх. в Ленинграде. «Еженедельные записки» за 1882 г. Доклад от 19 февраля.

ГЕРОЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО БЕЗВРЕМЕНЬЯ

I

«Тихомиров,—говорит В. Н. Фигнер,—бесспорно занимал видное место в революционных организациях: до 1882 г., когда он уехал за границу, он имел 10-летний революционный стаж, из которого 4 года провел в тюрьме в ожидании суда над 193-мя, и вышел из этого искуса с честью. После процесса, как бывший чайковец и автор «Сказки о четырех братьях», он в 1878 г. был охотно принят в члены общества «Земля и Воля», сотрудничал в органе того же имени, а после ареста Клеменца главенствовал в нем. Когда в центральной группе общества, в Петербурге наметилось расхождение по вопросу об активной борьбе с правительством, он солидаризировался с Зунделевичем, Морозовым и Александром Михайловым, входил в тайную группировку внутри «Земли и Воли» и, как ее член, участвовал в Липецком с'езде, этом зачатке будущей «Народной Воли». Когда же общество разделилось на «Черный Передел» и «Народную Волю», Тихомиров стал членом «Исполнительного Комитета», дал окончательную редакцию программе новой партии и сделался главным редактором партийного органа. В осуществлении актов борьбы с самодержавием Тихомиров участия не принимал: у него не было темперамента для этого, и он не принадлежал к тем, которые по нравственным мотивам личным участием хотели «слово» воплотить в «дело». Но как член «Исполнительного Комитета» при обсуждении этого рода дел Тихомиров никогда не поднимал своего голоса против, а как член «Распорядительной Комиссии», наравне с другими, добросовестно исполнял все обязанности, и если позднее был освобожден от них, то это было с общего согласия—в интересах литературной работы» [1].

[1] Просим извинения у читателя за эту длинную выдержку, но нам хочется начать с характеристики Тихомирова, данной именно виднейшим народовольцем, хорошо его знавшим.

Эти слова принадлежат компетентному члену «Народной Воли», теперь, спустя почти 40 лет после ренегатства Тихомирова, sine ira et studio обсуждающему вопрос о том, в силу каких причин произошло это падение.

Бесспорно, огромное значение имели и духовное происхождение Тихомирова, традиции духовной среды, в которой он вырос, традиции, несомненно заронившие в его душу еще в раннем детстве зерна верований, которые потом под влиянием особых обстоятельств расцвели таким пышным цветом; бесспорно и то обстоятельство, что никаких твердых знаний, которые бы с силою железных законов природы приводили к неизбежности одного решительного вывода,—революционного разрешения общественных противоречий,—у него не имелось; бесспорно, наконец, и то, насколько об этом можно судить и по словам самого Тихомирова и по свидетельству его товарищей, что психологически и морально он не принадлежал к той группе народовольцев, которая немедленно превращала свое «слово» в «дело». Все это бесспорно, как бесспорно и то, что, ставши ренегатом, ханжей, монархистом, соратником Грингмута и охранителей, Тихомиров в своих воспоминаниях неправильно, неверно, как в кривом зеркале, отражает свое прошлое и прошлое своих товарищей. Все это так, но несомненно также и то, что только этим—происхождением, средой, воспитанием, темпераментом, одной моралью и психологией—-такого падения, такого ренегатства, как тихомировское, об'яснить нельзя. Главное, повидимому, не в этом. Мало ли было среди народовольцев и землевольцев людей и из духовного, и из помещичьего, и из чиновничьего звания, из рабочей и крестьянской среды, людей, и мало образованных и переживших в прошлом период религиозных увлечений, и однако не изменивших «старому знамени». Мало ли было людей, получивших блестящее образование и однако постепенно отошедших от «Народной Воли». Не об'яснить ренегатства Тихомирова и его принадлежностью к интеллигенции, ибо мы знаем поразительные примеры и среди революционеров-рабочих, примеров, когда конец всей революционной деятельности так не вяжется со всем ее предшествующим периодом: достаточно вспомнить факт подачи прошения о помиловании таким виднейшим и честнейшим революционером, как, например, Обнорский.

Очевидно, дело здесь сложнее, глубже; очевидно, причины такого явления, как ренегатство крупнейшего деятеля «Народной Воли», ее в некотором роде теоретика, автора партийной программы, лежит в самом ходе вещей эпохи, тем более, что Тихомирова ни в коем случае нельзя назвать ни провокатором, ни

мелким предателем, ни человеком, изменившим ради выгоды и положения. Как-будто бы все говорит за то, что, переходя на службу к самодержавию, Тихомиров не запятнал себя фактами предательства и выдачи своих старых товарищей. Положим, самый факт ренегатства достаточно большое предательство; положим, Тихомиров скоро, очень скоро преуспел и на новом поприще (человек он, несомненно, был крупный); положим, уже одним своим переходом на царскую службу, не говоря уже об его идейной писательской работе в защиту монархизма, он принес огромный вред революции. Однако, Тихомиров не Дегаев, не Гольденберг, не Азеф, не Малиновский. Тихомиров—особая оригинальная и, скажем наперед, очень характерная фигура революционного движения в России 80-х годов. Поэтому, чтобы об'яснить причины ренегатства Тихомирова, необходимо хотя бы вкратце напомнить читателю о том ходе вещей, какой характеризует как раз те годы, на которые падает расцвет народовольческой деятельности. Для этой характеристики прежде всего обратимся к той оценке, какую давали сами борющиеся и прежде всего народовольцы.

Как известно, народовольцы, следуя по стопам народников, отрицали то мнение, что в России возможно развитие капитализма и образование такой буржуазии, которая представляла бы могущественную классовую силу. Заявления подобного рода делались неоднократно; об этом писал и Михайловский и сам теоретик «Народной Воли» Тихомиров.

Последний уже накануне больших стачек пролетариата центральной промышленной области писал по поводу замечаний социал-демократов о возростающей силе русской буржуазии: «...Какими средствами, какими силами буржуазия может захватить власть и удержать ее? Численно ничтожная, нравственно разрозненная, экономически слабая,—какими чудесными способами она может стать во главе государственного правления» [1].

Это писалось в 1884 году, а за четыре года до этого другой теоретик народничества, Михайловский, в своих известных «Политических письмах социалиста» в «Народной Воле», где писал и, что наиболее важно, которую редактировал не кто иной, как сам Тихомиров, поучал народовольцев, сомневавшихся в существовании и значении русской буржуазии: «...Сорвите эту когда-то пышную, а теперь из'еденную молью порфиру и вы найдете вполне готовую, деятельную буржуазию. Она не отлилась в самостоя-

---

[1] «Вестник Народной Воли», № 2, стр. 249. 1884 г. Женева. «Чего нам ждать от революции».

тельные политические формы, она прячется в складках царской порфиры, не только потому, что ей так удобнее исполнять свою историческую миссию расхищения народного достояния и присвоения народного труда»... «...Деревенскому кулаку нужна эманацию самодержавного царя—самодержавный исправник, чтобы закрепощать голытьбу. Фабриканту нужна такая же эманация, чтобы перепороть стакнувшихся рабочих. Европейской буржуазии самодержавие—помеха, нашей буржуазии—юно опора» [1].

Так писал Михайловский, думавший, как и Тихомиров, что революцию может и должна совершить интеллигенция; жизнь, однако, заставила и его констатировать, что то, что по народнической теории должно быть слабым и хилым, именно русская буржуазия, было и не слабо и не хило и благополучно развивалось и преуспевало в мягких складках царской порфиры.

Но Михайловский, как известно, был человеком, далеко стоящим от поля битвы; его взгляды, хотя и выраженные на страницах официального органа партии, не могут считаться общепризнанным мнением этой партии, поэтому обратимся к этому официальному партийному мнению. Равно через год, в той же «Народной Воле», в которой печатались письма Гроньяра, т.-е. Михайловского, именно в № 6 журнала (от 23/X 1881 г.) в передовой статье, повидимому, принадлежащей перу Тихомирова [2], такими словами характеризовалась русская буржуазия: «Мы присутствуем при самом разгаре борьбы между народным, общинно-социалистическим строем и государственно-буржуазным. Мы не касаемся спорного вопроса о том, возможно ли в России капиталистическое производство. Несомненно во всяком случае, что худшая, средняя сторона капитализма, т.-е. закрепощение труда и разобщение его от владения орудиями труда,—у нас не только возможна, но и составляет главную тенденцию того строя, который считается официальным, законным» [3].

Говоря далее о том, что государство изо всех сил помогает буржуазии и изо всех сил разоряет и угнетает крестьянина, автор статьи, однако, утверждает, что ни буржуазия, ни крестьянин самостоятельно, без помощи государства (самодержавного или народнического) победить друг друга не могут. Буржуазия слаба,

---

[1] «Народная Воля», № 2, 1 окт. 1879 г.—Перепечатано в кн. «Литература соц.-революц. партии «Народной Воли». Изд. партии соц.-революц. 1905 г., стр. 89—90.

[2] Тихомиров в это время еще жил в России и, хотя находился в провинции, не порывал связей с редакцией журнала.

[3] «Народная Воля», № 6, 23 окт. 1881 г.—«Литература соц.-револ. партии «Народной Воли». Изд. партии соц.-революц. 1905 г., стр. 411—412.

но и народ слаб, причем все же первая сильнее народа. «Эксплуататорские элементы успели приобрести такую власть, захватить в свои лапы такие капиталы, такие области народного труда, что мужицкий строй жизни может восторжествовать и развиться до своих логических выводов только в том случае, если з а к о н и общие государственные мероприятия будут за мужика...». «...Если государственная власть останется в руках Разуваевых,—то мужицкий общественный строй будет с течением времени окончательно искоренен. Если государственная власть останется в руках Разуваевых,—то ей придется вступить в упорную борьбу с Разуваевыми» [1].

Стоит ли говорить о том, что и в легальной народнической прессе 80-х годов неумолимый ход вещей заставлял людей, не склонных признавать учение Маркса, волей-неволей констатировать торжество российского капитализма.

Возьмем для примера хотя бы «Очерки русской жизни» Н. В. Шелгунова, друга Михайловского и большого приятеля Л. Тихомирова. Незадолго до падения этого последнего Шелгунов (в 1886 году) вынужден был сознаться, что «пролетариат земледельческий и фабричный стал теперь у нас таким же экономическим явлением, как и в Европе; он только не достиг еще до подобного же напряжения, но, как показывают факты, достигнет и этого, потому что он не убывает, а растет» [2]. А так как ни промышленный, ни сельский пролетариат не мог расти без своего антипода—буржуазии—и, стало-быть, без того процесса, который носит название капиталистического хозяйства, то ясно, что сколько бы ни толковали народники и народовольцы о силе социалистических идей в обществе, сами-то эти идеи претерпевали какое-то поразительное изменение. Можно было, конечно, писать, что угодно, о том «мире мерзости и запустения», о котором писал Тихомиров по поводу убийства Судейкина, можно было призывать, каких угодно, орлов, которые должны были расклевать труп самодержавия, но факт оставался фактом: самый-то «мир мерзости и запустения» вызывался какими-то не зависящими от «Народной Воли» причинами.

Уже в тот самый момент, когда Тихомиров писал о «мире мерзости и запустения», «Народной Воли», прежней могучей и грозной «Народной Воли», не существовало, и не был далек от истины Тихомиров, когда писал в своем дневнике 24 октября 1884 г.: «Сильно сдается, что это конец, конец и на очень дол-

---

[1] Там же, стр. 412.
[2] Сочинения Н. В. Ш е л г у н о в а, т. III, стр. 314. Изд. 3-е.

гое время, в течение которого, конечно, десять раз успеет погибнуть от истощения сил и журнал. Значит, и этой мечте конец».

Действительно те самые орлы, о которых мечтал Тихомиров, не только не терзали трупа самодержавия, а как раз наоборот погибли, зараженные ядом гангрены, поразившей некогда могучую организацию.

Но дело было совсем не в том, что мало находилось орлов: их было еще очень много и их трупы еще очень долго устилали многострадальный путь русского освобождения: дело было в том, что тот самый процесс капиталистического развития, от которого отмахивались и все народовольцы и сам их теоретик Тихомиров, вызывал новые условия жизни, новые силы, новые настроения, неблагоприятные для успешной деятельности и осуществления целей, поставленных себе «Народной Волей».

Орлы были, но той силы, без которой и орлы ничего не могли сделать,—сочувствующей и готовой на все интеллигенции, как и сочувствующих народовольцам народных масс,—не было.

Капитализм делал гигантские успехи и, делая эти успехи, разбивал, раз'единял, еще более диференцировал русское общество и дотоле, правда, уже не однородное. Но то, что еще так недавно, напр., в 70-е годы, казалось единым и сплоченным, теперь, в 80-е годы, стало разнородным и пестрым; вернее, теперь те, кто хотел видеть, под ударами беспомощной реакции вдруг увидели, что в результате отрицавшегося ими капиталистического развития уже создалось новое классовое общество, где даже и единой интеллигенции давно не существует.

«На интеллигенцию,—писал Шелгунов почти как раз в то время, когда Тихомиров взывал к орлам этой интеллигенции,—также нельзя надеть одну общую шапку, как и на народ, и, может быть, нигде обобщение так не ошибочно, как в игре с понятием «интеллигенция». У нас чуть ли не столько интеллигенций, сколько считающих себя образованными. Какие внешние и какие внутренние признаки интеллигенции, где она начинается, где она кончается?

Даже образование не всегда служит ее внешним признаком. Духовенство, например, никогда не берут в расчет, когда говорят об интеллигенции. Есть еще целое среднее сословие арендаторов, управляющих, мелких собственников, учителей народных школ, тоже грамотных и читающих и выписывающих газеты, кончающих школу, которые не считаются в рядах интеллигенции. Про купцов, лавочников, Охотный ряд и говорить уже нечего, хотя и к ним проникла и грамотность и газета» [1].

[1] Сочинения Н. В. Шелгунова, т. III, стр. 194.

Но если дело обстояло так, что и интеллигенций было несколько, то спрашивается, из какого же слоя этой интеллигенции должна была выбрать «Народная Воля» своих орлов? В каком слое интеллигенции вырастали они? Этот вопрос было нужно задать себе, ибо дистанция между интеллигентом князем Кропоткиным и интеллигентом из Охотного ряда, или между дочерью мелкопоместного разорившегося дворянина и студентом, сыном коммерции советника, была огромная.

«А между тем,—продолжает Шелгунов,—все эти низы русской цивилизации так или иначе в русской общественной жизни; они дают ей цвет, направление, даже известный строй; они, может быть, главные участники в том мнении, которое сама о себе составляет Россия и какое о ней составляют европейцы. На эту низину опирается даже власть и считается с нею даже внутренняя и внешняя политика. Одним словом, несомненно, что наше среднее нечто вносит в русскую жизнь большой вклад, составляет переходную ступень к интеллигенции и задает ей не только большую работу, но и становится иногда так поперек жизни, что тормозит всякое движение» [1].

Делает большую честь проницательности Шелгунова, что он сумел разглядеть и новую жизнь и новые силы, на которые опиралась власть и которые даже тормозили движение, желательное сердцу народника.

Мы понимаем теперь, какие новые силы разглядел Шелгунов: буржуазию, крупную, среднюю и мелкую, и пролетариат, и какие процессы в русской жизни, зависящие от этих сил, подмечал он.

Какие же изменения, по мнению Шелгунова, принесли эти новые силы в ту сферу, которую и он, и все народники называли интеллигенцией и откуда они ждали полета орлов? Прежде всего разочарование в деятельности интеллигенции и затем «умственное неблагополучие» и неудовлетворенность руского общества.

«Что за странная вещь: тысячу лет мы работали, чтобы создать себе интеллигенцию, а когда она явилась, мы ее прокляли. Одни прокляли ее потому, что она не устроила для России садов Семирамиды; другие, желая быть последовательными, прокляли самые источники, ее создавшие,—науку, знание; третьи прокляли свою молодость и «заблуждения», а вместе с ними и тех, кто этих, потерявших свою молодость, людей заставил и научил думать; четвертые—упали духом и, подавленные несокрушимыми

[1] Там же.

препятствиями, сжались и признали себя неудачниками и лишними. Бодрость духа и самообладание сохранили очень немногие. Эти-то немногие и составляют те два враждебные лагеря, в борьбе которых сосредоточивается вся наша теперешняя внутренняя идейно-общественная жизнь» [1].

В результате такого разочарования, по мнению Шелгунова, получилось «умственное неблагополучие», а в результате всего этого появился новый тип людей. Что же это за люди, что это за тип? «Он не пародирует, не шумит, не ораторствует, не выдается,—скорее он прячется и маскируется и только в минуты откровенности обнаруживает свое нутро. И маскируется не из недоверенности в себе, а потому, что боится, чтобы его не перетолковали. Тип этот—настоящий интеллигентный тип человека сомнившегося» [2].

Мы понимаем, что во всех только-что приведенных словах очень вдумчивого наблюдателя жизни 80-х годов, смотревшего на борьбу «орлов» несколько издалека, из тиши кабинета, отражается картина той реакции, которая охватила все общество, состоявшее из пролетариев, мелких собственников, арендаторов, управляющих, купцов и всех прочих категорий, присущих любому развивающемуся капиталистическому обществу. Мы понимаем, что и «умственное неблагополучие», и появление типа «сомневающегося» интеллигента, и разочарование в деятельности интеллигенции—это только результат реакции, результат развития самого общества.

Но при чем же здесь Тихомиров? Ведь Щелгунов отражает все только-что перечисленные явления, сам не принимая участия в борьбе, а Тихомиров, и за границей сидя, продолжал эту борьбу, хотя и не так непосредственно, как прежде, притом в стане тех самых орлов, к которым он так патетически взывал, описывая «мир мерзости и запустения».

Дело в том, что и сам Тихомиров к тому времени, к которому относится картина, нарисованная Щелгуновым, попал в число новых людей типа «сомневающихся». Тот самый процесс «умственного неблагополучия», о котором пишет русский публицист, захватил и Тихомирова.

Вот что пишет он в своем дневнике под датой 8 марта 1886 г.: «...Я окончательно убедился, что революционная Россия, в смысле серьезной, сознательной силы, не существует... Революционеры есть, они шевелятся и будут шевелиться... но это

---

[1] Сочинения Н. В. Шелгунова, т. III, стр. 325.
[2] Там же, стр. 191.

не буря, а рябь на поверхности моря. Народ страшно измельчал; он способен только рабски повторять примеры былых героев, но совершенно не способен понять изменившиеся условия и выдумать что-нибудь свое. Впрочем, они не принимают даже и у стариков ничего, кроме внешности, техники... Конечно, это не мешает им быть хорошими людьми, но этого в политике мало».

Не касаясь пока того, что Тихомиров, как и большинство его соратников, проглядел новых революционеров, уже нарождавшихся и перенимавших у стариков не только одну внешность (вспомним хотя бы благоевцев), не касаясь этого, мы должны признать, что заключение Тихомирова в общем все же верно: народовольцы конца 80-х годов действительно только рабски повторяли отлитые, как из бронзы, образцы героического периода, конечно, даже в малейшей степени не приближаясь к этим образцам; больше того: эпигоны народовольчества и сами были охвачены тем «умственным неблагополучием», о котором говорит Шелгунов.

Что это действительно так, можно видеть из множества свидетельских показаний современников. Ольминский (М. С. Александров), вспоминая те времена, когда он, по приезде в Петербург, наблюдал народовольческую среду вскоре после провала Лопатина, так описывает настроения, создавшиеся в результате этого неудачного возобновления «Народной Воли»: «...Конечно, самая роковая ошибка крупнейшего вождя не могла бы убить движения, находящегося в периоде роста. Были более существенные причины и признаки упадка. Верным его показателем было измельчание лозунгов и практических задач. Вместо цельной программы, хотя бы и ошибочной, в отдельных кружках стали выдвигаться отдельные кусочки программы. Появились террористы, не признававшие ничего, кроме террора. Создавались группы, признававшие только военные заговоры или только роль либерального «общества». Явились даже проповедники действия путем исключительного самозванства по образцу Пугачова» [1].

Не совпадает ли эта характеристика революционных деятелей времени упадка «Народной Воли» с той характеристикой Тихомирова, которую мы привели выше, и с тою картиною, какую мы находим в словах Шелгунова?

Невиданная реакция охватила все общество и выразилась в наиболее развитых слоях тем «умственным неблагополучием», которое и доводило одних людей до Пугачова, а других—до при-

---

[1] От группы Благоева к «Союзу Борьбы» (1886—1894 гг.). Госиздат, Донск. отд. 1921 г., стр. 70.

знания всей своей деятельности ошибочной. К числу последних принадлежал и Тихомиров.

II

Однако мало констатировать этот факт. Необходимо понять, в силу каких начал и оттенков своего политического credo Тихомиров попал именно в лагерь разочаровавшихся: ведь, не говоря уже о тех, что честно сложили свои головы в бою, не говоря и о тех, что были заточены в каторжные казематы, где свято оставались верными своим старым знаменам, немало было и таких, кто, убедившись в бесплодности старых методов борьбы, искали новых и также честно складывали свои головы в этих новых попытках.

Обратимся поэтому к политическому credo Тихомирова и посмотрим, не находятся ли уже там в зародыше те элементы, развитие которых привело его к отрицанию своих прежних взглядов.

Л. Тихомиров, этот, по словам В. Н. Фигнер, признанный идейный представитель, теоретик и лучший писатель партии «Народной Воли», писал действительно много, блестяще и остроумно, а главное, он был автором важнейших документов, исходивших от имени партии. К числу таких важнейших документов партии относится ее программа, которой, по словам В. Н. Фигнер, Тихомиров дал окончательную редакцию. Принимать участие в выработке программы и дать ей окончательную редакцию—это, в сущности говоря, быть автором этой программы и уже во всяком случае так или иначе выразить свои взгляды в такой программе.

Обращаясь к программе Исполнительного Комитета партии «Народной Воли», мы видим, что исходя из чисто народнических основ утопического социализма, будто в народе живут «старые, традиционные принципы: право народа на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свобода совести и слова», и будто в результате свержения самодержавия «в нашей русской жизни будут признаны и поддержаны многие чисто социалистические принципы, общие нам и народу», исходя из этих положений, народовольцы считали ближайшим средством к достижению поставленной себе цели созыв учредительного собрания в результате отнятия власти у царя насильственным путем. Программа-минимум, провозглашавшаяся народовольцами, отличалась от программы-минимум любой социалистической партии тем, что требовала: 1) принадлежности земли на-

роду, т.-е. социализации земли, 2) системы мер, имеющих передать в руки рабочих все заводы и фабрики, т.-е. социализации средств и орудий производства, и 3) самостоятельности мира, как экономической и административной единицы [1].

Пропаганда и агитация, политический террор, организация тайных обществ среди интеллигенции, рабочих, крестьян и войска должны были в конечном счете увенчаться переворотом, захватом власти, свержением самодержавия и созывом учредительного собрания. Стало-быть, политическая борьба, в результате которой на месте свергнутого самодержавия должен быть установлен конституционный режим,—вот что существенно отличало народовольцев от революционных народников 70-х годов. Путем ли самостоятельной революции или путем заговора происходит переворот, все равно, по мысли народовольцев, образуется временное революционное правительство, которое и передает власть учредительному собранию [2]. Борьба за конституцию—так можно кратко формулировать главное отличие народовольческой программы «Земли и Воли».

Правда, Тихомиров говорил, что «не конституции, а народной власти» должна добиваться партия [3]. За всем тем, мы во мно-

---

[1] Чисто народнические взгляды по вопросу экономическому, именно о русской общине, развиты Тихомировым как в его главнейших программно-политических статьях («Чего нам ждать от революции», «Запросы времени» и т. п.), так и в его французских работах: «La Russie politique et sociale». Paris, 1886 и 1888 (во втором издании в третьей книге этой работы: Livre troisième, Les classes sociales en Russie. Le peuple, стр. 99—146 и сл.) и в статье «L'évolution de la commune agraire en Russie», «Journal des Economistes». Revue de la science économique et de la statistique. Paris, 1887, № 3, juin, стр. 344—367.

Добросовестно излагая господствовавшие в его время взгляды русских ученых о развитии русской крестьянской общины (Чичерина, Ефименки и т. п.), сам Тихомиров не высказывает никаких оригинальных мнений. Этапы развития русской общины Тихомиров, в конце концов, формулирует так:

1. Commune familiale, émanée selon toute probabilité de l'époque où le clan meurt grace à l'avenement de l'agriculture, du commerce et de l'Etat.

2. Commune de lots, qui provient du la composition de la commune familiale et qui donne parfois naïssance à la proprieté individuelle et parfois à la:

3. Commune égalitaire ou commune de mir; cette forme dernière nait au moment où la commune éprouve la disette de terres, et sous la condition d'un large self-gouvernement, des assemblées communales («Journal des Economistes», 1887, juin, № 3).

[2] См. «Программа Исполнительного Комитета» в сб. «Литература соц.-революц. партии «Народная Воля», 1905 г., стр. 162—166.

[3] См. «Вестник Народной Воли» № 2, стр. 261,—статья Л. Тихомирова «Чего нам ждать от революции?».

гих статьях Тихомирова можем найти недвусмысленные указания на то, что он, как только подходил к анализу действительности, не только не сбрасывал со счета чистых борцов за конституцию, но и прямо призывал их к совместной борьбе. В номере первом «Вестника Народной Воли», т.-е. еще в 1883 году, в статье «Новое царствование», издеваясь над умеренностью и аккуратностью либеральных земцев, Тихомиров в то же время так оценивает роль земства в борьбе с самодержавием: «Земство ясно показало, что его услуги правительство должно еще купить, и хотя без сомнения очень дешево, но все-таки ценой непременно политических уступок. Стало-быть, для правительства, которое пожелало бы расплачиваться старою монетою высочайших благоволений, знаков отличия и кредитных бумажек, земство оказывалось, по меньшей мере, очень плохой опорой» [1].

Прямым призывом на борьбу звучат следующие слова Тихомирова: «...Я обращаюсь вовсе не специально к людям своей партии. Прежде чем быть народовольцем, я социалист и революционер. Все социалисты-революционеры—наши товарищи. Все они возможные члены нашей партии. Их отсутствие в наших рядах представляет печальное явление, которое убежденный народоволец не может не считать временным. Но я обращаюсь даже и не только к социалистам-революционерам, а ко всем русским людям, которым истина, свобода и интересы народной массы дороже всего на свете... Каждый искренний сторонник трудящейся массы не находится в наших рядах только по недоразумению, и ко всем таким людям я обращаюсь, говоря о задачах нашего времени, разумеется — в тех условиях, которые представляет наше страна» [2].

К кому же обращен этот призыв? Ко всем честным русским людям. Но если так, то почему исключать из их числа и тех честных либералов, «которым истина, свобода и интересы народной массы дороже всего на свете»? Несомненно, и либералов, несмотря на все громы, какие метали в них и народовольцы и социал-демократы, из этого числа исключать нельзя. Не исключали их, как известно, из этого числа в эти времена и социал-демократы и, как известно, точно так же, как Тихомиров, призывали в ряды своей партии. Так, например, П. Б. Аксельрод в своей брошюре, написанной уже после ренегатства Тихомирова, «Задачи рабочей интеллигенции в России» говорил о создании одной социалисти-

---

[1] «Вестник Народной Воли», № 1 за 1883 г., стр. 41—42.
[2] «Вестник Народной Воли», № 4, стр. 235—236, 1885, «Запросы времени».

ческой рабочей партии, «в состав которой будут входить все действительные друзья трудящихся классов населения», и призывал всех честных русских людей помогать такой партии, входя в ее кружки [1].

В те отдаленные времена, как теперь известно, так думал даже Плеханов [2].

Но почему же могли раздаваться такие призывы ко всем честным русским людям и, конечно, в том числе и к либералам со стороны непримиримого Тихомирова? О причинах такого явления мы находим раз'яснение все в том же органе «Народная Воля», редактором которого был Тихомиров. Все тот же Гроньяр, т.-е. Михайловский, в своем втором «политическом письме социалиста» так раз'ясняет дело: «Союз с либералами тоже не страшен, если вы вступите в него честно и без лицемерия об'явите им свой девиз «Земля и Воля». Они к вам пристанут, а не вы к ним. В практической борьбе безумно не пользоваться выгодами союзов, хотя бы случайных и временных. И, признаюсь вам, я думаю, что многие либералы гораздо к вам ближе, чем вам кажется. Они были бы еще ближе, если бы ясно понимали особенности условий русской жизни» [3].

Тихомиров как редактор не мог бы пропустить статьи с такими взглядами, если бы он сам их не разделял. Да, он действительно и разделял такие взгляды на одно и то же существо программы либеральной и народовольческой. Доказательство налицо.

В своей книге, изданной во Франции в 1886 году, «La Russie politique et sociale», говоря о русских либералах и об их программе, Тихомиров далее выражается так: «Leur idéal c'est une société organisée sur les bases de la liberté et du self-gouvernement, formée de personnalités développées, libres, égales dans leurs droits, ayant une position matérielle garantie par une organisation économique régulière. Si après cela nous examinons les programmes du parti socialiste, il nous sera très difficile de tracer une limite nette entre les idées de ce parti et celles du parti libéral. La difficulté augmentera encore si nous faisons plus d'attention à ce qui se dit entre socialistes qu'aux programmes publiés. Ordinairement, dans leur jargon familier, les socialistes

---

[1] «Задачи рабочей интеллигенции в России». Женева, 1893, стр. 15—16. Первое изд. 1889 г.

[2] См. «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода». М. 1925, т. I, стр. 64—65, письмо от 1889 г., где Плеханов одобряет Аксельрода.

[3] «Народная Воля», № 3, 1 января 1880.—«Литература соц.-революц. партии «Народной Воли»,. 1905, стр. 174. (Подчеркнуто нами.—*В. Н.*)

donnent le nom de radicaux, et par leurs idées ils se rapprochent réellement beaucoup des radicaux» [1]. Далее Тихомиров приводит выдержку из программы Исполнительного Комитета и резонно замечает, что как либералы, так и радикалы признают одну и ту же программу с тою только разницей, что радикалы-народовольцы надеются сразу и в ближайшее время добиться этой программы, возлагая надежды на учредительное собрание, а либералы, возлагая надежды также на учредительное собрание, полагают, что осуществление этой программы сразу невозможно и требует более длительного времени («Une énorme majorité de nos libéraux n'aurait qu'une observation à faire sur le programme: il ne peut être realisé d'un coup, et en conséquence, il est superflu de mettre en avant toutes ces exigences») [2].

По словам Тихомирова, в конце 70-х годов революционеры-радикалы, за немногими исключениями, усиленно поддерживали мысль о создании партии всенародной.

«Для свержения правительства необходимо иметь непосредственную поддержку либералов, армии и рабочих, следовательно, необходимо создать, так сказать, партию всенародную. Таким образом, в этот период времени в русской революционной среде вновь нарождается сознание необходимости союза между всеми оппозиционными элементами подобно тому, который был разрушен 20 лет тому назад: но и теперь среди самих революционеров-террористов раздаются голоса, не согласные с этой точкой зрения партии, которые образовали ей некоторую оппозицию. Однако, эта мысль о союзе, хотя и несколько ослабленная указанной оппозицией, придала новой партии на некоторое время неслыханную дотоле силу» [3].

Думается, что, стоя на такой точке зрения, т.-е. признавая, что по существу нет никакой разницы между партией народовольцев и либералов, Тихомиров рано или поздно мог сказать: довольно террора, ведь террор только средство, применение которого зависит от условий времени и места. Он это и сказал в предисловии ко второму изданию своей «Russie politique sociale». Его единомышленники увидели в этом измену программе партии, а между тем это было только логическое следствие основных

---

[1] «La Russie politique et sociale». Paris. 1888, p. 406—407. (Подчеркнуто нами).—*В. Н.*).

[2] «La Russie politique et sociale», Paris, 1888 г., p. 407—408.

[3] Conspirateurs et policiers». Цитирую по русскому переводу: «В подполье. Очерки из жизни русских революционеров 70—80-х годов». СПБ, стр. 7—8.

взглядов Тихомирова, следствие, к которому очень скоро пришли и другие народовольцы, ибо ведь не один Тихомиров был радикалом, а все народовольцы и даже такой герой, как Желябов, на что уже давно указал Плеханов.

III

Все только-что сказанное и подводит нас к пониманию эволюции, пережитой Тихомировым, и, стало-быть, к пониманию перечитаемых его дневников и воспоминаний.

Об этой эволюции много писали бывшие соратники и друзья Тихомирова, но никто вернее двух деятелей революции не определил сущности этой эволюции: Плеханова и Ленина.

Понятно почему. Плеханов потому, что, будучи соратником Тихомирова, очень скоро понял ложность основных исходных точек зрения народнического мировоззрения. Ленин потому, что не будучи соратником Тихомирова, тоже как марксист взглянул на эволюцию народничества. Бывшие друзья и товарищи Тихомирова, оставшиеся верными старым заветам, не склонившие головы перед врагом, не могли, оценивая ренегатство Тихомирова, выйти из рамок психологии, ибо ведь и основа их мировоззрения была такая же, как некогда у Тихомирова: они были революционерами-народниками, радикалами и, оставаясь верными старым заветам и не склоняя головы, тоже пережили своеобразную эволюцию.

Плеханов, оценивая книгу Тихомирова «Почему я перестал быть революционером», книгу, где Тихомиров уже решительно порвал с революцией, такими словами резюмирует свои рассуждения: «Ошибки, лежавшие в основе народнического миросозерцания, достигли в его голове таких колоссальных размеров что он разве в шутку может называть себя «работником прогресса» (мирного или немирного—это в данном случае все равно). Короче, если народники исходили из некоторых ошибочных положений, то г. Тихомиров, доведя до уродства эти ошибочные положения, счастливо исходит теперь прямо из абсурда» [1].

Ленин неоднократно указывал, что история русского освободительного движения характеризуется, начиная с 80-х годов XIX в., эволюцией русских революционеров по двум направлениям: от утопически-крестьянского, мелко-буржуазного социализма налево к социализму научному, революционно-пролетарскому (эту эволюцию проделали группоосвобожденцы, большевики

[1] «Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова». Изд. Марии Малых. СПБ., стр. 44.

: коммунизму) и от того же утопически-крестьянского, мелко-
ржуазного социализма к либерализму (эту эволюцию проде-
ли народники-народовольцы, народоправцы к «Освобождению»
к кадетам и народники-народовольцы, народоправцы, экономи-
ы, меньшевики к социал-шовинизму, демократизму и либера-
зму).

Было бы излишним рисовать здесь подробно картину этой
олюции,—это задача специальных работ по истории революци-
ного движения,—но выдвинуть на первый план тот факт, на
торый указывает Плеханов, необходимо: в корне эволюции
лядов Тихомирова, доведшей его до ренегатства, лежат основ-
е ошибки народнического мировоззрения. Если программа «На-
ной Воли»—это программа радикальной партии и если эта
ограмма по существу ничем не отличается от либеральной
ограммы, как справедливо думал Тихомиров, то вполне есте-
енной становится та эволюция направо, которую проделывали
родники и народовольцы в 80-е и 90-е годы: от радикализма
Народной Воли» к умеренности «Народного Права» и оконча-
тельному либерализму «Освобождения». Эволюция эта вызыва-
лась тем ходом вещей, о котором сказано выше, той классовой
ференциацией, какую вызывал этот ход вещей. Тихомиров и
л жертвой этой эволюции, и с этой точки зрения он также
слепо шел за ходом вещей, как другой любой народоволец, эволю-
ционировавший вправо, например, Присецкий. Но если другой лю-
бой, хотя и менее талантливый, нежели Тихомиров, народоволец,
эволюционируя вправо, не доводил до абсурда свою эволюцию и
не плевал на своих старых богов, а Тихомиров, блестящий талант-
ливый литератор, «теоретик партии», дошел до ренегатства, до
«Московских Ведомостей», ханжества и защиты самодержавия,
то это уж об'ясняется его личными свойствами.

Но ренегатская деятельность Тихомирова и не интересует
нас, хотя в его ренегатской писательской деятельности есть так-
же немало любопытных черточек [1].

---

[1] Интересно, например, что бывший радикал-революционер, утверждавший тождество либеральных и радикальных программ, в 90-е и 900-е гг. занялся травлей... либералов, видя именно в них корень зла современности. (Этому посвящены брошюры Тихомирова: «Начала и концы». «Либералы и террористы». Москва, 1890; «Борьба века». М. 1895. Первая из этих брошюр имеет значение для истории революционного движения 70-х годов.) Любопытны также взгляды Тихомирова и по вопросам рабочего, в частности социал-демократического движения. См., например, его статью «Социальные миражи современности» («Русское Обозрение», 1891, июль, стр. 262—308). Здесь он, например, признает даже возможность победы социал-демократии.

Нам важно было выяснить социальные причины ренегатства Тихомирова и ему подобных. Оно, как видим, об'ясняется не только личными свойствами ренегата, не только наступившей реакцией, а прежде всего тем, что социальная природа партии радикалов, как бы они ни назывались, как бы они революционны ни были, неминуемо, рано или поздно, по мере того как на сцене все больше и больше выдвигался новый носитель революции—пролетариат, должна была вызвать эволюцию вправо к либерализму: ход вещей, неудачи «Народной Воли», наступившая реакция только ускорили эту эволюцию. В эту эволюцию был втиснут и Тихомиров, а личные его свойства и условия его воспитания (духовная среда, отсутствие глубоких знаний и т. п.) доделали все остальное,—превратили его из сомневающегося в ренегата.

С точки зрения этой эволюции и представляют большой интерес дневники и записки Тихомирова. В них нечего, конечно, искать беспристрастия и даже той об'ективности, которая присуща запискам любого деятеля, не переставшего верить своим старым заветам. В них, в этих часто похожих на бред записках, все почти пристрастие, все негодование, все желание очернить прошлое и обелить свое ренегатское настоящее, но за всем тем и среди этого шипенья и издевательства, благодаря большому публицистическому таланту автора, многое написано, пускай, зло, но ярко, выпукло и красочно. Главная же ценность дневников Тихомирова в том, что они—иллюстрация к тому тяжелому кризису русского революционного движения, который характеризует 80-е годы прошлого века. И роль, какую играл Тихомиров в партии, и публицистический талант, каким он обладал, и, наконец, самый факт измены своей партии ее бывшего вождя,—все это заставляет внимательно прочесть часто жалкие, часто отвратительные, но всегда талантливые рассуждения «героя безвременья».

Что же делать! У великих партий даже ренегаты бывают талантливы!

IV. ГРУППА „ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА“

ГРУППА „ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА“ В ПЕРИОД 1883—1894 ГОДОВ

I

«Его записка,—говорит черносотенная великосветская дама А. В. Богданович в своем дневнике 29 января 1880 года по поводу записки графа Игнатьева,—его записка о Нижегородской ярмарке очень дельно написана, видно, что он с большой наблюдательностью отнесся к этому делу. Обе записки, и Игнатьева, и Гейнса, рисуют в черном положение России. Первый предлагает меры для ярмарки, второй, чтобы уничтожить нигилистов, предлагает: 1) дать рабочему люду занятия, сделать то, что сделал Наполеон в Париже: начать разные сооружения, и главное—устроить ирригацию в южных губерниях, которым угрожает голод; 2) снять налог на соль, а чтобы возместить казне эти 12 миллионов, наложить на керосин и на минеральные масла, а также на ввозные товары; 3) устроить больше реальных школ; 4) переменить губернские учреждения, уничтожить губернских советников, вице-губернаторов, а создать обер-полицемейстеров и отдать усиленную полицию в руки губернаторов, власть которых необходимо усилить» [1].

Очевидно, давление новых экономических отношений на всю общественную жизнь уже тогда, в начале 80-х годов, было настолько ощутительно, что даже в великосветских салонах обсуждали вопрос об «уничтожении нигилистов» мероприятиями не только полицейского сыска, но и мерами экономического же характера.

Действительно, к концу 70-х годов процесс капиталистического развития России определился уже настолько, что даже са-

[1] «Дневник А. В. Богданович». Три последних самодержца. Стр. 24. Изд. Л. Б. Френкель. Москва, 1924 г.

мые правоверные народники вынуждены были признать, что старый, дорогой их сердцу, общественный строй трещит по швам. Победы капитализма над старинным укладом натурального хозяйства приходилось этим сторонникам самобытного развития России отмечает еще раньше. Так, Николай —он еще в 1870 г. в журнале «Слово», анализируя данные о кредите, признает, что кредит и железные дороги «ускоряют обращение натурального хозяйства в денежное». Признавая это, Николай —он далее выражается так: «Денежное же хозяйство—хозяйство товарное—есть хозяйство капиталистическое: следовательно, и кредит и железные дороги ускоряют переворот хозяйственных условий производства, при которых производители являются собственниками орудий производства, в такие условия, где производители становятся наемными рабочими» [1].

Мало того, тот же самый Николай —он в другом месте той же работы, откуда взята только-что приведенная цитата, с грустью заявляет, что даже в земледелии, где растет и цветет милая народническому сердцу русская община, «...течение капиталистическое, однако, видимо, пересиливает».

Нечего говорить о том, что если даже такие люди, как Николай —он, вынуждены были признавать неумолимые факты жизни, то наблюдатели более внимательные и вдумчивые, как, например, Плеханов, еще будучи народником, как увидим ниже, старались не только упрямо твердить заученные народнические формулы, но, наблюдая новые факты экономической эволюции России, пытались осмыслить их и сделать из них, быть может, и не согласные с своей теорией, но логически неизбежные выводы.

А факты эти, а это «течение капиталистическое» действительно ломало те, казалось, незыблемые устои, на каких люди подобные Николаю —он'у, пытались построить новый мир всеобщего братства и счастья.

Было бы напрасной тратой времени доказывать ту мысль, что, несмотря на тяжелый кризис 80-х годов, охвативший всю Европу, включая и Россию, русский капитализм продолжал свое победное шествие вперед: все это основательно доказано в многочисленных работах и частного и общего характера: в бесчисленных земско-статистических исследованиях, в трудах того же Николая —он'а и В. В. и, наконец, в таких исследованиях, как работы Туган-Барановского и В. Ильина-Ленина (1).

[1] Цитирую по «Нашим разногласиям» Г. В. Плеханова, стр. 275 и 279, т. I, соч. Гиз. Пгр., 1920 г.

Гораздо важнее подчеркнуть, что уже тогда, в конце 70-х и в начале 80-х годов, это давление изменившихся экономических условий начинали чувствовать все группы и классы населения, реагируя каждый по-своему на новые явления хозяйственной жизни.

Класс крупных земельных собственников, не отдавая себе отчета, что за процесс совершается перед его глазами, в лице таких своих представителей, как граф Игнатьев и его присные, одной рукой сочинял проекты «уничтожения нигилистов», а другой—отсыпал весьма щедрые подачки классу капиталистов и мечтал о прекращении голода путем организации ирригационных работ.

Огромная крестьянская масса, жившая, по мнению народников, старым «устоями», под невыносимой тяжестью пут этих феодально-крепостнических устоев, с одной стороны, и под новым капиталистическим прессом—с другой, глухо волновалась и бунтовала. Но это движение носителя общинных заветов было, за очень редким исключением, стихийным и неорганизованным; нагайкой и свинцом отвечали графы Игнатьевы на эти разрозненные попытки нищающего и обездоленного крестьянства.

Как же относился ко всем этим фактам—торжествующему шествию капитализма вперед, реакционным попыткам правительства «уничтожить нигилистов» при помощи ирригационных работ с помощи русской буржуазии и, наконец, к стихийному брожению крестьянства,—как относился ко всему этому новый класс, созданный тем же самым капитализмом, которого этот новый класс как будто бы не хотел признавать, как относился к этой новой жизни класс мелкой городской буржуазии,—все эти идеологи, вся эта мелко-буржуазная интеллигенция 70-х—80-х годов?

Ведь к концу 70-х годов этот класс в России становится уже настолько значительным фактором, что его замечают и отмечают решительно все вдумчивые наблюдатели русской жизни и в первую голову сами представители этого класса. В самом деле, если в 50-е и 60-е годы городская мелкая буржуазия нового капиталистического общества только еще формировалась, если только очень проницательные наблюдатели умели выделить типические фигуры из пестрой толпы, появлявшейся в наших городах, если Молотовы, Кирсановы и Лопуховы в 60-е годы были сравнительно новым явлением, «новыми людьми», то к концу 70-х годов и в особенности в 80-е и 90-е годы это уже был многочисленный класс, с бесконечным множеством групп и слоев, но в общем и целом многочисленный класс, созданный и необходимый растущему

капиталистическому государству. Этому капиталистическому обществу, этому торговому и промышленному капиталу нужны были не только рабочие и крестьянство, поставлявшие этих рабочих, ему была нужна и целая армия людей свободных и полусвободных профессий: инженеры, техники, агрономы, юристы, конторщики, бухгалтеры, счетоводы, статистики, ученые, приказчики, наконец, просто развитые и интеллигентные надсмотрщики,—вся эта бесконечно разнообразная толпа всяческих квалификаций, навыков, выучки и уменья, без которой не может двигаться капиталистический аппарат в своих фабриках, заводах, конторах, бюро, банках,—словом, в сотнях и тысячах учреждений, где требуются наряду с забитыми рабами и интеллигентные представители труда.

Этот любопытный и поучительный процесс образования и формирования во 2-й половине XIX века класса мелкой и средней буржуазии еще ждет своего исследователя, но и без того следы его образования и его влияние на русскую жизнь мы замечаем повсюду.

В этом отношении очень важны, например, те изменения, какие можно наблюдать на поверхности политической жизни России в течение всего XIX века,—изменения в составе русской революционной интеллигенции. Петрашевцы уж очень сильно отличаются от декабристов. Среди петрашевцев дворяне-помещики составляли уже ничтожное меньшинство, здесь преобладают уже дети чиновников, разночинцы, среди них имеются уже и представители мещанства. По мере развития буржуазно-капиталистических отношений ряды революционной интеллигенции пополняются новыми людьми—поповичами, мелкими чиновниками, мещанами. Революционные организации 60-х годов очень характерны в этом отношении. В 70-х годах этот процесс пошел еще дальше: в процессах 193-х и 50-ти «новые люди»—мелкие чиновники, разночинцы, мещане составляют уже большинство. На скамье подсудимых появляется крестьянин и даже рабочий.

Вытеснение этого слоя представителями пролетариата, это—еще более поздний процесс, яркий и заметный уже с 90-х годов прошлого века [1].

Совершенно не играет существеной роли, что в те или другие моменты революционной борьбы 60-х и 70-х годов ярким идеологами революционной интеллигенции являлись не представители мелкой буржуазии: в общем и целом тот слой идеологов, ре-

[1] См. по этому вопросу у М. Н. Покровского в IV томе его истории, а также наши «Очерки по истории РКП (б)», т. I, изд. «Прибой» Лгр., 1924 г., стр. 83 и дальше.

олюционеров 70-х и 80-х годов, который с таким блеском и шу-ом выступил на историческую арену, все же был слой нового асса, класса мелкой и средней буржуазии. Как мы это увидим иже, этим обстоятельством и об'ясняется очень многое в дей-твиях, в борьбе и в идеологии этих «новых людей» старой цар-кой России.

Как же отнесся этот слой, эти идеологи к тем пертурбациям, акие переживала в то время Россия, к тем изменениям, какие пытывала русская жизнь под давлением развивающегося капи-лизма?

Известно, что теоретики, народники-экономисты, признавая акт развития российского капитализма, были однако глубоко беждены, что России суждено развиваться по своим особенным, свойственным только ей, законам.

Рельефно выразился этот взгляд в словах того же Николая – он'а, который, правда, уже в 90-х годах, с отчаянием восклицал: «Наше историческое прошлое оставило нам в наследство общину, которая под давлением капитализма и порожденных им условий производства и обращения, отделения обрабатывающей промышленности от земледелия, не в состоянии обеспечить своим членам средств существования. Поэтому при существующих условиях ей грозит неизбежная гибель. Но вместе с тем общинное землевладение есть одно из основных материальных условий производства, на котором может быть построено здание будущего общественного хозяйства» [1].

Таким образом, капитализм это—факт, он разрушает общину, и все-таки... только эта община и есть основа нашего общественного хозяйства.

Так рассуждал, как известно, не только один Николай —он, так рассуждало подавляющее большинство народников 70-х годов, так рассуждал Бакунин, родоначальник нашего русского бунтарства, идейный отец наших бунтарей-народников 70-х годов.

Это воззрение русских революционеров-народников на русскую общину, как на исходный пункт прогрессивного экономического развития России, которое приведет нашу страну, минуя стадию капитализма, к светлому царству коммунизма, и на общинника-крестьянина, как носителя коммунистических идей, это воззрение и вытекающие из него последствия в области революционной практики достаточно известны и в высшей степени хорошо охарактеризованы самими деятелями эпохи 70-х годов

---

[1] См. Николай —он. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПБ. 1893 г.

(Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман, Н. А. Морозов, Л. Г. Дейч и многие другие).

Мы не будем останавливаться на характеристике этого мировоззрения, нас интересует эволюция этого мировоззрения к народовольчеству и социал-демократии. Но прежде чем обратиться к этому вопросу, необходимо вспомнить, что уже в 70-е годы все тот же неумолимый экономический процесс вместе с созданием крупной и мелкой буржуазии создавал и их антипода—пролетариат, и что представители этого класса точно также начинают появляться на арене политической борьбы. Правда, они появляются в виде исключения, они не характерные, не типичные деятели революционной драмы 70-х и 80-х годов; на авансцене политической борьбы попрежнему действуют «критически-мыслящие личности» мелко-буржуазной интеллигенции, но они, представители пролетариата, все чаще и чаще дают о себе знать, они уже тогда выявляют себя как яркие и талантливые представители армии, борющейся с самодержавием, и—что самое главное—они уже тогда выступают с совершенно особенной, необычной, идущей вразрез со всеми народническими традициями программой.

Читатель понимает, что речь идет о «Южно-российском союзе рабочих» Е. О. Заславского и в особенности о «Северно-русском союзе» В. Обнорского и С. Халтурина.

В программе, выработанной Е. О. Заславским, говорится о том, что союз об'единяет рабочих «для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком» [1], а программа «Северно-русского рабочего союза» ясно и определенно солидаризировалась с социально-демократическими партиями Запада и, ставя свое задачей «ниспровержение существующего политического и экономического строя», выдвигала достижение таких требований, как представительный образ правления, как свобода слова, собраний, союзов и т. п., — словом, выдвигала необходимость политической борьбы за политическую свободу.

Эта последняя программа настолько отличалась от народнической, землевольческой программы, что, как известно, встретила довольно суровый прием со стороны землевольцев, стоявших на утопической позиции—немедленной социальной революции и отвергавших борьбу за политическую свободу на том основании, что экономическая революция, которую совершат народники, будет иметь своим неизбежным следствием и политический переворот.

---

[1] См. программу Союза в наших «Очерках по истории РКП (б)», т. I, приложение.

Новый слой, пролетарские элементы, вошедшие в движение в 70-е годы, привнесли, стало-быть, и новые идеологические моменты в ту теоретическую концепцию, которая была выработана всем предшествующим революционным периодом.

Таким образом, еще задолго до раскола партии «Земля и Воля» среди революционеров-народников существовали такие элементы, которые свидетельствовали о наличии условий, подготовивших раскол.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что условия этого раскола подготовлялись давно и постепенно и что эволюцию взглядов переживали не только В. Обнорский и С. Халтурин, но и другие народники.

II

Эволюция взглядов Плеханова прослежена довольно хорошо, и нам здесь остается только кратко повторить, что уже сделано другими исследователями отчасти в давно вышедших работах, отчасти в недавно появившихся исследованиях [1].

Еще в начале 1879 г. Плеханов дал статью в третьем номере нелегального журнала «Земля и Воля» (№ 3, январь 1879 г.) под заглавием «Закон экномического развития общества и задачи социализма в России».

Соглашаясь с положением Маркса, что коль скоро общество напало на след естественного закона своего развития, оно уже не в состоянии ни миновать этих форм своего развития, ни изменить их каким бы то ни было путем, Плеханов дальше рассуждает так: на Западе общество уже напало на след естественного закона своего развития, и это произошло именно тогда, когда там разрушалась община, и ей на смену появилась сначала феодальная, а затем и буржуазная частная собственность. Общинный принцип был замещен индивидуализмом, а этот последний по внутренней необходимости своего развития подкопал феодализм с помощью капитала и могучих средств, которыми капитал владел. Но этот же самый индивидуализм в силу внутренних своих противоречий, которые наиболее ярко выступают в капитализме, подготовляет и гибель буржуазного строя.

---

[1] См. Ю. Стеклов. Историческая подготовка русской социал-демократии. Борцы за социализм. Москва, 1919 г. «Эволюция чернопередельчества». Особенно В. Ваганян. Г. В. Плеханов. От народничества к марксизму. «Под Знаменем Марксизма», 1923 г., №№ 2—3 и далее №№ 6—7, 8—9, 10 и 11—12. См. также литературу о «Черном Переделе» в наших «Очерках по истории РКП (б)», стр. 553.

Сама техника производства подготовляет людей к коллективизму, соединяя огромные массы рабочих в заводах и фабриках, воспитывая в рабочих массах общие привычки и дух солидарности и борьбы. Таким образом, на Западе капитализм был естественным предшественником социализма... «Но,—заявляет далее Плеханов,—мы полагаем, что ход развития социализма на Западе был бы совершенно другой, если бы община не пала там преждевременно». Пояснивши затем, в чем заключается принцип общинного землевладения, Плеханов утверждает, что у нас община не пала, сохранилась и заключает в себе предпосылки к непосредственному переходу в социализм. «Поэтому,—говорит Плеханов,—пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество вступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимой станцией на пути его прогресса».

Развивши далее обычные народнические взгляды, Плеханов делает вывод, что перед партией «Земля и Воля» стоят те же самые задачи, разрешить которые пытались «титаны народно-революционной обороны»,—Разин, Булавин и Пугачов.

Как видно отсюда, Плеханов, признавая основные положения учения Маркса, будучи последователем его теории, когда речь шла о Западе, оставался утопистом-социалистом, как только речь заходила о России.

Правда, никто лучше Плеханова не понимал того огромного значения, какое капитализм мог иметь даже в России для революционного движения, но это все же не мешало ему стоять попрежнему наполовину на утопической позиции. Он еще твердо держится того бакунинского взгляда, что Россия может перескочить через капитализм прямо от общины в светлое царство социализма. У Плеханова, как он сам характеризует свое мировоззрение 70-х годов, мирно уживались рядом с материалистическими взглядами Маркса чисто идеалистические взгляды Бакунина и Лаврова [1].

Взгляды эти, однако, постепенно изменялись, и уже через год после статей, напечатанных в «Земле и Воле», в двух новых статьях Плеханов возвращается опять к этому вопросу об общине и о путях экномического развития России. Мы разумеем его статью в первом номере журнала «Черный Передел» и статью об общине в январской книжке «Русского Богатства» 1880 г. Здесь мы попрежнему встречаем эту смесь положений Маркса с поло-

---

[1] См. его «Предисловие к русскому изданию» Туна: «История революционного движения в России». Петербург, изд. Рутенберга, 1906 г.

жениями чистого народничества. Он признает, что экономические отношения являются основой всех остальных, что они являются коренной причиной не только всех явлений политической жизни, но «и умственного и нравственного склада его членов»; считая вместе с тем, что основы революционного народничества оказываются незыблемыми, Плеханов, однако, не так уже категорически настаивает на способности русской общины послужить исходной точкой дальнейшего прогрессивного развития. Больше того: он признает, что при известной комбинации отрицательных влияний, разрушение общины действительно неизбежно. Разрушение общины было неизбежным фактом на Западе, для России это считалось необязательным; теперь же, задавая себе этот вопрос, в своем ответе он не исключает возможности, что и в России община исчезнет. Правда, на Западе община исчезла давно, еще задолго до развития крупной капиталистической промышленности, в России же, если община и погибнет, то погибнет, «повидимому, уже в борьбе с капитализмом».

Эти взгляды уже трудно было согласовать со старыми взглядами, целиком взятыми у Бакунина, который, разделяя материалистическую теорию Маркса, делал из этой теории тот вывод, что революционерам нет никакого дела до политики.

Между тем Плеханов, рассуждая об исчезновении общины в борьбе с капитализмом, видит в самом капитализме зародыши будущего социалистического строя. «Капитализм, — говорит он, — подготовляет почву социализму и является его необходимым предшественником».

Раз так, то стоило только принять положение, что и в России налицо крупно-капиталистическое развитие хозяйства, как отсюда вытекали сами собой довольно ясные политические выводы.

Но Плеханов, сам много работавший среди пролетариата, еще в статье № 4 «Земли и Воли» (февраль 1879 г.) признавал, «что наши крупные промышленные центры представляют нам скопления десятков, иногда даже сотен тысяч рабочего люда», и что агитация и организация среди пролетариата является насущнейшей задачей народников. Предположить же хотя бы возможность исчезновения общины в борьбе с капитализмом значит, что в наших промышленных центрах скопляются новые могучие революционные силы, сотни тысяч рабочих,—это означало признать уже многое из того, что с неизбежностью должно было привести к марксизму. Если же прибавить к этому тот практический опыт, какой проделали в рабочей среде Плеханов и его товарищи, то

станет понятным, что необходим был чисто внешний толчок, чтобы в корне пересмотреть свои взгляды.

Сам Плеханов считает «марксистские» взгляды черноперередельцев «марксистскими» взглядами Бакунина.

«Их марксистская точка зрения,—говорит он,—на самом деле была не более, как точкой зрения Бакунина» [1].

Этот взгляд Плеханова на свою собственную эволюцию можно принять с известным ограничением. Не все чернопередельцы и не в течение всего чернопередельческого периода держались точки зрения, только-что охарактеризованной словами Плеханова.

Уже осенью 1880 г. во взглядах Плеханова замечается дальнейшее уклонение от ортодоксальных взглядов Бакунина и как раз по самому основному вопросу, по вопросу о политической борьбе.

Раз мыслимо исчезновение общины в борьбе в капитализмом, раз возможно развитие этого самого капитализма, то мыслимо и то общественно-политическое развитие, которе неизбежно на основе капиталистических отношений. Плеханов так и ставит вопрос, говоря о том, что «общество увидит, наконец, всю глубину пропасти, на край которой привело его правительство, и, движимое чувством самосохранения, добьется необходимых реформ. В противном случае Гордиев узел современной безурядицы будет разрублен топором крестьянина. Но возможен и другой исход: переход власти к буржуазии, буржуазная революция. Как же относится к этой буржуазной революции Плеханов, все так же отрицательно, как относились народники? Далеко нет. Вот что он говорит по этому поводу: «Конечно, не нам, отрицающим всякое подчинение человека человеку, оплакивать падение деспотизма в России, не нам, которым борьба с существующим режимом стоила таких страшных усилий и стольких тяжелых потерь,—желать его продолжения. Мы знаем цену политической свободы и можем пожалеть лишь о том, что русская конституция отведет ей недостаточно широкое место». Говоря далее, что на этом требовании сойдутся все честные и уважающие себя люди России, Плеханов призывает не забывать и о конечной цели революции—социализме.

Так думал Плеханов в сентябре 1880 г., а уже менее, чем через полгода, он выражается еще яснее и определеннее. В своем письме в редакцию «Черного Передела», напечатанном в третьем

---

[1] См. предисловие к «Истории революционного движения в России» Туна. Петербург, 1906 г., изд. Рутенберга, стр. 20.

номере этого журнала (т.-е. в марте 1881 г.), Плеханов пишет: «Абсолютизм, разбитый и дряхлый, как его коронованный представитель, понимает всю непрочность своего положения и, растерянно озираясь, он ищет поддержки.

Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, какою ценой и где найдет он эту поддержку. Вырастая под его покровительством, вскормленная его заботами, наша буржуазия начинает уже расправлять свои крылья. Она чувствует свою силу, понимает свое значение, и, вчерашняя раба, она подсказывает сегодня программу «мирного развития», а назавтра готовится взять в свои руки все управление государством.

Не политической агитацией в так называемом «обществе» можно, если не отвратить, то сократить ее господство. Общество—не народ. В огромном большинстве своих представителей—оно эксплоататор народа, верхний европеизированный слой той самой буржуазии, против которой мы должны бороться. Приблизить час ее падения могут только успехи социально-революционной пропаганды, агитации и организации.

Поэтому задача «Черного Передела» может считаться оконченною лишь тогда, когда вся русская социалистическая партия признает главной целью своих усилий создание социально-революционной организации в народной среде, причем требование политической свободы войдет как составная часть в общую сумму ближайших требований, пред'являемых этой организацией правительству и высшим классам. Другую часть этих требований составят насущные экономические реформы, вроде изменения податной системы, введения правительственной инспекции на фабриках, сокращения рабочего дня, ограничения женского и детского труда».

Как видно из этого отрывка, разница между этими воззрениями Плеханова и воззрениями, идеалом которых еще два или год назад были титаны народно-революционной обороны Пугачов, Разин и Булавин,—огромна.

Когда Плеханов и его товарищи Стефанович, Дейч, Засулич, в начале 1880 г., спасаясь от преследования полиции, переходили границу, их взгляды еще оставались старыми. «В идейном отношении,—говорит Плеханов,—мы оставались последовательными народниками, и никогда прежде идеи революционного народничества не выступали в таком стройном виде, какой они получили в ту пору» [1].

---

[1] «Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной Воли».—«Искра», № 54.

Но стоило только Плеханову заграницей поближе из первоисточника познакомиться с идеями научного социализма, как это ортодоксальное народническое миросозерцание потерпело крах.

«Чем более знакомились мы с теориями современного научного социализма, тем более сомнительным становилось для нас наше народничество как со стороны т е о р и и, так и со стороны п р а к т и к и. По крайней мере, о себе я могу с уверенностью сказать, что уже ко времени выхода второго номера «Черного Передела», т.-е. летом того же 1880 г., я был уже едва ли не на половину с о ц и а л-д е м о к р а т о м» [1].

Но мы видели, что это превращение народника Плеханова наполовину в социал-демократа могло совершиться только потому, что еще задолго до выхода этого второго номера «Черного Передела» взгляды Плеханова изменяются в двух самых существенных пунктах народнической теории: по вопросу об общине, о ее способности стать исходной точкой дальнейшего развития и по вопросу о роли, значении пролетариата в революции; действительно, Плеханов уехал за границу в начале 1880 г., а в начале же этого года, именно в январе, в первой и затем во второй книжке «Русского Богатства» появилась статья Плеханова «Поземельная община и ее вероятное будущее», та самая статья, в которой высказывались соображения, что и в России община может исчезнуть в борьбе с капитализмом и что в таком случае исходную точку дальнейшего развития нужно искать не в общине, а в чем-то другом, имено в том самом капитализме, который несет вместе с отрицательными явлениями и борьбу пролетариата за свое освобождение.

Стало-быть, с одной стороны, по вопросу о политической борьбе не так уж далеко был Плеханов по своим взглядам от народовольцев в те времена, и, стало-быть, причины разделения «Земли и Воли» в 1879 г. на две фракции лежали где-то глубже, чем это кажется с первого взгляда; а с другой стороны, январь 1880 г., когда была напечатана статья об общине, не так уж далек от лета 1879 г., когда произошел разрыв, тем более, что ведь не явились же взгляды Плеханова об исчезновении общины внезапно, как Венера из пены морской.

Прежде чем ответить, в чем тут дело, обратимся к другой интересной фигуре группы «Освобождение Труда»—П. Б. Аксельроду, и проследим его эволюцию.

---

[1] Там же.

III

Аксельрод подробно рассказывает об этой эволюции в первом томе своих воспоминаний.

По его словам, выходит так, что, оставаясь до первого марта 1881 г. все еще непримиримыми народниками, чернопередельцы после первого марта 1881 г. и в России и за границей настолько изменили свои взгляды по вопросу о политической борьбе, что только второстепенное значение, какое придавали народовольцы работе среди пролетариата, мешало чернопередельцам соединиться со своими старыми товарищами [1].

Необходимо проследить, каким же путем, в каких пунктах старого народнического мировоззрения произошел сдвиг во взглядах Аксельрода, приведший его к той эволюции, какую он переживал в период первого марта 1881 г.

Еще за полгода до раскола «Земли и Воли», именно в конце 1878 г., Аксельрод написал статью: «Переходный момент нашей партии» (напечатана в 8—9-м номере «Общины») (2). В это время партия «Земля и Воля» переживала кризис, переходный момент, когда все увидели, что те надежды, какие возлагались на поселения в народе, не оправдались. Известно, что неудача, постигшая народников, зависела не столько от преследований правительства, сколько прежде всего от того, что мелкий собственник, крестьянин, охотно слушая агитаторов-народников о прирезке земли, о ненужности царя и даже бога, переставал понимать народника, когда тот ему рисовал райское житье при коммунизме и коллективном владении землей [2].

Ясно, что тяжелые неудачи, постигшие народников, заставили их критически взглянуть на весь предшествующий период своей деятельности. Мы имеем многочисленные свидетельства о результатах этого пересмотра, и в них, как в зеркале, отражаются те социально-экономические группировки и отношения, какие воздействовали на самих народников. Такие деятели, как Стефанович и Степняк, видели причину своих неудач в том, что народники безоговорочно переносили идеи и приемы борьбы западно-европейских социалистов на русскую почву. Между тем русский народ, крестьянство, не может воспринять эти идеи, они чужды ему; русский крестьянин темен, верит в бога, возлагает свои надежды на царя; но это, однако, не означает, что он безнадежен в смысле

---

[1] П. Б. Аксельрод. Пережитое и передуманное. Берлин, 1923 г. т. I, стр. 335.

[2] См. Аптекман. «Земля и Воля» 70-х гг., а также предисловие Плеханова к Туну: «История револ. движ. в России»., стр. 35.

усвоения идей социализма. Дело в том, что в самом народе существуют социалистические черты, воспитанные его тысячелетней общинной жизнью. Эти социалистические черты—убеждение, что земля ничья, что она принадлежит тем, кто ее обрабатывает, т.-е. народу, и ненависть к государству. Вот эти-то черты и есть то, что должно лечь в основу программы русских социалистов, это и есть то народное знамя, под которое должны стать и русские социалисты. Отсюда вытекают и те цели, которые должны поставить себе русские социалисты: 1) переход частной земельной собственности в собственность народных общин, каковы они есть в настоящее время, 2) самостоятельность мирских громад в управлении всеми общественными делами, т.-е. уничтожение государства. Вот две великие задачи, которые станут задачами настоящего времени и всех русских социалистов, если они захотят всмотреться в условия жизни своего народа. Так разрешал вопрос Стефанович в своей статье «Наши задачи на селе» [1], и мы видим, что это все та же старая бакунинская точка зрения, отрицавшая значение политического момента в предстоящей революции. Точно также по этому вопросу высказался и Степняк, провозгласивший, что главная причина неудач заключается в том, что идеи и приемы западно-европейского социализма безоговорочно переносились на русскую почву, и что пора «сбросить с социализма его немецкое платье и одеть его в сермягу».

Так или почти так ставили вопрос и многие другие. Когда зимой 1877—78 года народники с'ехались в Петербурге и когда под влиянием происходившего возбуждения в обществе (после выстрела Веры Засулич) было приступлено к пересмотру программы, основы ее остались незыблемы: «экономическое освобождение народа при посредстве народа, как необходимое условие реализации политической свободы» [2]. Но тогда же, по предложению В. Осинского, был поставлен и новый вопрос—вопрос политический.

Как известно, этот новый вопрос был разрешен не в пользу Осинского, но знаменательно то, что рассказывает О. В. Аптекман о попытках Осинского провести признание политической борьбы контрабандным путем, когда он предложил несколько раньше напечатать в землевольческой типографии прокламацию киевских конституционалистов к русскому обществу и его предложение совместно с ними издавать революционный орган. Второе из этих предложений было отвергнуто категорически, а по поводу напечатания листка было вынесено компромиссное решение,—на-

---

[1] Статья была напечатана в «Общине», № 8—9, 1878 г.

[2] О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х годов. Пгр., изд. «Колос», стр. 294.

[illegible]чатать, но заявить, что народники не солидарны с развиваемыми в листке взглядами.

Стало-быть, не так уже благополучно обстояло дело с тем обыкновенным согласием во взглядах, о котором говорят почти все деятели 70-х годов: логика вещей и ход экономического развития заставляли уже тогда, уже в 1878 г., многих народников ставить вопрос о борьбе политической. А этот ход вещей сводился к тому, что буржуазия, крепнущая и организующаяся, выдвигала на очередь дня вопрос о конституции: об этом свидетельствует «Летучий листок» (3), написанный Михайловским; об этом говорили земские адреса в Харькове, Полтаве и Орле; об этом свидетельствовало и возбуждение среди учащейся молодежи, этом авангарде мелкой и средней буржуазии, настроение студентов и кружисток, наперебой, как свидетельствует Плеханов, предлагавших свои услуги революционерам [1]; об этом, наконец, говорила и попытка земцев-либералов столковаться с землевольцами (предложение Ювенальева и Осинского). В. Осинский, предлагая народникам договориться с либералами, только лучше, только полнее других отражал буржуазную, политическую сущность тогдашнего революционного и оппозиционного движения. Л. Г. Дейч говорит, что склонность южных бунтарей прибегать к актам «дезорганизаторской» деятельности, т.-е. попросту к формам борьбы политической, зародилась на Юге раньше вследствие особых специфических условий (этнографический состав населения, близость трех университетов, прошлая история Юго-Западного края и т. п.); может-быть, это и так (хотя, чем меньше могли влиять на северян больше десятка высших учебных заведений Петербурга и Москвы, отстоящих друг от друга на 600 верст, не ясно), но дело не в этом, дело в том, что если бы даже В. Осинский или кто-нибудь другой из южан-революционеров не поставил вопроса о политической борьбе зимой 1878 г., он был бы поставлен северянами или восточниками или западниками, ибо он был поставлен самой жизнью, а подавляющее большинство народников-революционеров хотя и исповедывали евангелие утопического социализма, были по самой природе своей буржуазными революционерами, радикалами в европейском смысле этого слова, как выразился Плеханов о Желябове. Они выражали интересы организующейся и добивающейся конституции буржуазии, но, выражая эти стремления, они были представителями левого крыла этой буржуазии, якобинского ее крыла, и в этом их бессмертная заслуга. Доказательства в пользу этого мнения мы приведем ниже.

---

[1] Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении. В «Соц.-дем.» Плеханова, №№ 3 и 4, и затем русские издания.

Стало-быть, уже в недрах самой «Земли и Воли», в силу классового состава действующих лиц, существовали причины, которые привели к расколу на с'езде 1879 г. Там, на с'езде, только определились два течения: одно, которое потом вылилось в настоящее буржуазно-конституционное течение 80-х годов и эволюционировало от мелко-буржуазного утопического социализма к либеральной буржуазии, и другое, которое эволюционировало от того же мелко-буржуазного утопического, крестьянского социализма к социализму пролетарскому, научному.

Но прежде чем привести этому доказательства, посмотрим, как же реагировал другой основоположник группы «Освобождение Труда» П. Б. Аксельрод на кризис в своей партии.

Рассматривая в своей статье историю предшествующего периода, Аксельрод находит много ошибок в прошлой деятельности народников и подчеркивает, что главная ошибка заключается в якобинском взгляде на народ, взгляде, по которому народ только материал для революционера. «Анархистам же,—продолжает он,—пришлось посмотреть на народ не как на пушечное мясо, а как на силу, призванную на великое дело сознательного разрушения существующего строя и столь же сознательного созидания нового порядка на совершенно новых основаниях» [1]. Кроме этой, так сказать, теоретической ошибки, была совершена и ошибка практическая: за дело пропаганды и организации народа взялась неподготовленная молодежь, ожидавшая быстрых и блестящих успехов там, где требуется работа целых поколений. Отсюда следовала еще одна ошибка, именно, что революционная деятельность представлялась не как нечто сложное, состоящее из разнообразных функций, а как однородная деятельность пропаганды и агитации в народе. Критикуя прошлую деятельность в народе, Аксельрод выдвигает следующие положения: 1) целесообразное распределение сил и об'единение этих сил 2) организация местных народно-социалистических партий, 3) организация масс и выработка убежденных социалистов из народа и 4) организация социалистической прессы.

Но все эти положения представляют мало интереса, ибо почти везде в своей статье Аксельрод остается типичным бакунистом-анархистом; только в двух примечательных местах своей работы он протестует против установившихся ходячих мнений, вооружается против мнения Стефановича, что народникам повредило подражание западно-европейским социалистам; как раз наоборот,—утверждает он,—именно незнакомство с методами борьбы западно-европейских социалистов и является причиною зла; далее

[1] «Община», № 8—9, 1878 г.

высказывается и против другого основного положения Стефановича, взятого последним у Бакунина, а именно, что общинные идеалы русских крестьянских масс и суть идеалы современного социализма. Он обращает внимание своих товарищей как раз на то обстоятельство, «что самый принцип общинного землевладения может весьма легко выродиться во взаимную конкуренцию общин и в новый вид монопольной собственности, придав в то же время государственному строю такую устойчивость (в смысле консервативном), о какой современные государства и мечтать не смеют» [1].

Это указание на опыт западно-европейских социалистических партий, как на образец революционной работы среди масс, и скептицизм к незыблемости общины и составляют те пункты, которые, как и Плеханова, очень резко отличают и Аксельрода от остальных их товарищей еще до раскола 1879 г.

Аксельрод еще в 1874 г. в Берлине познакомился с западно-европейским рабочим движением и с тех пор никогда не порывал этой связи, и именно эта связь и оказала огромное влияние на все его миросозерцание.

Это становится заметным уже в тех статьях, какие он печатал за границей в течение 1881—1882 гг. и по каким можно судить, как шаг за шагом факты именно западно-европейского рабочего движения производили одну брешь за другой в его народническо-анархическом миросозерцании.

В течение 1881 г. в журнале «Вольное Слово» (4), выходившем в Женеве, Аксельрод печатал «Письма о рабочем движении», и на этих письмах можно наблюдать влияние, о котором только-что сказано.

Характерно уже вступление к этим письмам в номере четвертом «Вольного Слова». Обрисовав современную эпоху истории человечества как эпоху переходную и указав, что в такие эпохи почин возрождения человечества берут на себя наиболее угнетенные классы, Аксельрод говорит: «Рабочее движение является, таким образом, как бы воплощением всей совокупности сознательных стремлений и усилий нашей эпохи к переходу на более высокую ступень цивилизации» [2]. Во втором письме, помещенном в пятом номере «Вольного Слова», говоря о французском рабочем движении, Аксельрод рисует ход европейского рабочего движения и показывает, как на почве чисто экономической борьбы за достижение своих ближайших требований рабочий класс втягивается в

---

[1] «Община», № 8—9, 1878 г.
[2] «Вольное Слово», № 4, 1881 г.

борьбу политическую, и как эта двоякого рода борьба постепенно приводит пролетариат к мысли о борьбе за демократизацию государственной власти.

«Демократизирование политических учреждений с целью сделать из государства орудие эмансипации трудящихся классов—такова более поздняя форма борьбы труда с капиталом. По мере развития сословного сознания в рядах пролетариата, и борьба его с капиталистами все более и более принимает двоякую форму: борьбы непосредственно экономической и борьбы политической. И повсюду первым шагом при выступлении пролетариата на политическую арену является требование всеобщего, прямого и равного избирательного права».

Правда, в этих письмах бакунинский анархизм дает еще себя чувствовать повсюду. Так, в следующем письме Аксельрод, говоря все о том же французском рабочем движении, предпосылает введение, трактующее о роли немецкой социал-демократии и делает ошибочное предсказание, что немецкая социал-демократия, бывшая гегемоном европейского рабочего движения в 70-е годы, в 80-е уступит это место французским анархистам и синдикалистам. Но вместе с тем он не высказывается решительно ни за французских социалистов, ни за французских анархистов. «Очень может быть,—говорит он,—что метод анархистов (или, вернее, «абстенционистов») окажется в будущем более соответствующим целям рабочего движения. Но каковы бы ни были относительные недостатки избирательной агитации во имя реформ, приведенных в предыдущем письме, она, несомненно, подготовляет умы значительных масс народа к восприятию социалистического идеала, способы осуществления которого будут выясняться по мере роста численности и сознания передовых отрядов пролетариата».

Реформы же эти—были требования программы французской рабочей партии.

Как видит читатель, уже в 1881 г. взгляды Аксельрода по многим вопросам были очень далеки от тех традиционных взглядов революционного народничества, какие им высказывались еще в «Общине» 1878 г.

Для того, чтобы уяснить себе, почему же произошел раскол «Земли и Воли», в силу каких причин вскоре же после раскола был поднят вопрос и чернопередельцами и народовольцами о соединении, и почему это об'единение не произошло, обратимся к изучению трех в высшей степени важных документов, относящихся к 1881 году. Документы эти: речь Аксельрода на социалистическом конгрессе в Хуре, статья И. Присецкого в «Вольном Слове» и ответ на нее Аксельрода (5).

IV

Аксельрод выступал на конгрессе в Хуре с речью, в которой коснулся и характера русского революционного движения, и отличия его от западно-европейского рабочего движения, и причин, разделивших «Землю и Волю».

По мнению Аксельрода, «наше правительство не опирается на какой-нибудь, хотя бы консервативный, класс общества. Развившись из исторических условий, оно в настоящее время опирается только на массу чиновников и солдат, представляя собой разбойничью шайку, высасывающую жизненные соки страны и беспощадно подавляющих всякую оппозицию, из какого бы класса общества она ни исходила».

Представляя себе так упрощенно существо русского самодержавия, Аксельрод полагал, что борьба ведется между двумя организованными группами: висящим в воздухе правительством и «Исполнительным Комитетом», как центром борьбы против общего врага. По его мнению, выходило так, что «Исполнительному Комитету» помогали «недовольные элементы всех классов общества», и в этом и было главное отличие русского революционного движения от западного, где боролся класс рабочих против класса капиталистов.

«Движение наше,—говорит Аксельрод,—не носит, таким образом, характера организованной сословной борьбы, хотя и у нас, как и всюду, существует антагонизм между разными общественными классами».

Признавая, стало-быть, существование и в России классовых противоречий, Аксельрод в силу своих старых народнических взглядов не видел, что и борьба «Народной Воли» с самодержавием была борьба классовая, борьба буржуазии с классом феодалов, крупных помещиков.

Итак, между русским и западно-европейским движением пока нет точек соприкосновения, но они скоро возникнут: «Бисмарк постарается довести и немецких социалистов до употребления динамита и т. п. по отношению к своим угнетателям, и тогда тесный союз между ними и русскими социалистами сделается вопросом необходимости».

Говоря о «Народной Воле» и «Черном Переделе», Аксельрод так об'ясняет причины разделения «Земли и Воли»: «Разница между ними состояла, по крайней мере прежде, в том, что «Народная Воля» требовала сосредоточения деятельности в городах, на почве антиправительственной борьбы, пуская в ход как террор, так и пропаганду, между тем как «Черный Передел» напирал на

сосредоточении сил в деревне и на возбуждении духа протеста в крестьянстве—также путем пропаганды и террора—например, против особенно ненавистных народу своей эксплоатацией правительственных и частных лиц».

Вот и вся разница, а что касается социализма, то и народовольцы и чернопередельцы одинаково преданы социализму.

«Только немногие члены «Народной Воли», как, например, героический Желябов, особенно настаивали на агитации преимущественно радикально-политического характера, в виду соображений чисто практических, именно: возможно скорого ниспровержения деспотизма и проложения пути к большему развитию народных сил».

Ну а раз так, раз нет принципиальных разногласий, то настанет скоро время, когда снова и «Народная Воля» и «Черный Передел» об'единятся.

«Это тем более вероятно, что фракция «Народной Воли» на деле давно уже энергично принялась за организационную работу среди городских рабочих и взывает к молодежи о необходимости приняться за агитацию в крестьянстве. Она ясно высказалась за устремление революционных элементов на подготовление народного восстания. С другой стороны, «Черный Передел» признал необходимость специально политической борьбы для избавления народа от гнета абсолютизма».

Все это с внешней стороны было верно, и не только Аксельроду, но и Плеханову казалось, что об'единение еще возможно, жизнь же, ход вещей диктовал другое: разногласие между группой Плеханова и «Народной Волей» было глубже, чем тогда казалось: оно коренилось в тех классовых соотношениях, тенденции которых выражали обе фракции «Земли и Воли», или, вернее, тенденции которых выражали будущие народовольцы и будущие «освобожденцы».

Это было еще не ясно выражено попытками Осинского вступить в союз с либералами, это резче было заявлено Желябовым на Воронежском с'езде, когда он высказал свое отношение к стачечной [1], стало-быть, классовой борьбе рабочих, это, наконец, очень

[1] «Стачечник ведет двоякую борьбу,—сказал А. И. Желябов,—он ведет классовую борьбу с фабрикантами и политическую борьбу с полицией; и я буду поддерживать его именно потому, что он борется с этой последней». «Сказать это мог,—добавляет Плеханов, приведя слова Желябова,—именно только радикал в западно-европейском смысле. Социалист, отбросивший предрассудки утопического периода, понимает, что политическая борьба тоже может стать классовой и даже должна стать классовой, чтобы иметь шансы на успех» Тун, изд. Рутенберга, Петербург, 1906 г., стр. 43.

определенно было высказано Присецким в его статье в «Вольном Слове». В этой замечательной статье народоволец И. Присецкий, тоже страстно желавший об'единения «Черного Передела» и «Народной Воли», высказывает такие мысли, которые яснее ясного показывают ту линию, по какой шла эволюция одной части народничества, и что за стремления выражала эта часть.

Дав краткий исторический обзор революционного движения, Присецкий так формулирует задачи момента (6): «Теперь уже для всех ясно, что вопрос о конституционном режиме стоит на очереди. Разрешение его неминуемо, и оно будет, если не в этом году, так еще через несколько лет. Деспотизм находится в агонии; от общества, от всех, населяющих Российскую империю, зависит теперь, сколько времени продолжится эта агония». Какие же силы, какие классы могут сказать свое последнее слово в пользу завоевания революции? «...если бы все социалисты, поняв важность переживаемого Россией момента, оставили споры в основах и присоединились на время к «Народной Воле», если бы земства и города дружно подняли головы и возвысили голоса за попранные права России, дело значительно подвинулось бы вперед». (Подчеркнуто мною.—*В. Н.*)

Читателю ясно, что искать опоры в земствах и городах,—это значит опираться на определенный класс, класс буржуазии.

Это было ясно для Желябова, это еще ясней для Присецкого. Он так и определяет тот народ, к интересам которого апеллировали и народовольцы и черноперельцы.

«Нас обвиняют,—рассуждал он далее,—что мы грешим против формулы: «все для народа, все посредством народа». Ничуть не бывало! А что такое народ?—задает он вопрос, и так отвечает на него: «Что подразумевается под словом «народ»? Вся ли нация, совокупность ее интеллигентного, промышленного и рабочего классов, или только один рабочий класс? Если вся нация, то, конечно, нечего и говорить, мысль верна, так как, понятно, все должно делаться для блага всей нации. Но, если «умысел другой тут был», если здесь говорится только об одном рабочем сословии, что все нужно делать исключительно для него, если интересы рабочих отделяют от интересов интеллигенции, то, право, так и начинает пахнуть Аксаковским мракобесием.

Ибо, как не понять, что при настоящем устройстве общественной жизни, организации производства, все, что делается для интеллигенции, делается и для народа. Это слишком ясно, чтобы распространяться об этом. Теперь, что означают слова «посредством народа»? Если посредством опять-таки одного рабочего

люда, то мысль будет абсурдна. Никто не сомневается, что рабочим полезно, чтобы свобода слова была обеспечена. Но, однако, я думаю, никому в голову не придет требовать, чтобы рабочий класс, мало сознающий всю пользу свободы слова, был поставлен ее стражем и даже требователем. Таким образом, фразу: «Все для народа и посредством народа» необходимо выразить так: «Все для нации и всякое дело посредством части этой нации, наиболее заинтересованной в этом деле». В таком случае, деятельность «Народной Воли» будет вполне соответствовать этому требованию. Желая свободы и права для всей нации, она стремится опереться на интеллигентную часть нации, как наиболее заинтересованную в этом деле» [1].

Здесь все договорено до конца, и все темные стороны вопроса раз'яснены: «Народная Воля» это — партия, стремящаяся опереться на интеллигентную часть нации, а мы выше говорили, что представляла уже тогда интеллигентная часть нации.

Небольшая экскурсия в область статистики раз'яснит суть дела лучше, чем длиннейшие рассуждения. Начиная с 60-х годов, классовый состав революционеров менялся в сторону демократизации, от дворянства к рабочему классу и крестьянству, но еще в начале 90-х годов дети дворян, чиновников, духовенства, купцов, разночинцы составляли огромную часть революционеров, число же рабочих было очень не велико, и только с конца 90-х годов рабочие и интеллигентный пролетариат составляют большинство революционной армии.

Это видно из следующих цифр.

Из всего числа привлеченных по «политическим преступлениям» с 1891 по 1896 гг. рабочих было: в 1891—8 чел., 1892—78, 1893—42, 1894—90, 1895—154 и 1896—375. С этого времени рабочие уже целиком преобладают в движении (если исключить студенческие волнения).

Точно так же и по тем сословиям, откуда выходил революционер, видно, что только с конца 90-х годов наблюдается заметное преобладание выходцев из мещанства и крестьянства. Так, из числа привлеченных было:

Годы	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897
мещан . . .	112	210	175	233	255	354	488
крестьян .	64	149	155	181	326	538	1097

До этого времени, т.-е. в 80-е годы, преобладали в революционном движении не рабочие, не крестьяне и не дворяне, а дети мелких чиновников, духовенства, купцов и мещан, т.-е. тот слой го-

[1] См. в приложении статью И. Н. Присецкого.

рской мелкой и средней буржуазии, главным образом учащиеся, та интеллигенция, к которой обращается Присецкий.

В конце 70-х годов из всего числа привлеченных по политическим преступлениям дворяне составляли еще почти треть (остальные приходились на долю чиновников, поповичей, мещан и крестьян), а к концу 90-х годов подавляющее число революционеров выделялось из мещанства и крестьянства, причем добрая доля приходилась уже и на рабочих и ремесленников. 70-е, 80-е и даже почти все 90-е годы—это были годы вовлечения в революционное движение буржуазно-демократической интеллигенции, шедшей в революции вплоть до ее поражения в 1905 г.

Понятно, почему Присецкий обращал свои взоры именно сюда и разъяснял слово «народ» словом «нация», а интересы народа отождествлял с интересами интеллигенции всех классов народа: дело-то в том, что и в 70-е и 80-е годы интеллигенты рабочие и крестьяне считались десятками и сотнями, а интеллигентов-буржуа были уже десятки и сотни тысяч.

Но, как мы сказали выше, и в 70-е годы в революцию вступает рабочий, к началу 80-х годов число передовых рабочих несомненно растет, и это дает себя знать по мере роста рабочего движения, а к концу 90-х годов, когда рабочее движение становится массовым, носитель революции меняется, становится иным.

Таким образом, еще к концу 70-х годов в нашем революционном движении обозначаются две классовые прослойки: буржуазная и пролетарская, а соответственно этому и в идеологии движения должно было быть две струи—буржуазно-демократическая и социалистическая. Так оно и было. Сначала все это, при нерезко обозначившейся классовой диференциации, окрашивалось одной идеологией утопического социализма, а затем, начиная с конца 70-х годов, обозначаются все струи—эмансипация от утопического крестьянского социализма, мелко-буржуазного революционного народничества к буржуазно-демократическому либерализму и от того же мелко-буржуазного, крестьянского, утопического социализма к социализму пролетарскому, от народников-утопистов Плеханова, Осинского, Аксельрода, Желябова, Засулич, Присецкого и других через радикалов Желябова, Присецкого, Перовскую и т. д., с одной стороны, к буржуазным демократам Якубовичам, Корба, социалистам-революционерам, кадетам, и с другой—к социал-демократам Плеханову, Аксельроду, Засулич, Дейчу и всей русской социал-демократии.

Понятно, почему должен был произойти раскол в «Земле и Воле»: это был результат той классовой диференциации, какую переживала страна, и того влияния, какое оказывала эта классо-

вая дифференциация на самую революционную среду. Понятно точно также, что и вопросом, по которому произошел раскол, должен был быть вопрос о терроре и вопрос о политической борьбе. Буржуазно-демократическая интеллигенция, составлявшая главный кадр революционеров, выдвинула как главную суть своей идеологии — идею «критически-мыслящей личности», действие, борьба которой творит историю. Понятно, что революционеры, как Присецкий, желавшие опереться на эти «критически-мыслящие личности», на ничтожную часть народа, на буржуазную интеллигенцию, не могли рассчитывать на поддержку м а с с народа, и потому им приходилось рассчитывать на с в о и силы, на геройские подвиги единичных героических личностей, отсюда—террор, отсюда идея о натиске на правительство кучки самоотверженных личностей; понятно, что революционеры, желавшие опереться на рабочий класс и крестьянство, понимавшие под термином «народ» именно пролетариат и крестьянство, рассчитывали на действия масс, а действия масс, как небо от земли, отличаются от героических террористических актов отдельных личностей.

С этой точки зрения, конечно, неправильно рассуждает О. В. Аптекман, когда видит причины разногласий в индивидуальных свойствах даже таких крупных личностей, как Плеханов или Тихомиров: это обстоятельство, конечно, играло некоторую роль, но настолько ничтожную, что, будь вместо Плеханова и Тихомирова другие деятели, процесс разделения происходил бы, быть-может, менее бурно, но он все равно произошел бы. Л. Г. Дейч совершенно справедливо видит в подобных рассуждениях О. В. Аптекмана, сводящих причины раскола к характеру действующих лиц, не научное об'яснение важнейшего исторического события. но сам же Л. Г. Дейч становится на ту же позицию, когда об'ясняет причины неудачи переговоров «Черного Передела» с «Народной Волею» об об'единении [1].

Несомненно, что образ действий Тихомирова и Ошаниной заслуживает всяческого осуждения, но, право же, не имеет никакого значения то обстоятельство. что Тихомиров не желал, чтобы Л. Г. Дейч участвовал в общем деле, или то обстоятельство, что тогдашний лидер «Народной Воли» называл Дейча обидной кличкой («ехидное животное»).

Об'единение Плеханова, уже к концу 80-го года сделавшегося наполовину социал-демократом, не могло состояться с людь-

---

[1] См. О. В. А п т е к м а н. Черный Передел, статья в изд. Истпарта «Черный Передел», орган соц.-федералистов». Пгр., 1922 г., и Л. Д е й ч. О сближении и разрыве с народовольцами, «Пролетарская Революция», № 8 (20), 1922 г.

ли, которые, как Присецкий, мечтали опереться на земства и города или, как Тихомиров, проповедывали захват власти.

Об этом рассказывает и сам Л. Г. Дейч, когда говорит, как в феврале 1882 г. писался ответ на письмо Исполнительного Комитета о захвате власти [1]. Прочтя это письмо, Плеханов сразу понял, что ни о каком союзе речи быть не может. «Ведь это совершеннейшая бессмыслица, на которую невозможно ответить!—сказал Плеханов, прочтя это письмо.—Это выше моих сил!»—воскликнул он, кладя на стол листок почтовой бумаги. Это оказалось по силам Л. Г. Дейчу, но так или иначе и из письма Дейча ничего не вышло. Раскол был неизбежен. Переписка Плеханова с Лавровым подтверждает это.

В феврале 1882 г., как пишет Л. Г. Дейч, было получено письмо от Исполнительного Комитета с планом захвата власти, а ранней весной этого же года Плеханов писал Лаврову о том, что хотя они, чернопередельцы, и послали Исполнительному Комитету ответ, в котором разногласия не оттеняются, но что это сделано в надежде склонить народовольцев на надлежащую дорогу. Плеханов, однако, прибавлял, что их надежда «связана с большим или меньшим количеством шансов неудачи». В этом же письме он выражает опасение, что ему едва ли удобно будет оставаться редактором предполагаемого журнала, затевавшегося тогда «Вестника Народной Воли», так как весьма возможно, что чернопередельцам придется снова стать в оппозицию к «Народной Воле». Указывал Плеханов и на свои разногласия с Кравчинским. «...Он,—писал Плеханов,—что-то вроде прудониста, я—не понимаю Прудона; характеры наши тоже не совсем сходны: он—человек, относящийся в высшей степени терпимо ко всем оттенкам социалистической мысли; я готов создать из «Капитала» прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника Народной Воли» [2].

Человек, собиравшийся создать прокрустово ложе из «Капитала» Маркса для всякого товарища по организации, не мог быть в одной организации с людьми, которые подменяли понятие «народ» понятием «интеллигенция». Идейно Плеханов уже до получения письма от Исполнительного Комитета в феврале 1882 г. был на недосягаемом расстоянии от «Народной Воли», да и его товарищи, пожалуй, тоже уже идейно порвали с народовольцами: по крайней мере Дейч, этот главный организатор группы «Освобо-

---

[1] См. указанную выше статью Л. Г. Дейча в «Пролетарской Революции», № 8 (20), 1922 г.

[2] «Дела и дни», книга II, Петербург. Письма Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову, стр. 90.

ждение Труда» (как Плеханов ее идейный руководитель), говорит, что уже летом 1882 г. у него возникла мысль «о заложении организации, названной потом группой «Освобождение Труда».

Что касается Аксельрода, то он уже в 1881 г. испытал настолько сильно влияние марксизма, что дальнейшая его эволюция в сторону социализма Маркса была несомненна. Это очень хорошо видно по его ответу на статью Присецкого. Действительно, опровергая буржуазную «философию» Присецкого, Аксельрод рассматривает современное общество как классовое буржуазное общество [1]. «Каждая страна, каждая нация,—говорит он,—подразделяется на два главных класса, интересы которых коренным образом расходятся. Эксплоататоры и эксплоатируемые—вот термины, достаточно рельефно характеризующие глубокий антагонизм, разделяющий каждую нацию на два враждебных лагеря». В таком классовом обществе не может существовать какой-то одной внеклассовой интеллигенции, а каждый класс выдвигает из своих недр свою собственную интеллигенцию. Поэтому отождествлять интересы народа, т.-е. трудящихся классов, с интересами всяческой интеллигенции есть дело не революционное, ибо формула Присецкого: «все, что делается для интеллигенции, делается для народа» в классовом обществе означает: все делается для того класса, интересы которого данная интеллигенция выражает. Так как только там, где рабочий класс долго и упорно боролся за свои политические гарантии, он и пользуется ими, нужно обращаться не к какой-то интеллигенции, представляющей из себя смесь разнообразных классовых групп, а к рабочим и крестьянам, «во имя их классовых интересов, в сфере политической и экономической».

Расшифровывает Аксельрод и классовую сущность тех слоев, на которые призывал опереться Присецкий. «...Что такое наши земские и городские учреждения?—спрашивает он и дает такой ответ: это—представительное собрание привилегированных в имущественном или профессиональном отношении классов». Правильно оценивает Аксельрод и классовую, буржуазную сущность народовольческой программы Присецкого. «Таким образом,—говорит он,—предложение автора привлечь к революционному движению во имя политической свободы одну только «интеллигентную часть нации» при внимательном рассмотрении сводится к тому, чтобы опереться в революционной борьбе исключительно на высшие и средние классы»... Проходит через всю статью Аксельрода и признание того положения, что завоевание политической свободы есть

---

[1] См. в приложении статью П. Б. Аксельрода.

необходимейшее условие для успешной борьбы рабочего класса за свое полное политическое и экономическое освобождение. В статье, конечно, имеются еще элементы старого мировоззрения, но несомненно одно: в ней имеются многие элементы марксизма и признание того, что именно Маркс и Энгельс являются теоретическими обоснователями революционной борьбы пролетариата за свое освобождение.

Таким образом, мы видим, как постепенно изменялись взгляды двух теоретиков группы «Освобождение Труда», и как уже к концу 1881 г. они стояли на верной дороге к марксизму.

Эволюция взглядов В. Н. Игнатова нам неизвестна, что же касается Л. Г. Дейча, этого главного организатора группы, и В. И. Засулич, то, как он говорит сам, его мировоззрение под могучим воздействием гения Плеханова тоже эволюционировало постепенно к марксизму, примерно, в тот же период времени[1].

При таких условиях момент окончательного разрыва был только вопросом времени. Он и наступил осенью 1883 г., когда появилось извещение об издании «Библиотеки современного социализма», что фактически было извещением об образовании новой организации—группы «Освобождение Труда» (25 сентября 1883 года).

V

На фактической стороне раскола «Земли и Воли» и образовании группы «Освобождение Труда» мы останавливаться не будем: первое рассказано многочисленными участниками движения 70-х годов, а второе—Плехановым, Аксельродом и неоднократно Дейчем.

Напомним только главнейшие даты этой истории.

Летом 1879 г. «Земля и Воля» раскололась на две организации: «Народную Волю» и «Черный Передел»; в январе 1880 г. Плеханов, Дейч, Засулич и Стефанович уехали за границу; в 1880 г. Плеханов переехал в Париж и сблизился с Лавровым, а Дейч, Засулич и Стефанович, оставшиеся в Швейцарии и сносившиеся с Россией, под влиянием, с одной стороны, успехов народовольцев, с другой стороны, слабости собственных организаций, решили начать переговоры с народовольцами о присоединении к «Народной Воле»; летом 1881 г. Стефанович с этой целью уехал в Россию, где вскоре и вошел в «Народную Волю»; осенью того же года Плеханов возвратился в Швейцарию и под влиянием известий от Сте-

[1] О В. Н. Игнатове у Л. Д е й ч а — «Пролетарская Революция», № 9 (21), 1923 г.

фановича об успешной пропаганде среди рабочих в России также решился последовать примеру своих товарищей и принять участие в изданиях, намечавшихся народовольцами (народовольцы наметили его одним из редакторов «Вестника Народной Воли»; другие два—Лавров и Кравчинский); в феврале 1882 г. было получено письмо Исполнительного Комитета с изложением идеи о захвате власти; летом, после разгрома Исполнительного Комитета, за границу приезжают уцелевшие народовольцы и в их числе Тихомиров; с этого же времени намечается разрыв черноперельцев с «Народной Волей», осложненный личными недоразумениями между представителями двух фракций. Двусмысленное поведение Тихомирова и обостренные отношения его с Дейчем ускоряют разрыв, а отказ напечатать статью Плеханова «Социализм и политическая борьба» без тихомировского примечания и требование народовольцев «разбиться на атомы», т.-е. вступить в ряды «Народной Воли» не как целая организация, а индивидуально, окончательно разделяют на две враждебные группы бывших товарищей.

В то же время Плеханов и его друзья не переставали работать над изучением научного социализма, и прежде всего, конечно, сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Уже в 1880 г. Плеханов внимательно изучал, по словам Аксельрода, книгу Энгельса «Herrn Dürings Umwälzung der Wissenschaft», что тому же Аксельроду удалось сделать несколько лет спустя [1].

Затем Плеханов предпринял перевод «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса для «Социально-революционной библиотеки», редакторами которой официально были Л. Н. Гартман, П. Л. Лавров и Н. А. Морозов.

В 1881 г. Плеханов печатает в «Отечественных Записках» статью «Новое направление в политической экономии», и, наконец, летом 1882 г. в Женеве выходит под фирмой «Социально-революционной библиотеки» «Манифест коммунистической партии» с предисловием Плеханова. В этом предисловии Плеханов—уже определенный марксист и социал-демократ.

Указывая, что русское социалистическое движение вышло на путь открытой борьбы с абсолютизмом, Плеханов говорит, что блестящее произведение Маркса «может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии—с другой. Люди, склонные к первой из упомянутых крайностей, убедятся в том, что «всякая

---

[1] См. П. Аксельрод. Пережитое и передуманное, последние главы.

лассовая борьба есть борьба политическая», и что отказываться от активной борьбы с современным русским абсолютизмом значит освенным образом его поддерживать. С другой стороны, «Манифест» показывает, что успех борьбы каждого класса вообще, а абочего в особенности, зависит от об'единения этого класса и сного сознания им своих экономических интересов. От организации рабочего класса и непрестанного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующего класса зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты.

Основания этой организации рабочего класса могут быть заложены уже в настоящее время» [1].

В 1883 г. фактический основатель группы «Освобождение труда» Л. Г. Дейч перевел «Наемный труд и капитал» К. Маркса, и это произведение на русском языке вышло летом этого года.

В том же 1883 г. Плеханов, Аксельрод и Дейч готовили свои оригинальные работы для «Вестника Народной Воли». Аксельрод дал свою статью «Социализм и мелкая буржуазия», и она была напечатана в первом и втором номерах журнала в 1883 и 1884 г., а Плеханов напечатал в первом номере «Вестника Народной Воли» только одну статью: «Н. Я. Аристов, А. П. Щапов», и на этом совместная работа чернопередельцев и народовольцев закончилась: «Социализм и политическая борьба», работу, подготовлявшуюся для «Вестника Народной Воли», Плеханов выпустил уже под фирмой группы «Освобождение Труда».

При основании группы осенью 1883 г. в Женеве налицо находилось четверо чернопередельцев: Плеханов, Аксельрод, Засулич и Дейч; пятый член «Черного Передела», В. Н. Игнатов, больной жил в Кларане, но и он целиком был солидарен со своими товарищами, исчерпавшими все средства и пути для соглашения с «Народной Волей». Выступлением чернопередельцев с извещением об издании «Библиотеки современного социализма» и образованием группы «Освобождение Труда» и начинается новая эра в истории русского революционного движения,—кончилась доисторическая эпоха, начиналась новая, социал-демократическая.

Главным, идейным руководителем новой организации, как это признают все остальные ее основатели, являлся бесспорно Плеханов. На его долю выпало счастье заложить прочный фундамент

---

[1] Предисловие к русскому изданию «Коммунистического манифеста». Собр. сочин., т. I, Петербург, Госиздат, 1920 г., стр. 73.

научного социализма и первые основы рабочей социалистической партии в России. Ближайшим его помощником в деле теоретической разработки был П. Б. Аксельрод, который, как мы видели, почти одновременно пришел к отрицанию старой утопической догмы и шагнул к научному социализму Маркса и Энгельса.

Практическим же работником, организатором группы, был, без сомнения, Л. Г. Дейч. Человек со славным революционным прошлым, как и Плеханов, с огромными революционными связями, с огромной инициативой, с боевым темпераментом, с практическим навыком и умением организационно привлекать необходимых людей и средства, так сказать, организатор по природе своей,—Л. Г. Дейч и был создателем не только группы в Женеве, но приступил к созданию таких же групп в России (7). Неожиданный арест его (во Фрейбурге в начале марта 1884 г.) немецкими властями и выдача русскому правительству, суд и ссылка на каторгу надолго оторвали его от работы, и, без сомнения, этим отчасти об'ясняется то печальное обстоятельство, что в течение 80-х годов при огромном идейном влиянии группа «Освобождение Труда» была очень слабо связана с Россией, тем более, что никто другой Дейча заменить не мог: В. Н. Игнатов вскоре умер, в 1884 г., да он и не мог, вследствие своей болезни, принимать активного участия в работе, а В. И. Засулич одна также не в состоянии была заменить такого большого организатора, как Дейч. С июня 1884 г. Дейча заменил Саул Гринфест; но и он не мог укрепить связей группы с Россией. Его поездка в Россию в конце 1883 г. также не увенчалась успехом, и с весны 1885 г. Гринфест, повидимому, перестал играть роль в жизни группы (8).

Необходимо отметить здесь, что В. Н. Игнатов все же оказал огромную услугу русскому рабочему движению: он дал свои личные средства в распоряжение группы и, кроме того, насколько позволяли ему его слабые силы, принимал участие вообще в работе своих товарищей.

А в России между тем росло рабочее движение и закладывались первые подлинные социал-демократические рабочие организации.

Организация «Черного Передела» скоро погибла и как-то незаметно сошла на-нет. Об этом говорят почти все ее участники, однако, такое заключение едва ли можно принять без оговорок. Размеры настоящей статьи не позволяют детально исследовать этот вопрос, но несомненно одно, что из тех первоначальных организаций, которые имели чернопередельцы в столицах и провинциях, не все члены ушли к народовольцам или вышли совсем из движения,—многие продолжали работать среди пролетариата, и

отчасти из этих чернопередельческих рабочих кружков вышли и выросли первые деятели социал-демократии в России [1].

VI

С арестом Л. Г. Дейча связи с Россией, бывшие у группы «Освобождение Труда», постепенно стали рваться. Группа замыкается в своем узком кружке; притока новых членов нет, а с отходом от работы С. Гринфеста, организационная работа группы почти замирает. В 1885 г. группа «Освобождение Труда» завязала оживленную переписку с Благоевской группой, но аресты членов этой последней порвали и эту ниточку, связывавшую Плеханова и его товарищей с русскими рабочими организациями. Эти связи возобновились уже только в конце 80-х и начале 90-х годов, когда в России выросли первые социал-демократические организации, и когда социал-демократические деятели, главным образом молодые, двинулись за границу [2].

Что же делала группа в эти годы второй половины 80-х годов, когда она была отрезана от непосредственной работы в России?

Она делала ту замечательную работу, которая и положила теоретический фундамент русской социал-демократии и русского рабочего движения.

Вот что выпущено группой «Освобождение Труда» за период с 1883 г. по 1888 г., когда собственно и начинается приток свежих, молодых социал-демократических сил за границу: в 1883 г. в сентябре вышло извещение об издании «Библиотеки научного социализма»; затем, в собственной типографии, по сути дела организованной Л. Г. Дейчем, вышла работа Плеханова (25 октября 1883 г.): «Социализм и политическая борьба»; весной 1884 г. перевод «Развития научного социализма» Ф. Энгельса, с приложением «Теории насилия» из «Herrn Eugen Dürings Umwälzung der Wissenschaft»; в июле 1884 г. Плеханов закончил и выпустил в свет в 1885 г. (в начале) «Наши разногласия»; в июле же этого года (1884 г.) вышла Плехановская «Программа социал-демократической группы—«Освобождение Труда»; в сентябре 1884 г. вышла брошюра Аксельрода «Рабочее движение и социал-демократия» (с приложением «Об издании рабочей библиотеки»); в начале 1885 г. вышел перевод с предисловием Плеханова книжки Дикштейна «Кто чем живет»; в апреле—К. Маркса «Речь о сво-

---

[1] См. предисловие к напечатанному нами здесь «Зерну».

[2] Ист.-Рев. Арх., 3-е дел-ство, № 47, т. IX, 1889 г. О цюрихских революционных кружках.

боде торговли» (с приложением «Об издании библиотеки современного социализма»); в 1886 г., в переводе В. Засулич, «Нищета философии» К. Маркса; в 1887 г. «Лассаль, его жизнь и деятельность» Плеханова; в январе 1888 г. брошюра «Чего хотят социал-демократы» с предисловием и примечанием Плеханова и с приложением «Проекта программы русских социал-демократов» и, наконец, в августе «Социал-демократ», книга I, литературно-политический сборник.

Мы не перечисляем мелких статей и заметок, напечатанных Плехановым и Аксельродом отчасти отдельными брошюрами, отчасти в виде заметок в различных заграничных революционных органах [1].

Капитальными работами огромного теоретического и практического значения для русского рабочего движения были, бесспорно, две работы Плеханова: «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия». Здесь была дана беспощадная критика народнической утопической теории и программы, изложены основные положения учения Маркса, вскрыта бланкистски-утопическая сущность народовольческой идеологии и намечены общие контуры и основы программы социал-демократической рабочей партии России.

Без сомнения, прав тов. Рязанов и все последующие исследователи, отмечающие несовершенство первых двух набросков программы русской социал-демократии; это верно, на них отразился тот переходный момент, в какой они создавались: безнадежные попытки, как это ясно теперь нам, войти в соглашение с «Народной Волей», хаос в самих русских революционных организациях, невыясненность некоторых вопросов и для самой группы и, несомненно, оторванность группы от создавшихся уже в России социал-демократических кружков—вот причины этого несовершенства. Легко теперь говорить, что группа за эти годы не сумела создать популярной рабочей литературы, не перевела на русский язык главнейших произведений Маркса и Энгельса, не поставила периодического органа; требовались гигантские силы,—воля, убежденность в своей правоте, материальные средства и люди, чтобы все это создать, да еще при такой страшно неблагоприятной атмосфере, когда, начиная с русских колоний и кончая виднейшими социалистами Запада, все считали единственными революционерами в России народовольцев, и когда недоверие и даже враждебность по отношению к группе прорывались всюду:

---

[1] См. указатель заграничных соц.-дем. изданий на русском языке, 1883—1905 г. Сост. под ред. Ю. [Каменева], Париж, изд. 1913 г. и сл.

со стороны западных товарищей, и в полемике русских революционеров.

Плеханову приходилось, в буквальном смысле слова, завоевывать почти каждого видного западного социалиста поодиночке.

И, как известно, он выполнил это блестяще. Он завязал личные связи с Гедом и Лафаргом еще в 80-е годы, переписывался с Энгельсом, а к концу его жизни не было такого деятеля-социалиста, который бы не считал за честь повидаться или списаться с Плехановым.

И в то же время группе приходилось делать свою основную работу: выковывать основы программы русской социал-демократии и критикой расчищать утопический сор, который накопился от предыдущих периодов революционного движения и буквально мешал двинуться хоть на шаг вперед. И все это должна была сделать маленькая группа без средств и людей.

Правда, стихийный рост рабочего движения, о чем свидетельствовала Морозовская стачка, делал свое дело и на родине: там до социал-демократизма додумывались совершенно самостоятельно, шел свой самобытный процесс (это является предметом работы тов. Сергиевского, и мы его не затрагиваем), и скоро должно было настать время, когда эти два течения—теоретическая работа Плеханова за границей и практическая и теоретическая работа социал-демократов в России—должны были слиться в один мощный поток; но все это произошло уже значительно позже, а пока-что Плеханову приходилось проводить борозду на непочатой почве. Правда, ему деятельно помогали его товарищи, Аксельрод и Засулич, но все же главная работа выпадала на долю Плеханова.

Да и нельзя сказать, чтобы группа не делала попыток к изданию популярной литературы для России. Смотря на свою работу, как на создание такой литературы, которая могла бы прежде всего быть руководящим материалом для социал-демократической интеллигенции, группа «Освобождение Труда» наметила, на ряду с изданиями «Библиотеки современного социализма», и издания «Рабочей библиотеки», куда должны были войти вещи, из которых русские социал-демократические рабочие могли черпать основы социал-демократической теории из первоисточника. Об этом ясно говорит и Аксельрод в своих воспоминаниях.

К концу 80-х годов между тем революционная Россия представляла совершенно иное зрелище, чем в 1883 г., когда группа начинала свою работу. В Петербурге уже был опыт создания социал-демократических организаций (группа Благоева, Точисский) и существовал центр, из которого выросла Брусневская группа; в Москве, несомненно, уже тоже намечались первые со-

циал-демократические группировки; в Киеве работал социал-демократ Абрамович, он был связан с западным краем, где также работали одиночки социал-демократы; Харьков уже заканчивал свой переходный период (Мельников и Перазич); в Одессе действовал Д. Б. Рязанов; раз'ехавшиеся по разным городам чернопередельцы и благоевцы тоже пытались создать новую организацию (Пенза—Благославов, Теплов), в Дерпте существовала также социал-демократическая группа,—словом, во многих местах шла интенсивная работа по выяснению тех путей, по каким должно развиваться рабочее движение, и как должна быть построена программа новой партии и сама партия.

Без сомнения, все это вырастало в хаосе разложения старой народовольческой и народнической организации и идеологии, в атмосфере небывалого натиска реакции на революцию, в атмосфере враждебного отношения интеллигентного буржуазного общества, разочаровавшегося в народовольцах и пытавшегося компромиссами добиться уступок от самодержавия.

С конца 80-х и в начале 90-х годов, отчасти под влиянием преследований полиции, отчасти ища ответа на свои мучительные сомнения, русские социал-демократы тянутся за границу и там завязывают связи с группой «Освобождение Труда». Еще раньше, конечно, группа связывается с учащейся молодежью за границей и с эмиграцией.

Следы этого влияния, повидимому, остались в той организации, какая была образована группой «Освобождение Труда» осенью 1888 г. Мы говорим о «Русском Социал-демократическом Союзе». К сожалению, об этой эпохе истории группы «Освобождение Труда» нет почти никаких сведений, и приходится ждать, пока старые эмигранты поделятся своими воспоминаниями.

Все, что известно об этом «Русском Социал-демократическом Союзе», это одно—именно, что состав первоначальной организации был несколько расширен, вошли новые люди, но сколько человек и кто именно, неизвестно. Судя же по тому, что в течение 1889 г. ни из-под пера Плеханова, ни из-под пера Аксельрода не вышло ничего выдающегося, равного по силе двум первым работам Плеханова, можно заключить, что и образованный «Русский Социал-демократический Союз» мало помог делу.

Более или менее выдающимся произведением этого года была брошюра Плеханова, вбившая последний гвоздь в гроб политического мертвеца Тихомирова («Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова»).

Из литературы, которую можно назвать агитационной для широких масс, группа издала речь П. Алексеева с предисловием

П. ханова да «Очерк истории международного общества рабочи », часть I, В. Засулич; остальные произведения—это были либо ме кие заметки, либо библиография, да и то печатавшиеся в таки заграничных органах, которые были мало доступны, либо вов е не доступны для русских революционеров (например, «Отношен е революционной интеллигенции в России к борьбе за политич скую свободу», «Знамя», рабочая газета, издававшаяся в Нью-Йорке).

Только с 1890 г. снова начинается более заметная литературно-пропагандистская даятельность группы, да и то в этом году вышло только три книги «Социал-демократа», один «Листок социал-демократа» (об истязаниях Сигиды) да популярно-агитационная брошюрка В. Засулич «Варлен перед судом исправительной полиции».

Правда, три сборника «Социал-демократа» являлись ценнейшим вкладом в русскую социал-демократическую литературу; там напечатаны такие статьи Плеханова, как его «Наши беллетристы-народники», «Н. Г. Чернышевский», много рецензий, работа В. Засулич «Революционеры из буржуазной среды» и т. п., но за всем тем и здесь живой связи с русской действительностью не было. Лучшим доказательством этой мысли служит, например, та черта «Социал-демократа», что, имея очень хорошую хронику рабочего движения на Западе, журнал молчит о стачечном и вообще рабочем движении в России. А между тем рабочее движение в России росло, уже работали социал-демократические кружки, и социал-демократы шли в Сибирь и в одиночные тюрьмы для отсидки. Следующий 1891 г. был еще более бедным в области издательской деятельности группы: если не считать доклада Брюссельскому интернациональному конгрессу (на французском языке), в Россию едва ли проникшего, то 1891 г. ознаменовался выходом в свет только одной брошюрки Плеханова «Ежегодный всемирный праздник рабочих».

В 1892 г. вышел последний четвертый номер «Социал- демократа», «Всероссийское разорение» и «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» Плеханова, его же «Русский рабочий в революционном движении» и переводы двух работ Ф. Энгельса: «Людвиг Фейербах» и «Развитие научного социализма». Кроме того, вышла агитационная брошюра: «Первое Мая 1891 г.» (с приложением адреса Н. Шелгунову) и отрывок из воспоминаний Дебагория-Мокриевича.

Впервые в четвертом номере «Социал-демократа» появляются, хотя и отрывочные, сведения о рабочем движении в России; чувствуется и по брошюре «Первое Мая 1891 г.», что начинают

устанавливаться связи группы с Россией. Но 1892—1893 годы в этом отношении были вообще переломными в истории группы, ибо, по словам Д. Б. Рязанова, в результате тех столкновений, какие происходили у группы с молодой оппозицией, в 1893 г. образовалось издательство «Социал-демократической библиотеки».

Что же это были за молодые группы, как они появились и образовались за границей? По словам Д. Б. Рязанова, первый конфликт возник у группы с Соловейчиком и Слепцовой в 1887—1888 гг. До этого, если и возникали трения, то это были трения эмиграционного характера и быстро ликвидировались внутри. Оппозиция же Соловейчика была уже не эмиграционного, а российского характера. К сожалению, и об этом периоде истории почти нет известий современников, и потому приходится обращаться к документам архивного характера.

Прежде всего, кто такие были выше названные Соловейчик и Слепцова?

Надежда Николаевна Слепцова (9) была в описываемое время уже не новичком в революционном движении. Дочь генерала (действительного статского советника), курсистка-бестужевка, она вступила в движение еще в 1884 г. и была привлечена по делу революционной пропаганды среди военных, по известному делу мичмана Н. Шелгунова.

Кружки эти, как теперь известно, находились в связи с партией «русских социал-демократов» («Благоевская группа»)[1]. Что это были за связи, пока, до специального исследования по этому вопросу, трудно сказать, но несомненно, что члены Благоевской группы, как, например, Шатько и другие, не только имели связи с военной группой, но и пытались пропагандировать там свою программу[2]. Программа самой военной группы представляет тоже в некоторых отношениях замечательный документ. Не подлежит сомнению, что программа эта испытала на себе влияние благоевцев. Однако, как ни интересен сам по себе вопрос о характере этих кружков, в данный момент важно отметить одно: связь Н. Слепцовой, хотя и отдаленную, с первой социал-демократической группой. Неизвестно, была ли уже в России Слепцова социал-демократкой, но в 1887 г. в Цюрихе мы ее застаем в группе социал-демократической молодежи. Там она и встретилась с Соловейчиком и стала его женой (1887 г.).

---

[1] «Еженедельные Записки» Ист.-Рев. Арх. 1887 г. 16—23 февраля и 1886 г. 4—11 августа.

[2] «Еженедельные Записки» за 1887 г., см. показания Григорова и Шейдевандта и 4-е дел-ство, № 47, т. IV, 1889 г., лл. 154—157.

Рафаил Соломонович Соловейчик был сын купца первой гильдии, довольно состоятельного, занимавшегося поставкой дров в армию в Гродненской губернии. Окончив реальное училище в Москве в 1884 г., в августе этого же года Соловейчик уехал учиться в Цюрих, где и поступил в политехникум. В 1888 г. окончил его и в конце этого же года возвратился в Россию [1].

В это время в Цюрихе собралось довольно значительное число эмигрантов и учащейся молодежи. Здесь, между прочим, жили: П. Б. Аксельрод, Исаак Ефрон, Комаров (Говорухин), Исаак Бринштейн (Дембо), София Гинзбург.

До 1887 г. (судя по показаниям многих молодых людей, привлеченных по делу Дембо) [2] вся эта молодежь об'единялась в одном фаланстере, носившем название «Славия»; это была читальня, образованная еще в 70-х годах. Каждый русский или вообще славянин, внеся 1½ франка в месяц, мог быть членом этой читальни. Кроме того, была там и кухмистерская и, наконец, «Славянский социал-демократический клуб» (в 1887 г. председателем был Френкель).

Библиотека заключала в себе до 400 томов книг, почти все известные русские и иностранные газеты также получались читальней.

В 1887 г. все эти организации слились и образовали одну, об'единявшую всех живущих в Цюрихе эмигрантов и учащихся [3].

Учащаяся молодежь жила весело и шумно: устраивались вечера с чтением рефератов и докладов, организовывались балы с целью сбора денег как в пользу революционеров, так и в пользу своей организации, велись споры на злободневные темы. Все это молодежи не мешало учиться и самоопределяться в политическом отношении.

В 1887 г. мы здесь находим среди молодежи уже резкие и определенные группировки на народовольцев и «освобожденцев», т.-е. сторонников группы «Освобождение Труда».

В группу «освожденцев» входили, между прочим, следующие лица: Израиль Гельфонд, Рафаил Соловейчик, Надежда Слепцова, Димитрий Матвеев, М. Коников, Георгий Пасанник, Мария Гинзбург, Перес, А. Попов, Гавриил Кафьянц, Григорий Гуковский, Елизавета Лурье, Вера Козакевич, Израиль Рубинштейн, Бишлер,

---

[1] Ист.-Рев. Архив, 4-е дел-ство, № 60, 1889 г. и 3-е дел-ство, № 2, ч. 2-я, 1890 г. По бум. розыскн. сод.

[2] Ист.-Рев. Арх., 3-е дел-ство, № 47, т. III, 1889 г., и 4-е дел-ство, 127, 1889 г.

[3] Ист.-Рев. Арх., 4-е дел-ство, № 127, 1889 г. «О сыновьях д. с. с. Болеславе и Витольде Рымашевских», л. 22.

Матис, Давид Барад, Вера Розенштейн, Гросман, Борис Кричевский, Каэтан Добкевич, Леон Селитренный, дев. Вейнтрауб, Шлиома Франфурт [1] (10). Позже, с конца 80-х годов, в цюрихской группе принимает участие Яков Кальмансон, игравший роль в начале 90-х годов в «Обществе борьбы с голодом».

Жил здесь недолго и Порфирий Инфантьев [2] (благоевец).

Многие из перечисленных молодых людей прошли уже первоначальную революционную школу в России. Так, Порфирий Инфантьев имел несомненное касательство к группе Благоева; он окончил Троицкую гимназию и, еще будучи в Троицке, был распропагандирован учителем Голубевым. Поступив в Петербургский университет, он жил в Петербурге с 1884 по 1885 г. и вращался среди своих земляков троичан-благоевцев. В 1885 г. уехал в Женеву и бывал в Цюрихе.

То же самое можно сказать и о Дмитрии Матвееве: от тоже из того же троицкого кружка. А Инфантьев, как это доказано тов. Н. Л. Сергиевским, и устраивал транспорт литературы для благоевцев.

Точно так же и Соловейчик, несомненно, приезжал в Россию, встречался с российскими социал-демократами, именно с теми из них, которые работали в Вильне, Минске и Киеве (кружок Абрамовича) [3].

Вся эта молодежь искала за границей не только руководства со стороны таких ветеранов революции, как Плеханов, но домогалась и определенного участия в практических делах.

Трудно теперь судить, по каким поводам возник конфликт между группой и молодежью, но, повидимому, главной причиной являлась оторванность группы от развертывающегося в России движения. Д. Б. Рязанов говорит по этому поводу следующее: «Молодые» товарищи требовали для себя известных прав как в области организационной, так и в области литературно-издательской. Насколько мне известно из рассказов, «молодые» требовали, чтобы литературе для рабочих отводилось и больше средств, и больше места среди изданий группы «Освобождение Труда». Организация первого русского «Социал-демократического Союза» не-

[1] Группа народовольцев была тоже довольно многочисленна. В нее, например, входили: Дембо, Рудевич, Мандельштам, Борис Рейнштейн, Людвиг Нагель, Бек, Софья Шенцис, Филиппео, Левентис, Шефтель, Варнеховский и др.—См. 4-е дел-ство, № 127, 1889 г., Ист.-Рев. Арх., лл. 37 и 38.

[2] Ист.-Рев. Арх., 4-е дел-ство, № 225, 1889 г. «О бывшем студ. С.-Петерб. унив. Порфирии Инфантьеве», а также д. 47, т. I и II, 1889 г.

[3] Ист.-Рев. Арх., 4-е дел-ство, № 97, 1889 г. «О киевском и нежинском революционных кружках». О Матвееве - 3-е дел-ство, № 1052, 1892 г.

сомненно явилась уступкой требованиям «молодых» [1]. По словам опять же Д. Б. Рязанова, «к первой оппозиции принадлежал и Парвус, приехавший в Швейцарию еще осенью 1887 года и принявший после очень деятельное участие в дискуссии 1888 года».

Что все это действительно так, видно из документов [2]. Как раз в 1888 году в Цюрихе и происходили страстные дискуссии «стариков» с «молодыми». С рефератом выступал сам Плеханов, ему возражали, кроме Парвуса, Рафаил Соловейчик и Надежда Слепцова. К сожалению, о содержании и характере этих дискуссий в документах никаких следов не осталось. Молодые, однако, не ограничивались одними возражениями «старикам», они сами выступали с докладами и планами действий. К сожалению, и об этих планах и о характере докладов судить тоже не представляется возможным. Есть, однако, указания, что «молодые» предлагали именно те поправки к деятельности группы, о которых говорит Рязанов, хотя из названия доклада, читанного Соловейчиком, этого не видно: Соловейчик читал, как раз в 1888 году, доклад на тему «Фабричное производство в России». В той дискуссии, которая возникла между «молодыми» и «старыми», принял участие довольно обширный круг народа, и в результате обсуждения, по предложению народовольцев Дембо, Рудевича, Гнатовского и Говорухина, в цюрихской колонии решено было образовать «социалистический литературный фонд» [3], как раз для издания популярной социалистической литературы. Сначала, до сентября 1888 г., во главе редакции стоял П. Л. Лавров, он же считался и кассиром, и все деньги, собранные в Цюрихе, отправлялись ему. Но в сентябре 1888 года под напором «освобожденцев» фонд разделился: деньги для этого фонда собирались со всей колонии, и «освобожденцы» потребовали своего участия в этом деле. По этому вопросу происходили очень бурные собрания цюрихской колонии; «освобожденцы» сначала требовали, чтобы в редакции был не только Лавров, но и Плеханов; когда же народовольцы отказались, то прения на одном из собраний приняли такой бурный характер, что молодой «освобожденец» Григорий Гуковский нанес оскорбление действием председателю собрания [4] народовольцу Ясинскому. После этого «социалистический литературный

---

[1] «Под знаменем марксизма», 1923 г., № 11—12. Д. Рязанов. Вступительные замечания к письмам Г. В. Плеханова и Фр. Энгельса.

[2] Ист.-Рев. Арх., указанное выше дело, 4-е дел-ство, № 127, 1889 г., л. 59, и 4-е дел-ство, № 47, т. II, л. 213, 1889 г.

[3] Ист.-Рев. Арх., 4-е дел-ство, № 47, т. V. Здесь показания Григория Гуковского.

[4] Указанное выше дело. Ист-Рев. Арх., 4-е дел-ство, № 47, т. V, лл. 56—57, 1889 г., и 4-е дел-ство, № 47, т. IV, лл. 154—157, 1889 г.

фонд» был разделен на две части: народовольческую и освобожденческую.

Как видно из документов, на собраниях этого «фонда» обсуждались вопросы, что необходимо издать или напечатать и кому поручить выполнение той или другой работы [1].

Несмотря на скудость данных, стало-быть, можно все-таки установить, что именно под давлением «молодых» группа пошла на уступки и намеревалась свою издательскую деятельность приблизить к российской действительности. Выгоды от этого получались обоюдные: русские кружки должны были получить популярную литературу, а группа—связи с этими кружками. Второе из последствий протеста «оппозиции» стало выполняться немедленно. Уезжавшие в Россию товарищи брали с собой адреса для переписки с группой, литературу, и по приезде в Россию, обогащенные теоретически, пропагандировали идеи группы и связывали ее с Россией. Примером такой связи может служить та связь, которую завязал Соловейчик.

Забрав с собой адреса и небольшое количество литературы, Соловейчик в конце 1888 г., окончив политехникум, возвратился в Россию прямо в Гродно к своему отцу. Там он стал налаживать «границу», т.-е. переправу литературы в Россию, а, быть может, просто воспользовался готовой уже границей. Во всяком случае, в дело он ввел не только чужих, но и близких ему людей. У отца Соловейчика служил приказчиком некий Шлема Клейнборт. По роду своей службы он должен был раз'езжать по всей губернии и, конечно, бывал на границе. Его-то и избрал в качестве передаточной инстанции Соловейчик. Клейнборт должен был войти в сношения с И. П. Кравцом, служившим в качестве письмоносца в пограничном местечке Гониондзах. (Оригинальный заработок в еврейском местечке: Кравец давал свой адрес для писем евреям, уезжавшим в эмиграцию и вообще за границу, получал от них письма к их родным и по соглашению с ними за небольшую плату доставлял письма на дом.) Брат этого И. П. Кравца, Абрам Я. Кравец, давно уже учился за границей и жил в Париже, Цюрихе и Берне. И. П. Кравец имел хорошие связи с контрабандистами. К одному из таких контрабандистов он и обратился. Это был некий Исер Зелькер.

Зелькер, получивши транспорт литературы, доставил его Кравцу, Кравец переправил его Клейнборту на ст. Соколку С.-Петербургско-Варшавской дороги, а этот последний отправил литературу уже просто посылкой на имя Исаака Гинзбурга, родствен-

[1] Ист.-Рев. Арх., 4-е дел-ство, № 47, т. II, л. 213, 1889 г.

ника Соловейчика (двоюродного брата), жившего в Киеве. Одну из таких посылок, весом около пуда, Соловейчик получил благополучно и своевременно ее передал в кружок Абрамовича. На другом же транспорте он провалился вследствие того, что жандармы перлюстрировали его переписку с Клейнбортом [1]. Ко времени прихода второго транспорта Соловейчик уже завел хорошие связи с Минском, Одессой и Херсоном, сам побывавши в этих местах. Под видом поисков места (да он, действительно, как раз подыскивал себе службу) Соловейчик и поехал в эти города. В Одессе он связался с Григорьем Александровичем Файнштейном (учился в Цюрихе, в июле 1888 г. возвратился в Россию и отбывал воинскую повинность в Одессе в Модлинском полку), а в Херсоне с некиим Барским, который дал адрес для получения литературы на имя Каневского, жившего на водочном складе Левита [2].

Получивши благополучно первый транспорт в начале 1889 г., Соловейчик, ожидая второго, давал письменные инструкции Клейнборту, как человеку в высшей степени благонадежному в глазах полиции. Но беда уже стерегла несчастного Соловейчика: жандармы со злорадством читали его переписку с Надеждой Слепцовой и, пользуясь этим, получили возможность взять под наблюдение переписку всей цюрихской колонии с Россией.

Дав возможность созреть плоду, они арестовали и Соловейчика и всех прикосновенных к этому делу лиц: Клейнборта, Файнштейна, И. Кравца, Каневского, Бродского, а затем, установивши связи Соловейчика, и множество других лиц.

Во время обыска у Соловейчика (31 марта 1889 г.) жандармы нашли: «Манифест коммунистической партии» К. Маркса, 3 экземпляра; «Кто чем живет», 4 экземпляра; «Чего хотят социал-демократы», 3 экземпляра; «Социал-Демократ», 1 экземпляр; «Социализм и политическая борьба», 3 экземпляра; «Наши разногласия», 1 экземпляр; «Речь о свободе торговли» К. Маркса, 1 экземпляр; «Рабочее движение и социал-демократия», 1 экземпляр; «Фердинанд Лассаль, его жизнь и деятельность» Плеханова, 1 экземпляр; «Развитие научного социализма» Ф. Энгельса, 1 экземпляр; «Программа работников» Ф. Лассаля, 1 экземпляр; «Нищета философии» К. Маркса, 1 экземпляр, и его же «Наемный труд и капитал». Все это было оставлено Соловейчиком для своего собственного обихода в своей работе, так как он и сам, несомненно,

[1] Ист.-Рев. Арх., 4-е дел-ство, № 60, 1889 г. «О купеческом сыне Р. Соловейчике и др.».

[2] Ист.-Рев. Арх., 3-е дел-ство, № 446, 1888 г. «Об устройстве строго негласного наблюдения за деятельностью проживающего в Херсоне Файнштейна».

думал заняться практической пропагандистской деятельностью среди пролетариата.

Соловейчик сидел в тюрьме, а жандармы, пользуясь взятыми связями и адресами, читали трогательные письма Н. Слепцовой, обеспокоенной долгим молчанием Соловейчика. Трогательной лаской, нежностью и тоской недобрых предчувствий веет от отрывков писем бедной эмигрантки, которая то мечтает, что ее «милый», наконец, устроится на заводе и они вместе будут работать среди пролетариата, то, чуя своим любящим сердцем недоброе, заявляет, что в случае беды она поїдет за ним в далекие края ссылки, то просто после деловых строк напоминает ему: «не забывай и люби».

А жандармы, читая эти интимные излияния молодой пылкої любви, ухмылялись и наматывали клубок бесконечных имен, кличек и связей... пока, наконец, перепутавши все партии и направления, а, может быть, и преднамеренно, связали дело Соловейчика с делом Дембо о взрыве в Цюрихе.

Соловейчик ничего не знал, как вдруг его, Файнштейна, Кравца, Исаака Гинзбурга и даже несчастного Клейнборта срочно телеграммої департамента полиции вытребовали в Петербург и посадили в Трубецкой бастион.

Заодно они привлекли к делу и множество постороннего народа, не имевшего к делу Соловейчика никакого отношения или имевшего отдаленную связь по сношению Соловейчика с кружком Абрамовича. Так как Соловейчик жил в Цюрихе и, естественно, был знаком не только с «освобожденцами», но и с народовольцами, то его и приплели к делу Дембо.

По делу Соловейчика непосредственно пострадали: Соловейчик, Иосель Дуговский, Григ. Файнштейн, И. Кравец, Г. Каневский, Ш. Клейнборт, И. Гинзбург, Гр. Кушнерев (служащий Юго-Зап., ж. д., его одесский адрес нашли у Соловейчика), Г. Кравец и Е. Каган. Двое последних отделались тюрьмой, так как абсолютно никакого отношения к делу не имели, остальные поплатились жестоко: Файнштейн получил 3½ года одиночного заключения в «Крестах», Г. Каневский, И. Кравец, Ш. Клейнборт и И. Гинзбург по 6 месяцев и Гр. Кушнерев 4 м.

Дело о Слепцовой, А. Кравце, Барском и некоем Левкесе пришлось приостановить, как о находящихся за границей, точно так же, как и о И. Зелькере, который немедленно, узнавши об аресте Клейнборта и И. Кравца, бежал в Америку [1].

---

[1] О Соловейчике и о связях его с Одессой и Херсоном и другими городами см. Ист.-Рев. Архив, 7-е дел-ство, № 167, 1889 г., 3-е дел-ство, № 446, 1888 г., 3-е дел-ство, № 392, 1889 г., 3-е дел-ство, № 1058—269, 1890 г., и 3-е дел-ство, № 995—280, 1890 г.

Соловейчик получил тоже 3½ года «Крестов», но жандармы так взялись за него, что уже в Трубецком бастионе он безнадежно душевно заболел. В его деле имеются отчеты врача бастиона Вильямса о ходе его болезни. Читая эти исполненные цинизма издевательства над больной человеческой душой и вспоминая, что в то же самое время другая тоскующая душа не знает, что ее полные тоски и любви послания попадают не в руки любимого человека, а в руки палачей, проникаешься даже теперь жгучей ненавистью к этим решеткам, затворам и камерам и к этим палачам царского режима.

Соловейчика вскоре перевели в больницу Николая чудотворца для душевно-больных. По отбытии наказания Соловейчик покончил с собой.

Что касается Слепцовой, то, узнав об участи мужа, она выжидала окончания его дела, а когда дело повернулось так трагически, что она ничем помочь не могла, она конечно осталась за границей.

В связи с делом Соловейчика выясняется, что не только в Цюрихе, но и в других городах Западной Европы молодые эмигранты к концу 90-х годов стали образовывать кружки сочувствующих или сторонников группы «О. Т.». Был такой кружок, повидимому, в Берлине. По крайней мере, Григорий Гуковский, освобожденец, также привлеченный и по делу Соловейчика и по делу Дембо, говорит в своих показаниях о своих связях с немецкими берлинскими рабочими, среди которых он жил, работал и собирал деньги в пользу группы «О. Т.», и рассказывает о своей солидарности с программой группы «О. Т.». Имел Гр. Гуковский связи с Аксельродом. Судя по тому, что, будучи еще в Цюрихе, откуда он и переехал в Берлин, Гуковский принадлежал к группе Соловейчика, он и в Берлине тоже развивал свои оппозиционные взгляды [1].

Более или менее подробных и полных сведений об этих группах за период конца 80-х годов за границей мы, к сожалению, не имеем.

Несомненно однако одно,—именно, что к концу 80-х годов престиж группы за границей стоял уже очень высоко: заграничные социал-демократы считают ее представительницей русского рабочего движения, и как таковая она в лице Г. В. Плеханова и была представлена на Международном Конгрессе в Париже в 1889 г.; в 1891 году группа ограничилась представлением только печатного доклада конгрессу (в Брюсселе) от «Литературно-поли-

[1] О Г. Гуковском см. Ист.-Рев. Арх., 4-е дел-ство, № 47, тт. IV и V, 1889 г.

тического обозрения «Социл-демократ», так как никаких полномочий от русских организаций группа не получила,—отсутствие связей с Россией давало себя чувствовать (11).

VII

Следующим конфликтом Плеханова с группой «молодых» было столкновение с Тышко-Грозовским и Розой Люксембург.

Здесь причины конфликта для нас уже более ясны. Д. Б. Рязанов указывает, что на почве практической это было отсутствие у группы популярной социал-демократической литературы, за издание которой энергично и взялись «молодые» под фирмой «Социал-демократической библиотеки» и с помощью «Русского Социал-демократического Союза». На почве же принципиальной яблоком раздора послужили более сложные вопросы.

Первым вопросом был вопрос о роли буржуазии и, в частности, буржуазной интеллигенции в предстоящем перевороте. Организуя зимой 1891—92 гг. в Цюрихе «Общество борьбы с голодом», группа высказала взгляды, недружелюбно встреченные соц.-дем. в России (12). Особенно резко высказался по этому вопросу Плеханов во время большого голода в России в 1892 г. в своей брошюре «Всероссийское разорение». Здесь, в конце книжки [1] Плеханов, выдвинувши три практических требования: 1) «немедленно найти средства» для продовольствия голодающих крестьян и безработных пролетариев, 2) «помочь русскому крестьянству восстановить свое земледельческое хозяйство»... и 3) «сверху донизу переделать нашу финансовую систему», предлагал для осуществления этих мер об'единиться всем «честным русским людям». Именно он говорил, что должны «все честные русские люди, которые, не принадлежа к миру дельцов, кулаков и русских чиновников, не ищут своей личной пользы в бедствиях народа, немеделенно начать агитацию в пользу созвания Земского Сбора, долженствующего сыграть роль учредительного собрания, т.-е. положить основы нового общественного порядка в России».

Как известно, эти мысли Плеханова были встречены неодобрительно в среде российских социал-демократов [2]. Ему пришлось даже раз'яснять во второй работе по поводу голода («О задачах социалистов в борьбе с голодом в России»), что совершенно напрасно некоторые русские товарищи в указанных нами выше

[1] «Всероссийское разорение». Женевское изд. 1892 г., стр. 36 и 37.

[2] См., например, М. Л я д о в. История русской социал-демократии. СПБ. 1906 г.

местах его «Всероссийского разорения» увидели «мысль об отказе от классовой борьбы» и от социализма в сторону чистой политики [1].

Плеханов подробно раз'яснял, как нужно понимать его обращение ко «всем честным русским людям». Но как бы он ни об'яснял это обращение, нужно сказать, что у русских товарищей было и без «Всероссийского разорения» много поводов, чтобы выяснить вопрос, как же относится группа «О. Т.» ко «всем честным русским людям».

Если обратиться к ближайшему сотруднику Плеханова П. Б. Аксельроду, эволюцию которого мы проследили до окончательного сформирования группы «О. Т.», то и в его работах 80-х и даже 90-х годов вопрос об отношении «ко всем честным русским людям» трактуется еще более неправильно, чем у Плеханова во «Всероссийском разорении». В своей брошюре «Рабочее движение и социальная демократия», изданной в Женеве в 1885 году, стало-быть, уже тогда, когда группа «О. Т.» окончательно отмежевалась от народовольцев, в предисловии Аксельрод, говоря о необходимости приступить к организации рабочей партии, между прочим, высказывает следующие мысли:

«Искренние друзья народной самодеятельности из высших и средних классов не замедлят, без сомнения, поддержать усилия рабочей интеллигенции на этом пути.

Чем энергичнее она будет преследовать эту цель, чем смелее и неустаннее она будет стремиться к достижению ее, тем больше будет расти число революционеров из так называемой у нас интеллигенции, которые почтут за честь состоять членами рабочих кружков и действовать ради них и от их имени. Несомненным последствием деятельности рабочей интеллигенции будет в конце концов то, что все искренние и сознательные социалисты, какого бы звания и происхождения они ни были, войдут в общий рабочий союз; вместо теперешних революционных кружков, из которых каждый действует за народ и от имени народа, образуется о д н а с о ц и а л и с т и ч е с к а я р а б о ч а я партия, в состав которой будут входить, как теперь в Германии, все действительные друзья трудящихся классов населения» [2].

Нечего, кажется, раз'яснять, что мечта Аксельрода о помощи друзей «из высших классов» пролетариату в деле образования рабочей партии была остатком его народнических утопических верований; нечего также говорить, что другой народнический пережиток—мысль о создании такой одной социалистической ра-

[1] См. стр. 74 «Писем», Женевское изд. 1892 г.
[2] «Рабочее движение и социальная демократия». Женева, 1885, стр. XV.

бочей партии, которая составилась бы из всех революционных кружков России и в которую вошли бы «все друзья трудящихся классов», эта мысль, несмотря на то, что уже в первой половине 90-х годов жизнь разбила иллюзии Аксельрода (было несколько «социалистических» партий и даже у пролетариата их было две: меньшевики и большевики), остается в произведениях Аксельрода и позже. Так, в статье «Задачи рабочей интеллигенции в России», напечатанной в единственном номере «Социалиста» и изданной отдельным оттиском в Женеве в 1889 г., Аксельрод, толкуя все о том же вопросе, необходимости создания рабочей партии в России, между прочим, делая ссылку на свою брошюру 1885 г., из которой мы только-что привели здесь цитату, говорит: «В последнее время наша революционная молодежь начинает сознавать, что одних только собственных сил ее далеко не достаточно для сколько-нибудь успешной борьбы с правительством. Многие или по крайней мере некоторые из ее представителей поняли, что для обеспечения успеха этой борьбы необходимо заручиться деятельным сочувствием и серьезною поддержкою со стороны фабричных рабочих. Пусть же развитые представители последних спешат воспользоваться этим настроением революционной интеллигенции для создания, при ее помощи и совместно с нею, самостоятельного рабочего движения в России. И чем энергичнее и упорнее будут они преследовать свою цель, тем скорее теперешнее, далеко не лестное, мнение образованных людей о наших рабочих уступит место сочувствию и уважению к ним. Вместе с увеличением рабочих кружков и об'единением их в один союз, будет расти и готовность революционеров из других классов не только помогать делу этих кружков, но и вступить в них членами. Окончательным последствием деятельности нашей рабочей интеллигенции по указанному пути будет то, что все искренние и сознательные социалисты-революционеры, какого бы звания и происхождения они ни были, войдут в общий рабочий союз; вместо теперешних революционных кружков, из которых каждый действует за народ и от имени народа, образуется одна социалистическая рабочая партия, в состав которой будут входить все действительные друзья трудящихся классов населения» [1].

Как видим, если даже оставить в стороне народническую терминологию Аксельрода («социалисты-революционеры») [2], в са-

---

[1] «Задачи рабочей интеллигенции в России». Женева, 1889 г., стр. 16. Конец цитаты взят Аксельродом из «Рабоч. движ. и соц.-дем.».

[2] Нельзя смешивать этот термин с тем названием, которое носила партия Чернова: «социалистами-революционерами» назывались социалисты всех партий в 80-е годы.

мой постановке и разрешении вопроса и здесь остается все тот же старый народнический утопический дух: из всех революционных кружков и всех друзей трудящихся классов, по мнению Аксельрода, составится единая рабочая партия России.

И это не случайность. Эта мысль останется вообще присущей Аксельроду и впоследствии. Он ее развивает и в 1896 г. в своем послесловии к брошюре «Об агитации», он также высказывается и в работе «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» в 1898 г., он, как известно, на втором с'езде солидаризировался с резолюцией об отношении к либеральной буржуазии, расходившейся с мнением Ленина и Плеханова.

В указанном послесловии к брошюре «Об агитации» он в заключение говорит: «... Одной из важнейших задач русской социал-демократии является приобретение пролетариату союзников и симпатий в среде всех слоев населения и их идеологических представителей, которые терпят от общественно-политического строя современной России и заинтересованы в ее прогрессивном движении. Эта задача является одним из важнейших моментов, которыми должна определяться тактика русских социал-демократов, потому что игнорирование ее может повлечь за собой, если не истощение сил движения, то крайнее замедление их роста и развития. Развившаяся же в 80-х годах привычка относиться, как к историческим quantités négligeables, ко всем явлениям русской жизни, непосредственно не входящим в круг взаимных отношений капиталистов и рабочих,—эта привычка заключает в себе обратную тенденцию: тенденцию к политическому изолированию нашего пролетариата»[1]. Это учение Аксельрода об «изоляции» пролетариата в случае пренебрежения им движения буржуазии против самодержавия по сути дела есть то же самое учение о рабочей партии из всех друзей трудящихся классов, но только в замаскированной форме.

В брошюре «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» Аксельрод, истолковывая программу группы «Освобождение Труда», совершенно справедливо указывает, что и в этой программе основатели группы придавали огромное значение роли пролетариата, как руководителя всех слоев населения, враждебных самодержавию. Совершенно правильно толкуя первую программу группы, Аксельрод и здесь продолжает развивать старые мысли о привлечении социал-демократией «всех истинных друзей прогресса в России, как бы отрицательно они

---

[1] «Об агитации» с послесловием П. Аксельрода, 1896 г., стр. 43.

ни относились к теориям и окончательным целям социальной демократии [1].

Это обстоятельство тем важнее, что вместе с тем в группе царило единодушное мнение насчет того, что в России и социал-демократии-то никакой не существует. По крайней мере еще в третьей книжке «Социал-демократа», стало-быть, в 1890 г., Плеханов заявлял: «мы погрешили бы против истины, если бы сказали, что последователей Маркса и Энгельса много даже у нас в России. Нет, у нас только еще началось распространение марксизма. В России есть ученые, понимающие теоретическое значение научного социализма; но почти нет марксистов-агитаторов, нет людей, посвятивших свои силы практическому делу организации политического просвещения пролетариата» [2] (13). Это, конечно, неверно. Именно ученых, теоретиков-марксистов, в России было очень мало: только-что выступал со своими статьями П. Н. Скворцов, только-что развивался безвременно погибший Н. Е. Федосеев, еще только формировали свое мировоззрение Ленин и Мартов. Зато марксистов-агитаторов, достаточно усвоивших учение Маркса, чтобы приняться за практическую работу, и принявшихся за нее, было уж не так мало. Достаточно указать на «партию русских социал-демократов» в Петербурге, действовавшую еще в 80-е годы, на кружок Точисского там же, на брусневцев в Петербурге, в Москве, Туле, Харькове, на Абрамовича в Киеве еще в 1889 г., на Соловейчика, на Рязанова в Одессе, наконец, на нарождавшиеся группы в других городах, например, в Пензе, как станет очевидным, что приведенное мнение проистекало оттого, что группа «Освобождение Труда» просто растеряла свои связи с Россией после ареста своего незаменимого практика-организатора Л. Г. Дейча и до самого конца 80-х годов или, вернее, до начала 90-х годов новых связей не установила.

Связи эти появились только тогда, когда представители русских социал-демократических организаций, выросших отчасти независимо от влияния группы, явились за границу. Тут и произошел конфликт: группа попрежнему думала, что этих представителей нужно учить азбуке, а они требовали чего-то большего, ибо они часто самостоятельно выучивались этой азбуке. Можно на это сказать: они плохо усвоили эту азбуку, и их нужно было переучивать. Бывало и это. Но, во-первых, и сама группа не сразу отшлифовала свою теорию: ведь между первой программой груп-

[1] «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева, издание «Союза русских соц.-дем.», 1898 г., стр. 13.

[2] «Социал-демократ», № 3, Женева, 1890 г., стр. 98.

ы и программой 1887 г., как это указывал еще Д. Б. Рязанов [1], большая разница; а, во-вторых, ведь и на то, что сама группа впадала в противоречия, указывали те же русские социал-демократы. Взять хотя бы лассальянскую программу «партии русских социал-демократов» (группы Благоева): разве благоевцы при всех своих теоретических погрешностях не кивали головой на признание группой террора в первой программе и разве лассальянские ассоциации не были общи и первой программе группы и программе благоевцев?

Взгляды Аксельрода на процесс формирования партии, разве это не были грехи все против той же теории Маркса и нет ли сходства во взглядах Аксельрода на роль буржуазии в революции с некоторыми взглядами позднейших «экономистов» по этому вопросу? Дело, значит, здесь не в теории,—авторитета Плеханова и вообще всей группы вплоть до возникновения рабочедельчества и рабочемысленства среди русских социал-демократов никто и не оспаривал. Дело в том, что наехавшие из России социал-демократы, хотя и не прочь были, по крайней мере некоторые из них, переучиться, требовали, кроме того, и признания и за ними, практиками, некоторого значения в общем деле. Только-что сказанное относится к тем первым конфликтам, которые происходили до конфликта с экономизмом, конфликта, выросшего из другой почвы, чем конфликты 80-х и начала 90-х годов.

Как бы то ни было, Тышко и Роза Люксембург в вопросе об издательстве группы были на стороне «молодых», и это, конечно, поставило их сразу во враждебные отношения к Плеханову. Дело осложнилось еще отношением Плеханова к польским социалистам. Как рассказывает тов. Мархлевский [2], и это подтверждается историческими документами, Роза Люксембург первая показала буржуазный характер P. P. S. и ее программы. Плеханов же тогда поддерживал (на Цюрихском конгрессе) P. P. S. Таким образом, стремление энергичного Грозовского вместе с Б. Кричевским начать издание популярной социал-демократической литературы, в которой так нуждались в России, осложнилось вопросом о представительстве Розы Люксембург на конгрессе от Польши: разлад между Тышко и Плехановым сыграл решающую роль, и мандат Р. Люксембург не был признан [3].

[1] Д. Рязанов. Материалы для выработки парт. программы. Тт. I и II, изд. группы «Борьба», Женева, 1903 г.

[2] Ю. Мархлевский. Письма Р. Люксембург и Л. Иогихеса. «Ком. Интернационал», № 3.

[3] См. Д. Рязанов. Под Знаменем Марксизма», 1923 г., кн. № 11—12.

Разлад этот, впрочем, не помешал «молодым» развить довольно большую издательскую деятельность. Они издали за пять лет следующую литературу: «Первое мая 1892 г.»—четыре речи с предисловием Б. Кричевского; Б. Кричевский. «Борьба английских рабочих за свободу» и «Как бельгийские рабочие боролись за свободу»; К. Маркс. «Наемный труд и капитал» (пер. Б. Кричевского) и его же перевод «18-е брюмера Луи Бонапарта»; К. Каутский. «Основные положения с.-д.» («Эрфуртская программа», перевод и предисловие Б. Кричевского); издания группы «Популярной библиотеки»: «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Рабочая революция», «Международный конгресс», «Как министр заботится о рабочих», два издания, «Что сделали русские цари для народа», «Рабочий день»; Н. Ленин. «Об'яснение закона о штрафах», «Десятилетие Морозовской стачки», с послесловием В. Засулич, «С.-Петербургский рабочий листок № 2». (В этом списке нет полемической литературы, которая относится уже к периоду борьбы «экономистов» с группой «Освобождение Труда».)

Группой за этот период было издано гораздо больше всякого рода литературы, но это произошло опять-таки под давлением тех «молодых», которые требовали более интенсивной работы в этом направлении, дали группе связи с Россией и наполнили издания группы свежим жизненным материалом.

В 1893 г. в издании «Русского Социал-демократического Союза» вышли: П. Аксельрод. «Задачи рабочей интеллигенции в России» и Г. Плеханов. «О социальной демократии в России» (на польском языке); в 1894 г. вышел Фр. Энгельс: 1) ответ Ткачеву, 2) послесловие к нему (пер. В. Засулич и предисловие Г. Плеханова) и «Рабочий день» (переделка с польского), но это последнее издание была уже работа «молодых»: переделку сделал В. Курнатовский из брошюры С. Грабского, польского социал-демократа [1].

В начале 1895 г. был основан «Союз русских социал-демократов». Этим союзом, под редакцией группы «Освобождение Труда», были выпущены три двойных номера «Работника» (1—2, 3—4 и 5—6, вышли уже в мае 1899 г.), десять номеров «Листка Работника», брошюры Д. Кольцова (Гинзбурга): «Царское правительство и рабочие», «Машина» (обе статьи из «Работника»); Кольцова же две брошюры (первая из «Работника»): «Три закона» и «Закон 2-го июня 1897 г.»; Плеханова «Но-

---

[1] По свидетельству В. Перазича. По свидетельству тов. Ерманского переделку брошюры Грабского осуществили Ерманский и Курнатовский.

вый поход против русской социал-демократии»; Аксельрода «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» и «Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России»; Л. Мартова «Современная Россия»; Е. Кусковой и С. Прокоповича «Мартовская революция в Германии в 1848 г.»; Кусковой же «Стачка лжи»; С. Дикштейн «Кто чем живет», «Материалы для характеристики положения русской печати» (два выпуска), «Тайные документы к закону 2 июня» с предисловием, брошюра «Об агитации» с послесловием П. Аксельрода; Ф. Лассаль «О сущности конституции», прокламация о закрытии Вольно-Экономического общества («Простые меры русского правительства»); Н. Ленин «Задачи русских социал-демократов» и Г. Плеханов «В. Г. Белинский».

Здесь перечислена литература, вышедшая до «Работника» № 5—6, когда фактически группа «Освобождение Труда» устранилась от редакции изданий и когда конфликт между «экономистами» и группой обострился до крайности [1].

Под влиянием каких же причин группа «Освобождение Труда» должна была пойти на образование «Союза русских социал-демократов» в 1895 г.?

VIII

Мы видели, что конфликт группы и молодых, в лице Тышко и Р. Люксембург, не разрешил тех задач, которые встали перед русской социал-демократией во всей широте и глубине: обслуживание развивающегося массового движения, бурные проявления которого были не за горами.

Нужно было ожидать, что новые молодые силы должны притекать за границу все больше и больше и все теснее и теснее связывать русское социал-демократическое течение с группой «Освобождение Труда». Так это и было.

Русские социал-демократические кружки, начиная с конца 80-х годов, множились и развивались. Не связанные с заграницей русские социал-демократы хотя и с трудом, но очень часто самостоятельно вырабатывали свое миросозерцание. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, и хотя это не входит в задачу нашей статьи, однако, в связи с теми отношениями, которые завязывались между Россией и заграницей, необходимо сказать хотя бы несколько слов.

---

[1] См. Ю. Каменев. Указатель загр. соц.-демокр. изданий.

Социал-демократическое мировоззрение явно начинало охватывать не только революционные кружки Петербурга к концу 80-х годов, но и деятелей кружков провинциальных. Вот что, например, пишет один из прикосновенных к киевскому и нежинскому кружку Абрамовича: «Таким образом, отряхнув с себя пыль традиционного прошлого свободы, наш мужик, естественно, соприкоснулся в жизни не с юридической стороной ее, а с экономической; экономический принцип, как бы ни старались игнорировать его, делается преобладающим над всеми другими принципами народной жизни. Политика, наука, искусство, все нравственные и материальные силы человека так или иначе подчиняются ему. Он воодушевляет все лучшие предприятия нашего века, он дает цвет и направление историческим событиям; им же измеряется и сила, и слабость, и прогрессивность народов. Словом, эта, т.-е. экономическая, сторона народа всегда отделяется или выделяется из всех других сторон для развития формы и содержания» [1].

Это звучит не так-то уж хорошо по-марксистски, но само собой понятно, что автор за эзоповским языком скрыл то, что понятно всякому марксисту.

Самодержавие же само постаралось, чтобы эти первые русские социал-демократы, рассылаемые по разным городам, распространяли новое учение и находили себе новых учеников. В виде примера можно привести те связи, которые, например, существовали у Пензы, Саратова и Петербурга. В Пензе еще в конце 80-х годов жил один из первых участников благоевской группы, В. Благославов, и нет ничего удивительного в том, что в числе прочих и он оказал влияние на пензенскую молодежь. По крайней мере установлена связь его с Тепловым [2] и с Л. К. Агринской, тогда еще курсисткой в Петербурге. Агринская же в Петербурге вращалась в кружке молодежи, среди которой находились и многие, сделавшиеся впоследствии социал-демократами, например, З. П. Невзорова (Кржыжановская, член «С.-Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса»). В одном из своих писем к Агринской З. П. Невзорова спрашивает (от 9 января 1891 г.) Агринскую, где они, т.-е. тот кружок, в котором вращалась Агринская в Петербурге, собирается для чтения Маркса. В Пензе, как это видно из документов, существовали кружки самообразования и развития, где работал Благославов. Судя по тем же документам, такие же кружки существовали и в Саратове. Харак-

---

[1] Ист.-Рев. Арх. Указанное выше дело 4-го дел-ства, № 97, л. 133, 1889 г.

[2] Ист.-Рев. Арх., Особый отдел, № 232, 1900 г., «О сыне кр., б. студ. Н.-Александрийского инст. Павле Федорове Теплове».

теризуя пензенскую работу, В. Благославов говорит: «... Если кто л суетится, так одна молодежь, а взрослые (врачи, учителя et cet.) ымирают на все лады. Вот Саратов иная статья. Там наблюдаешь жизнь, серьезную жизнь разных поколений...».

Что это была за жизнь, мы подробно не знаем, но мы знаем, что Благославов был в первой группе социал-демократов в Петербурге, что и Агринская, связанная с ним, и ее муж Теплов сделались социал-демократами, что З. П. Невзорова была связана с пензяками («экономистами», как были они известны тогда; не следует смешивать с позднейшими «экономистами» конца 90-х годов), и что именно путем такой товарищеской связи и шло распространение социал-демократического учения в России, среди учащейся молодежи [1].

Как же вырабатывала эта молодежь свое мировоззрение? Если среди такой молодежи оказывались люди, подобные Благославову, как это было в Пензе, дело шло сравнительно легко. Если же близко не было подобных людей, как это случилось в Одессе с Д. Б. Рязановым, молодым людям приходилось работать самостоятельно. Вот что, например, рассказывает именно Рязанов о выработке своего миросозерцания на вопрос жандармов при допросе: «Когда впервые я познакомился с учением социалистов? В России или за границей? Через кого и каким путем в обоих случаях, и что побудило меня потом заняться этим учением настолько, что сделало меня научным социалистом? Познакомился впервые с социализмом в России из книги Чернышевского «Что делать?». Первые понятия об истории социалистических учений почерпнул из книги Д. Щеглова «История социальных систем»; мне тогда было 15 лет. От кого я получил ее, я об'яснить не могу. Следует припомнить время, в какое я воспитывался. Время это было время деятельности «Нар. Воли», когда революционные идеи слишком были распространены, и когда эти идеи, конечно, не могли не залетать в гимназии. В 1886 году я был уволен из пятого класса за неуспехи в греческом языке. Выйдя из гимназии, я не бросал занятий. Занимался я по истории политической экономии, отчасти по юриспруденции (специально изучением первобытных учреждений). Никто не руководил мной при выборе книг для чтения. Я наводил справки как в каталоге систематического чтения, изданном Распоповым, так и в других справочных изданиях. В 1889 г. я поехал за границу, где и продолжал изучать историю и политическую экономию, но уже пользовался литера-

---

[1] О В. Благославове и Л. К. Агринской—Ист.-Рев. Арх., 3-е дел-ство, № 937, 1891 г. «О дочери тит. сов. Л. К. Агринской».

турой и на иностранных языках (французском и немецком преимущественно). Тогда же я прочел сочинения Маркса и Энгельса. И за границей никто не руководил моим чтением» [1].

Современный молодой коммунист, знающий, что представляет из себя книга Д. Щеглова, из которой почерпал сведения ныне лучший знаток истории социализма Д. Б. Рязанов, давший уже несколько классических изданий Маркса и Энгельса к услугам нашей молодежи, современный счастливец, молодой коммунист, может сказать: вот и права была группа «Освобождение Труда», когда она не хотела прислушиваться к «молодым», изучавшим историю социализма по Щеглову. Дело, однако, в том, что такие молодые люди, как Рязанов, от Щеглова переходили, как видим, к изучению Маркса в подлиннике, а кроме того, ведь они приезжали за границу от настоящей живой работы среди рабочих, чего у группы «Освобождение Труда» не было. И прав, конечно, отчасти тот же Д. Б. Рязанов, когда он характеризует группу «Освобождение Труда» как «литературную фракцию» [2].

Да кроме того, если русские социал-демократы не могли еще в конце 80-х годов похвалиться выдержанностью своих воззрений, то ведь и за границей в то же время противоречия, которые замечались между первой и второй программой, поселяли значительную сумятицу в головах молодежи. Вот что, например, по этому поводу пишет какой-то социал-демократ из-за границы к поднадзорной Э. О. Гордон (от 23 августа 1887 г.) в Холмогоры: «...В настоящую минуту более всего здесь, за границей, как говорят в России, также заняты программными вопросами. Большинство, как мне известно, находит, что старая программа неудовлетворительна, и требует известных поправок. Существующая социально-демократическая программа также не считается удовлетворительною, и к ней относятся даже враждебно...» [3].

И за границей, стало быть, молодежь бродила ощупью и искала ответов на проклятые вопросы и не вся она шла за группой «Освобождение Труда». Это подтверждается и рассказом тов. Хинчука, рисующего положение дел бернской колонии в начале 90-х годов. «В Берне,—говорит он,—образовался кружок из 12—13 человек. В этот кружок вошли я, Шлихтер с женой, тогда еще Лувищук, и другие. Настроение было бодрое, боевое. Из это-

---

[1] См. приложение к работе Н. Л. Сергиевского. Ист.-Рев. Арх., 3-е дел-ство, № 937, 1891 г.

[2] Дело Одесского жанд. упр. № 160, 1891 г.; см. также прилож. к статье Н. Л. Сергиевского.

[3] Ист.-Рев. Арх., 4-е дел-ство, № 97, 1889 г.

кружка только я и Шлихтер с женой приняли точку зрения «Наших разногласий» или группы «Освобождение Труда» [1].

Но как бы то ни было, приток свежих сил из России влиял на группу. В первой половине 90-х годов за границей уже много молодых русских социал-демократов; кроме уже упомятутых Мячнчука, Шлихтера, Рязанова, необходимо назвать Кузнецова из Нижнего, Лейтайзена из Екатеринослава, В. Д. Перазича, В. Куриловского (правда, только переходившего на сторону социал-демократов), П. Ф. Теплова, Теслера и многих других.

В. Д. Перазич попал туда (в Вену) после отсидки в Крестах по харьковскому делу Ю. Д. Мельникова. По его словам, правильно организованной фракции до приезда Теплова в Вене не было. Отдельные социал-демократы (в частности и Перазич) связывались с немецкой социал-демократией, посещали рабочие собрания и, конечно, собирались вместе, спорили, читали рефераты, собирали деньги на революционные цели и в том числе и на группу «Освобождение Труда». Особенной энергией отличался в этом отношении сам Перазич.

Связи с группой «Освобождение Труда» у венских социал-демократов так же, как и у берлинских, были. В. Д. Перазич рассказывает [2], что ему пришлось даже сделать для Плеханова перевод нескольких глав из «Святого семейства» Маркса, ни одного экземпляра которого не мог нигде достать Плеханов, и редкий рукописный экземпляр которого Перазичу удалось получить у одного немца.

С приездом Теплова дело изменилось, и он очень быстро организовал среди венских социал-демократов из России кассу, большая часть средств которой шла на дела русской социал-демократии [3].

Теплов вообще играл большую роль в жизни заграничной социал-демократии и в том расколе, который потом разыгрался в конце 90-х годов между Плехановым и «экономистами», и потому хотя в данной статье вопроса об экономизме мы касаться не будем, скажем несколько слов об этой интересной фигуре нашего движения.

Павел Федорович Теплов родился в 1867 г. Учился он сначала в земской фельдшерской школе, затем в земледельческом училище и в Ново-Александрийском институте. Еще будучи в Пензе, в конце 80-х и начале 90-х годов он участвовал в пензенском кружке, несомненно социал-демократическом, известном под име-

---

[1] См. «Пролетарская Революция», № 7, 1922 г.
[2] Личное сообщение.
[3] См., например, Ист.-Рев. Арх., Особый отдел, № 304, 1898 г.

нем пензенских «экономистов». (Быть может, этот кружок носил тот характер переходного типа, каким отличались многие кружки этого периода [1].)

В кружке этом участвовали, кроме уже упомянутой Л. К. Агринской (впоследствии жены Теплова), еще следующие лица: ученицы пензенской губернской фельдшерской школы: Н. Ф. Абрамова, Е. Г. Сюзюмова и Л. М. Майорова, жена В. Благославова (тогда помощника секретаря пензенского окружного суда) О. П. Благославова, дочь нотариуса Анна Готовцева, ученик фельдшерской школы Леонид Сарычев и П. Ф. Теплов.

В 1891 г. Теплов уехал за границу и жил там, ведя деятельную работу как по самообразованию, так и по собиранию социал-демократических сил и по установлению связей с русскими социал-демократическими организациями.

Из его переписки с Л. К. Агринской [2] видно (об этом подробно рассказывается в работе Н. Л. Сергиевского), что он завязал связи с Петербургом, Пензой и другими городами (например, Москвой) и наладил дело доставки литературы в Россию.

На чьей стороне оказался Теплов, когда разыгрался конфликт между Плехановым и Грозовским, неизвестно, но вскоре после этого мы видим его с Б. Кричевским, с которым он потом работал вместе в «Рабочем Деле».

В начале же и в первой половине 90-х годов и петербургские социал-демократы связываются с группой «Освобождение Труда»,— П. А. Красиков, А. Н. Потресов и В. И. Ленин ездили за границу к Плеханову. Приток и воздействие таких молодых сил и заставляет группу «Освобождение Труда» созвать первый с'езд представителей заграничных групп социал-демократов, который и происходил в начале 1895 г., и где был основан «Союз русских социал-демократов».

Кто был представителем на этом с'езде, от каких групп и сколько было всех таких представителей, неизвестно. Есть туманные указания в жандармских архивах, но в виду невозможности проверить их, ничего положительного об этих данных сказать нельзя[3].

[1] Указ. выше дело, Особый отдел, № 232, 1900 г.

[2] Ист.-Рев. Арх., 3-е дел-ство, № 937, 1891 г. См. в приложении к работе Н. Л. Сергиевского переписку Теплова с Агринской.

[3] В деле Ист.-Рев. Арх., № 420, 3-е дел-ство, 1893 г., говорится, будто на этом с'езде были: от Цюриха—Теплов, Курнатовский, Каган, дев. Слепян, Шмулевич, Полиновский; из Карлсруэ—Петерс, Баранов и Юшлевич; из Мюнхена—Яновский и Планков. Трудно предположить, чтобы на таком с'езда не было представителя от группы «Освобождение Труда». Да, впрочем, и дата этого с'езда указана 8—11 августа?

Основанием «Союза русских социал-демократов» в начале 895 г. и заканчивается первый период истории группы «Освобождение Труда».

Подведем теперь итоги всему сказанному в нашей статье.

Революционное движение конца 70-х годов закончилось кризисом и расколом летом 1879 г. Происшедший раскол был неизбежным следствием развития тех общественных сил, которые выдвигались на политическую арену экономическим развитием страны. Крепнувшая буржуазия выделяла многочисленные слои радикальной мелкобуржуазной интеллигенции, которая уже более не могла мириться с самодержавием.

Попытки этой интеллигенции оформить свое классовое мировоззерцание вылились сначала в программах мелкобуржуазного утопического социализма и сполна отражали стихийное настроение многомиллионного крестьянства.

Дальнейшая капиталистическая эволюция разбила утопические иллюзии радикальной интеллигенции, а процесс, создавший пролетариат и пролетарское движение, создавал и условия, с одной стороны, для выработки теоретиков пролетарского социализма, а с другой—для создания героев и борцов за буржуазную конституцию под знаменем утопического социализма, радикалов в европейском смысле слова. Так произошла эволюция, смысл которой заключается в том, что одна часть революционной интеллигенции 70-х и 80-х годов эмансипировалась от мелкобуржуазного социализма в сторону либеральной буржуазии (зародыш у Присецкого, Якубовича, Корбы и т. п.), а другая—в сторону научного социализма Маркса и Энгельса (14).

Эта эмансипация началась у Плеханова еще в период распада «Земли и Воли» и закончилась решительно к 1882 г., у его товарищей примерно к тому же периоду.

Осенью 1883 г. начинает жить социал-демокр. организация—группа «Освобождение Труда»,—и закладывается первый теоретический фундамент рабочей партии и программы в России.

Господство реакции в России и развал «Народной Воли», потери, понесенные в связи в этим как группой, так и русскими революционными организациями, надолго, до конца 80-х годов, отрывают группу от создающихся в России социал-демократических организаций.

Первые русские социал-демократические организации отчасти вырастают из чернопередельческих рабочих кружков, отчасти самостоятельно, отчасти из народнических и народовольческих организаций [1].

[1] См. ниже вступительные замечания к «Зерну».

По мере роста рабочего движения и роста таких социал-демократических кружков в России усложняются задачи русских социал-демюкратов, и является потребность приблизить теоретическую работу к потребностям практики.

Между тем группа «Освобождение Труда» и за отсутствием связей с Россией и за отсутствием средств и сил не в состоянии удовлетворить этих запросов, этой потребности.

Приток свежих, молодых сил за границу в конце 80-х годов дает группе «Освобождение Труда» связи с русскими социал-демократическими кружками, а домогательство этих кружков принять участие в работе группы создает первый конфликт «молодых» с группой (Соловейчик и Слепцова) и основание «Русского Социал-демократического Союза».

В начале 90-х годов в силу тех же причин возникает новый конфликт между группой «Освобождение Труда» и «молодыми» (Грозовский и Р. Люксембург) и возникает «Социал-демократическая библиотека» (1893—1895). Приток новых сил начала 90-х годов и укрепление связей с Россией и приводит к созданию «Союза русских социал-демократов» в начале 1895 г.

Таким образом, собственно в конце 1894 г. завершается первый период жизни группы «Освобождение Труда», период теоретической выработки основ программы партии.

Группа «Освобождение Труда» изложила для русских социал-демократов основы учения Маркса, произвела критику революционных идеологий с точки зрения этого учения, наметила путь дальнейшего развития революционного движения в России и поставила вопрос о создании российской рабочей социалистической партии.

Разрешить этот последний вопрос удалось уже во второй период истории группы «Освобождение Труда», когда созрели в России такие крупные силы, как Ленин и Мартов, и такие сильные организации, как «союзы борьбы» и комитеты Р. С.-Д. Р. П., уже после Минского с'езда в ожесточенной борьбе с экономизмом и либеральной буржуазией.

Но это уже второй период истории группы (1894—1903 гг.).

V. ЮВЕНАЛИЙ МЕЛЬНИКОВ

АРЬКОВСКОЕ ДЕЛО ЮВЕНАЛИЯ МЕЛЬНИКОВА И ДРУГИХ

Социально-революционный кружок рабочих в Харькове.

Киевская социал-демократическая организация 90-х годов была именно той замечательной организацией, откуда главным образом исходила инициатива к об'единению разрозненных социал-демократических сил в партию и которой в конце февраля и начале марта 1898 г. удалось это об'единение совершить. Теперь, когда мы получили возможность иметь многие материалы и документы, бывшие так недавно для нас недоступными, перед нами раскрывается широкая картина той революционной работы, которая шла по всему лицу земли Русской в рабочей среде еще до образования таких крупных организаций, как союзы борьбы.

Ясно, что такая работа шла и в крупных промышленных центрах Юга России. Шла она, конечно, и в Харькове. К числу выдающихся деятелей на заре рабочего движения в Харькове относятся бесспорно прежде всего такие деятели, как Ювеналий Дмитриевич Мельников, Владимир Давидович Перазич, Борис Александрович Эйдельман. Что касается Мельникова, то кроме кратких заметок в статье Б. Э. (Бориса Эйдельмана), помещенной в «Историческом сборнике» за 1907 год, в нашей революционной литературе ничего не имеется. Между тем деятельность Ювеналия Дмитриевича Мельникова в 1887 и 1889 годах в рабочих кружках Харькова и Ростова обрисовывает его как личность действительно незаурядную.

Прежде всего необходимо добавить несколько черт к скудным материалам чисто биографического характера. Ювеналий Дмитриевич Мельников был незаконным сыном черниговского помещика Ивана Федоровича Оробченко-Бедняченко, который его и усыновил. Отчество Мельников получил от мужа своей матери Анны Федоровны, Дмитрия Константиновича Мельникова. На

средства своего отца Бедняченко Ювеналий Дмитриевич и учился в Роменском реальном училище.

Год рождения Мельникова в различных документах показывается различно: то 23 апреля 1864 г. [1], то 1868 г. [2]; точно так же местом рождения его указывается то город Ромны, то село Миченки Черниговской губ., Конотопского уезда. Некоторые данные заставляют предположить, что годом рождения Мельникова нужно считать именно 1868 год. Дело в том, что Мельников в 1882 г. поступил в реальное училище, а в 1886 году он из училища вышел, перейдя в 5-й класс и не имея средств дальше продолжать учение. Если считать годом рождения Мельникова 1864 год и принять во внимание, что, проучившись четыре года, он вышел из пятого класса, то выходит, что он в первый класс поступил 18 лет, что конечно невозможно.

Точно так же неправильна дата, указываемая в статье Б. Э., что Мельников поступил слесарем в мастерские в 1884 г.

По собственным показаниям, Мельников вышел из учения в 1886 г. за неимением средств и тогда же на 18-м году уехал в Харьков, поступил в железнодорожные мастерские, где, пройдя курс обучения, и сделался слесарем. Слесарное ремесло и было главным занятием Мельникова, хотя вследствие разного рода обстоятельств ему приходилось зарабатывать себе кусок хлеба и службой. Ювеналий Дмитриевич Мельников родился в селе Красном Черниговской губ., в имении своего отца, в 1868 году.

В статье Б. Э. глухо говорится о том, что Мельников хотел поступить в Технологический Институт, но оставил эту мысль потому, что студенты социалисты повлияли на его мировоззрение. Однако, есть основания предполагать, что уже та обстановка, в какую Мельников попал, будучи реалистом, повлияла на его образ мыслей, ибо в том же городе, где учился и Мельников, т.-е. в Ромнах, обучались и дети священника Галковского Григорий, Михаил, Федор и Анна, из которых Григорий потом попал в Военно-Медицинскую Академию, Михаил—в Киевский Университет, а дочь Анна, после окончания Роменской женской гимназии, сделалась московской курсисткой.

Анна Андреевна Галковская, будучи на восемь лет старше Мельникова, уже в 1887 г. попала под надзор полиции и была выслана из Москвы на родину [3]. А так как у Мельникова были связи с ее братьями по реальному училищу, то отсюда становится понятным его сближение с Галковской и женитьба на ней 30 июня

---

[1] Ист.-Рев. Арх., 4-е дел-ство, д. № 160, стр. 49.
[2] Ист.-Рев. Арх., 4-е дел-ство, д. № 880, стр. 29.
[3] Ист.-Рев. Арх. 3-е дел-ство, д. № 708, стр. 6.

1889 г., когда ему исполнилось 23 года, а его жене шел тридцатый год. Принимая это во внимание, возможно предположить, что жена Мельникова, вышедшая из интеллигентской семьи, старше его и уже прикосновенная в Москве к революционной деятельности, и могла повлиять прежде всего на своего мужа. Повидимому, и вся семья Галковских не особенно богатая, но и не бедная, отличалась терпимостью и передовыми взглядами. Во всяком случае, это необходимо сказать о самой Анне Андреевне, которая после приезда из Москвы революционной деятельности не оставила, а наоборот, вошла в революционный рабочий кружок в Харькове, работала в кружке рабочих в Ростове-на-Дону и по делу Михаила Павловича Конотопова постановлением Департамента Полиции от 11 июля 1890 г. подчинена негласному надзору полиции. Вероятно, предвидя такой исход дела, Галковская скрылась в Пензу, где впрочем не скоро опять нашли жандармы и подчинили надзору.

Однако, супруги были вскоре после этого разлучены надолго. Мельников начал отбывать наказание в Крестах, а жена осталась в Пензе.

Как только Ювеналий Дмитриевич выходит из тюрьмы и возвращается на родину, жена тоже спешит на Юг, но ей уже суждено недолго жить: 7 мая 1892 г. она умирает в Киеве на 32-м году жизни [1].

Деятельность Ю. Д. Мельникова началась в социально-революционном кружке города Харькова, кружке, который являлся остатком от народовольческих и народнических кружков, организованных еще в 1884 и 1885 годах. В феврале 1886 г. произошло слияние двух рабочих кружков,—народовольческого (Андрей Кондратенко, Яков Рябоконь и Мария Решетникова) и народнического (И. Веденьев, В. Соколов и Соломон Бронштейн). Этот центральный кружок организовал несколько кружков пропаганды: в квартире рабочего Виталия Ветрова, где руководителем был Х. Гельруд (рабочие Семен Чайкин, Ив. Радченко и др.); на Лысой Горе, где руководителем был Н. Григорьев (рабочие Я. Алексеев, А. Филипченко, П. Темный, Т. и А. Землянские, Гал. Крылова); на Москалевке, где руководили занятиями И. Веденьев (рабочие М. Конотопов, Н. Автономов, Зазубович и С. Савченко). Читали в первом кружке «Капитал» Маркса, в третьем Бокля, «Царь Голод». В центральном кружке принимала участие еще Т. В. Теличенкова, с которой читали «Манифест коммунистической партии» Маркса. Кружок был хорошо связан как с народнической, так и с народовольческой интеллигенцией (напр., И. Мейс-

---

[1] Ист.-Револ. Арх., 3-е дел-ство, д. № 708/230, стр. 12.

нер). Летом 1896 г. в Харьков приехал Д. Д. Бекарюков, врач, и связался с организацией [1].

Сначала организация всего дела сводилась к следующему. Существовало два центра, интеллигентский и рабочий, который выполнял директивы первого, так что высшее руководство принадлежало интеллигенции. Рабочие выбирали из себя центральный кружок, в который в 1888 г. входили Рябоконь, Кондратенко Веденьев, Соколов, Бронштейн, Чайченко и Решетникова. Задачею этого центра являлись, во-первых, пропаганда и организация новых кружков, а также собирание денежных средств. Средства составлялись из ежемесячных трехпроцентных взносов заработка каждого участника образованной таким образом кассы. Кроме того, в задачу кружка входило оказание помощи политическим ссыльным, подыскание квартир для нелегальных, организация легальной и нелегальной библиотеки и т. д. Центр рабочего кружка выбирал исполнительную комиссию из двух лиц, в которую входил и представитель от интеллигентов.

Рабочий кружок пытался организовать и типографию, но из этого ничего не вышло.

Гораздо успешнее шла работа по оказанию помощи политическим ссыльным: так, например, в 1888 г. была оказана помощь в размере 101 рубля политическим ссыльным Мейснеру и Хроновскому.

Но этот тип организации не удовлетворял рабочих, потому что им приходилось выполнять главным образом задания кружка интеллигентов, без обсуждения сообща с последними. Вследствие этого в кружке возникли споры, которые привели в конце 1887 г. к расколу, причем часть рабочих во главе с Конотоповым и Бронштейном выделила самостоятельную организацию, носившую название «Новое Южное Братство». Однако, уже в январе 1888 г. под влиянием Дмитрия Бекарюкова произошло снова об'единение, и организация приняла более устойчивую форму. Хотя высшее руководство попрежнему осталось за интеллигентским кружком, но центральный рабочий кружок теперь пользуется большей самостоятельностью по отношению к интеллигенции [2].

---

[1] «Лет. Рев.» 1923, № 5, стр. 101—102. Харьков. Гос. издат. Украины. Воспоминания И. Веденьева.

[2] И. Веденьев в своих воспоминаниях «В Харьковских революционных кружках 1882—89 гг.» («Лет. Рев.» 1923, № 5, стр. 106—107) приписывает раскол причинам личного характера (ссора С. Бронштейна и И. Веденьева по вопросу об удалении из кружка Г. Крыловой). Быть может, и эта причина играла свою роль, но, суля по другим данным, имеющимся в архивных делах, причина, указываемая нами, была главной. И. Веденьев утверждает также, что Д. Д. Бекарюков не играл никакой роли в деле примирения.

В центральный кружок теперь вошли: Рябоконь, Кондратенко, Веденьев, Соколов, Бронштейн и Чайченко. Каждый из членов этого центра обязан был отчитываться в своей деятельности перед рабочим кружком. Как раз в то время, т.-е. в начале 1888 г., к кружку примкнули новые члены, именно: Сергей Савченко, Рувим Эрейвман и Ю. Д. Мельников, который в свою очередь дал новых членов кружку: своего сожителя Платона Кушниренко, свою сестру Лидию Мельникову и Агату Зоммермейер. Мельникова с кружком познакомила Анна Иосифовна Сыцянко.

Связи с интеллигенцией были, конечно, весьма обширны. С кружком общались студенты: Николай Петров, Николай Гуленко, Михаил Зайцев, Александр Артемов, Абрам Фрейфельд, Николай Нестеров, Николай Кожевников, Михаил Зиненко, Галкин, Остряшин, Любенецкий, Стояновский и Софья Сенявина. Точно также ясно, что все вновь приезжающие поднадзорные в Харьков очень быстро входили в общение с кружком и находили в нем приют и помощь. Об участии в этом кружке Галковской, Т. В. Теличенковой, Х. Гельруда и Н. Григорьева мы уже говорили раньше.

Прежде чем говорить о дальнейшей деятельности этого рабочего кружка, необходимо остановиться на его программе. Программа эта отражает на себе тот переходной период, каким являлись 80-е годы, когда новое социал-демократическое учение постепенно начинало завоевывать русских революционеров. Для характеристики этого переходного времени очень интересны выдержки из той переписки, которая упоминается в деле революционного кружка, переписки, которую вела поднадзорная Дениш, привлеченная по этому же делу Сергеем Велецким, подробно рассказавшим жандармам о своей деятельности и этим рассказом ускорившим провал кружка.

Случайно у студента Маслова, арестованного в Казани, было найдено письмо к нему Веры Дениш. Вследствие этого письма произвели обыск у Дениш и забрали ее переписку с Велецким. Сергей Николаевич Велецкий был сыном подпоручика Полтавской губ. Золотоношского уезда. В 1883 и 1884 гг. привлекался по делу пропаганды среди рабочих железнодорожных мастерских в Полтаве и был подчинен гласному надзору на три года, который и закончил в 1887 г.

Вера Петровна Дениш, урожденная Диатолович, дочь священника, по окончании Полтавской гимназии в 1883 г. поступила на высшие женские курсы Герье (в Москве). За участие в обществуденческом союзе в Москве выслана на три года под надзор полиции в Томскую губернию. Отбывши надзор в 1889 г., Дениш уехала в Россию, показав, что она уезжает на Кавказ. В действитель-

ности же она отправилась в Харьков и сошлась с революционным кружком рабочих.

Из ее переписки с Велецким вырисовывается воззрение этого последнего, приблизительно в таком виде. Эти воззрения характеризуют взгляды людей описываемого переходного момента. Прежде всего, он осуждает, что «русские социал-революционеры должны выставить на своем знамени ряд экономических реформ, другими словами добиться экономической революции, которая в то же время есть и политическая революция в России».

В письме от 24 июня 1887 г. Велецкий рассказывает о том, что он останавливался в Харькове и там встретил кой-кого из хороших своих знакомых, у которых и погостил немного. Кстати «я имел возможность близко познакомиться с одной небольшой группой, которая, мне кажется, может очень успешно выполнить свою задачу, обобщить и оформить современное социально-революционное движение. Она выступает со своей программой и организацией; причем в основание организации кладется деление на группы, автономные в своих местных делах; но общее—решает по общему соглашению. При этом, в виду практических удобств, организация делится на рабочую и интеллигентскую, которая, в свою очередь, распадается еще на несколько частей. В организацию входят люди только вполне взрослые, испытанные и по возможности с положением. Программа требует экономических реформ и в духе аграрного социализма и коллективизма, а также политического переворота в направлении демократической республики. Признается самая широкая мирная пропаганда в народе среди рабочих, интеллигенции, а как средство самозащиты в ответ на правительственные репрессии и террор. Но на террор смотрят не как на средство к перевороту в народовольческом духе, а как на временное средство самозащиты и борьбы, что и должно делаться на ряду, но не равносильно, с другими родами деятельности.

Программа пока еще не вполне утверждена, но есть две: одна большая, другая меньше, первая подробная, вторая краткая. Но обе, несмотря на то, что писаны лицами, друг друга даже не знавшими, и вполне самостоятельно, сходны до мелочей, что крайне отрадно».

Как увидим дальше, эта программа носит название «программы социально-революционной группы русских рабочих».

«Есть много оснований думать,—говорит далее Велецкий,—что основание этих программ весьма удачно выражает общее современное направление и поэтому они будут иметь успех». Рассказывая о том, что он в феврале и марте 1888 г. об'ехал ряд го-

родов (Полтаву, Харьков, Белгород, Курск, Орел, Москву и Киев), он так характеризует настроение общества: «нехорошее теперь время настало, очень нехорошее. Везде и во всем ужасная апатия. Реакция и оппортунизм—вот самые характеристические течения настоящего времени... В общем живем здесь совсем не так, как прежде жилось. Не тот дух, не то настроение; приезжайте, сами увидите, хотя конечно есть много и очень отрадных признаков и проявлений. Будучи в Москве, познакомился с кружком народников, Златовратским, А. Пругавиным и пр. Впечатление они на меня, как люди, произвели хорошее, в особенности Златовратский; но как общественные деятели—весьма неопределенное. Видно, что и сами, как в тумане. Познакомился также с кружком радикальным, нелегальным, но с этим почти совсем не сошелся...

...Вообще надо сказать, что время теперь весьма неопределенное, как и всякое переходное время».

В письме от 1 марта 1887 г. Велецкий так характеризует новую, неизвестно кем выработанную программу; эта программа, по его мнению, «опыт, по моему, очень неудачен; но это не важно, а важно, что в нем видятся новые струи движения, с которым нам придется столкнуться. Абсолютное отрицание организации и переворота и нежелание ни дворцовой, ни городской революции, кои могут привести якобы к диктаторству. Защита мелких организаций с единою руководящею целью и со многими групповыми целями. Террор, не как стимул переворота, а как последовательное давление на правительство и общество, с целью застрастки первого и под'ема духа во втором» [1].

Как видно из показания Велецкого, настолько откровенного, что, пожалуй, его можно считать полной выдачей всех участников кружка, показания, которое разве уступает откровенному сознанию провокатора Курелюка, введенного в кружок жандармским полковником Вельбицким,—как видно из этого показания, программа, выработанная Велецким, была предложена им в мае 1887 г. кружку рабочих в Харькове. Но рабочие программы его не приняли и противопоставили свою программу, которую Велецкий характеризует так: «...они придавали преимущственное значение экономическому перевороту перед политическим, видя экономический переворот в постепенном ряде экономических реформ, которые, улучшая в общем и в частностях народный быт, расчищали бы путь политическим реформам, к которым вообще наш народ и наше общество признавались в настоящее время неподготовленными. Пути, которыми предполагалось достижение

---

[1] Ист.-Рев. Арх., 4-е дел-ство, д. № 160, стр. 2, 3, 4, 5, 6, 7.

этих целей, должны были заключаться, насколько я понял их, в постепенном, но возможно более широком воздействии на народ, рабочих и интеллигенцию путем мирной пропаганды, устной и литературной» [1].

Кто был автором программы харьковского революционного кружка под названием «Опыт программы русской социально-революционной группы рабочих»,—установить на основании показаний невозможно. Участники движения, как Веденьев, главную роль в этом деле приписывается Бекарюкову [2]. Суть ее сводится к тому, что авторы ее называют себя социалистами, «потому что считают наилучшим устройством общества то, при котором орудия труда составляют собственность производителей, а распределение продуктов труда совершается соразмерно участию каждого в общественном производстве»,—и революционерами, потому что «считают себя вправе насильственно свергнуть существующий строй для замены его лучшим». Далее идет программа-минимум, разделяющаяся на требования реформ в области государственного устройства и на требования реформ в области экономической. Свержение самодержавия ставится ближайшей задачей, но взять на себя инициативу в этом деле группа, от имени которой выдвигается программа, не считает возможным. Поэтому ближайшими задачами группа ставит: «во-первых, приобрести как можно более сознательных сторонников среди крестьян и рабочих; во-вторых, распространить по возможности более рациональное критическое отношение к государственному и экономическому строю среди тех же классов и, в-третьих, сделать среди крестьян и рабочих популярным имя социалистов в смысле защитников народных интересов и этим установить связь и понимание между революционерами и социалистами с массою и таким образом обеспечить поддержку требованиям социалистов со стороны массы».

Программа обещает содействие террористической борьбе, всякий раз определяя «продуктивность данного факта с точки зрения рабочей организации».

Группа, или, вернее, центральный кружок этой рабочей организации, вела правильную пропаганду среди рабочих. Если верить

---

[1] Там же, стр. 19.

[2] См., напр., «Лет. Рев.» 1923 г., № 5, воспоминания И. Веденьева, также в «Пути Революции», изд. Всеукр. Сов. Общ. полит. каторжан и ссыльно-посел., 1926 г., № 2—3 (5—6), С. Мазуренко «От «Черного Передела» до коммунистической партии». Однако, эти авторы преуменьшают роль рабочих и в частности Ю. Д. Мельникова.

показаниям Велецкого и предателя Курелюка, главнейшими организаторами, руководителями и пропагандистами являлись: Дмитрий Дмитриевич Бекарюков, Ювеналий Дмитриевич Мельников, Владимир Перазич, а также Рябоконь, Веденьев, Кондратенко и Ткаченко. Первое время существования кружка главным пропагандистом был, повидимому, Бекарюков, ибо из показания видно, что у него самого на квартире или у рабочих Рябоконя или Кондратенко происходили собрания два раза в неделю; точно также Бекарюков играл большую роль,—когда Соломон Бронштейн вместе с кружком на Москалевке хотел отделиться от общей организации,—в деле примирения и более прочного слияния обоих кружков; его руководство чувствуется и на собрании 12 августа 1888 г., которое состоялось в Ивановской Леваде и где решался вопрос, нужна ли рабочим нелегальная литература или они могут ограничиться только легальными изданиями. Решено было иметь и нелегальную литературу пропагандистского характера, хотя к этому вопросу организация возвращалась раз пять или шесть, придавая ему весьма важное значение. О значении Д. Д. Бекарюкова в деле выработки программы говорилось выше. Пропаганда велась в виде чтения книг народнического и народовольческого содержания: при обысках у членов кружка были найдены всякого рода книги социалистического характера, главным образом народнического, в виде «Исторических писем» Миртова, издания народовольцев и т. п.; но встречаются и книги социал-демократического содержания: так, например, при обыске у Перазича был найден гектографированный оттиск речи Либкнехта.

Судя по этому, а также по тому, что группа пыталась распространять рукописные прокламации, есть основание предполагать, что участники кружка серьезно думали о постановке типографии. Интересна прокламация, сохранившаяся в рукописном виде среди рабочих железнодорожных мастерских. Прокламация эта носит название: «Голь на выдумки хитра». Цель этого листка заключается, повидимому, только в том, чтобы раз'яснить наиболее отсталым слоям рабочих несовершенства существующего самодержавного строя, возбудить их любознательность и толкнуть к дальнейшему развитию.

Жандарм Вельбицкий, который вел все дознание по этому делу, с чисто жандармским негодованием говорит о том, что листки распространяются так, что нет никакой возможности поймать распространителей. «Такие листки,—говорит он,—читаются рабочими преимущественно в железнодорожных и заводских мастерских, а чтобы их удобнее было скрывать,—им придана лентообразная форма, и скатываются листки валиком».

Другим несомненно выдающимся руководителем этого харьковского кружка рабочих был Владимир Давидович Перазич, сын черногорского подданного. Отец Владимира Давидовича прибыл в Харьков в 1876 г. и поселился на заводе Юза, где имел какую-то лавку или гостиницу. Владимир Давидович Перазич родился 5 сентября 1868 г. После окончания курса первой и третьей харьковских гимназий, Перазич поступил 12 августа 1888 г. на медицинский факультет, со второго курса которого они и вышел в 1889 г. в сентябре месяце, потому что 1 числа он был арестован.

Перазич несомненно представляет одну из самых интересных фигур, которые выдвинулись в самом же начале возникновения первых рабочих организаций на Юге. Мы будем иметь случай встретить эту в высшей степени колоритную фигуру наших нелегальных организаций и в истории «Южно-русского союза борьбы за освобождение рабочего класса», и во время деятельности московского союза борьбы, и в далекой Сибири при более трагических обстоятельствах.

Еще в гимназии Перазич проявлял особенный интерес к истории и словесности, в которых он обнаруживал отличные успехи.

Когда в конце 1888 г. Бекарюков по семейным обстоятельствам уехал из Харькова в деревню, дело пропаганды и чтения в рабочем кружке перешло к Перазичу. Этим делом он и занимался,—главным образом пропагандою среди рабочих, то на квартире у Кондратенко (10—15 и 23 июля, 3, 9, 12 и 19 августа), то на квартире у Рябоконь (14 и 28 августа), то на массовках и сходках, как это было, например, 2 июня и 6 августа за университетским садом и на Карповке.

Сам В. Д. Перазич в своих воспоминаниях [1] приписывает себе очень скромную роль, но едва ли это верно, если иметь в виду хотя бы данные о его пропагандистской деятельности. Воспоминания В. Д. Перазича дают возможность установить и его тогдашнее мировоззрение, которое следует характеризовать, наравне с мировоззрением многих рабочих членов кружка, как мировоззрение переходного типа, в котором уживались вместе элементы народничества и марксизма.

В студенческих кружках В. Д. Перазич занимался изучением народнической теории (в кружке Н. А. Ширяева читались «Основы народничества» Юзова-Каблица) и теории Маркса (в кружке Стояновского и Л. Фрейфельда читали Иванюкова, Рикардо и Маркса). О чтении марксистских произведений говорят и доку-

---

[1] «Лет. Рев.» 1923, № 3, «Ювеналий Мельников и Харьковский рабочий кружок», стр. 110.

менты архива [1]. Однако нет никаких оснований и к тому, чтобы Перазича и Мельникова уже в то время можно было назвать марксистами.

Но зато есть очень интересные указания, как сама жизнь заставляла рабочих приходить к отрицанию существующего строя и искать новых выходов и путей, чем те, какие указывались, например, в программе харьковского кружка. Вот, например, какие указания по этому поводу дал Яков Алексеев: «Я недоволен современным государственным строем, но ни к какой партии не принадлежу. Я искал средства, путем которого можно было бы улучшить современный строй, но средства такого еще не нашел. Проживая до конца 1881 г., т.-е. до приезда моего в г. Харьков, в разных городах, как-то: Мелитополе, Симферополе, Севастополе, Керчи, Одессе, Николаеве и Херсоне, я имел возможность читать книги, из которых почерпнул такие сведения, которые и вызвали мое недовольство. Я искал случая сойтись с людьми, которые раз'яснили бы мне мое недовольство, и только в Севастополе в 1883 г. я имел возможность сойтись с Николаевым, который, так сказать, укрепил мои воззрения; по прибытии в Харьков я через посредство Ипполита Марченко, умершего в 1886 г., познакомился с Иваном Ивановичем Мейснером, от которого получил нелегальные издания; но с его взглядами, чисто террористическими, я не был совсем согласен; затем я познакомился с поименованными в предыдущих моих показаниях рабочими; хотя я и считал их за людей более или менее развитых, но официального заявления о недовольстве существующим строем я от них не слышал».

Если последние слова этого показания только подтверждают мысль жандарма Вельбицкого, что «при допросах ни один из обвиняемых виновным в принадлежности к социально-революционной группе себя не признал», то первая часть показания Якова Алексеева в высшей степени замечательна. Она указывает только на то, что рабочих уже не удовлетворяла народовольческая программа, что они искали самостоятельно чего-то нового, несмотря на тот опыт программы российской социально-революционной группы рабочих, какая была принята кружком. Если же принять во внимание свидетельства Б. Э. о том, что Ювеналий Мельников о социал-демократах впервые услышал от Абрамовича в Крестах, то становится понятным, что харьковский кружок рабочих совершенно самостоятельно, ничего не зная о марксизме,—правда, ощупью,—шел по пути, указанному Марксом.

[1] Ист.-Рев. Арх., 4-е дел-ство, № 160, стр. 34. Особый отдел, д. № 6, часть 233; 5-е дел-ство, дело № 116, часть 6-я.

Действительно, и из показаний провокатора Курелюка, и из показаний других участников кружка видно, что народовольческая интеллигенция не удовлетворяла рабочих. Об этом свидетельствует, во-первых, стремление рабочих освободиться из-под влияния интеллигентов, образование своего центрального рабочего кружка; во-вторых, мы увидим далее, при работе Мельникова в Ростове, попытку совершенно самостоятельно, без народовольческой интеллигенции, образовать чисто рабочий кружок; и, в-третьих, вышеприведенное показание Велецкого, которым он характеризовал причины, почему рабочие харьковского кружка не хотели принять его программы, именно то обстоятельство, что «они придавали преимущественное значение экономическому перевороту перед политическим, видя экономический переворот в постепенном ряде экономических реформ, которые, улучшая в общем и в частности народный быт, расчищали бы путь политическим реформам».

В показаниях провокатора Курелюка, который, конечно, был не склонен особено милостиво относиться к членам революционной группы, ясно и определенно говорится о том, что террористические взгляды исповедывали немногие члены кружка. «Относительно первой части вопроса (о терроре),—говорит Курелюк в своих показаниях,—только Кондратенко, Алексеев и еще, не помню, кто высказывали и защищали мнение, что террор, признаваемый вышеназванной программой, необходим; но это разногласие не вызвало никакого раскола, и каждый остался при своем мнении. О второй же части вопроса единогласно высказались, что нужно обратить главное внимание на организацию рабочих кружков. Относительно необходимости или положительной непригодности террора вообще, во время моего соприкосновения с кружком рабочих, вопрос поднимался много раз, и к какому-либо общему заключению ни разу не приходили, и Кондратенко всегда оставался с «красными», т.-е. народовольческим оттенком, тогда как другие всегда были, наоборот, народники.

Также и вопрос о том, нужна ли нелегальная литература для революционной деятельности, и если нужна, то какая, пропагандистская или агитаторская, несколько раз поднимался» [1].

Показания Курелюка во многих своих частях несомненно продиктовано жандармами; но именно потому в данном случае

[1] Ист.-Рев. Арх., д. № 160, стр. 77. Эти показания Курелюка, характеризующие работу кружка и его членов, подтверждаются как уже выше цитированными воспоминаниями И. Веденьева, так и воспоминаниями В. О. Перазича (см., напр., «Лет. Рев.», 1923 г., № 3, стр. 110).

оно и имеет большую ценность, потому что жандармы во всяком случае никогда не склонны были в те времена упустить из рук террориста; поэтому заявления Курелюка, что, кроме Кондратенко, Алексеева и еще кого-то третьего, рабочих с террористическими взглядами в кружках не было, можно считать близкими к действительности. Точно также заявление Курелюка о стремлении рабочих заводить новые кружки и указание на споры о том, нужна ли агитаторская или пропагандистская литература. Как это указано было ранее, спор был решен в пользу нелегальной литературы. Все только-что указанные обстоятельства и дают основание утверждать, что харьковский кружок рабочих конца 80-х годов представлял собою кружок, в котором, несмотря на влияние интеллигентов народовольцев, рабочие самостоятельно искали новых путей, только отчасти разделяя народовольческие и народнические воззрения.

2. Связи кружка с другими городами.

Как видно из материалов, всей организационной стороной дела ведали рабочие. Когда организация в Харькове более или менее упрочилась, решено было завести связи с другими городами. Эту задачу взяли на себя исключительно рабочие: Ткаченко, Соколов, Мельников, Веденьев, Кондратенко и Чайченко, причем рабочие ясно отдавали себе отчет в том, что они делали, и понимали, что такой широте дела, какую оно приняло, необходима особая конспирация.

Поэтому, когда избирался центр, Рабочий Комитет, руководивший всем делом, принял всевозможные предосторожности. На этом собрании были Курелюк, Кондратенко, Иван Веденьев, Василий Соколов, Семен Чайченко, Яков Алексеев, Михаил Конотопов, Сергей Савченко, Александр Филипченко, Петр Темный, Соломон Бронштейн, Яков Рябоконь, Агата Зоммермейер и Мария Решетникова. По показаниям члена центрального кружка Курелюка, «изменения формы организации предполагалось сделать в том смысле, чтобы ведение всех дел группы лежало по крайней мере на шести ее членах, а не на трех, как было прежде. Избрание членов в комиссию, которую должны были изображать шесть человек, происходило таким образом: для того, чтобы скрыть от остальных, не вошедших в члены комиссии, имена вошедших туда, нужно было избрать голосованием только одного, и ему поручалось выбрать себе пятерых товарищей. Писали на клочках бумаги имя лица, за которого подаем голос, и клали в одно место, а со-

считать, за кем большинство голосов, предоставили Агате Зоммермейер.

Большинство голосов было за Ивана Веденьева, а он себе выбрал товарищей: Василия Соколова, Соломона Бронштейна, Якова Рябоконя, Андрея Кондратенко, меня и Семена Чайченко. Нас семь человек должны были составлять «комиссию», которая ведала бы все дела группы, остальные все «массу». На случаї, когда требуется решение какого-либо группового вопроса, комиссия должна собраться в количестве не менее пяти человек; вопросы решаются большинством голосов, а если представится экстренный случаї, то и один из членов комитета может решить требующийся ответ. К таким случаям относились, например, проезды нелегальных лиц, которым нужно оказать немедленное пособие денежное или дать ночлег» [1].

Как видно из этих показаний, рабочие ясно отдавали себе отчет в том важном деле, какое они затевали. А затевали они завязать связи с другими городами, именно с теми, где было много рабочих. Решено было завязать связи в Александровске, Ростове-на-Дону, Белгороде, Одессе и других городах. Еще в 1888 г. Кондратенко по поручению центрального кружка отправился в г. Александровск. Там, на железной дороге, работали Ткаченко и Григорий Лукьянов. Кондратенко устроил с ними совещание, на котором решено было организовать в Александровске рабочий кружок наподобие харьковского.

По приезде в Харьков, Кондратенко доложил о положении дел в Александровске, после чего и решено было отправить в Александровск книги, необходимые для пропаганды.

Попытки организовать такие же рабочие кружки на железной дороге были сделаны и в Белгороде. Весною 1887 г. в Белгороде находился под надзором полиции Ткаченко и конечно имел очень хорошие связи с Харьковом. Пользуясь пребыванием Ткаченко в Белгороде, решено было устроить кружок и там, и с этой целью туда были направлены Веденьев и Соколов. Здесь у них произошла встреча с Велецким, который предложил рабочим выработанную им программу [2].

Из того обстоятельства, что Ткаченко был арестован в Севастополе и что туда он попал, повидимому, из Одессы, куда он выехал из Харькова, следует предположить, что были попытки

---

[1] Там же, д. № 160, стр. 75.

[2] О знакомстве с Велецким и Курелюком, состоявшемся в Белгороде, см. у И. Веденьева «В харьковских революционных кружках 1882—1889 гг.» — «Лет. Рев.» 1923 г., № 5, стр. 103.

организовать кружки и в Одессе. Впрочем, на этот счет достоверных данных не имеется. Зато имеются довольно подробные указания о революционной деятельности среди рабочих Ростова-на-Дону. Туда в конце 1888 г. уехал Курелюк, который, повидимому, уже тогда был на службе Харьковского губ. жанд. управления и о предательстве которого ничего не знали его товарищи. Курелюку все доверяли, а Соколов был с ним в особенно дружеских отношениях.

Зная, что в Ростове-на-Дону среди рабочих существуют уже давно кружки, Веденьев, по поручению своих товарищей, спрашивал письмом Курелюка, нет ли там каких-либо подходящих связей для начала дела. Курелюк уже успел войти в сношения с революционными деятелями Ростова, а именно, он познакомился с Николаем Александровичем Мотовиловым и Сергеем Максимовичем Богоразом, служившими на Владикавказской ж. д.

На основании этих сведений, полученных от Курелюка, решено было командировать в Ростов своих товарищей, и Веденьев предупредил Курелюка о том, что на Пасху приедут в Ростов Кондратенко и Чайченко. Действительно, на Пасху в Ростов приехали Кондратенко и Чайченко, которых Курелюк и встретил на вокзале, а затем повел их на квартиру Мотовилова, где они встретились с Богоразом. На этот раз дело не увенчалось успехом и, повидимому, потому, что харьковцы смотрели на дело организации рабочих не так, как на это смотрели ростовцы.

После долгих совещаний Кондратенко и Чайченко с Мотовиловым и Богоразом решено было, что эти последние передают ростовским рабочим желание их харьковских товарищей связаться друг с другом. Но на другой день Мотовилов и Богораз на квартире того же Курелюка заявили, что ростовские рабочие не могут повидаться с харьковцами в виду непредставления харьковцами рекомендаций от кого-либо, известного ростовскому кружку. Эта неудача обсуждалась в харьковском центральном кружке, и причины ее об'ясняются нежеланием ростовской интеллигенции допустить представителей рабочих потому, что харьковские рабочие клали в основу организации самодеятельность пролетариата.

Ювеналий Мельников тогда же высказал соображение, что это нежелание интеллигенции является единственной причиной неудачи и что необходимо самостоятельно, помимо ростовской интеллигенции, устроить рабочую организацию в Ростове-на-Дону. В середине лета решено было отправить в Ростов Мельникова, а в августе там оказался и Григорий Лукьянов. Некоторое время жили там слесарь Петр Темный и жена Мельникова Анна Андреев-

на [1]. Из переписки Мельникова со своими товарищами и из показаний привлеченных к делу, особенно близко стоявших к Мельникову, видно, что с появлением Ювеналия Дмитриевича в Ростове дело организации пошло очень успешно.

Мельников, конечно, не отказывался от связей, какие ему давали Богораз и Мотовилов, но главную работу он вел самостоятельно, завязывая связи сам лично, как слесарь железнодорожных мастерских. Это именно обстоятельство особенно и не нравилось ростовским интеллигентам; и как раз наоборот, «приучать рабочих к самостоятельной организации», как выражается Курелюк, «это являлось главной задачей Мельникова и всех остальных его харьковских товарищей».

В одном из писем своих к Мельникову Веденьев так по этому поводу пишет в Ростов: «Мы очень рады, что вы успели сойтись с ростовцами... Ваши уверения относительно хорошества С. М. (вероятно, Сергей Максимович Богораз.—*В. Н.*) мы принимаем. Но мы все-таки хотели, чтобы мы вполне самостоятельно, без его влияния, повели там дело: тогда бы мы вполне рассчитывали на успех. Вы пишите, что, кроме его, еще познакомились с некоторыми, то передайте от нас им привет». Мельников вполне оправдал эти надежды своих товарищей, потому что дело создания самостоятельной рабочей организации было его любимым делом всю его жизнь. Именно, такими чертами характеризует его Б. Э., хорошо его знавший в 90-х годах по деятельности в «Южно-русском союзе».

В одном из своих писем к жене Мельников сообщает о том, что дела «складываются так, что вскоре придется перебраться в Ростов... Дело там хорошее, и работа как раз по плечу». Это лучше подтверждается и словами Б. Э. в его статье: «по поручению харьковской организации, переехал в Ростов, работал пропагандистом и был первый раз арестован по делу харьковской рабочей организации в 1889 г.». И, что самое главное, Мельников был тем человеком в кружке, который яснее всех остальных понимал огромное значение самостоятельной рабочей организации. «Мельников высказал возможность,—говорится о нем в показаниях Курелюка,—повести дело помимо ростовской интеллигенции, не сочувственно относящейся к самостоятельной организации рабочих, и тогда же решил переехать в Ростов, что и исполнил в июле месяце сего года. Переезд его в Ростов, я думаю, был делом

[1] Петр Темный был до Мельникова. Ему удалось установить прочные связи с рабочими. Однако, простая случайность (рабочие в ожидании обыска, положили в станок Темного бутылку водки, ее нашли) заставила его покинуть Ростов. «Лет. Рев.» 1923 г., № 5, стр. 105—106.

всей харьковской группы рабочих, которые захотели достигнуть цели,—самостоятельной рабочей организации,—путем предложения Мельниковым, т.-е. непосредственное знакомство его с рабочими» [1]. Как видно теперь, в этой харьковской организации 1889 г. Мельников играл не последнюю роль (и если интеллигенция в этом деле тоже принимала довольно большое участие, то о рабочих и в особенности о Мельникове можно сказать, что они были душою всего дела).

«Смелый, опытный агитатор,—говорит о Мельникове Б. Э.,—воспитанный российскими порядками конца 80-х годов; на редкость одаренная и гармонически развитая натура, с громадным тактом и проницательностью; добрейший человек, умевший всегда откликаться на непосредственную нужду встречавшихся на его пути людей: простой, прямой, чуткий, искренний, с ясным умом и беспощадно последовательный,—Мельников всегда оказывался центром и душой того дела, которому он отдал свою жизнь» [2].

Действительно из показаний привлеченных по делу харьковского кружка видно, что уже в те времена Мельников с успехом заменял пропагандистов интеллигентов, вел сам кружки; а что касается организации, то никому другому, а именно ему харьковским кружком было поручено организовать ростовских рабочих. Попавши в Ростов, Мельников, однако, не ограничился одним Ростовом, он попытался завязать связи и с таганрогскими рабочими и вместе с своим товарищем Григорием Лукьяновым, который тоже находился в Ростове, связи эти расширял, несмотря на противодействие ростовских интеллигентов.

Рабочие, участники харьковского кружка,—вообще очень упорные и стойкие люди. Жандарм Вельбицкий так и характеризует их: особенно ему неприятно их желание скрыть участие в деле интеллигенции. «Вообще показания их,—говорит Вельбицкий в одном из своих донесений в Деп. Полиции,—производят впечатление упорного запирательства и желания со стороны рабочих скрыть во что бы то ни стало Бекарюкова и Перазича, по отношению которых они говорят, что не только незнакомы с ними, но даже и фамилии их слышат в первый раз»... Благородное жела-

---

[1] Тов. И. Веденьев в своих воспоминаниях пытается опровергнуть утверждение тов. В. Д. Перазича о том, что Богораз не желал встречи харьковцев с таганрогскими рабочими. Однако об этом говорят не только показания Курелюка, но и показания самого Веденьева. Он пишет, что Богораз не соглашался свести его, Веденьева, со своими рабочими. Отказался это сделать и Мотовилов, отделавшись какой-то пустой отговоркой. Выходит, что прав Перазич и Курелюк. «Лет. Рев.» 1923 г., № 5, стр. 105.

[2] «Исторический сборник», 1907 г., № 1, стр. 143.

ние рабочих не выдать интеллигентов вполне понятно, но оно об'ясняется не только благородством рабочих, но и тем, что в действительности такие рабочие, как Мельников, Рябоконь, Веденьев, Чайченко или, например, Александр Федорович Филипченко,могли с полным правом сказать, что в деле организации рабочих они играли, пожалуй, более важную роль, чем интеллигенты. Один из участников харьковского кружка Александр Федорович Филипченко, рабочий Екатерининской ж. д., жив еще и теперь. Он принадлежит к интересной семье харьковских рабочих, из которой вышел целый ряд революционных деятелей: Трофим Близниченко, известный по делу о восстании в харьковских войсках в 1905 г., Андрей Близниченко, Волков; Александр Федорович Филипченко, участвовавший вместе с Мельниковым в харьковском революционном кружке, также был выдающимся организатором и не останавливался ни перед чем, когда нужно было выполнить задуманное дело. Однажды (в 1887 или 1888 г.) решено было использовать недовольство железнодорожных рабочих и поднять их на забастовку. Филипченко взялся за это дело. Придя в мастерские, он стал призывать рабочих к забастовке, произнес пылкую речь, но был атакован шпионами, которые натравили на него темных рабочих, и его же собственные товарищи по мастерским загнали его в уборную и чуть не убили гайками [1].

Можно, конечно, сказать, что харьковские рабочие, строившие свою первую рабочую организацию, были не марксистами. Это, конечно, верно. Стоит только просмотреть литературу, которою пользовались рабочие («Календарь «Народной Воли», «Исторические письма» Миртова, «Сущность социализма» Шефле, «Царь-Голод», «Борьба общественных сил», процесс 29, письма из Сибири и т. п. народническая литература), чтобы сказать, что это действительно так. Но ведь рабочие, по крайней мере в Ростове-на-Дону, совершенно самостоятельно строили свою организацию, а некоторые из вышеприведенных фактов указывают на то, что рабочие оставались неудовлетворенными обиходными народническими книжками. Правда, в их программе, как уже сказано было выше, признается террор, но и это признание было чисто теоретическим,—и только один Кондратенко из всех членов кружка в серьез принимал эту часть программы.

Стоит ли распространяться о том, что отношения между товарищами в харьковском кружке были самые дружественные? Для характеристики этих отношений служит стихотворение рабочего

---

[1] Сведения эти сообщены родственником Филипченко—А. Е. Близниченко.

Николая Владимировича Григорьева, сосланного в Сибирь по делу Ратина. Григорьев был хорошо связан с харьковским кружком рабочих. Перед отправкой в Сибирь он обратился к своим товарищам со следующим стихотворением:

ДОРОГИМ МОИМ БРАТЬЯМ И ТОВАРИЩАМ.

Прощайте, товарищи и братья!
В далекий сбираюся я путь,
Врагам своим шлю я проклятья,
О вас же болит моя грудь.
Хотел бы раз повидаться,
Чтоб крепко вас к сердцу прижать,
Хотелось бы мне попрощаться
И руки вам крепко пожать.
Братья! Люблю ваши руки,
Честные руки труда,
Ваши страданья и муки
Тяжки мне были всегда.
Слышать не мог я без боли
О нуждах рабочих людей,
Видеть рабочих в неволе
Было еще мне больней.
Должен теперь вам признаться,
Один я вас крепко любил.
Горько мне с вами расставаться,
Совсем я вам мало служил.
Крепко любил я вас, братья,
Крепко вас буду любить.
Братские шлю вам объятья,
Вас не могу я забыть.
Прощайте же, Вася и Ваня [1],
Честнейший, прощай, Соломон [2],
Прощаюсь с тобою, мой Саня,
Петру [3] передайте поклон.
Прощайте и вы, две Маруси [4],
Добрейший, прощай, друг Андрей [5].
Нижайший поклон шлю Натусе [6],
Хоть редко встречался я с ней.
Поклон передайте Аггею [7],
Двум Яковам [8] шлю я привет,
Честь отдаю Тимофею [9],

[1] Василий Соколов, рабочий на жел. дор., и Иван Веденьев.
[2] Соломон Броншгейн—портной.
[3] Александр Филипченко служил на жел. дор. Петр Темный—рабочий в Александровске.
[4] Мария Решетникова, а вторая неизвестная.
[5] Андрей Кондратенко—рабочий на жел. дор.
[6] Его жена.
[7] и [9] Неизвестны.
[8] Яков Рябоконь и Яков Алексеев—рабочие.

Хоть я не солдатом одет.
Галине[1] же шлю свой упрек
За то, что не искренна, лжива;
Неискренность—это порок.
Пусть будет честна и правдива.
Прощаюсь я также и с теми,
Которых я здесь не назвал.
Словом, прощаюсь со всеми,
И с теми, которых не знал [2].

Насколько ясной представляется во всем этом роль рабочих, настолько невыясненной остаются фигуры Синявиной, Диатолович и некоторых других участников. Относительно же Бекарюкова можно сказать одно, а именно, что жандармы употребляли все усилия к тому, чтобы превратить его в центральную фигуру. Действительно, из некоторых показаний участников кружка выясняется, что он был одним из главных пропагандистов и сыграл большую роль при выработке программы.

3. Провал харьковского кружка и провокатор Курелюк.

Харьковские жандармы еще в 1887 г. были осведомлены о существовании социально-революционного кружка рабочих в Харькове; но наружное наблюдение за кружком не давало желанных результатов; а быть может, жандармы и с целью не начинали дела. Поэтому жандарм Вельбицкий в своем донесении П. Н. Дурново от 30 сентября 1887 г., успокаивая начальство тем, что за кружком установлено хорошее наружное наблюдение, пускается однако в следующее любопытное рассуждение: «более видные революционные деятели, из состава интеллигентных кружков, считают как бы своею обязанностью поддерживать существование рабочего кружка, где впервые пробуют свои силы в устной пропаганде социально-революционных идей или же свои организаторские способности, для чего они или непосредственно или через других лиц входят в сношение с рабочими; но это стремление, эта так сказать, слабость революционных деятелей нередко дает возможность, при помощи тщательного наблюдения и секретного агента (которого я имею в этом кружке рабочих), обнаружить, установить лиц с более вредным направлением, нежели рабочие» [3].

Этим секретным агентом и был рабочий Курелюк, близкий товарищ члена кружка Соколова. По поводу привлечения Курелюка

[1] Галина—жена Филипченко.
[2] Ист.-Рев. Арх., 3-е дел-ство, д., № 761, стр. 19.
[3] Ист.-Рев. Арх., 3-е дел-ство, д. № 761, стр. 3.

качестве секретного сотрудника жандарм Вельбицкий входил докладом к П. Н. Дурново со специальным ходатайством о вызове его, Вельбицкого, в Петербург для обсуждения вопроса. Деятельность Курелюка, по мнению Вельбицкого, должна быть в особенности плодотворной для раскрытия организации в Ростове-на-Дону, так как аресты в Харькове заставили ростовских рабочих быть особенно осторожными. Дурново, прочитавши доклад, собственноручно написл: «написать в штаб, что прибытие полковника Вельбицкого весьма желательно». Получив соответствующие командировочные, Вельбицкий отправился в Петербург, там обсудил вопрос о привлечении Курелюка в сотрудники, возвратился в Харьков и начал действовать.

В деле о харьковском революционном кружке имеются показания Курелюка, из которых и выясняется все предательство этого человека. Он откровенно и цинично сознается, что весною 1888 г. по своей молодости и неопытности, сам не зная как, «был втянут в деятельность» группы рабочих, но вскоре «понял всю преступность их целей и стремлений». Понявши это «и в то же время сознавая, что скрывать преступные намерения этой группы по долгу русского человека нельзя», он явился к харьковскому полицеймейстеру и чистосердечно все ему рассказал. Судя по донесению жандарма Вельбицкого еще в 1887 г., когда он говорит, что у него имеется секретный сотрудник в кружке, и сопоставляя с этим показания Курелюка о том, что он очень близко сошелся с Соколовым и знал решительно все, что делалось в кружке, можно с уверенностью сказать, что Курелюк писал свое показание под диктовку Вельбицкого или другого жандарма Померанцева, который был специально приставлен Вельбицким для надзора за Курелюком.

О нравственной личности Курелюка можно судить по следующему его заявлению в протоколе дознания: «хотя молодость и неопытность завели меня далеко в знакомстве и отношениях к группе харьковских рабочих, задающихся преступными целями, но я потому и поспешил сделать заявление харьковскому полицеймейстеру еще в марте 1888 г.; я подтверждаю это заявление настоящим показанием, что я теперь понял свои заблуждения и раскаиваюсь в них чистосердечным признанием. Но я поставлен в такое положение, что и сейчас прекратить окончательные сношения с ними не решаюсь, так как чуть нетактичное с моей стороны поведение будет замечено, как меня сочтут за изменника и за кого угодно, только не за человека, раскаивающегося в своих заблуждениях, и начнут свои преследования» [1].

[1] Там же, д. № 160, стр. 81.

Так или иначе, по уговору ли с жандармами или по собственной инициативе, но Курелюк при помощи харьковского полицеймейстера переехал в Ростов, где завел новое обширное революционное знакомство. Что касается харьковских дел, то наравне с главнейшими руководителями кружка, за немногим исключением, он знал решительно все, потому что при реорганизации всего дела, когда происходили выборы в центральный кружок, он и попал в него в качестве члена. Вот почему показания Курелюка в высшей степени подробны, и в них действительно содержится многое из того, что происходило в действительности, хотя, конечно, в этих показаниях, как и во всяких показаниях провокатора, чувствуется жандармская рука.

А между тем Курелюку доверяли без всякого опасения: именно с ним сносились прежде всего по делу о завязывании связей с ростовскими рабочими, к нему приезжали товарищи в Ростов, и он же там устраивал свидания харьковцев с ростовцами на своей квартире. Понятно, почему жандарм Померанцев, вместе с ним и Вельбицкий, был так прекрасно осведомлен о всех делах внутри кружка. Впрочем, в этом интересном деле не менее печальную и позорную роль сыграл и благородный дворянин Сергей Николаевич Велецкий. Когда жандармами была перехвачена его переписка с Дениш и его заключили в тюрьму и привезли к дознанию, он дал совершенно откровенные и пространные показания.

При помощи предателя Курелюка и откровенных показаний Велецкого жандармам и удалось более или менее выяснить участие в деле членов кружка. После почти годового заключения (дело началось летом 1889 г.) в марте 1890 г. министром юстиции был постановлен приговор по отношению к 19 обвиняемым, из которых рабочие получили тюрьму от трех до восьми месяцев, а именно: Соколов, Веденьев, Рябоконь, Кондратенко, Чайченко, Бронштейн, Мельников, Ткаченко, Лукьянов, Алексеев и Конотопов. Интеллигенты пострадали менее, за исключением одного Перазича, который даже по сравнению с рабочими получил самое тяжелое наказание: год тюремного заключения и затем, по окончании срока, высылка из пределов империи. К делу было привлечено в разное время и еще много лиц. Так, например, студент Мягков, проживавший в г. Борисоглебске, где у него по этому делу был произведен обыск. Но к концу дознания за недостаточностью улик осталось только 19 человек. Как держали себя рабочие, попавши в тюрьму? Они, в сущности говоря, ничего существенного не показывали, за исключением некоторых. Да, положим, трудно было запираться, когда у жандармов были показания провокаторов. О Мельникове и Перазиче можно сказать, что они ничего существенного не по-

казали. И вообще всеми участниками были признаны те знакомства, которые было все равно бессмысленно отрицать. Рябоконь признал, что он был кассиром и что Бекарюков бывал у него; Перазичу трудно было бы отрицать принадлежность ему той литературы, которая была у него найдена; Кондратенко и Чайченко конечно признали свою поездку в Ростов, но конечно ни слова не сказали, с какой действительно целью они туда ездили, и только Веденьев, как выражается протокол жандармов, «дал более откровенное показание» [1]. Он признал, что собирался для чтения вместе с Рябоконем, Бронштейном, Кондратенко и Чайченко; что у них была библиотека и что устройство этой библиотеки поручено Рябоконю; точно также он признал факт поездки своей вместе с Соколовым в Белгород, точно так же, как то, что в их кружок вступил Мельников, что Мельников, Веденьев, Кондратенко и Чайченко ездили в Ростов для устройства нового рабочего кружка и что между ростовцами и харьковцами была переписка. С первого взгляда может показаться, что эти подробные раз'яснения, данные Веденьевым, довольно откровенны; но если принять во внимание, что харьковский кружок все-таки носил на себе следы народовольчества и что и тогда еще многие из революционеров смотрели на свое поведение в суде и перед жандармами как на продолжение своей революционной деятельности, то на показание Веденьева можно взглянуть как на желание продолжать свое дело в тюрьме.

4. Ю. Мельников в «Крестах» и Перазич в Сибири.

О дальнейшей судьбе участников харьковского кружка, за немногими исключениями, подробных сведений не имеется. Но о В. Д. Перазиче и Ю. Д. Мельникове имеются некоторые материалы.

О Мельникове имеются, кроме сведений, уже сообщенных в печати, следующие данные. Прямо из харьковской тюрьмы Ювеналий Дмитриевич Мельников был отправлен для отбывания наказания в Петербург в «Кресты».

В «Крестах» Ю. Д. заболел брюшным тифом с очень опасным осложнением цынгою, так что эти явления цынги были выражены на нижних конечностях с подкожными излияниями и атрофиею мышц. Мельников был помещен в больницу и все время находился в постели. Ходатайство жены Мельникова об освобождении мужа из тюрьмы, вследствие болезни, до окончания срока жандармами было отклонено. В деле Департамента за № 880 имеется извещение о лице, выбывшем из С.-Петербургской одиночной тюрьмы, в ко-

[1] Там же, стр. 52—59.

тором значится, что политический арестант, сын коллежского регистратора, Ювеналий Дмитриевич Мельников, по профессии ремесленник, 11 марта 1891 года, за отбытием срока, освобожден.

По докладу по этому поводу директору Департамента Полиции «его превосходительство приказать изволил воспретить сыну коллежского регистратора Ювеналию Дмитриевичу Мельникову жительство в столице в течение двух лет». Сохранилось в деле точно также очень интересное прошение Мельникова от 18 мая 1891 г., написанное им, повидимому, в г. Пензе, куда он ездил к жене, которая как раз в это время там жила, о том, что ему, по распоряжению пензенского полицеймейстера, не выдают вида на жительство. Департамент Полиции приказал вид на жительство Мельникову выдать.

В статье Б. Э. рассказывается о том, что, несмотря на желание Мельникова попасть слесарем в ж.-д. мастерские, ему этого не удавалось, вследствие препятствий, какие ставились жандармами. В деле о Мельникове сохранилась переписка, из которой видно, что на просьбу Мельникова о поступлении слесарем на ж. д. железнодорожные жандармы дали свое согласие, но когда это прошение было представлено начальнику Киевского жандармского управления генералу Новицкому, тот переслал прошение Мельникова с своим заключением, в котором указывал, что Мельников в 1892 г. служил в Киеве на электрической станции, занимался там пропагандой среди рабочих и впредь намерен заниматься этой пропагандой. На этой бумаге Новицкого в Департаменте Полиции помечено: «Поступление в ж.-д. мастерские отклонить».

Дальнейшая судьба Мельникова тесно связана с историей 1-го киевского рабочего комитета, по делу которого он был арестован 17 апреля 1896 г., когда он и просидел до 29 января 1897 г. После третьего ареста в 1898 г. он был выслан в Ромны под надзор полиции, а затем в Астрахань и скончался 19 апреля 1900 г.

Дальнейшая судьба Перазича связана с деятельностью Московского союза борьбы за освобождение рабочего класса. Перазич, как известно, был выслан за границу. Доставленный на австрийскую границу, Перазич исчез с горизонта. Но вот в 1894 г. Департамент Полиции получил известие из-за- границы от секретной агентуры, что Перазич имеет связи с Бурцевым, террорист и находится в России. Началась переписка. В 1900 г. Департамент Полиции ставит вопрос, не является ли нелегальный Константин Солодуха, сосланный в 1900 г. в Якутскую область по делу Московского союза борьбы за освобождение рабочего класса, тем самым Перазичем, который когда-то был выслан за границу и утерян из виду полиции.

Оказывается, что Константин Солодуха—не Солодуха и что лицо, называющее себя Солодухой, какой-то нелегальный революционер, по еврейскому паспорту Солодухи крестившийся в 1898 г. в Пензенской губернии. Сюда идет переписка в течение всего 1903 года с заграницей для выяснения: не находится ли там лицо, называющее себя Перазичем, и вместе с тем идет переписка с сибирскими властями о том, не есть ли Солодуха Перазич. А таинственное лицо, Перазич или Солодуха—неизвестно, под именем Солодухи даже в Сибири занимается крамолой, налаживает получение нелегальной литературы из-за границы в Сибирь, за что попечительное начальство и приговаривает таинственного незнакомца Солодуху-Перазича, вместе с другим подозрительным Тепловым, к месячному заключению в Якутской губернской тюрьме.

Но тайна так и остается тайной. Таинственная личность, Солодуха-Перазич, действует попрежнему: вместе с другими 51 ссыльными он участвует в знаменитой романовской истории, когда 55 ссыльных с 18 февраля по 7 марта 1904 г. в городе Якутске забаррикадировались в доме якута Романова, выдержав осаду полиции. Вообще таинственный незнакомец причиняет большие хлопоты государственной полиции: Солодуху-Перазича не может успокоить ни Киренск, ни Вилюйск, куда, наконец, его водворили,—полиции постоянно мерещится, что Солодуха-Перазич собирается бежать, и министр Святополк-Мирский срочно телеграфирует военному ген.-губернатору в Иркутск, что «около года в Иркутске живет барыня, подготовляющая Солодухе побег. Благоволите принять меры к устранению возможности побега».

Неугомонный Перазич через подкоп бежит из Александровской тюрьмы и, пойманный, наконец, привлекается за романовскую историю и приговаривается к 12 годам каторжной работы 8 августа 1904 г. Вот здесь-то, наконец, разъясняется тайна: Солодуха лично раскрывает свои превращения и сознается, что Солодуха и Перазич—одно и то же лицо. 26 октября 1905 г. по амнистии Солодуха освобождается от наказания. Приговоры остальных членов кружка указаны в приложении, но о дальнейшей судьбе ничего неизвестно.

5. Замечания по поводу статьи Перазича «Ювеналий Мельников и харьковский рабочий кружок», воспоминаний тов. В. Д. Перазича и статьи тов. С. П. Мазуренки.

Наша работа была уже написана, когда вышел № 14 «Еженедельника «Правды» со статьей т. Перазича. Статья изобилует

такими подробностями, которые может сообщить только участник кружка. Важнее однако то, что наше предположение, высказанное на основании материалов, подтверждается в общем и целом воспоминаниями т. Перазича. В начале своей статьи он говорит: «Это была пора теоретических исканий в связи с выяснившимся крушением народовольчества, период первого размежевания в Харькове ощупью, без знакомства с произведениями Плеханова, намечавшегося марксизма и революционного народничества, делавшего попытки увлечь за собою и бросить на путь террористической борьбы силы, накопленные упорной работой пропагандистов в передовых слоях рабочего класса». Об этом как раз говорится и в нашей статье: отношение к террору, стремление к самостоятельной рабочей организации, попытки найти новые пути—все это и дало нам право сказать в первой главе о том, что «харьковский кружок был одной из замечательных попыток рабочих, без знакомства с марксистским учением, самостоятельно найти новые, не народовольческие пути». Точно также подтверждается наше мнение о Бекарюкове,—роль его не ясна и для тов. Перазича. Бытовая, так сказать, сторона дела, как она рисуется приведенным нами стихотворением, подтверждается в общем в статье т. Перазича, который говорит о собраниях молодняка с песнями, декламацией стихов и т. п. Теперь несколько замечаний о том, чего либо не мог знать т. Перазич, что вполне естественно мог забыть. Вспоминая двух Яковов, фамилию одного из них он не может назвать; фамилия этого другого Якова—Алексеев. Этот Алексеев получил, как и Мельников, восемь месяцев тюрьмы. Неверно однако утверждение т. Перазича относительно меры наказания, примененной по отношению к другим членам кружка. Тов. Перазич говорит, что остальные члены кружка получили по шести месяцев, кроме Мельникова и его самого. Как это видно из приложения № 3, за исключением Остапенко Надежды, Ивана Тилеченко и Анны Мельниковой, отданных под негласный надзор полиции, почти все рабочие получили по восьми месяцев тюрьмы. Бекарюков получил всего на всего три года гласного надзора в Степном генерал-губернаторстве, что лишний раз подчеркивает обстоятельство, указанное нами в статье, а именно, что роль Бекарюкова во всем этом деле была хотя и значительна, но не так уж исключительно велика, как это рисуется т. С. П. Мазуренко и И. Веденьеву. Далее т. Перазич со слов Петра Маслова говорит: «Помню только, что суть дела была в том, что харьковские жандармы получили нагоняй из Питера за то, что проворонили какое-то важное дело, аресты по которому были произведены уже в других местах, и, желая загладить свой промах, ре-

шили зарезать свою золотую курицу, так как не имели ничего другого под руками». Весьма возможно, что это и верно, но причиною провала кружка, хотя жандармы и прекрасно знали о его существовании, являлась неосторожная переписка с Верою Дешиш «раскаявшегося» Велецкого, после чего жандармы и пустили в ход уже давно заготовленного провокатора Курелюка.

Гораздо вернее другое предположение, высказанное т. Перазичем в примечании на стр. 26-й, а именно то, что жандармы, зная о существовании кружка, могли в любое время арестовать его членов. Действительно, в делах есть переписка [1] жандармов и Департамента Полиции, из которой видно, что начальник Харьковского жандармского управления Вельбицкий просил разрешения Департамента повременить до тех пор, пока он через провокатора не найдет всех корней и нитей. Но за исключением этих вполне понятных маленьких неточностей, статья Перазича является интересным документом, рисующим эпоху возникновения рабочих организаций и в особенности характеризующим действительно замечательную фигуру Ювеналия Дмитриевича Мельникова.

Что касается воспоминаний т. И. Веденьева, напечатанных в Украинской «Летописи Революции» за 1923 г. № 5, то кроме тех замечаний, которые нами сделаны выше, придется остановиться на двух следующих обстоятельствах. Первое: — это умаление роли Ю. Д. Мельникова в харьковском кружке. «Что он был безусловно честным и энергичным работником, что он был беззаветно предан революционному делу, это — да, но чтобы быть руководителем, то для этого он был слишком молод» («Лет. Рев.», стр. 104).

Мельников был, действительно, молод; рабочие, подобные И. Веденьеву, прошли уже большую революционную школу, во многом они были учителями Мельникова и все же... и все же Мельников целой головой был выше всех остальных членов кружка и молодых и старых.

Таким он рисуется по делу и жандармами, и провокатором Курелюком, и революционером Перазичем, знавшим его в 1889—90 гг., и революционером Б. Эйдельманом, знавшим его позже. Вот как описывает т. Перазич свою встречу тогда, в 1889 г., с Мельниковым в тюрьме: «Ювеналий был как раз на прогулке и еще издали поразил меня своею наружностью. «Орел в клетке»—сразу мелькнуло у меня в уме сравнение» («Лет. Рев.» 1923 г. № 3, стр. 114). Этот эпитет относится не только к наружности. Перазич рассказывает, как уже тогда, еще не читая Маркса, Мельни-

---

[1] Ист.-Рев. Арх., д. № 880.

ков понял ненаучные основы философии Спенсера и идеалистический эклектизм Кареева.

Второе обстоятельство: это — утверждение, что руководящую роль в кружке играл Д. Д. Бекарюков. Возможно. Мы в данном случае верим т. И. Веденьеву тем более, что оно совпадает с воспоминаниями другого участника харьковских народнических кружков т. С. П. Мазуренки.

Однако, нужно принять во внимание, что когда мы писали работу, перед нами было только департаментское дело с обрывками документов, которыми роль Д. Д. Бекарюкова рисуется не достаточно четко. При этом нужно сказать, что документы эти прошли через руки жандармов.

И если исследователь, несмотря на это, сумел из таких обрывков документов востановить истинную картину действительности (а этого в общем не оспаривает никто), то разве он не вправе себе сказать: главное мною понято, а детали предоставим дополнить другим и в том числе суровым критикам.

Теперь, что касается замечаний т. С. П. Мазуренки, утверждающего, будто бы ее «автором был один только Д. Д. Бекарюков» («Пути Революции» 1926 г. № 2—3 (5—6), стр. 27), то необходимо заметить следующее.

Единственным доводом в пользу своего мнения т. Мазуренко приводит свою память: «мне хорошо известно».

Известно т. Мазуренко еще и вот что: «Из рабочих же при обсуждении этой программы в их кружках только один Веденьев внес незначительные поправки и дополнения».

Т. Мазуренко в кружке, описанном нами, участия не принимал, стало-быть, на заседаниях при выработке программы не участвовал, а вот член кружка И. Веденьев так говорит по этому поводу: «Летом 1886 г. приехал в Харьков Дмитрий Дмитриевич Бекарюков. Это был старый харьковский работник. Будучи уволен из университета, он уехал в Казань, где и кончил курс на врача. С ним мы приступили к выработке программы. Происходило это так: каждый отдельный вопрос вносился на обсуждение в центральный кружок, после обсуждения передавался Бекарюкову на редактирование. Особых споров и разногласий не происходило; только по вопросу о терроре была заминка с Андреем Кондратенко, но и тот подчинился общему решению» («Лет. Рев.» 1923 г., № 5, стр. 102).

Во-первых, программа, каждое положение которой обсуждается на общем собрании кружка и которая только редактируется одним человеком, Д. Д. Бекарюковым, даже если девять десятых полжений этой программы принадлежали сначала этому

одному человеку, уже не есть программа одного этого человека, а результат коллективного творчества, в котором, правда, большую роль играл этот один человек.

Во-вторых, не один Веденьев, как утверждает т. С. П. Мазуренко, принимал участие в обсуждении программы. Оказывается, по вопросу о терроре «была заминка» с Кондратенко, а пункт о терроре, как известно, остался и в харьковской программе.

Таким образом, то, что известно т. Мазуренко, это—одно, а то, что было в действительности, это — другое.

По тем данным, которые были в нашем распоряжении, никакого иного заключения, чем то, какое было нами дано, сделать было нельзя, а по тем новым данным, которые имеются теперь, можно притти к новым выводам, но не таким, какие делает т. С. П. Мазуренко: «Опыт программы русской соцально-революционной группы рабочих» есть результат коллективного творчества, — проект программы, очевидно, написанный Д. Д. Бекарюковым, был обсужден рабочим кружком и после внесенных замечаний им же редактирован.

Но не в этом центр вопроса: охотно допускаю, что Д. Д. Бекарюков автор программы, важно не это, а то, что как содержание программы, так и революционная деятельность интеллигентов и рабочих революционеров носят на себе следы переходного периода, от народничества к марксизму.

Этот процесс интересовал нас, этот процесс характерен для 80-х годов, и его мы иллюстрируем примером харьковского кружка и его программы. В этом главное содержание картины.

После нашей статьи вопросу о харьковском кружке посвящены следующие статьи и материалы:

1. Веденьев И. В харьковских кружках 1882—89 гг. «Лет. Рев.» Журнал комиссии по изучению истории Октябрьской революции и коммунистической партии (большевиков) Украины. 1923 г. № 5. Гос. Изд. Украины.

2. Перазич В. Ювеналий Мельников и харьковский рабочий кружок. «Лет. Рев.» 1923 г., № 3.

3. «О кружке Бекарюкова». «Лет. Рев.» 1923 г., № 3.

4. Рубач М. От народничества и народовольчества к марксизму. «Лет. Рев.» 1924 г., № 1 (6).

5. Макаревский А. Революционный Харьков в 1882 — 85 гг. «Лет. Рев.» 1923 г., № 5.

6. Его же. Из истории революционного движения 1885 — 1887 гг. «Лет, Рев.» 1924 г., № 2.

В этих статьях, как и в сообщении М. Рубача, дается общая картина движения или жизнь отдельных кружков.

7. Фрейфельд Л. Светлой памяти Софьи Михайловны Гинзбург. «Каторга и Ссылка» 1924 г., № 5 (12).

8. Мазуренко С. П. От «Черного Передела» до коммунистической партии.—«Пути Революции». Истор.-револ. журнал. Всеукраинский совет Всесоюзного общ-ва полит. каторжан и ссыльно-поселенцев. 1926 г., № 2—3 (5—6).

9. Мельников, Ю. Д. Биографический очерк. Изд. Астраханского Истпарта 1925 г.

10. К 25-тилетию первого с'езда партии. Сборник. Изд. Истпарта. М. 1923 г.

11. I с'езд Р. С.-Д. Р. П. Сборник статей и материалов под ред. В. А. Амосова.

12. Дружинина З. Ювеналий Мельников. М. 1929 г.

13. Эйдельман Б. Л. Первый с'езд Р. С.-Д. Р. П. М. 1922.

14. Невский В. И. Очерки по истории РКП(б), ч. I, Л. 1925 г.

15. Перазич В. Ювеналий Мельников и харьковский рабочий кружок. «Еженедельник Правды». № 14, 1921 г.

VI. ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Морозовскую стачку нужно считать поворотным моментом в истории русского рабочего движения, во-первых, потому, что организаторами и руководителями этой стачки были сами рабочие-социалисты; во-вторых, потому, что стачка являлась кульминационным пунктом стачечного движения в восьмидесятых годах, заставила русское правительство ответить на нее законом о штрафах; в-третьих, потому, что необыкновенная организованность и стойкость рабочих послужили примером для рабочих других фабрик и заводов и толкнули их на борьбу, и, в-четвертых, наконец, потому, что эта стачка открыла глаза даже самым закоренелым скептикам и показала, что и в России существует такое же рабочее движение, а, стало-быть, и капитализм, как и на Западе.

Стачки рабочих в России, разумеется, происходили и до морозовских событий. Все об этом знали, многие об этом даже писали (конечно, больше и чаще в нелегальной прессе), правительство расправлялось со стачечниками по-самодержавному (были случаи, когда стачечников попросту... пороли), но в существование рабочего движения, пожалуй, никто, кроме нарождающихся еще только социал-демократов, не верил. По крайней мере, в том же 1885 году народовольцы все еще упрямо продолжали твердить, что буржуазии в России почти нет и рабочего движения, в западно-европейском смысле слова, тоже не существует.

Однако представители идеологии крупных землевладельцев и буржуазии посмотрели на дело несколько иначе и расценили события не так, как народовольцы.

С первого взгляда, пожалуй, Морозовская стачка ничем не отличалась от других стачек. Причиною стачки послужили невыносимые, поистине каторжные условия, в каких приходилось жить и работать морозовским рабам. Опубликованные документы из

судебного дела о стачке освещают положение рабочих исчерпывающе.

В самом деле, стоит только взглянуть на протоколы следователя Боскарева об условиях работы на фабрике и показания свидетелей. Один из таких свидетелей, управляющий самоткацкими фабриками Викулы Морозова в М. Никольском, Иван Леонтьев Рыжов, описывая порядки на фабрике, насчитывает не более и не менее как 23 формы или способа штрафования ткачей. И чего здесь только нет! Близны, недосеки, пролеты, забоины, неровный бой, легкий вес, подныркн, подплетины, работа без подвязи, дурные краски и т. д. и т. п., а если по сути дела взглянуть на все эти недочеты, являвшиеся причиною штрафа, то оказывается, что ткач только в исключительных случаях мог отвечать за все подобные недостатки, так как администрация фабрики уже заранее определила: ткач виноват всегда. Тот же самый Рыжов, что насчитал 23 повода для взыскания штрафа, выражается очень ясно и определенно: «Если же взыскивать формально, за каждый порок без разбора, то ни один ткач никогда без штрафа не обойдется».

Но именно как раз так морозовская администрация и относилась к своим рабочим. Что это действительно так, видно из об'яснений того же Рыжова о низкой заработной плате ткачей.

Низкая заработная плата, говорил он, зависит от низкой расценки, а низкая расценка зависит от того, хорош или плох ткач. Но даже, если ткач и хорош, то и тогда он не может заработать много, так как, будь он семи пядей во лбу, штрафовать его все-таки будут. А штрафовать будут даже хорошего ткача потому, что, независимо от его воли, работа ухудшается, если у него плохой сменщик, если его ставят не на его работу (например, вместо плиса на миткаль), если плохая пряжа, если плохая шлихтовка и если бывает простой станков. Словом, таких «если» на фабрике Морозова существовало столько, что штрафы понижали и без того ничтожный заработок чуть ли не до нуля.

Это видно из проверенных следствием цифр.

Вот эти цифры:

Рабочих было	В октябре	В ноябре	В декабре
мужчин	470	463	475
женщин	816	824	812
Итого . . .	1.286	1.287	1.287
Заработали всего: . . .	17.699 р. 53 к.	17.275 р. 02 к.	13.712 р. 25 к.
Вычтено из них:			
За порчу товаров . . .	966 р. 90 к.	1.056 р. 76 к.	954 р. 41

За прогул и пр.	49 р. 1 к.	44 р. 79 к.	42 р. 18 к.
За водопровод, уголь и освещение	346 р. 39 к.	338 р. 14 к.	267 р. 80 к.
Сумма всех вычетов . .	1.362 р. 30 к.	1.439 р. 69 к.	1.264 р. 39 к.

Бухгалтер, путем всяких своих вычислений, как-то ухитряется определить среднюю заработную плату ткачу в месяц при 12-часовом рабочем дне в октябре в 34 руб. 30 коп., в ноябре в 39 руб. 91 коп. и в декабре в 35 р. 89 к., но ясно для всякого, что в среднем ткач у Морозова получал не более 13—15 рублей в месяц. При этом, как сознается сам бухгалтер, штрафы доходили в отдельных случаях до 30 и даже до 35%.

Эта небольшая иллюстрация показывает, до чего доходила эксплоатация на этой знаменитой фабрике. Но, и помимо штрафов, рабочим жилось несладко: издевательство мастеров, отвратительные жилищные условия, отсутствие самых примитивных удобств, например, медицинской помощи,—словом, обычная российская картина рабочей жизни.

Состав рабочих на морозовской фабрике был серый: из 6 779 чел. 1 912 приходилось на владимирских крестьян, 1 707—на московских, 1 127—на рязанских и по нескольку сот—на калужских, тульских, тверских, тамбовских и пр. Масса была крестьянская, невзыскательная, однако и ей стало невмоготу. Она не выдержала.

Забастовка вспыхнула и, как всем известно, протекала весьма бурно, с разгромом некоторых фабричных зданий и помещений начальства. Стачка, стало-быть, была как стачка, ничем не отличающаяся от обычных стачек того времени.

Однако уже с самого начала ее проявилась одна черта, существенно отличающая ее от всех прежде бывших стачек: организованность и сплоченность рабочих и руководство всем движением в лице Петра Анисимовича Моисеенка и его ближайших помощников, Луки Иванова и Василия Волкова.

Петр Анисимович Моисеенок—колоритнейшая фигура русского рабочего движения.

Родился он 1852 г.; происходит из крестьян Смоленской губ., Сычевского уезда, деревни Обыденой. Рано он попал ткачем на фабрику Зимина. Работая там, он ходил на соседнюю фабрику Саввы Морозова. Там у товарища своего брата, ткача Гвоздарева, нашел он запрещенную книжку, где говорилось о боге и о царе. Желая проверить все сказанное в книге, Моисеенок вместе со своими товарищами отправился во Введенскую пустынь. Понаблюдавши там жизнь монахов и убедившись, что все написанное в

книге правда, Моисеенок решил отправиться в Петербург, чтобы разузнать все получше. В Петербурге он остановился у земляков, ломовых извозчиков. Скоро ему удалось поступить на фабрику Шау. Работая здесь, он сошелся с революционерами, так как многие рабочие уже входили в революционные кружки. Здесь, в этих кружках, Моисеенок познакомился с выдающимися революционерами того времени: Пресняковым, Чубаровым, Лизогубом, Боголюбовым, Поповым и, наконец, с Плехановым и Халтуриным. Плеханов оказал на Моисеенка огромное влияние. «С жадностью я набросился на книги,—говорит Петр Анисимович в своих воспоминаниях,—как легальные, так и нелегальные; читал не только в свободное время, но также и за работой; сменщик мне попался дельный и старательный; мы скоро выдвинулись как лучшие ткачи, нам дали по другой паре станков с подручными мальчиками. Это было в 1874—1875 годах. Вот с этих-то пор я начал принимать деятельное участие в партии «Земля и Воля». Кружок наш расширялся, но все же систематического занятия не было, вплоть до знакомства с Плехановым, с которым мы начали разбирать сочинения Шелгунова. Благодаря Плеханову, я многое уяснил себе и стал разбираться в литературе» [1].

Распропагандированный Плехановым Моисеенок весь отдается революционному движению: принимает участие в известной стачке на Новой бумагопрядильне, вместе с рабочими идет подавать прошение наследнику, попадает в тюрьму, высылается из Петербурга, снова возвращается туда и теперь уже надолго попадает в тюрьму. Просидев 17 месяцев в тюрьме, он идет в ссылку в Сибирь. Здесь он живет с ссыльными народниками и народовольцами. Еще больше утвердившись в своем социалистическом мировоззрении, он по амнистии в 1883 году возвращается в Россию.

Еще в ссылке он мечтает о том, как снова уйти на революционную работу. Амнистия только ускорила это намерение. Поступивши на работу на фабрику в д. Ликине, Моисеенок быстро завязывает связи с рабочими ближайших фабрик. Здесь он встречается со своим старым товарищем Лукой Ивановым, принимавшим вместе с ним участие в петербургских стачках и вместе с ним отбывавшим наказание. К ним присоединяется еще один из замечательных русских рабочих—ткач Василий Сергеевич Волков.

Втроем они обдумывают план борьбы с хозяевами, и Моисеенок еще месяца за три до стачки переходит на работу на фабрику Морозова.

---

[1] Выдержки взяты из рукописи П. А. Моисеенка, находившейся в моих руках.

Начинается усиленная агитационная работа среди темной массы. Трогательно читать эти человеческие документы—показания Моисеенка, где он рассказывает, как он пользовался всяким удобным случаем, чтобы поднять самосознание масс: «... Некоторые из рабочих уже стали на меня обращать внимание, чему послужило чтение книг из местной библиотеки. Сначала я брал «Отеч. Записки», потом стал брать «Русскую Мысль», из которых я выбирал более пригодные рассказы и романы, чтобы заинтересовать их, статьи же политические и экономические не находил нужным читать, видя, что они будут не поняты... Когда прочел я статьи о русской промышленности в «Отеч. Записках», где говорится,—из официальных источников взято,—что каждый рабочий, работающий на капиталистических предприятиях, вырабатывает в год на 1.470 руб., то меня уже подмывало поделиться этой новостью с рабочими, и я говорил, поскольку, дескать, зарабатывает каждый из нас и сколько получает, и сколько остается в пользу хозяина»... Так, встречаясь с рабочими то в коридоре казарм, то в «клубе», т.-е. в фабричной уборной, Моисеенок искусно пользовался самыми легальными средствами и книгами, чтобы пробудить сознание рабочих.

Ход и характер стачки, подготовленной, можно сказать, Моисеенком и его товарищами, известен. Читатель найдет в книге, изданной Центрархивом, обильный материал, рисующий драматические моменты стачки. Нам хотелось бы подчеркнуть одну черту характера Моисеенка, которая так типична для всякого организатора: это забвение своих собственных интересов, растворение своего «я» в массе, в результате чего и достигается господство организатора и руководителя над массой. Он сам часть массы, он живет ее жизнью, ее интересами, говорит ее словами, возвышается до ее пафоса и решимости. Таков и Моисеенок. Вот что он показывает о себе и о своей роли на следствии: «Все, что только произошло здесь, было без всякого постороннего влияния; мои личные убеждения в неравномерном распространении м е ж д у т р у д о м и к а п и т а л о м впервые окончательно уяснились, читая журнальные статьи в журналах «Отеч. Записки» и «Вестник Европы», когда я содержался в Доме Предварительного Заключения. Хотя и прежде читал много разных книг, но понять их не мог. Убедившись в справедливости политических идей, я уже не мог равнодушно смотреть на с т р а д а н и е л ю д е й, с которыми обращаются иногда хуже вьючного животного, которому зажимают рот, когда он хотел бы протестовать. К необходимости стачки меня привело то, что все единичные протесты ни к чему не приводили и не облегчали участи рабочих»... «В с е, ч т о

произошло, я приписываю себе; не будь здесь меня, едва ли была бы забастовка, и никакое постороннее влияние не могло ужиться и иметь место среди здешнего народа,—только свой брат, рабочий, зарекомендовавший себя на работе, как хороший работник, может иметь влияние и то тогда, когда народ недоволен».

В этих словах чувствуется огромное понимание массы, ее привычек, психологии, чувствуется умение подойти к этой массе, использовать ее настроение, учесть момент, чувствуется способность пожертвовать собой не зря, не попусту, не ради красивой формы, словом, чувствуется большой организатор, большое сердце и острый ум.

Неправда, конечно, что Моисеенок будто бы до тюрьмы не понимал «справедливости политических идей», понимал прекрасно он их задолго до тюрьмы,—не даром он прошел школу Плеханова и Халтурина,—но дело не в этом, а в том, что, поняв их, он не мог уже молчать, а со всем пылом и страстью убежденного социалиста он бросился проводить их в жизнь. Действовал Моисеенок, конечно, не один. Как хороший организатор, он заставлял делать других, и мы видим, как в самые трагические моменты событий действует Волков,—ведет за собой толпу, выражает ее требования, говорит с властями. Но за всем тем за его спиной чувствуется все та же единая воля и сила—Моисеенок, сознавший «справедливость политических идей».

И таким энергичным, сильным, способным претворять слово в дело Моисеенок остался до самой смерти. Отправленный в ссылку в Архангельскую губернию, он и там горел и кипел, а вырвавшись оттуда, он в первой половине 90-х годов снова в движении и принимает участие в ростовской стачке 1894 года. Он вместе с другими подготовляет ее. Снова арест, тюрьма, ссылка и так до самой Октябрьской революции, которая, наконец, осуществила то, за что боролся всю жизнь Моисеенок.

Руководителем стачки были сами рабочие: Моисеенок, Волков, Лука Иванов. Сами они подготовляли народ, сами вырабатывали требования, разработали план и привели его в действие.

В этом состоит огромное значение Морозовской стачки. Рабочие не только соседней округи, но всей России очень скоро узнали, кто организовал Морозовскую стачку и за что боролись морозовские ткачи. Несомненно, под непосредственным влиянием слухов о Морозовской стачке в конце года вспыхнула стачка в Тверской губернии на Кузнецовской фабрике. Важно здесь то обстоятельство, что кузнецовские рабочие прибегают к тем же

приемам борьбы, что и морозовские ткачи: рабочие, человек 100, устроили предварительное совещание, выработали план и требования, и уже после этого началась забастовка. Правда, и здесь, как в Орехове, дело кончилось разгромом лавки и битьем стекол в корпусах, но и здесь уже, как и в Орехове, замечаются элементы сознательности. Еще раньше, в Иванове, произошла забастовка пяти фабрик в один и тот же день и час, волновались рабочие и в других местах, и слухи о Морозовской стачке здесь играли не последнюю роль.

В следующем году вышел правительственный закон о штрафах: он, как это указывалось неоднократно, в существенных чертах только ответил на требования морозовских рабочих. В самом деле, стоит только вчитаться в статью 145 закона 3 июня 1886 г. о штрафах, чтобы согласиться, что ограничение вычетов за прогул, устанавливаемое этой статьей, с буквальной точностью воспроизводит требование морозовских рабочих. Точно также статья 97 закона об уплате жалования через две недели, статья 98 об уплате вознаграждения рабочему в случае нарушения условий фабрикантом, статья 152 об употреблении штрафных денег— все это лишь выплнение требований, пред'явленных морозовскими ткачами.

Без сомнения, закон 3 июня 1886 года не удовлетворителен, без сомнения, он создан не против капиталистов, но несомненно и то, что это уступка, сдаланная правительством под непосредственным давлением рабочего движения.

Не даром два представителя двух совершенно антагонистических классов—пролетариата и земельно-буржуазной аристократии—Плеханов и Катков отметили эту стачку.

Плеханов тотчас же после суда над морозовскими стачечниками постарался обратить внимание западно-европейских социалистов на небывалое еще явление в русской жизни,— уступку правительства под давлением рабочих. В журнале Ж. Геда и П. Лафарга «Социалист» он посвятил Морозовской стачке небольшую статью, в которой между прочим писал: «Процесс вызвал к себе огромный интерес в России, где он, несомненно, явится исходным пунктом нового фазиса рабочего движения». Через 10 лет В. И. Ленин в своей замечательной брошюре о штрафах так расценивал Морозовскую стачку: «Как ни безобразны были старые фабричные порядки, начальство ровно нічего не сделало для облегчения рабочих, покуда рабочие не начали бунтовать против них, покуда озлобленные рабочие не дошли до того, что стали ломать фабрики и машины, жечь товары и материалы, бить администрацию и фабрикантов. Только тогда правитель-

ство испугалось и уступило. Рабочие должны благодарить за облегчение не начальство, а своих товарищей, которые добивались и добились отмены безобразных притеснений».

Это обстоятельство очень хорошо учли идеологи умирающего старого феодального мира. Катков, узнавши об оправдательном вердикте суда по поводу Морозовской стачки, писал: «Вчера в старом богоспасаемом городе Владимире раздался 101 салютный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса»... (Катков разумел отрицательные ответы присяжных на 101 вопрос суда.)

«С народными массами шутить опасно»... Так кратко формулировал свое отношение ко всему делу Катков и высказывал мысль, не лучше ли отказаться и от промышленности, коль скоро ее развитие предполагает рост рабочего класса и, стало-быть, неизбежную борьбу и смерть старого мира.

Старый, но верный слуга издыхающего самодержавия понимал, откуда грозит опасность.

Но на этот раз даже народники как-будто бы поняли, что начинается нечто новое на Руси. По крайней мере Шелгунов отметил Морозовскую стачку на страницах своих очерков русской жизни, хотя в то же время в народнической и народовольческой нелегальной литературе стачка не нашла нигде достаточной оценки.

Как бы то ни было, Морозовская стачка показала, что и Россия уже по-настоящему пошла по пути капиталистического развития со всеми спутниками и вытекающими из этого развития явлениями.

В высшей степени метко замечает по этому поводу Д. Б. Рязанов, что как раз в это время во Франции в Декавиле происходила стачка углекопов. Ею руководили рабочие-социалисты—Керси и Роги. Эта стачка точно так же, как и Морозовская стачка, вскрыла такую бездну бесправия, эксплоатации, нищеты и горя, что можно было только сказать: законы капиталистического развития в общем и целом одинаковы, развивается ли капитализм в культурной западно-европейской стране или в дикой, отсталой России. Отсюда оставалось сделать только вывод: в таком случае и путь к свободе один и тот же.

Этот путь, действительно, и был таким, как на Западе. Уже факты, обнаружившиеся в 70-х годах, говорили об этом: рабочее движение этого десятилетия дало явления не только стихийного порядка в виде бунтов, но создало и такие организации, как «Южно-российский союз рабочих» и «Северный союз русских рабочих».

Правда, обе эти организации были разбиты правительством; правда, руководители их погибли либо на виселице, либо в Сибири, но об'ективный ход вещей, вызвавший эти организации к жизни, не остановился, ибо он не мог остановиться.

Развитие производительных сил России изменяло экономику, а стало-быть, и классовую структуру общества и тем самым классовую борьбу, в которой рабочие, фабрично-заводскої пролетариат, играл все большую роль. Не остановилось, конечно, и рабочее движение. Те же самые причины, которые толкали рабочих на борьбу в 70-е годы, толкали их и теперь. Из таблиц, прилагаемых к настоящей заметке, видно, что число всех забастовок с 1881 по 1895 г. включительно было 330. По годам эти забастовки распределяются так: 1881 г.—8, 1882—19, 1883—17, 1884—17, 1885—12, 1886—14, 1887—26, 1888—19, 1889—18, 1890—24, 1891—24, 1892—21, 1893—22, 1894—34 и 1895—55. О 175 случаях из этих 330 мы можем дать и цифры числа бастовавших: это число 151 859. Оно однако ниже действительности, так как необходимо прибавить первомайские забастовки чисто политического характера: в Лодзи 1890, около 10 тыс. чел., в Лодзи же 1891 г.—5 тыс. чел., в Жирардове 1891 г. около 9 тыс. чел. и, наконец, в 1894 г. на заводе Фицнера и Гаммера 4 тыс. чел., т.-е. всего 28 тыс. чел. политических забастовщиков [1].

Если прибавить эти 28 тыс., то число участников в стачках выразится за 16 лет цифрой 179 859 чел. только в 175 случаях, а число бастовавших за 80-е годы (с 1881 по 1889 г. в 73 случаях, в которых известно число бастовавших) 62 998 чел. Считая среднее число бастовавших на стачку 1 028 чел., мы получим число бастовавших за все 16 лет приблизительно 339 240 чел., за 10 лет (1881–1889)–154 200 чел. и за пять лет (1890–1895)–185 040 чел.[2]

Интересно сравнить эти данные с данными за 70-е годы. Оказывается, что за десятилетие 80-х годов (1880—1889) число стачечников было несколько больше 160 тыс. чел. (154 200 чел. + + 10 332 за 1880 г. = 164 532 чел.); в то время как за десятилетие 70-х годов число бастовавших 179 304, около 180 тыс. чел.

---

[1] Цифры эти взяты нами из статьи Л. П л о х о ц к о г о «Стачечная борьба польских рабочих» в «Жизни» за 1902 г. № 6, стр. 29—53. Цифры эти, однако, не точны. Вот почему они не введены в подсчеты таблиц, где помещены цифры, взятые из подлинных донесений губернских властей, по делам III Отделения. Цифры эти проверены сведениями, напечатанными в современной прессе, а также данными, находящимися в разного рода официальных и полуофициальных изданиях (отчеты фабричных инспекторов, списки фабрик и заводов и т. д.).

[2] Примерно такие же расчеты даны нами для пятилетия 1890—1895 гг. и в наших «Очерках», стр. 387.

Распределение стачек по районам за рассматриваемое время таково: северный раон дает 58 стачек (58 624 чел.), центральный промышленный—131 (134 668 чел.), западный—59 (59 652 чел.), Урал и Сибирь—32 (31 863 чел.) и Юг—51 (51 428 чел.). Распределение стачек по категориям дает такие цифры: механики—26 стачек, число бастовавших примерно несколько больше 26 тыс. чел.; текстили—118 стачек и около 120 тыс. бастовавших; строители—26 стачек и несколько более 26 тыс. чел.; прочие—160 стачек и несколько более 160 тыс. чел.

По причинам возникновения стачки дают такие цифры: почти две трети стачек (194) произошли из-за заработной платы, 19 стачек из-за продолжительного рабочего дня, плохие условия работы вызвали 27 стачек, плохое обращение администрации с рабочими 34 стачки, плохое продовольствие 8 стачек и 48 стачек по всяким другим причинам.

Обращаясь к анализу этих цифр, мы прежде всего видим, что главная причина, толкавшая рабочих на борьбу в 70-е годы, низкая заработная плата, осталась и теперь, на это падает большинство стачек (194) и рабочих (около 200 тыс. из 340 тыс. примерно). Все отальные причины толкают на борьбу сравнительно небольшое число рабочих. Это и понятно, так как подавляющее большинство стачечников — малоквалифицированные рабочие: текстильщики (почти треть, 118 стачек и около 120 тыс. чел.), табачники, строители и т. п.

Металлисты дают небольшое число бастовавших: 26 стачек и несколько более 26 тыс. чел.

Сообразно с этим два текстильных района стоят на первом месте: центральный промышленный (131 стачка и 134 668 чел.), западный (59 стачек и 59 652 чел.) и северный (58 стачек и 58 624 ч.).

Что же здесь нового, отличного от стачек предыдущего десятилетия?

Прежде всего н о в а я п р и ч и н а стачек, не виданная прежде: политика. Если обратиться к распределению стачек по причинам их возникновения, то поражает сравнительно малое число таких стачек (48 и около 50 тыс. чел.). Однако нужно сказать, что почти все эти стачки суть стачки политического характера: майские забастовки в Польше—забастовка 10 тыс. чел. в Лодзи в 1890 г. в мае, майская же забастовка в 1891 г. в Лодзи и Домброве 14 тыс. чел., всеобщая политическая забастовка в мае 1892 г. в Лодзи (35 тыс. чел.) и майская же забастовка в 1894 г. (4 тыс. чел.).

Это явление новое, неизвестное не только в 70-е годы, но даже и 80-е годы. Стачки 80-х годов только подготовка в таким явлениям. Морозовскую стачку 1885 г. в этом отношении приходится поставить на первое место: будучи стачкой чисто экономической, она очень скоро превратилась в стачку большого политического значения, целиком подтверждая положение Коммунистического Манифеста о двухстороннем характере рабочего движения. После такой стачки и таких результатов ее—нашумевший судебный процесс и издание закона,—вполне понятными становятся чисто политические выступления польских более развитых в политическом отношении рабочих.

Морозовская стачка действительно поворотный пункт рабочего движения, рубеж: до нее стихийное, чисто экономическое движение, после нее экономическая стачка приобретает политический, сознательный характер.

Это факт огромной важности, это новое, принесенное 80-ми годами, несмотря на то, что тяжелый экономический кризис вообще в 80-е годы не дал рабочему движению даже такого размаха, как в 70-е годы (по количеству стачек и участников).

Новое и то, что Юг приобретает все большее и большее значение и по сравнению с предшествующим десятилетием и по сравнению с Уралом.

По результатам стачки дают тоже иную картину, чем 70-е годы: в то время как в 70-е годы число забастовок с победой и поражением рабочих и компромиссных было равно, в рассматриваемый период подавляющее большинство стачек кончилось в пользу предпринимателей (130 целиком и 31 компромиссных). Это находит свое об'яснение в том, что десятилетие 80-х годов было периодом жестокого кризиса. Действительно, из 93 стачек, выигранных рабочими, больше половины приходится на пять лет (1889—1895); ясно, что в десятилетие кризиса рабочие выиграли столько же стачек, сколько в пятилетие начинающегося под'ема промышленности: в эпоху под'ема рабочий нужен капиталисту, и капиталист ради прибылей идет охотно на уступки.

Таким образом, и новые данные о массовом рабочем движении подтверждают мысли, высказанные Плехановым, рассматривавшим Морозовскую стачку, как поворотный пункт русского рабочего движения.

Но эти данные наводят еще и на новые соображения и выводы.

Рассматривая цифры, рисующие рабочее движение эпохи кризиса, и видя, что движение не останавливается, несмотря на заминки, расчеты рабочих и панику, мы понимаем, что т о, ч т о в ы-

зывает рабочее движение, т.-е. капиталистический способ производства, стало на прочную почву, развивается и расширяется, вовлекая в сферу своего действия и новые районы страны и новые кадры рабочих.

Самый характер движения меняется, и в нем, в рабочей массе, появляется сознательныя политическая струя.

В свете этих соображений и фактов приобретают полный смысл и значение и такие факты идеологического порядка, как появление группы Благоева, выпуск социал-демократического журнала «Рабочий» (1885 г. как раз год Морозовской стачки), возникновение провинциальных социал-демократических групп и, наконец, создание таких организаций, как рабочие союзы первой половины 90-х годов.

На базе широкого рабочего движения, которое, начавшись в конце 60-х годов, развившись в 70-ые годы, в десятилетие 80-х годов приняло новые организованные формы и, наконец, в Польше в первой половине 90-х годов приобрело политический характер, на базе такого широкого рабочего движения, которое в течение 10 лет вовлекло в свой круговорот около 400 тысяч человек, на такой базе нам становится понятным появление уже вполне социал-демократических организаций, как Московский рабочий союз 1894—95 гг.

Следующий период рабочего движения, совпадающий с эпохой невиданного промышленного под'ема, дает и максимум массового движения (петербургские стачки 1896—7 гг.) и максимум политического движения — создание Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса и первый с'езд партии.

К ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ ПЕРВОГО С'ЕЗДА ПАРТИИ

«Русским соц.-демократам предстоит масса дела по удовлетворению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движения, подкреплению революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по об'единению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую с о ц и а л-д е м о к р а т и ч е с к у ю р а б о ч у ю п а р т и ю».

Ленин. Задачи русских социал-демократов.

Бруснев в своих воспоминаниях рассказывает, между прочим, о том, как та организация, какую он и его товарищи строили сначала в Петербурге, а затем в Москве, поставила ближайшей задачей завязать связи с крупнейшими промышленными центрами России. «По от'езде Райчина из Москвы,— говорит т. Бруснев,— у нас наметился такой план действий: Кашинский едет в Киев и заводит там связи с рабочими (по явкам, полученным от Мельникова), Егунов едет в Тулу с нелегальной литературой, а затем — в Ревель и Ригу, я — в Петербург».

Проведение этого плана намечалось незадолго до ареста Брусневской группы, а арестована группа в мае 1892 г. Стало-быть, еще в начале 90-х годов за шесть лет до первого с'езда партии, одна из самых замечательных социал-демократических организаций ставила своей задачей об'единение социал-демократических сил наиболее крупных промышленных центров. В десятом параграфе программы этой группы определенно указывалась, как главная задача текущего момента, создание партии пролетариата. «Признавая рабочий пролетариат, как экономическую категорию, верховным носителем идей социализма, мы приложим все стара-

ния к возможно более широкой постановке пропаганды и агитации среди фабрично-заводских рабочих с целью непосредственного создания элементов будущей рабочей партии. К этому нас обязывают специфические особенности переживаемого нами момента — общественно-экономического развития» [1]. Таким образом, тот план действий, о котором говорит Бруснев, был только претворением в плоть и кровь того, что было написано в программе организации. Из воспоминаний других участников этой организации мы теперь знаем, насколько солидные связи в рабочей среде были у этой группы и насколько близкое и деятельное участие принимали в пропаганде и агитации сами рабочие. В. А. Шелгунов, Н. Д. Богданов, К. Норинский, А. Е. Карелин, В. М. Карелина, В. В. Святловский, М. С. Ольминский рассказали об этом. Правда, в программе группы уделяется очень видное место политическому террору, правда, пропаганду идей социализма предполагается вести не только в рабочей среде, но и «среди демократической интеллигенции всех общественных категорий» и даже «среди сектантов-рационалистов»,— все это верно, но нельзя забывать прежде всего, что переживаемый момент был моментом переходным: умирающие группы народничества давали свой последний бой новой, могучей силе — марксизму,— судорожно хватаясь за те связи в рабочей среде, какие остались у народников еще от славных героических времен «Народной Воли». На ряду с этими народническими революционными кружками рабочих возникали уже и кружки чисто социал-демократические; еще шла работа очень часто совместная, пропагандисты-народники ходили в кружки, организованные социал-демократами, и, наоборот, социал-демократы посещали кружки рабочих, собранные народниками [2]. Но уже чувствовалась сила новой идеологии, ее влияние на рабочих. Рабочие — как это было в Петербурге — явно склоняются к социал-демократии после долгой предварительной работы и самостоятельного искания путей. Это самостоятельное искание новых путей очень характерно для революционеров того времени (рабочих и интеллигентов). В этих исканиях много незрелого, принципиально невыдержанного, но в них уже чувствуется веяние нового времени: рабочий класс в программах таких кружков занимает уже почетное место. В программе Мельниковского кружка прямо ставится задача — «приобрести как можно более сознательных сторонников среди крестьян и рабочих»; вопрос об учредительном собрании этой программой решает-

---

[1] Сборник Истпарта «От группы Благоева к «Союзу борьбы». Материалы по делу Брусиева.

[2] См. воспоминания Богданова, Шелгунова и особенно Ольминского в названном выше сборнике.

ся тоже с точки зрения «блага рабочего класса». «Необходимо,— говорится в программе,— чтобы значительное количество промышленных рабочих и крестьян понимало значение своих представителей в собрании и в случае необходимости было бы готово поддержать их требования». Самая допустимость политического террора («содействие наше террористической борьбе») измеряется «продуктивностью данного факта с точки зрения рабочей организации».

Впрочем, что же говорить о принципиальной невыдержанности таких кружков, как харьковский, если даже в Петербурге так называемая группа Благоева выработала программу, в которой, как совершенно правильно выражается о ней Б. Николаевский, «элементы лавризма и особенно лассальянства играли, несомненно, более крупную роль, чем элементы научного социализма» [1]. Несомненно, однако, что группа Благоева была первая в России социал-демократическая группа, которая видела «центр тяжести» всей своей работы «в организации рабочих». Так определяют свою физиономию авторы письма из этой группы к Плеханову и его товарищам. Вместе с тем авторы (или автор) этого письма сообщают, что в их взглядах и во взглядах рабочей группы «Народной Воли» на работу среди пролетариата нет никакой разницы («на непосредственную деятельность среди рабочих они смотрят совершенно одинаково с нашей группой»). Это подтверждает и такой свидетель и непосредственный участник этой работы, тогда еще народоволец, как М. С. Ольминский. Сказав о том, что шли разговоры о слиянии Благоевского и народовольческого кружка, Ольминский, однако, прибавляет: «Благоевцы от переговоров не отказывались, но от слияния уклонялись». Хотя в одни и те же кружки ходили и народовольцы и социал-демократы, хотя точек соприкосновения было очень много, однако что-то мешало окончательному об'единению. Неизвестно, во что вылились бы эти попытки слияния, если бы обе группы прожили дольше, но пока факт остается фактом: уже в 1883 г. в России возникает, независимо от группы «Освобождение Труда», социал-демократическая группа, просуществовавшая до 1887 г. Если же принять во внимание, что и благоевцы работали в тех же районах, где потом развернулась работа брусневцев, если вспомнить, что в воспоминаниях всех выдающихся рабочих указывается на то, что в их кружках участвовали старые товарищи, давно уже занимавшиеся пропагандой, то преемственная связь между двумя группами не только у интеллигентов, как, напр., у Ольминского, который работал в одно время

[1] «Былое», № 13, 1918 г.

с благоевцами и затем в начале 90-х годов с брусневцами, но тем более и у рабочих,—несомненна.

Таким образом, группа Бруснева — несомненная преемница и продолжательница дела, начатого Благоевым, Харитоновым, Латышевым и их товарищами. Но что не удалось благоевцам, то в очень большой степени удалось этому второму по времени отряду русских социал-демократов,—выйти из узких рамок одного города и до известной степени выработать и осуществить такой план действий, который ставил своей задачей об'единить работу нескольких крупнейших городов России. Сами об'ективные условия — экономическое развитие страны, стихийное развитие рабочего движения — толкали к этому. Действительно, к началу 90-х годов и даже в конце 80-х годов во многих городах возникают совершенно самостоятельно рабочие кружки, представляющие сначала, как в Петербурге, смесь народничества и социал-демократизма. Таков, напр., кружок Мельникова в Харькове. Интересно и на этом кружке проследить, как логика развивающегося рабочего движения заставляет его выйти из узких рамок одного города и перебросить свою деятельность в другие пункты рабочего движения,— в Ростов-на-Дону, в Таганрог. Мельников, как известно, завел связи с кружками этого города. Из печатаемых в этом сборнике воспоминаний работницы-табачницы Е. Торсуевой видно, что в ее кружке были рабочие, которые участвовали в тех кружках, какие относятся ко времени работы в Ростове Мельникова (члены Мотовиловского кружка, с которым был связан Мельников). Постепенно этот ростовский Торсуевский кружок отказывался от старых народнических традиций и переходил к марксизму. Сам Мельников окончательно стал социал-демократом в «Крестах» и по выходе из тюрьмы он, как об этом говорит Бруснев, передал свои киевские связи петербуржцам [1]. Об'единение работы отдельных социал-демократических кружков, стихийно повсюду возникавших, вызывалось ростом рабочего движения и ростом этих кружков. А что действительно в начале 90-х годов повсюду в крупнейших промышленных, торговых и умственных центрах такие социал-демократические кружки возникали, об этом теперь мы имеем сотни документов и свидетельств. Кроме Петербурга и Москвы, отчасти в конце 80-х и начале 90-х годов велась социал-демократическая пропаганда в Нижнем Новгороде, Казани, Самаре, Саратове, Пензе, Воронеже, Твери, Костроме, Иваново-Вознесенске, Риге, Ревеле, Туле, Калуге, Орле, Киеве, Одессе, Николаеве, Екатерино-

---

[1] Кстати, Б. Эйдельман ошибочно относит передачу этих связей к 1890 г. Мельников вышел из «Крестов» в 1891 г.

славе, Елисаветграде, Кременчуге, Ростове-на-Дону, Таганроге, на Кавказе и на Урале.

О Польше и Западном крае говорить не приходится: начало 90-х годов и там — время возникновения многочисленных социал-демократических кружков и групп. И повсюду в борьбе, происходившей между старой революционной идеологией, народнической, и новой, социал-демократической, побеждала эта последняя. Выходило как-то так, что молодые люди, интеллигенты и рабочие, ходившие в кружки самообразования, организованные очень часто народниками, учились там, слушали своих учителей-народников, но стоило только появиться какому-нибудь стороннику учения Маркса или произойти какому-нибудь выдающемуся факту в рабочей жизни, как добрая половина молодежи (если не вся) переходила на сторону нового учения. Тов. Мицкевич рассказывает, что первые нижегородские кружки конца 80-х годов были народнические. Но стоило появиться на нижегородском горизонте марксисту П. Н. Скворцозу (1891 г.), как социал-демократическое течение стало господствующим и в Нижнем. Из нижегородского кружка Скворцова вышли, по словам С. И. Мицкевича, выдающиеся деятели, социал-демократы позднейшей эпохи: Ванеев, Сильвин, Мицкевич, Гольденберг, Владимирский. Кружок Григорьева и Кузнецова в Нижнем Новгороде развил очень большую работу. Судя по документам, относящимся к этому кружку, можно утверждать, что кружок ставил себе задачи гораздо более обширные, выходящие за пределы чисто местной работы; у кружка были связи почти по всей Волге [1].

Под влиянием пропаганды П. Н. Скворцова возникли социал-демократические кружки в г. Казани,—кружок Федосеева (1888—1889 годы) [2], а Федосеев затем уже позже, высланный во Владимир, начал социал-демократическую работу и здесь, попытавшись связаться с фабричными рабочими этого промышленного района. Из казанского Федосеевского кружка вышел, например, известный затем деятель партии И. Х. Лалаянц и его жена, Парасковья Ивановна Лалаянц; там же работал Санин — литератор и переводчик социал-демократической немецкой литературы. В Самаре народовольческие кружки самообразования А. П. Скляренко эволюционировали к марксизму с приездом туда в 1889 году В. И. Ульянова (Ленина): сам организатор кружков А. П. Скляренко из «вевви-

---

[1] См. статью С. И. Мицкевича в «Правде» 1923 г., № 43.

[2] «Федосеев Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России». Сб. восп. Истпарт, 1923 г.

ста»[1] (он называл себя до встречи с т. Лениным последователем экономиста-народника В. В.) превратился в марксиста, а за ним, конечно, последовали и его ученики. В Пензе возникает кружок Теплова, в Воронеже—кружок Н. А. Ряховского, в Туле—Хинчука; в Калуге — кружки Доброхотовых, Авилова и др. в начале 90-х годов; в Твери, в середине 90-х годов, работает член Петербургского союза борьбы — Зиновьев, в Иваново-Вознесенском районе (сначала в Орехове-Зуеве и Иванове и затем в Кохме)— рабочие Семенчиков, Талантов и др.

На Урале возникновение первых социал-демократических кружков относится также к началу 90-х годов (между прочим, кружок Точисского, одного из социал-демократов, работавшего в Петербурге в период между группой Благоева и Бруснева в 1889 г.).

Что касается Юга, то здесь социал-демократическое движение и первые кружки самообразования возникают в некоторых городах еще в конце 80-х годов, например, в Киеве. Там еще в 1887 г. работал социал-демократ Абрамович, и из его кружка остались рабочие, бывшие членами кружков, где работали товарищи, подготовлявшие первый с'езд Р.С.-Д.Р.П. В Одессе из народнических кружков возникают первые марксистские кружки в конце 80-х и начале 90-х годов. Д. Б. Рязанов (Гольдендах), бывший крестным отцом первых социал-демократических кружков в Одессе, определенно заявлял о себе на допросах, как о стороннике докторины научного социализма[2]. «По своим убеждениям, — заявил Д. Б. Рязанов,—причисляю себя к научным социалистам, учение которых заключается в признании невозможности улучшения общественных отношений как только посредством изменения экономических отношений, образующих, по их мнению, базис всех общественных отношений». За ним шли кружки Ю. М. Стеклова и Г. В. Цыперовича[3]. После разгрома этих кружков работа не остановилась, и, как это видно из воспоминаний Даргольца, помещаемых в нашем сборнике, действовали многочисленные кружки сначала среди ремесленников, а затем и среди фабрично-заводского пролетариата. Другой крупнейший промышленный центр Юга, Екатеринослав, перешел к социал-демократическим кружкам тоже в конце 80-х годов[4]. В 1889 г. врач Тейтельбаум начал там

---

[1] См. «Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко». Истпарт. М., 1922 г.

[2] Ист.-Рев. Арх., 4 дел-ство, № 245, 1891 г.

[3] Ю. Стеклов. Борцы за социализм. Москва, 1918 г.

[4] «Лет. Рев.», № 2. Гос. Изд. Укр. 1923 г.

социал-демократическую пропаганду. В начале 90-х годов в Екатеринославе действовали социал-демократические кружки самообразования, в которых принимали участие Лейтейзен (Линдов), Фрейдель, Вульфович, Мандельштам Григорий, Винокуров и др. В 1892 г. этим кружкам удалось завязать связи с рабочими, а в 1893 г. уже действовал рабочий кружок на Брянском заводе. В 1893 же году Точисский уезжает в Харьков и, надо думать, там продолжает работу, начатую Ю. Д. Мельниковым и В. Д. Перазичем (Солодухой). Из Одессы социал-демократическое движение распространяется в соседние города: Елисаветград, Кременчуг, Николаев. В Николаеве в 1897 г. образуется своя самостоятельная организация, а в Екатеринослав, Елисаветград, Кременчуг и Полтаву в середине 90-х годов попадают товарищи, высланные царским правительством из Вильно, Витебска, Минска и Гомеля. На Кавказе социал-демократические кружки возникают в начале 90-х годов из кружков самообразования в Тифлисе, затем в Баку и других пунктах. В середине 90-х годов на Кавказе появляется возможность для социал-демократов (Н. Жордания) использовать даже легальную грузинскую газету «Квали» [1].

О развитии социал-демократического движения в Вильно и о связях виленских социал-демократов с общероссийским движением говорить не приходится: достаточно вспомнить брошюру «Об агитации» Кремера и ту роль, какую идеи, развиваемые в ней, играли в определенный момент движения 90-х годов.

Из работы т. Эйдельмана о первом с'езде Р.С.-Д.Р.П. видно, как Киев становился идейным центром социал-демократического движения на Юге. Но отсюда было бы неправильно заключать, что другие социал-демократические организации не делали попыток выйти из узких рамок своей организации одного города. В середине и особенно в конце 90-х годов почти все крупнейшие социал-демократические организации пытались развить свою работу и в глубь и в ширь и, завязавши связи с родственными организациями других ближайших городов, превратиться в более или менее крупный центр целой области или района. Это делали Петербург и Москва, когда организаторы группы Бруснева ставили своей задачей связать Москву и Петербург и затем связаться с Киевом, Тулой, Ригой, Ревелем, Нижним; это делала затем позже Москва, связавшись с Иваново-Вознесенском, Ореховым, Костромой, Тверью. Эти же задачи ставила и разрешала виленская социал-демо-

[1] См. сборник Истпарта: С. Т. Аркомед. Рабочее движение и соц.-дем. на Кавказе. «Прол. Револ.» № 14. Воспоминания Енукидзе.

кратическая группа, которая, впрочем, была связана не только с ближайшими городами и местечками, но и с русскими крупнейшими городами: с Петербургом, Харьковом (оттуда приезжали в Вильно, по словам Л. Мартоза, Л. Б. Файнберг, Е. Левин, А. П. Лурье), Киевом (через Я. М. Ляховского), Одессой (откуда наезжал Копельзон и куда направлялся для работы П. О. Гордон). Из воспоминаний Даргольца видно, что и одесская социл-демократическая организация пыталась завязать связи с иногородными социал-демократическими организациями и превратиться в центр одной большой социал-демократической организации целого района. «Решаем расширить», говорит Даргольц, «свою базу работы как в Одессе, так и в других городах Юга, путем создания, где их нет, социал-демократических групп и их об'единения в одну общую. Для этой цели командируем Гринштейна в Николаев, Кременчуг, Кудельмана — в Екатеринослав, меня — в Елисаветград. Каждый из нас наделяется литературой и определенными заданиями. Вскоре посылается Фрида Липовецкая с литературой для передачи в Екатеринослав Кудельману». Связаться с другими городами пытался и Николаев. Рабочее движение в середине 90-х годов разрослось настолько, что даже анахронизмом становился отдельный кружок изолированных от всего мира социал-демократов, которые варятся в собственном соку. Требовались более широкие рамки организации, чем рамки только одной какой-либо группы одного города. Все — и экономическое развитие страны с расширяющимся рабочим движением, и беспомощность отдельной организации поставить работу на прочные ноги, и естественный обмен людьми, случайно или по воле жандармов переселявшихся из одного города в другой, и необходимость действовать по общему плану против общего врага, у которого как раз сильной стороной и был этот план, — эта система и аппарат для борьбы с социал-демократами — все заставляло подумать об об'единении разрозненных сил. Наконец, и это самое главное, и в идейном отношении еще не было того единства, которое только и делает непобедимой армию пролетариата. Потребность в таком единстве и согласованности действий стала чувствоваться уже в середине 90-х годов везде, где только социал-демократическое движение принимало более или менее широкий размах. А уже в первой половине 90-х годов оно во многих местах такой размах приняло. Потребность уйти от узко-замкнутых кружков чувствовалась везде; стихийное развитие самого рабочего движения заставляло думать о новых методах работы. Эти задачи текущего момента очень хорошо были выражены известной брошюрой «Об агитации». Насколько велики были потребности в этом новом слове, сказанном авторами брошюры «Об агитации»,

свидетельствует сам Л. Мартов: «Уже в следующем году оказалось, что мысли, развитые нами на основании нашего опыта, шли навстречу тем настроениям, которые складывались повсюду в марксистских группах после увлечения кружковой пропагандой». Правда вместе с тем положительным, новым и необходимым, что вносила в русское социал-демократическое движение брошюра «Об агитации», она несла и ту, как выражается Мартов, «ограниченность политического горизонта», ту теорию стадий, то принижение сознательности перед стихийностью, которые так резко выразились потом в так называемом экономизме. Однако, выражая до известной степени назревшие потребности, брошюра «Об агитации» не охватила всего содержания работы, которую надлежало развернуть нашим социал-демократическим организациям. А до какой степени необходимо было внести планомерность и сознательность в тот хаос и кустарничество, какие царили на местах, видно хотя бы из того, что не было ни одной более или менее сильной группы, которая не стремилась бы об'единить так или иначе развертывающееся вокруг нее движение. В этом отношении очень интересны воспоминания т. Виленского, который говорит, что та группа в Витебске, где он работал в 1893—95 гг., чувствуя, что ей нехватает связи с другими организациями, разослала товарищей по разным городам для ознакомления с постановкой работы. Товарищи поехали в Вильно, Минск, Могилев, Гомель, Киев, Кременчуг, Полтаву, Феодосию. В апреле 1897 г. товарищи снова с'ехались вместе. Призошло что-то вроде конференции, на заседание которой пригласили и приехавшего из-за границы З. Гуревича.

«После докладов с мест, — говорит автор воспоминаний, — в которых каждый делился своими впечатлениями, решили формулировать краткую программу. Оживленную дискуссию вызвало название нашей, если не партии, то организации». Сказав дальше о том, что организация отмежевалась от народившегося уже тогда экономизма, автор воспоминаний продолжает: «Само собой разумеется, что назвать нашу группу — «партия» — никто и не думал. Это была просто формулировка теоретических и практических итогов нашей подготовительной работы». Разве не тем же занималась и большая московская организация в 1894 и 1895 годах, когда, по словам М. Лядова, «на одном из своих заседаний возбудила вопрос о необходимости выпустить манифест с изложением основной точки зрения организации по главнейшим вопросам, чтобы этим манифестом раз навсегда закрепить политическую физиономию организации». «Инициаторы этой идеи, — говорит Лядов, — в самом факте издания манифеста видели первый шаг к созданию единой партии».

«Тогда эта идея была оставлена». Нужно было укрепить свою собственную московскую организацию, прежде чем мечтать о создании партии.

«Весной 95 года, после того как московская организация окрепла настолько, что, выдержав ряд провалов, продолжала функционировать и все расширяться, она снова подымает вопрос об издании манифеста. Но теперь она уже ставит вопрос иначе. Теперь она уже знает о самостоятельном существовании целого ряда организаций, работающих в других местах. Теперь, по ее мнению, было бы желательно издать этот манифест не от имени одной организации, а от имени всех наличных действующих организаций. Желательно, чтобы этот манифест был результатом коллективного опыта всех социал-демократов-практиков. Поэтому необходимо, чтобы манифест было выработан на с'езде. Но этот с'езд не должен ограничиваться выработкой одного манифеста: он должен создать партию, а с этой целью нужно, чтобы он утвердил в качестве центральной организации одну какую-нибудь наиболее старую и опытную организацию» .

«Чтобы осуществить на деле идею о с'езде, москвичи командируют двух товарищей, чтобы те при помощи местных связей разыскали все действующие организации и связали их с Москвой».

Из воспоминаний т. Б. Л. Эйдельмана мы знаем, что такое ознакомление организаций друг с другом действительно происходило; что киевляне однажды выслушали даже доклад москвича; что они сами завязали с той же целью, как и москвичи, уже несколько позже связи с Петербургом, Иваново-Вознесенском; очень основательно обсуждали вопрос о делегации на с'езд от известных им организаций, с какими у них были связи (Одесса, Харьков, Екатеринослав, Николаев). Но идея о с'езде второй половине 90-х годов уже положительно носилась в воздухе. Эту идею выдвигает группа «4-го листка», петербургская группа народовольцев, настолько далеко разошедшаяся со своими товарищами народовольцами, что своим предложением созвать с'езд всех социал-демократических организаций она вызывает протест всех еще оставшихся верными народовольческому знамени. По словам В. Махновца (Акимова), «Листок № 4» группы народовольцев вышел весной 1896 г., а летом этого же года Н. К. Крупская[1] ездила на Юг специально для того, чтобы столковаться с южанами о с'езде. «Летом 1896 года я поехала в Киев, — говорит в своей статье т.

---

[1] См. «Творчество» № 7—10, ст. Н. К. Крупской о «Петербургском союзе борьбы».

Крупская, — чтобы столковаться об издании общей нелегальной газеты и о подготовке с'езда партии. Я должна была повидать Веру Кржижановскую и Тучапского, но, заехав предварительно в Полтаву, я встретила там Тучапского, Румянцева, Аарона Лурье, Саммера. Обо всем столковались в Полтаве».

Таким образом, идея с'езда действительно носилась в воздухе. То обстоятельство, что киевлянам удалось практически осуществить эту идею, реализовать ее, так сказать, это об'ясняется стечением ряда благоприятных условий, о которых подробно говорит т. Эйдельман в своей работе. Но необходимо подчеркнуть, что вопрос об об'единении всех социал-демократических сил выдвигался уже давно и в особенности всякий раз, как какая-либо большая социал-демократическая организация развивала свою работу в глубь. Как мы видели, этот вопрос, правда, в зачаточной форме, стоял еще перед Брусневской организацией. Он в гораздо более оформленном виде стоял перед «Петербургским союзом борьбы» еще в 1894 г., когда Союз задумал издание своего органа. Тов. Ленин в своей книге «Что делать», рассказывая о периоде «Союза борьбы» 1894 года в Петербурге, по этому поводу говорит следующее:

«При этом особено важно установить тот, часто забываемый (и сравнительно мало известный) факт, что первые социал-демократы этого периода, усердно занимаясь экономической агитацией (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации»), — не только не считали ее единственной своей задачей, а напротив, с самого начала выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности». Тов. Ленин говорит далее о том, что в предполагавшемся и уже готовом к выпуску первом номере социал-демократического органа «Рабочее Дело» (не следует смешивать его с «Рабочим Делом» экономистов), к сожалению, погибшем в руках жандармов, также обрисовались эти исторические задачи русских социал-демократов. И само собой разумеется, что организация, для которой были ясны исторические задачи русской социал-демократии, не могла не поставить разрешение этих задач иначе, как при помощи революционного движения рабочего класса, во главе которого стоит боевая его организация, революционная социалистическая партия. И мы знаем, что именно из среды деятелей «Петербургского союза борьбы 1894—1895 гг.» вышла наиболее яркая, наиболее выпуклая, наиболее научная формулировка как необходимости создания партии, так и способов разрешения всех тех основных задач, какие выдвигала тогда вся

в высшей степени сложнейшая обстановка русской действительности.

Не кто другой, а именно товарищ Ленин формулировал все эти вопросы и задачи в своей известной брошюре «Задачи русских социал-демократов». Брошюра эта поистине может быть названа настоящим манифестом нащей партии в эпоху первого с'езда, ибо здесь неизмеримо полней, неизмеримо глубже и научнее выражены задачи, какие предстояло разрешить русской социал-демократии, и в первую голову здесь наиболее отчетливо и ясно поставлен вопрос о необходимости создания классовой партии пролетариата. Написанная на основании опыта работы «Петербургского союза 1894—1895 гг.», она дышит, кроме необыкновенной силы теоретической мысли, еще и всем пылом и страстью и драматизмом настоящей, доподлинной борьбы пролетариата. Выдвигая идею создания партии (а, стало-быть, и с'езда, ибо иначе как возможно было создать партию при наличии уже сильных организаций и даже целой партии, «Бунда»?), эта работа Ленина расчищала вместе с тем те авгиевы конюшни «экономизма», которые уже успело засорить правое оппортунистическое крыло русской социал-демократии. Отношение социал-демократии к буржуазии, роль классов в предстоящей революции и взаимоотношение их партий между собой, самостоятельный путь рабочего класса и руководящая роль его партии в предстоящей борьбе, роль пролетариата как гегемона в революции и создание пролетарской партии, отвечающей этой роли, — все нашло свое выражение в этой замечательной работе. Такую работу мог написать только гениальный вождь пролетариата и вместе с тем практик, сам участвовавший в борьбе,— словом, по выражению П. Б. Аксельрода, «революционер, счастливо соединяющий в себе опыт хорошего практика с теоретическим образованием и широким политическим кругозором». Случайностью, вернее, как говорит тов. Ленин в «Что делать» по другому поводу, «вследствие недостатка у них (т.-е. у революционеров с.-д. — *В. Н.)* революционного опыта и подготовленности» об'ясняется то обстоятельство, что «манифест» I с'езда писал будущий контрреволюционер П. Струве. Да, вследствие недостаточной теоретической подготвленности действовавших тогда практиков писал «манифест» П. Струве, и в этом нет ничего обидного для киевлян, осуществивших практически идею созыва с'езда, ибо нужно было иметь положительно гениальную прозорливость вождя и всестороннюю образованность марксиста, чтобы тогда уже предвидеть всю сущность предательской политики буржуазии и вскрыть это уже в своих ранних работах против народников, с одной стороны, и Струве и плетущихся за ним оппортунистов—с другой, как это

сделал уже тогда Ленин. Вопрос об об'единении действующих социал-демократических организаций в партии в брошюре Ленина ставится со всей отчетливостью и во всей своей широте.

«Разве эта организация,—говорится там о «Союзе борьбы 1894—1895 гг.»,—не представляет из себя именно зачатка революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата, борьбой против капитала и против абсолютного правительства, — не устраивая никаких заговоров и почерпая свои силы именно из соединения социалистической и демократической борьбы в одну нераздельную классовую борьбу петербургского пролетариата?»

«Возможно ли отрицать, — говорится дальше, — что подобная организация, об'единяющая по крайней мере крупнейшие центры рабочего движения в России (округа С.-Петербургский, Московский, Владимирский, южный и важнейшие города, как Одесса, Киев, Саратов и т. д.), располагающие революционным органом и пользующиеся таким же авторитетом в среде с.-петербургских рабочих, каким пользуется «Союз борьбы»,—что подобная организация была бы крупнейшим политическим фактором современной России, — фактором, с которым правительство не могло бы не считаться во всей своей внутренней и внешней политике? Руководя классовой борьбой пролетариата, развивая организацию и дисциплину среди рабочих, помогая им бороться за свои экономические нужды и отвоевывать у капитала одну позицию за другой, политически воспитывая рабочих и систематически неуклонно преследуя абсолютизм, травя каждого царского башибузука, дающего почувствовать пролетариату тяжелую лапу полицейского правительства, подобная организация была бы в одно и то же время и приспособленной к нашим условиям организацией рабочей партии и могучей революционной партией, направленной против абсолютизма».

Этот вопрос об об'единении русских социал-демократических групп в единую партию в конце брошюры формулирован кратко и вместе необыкновенно ярко, отчетливо: «Итак за работу же, товарищи. Не будем терять дорогого времени. Русским социал-демократам предстоит масса дел по удовлетворению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движения, подкреплению революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по об'единению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую Социал-Демократическую Рабочую Партию». Смешно было бы отрицать огромную заслугу, которую оказали киевляне пролетариату тем, что на деле

показали, что вопрос об'единения партии—вопрос, разрешимый даже в самодержавной России, но еще смешнее было бы отрицать, что со всей исчерпывающей глубиной и полнотой теоретически был поставлен (положим, не только теоретически, были и попытки, как мы видели, приступить к практическому его разрешению) не маленькой провинциальной, хотя и хорошо организованной группой, а людьми, теоретически являющимися лучшими учениками Маркса и стоящими во главе самой большой, самой революционной организации 1894—95 гг., и главное—организацией, создавшейся в среде самого революционого и сознательного отряда русских рабочих в Петербурге. Дух «Петербургского союза борьбы» его революционной эпохи, дух его лучших вождей витал в то время, когда делались первые попытки об'единения с.-д. в партию и когда затем фактически социал-демократы в 1903 г. создали эту партию.

Но еще курьезней кажутся теперь претензии некоторых товарищей, оспаривающих у киевлян приоритет по созыву первого с'езда, как это пытается сделать т. Новополин во втором номере «Летописи Революции», органе екатеринославского бюро Истпарта.

«Вполне естественно — говорит т. Новополин, — при таких условиях, что на первом с'езде «союзов борьбы» за освобождение рабочего класса в Минске в 1898 г. екатеринославский союз не только участвует, но даже самая мысль о с'езде исходит от него [1]». Тов. Новополина, повидимому, ввел в заблуждение конец фразы т. Эйдельмана, когда он говорит о екатеринославском союзе и поясняет, что екатеринославский союз занялся об'единением разнородных элементов, находившихся в то время в Екатеринославе. Киевляне практически поставили вопрос об об'единении; киевляне для этого завязали связи, киевляне сносились с русскими организациями и с группой «Освобождение Труда»; киевляне, наконец, послали в Екатеринослав т. Петрусевича, будущего делегата на с'езде от Екатеринослава. Об этом свидетельствует все: и воспоминания участников с'езда, и документы, и подготовительная работа киевлян (например, коллоквиум, о котором говорит т. Эйдельман), и, наконец, состояние организаций в Киеве и других центрах. Это вещи общеизвестные. Об этом, например, говорит, кроме Б. Л. Эйдельмана, и П. Л. Тучапский в своих воспоминаниях «Из пережитого»: «На ряду с местной работой «лидеры» группы «Рабочее Дело», главным образом Б. Л. Эйдельман, уже в конце 1896 г. и начале 1897 г. начали принимать участие в под-

[1] «Лет. Рев.», № 2, стр. 23. Всеукр. Гос. Изд., 1923 г.

готовке к об'единению всех с.-д. групп России. Эта мысль возникала и в других центрах с.-д. работы и не могла не возникать, так как она подсказывалась самою жизнью: по мере того, как развивались отдельные с.-д. организации, чувствовалась необходимость в руководящем и координирующем центре, в постановке общего печатного органа, в устройстве общей техники и, наконец, в надлежащей организации доставки нелегальной литературы из-за границы».

По вопросу о работе «Екатеринославского союза борьбы» в деле подготовки с'езда все становится понятным, если принять во внимание, что т. Петрусевич, делегат с'езда от Екатеринослава, как уже было выше указано, направлен в Екатеринослав именно из Киева. Об этом в согласии с Б. Л. Эйдельманом говорит и П. Л. Тучапский; да и при выборе делегата на с'езд, как об этом рассказывает в своих воспоминаниях т. Виленский, сначала выбрали не т. Петрусевича, а т. Виленского, и, так как он отказался (он работал в типографии вмеєте с т. А. Поляком), то послали т. Петрусевича.

Интересно попутно отметить, что печатаемым в настоящем сборнике письмом Плеханова к киевлянам окончательно рассеивается то мнение, будто бы группа «Освобождение Труда» отрицательно отнеслась к направлению, взятому в особенности во втором номере «Рабочей Газеты».

В предисловии к брошюре Ленина «Задачи русских социал-демократов» Аксельрод по этому поводу говорит: «Считаю нелишним отметить тот факт, что около того времени, когда предлагаемое произведение писалось, готовился к печати № 2 «Рабочей Газеты», вышедший в свет, если не ошибаюсь, в декабре прошлого или январе настоящего года. Этот номер газеты по самому своему содержанию, по подбору фактов и явлений русской жизни, по известиям, сообщаемым в нем, и по задачам, которые редакция выдвинула на первый план, представляет собою практическое применение в области литературной пропаганды тактики, указываемой нашим автором». Ссылки на заметки Vorwärts, будто бы указывающие на приверженность «Рабочей Газеты» к экономизму, тоже не основательны (мы приводим их в нашем сборнике, в приложении): в них приводится только содержание двух вышедших номеров «Рабочей Газеты», при чем во второй заметке указывается, что в передовой статье второго номера ставится вопрос о необходимости организации единой партии. В высшей степени интересен текст приветствия русских социал-демократов по поводу пятидесятилетнего юбилея революции 48-го года, текст, помеченный 18 марта 1898 г. и как раз за подписью тех четырех союзов, которые принимали участие на с'езде. Судя по этому

тексту, направление союзов было далеко не «экономическое» и не склонное к соглашательству с буржуазией.

Аксельрод прямо считает, что задачи и основные вопросы, поставленные в порядок дня русской социал-демократии В. И. Лениным в его брошюре, киевляне перенесли в область практического применения; кроме того, теперь после опубликования письма Г. В. Плеханова (на страницах заграничной «Летописи Революции») не остается никакого сомнения в том, что направление «Рабочей Газеты» группой «Освобождение Труда» одобрялось. Плеханов говорит определенно: «Товарищи. Вы спрашиваете: сочувствую ли я вашему изданию? На этот вопрос я отвечу вам другим вопросом: как мог бы я не сочувствовать вам? В моих глазах ваш орган также и наш орган, орган всех тех, которые принадлежат к русской социал-демократической партии».

Далее Плеханов в своем письме указывает, что величайшим злом современного русского социал-демократического движения является его групповой характер, то, что так удачно было потом названо «кустарничеством». Это было действительно величайшим злом, можно сказать, ахиллесовой пятой молодого движения, и лучшей иллюстрацией этого являлась организация так называемой «Русской социал-демократической партии», органом которой было «Рабочее Знамя» [1].

В передовой статье этого органа тоже ставился вопрос об об'единении, но стоит только просмотреть хотя бы эту статью или брошюру рабоче-знаменцев «Задачи русской рабочей партии» и сравнить ту постановку вопроса, какую давала эта брошюра, например, с той, какую давала брошюра Ленина, чтобы понять, за кем была и жизнь и теоретически-правильное разрешение проблемы. В нашу задачу не входит ни изложение истории созыва первого с'езда, ни истории группы «Рабочего Знамени», но нам думается, что всякому, изучающему историю нашей партии, небез'интересно сравнить иную постановку вопроса о задачах русской социал-демократии как раз в то время, когда собирался первый с'езд и когда задачи русских социал-демократов выяснились и ставились так, как они ставились деятелями, работавшими в одной из наиболее революционных организаций России, именно т. Лениным, одним из организаторов «Петербургского союза борьбы».

[1] Группа «Рабочего Знамени» составлялась из некоторых членов следующих организаций: 1) петербургской группы «Социалист» и 2) белостокской «Группы рабочих революционеров» (оппозиция Бунда): С. В. Андронова, М. Б. Смирнова, О. Е. Звездочетова, В. П. Ногина, С. С. Цедербаум, К. Шехтера и др.

Задачи русских социал-демократов в указанной брошюре рабоче-знаменцев определяются так: «Задачей русской рабочей партии является—выяснять рабочим их положение и зависимость этого положения от существующего политического и экономического строя и создать прочную партийную организацию, которая могла бы превратить разрозненную борьбу рабочих в разных местах и по разным поводам в общую борьбу против общего врага».

Говоря далее о методах борьбы, программа считает «возможным установить, как общее правило, что широкая массовая деятельность, в видах ее большей безопасности, а, следовательно, и большей прочности достигнутых ею результатов, должна вестись исключительно при помощи печатного слова».

Ограничивая свою массовую работу только путем воздействия на массы печатным словом, группа «Рабочего Знамени» ставит неотложной задачу выработки отдельных личностей из общей массы рабочих,—«личностей, которые могут со временем стать членами партии». При этом при формировании партии, при сплочении этих отдельных личностей и организаций в единую прочную и боевую партию, программа не считала важным единое теоретическое мировоззрение. «Что же касается чисто теоретического характера, то мы полагаем, что партия без всякого для себя ущерба может в этом отношении предоставить каждому право «сметь свое суждение иметь». Только при книжном отношении к революционной деятельности можно усмотреть серьезное препятствие к совместной работе в различном отношении к вопросам о научных основах нравственности, материалистическом понимании истории, свободе воли и т. д.

Нечего говорить, что такая постановка вопроса, сводящая всю деятельность партии и ее организации, сплочение ее членов только к узкой практической деятельности, как бы правильной ни казалась практическая постановка дела, шла в разрез со всеми традициями социал-демократии. Совершенно не так ставился вопрос брошюрой Ленина, где, как раз наоборот, теоретическая чистота основных положений программы ставилась главнейшим условием об'единения. «Направляя все свои силы,—писал Ленин,—на деятельность фабрично-заводских рабочих, русская социал-демократия готова поддерживать тех русских революционеров, которые приходят на практике к постановке социалистической работы на почву классовой борьбы пролетариата, не скрывая при этом нисколько, что никакие практические союзы с другими фракциями революционеров не могут, не должны вести к компромиссам или уступкам в теории, в программе, в знамени».

Действительность очень скоро показала, кто был прав: Ленин или рабоче-знаменцы; очень скоро различные понимания самых отвлеченных вопросов теории, казалось бы, не могущих помешать столковаться Бернштейну и ортодоксам, экономистам и искровцам, в частности вопросы исторического материализма, приводимого в качестве примера в программе «Рабочего Знамени», раз'единили так сильно правое и левое крыло русской социал-демократии, что та глубокая пропасть, которая образовалась с тех пор между двумя течениями русской социал-демократии, не заполнялась, а расширялась и углублялась все больше и больше.

Именно этим довольно индиферентным отношением к коренным вопросам теории и об'ясняется такое легкое отношение рабоче-знаменцев к П.П.С. и другим фракциям, к их совместной работе с П.П.С., и даже самое название их партии не российской, а русской. Об'яснение некоторыми товарищами этого слова в названии партии (напр., т. Сольца) тем, что рабоче-знаменцам хотелось развить «ту идею, что российская партия может быть образована только впоследствии путем слияния национальных социал-демократических партий и ей должна предшествовать организация национальной русской партии», хотя, быть может, и правильно передает мотивы, руководившие людьми, вырабатывавшими программу, но, конечно, не может заслонить того соображения, что здесь при выработке названия партии как раз и сказалось то пренебрежительное отношение к теории, на которое только-что было указано.

Развитие событий и дальнейшее формирование нашей партии только подтвердило тот правильный путь, на который стали организаторы первого с'езда и те товарищи, которые впоследствии на втором с'езде завершили дело создания боевой классовой социалистической партии пролетариата.

Чистота теоретических позиций первых социал-демократов, выковавших наше идейное оружие еще до первого с'езда в борьбе с мелкобуржуазной идеологией народничества, непримиримая твердость в отстаивании этих позиций, «узость искровцев», как любили выражаться наши противники, и помогли одержать победу в схватке с оппортунистами в эпоху «экономизма»; то же упорное отстаивание этих теоретических основ, а не безразличное к ним отношение помогло большевикам затем удержать свои революционные позиции во время раскола после второго с'езда партии, пережить невиданную реакцию третье-июньского столыпинского режима и эпохи империалистической войны и, высоко держа все то же свое старое знамя, победить всех соглашателей и оппортунистов всех толков и наименований и доказать в борьбе за ли

татуру пролетариата, что именно твердость и чистота наших теоретических позиций помогла пролетариату штурмовать не только землю, но и небо.

ЛИТЕРАТУРА О ПЕРВОМ С'ЕЗДЕ Р.С.-Д. Р. П.

До появления воспоминаний одного из организаторов и участников с'езда Б. Л. Эйдельмана и статьи В. Махновца (Акимова), о первом с'езде на русском языке не только точных сведений, но и вообще более или менее подробных сообщений в печáти не было. Воспоминания Б. Л. Эйдельмана появились в 1907 г., а статья В. Махновца—в 1908 г., и с тех пор до Октябрьской революции обстоятельных статей по этому вопросу не появлялось. После Октября в литературе о первом с'езде появилось несколько новых статей, и многие факты, которые в царские времена оглашению не подлежали, получили всестороннее раз'яснение. Этим отсутствием сведений только и можно об'яснить тот факт, что большинство авторов, писавших о с'езде, сообщало неверные сведения как о лицах, принимавших участие в с'езде, так и об организациях, пославших делегатов (напр., Мартов, Батурин, Невский и др.). Но и в настоящее время можно считать, что полных, исчерпывающих сведений об этом знаменательном событии в нашей партии мы не имеем. Литература вопроса не богата, так как множество статеек и заметок имеет второстепенный характер. Мы приводим ниже все, что могли найти на русском языке, но, конечно, наш список не претендует на полноту.

1. Батурин Н. Очерк истории социал-демократии в России, 1-е изд. 1906 г. в серии «Лекции и рефераты».

После второго изд. 1918 г. уже с приложением статьи М. С. Ольминского появилось множество изданий этой прекрасной книги. Первому с'езду уделяется немного места. И в первом и во втором издании неправильно указано, что на с'езде были делегаты от «Харьковского союза борьбы» и от заграничного «Союза русских социал-демократов». Их там не было.

2. Бубнов А. Основные моменты в развитии коммунистической партии в России. Изд. Истпарта.

3. Б. Д. (Б. Л. Эйдельман). См. ниже.

4. Горев Б. И. (Гольдман). Марксизм и рабочее движение в Петербурге четверть века назад. «Красная Новь» 1921 г., № 3.

Здесь говорится о выборе делегата «Петербургским союзом борьбы» на предполагавшийся с'езд еще в 1897 г., который, однако, не состоялся и был превращен в конференцию—«коллоквиум».

5. Егоров А. Зарождение политических партий и их деятельность. Общественное движение в России в начале XX в. Т. I.

Здесь также неверно назван заграничный «Союз русских социал-демократов» в числе делегаций.

6. Ельницкий Е. История рабочего движения в России. Ч. 1. Петербург 1918 г.

Неверно указывается заграничный «Союз русских социал-демократов» как делегация на с'езде.

7. Зиновьев Г. Из истории нашей партии. Изд. Коммуны Северн. обл., Петроград 1919 г.

Здесь, впрочем, говорится всего несколько слов о П. Струве по поводу «манифеста» с'езда, им написанного.

8. Каменев Л. В. И. Ленин и история коммунистической партий. 1922 г.

9. Кремер А. Основание Бунда.—«Пролетарская Революция» 1922 г., № 11. Москва. Изд. Истпарта.

Его же—та же статья на еврейском языке в «Рабочем календаре» 1902 г.

Первая статья на русском языке есть перевод появившейся первоначально на еврейском языке статьи. Это—небольшая статья, в которой, между прочим, за исключением Ванновского, перечислены все делегаты.

10. Крупская Н. К. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». «Творчество». Литер.-худож. журнал, 1912 г., № 7—10.

Здесь содержится ценное указание о шагах, предпринятых «Петербургским союзом борьбы» еще летом в 1896 г. к созыву с'езда, по поездке т. Крупской с этой целью на юг.

11. Ее же. Заметка в № 11 «Пролетарская Революция» под заглавием «К вопросу о первом с'езде Р. С.-Д. Р. П.».

12. Линдов Г. (Лейтейзен). Краткий очерк истории российской социал-демократической рабочей партии. Петербург.

Несколько изд. Здесь уже делегации названы правильно.

13. Левицкий. Исторический очерк развития российской социал-демократической рабочей партии. Москва, 1917 г.

14. Ленин В. За 12 лет: «Задачи русских социал-демократов» и «Что делать?», а также предисловие.

Статьи имеют значение, так как в них дается оценка, между прочим, эпохи с'езда.

15. «Листок Работника» № 8. Здесь напечатан «манифест» и постановления с'езда.

16. Лейтейзен. См. Линдов.

17. Луначарский А. Великий переворот. Москва.

18. Лядов Н. История российской социал-демократической рабочей партии.

Несмотря на многие неточности, и здесь имеется очень ценное указание на подготовку с'езда еще в 1895 г.

19. Мартов Л. История российской социал-демократической рабочей партии.

В первом издании неправильно указаны, как присутствовавшие на с'езде, Перазич и Теслер, зато не указан Ванновский. Во втором издании эти ошибки исправлены.

20. Махновец В. (Акимов). Первый с'езд российской социал-демократической рабочей партии. «Минувшие Годы», 1908 г., № 1—2.

Статья интересна по многим подробностям, но содержит зато много погрешностей, на которые указывает Б. Эйдельман в статье, помещенной в № 1 «Пролетарской Революции».

21. Его же. Очерк развития социал-демократии в России. Петербург 1906 г.

О с'езде мало, но очень много об обстановке, которая предшествовала с'езду. Как и первая, эта книга написана в узко-фракционном стиле.

22. Невский В. К вопросу о первом с'езде Российской социал-демократической рабочей партии. «Пролетарская Революция» № 1.

Имеются в примечании интересные документы: набросок (проект) П. Л. Тучапского, как бы манифеста или программы, и др. Неверны сведения о делегации.

23. Его же. Южно-русский рабочий союз в гор. Николаеве в 1897 г.

Эта работа касается с'езда только косвенно, в ней имеются некоторые данные о связях Киева с Одессой, Екатеринославом, обрисована роль Киева как организационного центра.

24. Его же. К 25-летию партии. «Пролетарская Революция», № 14.

25. Его же. Харьковское дело Ювеналия Мельникова и других. Сборник Истпарта «От группы Благоева к «Союзу борьбы».

В статье обрисована личность Мельникова как одного из замечательнейших организаторов киевской с.-д. организации.

26. Н— ский П. Письмо Г. В. Плеханова в редакцию «Рабочей Газеты». «Летопись Революции», Берлин—Петербург—Москва.

Заметка посвящена письму Г. В. Плеханова, написавшего киевским с.-д. письмо, в котором оценивалось направление «Рабочей Газеты» и выражалась солидарность с этим направлением. Письмо Г. В. Плеханова приводится с примечаниями Н—ского.

27. Новополин Г. Из истории рабочего движения (1880—1903 г.). «Летопись Революции» № 2. Гос. Изд. Украины. Екатеринослав 1923 г.

Неверно обрисована роль Екатеринослава как инициатора с'езда.

28. Перазич В. Ювеналий Мельников и харьковский рабочий кружок. Еженедельник «Правда», № 14. Москва 1921 г.

29. Его же. Еще о харьковском рабочем кружке конца 80-х годов. (По поводу статьи В. Невского «Харьковское дело Ювеналия Мельникова и других». «Красная Летопись»; № 4, Петроград.)

В этой заметке даны исправления тех погрешностей, которые допущены в работе В. Невского.

30. Петербуржец. См. Тахтарев.

31. Спиридович А. Революционное движение в России. Вып. 1, С.-Петербург 1914 г.

Его же. История большевизма в России. Париж 1922 г.

Приводим для полноты и эти «сочинения» охранника.

32. Тахтарев К. М. Очерк петербургского рабочего движения в 90-х годах. Несколько изданий (есть и нелегальные). Изд. Г—нье. Петроград 1918 г.

33. Тучапский П. Л. Из пережитого. Девяностые года. Одесса. 1923 г. Гос. Изд. Украины.

Воспоминания участника с'езда. Книжка очень важная и интересная, так как вносит очень много деталей, упущенных другими авторами, написавшими о с'езде.

34. Фин-Енотаевский. Маленькая заметочка под заглавием: «К вопросу о первом с'езде Р. С.-Д. Р. П.».

Заметка важна потому, что здесь же напечатаны заметки Н. К. Крупской, А. И. Елизаровой-Ульяновой и Б. Л. Эйдельмана. «Пролетарская Революция», № 6.

35. Эйдельман Б. Л. К истории возникновения российской социал-демократической рабочей партии.

Перепечатка первой его статьи-воспоминаний, помещенной в историческом сборнике «Пролетарская Революция», № 1. Имеются очень ценные примечания.

36. Его же. К истории возникновения российской социал-демократической рабочей партии. Исторический сборник «Наша страна», № 1, 1907 г.

И эта и вышеназванная статья—одно и то же и представляет ценнейший источник по вопросу о первом с'езде.

37. Его же. Письмо в редакцию «Пролет. Револ.», № 6.

38. Его же. Письмо в редакцию «Пролет. Револ.», № 8.
39. Его же. Письмо в редакцию «Пролет. Револ.», № 9.
Все три письма исправляют неточности разных авторов, писавших о с'езде.
40. Его же. О партийном архиве. «Правда», 1919 г., № 23.
41. Его же. О партийном архиве. «Правда», 1919 г., № 41.
42. Его же. О первом партийном с'езде. «Правда», 1919 г., 12/III, № 55.
43. Эрде. I с'езд Р. С.-Д. Р. П.—в книжке Всеукраинского Изд. 1921 г. «Шесть с'ездов нашей партии 1898—1917 гг.».
Ничего нового не дает, плохонькая заметка.
44. «Русский Рабочий», № 1, октябрь 1898 г., непериодическое издание Союза русских социалистов-революционеров.
Упоминание о первом с'езде, конечно, имеется еще во многих книгах и статьях, впрочем не дающих ничего нового (напр., в охранной литера- в «Обзоре важнейших жандармских дознаний» за 1898 г., в докладе Муравьева в книге «Революционное движение в России» с пред. Л. Мартова, К-во «Летописец». СПБ 1907 г. и т. п.). Из нелегальной литературы о с'езде и его постановлениях говорится в протоколах II с'езда Р. С.-Д. Р. П. при обсуждении вопроса о «Бунде» (см., напр., стр. 70—71 и 134—135. «Второй очередный с'езд Р. С.-Д. Р. П.», Женева 1903 г.). «Манифест» с'езда и постановления перепечатывались неоднократно. Перепечатаны они, между прочим, и в «Пролетарской Революции», № 1. На немецком языке были напечатаны в «Форвертс». В этой же газете в № 231, от 3/X 1897, в № 13 от 16/I за 1898 год помещены заметки о киевской «Рабочей Газете».
По вопросу о «Рабочем Знамени», кроме указаний, встречающихся во всех книгах и статьях, трактующих о первом с'езде, указанных выше, отсылаем читателя, кроме того, к статье С. Н. Валка в «Красной Летописи», № 2—3: С. Н. Валк. К документальной истории «Рабочего Знамени».

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

ТАБЛИЦА I

Число стачек и волнений в 1870—1880 годах.

Месяц и число	Место стачки (губ., город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1870 год					
22 мая	Петербург	Новая бумагопрядильня	3000	300	Д. III Отд. 3 Эксп. с. е. и. в. к. за 1870 г. № 64, ч. I, лл. 1—4.
Вторая половина мая	»	Портные мастерских	—	—	«Биржевые Вед.» 1870 г. № 228 от 26 мая и «Русск. Вед.» 1870 г. № 112.
»	»	Мастерск. женщин портних	—	—	
Конец мая или начало июня	Варшава	Фабрика(?)	—	—	«Голос» 1870 г. № 155 от 7 июня (из «Варш. Дневн.»).
10 июня	Саратовская губ.	Тамбово-Саратовская ж. д.	—	—	«Са ат. Справочный Листок» 1870 г. № 127 от 19 июня
В 20-х числах июня	Кронштадт	Доковые рабочие, каменщики подрядчиков Иконникова и Волкова	—	—	Д. Деп. Пол. Исполнит. 1870 г. № 401, л. 18 (Мартов.—Развитие крупной пром. и раб. движения в России, изд. «Книга». Пгр. 1923 г., стр. 12). «Голос» 1870 г. № 173 от 25 июня (из «Кронштт. Вестн.»).
29 июня	Петербург, Калашниковск. набережная	Судовые артели	—	—	Д. III Отд. 3 Эксп. 1870 г. № 64, ч. 1, л. 36.
Июль	Моск. губ. и у., с. Сетунь	Суконная ф-ка Шульца	50	50	«Голос» 1870 г. № 195 и 199 от 17 и 21 июля; «Новое Время» 1870 г. № 198; «Суд. Вестн.» 1870 г. № 190 и 193 (из «Русск. Вед.» 1870 г. № 151 и 155).
3 августа	Рига	Верманская лесопильня	—	90	Д. III Отд. Пол. Исп. 1870 г. № 401, л. 11.
17 сентября	Вологда	Меховая ф-ка Нечаева	120	120	Д. III Отд. 3 Эксп. 1870 № 64, ч. 1, лл. 42—45.
7 октября	Москва	Сахарный завод Пассбурга	123	13	Д. III Отд. 3 Эксп. 1870 г. № 64, ч. 1, лл. 39—40.
Октябрь	Петербург	Завод Липина	—	—	Д. III Отд. 3 Эксп. 1870 г. № 64, ч. 1, л. 52.
15 октября	Москва	Шелковая ф-ка Шалаева	80	19	Д. III Отд. 3 Экс. 1870, л. 47.
20 ноября	Вышний Волочок	Бумагопрядильня Ермакова	2000	500	То же № 401, л. 75.
?	Белосток	Ткацкие ф-ки	—	—	Мартов, стр. 12.

Продолжение

Месяц и число	Место стачки (губ., город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
?	Яросл. губ.	Ярославская ж. д.	—	500	«Неделя» 1870 г № 20: перед. ст. «Жел.-дор. монополия».
?	Харьков	Жел.-дор. рабочие	—	—	«Неделя» 1870 г. № 20: перед. ст. «Жел.-дор. монополия».
?	Яросл. губ.	Рыбинск. жел.-дор. рабочие	—	—	«Неделя» 1870 г. № 49: «Внутренняя хроника».
1871 год					
Начало февраля	Ст. Голендры Киево-Балт. ж. д. и ст. Казатин	Киево-Балт. ж. д. чернорабочие	1000	1000	«Голос» 1871 г. № 43.
Февраль	Вологда	Льняная ф-ка Грибанова	38	38	Д. III Отд. 3 Эксп. 1871 г. № 64, ч. 1, л. 56.
24 апреля	Москва	Ф-ка сукон Носовых	1000	500	«Голос» 1871 г № 115.
24 »	Вятская губ.	Холуницкие заводы	1500	1500	Д. III Отд. 3 Эксп. № 64, ч. 1, лл. 58—62.
Начало мая	Николаев	Портовые рабочие	—	—	«Голос» 1871 г. № 128.
Конец июня	Черкизово Моск. губ.	Кирпичный завод Гусарева	76	76	«Голос» 1871 г. № 178.
29 июня	Згерж Лодз. у.	Ткацкая ф-ка Литауэра и др.	200	200	Д. III Отд. 3 Эксп. 1870 г. № 64, ч. 1, лл. 88—89. «С.-Петерб. Вед.» 1871 г. № 169.
Июль	Тирасполь, Калиш	Тирасп.-Калишская ж. д.	—	—	Опись делам Деп. Пол. Исполн. III Отд., стол 1, 1871 г., д. № 447 (дело уничтожено).
27 июля	Петербург	Каменщики в Соляном Гор.	—	—	Д. III. Отд. 3 Эксп. 1870 г. № 64, ч. 1, лл. 114—123.
2 августа	Одесса	Тулупная ф-ка Фадеева	70	70	Д. III Отд. 2 Эксп. 1871 г. № 589, лл. 34—37.
2 »	Одесса	Извозчики	4000	4000	Д. III Отд. 2 Эксп. 1871 г. № 589, лл. 22—28.
Сентябрь	Енисейская г.	Прииск Баландина	—	—	В. Семевский Рабочие на сибирских золотых приисках, изд. 1898 г., т. II, стр. 653.
Ноябрь	Вильно	Табачная ф-ка Дурунча	—	5	Д. III Отд. 3 Эксп. 1870 г. № 64, ч. 1, лл. 168—169.
Осень	Москва	Ф-ка Кюнцеля	—	—	Д. III Отд. 3 Эксп. 1871 г. № 64, ч. 1, л. 152.

Продолжение

Месяц и число	Место стачки (губ., город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
—	Орехово-Зуево	Текстильн.	—	—	Мартов, стр. 12.
—	Лифляндия	Лесоп. зав.	—	—	
—	Петербург	Мех. зав. Бабушкина	—	—	«Голос» 1871 г. № 125.
		1872 год			
Январь	Петербург	Александровский мех. зав.	2000	2000	«Голос» 1872 г. № 14.
»	Устюг	Щетинщики Асова, Красильникова и др.	—	—	Д. Деп. Пол. Исп. III Отд., стол 1, 1872 г. № 427, лл. 6—9.
Начало мая	—	Кишиневско-Ясская ж. д.	—	—	«Голос» 1872 г. № 39.
2 июня	Кронштадт	Строит. раб. подр. Бруна	108	108	«Народная Ремесл. Газета» 15 июля 1872 г. № 14, стр. 530—31, и «Голос» 1872 г. № 51.
Июнь	Моск. у.	Кирпичный завод Катуара	100	100	«Голос» 1871 г. № 57
Август	Нарва	Кренгольмская ман-ра	5000	5000	Арх. Мин. Вн. Дел по канц. М. В. Д. 1872 г. д. № 6. «Русск. Вед.» 1872 г. №№ 205 и 206; «Голос» №№ 131, 136, 137, 139, 141, 144, 159, 177 и 180.
	Моск. губ.	Кирпичный завод Немчинова	83	83	Опись дел Деп. Пол. Исп. III Отд. 1 стол, 1872 г. № 285 (дело уничт.).
»	Подольск. у. Моск. губ.	Каменоломни	—	—	«Голос» 1871 г. № 167.
»	Подольск. у. Моск. губ.	Фабрика Немоляева	—	—	«Голос» 1872 г. № 167.
12 сентября	Москва	Платочно - набивн. ф-ка Котова	100	100	Д. III Отд. 3 Эксп. 1870 г. № 64, ч. 2, лл. 8—9.
Сентябрь	Мельвицы	Каменно-уг. копи	—	—	Опись дел Деп. Пол. Исп. III Отд. 1 стол, 1872 г., д. № 430.
Ноябрь	Петербург	Столярная ф-ка Алексеева	80	80	Д. III Отд. 3 Эксп. 1872 г. № 64, ч. 2.
»	Елабужский у. Вятской губ.	Завод Ушкова	782	782	Д. III Отд. 3 Эксп. № 70 1872 г., лл. 94—98.
Декабрь	Киевск. губ.	Киево - Брестской ж. д. чернорабочие	150	150	«Голос» 1873 г. № 4.

Продолжение

Месяц и число	Место стачки (губ., город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
—	Феодосия	Пекаря	—	—	«Голос» 1872 г. № 89.
—	»	Резники татары	—	—	
—	»	Водоносы	—	—	
Декабрь	Полтава	Хлебники (хозяева)	—	—	«Голос» 1872 г. № 211: ст. «Провинц. жизнь».
—	Александровск	Лозово - Севастоп. ж. д.	670	670	«Голос» 1872 г. № 198.
—	Участок при плавнях Днепра	Лозово - Севастоп. ж. д.	5600	4000	«Голос» 1873 г. № 33.
—	Томская губ.	Золотые промыслы	—	—	«Томские Губ. Вед.» 1874 г. № 6; цит. у В. Семевского. Рабочие на сиб. зол. пром., ч. II, стр. 689.
—	Олекминский округ	Промыслы Трапезникова	200	200	Семевский. Рабочие на сиб. зол. пром., т. II, стр. 689.
—	Олекминский округ	Промыслы Сибирякова	—	—	
—	Олекминский округ	Сибирские зол. промыслы	—	—	
—	»	Приписки бр-ев Матюниных	—	—	«Голос» 1873 г. № 120.

1873 год

Январь	Кострома	Фабрика Михина	921	921	Мартов, стр. 13.
2 апреля	Богородск. у. Моск. губ.	Ман-тура Морозова	—	50	Д. Деп. Пол. Исп. III Отд., 1 стол, № 402, л. 77.
2 »	Петербург	Петербургская Таможня	100	100	«Голос 1873 г. № 251.
2 »	».	Мех и чуг.-лит. завод Голубева	—	—	«Голос» 1873 г. № 44.
Май	Таврич. г.	Лозово-Севастоп. ж. д.	—	530	«Голос» 1873 г. №№ 130 и 136. «Вперед» 1874 г., т. II и т. I 1873 г.: «Что делается на родине», стр. 123 и 720
Июнь	Казань	Рабочие на постройке бухты и канала	2000	1500	«Голос» 1873 г. № 172 и д. Деп. Пол. Исп. стол 1 1873 г. № 158, л. 1.
»	Г. Макарьевск на Унже Волог. губ.	Сплавщики леса	104	104	«Голос» 1873 г., № 182.

Продолжение

Месяц и число	Место стачки (губ., город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
Июнь	Баскунчак	Рабочие соляных приисков	300	300	«Вперед» 1875 г. №№ 22 и 23, стр. 718—19.
Июль	Ревель	Извозчики	—	—	«Голос» 1873 г. №№ 200 и 203.
Октябрь	Ст. Выхвостово Черниг. губ.	Винокуренный завод Гриневского	—	—	«Вперед» 1875 г. №№ 22 и 23, стр 718—19.
Ноябрь	Серпуховск. у. Моск. губ.	Фабрика Коншина	979	200	Д. III Отд. 3 Эксп. № 64, ч. 2, 1870 г., лл. 32 и 33. «Голос» 1873 г. № 327.
17 декабря	Серпухов	Ф-ка Третьяковых	700	700	Д. III Отд. 3 Эксп. 1870 г. № 64, ч. 2, лл. 34—37. «Вперед» 1874 г., т. II: «Что делается на родине», стр. 127, и «Голос» 1873 г. № 354.
?	Забайкальская обл.	Ново Александровские золотые промыслы Сабашниковых	—	218	В. Семевский. Рабочие на сиб. зол. пром., т. II, стр. 704—5.
?	Олекминский горный округ	Золотые промыслы «О-ва арендаторов»	—	—	В. Семевский. Рабочие на сиб. зол. пром., т. II, стр. 689.
?	Енисейская губ.	Частные золотые прииски	15045	586	«Голос» 1874 г. № 241.
?	Енисейская губ.	Прииски купца Андреева	70	34	«Голос» 1874 г № 241.

1874 год

14 февраля	Згерж	Ф-ки Мейергофа, Борота и др.	280	100	Д. III Отд. 3 Эксп. 1874 г. № 70, л. 2.
14 »	Орловская губ.	Лавровский винокур. завод	—	22	«Вперед» 1874 г.
14 »	»	Жирятинский винокур. завод	—		
15 »	Петербург	Мастерские Николаевск. ж. д.	200	200	Д. III Отд. 3 Эксп. 1874 г. № 70, лл. 6—9.
15 »	»	Невский мех. зав. (б. Семянникова)	2259	2259	«Голос» 1874 г. № 51.
4 марта	»	Кожевенный завод Барановского	103	103	Д. III Отд. 3 Эксп. 1874 г., служ. зап. от 5 марта 1874 г.
Апрель	Екатериносл. губ.	Завод Юза	1500	1500	«Вперед» 1875 г. № 12, стр. 372—373.

Продолжение

Месяц и число	Место стачки (губ., город, уезд, село местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
24 апреля	Богородск. у.	Фабрика купца Шибаева	600	600	Д. Деп. Пол. Исп. 1874 г. стол 1, д. № 120 и д. III Отд. 3 Эксп. 1874 г. № 70, лл. 37—39 и лл. 64—65.
Апрель	Новочеркасск	Мясники	—	—	«Голос» 1874 г. №№ 114 и 120.
»	Саратов	Мастерские Сарат. ж. д.	—	—	Автобиография С. Волкова.
25 апреля	Вышний-Волочек	Ф-ка Ермакова	1300	1300	Д. III Отд. 3 Эксп. 1874 г. № 70, лл. 54—55.
1—4 мая	Забайк. округ	Иоанно-Дамаскинский прииск Заб. Т-ва	—	—	В. Семевский, т. II, стр. 708.
Май	Петербург	Невский мех. зав. (б. зав. Семянникова)	2259	2259	«Вперед» 1875 г. № 11, стр. 330—333, и д. III Отд. 3 Эксп. 1874 г. № 70, лл. 45—47.
»	»	Лиговские пруды	—	—	«Голос» 1874 г. № 220.
»	Пермская губ. Нижний Тагил	Заводы Демидова (8 заводов)	10000	10000	«Голос» 1874 г. № 220.
22 мая	Выборг	Извозчики	107	102	Д. III Отд. 3 Эксп. 1874 г. № 67, л. 16.
Май	Волхов	Судовые команды	—	—	Д. III Отд. 3 Эксп. 1874 г. № 70, л. 58.
Июнь	Александров Покровск. у.	Ф-ка Баранова	4248	4248	Д. III Отд. 3 Эксп. 1874 г. № 70.
18 июня	Борисполь	Свекло сах. зав. Горецкого	200	200	Д. III Отд. 3 Эксп. 1874 г. № 70, лл. 104.
Июнь—июль	Елабужск. у.	Хим. зав. Ушкова	782	75	Д III Отд. 3 Эксп. 1874 г. № 70, лл. 94—101.
6 июля	Або	Строит. раб. на Або-Таваст. ж. д.	106	106	Д. III Отд. 3 Эксп. 1874 г. № 70, лл. 87—89 и 110—111.
Август	Петербург	Малярный цех Семян. завода	2259	—	Д. III Отд. 3 Эксп. 1874 г. № 70, л. 109.
Сентябрь	Ландверово Вил. губ.	Гвоздильный завод	48	48	«Вперед» 1875 г. № 24, стр. 754, и Мартов, стр. 13. Сборник решений Кассац. и Первого Д-та Правит. Сената 1875 г., стр. 327.
»	Плиски	Ф-ка Скворцова	—	—	Опись дел III Отд. в пакетах 1874 г. № 316 (дело уничт.).
Октябрь	Москва	Ф-ка Лазарева	200	200	Мартов, стр. 13; «Голос», 1875 г. № 48, 58, 76 и 97; «Неделя» 1875 г. № 7; «Русск. Вед.» 1875 г. № 42; «Нов. Время» 1875 г. № 42.

Продолжение

Месяц и число	Место стачки (губ., город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
Октябрь	Петербург	Т-во латунной промышл.	168	84	«Вперед» за 1875 г. № 8, стр. 242.
15 ноября	»	Ф-ка Шау	211	200	«Вперед» 1875 г. № 8, стр. 240.
15 »	Кинешемск. у. Костр. г.	Долматовская ф-ка Зубкова	—	79	Д. III Отд. 3 Эксп. 1874 г. № 70, л. 117.
15 »	Петербургская губ. Царскос. у.	Стекл. зав. Зиновьева	361	364	Д. III Отд. 3 Эксп. 1874 г. № 70, л. 117.
Декабрь	Петербург	Ф-ка Шау	211	211	«Вперед» 1875 г., № 8 стр. 242.
»	»	Мастер. Варш. ж. д.	—	—	«Вперед» 1875 г., № 8 стр. 238—239.

1875 год

Январь	Петербург	Патронный зав.	—	60	«Вперед» 1875 г. № 6, стр. 172.
»	»	Новая бумагопрядильня	—	300	«Вперед» 1875 г. № 8, стр. 242.
12 января	Ст. Затишье	Одесские ж.-д. рабочие по очистке снега	—	300	«Голос» 1875 г. № 88.
Январь	Петербург	Ф ка Максвеля	2000	2000	Д. III Отд. 3 Эксп. 1875 г.
Февраль	Одесса	Зав. Беллино-Фендерих	413	413	«Вперед» 1875 г. № 20, стр. 629.
»	Петербург	Путиловский завод	3228	3228	II секр. архив III Отд., секр. сведения в пакетах за 1875 г. № 10/4.
Март	Подольская г. Браиловский у., п. Вороновица	Свекло-сахарный завод	—	30	«Голос» 1875 г. № 74.
Апрель	Петербург	Зав. Семянникова	2259	2259	Д. III Отд. 3 Эксп. 1874 г. № 70, лл. 122—127.
Май (в начале мес.)	Екатериносл. губ.	Завод Юза	1500	1500	«Биржев. Вед.» 1875 г. №№ 140 и 176; «С.-Петерб. Вед.» 1875 г. № 138; «Голос» 1875 г. № 141; «Русск. Вед.» 1875 г. №№ 111 и 141; «Новое Время» 1875 г. № 123; «Современные Изв.» 1875 г. №№ 140 и 183; «Вперед» 1875 г. № 12, стр. 372 и 373.
Май (в начале мес.)	Оренбургская губ.	Оренбургская ж. д.	7400	700	Д. III Отд. Деп. Пол. Исп. 1875 г. 1 ст. № 158, лл. 1—3.
Май или июнь (перед Троицей)	Екатерин. губ.	Завод Юза	1500	1500	Те же источники, что и о первой забастовке на том же заводе; см. также Новополин. Из истор. раб. движ.—«Лет. Рев.» Харьков, 1923 г. № 2.

Продолжение

Месяц и число	Место стачки (губ., город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
Июль [1]	Серпухов Московск. губ.	Ф-ка Коншина	2500	2500	Д. III Отд. 3 Эксп. 1875 г. № 50, лл. 92—97 и 105—109.
Август	Рыбинск	Мельница Караваевой	—	—	
Ноябрь	Петербург	Чугунно-лит. зав. Неслера	400	400	Д. III Отд. 3 Эксп. 1870 г. № 32, л. 206, и II секр. архив., секр. свед. за 1875 г. № Б/58.
»	Сестрорецк Петерб. губ.	Сестрор. зав.	—	—	Д. III Отд. 3 Эксп. 1875 г. № 23, ч. 2, л. 9.
»	Одесса	Таб. ф-ка	20	20	«Вперед» 1875 г. № 23, стр. 726.
»	Кременчуг	» »	101	101	
Декабрь	Москва	Шелковая ф-ка Лезерсона	358	358	Д. III Отд. 3 Эксп. 1875 г. № 50, ч. 2, л. 6.
»	м. Хороша, Белостокск. у.	Шерстяная ф-ка Моэса	870	370	«Вперед» 1875 г. № 24, стр. 755.
»	Смолен. губ. Ельнинск. у., с. Замошье	Суконная ф-ка	—	—	«Вперед» 1876 г. № 29, стр. 150.
»	Одесса	Типография Бирукова	—	—	«Вперед» 1876 г. № 29, стр. 148—149.
»	Киевск. губ.	Киево-Брестская ж. д.	—	—	«Вперед» 1876 г. № 39, стр. 512.
»	Петербург	Строит. раб.	30900 [2]	—	Д. III Отд. 3 Эксп. 1870 г. № 64, ч. 2, лл. 10—13.
1876 год					
Январь	С.-Петербург	Александр. завод	1944	1000	Д. III Отд. 3 Эксп. 1876 г. № 10, лл. 4, 5 и 6.
Февраль	Варшава	Зав. Рац, Левенштейн и Лильпоп	500	160	Д. III Отд. 3 Эксп. 1876 г. № 25, л. 8.
»	Петербург	Зав. Берда	1514	1514	Д. III Отд. 3 Эксп. 1876 г. № 10, л. 43.
»	Белосток	Извозчики	—	—	Д. III Отд. 3 Эксп. 1876 г. № 32, лл. 18—21.
»	Петербург	Ф-ка Кнорре	120	120	Д. III Отд. 3 Эксп. 1876—77 гг. № 10, лл. 32, 33 и 51.
28 февраля	»	Ф-ка Максвеля	2000	2000	Д. III Отд. 3 Эксп. 1876—77 гг. № 10, л. 67.

[1] П. Моисеенко упоминает о стачке на фабрике Шау в марте 1875 г., но за невозможностью проверить это утверждение стачка не помещена в таблицу.

[2] Эти 30 тыс.—все количество строительных рабочих в С.-Петербурге, но сколько из этого числа бастовало, установить не удалось, поэтому в подсчет они не вошли.

Продолжение

Месяц и число	Место стачки (губ., город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1 марта	Орехово-Зуево	Ф-ка Саввы Морозова	3946	540	Д. III Отд. 3 Эксп. 76 г № 39, лл. 15, 16, 17 и 18.
2 марта	Калужская г.	Чуг.-литейный Мышегский зав.	400	200	Д. III Отд. 3 Эксп. 1876 г. № 119, лл. 3—21 и 25—31.
22 марта	Богородск. у., Моск. губ.	Ф-ка Скороспелова	336	336	Д. III Отд. 3 Эксп. 1876 г. № 53, лл. 45—47.
22 »	Финляндия	Имение кн. Ухтомского рабочие пильщики	350	59	«Голос» 1876 г. № 75.
11 »	Пермск. губ. с. Усолье	Усольские солян. промыслы	—	—	«Голос» 1876 г. № 104.
Май	Олон. губ. Лодейное Поле	Винокур. зав. Манина	—	80	Д. III Отд. 3 Эксп. стол 1 1876 г. № 143, л. 1.
Июнь	Костр. губ.	Торфяник фон-Рабенека	50	50	Д. III Отд. 3 Эксп. 1876 г. № 53, лл. 65—66.
	Москва	Ф-ка Вольфберга	23	23	«Голос» 1876 г. № 152.
»	Петерб. губ. Шлиссельб. у.	Кирпичный завод Лядова	—	102	Д. III Отд. 3 Эксп. 1876 г. № 103, лл. 1—2.
14 июня	Вышний-Волочок	Ф-ка Ермакова	1300	114	Д. Деп. Пол. Исп. 1876 г. 1 стол № 103, лл. 1—2.
14 »	Петербург	Путиловский вод	3228	3228	Д. III Отд. 3 Эксп. 1876 г. № 10, л. 125
13 июля	Сибирь	Золот. прииски Прибрежно-Витимской компании	—	—	Арх. Ирк. Горн. Упр. к. 2578, № 215—269; цит. у В. Семевского, стр. 690—93.
Август	Енисейск. губ.	Заводы Пермикина	—	—	Д. III Отд. 3 Эксп. 1876 г. № 139, лл. 22 и сл.
Сентябрь	Нижегор. губ. Сормово	Сормовский зазавод	1911	500	Д. III Отд. 3 Эксп. 1876 г. № 81, лл. 37 и сл.
Октябрь	Петербург	Путиловский завод	3228	500	Д. III Отд. 3 Эксп. № 10, л. 161.
»	Ревель	Типография «Рев. Газ.» Линдфорса	—	—	Опись дел Деп. Пол. Исп. 1876 г., стол 1 № 214 (дело уничт.).
Ноябрь	Домарово Петроковск. губ.	Угольн. копи шахта «Кошелево»	—	—	Д. III Отд. 3 Эксп. 1876 г. № 49, л. 68.
»	Кавказ	Поти Тифлисской ж. д.	—	—	«Вперед» 1876 г. № 37. стр. 454.
»	Петерб. губ. Царскос. у.	Хруст. завод Ульянова	90	90	Д. III Отд. 3 Эксп. «Свед. по Царск. у. С.-Петерб. губ.» 1876 г.

Продолжение

Месяц и число	Место стачки (губ., город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
		1877 год			
Январь	Васильк. у. Киевской губ.	Соливановский сахарный зав. гр. Браницкого	50	50	Д. Деп. Пол. Исп. III Отд., стол 1 1877 г. № 1, лл. 3—4.
Май	Арханг. губ. Мезенский у.	Лесопильный завод Русанова	200	15	«Голос» 1877 г. № 148.
20 июля	Пермская губ.	Пермско-Екатеринб. ж. д.	360	360	«Голос» 1877 г. № 171.
Ноябрь	Гродненск. г.	Добринская суконная ф-ка	71	7.	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878 г. № 18. лл. 52—53.
»	Белосток	Ткачи	—	—	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878 г. № 18, донесение Гродн. губ. от 27/X—1878 г.
»	Петербург	Завод Макферсона	—	—	В показаниях В. П. Обнорского в его деле. «Истор. револ.» сб., т. III.
»	»	Путиловский завод	—	—	Д. III Отд. 3 Эксп. 1877 г. № 2, лл. 94—95.
»	»	Зав. Главного Общества Росс. ж. д.	—	—	«Община»: соц.-революц. обозрение за 1877 г., март—апрель, стр. 27.
		1878 год			
17 января	Петерб. губ. д. Волынкино	Екатерингофская бумагопрядильня	750	150	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878 г. № 10, ч. 1, лл. 4—5.
2 февраля	Петербург	Новая бумагопрядильня	3000	3000	Орган «Земли и Воли» «Начало» 1878 г. № 1.
2 »	»	Ф-ка Паля	269	269	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878 г. № 10, ч. 1, лл. 53—63.
1 марта	Мест. Кнышино, Гродн. губ.	8 фабрик	105	105	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878 г. № 18, лл. 53—56.
27 марта	Москва	Ф-ка Простякова	212	212	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878 г. № 40, л. 29.
10 мая	Петербург	Металл. завод на Выборгской (бомбочн. отд.)	—	—	II секр. архив, секр. свед. в пакетах за 1878 г. № с/3.
22 мая	Мест. Супресле Гродн. губ.	Ф-ка Аунерт	134	134	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878 г. № 18, лл. 53—56.
29 мая	—	Повенец-Сумская почт. дор.	—	120	«Голос» 1878 г. № 184.
Конец мая	Сибирь, Южно-Енисейск. сист.	Попутный прииск Мотонина	—	135	Архив Горн. Испр. южн. части Енис. окр., д. 1873 г. № 29; цит. В. Семевским, т. II, стр. 654.

Продолжение

Месяц и число	Место стачки (губ., город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
Июнь	С. Тейково, Владим. губ.	Ф-ка Каретниковых	3000	3000	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878 г. № 51, лл. 7, 8, 9, 10 и 11.
Июль	Москва	Ф-ка Третьяковых	1500	1500	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878 г. № 40, лл. 87—89.
»	Новая Ладога	Постройка Сясьского канала	—	—	«Голос» 1878 г. № 195.
Август	Серпухов	Ф-ка Коншина	2500	2500	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878 г. № 48, л. 39.
»	Кострома	Завод Шипова	932	932	Д. III Отд. 3 Эксп. 1873 г. № 17, л. 15.
Сентябрь	Гродн. губ.	Ф-ка Комшау и Филиппе	389	389	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878 г. № 18, лл. 52—53.
13 »	Нерехта	Ф-ка бр. Дьяконовых	—	50 (мал.)	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878 г. № 17, л. 18.
20 »	Москва	Моск.-Курск. ж. д. (ваг. маст.)	—	400	«Голос» 1878 г. № 266 и 267; «Русск. Вед.» 1878 г. № 240; «Совр. Изв.» 1878 г. № 263; «Биржев. Вед.» 1878 г. № 264 и «Моск. Вед.» 1878 г. № 240.
20 »	Петербург	Фортеп. ф-ка Беккера	287	40	«Земля и Воля» 1873 г. № 3, коррес. Г. В. Плеханова.
20 »	»	Зав. Курикова	446	200	«Голос» 1873 г. № 174.
24 »	»	Таб. ф-ка Мичри	803	100	«Земля и Воля» 1878 г. № 3, коррес. Г. В. Плеханова.
26 »	»	Таб. ф-ка Шапшал		200	Там же.
27 »	»	Слес.-механ. мастерская Ангарского	—	—	«Голос» 1873 г. № 271; «Русск. Вед». 1873 г. № 273; «Моск. Вед.» 1878 г. № 249; «Нов. Вр.» 1873 г. № 932; «С.-Пет. Листок.» 1878 г. № 193.
27 »	Боровичи	Строит. рабоч. Боровичск. ж. д.	212	212	«Набат» 1878 г., коррес., стр. 47.
27 »	Белосток	Ф-ка Розенталя	9	9	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878 г. № 18, лл. 50—52.
26 октября	Одесса	Грузчики и литейщики Одесск. ж. д.	—	—	«Голос» 1878 г. № 305 и 303; «Нов. Вр.» 1873 г. № 966; «Бирж. Вед.» № 306; «Русск. Правда» 1873 г. № 36; «Правда» 1878 г. № 243 и 246 и «Русск. Вед». (из «Голоса») 1873 г. № 2.2; «Община», «соц.-рев. обозр. за 1878 г. № 3 и 4, стр. 31.
6 ноября	—	Боризанский свеклосах. завод	—	—	«Голос» 1878 г. № 317.

Продолжение

Месяц и число	Место стачки (губ., город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
29 ноября	Петербург	Ф-ка Кенига	200	200	«Земля и Воля» 1878 г. № 3, корресп. Г. В. Плеханова.
Декабрь	Москва	Суконная ф-ка В. С.	—	—	«Совр. Изв.» 1878 г. № 342; «Голос» 1873 г. № 342; «Русск. Правда» 1878 г. № 73.
»	Коломенский у.	Ф-ка Деминых	—	—	«Голос» 1878 г. № 355 и «Русские Вед.» 1878 г.
24 декабря	Варшава	Булочная Выгалковского	6	3	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878 г. № 336, лл. 34—35.
1879 год					
Январь	Село Ясень, Новор. у. Петрок. губ.	Стекл. зав. Фигимана	—	8	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878 г. № 39, лл. 1—4.
»	Белосток	Шерст. ф-ка Друкэр	9	9	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878 г. № 18, лл. 65—69.
15 января	Петербург	Новая бумагопрядильня	3000	3000	Д. III Отд 3 Эксп. 1879 г. № 73, ч. I; Плеханов—«Земля и Воля» 1873 г. № 3.
Январь	»	Ф-ка Шау	211	150	Там же.
22 января	Волынкино Петерб. губ.	Екатерингофская бумаго-прядильня	—	100 (мальчиков)	Д. III Отд. 3 Эксп. 1879 г. № 73, ч. I.
29 »	Лодзь	Шерст. ф-ка Двильона	50	50	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878—79 гг. № 336, л. 28.
6 февраля	Петербург	Завод «Атлас»	90	90	Д. III Отд. 3 Эксп. 1879 г. № 34, л. 11—12.
евраль	Вологда	Рабочие по обделке льна	—	—	«Голос» 1879 г. № 82; была переп. в «Русск. Вед.» № 76, «Нов. Вр.» № 1102, «Молва» № 84.
Март	Дмитровск. у. Моск. губ.	Вознесенск. ман-ра Лепешкина	2371	1500	Д. III Отд. 3 Эксп. 1879 г. № 22, л. 18.
»	г. Руза Моск. губ.	Ф-ка Богомолова	—	100	«Голос» 1879 г. № 70.
17—19 марта	Киев	Киевские ж.-д. мастерские	2000	2000	«Правда» 1879 г. № 64 и «Голос» 1879 г. № 90.
19 марта	Пермь	Мотовилихинский завод	—	62	Д. III Отд. 3 Эксп. 1879 г. № 78, лл. 77—83.
Март	Подольская г.	Ольгиопольск. сах. зав.	450	47	Д. III Отд. 3 Эксп. 1879 г. № 158, лл. 1—17.
Апрель	Петербург	Чуг.-литейный завод «Кинг»	100	100	Д. III Отд. 3 Эксп. 1879 г. № 34, л. 9.

Продолжение

Месяц и число	Место стачки (губ., город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
18, 19 и 20 апреля	Серпуховск. у. Моск. губ.	Ф-ка Н. Н. Коншина	2700	2700	Д. III Отд. 3 Эксп. 1878 г. № 22, лл. 28—29.
18, 19 и 20 апреля	Петербург	Семянниковский завод	2500	2500	Мартов, стр. 18.
19, 19 и 20 апреля	Ива·ово-Вознесенск	Ф-ка Зубкова	700	700	Д. III Отд. 3 Эксп. 1879 г. № 37, лл. 56—59.
мая	Верхнеуд. окр. Забайк. обл.	Иннокентьевский прииск Краузе	—	150	В. Семевский, т. II, стр. 708.
Май	Трубчевск	Рабочие по обделке пеньки	—	—	«Неделя» 1879 г. № 11—13, стр. 390.
5 июня	Серпухов	Ф-ка Третьяковых	1500	1500	Д. III Отд. 3 Эксп. 1879 г. № 22, л. 43.
5 »	»	Ф-ка Ильина	245	200	Д. III Отд. 3 Эксп. 1879 г. № 22, лл. 43—55.
8	Харьков	Кирпичный завод «Успех» Шпидтмана	—	14	Д. 3 Эксп. Деп. Пол. Исп. 1879 г., стол 1, № 242.
14	Серпухов	Ф ка Мараева	370	370	Д. III Отд. 3 Эксп. 1879 г. № 22, л. 57.
1 июля	Шахтная	Антрац. рудн. Русск. О-ва Промышл. и Торг.	—	—	«Русская Правда» 1879 г. № 83; «Нов. Вр.» 1879 г. № 1220 и «Русск. Вед.» 1879 г. № 186.
Июль	Пермская губ.	Миасские зол. прииски	—	—	«Русская Правда» 1879 г. № 76.
17 »	Воронеж	Ж.-д. мастерские	—	700	«Русская Правда» 1879 г. № 83.
18 »	Одесса	Таб. ф-ка Попова	—	—	«Русская Правда» 1879 г. № 85.
31 »	Калужская г.	Дугюнский завод	—	100	Д. III Отд. 3 Эксп. 1879 г. № 34, лл. 94—95.
1 августа	Амурская обл.	Прииск Зейской Комп.	—	—	В. Семевский, т. II, стр. 713 и 717.
1 »	Петербург	Кузница пожарн. ком.	—	—	Д. III Отд. 3 Эксп. 1879 г. № 73, ч. 3.
Август	Нежинский у.	Свеклосах. завод Тарновского	—	—	Д. III Отд. 3 Эксп. 1879 г. № 45, л. 114.
»	Гуслицы Моск. губ.	Ф-ка Балашова	—	—	«Голос» 1879 г. № 234; «Русск. Вед.» 1879 г. № 214 и «Русск. Правда» 1879 г. № 117.
16 августа	Моск. уезд	Бумаготкацкая ф-ка Гилля	1000	400	Д. III Отд. 3 Эксп. 1879 г. № 22, л. 145.

Продолжение

Месяц и число	Место стачки (губ., город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
27 августа	Царскос. у. Петерб. губ.	Стекл. зав. Зиновьева	200	200 (солдаты)	Д. III Отд. 3 Эксп. Деп. Пол. Исп. 1879 г. № 309, стол 1.
Сентябрь	Москва	Суконная ф-ка Шрадера	—	600	«Голос» 1879 г. № 286; «Русск. Вед.» 1879 г. № 257; «Нов. Вр.» 1879 г. № 1306 (из «Русских Вед.»); «Молва» 1879 г. № 287.
6 октября	Владимирская губ.	Собиновская мануфактура	2000	2000	Д. III Отд. 3 Эксп. 1879 г. № 37, лл. 169—171.
30 ноября	Кинешемск. у.	Долматовская ман-ра Миндовского и Кокорева	770	770	Д. III Отд. 3 Эксп. Деп. Пол. Исп. 1879 г., стол 1 № 466.
1880 год					
15 февраля	Москва	Шелкоткацкая ф-ка Каверина	200	200	«Русск. Вед.» 1880 г. № 52.
22 »	Киев	Ж.-д. мастерские	1550	1550	«Голос» 1880 г. № 67; «Русск. Вед.» 1880 г. № 64; «Русск. Правда» 1880 г. № 7; «Нов. Время» 1880 г. № 1444; «Моск. Вед.» 1880 г. № 69; «Киевлянин» 1880 г. № 51.
Февраль	Москва	Ф-ка Бровкина	270	270	«Русск. Вед.» 1880 г. № 28.
8 мая	Петербург	Новая бумагопрядильня	—	600	Д. III Отд. 3 Эксп. 1880 г. № 508, л. 4.
10 »	»	Александровский зав.	1500	1500	Д. III Отд. 3 Эксп. 1880 г. № 508, л. 6—7.
10 июня	»	Строит. рабочие подрядч. Астратова и Трифонова по прорытию Финского кан.	150	150	Д. III Отд. 3 Эксп. 1880 г. № 508.
Июнь	Петерб. у.	Кирпичный завод. Агапонова	—	—	Д. III Отд. 3 Эксп. 1780 г. № 508, лл. 14—15.
9 сентября	Ярцево	Хлудовская мануфактура	2600	2600	«Голос» 1880 г. №№ 252, 257; «Земство» 1880 г. № 1: «Русские Вед.» 1880 г. №№ 234, 236, 239 и 247; «Моск. Вед.» 1880 г. № 233; «Страна» 1880 г. № 72: «Смол. Вестник» 1880 г. № 102, 103 и 105; «Молва» 1880 г. №№ 253 и 258; «Совр. Изв.» 1880 г. № 254 и 257; «Русский Ку ье » 1880 г. № 252; «Дело» 1880 г. № X, стр. 114—115; «Слово» 1880 г. № XI, стр. 78—81; «Русская Мысль» 1880 г. № XI, стр. 39—40; «Неделя» 1880 г. №№ 26, 27 и 39. Арх. б. Мин. Вн. Д., Деп. Общ. Дел. Отд. II, стол 2, 1881 г. № 382.

Окончание

Месяц и число	Место стачки (губ., город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастующих	Источники
Сентябрь	Киев	Арсенал	—	—	Дело о Южно-русском союзе в Киеве за 1880 г. III отд. с. е. и. в. к. № 180.
Октябрь	Петербург	Александровский завод	—	80	Д. III Отд. 3 Эксп. 1880 г. № 508, служ. зап. от 22 окт. 1880 г.
»	Коломенск. у. Моск. губ. с. Озеры	Ф-ка Щербакова	—	600	«Русск. Вед.» 1880 г. № 256; «Голос» 1880 г. № 233; «Нов. Вр.» 1880 г. № 1661; «Молва» 1880 г. № 284; «Русский Курьер» 1880 г. № 279; «Земство» 1880 г. № 3.
Ноябрь	Серпухов	Ф-ка Серикова	—	—	«Голос» 1880 г. № 328; «Молва» 1880 г. № 329; «Соврем. Нов.» 1880 г. № 331.
Декабрь	Петербург	Механ. зав. Голубева	—	—	Д. III Отд. 3 Эксп. 1880 г. № 772, л. 2.
31 декабря	»	Механ. завод Фридландера	—	—	Д. III Отд. 3 Эксп. 1880 г. № 83, лл. 58—59.

Источниками для настоящей работы служили: 1) дела III Отделения б. собств. его имп. вел. канцелярии за одиннадцать лет: а) 3-й Экспедиции с 1870 до 1880 гг.; б) описи делам Департамента Полиции Исполнительной, стол первый за те же годы, в) архив Мин. Внутр. Дел по канцелярии М. В. Д. за те же годы, г) секретные сведения в пакетах II секр. архива за те же годы: 2) современная периодическая пресса (газеты и журналы, просмотренные за 11 лет с 1870 по 1880 г., ссылки на которые также даются); 3) немногочисленная нелегальная литература и 4) немногочисленные печатные статьи и работы по вопросу.

ТАБЛИЦА II [1])

Число стачек и бастовавших рабочих в 1870—1880 годах.

Годы	Число бастовавших рабочих	Число стачек с известным числом бастовавших рабочих	Всего стачек	Число бастовавших в % к общему числу за 11 лет
1	2	3	4	5
1870	1.592	8	18	1,32
1871	7.389	9	17	6,14
1872	13.273	12	25	11,01
1873	5.213	12	16	4,23
1874	24.260	22	30	20.12
1875	16.059	17	23	13,32
1876	10.616	18	25	8,80
1877	496	4	8	0,41
1878	13.870	23	30	11,50
1879	20.120	28	37	16,68
1880	7.700	9	14	6,39
Всего . . .	120.588	162	247	100

[1]) Об'яснительные примечания к этой таблице по техническим условиям помещены на стр. 526.

ТАБ

Распределение стачек и бастовавших рабо

Категории рабочих	1870		1871		1872		1873		1874		1875	
	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.
Механические . .	2	—	2	1500/1	2	2782/2	1	—	10	16350/7	8	9380/7
Текстильщики . .	6	869/4	5	738/3	3	5100/2	4	1871/4	9	6938/8	6	5528/5
Строительные . .	4	500/1	4	1000/1	6	4928/4	2	2000/2	2	106/1	3	700/1
Прочие	6	223/3	7	4151/4	14	463/4	9	1341/6	9	866/6	6	451/4
Всего . .	18	1592/8	17	7389/9	25	13273/12	16	5213/12	30	24260/22	23	16059/17

Примечание. Числитель дроби указывает число участников в

ТАБ

Распределение стачек по

Районы	1870		1871		1872		1873		1874	
	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.
Северный	11	1510/5	4	1538/2	6	7970/5	3	204/2	16	7263/12
Центральный . .	4	82/3	4	576/2	5	283/3	5	3371/5	6	5149/5
Западный	2	—	3	205/2	1	—	1	—	3	348/3
Урал и Сибирь .	—	—	1	—	5	200/1	4	838/3	2	10000/1
Юг	1	—	5	5070/3	8	4820/3	3	800/2	9	1500/1
Всего . .	18	1592/8	17	7389/9	25	13273/12	16	5213/12	30	24260/22

Примечание. Числитель дроби указывает число участников в

ЛИЦА III

чих по категориям (1870—1880 годы).

1876		1877		1878		1879		1880		Итого			
Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	% бастовавших ко всему числу бастовавших	% стачек ко всему числу стачек
8	7102 / 7	3	—	5	1532 / 3	8	5552 / 7	6	3080 / 3	55	47278 / 37	39,20	22,84
6	3133 / 6	2	71 / 1	14	11129 / 12	19	11149 / 16	6	4470 / 5	80	53996 / 66	44,78	40,74
2	59 / 1	1	360 / 1	4	791 / 3	—	—	1	150 / 1	29	10534 / 16	8,74	9,87
9	322 / 4	2	65 / 2	7	478 / 5	10	419 / 5	1	—	79	8780 / 43	7,28	26,54
25	10616 / 18	8	496 / 4	30	13870 / 23	37	20120 / 28	14	7700 / 9	243	120588 / 162	100,00	100,00

стачках, а знаменатель—число стачек, в которых известно число бастовавших.

ЛИЦА IV

районам (1870—1880 годы).

1875		1876		1877		1878		1879		1880		Итого		
Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	Число стачек	Число бастов.	%% ко всему числу бастовавших
8	8267 / 6	11	8807 / 11	4	15 / 1	12	4294 / 9	10	6148 / 8	7	2530 / 4	92	48546 / 65	40,26
3	2858 / 2	6	1649 / 6	—	—	10	8806 / 8	14	11640 / 13	5	3670 / 4	62	38084 / 51	31,58
2	370 / 1	4	160 / 1	2	71 / 1	5	640 / 5	2	59 / 2	—	—	25	1853 / 15	1,54
1	700 / 1	3	—	1	360 / 1	—	—	4	212 / 2	—	—	21	12310 / 9	10,21
3	3864 / 7	1	—	1	50 / 1	3	130 / 1	7	2061 / 3	2	1500 / 1	43	19795 / 22	16,41
23	16059 / 17	25	10616 / 18	8	496 / 4	30	13870 / 23	37	20120 / 28	14	7700 / 9	243	120588 / 162	100,00

стачках, а знаменатель—число стачек, в которых известно число бастовавших.

Т А Б

Распределение стачек по

Годы	Понижение зарплаты, расценка, низк. зарплата		Штрафы, вычеты и др. удержания из заработной платы		Неправильный расчет, задержка платы		Плохие условия работы, жилища и т. п.	
	Число стачек	Число бастов. в стачках, число коих указано в знамен.	Число стачек	Число бастов. в стачках, число коих указано в знамен.	Число стачек	Число бастов. в стачках, число коих указано в знамен.	Число стачек	Число бастов. в стачках, число коих указано в знамен.
1870	16	$\frac{1452}{6}$	—	—	—	—	2	$\frac{140}{2}$
1871	7	$\frac{5613}{6}$	—	—	2	$\frac{1076}{2}$	1	$\frac{500}{1}$
1872	8	$\frac{3062}{6}$	1	$\frac{108}{1}$	1	$\frac{150}{1}$	6	$\frac{4870}{3}$
1873	4	$\frac{918}{2}$	1	$\frac{1500}{1}$	5	$\frac{1204}{5}$	—	—
1874	9	$\frac{3808}{8}$	5	$\frac{695}{4}$	6	$\frac{4621}{3}$	3	$\frac{10200}{2}$
1875	6	$\frac{4008}{5}$	4	$\frac{3113}{4}$	8	$\frac{5689}{4}$	—	—
1876	7	$\frac{1875}{6}$	3	$\frac{374}{3}$	10	$\frac{5917}{7}$	—	—
1877	2	$\frac{71}{1}$	—	—	1	$\frac{15}{1}$	1	$\frac{369}{1}$
1878	14	$\frac{9687}{12}$	2	$\frac{150}{1}$	3	$\frac{746}{3}$	1	$\frac{135}{1}$
1879	20	$\frac{13442}{15}$	1	$\frac{770}{1}$	5	$\frac{2899}{5}$	2	$\frac{647}{2}$
1880	7	$\frac{3550}{4}$	—	—	2	$\frac{1500}{1}$	—	—
Итого . . .	100	$\frac{47486}{69}$	17	$\frac{7070}{15}$	43	$\frac{23517}{32}$	16	$\frac{16852}{12}$
%		39,38		4,95		19,95		13,98

Примечание. Знаменатель обозначает число стачек, а числитель—

ЛИЦА VI

причинам возникновения

Плохое обращение администрации		Плохое продовольствие в общ. фабр. столов. и т. п.		Продолжительный рабочий день		Прочие причины		Всего	
Число стачек	Число бастов. в стачках, число коих указано в знамен.	Число стачек	Число бастов. в стачках, число коих указано в знамен.	Число стачек	Число бастов. в стачках, число коих указано в знамен.	Число стачек	Число бастов. в стачках, число коих указано в знамен.	Число стачек	Число бастов. в стачках, число коих указано в знамен.
—	—	—	—	—	—	—	—	18	1592/8
—	—	—	—	1	—	6	200/1	17	7389/9
—	—	2	—	1	5000/1	6	83/1	25	13232/12
2	620/2	—	—	—	—	5	971/2	16	5213/12
—	—	—	—	—	—	7	4936/5	10	24260/22
—	—	—	—	—	—	5	3649/4	23	16059/17
1	—	—	—	—	—	4	2099/2	25	10616/18
—	—	—	—	—	—	4	50/1	8	496/4
1	—	1	—	1	269/1	7	2888/5	30	13870/23
—	—	1	62/1	2	2000/1	6	400/3	37	20120/28
2	2300/2	1	270/1	—	—	2	80/1	14	7700/9
6	2920/4	5	332/2	5	7269/3	51	15342/25	243	120588/162
	2,41		0,27		6,03		12,72		100,00

число рабочих, принимавших в них участие.

ТАБЛИЦА V

Распределение стачек по результатам.

Годы	Результаты стачек									
	В пользу рабочих		В пользу предпринимателя		Компромисс		Неизвестный исход		Всего	
	Число стачек	Число бастовав. в стачках, колич. которых указано в знаменателе	Число стачек	Число бастовав. в стачках, колич. которых указано в знаменателе	Число стачек	Число бастовав. в стачках, колич. которых указано в знаменателе	Число стачек	Число бастовав. в стачках, колич. которых указано в знаменателе	Стачек	Бастовавших в стачках, колич. которых указано в знаменателе
1870	3	50/1	10	1452/6	—	—	5	90/1	18	1592/8
1871	1	200/1	8	6113/6	—	—	8	1076/2	17	5389/9
1872	5	5258/3	5	2962/4	7	4870/3	8	183/2	25	14273/12
1873	2	200/1	5	2568/5	4	1320/3	5	1125/3	16	5213/12
1874	10	7205/8	9	2119/8	3	302/2	8	14634/4	30	24260/22
1875	6	5252/4	6	2128/5	1	300/1	10	8379/7	23	16059/17
1876	9	6233/8	10	4270/8	—	—	6	113/2	25	10616/18
1877	1	—	2	86/2	—	—	5	410/2	8	496/4
1878	12	6324/8	9	6356/8	3	150/1	6	1040/3	30	13870/23
1879	14	13160/12	12	6788/9	1	700/1	10	472/6	37	21120/28
1880	5	3200/3	4	3630/4	—	—	5	870/2	14	7700/9
Итого . .	68	46082/52	80	38472/65	19	7649/11	76	28391/34	243	120588/162
%		38,22		31,90		6,34		23,54		100,00

Примечание. В знаменателе указано число стачек, в числителе — число рабочих, принимавших в них участие.

УСТАВ ЮЖНО-РОССИЙСКОГО СОЮЗА РАБОЧИХ[1]

I. Сознавая, что установившийся порядок ныне не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих;

что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основою личного и общественного благосостояния;

что этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочим своего безвыходного положения и при полном их об'единении; мы, рабочие южно-российского края, соединяемся в один союз под названием «Южно-российского союза рабочих», поставляя себе целью:

Во-первых: пропаганда идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов.

Во-вторых: об'единение рабочих Южно-российского края.

В-третьих: для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком[2].

---

[1] При обысках на квартирах у подавляющего большинства обвиняемых ничего не было найдено. О доносе Толстоносова Союзу стало известно задолго до производства обысков, поэтому литература была спрятана, а другие компрометирующие бумаги были уничтожены. Устав Союза был случайно найден полицией и передан жандармам. Подлинники были отправлены в Особое Присутствие Сената, а в Одесском архиве жандармского управления сохранилась копия, которая, как мы полагаем, в точности воспроизводит подлинник.

[2] В своих воспоминаниях М. П. Сквери говорит, что при обсуждении этого пункта устава Заславский внес предложение исключить слово «политического» порядка.

Если это не ошибка памяти, то нам представляется, что это предложение было внесено Заславским не потому, что он склонялся к аполитизму народничества, а, вероятнее всего, его неустанным стремлением было, по мере расширения умственных горизонтов рабочих, расширять и цели их организации. Кроме того, оно могло быть продиктовано желанием выяснить, насколько сознательно воспринимается этот пункт членами Союза.

II. При Союзе находится касса, суммы которой в первое время предназначаются для пропаганды идеи освобождения рабочих, а впоследствии и для борьбы за эту идею.

III. Членом Союза может быть каждый трудящийся человек, ведущий близкие сношения с рабочими, а не с привилегированными классами, и сочувствующий своими поступками основному желанию рабочих—борьбе с привилегированными классами во имя своего освобождения.

IV. Обязанности личности каждого члена к Союзу и Союза к личности обусловливаются следующим: один за всех и все за одного.

V. Член Союза, проговорившийся постороннему лицу о существовании Союза или не исполняющий в точности своих обязанностей к Союзу, считается изменником.

VI. Каждый член должен быть готовым на всякую жертву, если эта жертва требуется для спасения Союза.

VII. Каждый член должен распространять между своими товарищами основные идеи нашего Союза и побуждать их присоединяться к нашему делу совобождения рабочих.

VIII. Каждый член обязан вносить в кассу еженедельно по 25 коп. (в продолжение года).

IX. Член, не вносивший в продолжение пяти недель никакого взноса и не представивший никаких уважительных причин, должен быть исключен из Союза.

X. Каждый кружок имеет право давать разные льготы своим членам относительно взносов в кассу.

XI. Внесенные деньги делаются принадлежностью целого общества. Ни один член не имеет права взять свои деньги обратно.

XII. Распределение денег и расход их может быть производим с согласия всех членов Союза.

XIII. Для хранения денег общество избирает из своей среды кассира, который по требованию общества обязан давать подробный отчет о деньгах.

XIV. Первые шесть месяцев со дня устройства кассы деньги не должны быть расходуемы.

XV. Союз разделяется на общества, которых теперь два: Одесское и Ростовское; общества на кружки; каждый кружок имеет своего депутата (представителя), который избирается на один месяц. Обязанности депутата следить за взносами в кассу, заботиться, чтобы все правила Союза были в точности исполняемы в его кружке, заботиться о нуждам Союза и присутствовать каждое воскресенье при собрании депутатов.

XVI. Устав этот может быть изменяем и дополняем с согласия всех членов Союза.

Верно: Полковник К н о п.

ПРОГРАММА ЮЖНО-РУССКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА

(П е р в ы й ч е р н о в о й н а б р о с о к.)

Рассматривая современное положение русских рабочих, экономическое и политическое, нельзя не видеть, что оно по своей тяжести превосходит положение рабочих всех стран Европы. В то время как, например, в Англии работа продолжается 8 часов в день, женский и детский труд находятся под покровительством закона, рабочие, пользуясь добытым ими правом стачек и союзов, имеют иногда возможность увеличить свою заработную плату в тех случаях, когда жизненные припасы дорожают и рабочим не-хватает прежней платы для жизни; в то время, как рабочие в Англии, благодаря большой свободе слова и печати, имеют дешевые газеты, журналы и библиотеки и, стало-быть, могут умственно и нравственно развиваться; каждый рабочий, благодаря организации рабочих союзов, при столкновениях с хозяином имеет сильную защиту, и потому хозяева относятся к рабочим по-человечески,—в то же самое время у нас, в России, обыкновенная величина рабочего дня 10—12 часов, женщины и дети эксплоатируются самым бессовестным образом, заработной платы хватает лишь настолько, чтобы не умереть с голоду (не редкость и голодная смерть), стачки, вместо получения уступок со стороны хозяев, кончаются арестами, ссылками, избиением рабочих и т. п.; правительство не позволяет издавать частных дешевых газет для рабочих и таким образом обрекает их на вечное невежество; что же касается до отношений правительства и хозяев к рабочим, то насилие, надругание над личностью, унижения, достающиеся на долю рабочих, превосходят всякое вероятие. Таково положение рабочих (и крестьянства) во всей России; последствия этого ужасного экономического и политического положения уже сказываются: рост крестьян и рабочих начинает уменьшаться, болезненность и смертность увеличиваются, средняя продолжительность жизни уменьшается, т.-е., другими словами, наступает физическое, а стало быть, умственное и нравственное вырождение. Если скоро не изменится экономический строй России, народ (крестьяне и рабочие), постепенно вырождаясь и вымирая, дойдет до полной потери своих умственных и нравственных сил, превратится в рабо-

чую скотину, которая не сможет ни думать, ни рассуждать и, следовательно, не будет в состоянии сбросить положенное на него ярмо и устроиться на новых, справедливых началах. Разумеется, правительство и хозяева, как показывает опыт истории, никогда добровольно но согласятся на уступки и улучшения в положении народа, поэтому единственный выход из современного положения вещей—возможно скорей самим народом произведенная революция.

Некоторые думают, что рабочие должны добиться политической свободы, чтобы затем посредством нее улучшать свой экономический быт. Но наука о человечестве, несомненно, доказывает, что политическая свобода не может явиться без предварительного экономического переворота: политические права и влияние принадлежат только тем классам общества, в руках которых находится или экономическая, или нравственная и физическая сила (боевая организация); так, в средние века на Западе, когда главное богатство общества состояло в земледельческом производстве, заправляющим классом в государстве было дворянство и духовенство, как владельцы крупной собственности; возьмем, например, организацию государственного устройства; в немецких имперских сеймах (собраниях), заправлявших всею страной, имели право участвовать только сословие владетельных князей и духовенство; льготой от податей пользовались только крупные землевладельцы и т. д. Когда же, начиная с XVII ст., главною силою в экономической жизни сделался капитал (благодаря открытию Америки, открытию морского пути в Индию, улучшению путей сообщения и разного рода другим открытиям и изобретениям), заправляющим классом в государстве, еще задолго до революции 89 года, сделалась буржуазия, хотя по закону не имела на это права (право принадлежало еще дворянству). Сам Людовик XIV, этот надменнейший король, снимал в своем дворце шляпу и унижался перед «жидом» Бернаром, чтобы выпросить у него заем.

Соответственно такому экономическому перевороту капитал сделался условием участия в государственной власти (только лица, имеющие известное имущество, получали избирательное право и могли быть выбраны на какую-либо общественную должность). Так, по конституции 1814 г. имели право избирать представителей в парламент только платившие прямой налог в размере 300 фр. Грянула июльская революция, и тем не менее законом 19 апреля 1831 г. в условие избирательного права требуется налог в 300 фр. Благодаря же системе косвенных налогов, податною льготностью пользуется только капитал. Затем, как новое доказательство того, что политическая свобода для рабочих без экономической са-

мостоятельности есть не более, как призрак, обман, мы возьмем Германию: там по конституции рабочие имеют право выбирать представителей в рейхстаг (собрание народных представителей), на самом же деле очень немногие рабочие пользуются этим правом. Обыкновенно перед выборами хозяева заявляют рабочим: «подавайте голоса за такого-то, а не то получайте расчет», и рабочие, не желая умереть с голоду, подают голоса за хозяйского представителя. Перед началом великой Французской революции король решился созвать выборных от всей страны, которые должны были представить в общее собрание нужды народа; некоторые депутаты, выбранные всем народом, представили такие требования крестьян: «Так как у нас ничего нет, то мы для себя ничего не просим, а просим только короля уплатить нашему господину долг в несколько тысяч». Конечно, крестьяне заявили такую просьбу только потому, что боялись своего господина, который мог отнять у них свою землю, и крестьянам пришлось бы умереть с голоду. Отсюда ясно видно, на что годится избирательное право (политическое право), когда крестьяне и рабочие находятся в то же время в полной экономической зависимости от своих хозяев и господ: народ имеет политические права, но не смеет ими пользоваться, боясь умереть с голоду. Стало-быть, для того, чтобы выйти из настоящего положения, рабочие должны направить все свои усилия к достижению экономического переворота; политические же льготы, как показывает история, будут непременным результатом экономического изменения.

Какого же экономического изменения должны добиваться рабочие?

Политическая экономия доказывает, что при теперешнем способе производства рабочая плата никогда не может сделаться большею, чем сколько нужно рабочему, чтобы не умереть с голоду.

Статистика показывает, что теперешний способ производства ведет к физическому, а следовательно, и к умственному и нравственному вырождению рабочих. В виду этого рабочие должны стремиться к коренному изменению теперешних экономических отношений; такое коренное изменение состоит в следующем:

1) Принадлежность земли, фабрик и заводов всему народу и право каждой личности пользоваться ими.

2) Производство работ ассоциациями.

И, как вытекающие отсюда, политические изменения:

3) Государственная организация, дающая каждой личности одинаковую долю участия в управлении государством.

4) Полная свобода личности, свободы слова, сходок, союзов и печати.

5) Местные народные ополчения взамен теперешней армии.

На кого могут опереться рабочие при достижении своих требований?

Существует мнение, что если рабочие будут добиваться только политических целей, то их союзником может быть буржуазия. Чтобы решить, насколько такое мнение справедливо, обратимся к истории. История революции 30 года во Франции, когда буржуазия, изгнав при помощи народа короля Карла X, ввела избирательный ценз, т.-е. лишила избирательного права всех неимущих (рабочих и крестьян), хотя раньше обещала это; революция 48 года, когда буржуазия, прельстив народ обещаниями улучшений в его быте, толкнула его на баррикады и когда затем, добившись своих требований, та же буржуазия залила улицы Парижа кровью народа, как только народ стал настаивать на выполнении обещаний; движения вигов и рабочих в 29 г. в Англии по поводу парламентской реформы, которые также не имели для рабочих никаких последствий, хотя последние, подстрекаемые вигами (буржуазной партией), многократно жертвовали своей жизнью во время возмущений, подачи прошений в парламент и т. п. случаях; все это показывает, насколько можно верить буржуазии.

Принимая же во внимание, что в России буржуазия очень разрознена и, стало-быть, не может так противодействовать рабочим, как за границей, где она организована, мы должны признать, что союз и организация буржуазии крайне вредны для рабочих.

Поэтому рабочие при достижении своих требований должны опираться почти исключительно на свои собственные и силы крестьянства, а отчасти на те фракции социально-революционной партии, деятельность которых направляется к экономическому перевороту. Наблюдая прошедшие народные движения, мы видим, что одной из коренных причин их неудач есть отсутствие организации народа, вследствие чего достаточно было взять одного-двух руководителей движения, чтобы последнее лишилось силы. Так было в России во время Разина и Пугачева; в Германии во время крестьянских войн; то же было в 30 и 48 годах во Франции, когда руководителем движения была буржуазия, которая, достигнув своих целей, оставляла народ неорганизованным и потому не могущим вести борьбу. Поэтому главной задачей рабочих должно быть создание рабочей боевой организации.

Какие средства имеют рабочие для этого? Рассмотрим сперва старые, т.-е. пропаганду и агитацию. Пропаганда в настоящее время, благодаря тяжелым политическим условиям, не может вестись в широких размерах, и потому путем пропаганды рабочие

могут достичь своих целей разве лишь ко второму пришествию Христа.

Агитация для стачек и вообще массовых протестов не может быть практикуема рабочими, ибо, кончаясь всегда арестами и ссылками наиболее выдающихся лиц из рабочих, она только застращивает рабочих.

Обратимся к новым средствам.

1) В виду того обстоятельства, что теперешние политические условия не позволяют рабочим широкой пропаганды своих идей и агитации, могущих содействовать делу организации рабочих, и в виду привлечения симпатий рабочих на свою сторону и приобретения влияния на них, рабочие выдвигают на первый план своей деятельности фабричный террор. Ирландская народная партия рибон-менов, действуя этим путем, добилась такого сильного сочувствия и влияния в народе, что являлась действительным правительством: предостережения и приказания рибон-менов наводили страх на землевладельцев и их агентов, и только очень немногие из них осмеливались ослушаться рибон-менов; таким путем Ирландия дошла до такого положения вещей, что правительство в настоящее время не может воспрепятствовать ораторам проповедывать на митингах (сходках) открытое восстание. В Англии в первой половине XIX ст. рабочие, начав жечь и разносить фабрики, мастерские и заводы, бить и убивать хозяев, т.-е. практиковать фабричный террор, принудили таким образом правительство и буржуазию удовлетворить их чисто политическим требованиям. Отсюда мы замечаем, что, кроме главной цели, фабричный террор способен служить действительным средством для получения от правительства и буржуазии разного рода уступок, напр., уменьшения числа рабочих часов, увеличения заработной платы, права стачек, союзов и пр.

2) Политический террор — как средство, подрывающее доверие правительственным силам и, следовательно, способствующее поднятию революционного духа рабочих и усилению смелости и бодрости их.

3) Тайная агитация на почве местных интересов с целью организации рабочих для немедленной борьбы с эксплоататорами путем поджогов, убийств и пр.

История Ирландии красноречиво говорит, что такой способ организации имеет наиболее шансов на успех, ибо он основан на живом и немедленном деле и притом деле, в котором рабочие прямо заинтересованы; из истории рабочего движения в Англии видно, что оно, начавшись сперва стачками, при условиях, схожих

с настоящими в России, шло чрезвычайно слабо и, только вступив на путь фабричного террора, потекло широкою волной.

4) Организация на почве касс, библиотек, выписывания газет, обучения грамоте; такие организации очень удобны для социалистической пропаганды, так как в них участвуют лишь наиболее выдающиеся и надежные из рабочих и при том пропаганда ведется не с одним только лицом, а с несколькими зараз.

ПРОГРАММА СОЮЗА, СОСТАВЛЕННАЯ ПОСЛЕ АРЕСТА ЩЕДРИНА И КОВАЛЬСКОЙ.

Мы, революционеры-народники, глубоко убеждены в том, что организация новых общественных отношений на обломках разрушенного строя может быть результатною и целесообразною только при совершении переворота снизу, самим народом сознательно и самостоятельно, а не сверху, разными самозванными благодетелями; что никакой политической борьбой, никаким политическим переворотом, даже в случае перехода власти в руки истинных друзей народа, не может быть получен такой результат; что, наконец, политический переворот, произведенный интеллигенцией при помощи армии и косвенном участии народа, грозит нам очень вероятною возможностью перехода власти из рук настоящего правительства в руки нашего дворянства и нарождающейся буржуазии (каковы бы они ни были—радикальны, либеральны или консервативны), послужит сильным толчком их быстрого усиления и развития и таким образом только повторит те многочисленные попытки западно-европейских рабочих классов сбросить с себя оковы, наложенные на них привилегированными сословиями, которые вели единственно к перемене господина, но не к восстановлению попранных историею законов справедливости. Считая это за неоспоримую истину, своей задачей мы ставим достижение социально-экономического переворота, произведенного сознательно относящимся к нему народом,—переворота, который, раз будучи совершен, заключает в себе, конечно, и переворот политический.

Не находя возможным надеяться в близком будущем на реализацию в жизни тех выводов научного социализма, которые чужды и непонятны народу при данной степени его умственного и нравственного развития, и отлагая поэтому заботу об этой реализации на будущие поколения, которым придется жить и действовать при более благоприятных обстоятельствах, мы стремимся воплотить в жизнь то, что, близко подходя к социалистиче-

ским началам, в то же время в более или менее оформленном и сознательном виде существует как идеал в непосредственном народном массовом уме. Таковы живущие в народе принципы: право на землю только тех, кто прилагает к ней свой труд, и вообще взгляд на труд, как единственную санкцию права; общинное владение землей, в разных видах фактически существующее почти повсеместно; зачатки коллективного труда, выражающегося в широком распространении артелей, мирских запашек и уборок полей и пр.; самостоятельность общины, как политической единицы; свобода слова, совести и лица в границах, не противоречащих общему благу, зачатки федеративного устройства и т. д.

Поставив своей задачей достижение социально-экономического переворота при посредстве сознательно относящегося к нему народа на почве существующих народных идеалов, мы тем самым указываем на центр тяжести нашей деятельности. Главное внимание мы должны обратить на всестороннюю деятельность в народе (т.-е. среди крестьян, городских рабочих и армии).

А. Деятельность среди крестьянского населения.

Признавая, что социалистические народные идеалы далеко еще не оформлены, ясны, систематизированы народным умом, что народ наш, задавленный многовековым рабством, не инициативен, не сознает своих сил, нисколько не организован для серьезной борьбы, мы, сообразно с этим, разделяем свою деятельность среди него на:

1) Пропаганду, цель которой — уяснение, развитие вышеупомянутых идеалов в массе при посредстве выработки по возможности в полных социалистов-революционеров тех выдающихся из массы своими умственными и нравственными качествами крестьян, тех, так сказать, самородков-радикалов, глубоко сознающих всю несправедливость настоящего общественного строя, которые существуют у нас в каждом селе, в каждой большой деревне.

Эти же выдающиеся лица, пользуясь любовью и уважением крестьянского населения, находясь с ним в непосредственных, постоянных отношениях, должны вести пропаганду собственно в массе, должны служить вообще посредниками между нами и народом.

В область пропаганды входит устройство всевозможных ассоциаций и пр., доказывающих на деле все преимущество общинного принципа в разных его приложениях.

2) Сельский народный террор, который, практикуясь на почве чисто народных интересов, направляясь против ближайших врагов и угнетателей народа: становых, исправников, урядников, помещиков, кулаков и пр., и пользуясь излюбленными приемами самого народа, каковы поджоги, убийства..., с одной стороны, способствовал бы организации народа в боевую компактную массу (путем сплочения крестьян в отдельные кружки для достижения посредством такого террора исполнения своих требований, начиная от мелких, чисто местных, и постепенно переходя к более широким и общим) и, с другой, популяризировал бы в глазах народа социально-революционную партию путем ассоциации представлений людей, терроризирующих правительство в лице его столпов, и людей, терроризирующих становых и кулаков, помещиков, выяснял бы ее истинные цели, ее отношения к народу и, что очень важно, вливал бы энергию и решимость в его душу, указывая ему на союзника и защитника столь сильного.

3) Агитацию, состоящую в возможной поддержке всяких самородных протестов среди крестьян, возбуждений таковых, если этому благоприятствуют обстоятельства, и проч.

Б. Деятельность среди городского рабочего населения.

Деятельность наша среди рабочего населения городов должна выражаться в тех же формах, т.-е.: 1) в пропаганде (здесь более широкой, что обусловливается бо́льшим развитием городского населения), имеющей целью, кроме всесторонней теории общего владения фабриками, заводами и коллективного труда на них, и выработку из рабочих людей, способных со временем итти в деревню, как главный операционный базис народнической деятельности, 2) в фабричном терроре, направленном против наиболее жестоких и ненавистных рабочим хозяев, производимом на почве ближайших и понятных им интересов, что, так же, как и в народе, ведет к организации рабочего населения в сознательную боевую революционную силу, поднимает его дух, способствует истинной оценке своей силы и значения, а также истинных стремлений социально-революционной партии, и 3) в агитации, в область которой входит устройство стачек при шансах, дающих надежду на успешное их окончание, и пр.

Таким образом, организация народа в боевую революционную силу, достигаемую пропагандой, агитацией и широким распространением сельского и фабричного террора, составляет положительную сторону нашей деятельности. Народ, будучи хорошо

организован и относясь сознательно к делу переворота, в удобное время собственными силами разрушит существующий строй.

В. Деятельность среди армии.

Деятельность наша среди армии должна иметь главным образом характер отрицательный. Мы должны стремиться внести в армию, главная сила которой—военная дисциплина, дезорганизацию и ослабить таким образом возможное при будущей борьбе сопротивление этой бессознательной машины, находящейся в руках правящих классов. Средства для этого опять те же: пропаганда, приспособленная к положению солдата, и террор против наиболее ненавистных солдатам командиров. При усиленной деятельности в этом направлении мы достигаем если не зачисления большей или меньшей части ее в революционные кадры, то по крайней мере, возбуждения неудовольствия против своего начальства, благодарности и тайного сочувствия к нашей партии, дезорганизации ее в смысле военной дисциплины. Армия, резонирующая и колеблющаяся,— совсем не та страшная сила, какую представляет она из себя при полном отсутствии мысли и безропотном исполнении приказаний начальства.

Г. Деятельность среди интеллигенции.

В свою программу мы включаем очень важную деятельность среди интеллигенции вообще и молодежи в особенности. Здесь мы ищем и стремимся привлечь на свою сторону людей, которые, каковы бы они ни были по своим и политическим и прочим убеждениям, сохраняют в своем сердце любовь к обездоленному народу, искренне желают ему счастья, для достижения которого не задумаются принести в жертву свои выгоды и привилегии своего положения.

ПРИЛОЖЕНИЯ К СТАТЬЕ «ВИКТОР ПАВЛОВИЧ ОБНОРСКИЙ»

1

Протокол показаний В. П. Обнорского от 6 февраля 1879 г.

Зовут меня: Виктор Павлович Обнорский.

От роду имею: 27 лет, вероисповедания православного.

Происхождение и народность: кронштадтский мещанин, русский.

Занятие: слесарь.

Место рождения и место постоянного жительства: родился в Грязовце (Вологодской губернии), до [18]73 года жил в Петербурге. В разных городах России.

Средства к жизни: работал по слесарному ремеслу.

Семейное положение: холост. Мать, Пелагея Львовна, живет в Вологде. Имею 3 братьев, из них Василий, Евгений и Александр. Из них Василий живет, как думаю, в Петербурге, и наверно не знаю, другие же двое—не знаю, где. Отца в живых нет.

Экономическое положение родителей: мать моя живет на деньги, посылаемые ей сыновьями, в том числе и мной.

Место воспитания и на чей счет воспитывался: в Вологодском уездном училище, на средства старшего брата Евгения. Знаю несколько французский язык. Других языков не знаю.

Причина неокончания курса, в случае выхода из заведения с указанием самого заведения: в училище кончил курс.

Был ли за границей, где и когда именно: в 1874 г. выехал за границу и пробыл там до 1879 г. За это время был один раз в России в начале [18]78 года, затем опять уехал. Посещал за границей Англию, Францию , Швейцарию, где и прожил долго.

Привлекался ли ранее к дознаниям, каким и чем они окончены: привлекался к дознанию в 1874 г. по делу распространения книг, но не был опрошен по этому делу, потому что был в это время за границей. Чем это дознание кончено, не знаю.

На предложенные мне вопросы отвечаю: на все предлатаемые вопросы по настоящему делу, по которому я привлечен теперь, я отвечать не желаю. Кроме того только, что паспорт на имя Аргентова и пред'явленные мне теперь письма, равно послание к братьям-евангеликам, карточки фотографические (числом 6), адреса на клочках бумаги, записная книжка найдены при мне во время арестования меня 19 января 1879 г. здесь, по приезде моем в Петербург. Виновным себя в участии в преступном сообществе не признаю.

Кронштадтский мещанин Виктор Павлов Обнорский.

Дознание по делу Виктора Обнорского, приложение к делу Петербургского Военно-Окружного Суда, 1880 г., № 314, лл. 8-9.

2

Протокол показаний В. П. Обнорского от 23 августа 1879 г.

В августе месяце 1873 г., работая в Петербурге на Патронном заводе, находящемся на Васильевском острове, я уехал от-

сюда в Одессу с целью приискать себе лучший заработок. Других же причин к от'езду из Петербурга у меня тогда не было. В Одессе я поступил рабочим на механический завод Фалька и прожил там, вероятно, месяца четыре. Жил я там под собственной фамилией и по своему паспорту, выданному мне из Кронштадтской мещанской управы. Оставаясь в переписке с некоторыми из своих знакомых в Петербурге, из которых я могу назвать Алексея Лаврова, я узнал из писем, что товарищи мои, посещавшие вместе со мною лекции Низовкина, именно Орлов и Виноградов, были арестованы. Собственно же к так называемому кружку чайковцев я никогда не принадлежал и не знал как о существовании этого кружка, так и о цели его образования. К лицам, коих я видел с Чайковским у Низовкина, как, например, самого Низовкина, Сердюкова, Доводчикова, я имел отношение обыкновенного знакомого, встречаясь лишь с ними на вышеназванных лекциях, где читались книги, например, исторического содержания и вообще все то, что имелось в библиотеке, составленной рабочими разных заводов в Петербурге, а в том числе при участии моем. Когда я получил известие об арестах в Петербурге, о чем говорил выше,—я уже служил на одном из пароходов Русского Общества, делавших рейсы за границу. Поступил же на этот пароход лишь из одной любознательности видеть жизнь заграничную; других же причин, побуждавших меня уехать из России, я не имел. По дороге пароход наш, на котором я исполнял обязанность смазчика за определенное вознаграждение, заходил в Константинополь, Мессину, Лиссабон, Гавр и, наконец, прибыл в Лондон. До этого пункта я не сходил с парохода. В Лондоне я оставался только полтора суток и ни с кем из русских, как живших там постоянно, так и приезжавших туда временно, я не виделся. Затем я поехал в Париж, где оставался несколько дней, и переехал на жительство в Женеву. Средства на проезд и первоначальную жизнь за границей я имел свои, именно остатки от заработков в России. Не зная тогда еще ни французского и никакого другого языка, кроме своего родного, я некоторое время оставался в тяжелом положении, не имея средств к существованию, и затем, при помощи нашего эмигранта Гольденберга, поступил на механический завод Ванера в Женеве. С течением времени я познакомился с другими нашими эмигрантами, прибывавшими в Женеву, например Черкезовым, Ивановским, Ралли, Клеменцем, Драгомановым, Кропоткиным и Эльсницем, и вступил в образовавшееся между ними «Общество пособия политическим изгнанникам из России», причем участвовал в составлении устава этого общества и об'явлении Комитета оного, в 1877 г., и подписал как устав, так и об'явление. Роль моя

в этом обществе собственно заключалась в приискании работы тем из «политических изгнанников», кои пожелали бы поступить на тот или другой механический завод в Женеве, между рабочими которых я, как занимающийся постоянно физической работой, имел много знакомых. Никаких поручений от этого общества я во время жизни за границей и в приезды свои в Россию не имел. Равным образом, я, кроме как с своим родным братом, ни с кем в России не переписывался, да и то весьма редко. Осенью 1877 г. я приехал в Петербург собственно потому, что скучал по родине и думал найти себе здесь работу. Границу я переезжал при помощи разных лиц, занимающихся перевозом лиц через границу беспаспортных. В России же я имел тогда паспорт на другую фамилию, но на какую именно и от кого приобрел этот паспорт, я сказать не желаю. Вскоре по приезде сюда я снова нашел себе работу, но где именно, а также кого посещал в это время—также не желаю говорить. Почти год я прожил в России и все время в Петербурге, уезжая лишь на месяц, как думаю, в Москву, также с целью работы. В августе 1878 г. я уехал в Париж с целью посетить выставку, где и прожил до начала 1879 г. Там же я получил паспорт на имя Аргентова от лица, носившего эту фамилию, но была ли это его настоящая фамилия или ложная—не знаю, и познакомился с ним случайно. По окончании выставки я возвратился в Россию в январе с. г. Ни из-за границы в Россию, ни отсюда за границу я ни от кого и никаких поручений не имел. В это время я прибыл в Москву, где познакомился с одним человеком, называвшимся Василием Николаевичем, с которым меня познакомил Николай Васильевич Рейнштейн, знакомый мой еще с 1871 г., с которым я работал вместе на заводе Нобеля. Кто был Василий Николаевич, упомянутый выше, а по словам его, он служил в правлении какой-то железной дороги в Москве, я не знаю. Рейнштейн же занимался тогда работой на своей квартире как слесарь. От Рейнштейна и Василия Николаевича я между разговором узнал, что у них составляется библиотека для рабочих, и потому, когда через несколько дней по приезде в Москву, я собрался ехать в Петербург, они просили меня купить здесь для них несколько книг. Но я ехал в Петербург не по их поручению, а по собственному желанию, с целью найти себе здесь работу. Из Москвы я приехал в Петербург с женой Рейнштейна, Татьяной Алексеевной, ехавшей сюда к своей матери. По приезде в Петербург жена Рейнштейна сказала, что будет жить здесь на Песках где-то у родных, а я не имел постоянного места жительства и ходил по своим знакомым, именно к сапожному мастеру Степану Митрофанову, Петерсону и Смирнову и Дмитрию Чуркину. Уезжая из Москвы, я оста-

вил свой адрес Василию Николаевичу и Рейнштейну именно в квартиру Митрофанова, под именем Ивана Иванова, которое я для этой цели принял на себя.

Мещанин Виктор Павлов Обнорский.

То же дело, лл. 54—55.

3

Протокол показаний В. П. Обнорского от 29 августа 1879 г.

По отобранным у меня и пред'явленным мне теперь письмам, адресам, как на клочках бумаги, так и в записной моей книжке, и фотографическим карточкам я даю следующее об'яснение: А. два письма, помеченные №№ 1 и 2, из которых одно на листе почтовой бумаги, а другое на полулисте той же бумаги,—писаны мною. Оба эти письма, из которых второе даже не окончено, были писаны мною в Петербурге в последний приезд мой сюда в январе сего года и адресованы «Василию Николаевичу», фамилию коего не знаю, с которым, как я сказал уже прежде, меня познакомил Рейнштейн. Оба эти письма—черновые того третьего письма, которое также мне теперь пред'явлено (№ 3). В первом из этих черновых писем я высказываю сожаление, «что ничего не мог раздобыть из того», что названный Василий Николаевич и Рейнштейн «поручили мне приобрести здесь», т.-е. в Петербурге. Далее я писал, что «никого почти не видел из торговых людей, почему и не мог ничего прислать с попутчиком». Торговыми людьми я называл некоторых из знакомых мне в Петербурге букинистов, фамилии коих я не знаю, у которых я предполагал купить книги для библиотеки, которую, как я слышал от Рейнштейна и Василия Николаевича, они предполагали устроить. «Попутчиками» я называл жену Рейнштейна и некоего Николая Калашникова, петербургский адрес коего дал мне Рейнштейн, и этот адрес записан у меня в книжке так: «Против Ивана Предтечи, Воздвиженская, дом Калашникова, Николая».

Жену Рейнштейна я мог разыскать по сведениям в адресном столе, так как не знал ее квартиру, а слышал от нее дорогой, что из Петербурга она предполагает выехать не скоро. И только в таком случае я думал послать книги с нею, если бы не отыскал Николая Калашникова. Этот же последний, как передавал мне Рейнштейн, был слесарь и служил кем-то на Николаевской железной дороге. Калашникова я никогда лично не знал и не видел его. В письме этом высказывалась мною однако же надежда в не-

продолжительном времени выслать Василию Николаевичу «если не все, то по крайней мере часть товара». Под товаром, как я сказал, разумелись книги и слесарный инструмент для предполагаемой к устройству Рейнштейном слесарной мастерской. В конце письма, спрашивая о том, нет ли для меня писем, я просил «известить меня о получении писем по следующему адресу: Большая Дворянская улица, дом № 26, Степану Васильевичу Митрофанову». Письма я ожидал от моей невесты, звание, имя, фамилию которой я сказать не желаю. Я познакомился с нею в Париже в 1878 году, и между нами было условлено заключение брака по возвращении ее в Россию. Невеста моя должна была написать мне или из-за границы, или же по приезде ее в какое-то место в Киевской губернии, где жили ее родные, коих я не знаю, по фамилии их не желаю сказать [1]. Она должна была адресовать мне письма в Москву, в почтамт, до востребования и на фамилию Аргентова. Во втором из вышеозначенных писем, неоконченном, я говорил то же почти, что и в первом, называя «деловыми людьми» тех же букинистов, а «товарищами по ремеслу» — названных уже мною знакомых моих, Петерсона, Смирнова и Чуркина. Так как эти два письма были черновыми, то я переписал их оба в одно, помеченное № 3, и запечатал оное в конверт с адресом «в Москву, Грохольский переулок, Александру Федоровичу Лаврову, в собственном доме». Выражение в этом письме: «не удалось раздобыть и послать с попутчиком, надули», а «затем много у них нету, все разошлось»— относится к покупке мною книг у букинистов, обещавших достать мне некоторые книги, но не исполнивших своего обещания еще и потому, что «много у них не оказалось» из того, что я просил достать для меня из книг. К чему именно относится фраза в этом письме: «здесь много интересного—приеду, расскажу»— не помню. Под этими письмами я подписался принятым на себя именем «Иван Иванов», так как паспорт на имя Аргентова был дан мне только на проезд по России, а своею настоящею фамилией не мог подписываться, опасаясь обнаружить себя. Адрес на конверте в этом письме, который приведен мною выше, дан был мне Рейнштейном, и я полагаю, что «Лавров» был хозяином дома, в котором жил Рейнштейн, или «Василий Николаевич»; кто же этот Лавров на самом деле, в каких он отношениях к Рейнштейну и Василию Николаевичу—я не знаю и никогда с ним знаком не был.

Виктор Павлов Обнорский.

То же дело, лл. 56—57.

---

[1] Так в тексте.

4

Протокол показаний В. П. Обнорского от 5 октября 1879 г.

Продолжая мои об'яснения по поводу найденных при мне писем, записок и карточек, я говорю: письмо, помеченное № 4, писано мною вскоре по возвращении моем из-за границы в Москву в начале настоящего года. Письмо это я написал своей невесте, предполагая отправить оное по почте в Париж, где тогда она жила, но затем я написал ей другое письмо, а это осталось у меня неоконченным. По поводу фразы в этом письме «до Кр. проехал очень благополучно», я могу только сказать, что буквы «Кр.» есть начальные буквы города Кракова, но у кого я останавливался там, что за личности, которых я разумел под словами в этом письме «кой-кого из тамошних людей», а также кто такие упомянутые в том же письме «Анна Михайловна» и «Васильев»— я сказать не желаю. Письмо, помеченное № 5, начинающееся словами «дорогой друг», я получил в Париже перед своим от'ездом в Россию в конце прошлого 1878 г., как показывает пометка на этом письме «6 января н. с.», т.-е. нового стиля 1879 года. По подписи на этом письме «Ваш Л. Цикерм.» видно, что автор его носит фамилию «Цикерман», а имя его я не знаю. С этим господином я познакомился в Париже перед своим от'ездом оттуда в прошлом году случайно в библиотеке, где получаются русские газеты и журналы, но кем она устроена, я не знаю. Кто такой этот Цикерман по своему общественному положению, чем он занимался в Париже, на какие средства жил, а также русский ли он подданный— я не знаю, но при разговоре с ним видно было, что он жил в России и собирался ехать сюда, но не имел на дорогу денег. Письмо это Цикерман просил меня передать по написанному им на клочке бумаги адресу, теперь пред'явленному мне и помеченному «к №5», именно «Анне Лазаревне Цетлин, Петербургская сторона, Большая Посадская улица, д. № 20, кв. 6, в С. Петербурге». Кто такая Анна Цетлин—не знаю и не видел ее, так как по приезде в Петербург, в январе сего года, я хотя и искал названную личность по тому адресу, но не нашел. В письме этом, переданном мне без конверта, говорится, что в случае, если Анне Лазаревне удастся достать денег для Цикермана, го он просит передать оные мне; я же имел отправить эти деньги Цикерману в Париж по адресу, который он дал мне перед моим от'ездом, но который я потерял. Письмо в конверте, помеченное № 6 и писанное, как видно, 8 января 1879 г.—27 декабря 1878 г., я получил тогда же и также

от вышеназванного Цикермана в запечатанном конверте, вместо всякого адреса, написано только «Для Н.». Кто этот «Н.»—я не знаю, так как, передавая это письмо мне, Цикерман вручил мне подробный адрес этого «Н.» в Петербурге, но адрес этот я утерял. Кем писано это письмо, а также кем сделана приписка на оном «к просьбе, выраженной в этом письме, я отношусь вполне сочувственно, известный Вам»,—я не знаю, и Цикерман мне не говорил. В письме этом пишущий выражает желание «добыть 200—250 рублей для одного хорошего дела» и продолжает, «что о деле этом подробно расскажет податель этой записки», с которым лицо, имевшее получить это письмо, «может говорить свободно, не стесняясь». Не зная автора этого письма, я не могу сказать, о каком «хорошем» деле говорится в нем, а также не думаю, чтобы ко мне непременно относились выражения в этом письме, как к подателю оного, с которым можно говорить не стесняясь. Как я сказал уже, Цикерман сам собирался ехать в Россию, и так как это письмо я получил от него, то, по всей вероятности, он и называется подателем этого письма; мне же по крайней мере Цикерман ничего не говорил о содержании этого письма. Письмо, помеченное № 7 и адресованное к Петру Николаевичу, писал вышеупомянутый Николай Васильевич Рейнштейн и передал оное мне без конверта, при от'езде моем из Москвы в Петербург для доставления по адресу. Кто этот Петр Николаевич—я не знаю, и Рейнштейн мне не говорил о нем, адрес же его хотя и обозначен в конце того же письма, именно [1] «П. Н.», и хотя этот адрес мне об'яснял Рейнштейн, но по приезде в Петербург я забыл это раз'яснение и потому не мог доставить означенное письмо. В этом письме Рейнштейн, подписавшийся только под оным «Н. Ва.....ев», просит Петра Николаевича передать мне деньги, которые, по словам Рейнштейна мне, нужны ему были для устройства мастерской, о которой я говорил выше. При этом Рейнштейн рекомендует меня «человеком очень хорошим, который сообщит подробно» о той же мастерской. Кроме того, в этом же письме упоминается о выкупе часов Рейнштейна, которые где-то были заложены, о чем должен был знать Петр Николаевич. Адрес на клочке бумаги, помеченный № 8, именно: «Станция Михайловка, Вор.-Ростовской ж. д. через Россошанское почтовое отделение, в слободу Морозовку», не помню кем, когда и для какой цели передан мне; у меня же нет знакомых в названной слободе. По почерку не могу узнать, кем писаны как этот адрес, так и на обороте оного разные фамилии. Письмо, помеченное № 9, в конверте, написано ка-

[1] Следуст шифрованная фраза.

рандашом на клочке серой бумаги, передано мне Рейнштейном для доставления в Петербург. На конверте этого письма я, со слов Рейнштейна, написал адрес того лица, коему оно должно было быть передано мной, именно «К. Оп. 162 Иляшенко, брат Илья». Раз'яснение этого сокращенного адреса я забыл по приезде в Петербург и потому не мог передать этого письма, или, скорее, не успел вспомнить раз'яснение этого адреса Рейнштейном, так как вскоре по приезде сюда из Москвы был арестован. Кто этот Иляшенко—я не знаю и по желанию Рейнштейна должен был только передать это письмо Иляшенко или брату его. Письмо это было передано мне запечатанным, и потому содержания оного я не знал. О каких именно доносах говорится в этом письме, а также, кто называется Андреем, упоминаемом в этом письме, и кто писал оное, подписавшись «Сено», — я не знаю. Письмо на польском языке с адресом на конверте на том же языке, помеченное № 10, я получил в Варшаве в последний приезд свой из-за границы. Проезжая от Ченстохова к Варшаве по железной дороге, я познакомился в вагоне с каким-то поляком, фамилии коего я не знаю. По приезде в Варшаву этот поляк пригласил меня на какую-то квартиру, где я познакомился с автором письма, Ксаверием Вонсовичем. Этот последний, узнав, что я буду в Москве, дал мне означенное письмо к своему брату, служившему, по словам Вонсовича, в каком-то магазине в Москве. По прочтении мне теперь перевода этого письма, оказывается, что в нем говорится «о слиянии между поляками и русскими, которых правительство раз'единяет». И Ксаверий Вонсович знакомит меня со своим братом в видах этого соединения, прибавляя, что от меня брат его «все узнает». Содержание письма этого для меня необ'яснимо: я не знал, кто такой сам Ксаверий Вонсович, хотя он говорил, что занимается слесарным мастерством на каком-то заводе в Варшаве. Никакого разговора с ним о том, что будто бы правительство раз'единяет поляков с русскими, у меня не было, хотя и говорили мы о том, что полякам и русским нет причин враждовать между собой. Что разумеется под словами «все узнает», т.-е. что именно брат этого Вонсовича мог узнать от меня,—я не могу понять. По приезде в Москву я искал этот магазин, где служил брат Вонсовича, но не нашел, а потом и забыл, как называется этот магазин, и я не могу точно припомнить, относится ли к этому письму написанный на клочке бумаги карандашом адрес, помеченный № 11, именно: «Магазин Норблин, Никольская улица», или же тот адрес, который я имел для передачи письма Вонсовичу, я утерял. Послание к братьям-евангеликам, помеченное № 12 и писанное по-русски на листе бумаги, получено мною от Рейнштейна пред от'ездом

моим в Петербург. Рейнштейн дал оное мне для прочтения, но я даже не читал и забыл возвратить Рейнштейну. Почерк, которым написано это послание, мне не известен. Лиц, изображенных на отобранных у меня и теперь пред'явленных мне фотографических карточках, в числе шести, я не желаю назвать, кроме одного, именно моей матери, изображенной на карточке под № 1. Относительно имеющихся в моей записной книжке адресов, именно «Калашникова, Александры Федоровны Лавровой и г. Паскаль», я могу только сказать, что о Калашникове я говорил выше, г-жа Лаврова, по словам Рейнштейна, жена хозяина того дома, где жил Рейнштейн, а кто такой г. Паскаль, я не знаю. Фамилий «Бонди», «Серпковского», «Рикарда», «Петра Николаевича Соколова», а также кого-либо, называвшегося «Англичанин» и «Итальянец», я не слышал и не видел ни у Рейнштейна и нигде в другом месте.

Верно. Виктор Павлов Обнорский.

То же дело, лл. 66—68.

5

Протокол показаний В. П. Обнорского от 30 октября 1879 г.

С Павлом Семеновым Монаковым, я, сколько помню, первый раз встретился около 1869 года в том же доме, в Петербурге, на Выборгской стороне, в котором имели свои квартиры брат мой Василий Обнорский и родственник Монакова, Андрей Монаков же. Где работал в то время Павел Монаков — не помню, а я был тогда еще учеником на заводе Плиса. С того времени я не встречал Павла Монакова до 1874 года, но я узнал, что он уроженец Архангельской губернии и занимается здесь слесарным мастерством. Прежде, чем говорить о моей встрече с Павлом Монаковым в 1874 г., я об'ясню мое знакомство с Левашовым (Николаем Федоровым). Этого человека я встретил, кажется, раз только в 1872 г. на лекциях Низовкина и не знал никакого его имени, ни фамилии и не встречался с ним до конца 1874 г. Как я сказал уже прежде, в августе 1873 г. я уехал из Петербурга в Одессу, а оттуда за границу. Возвратясь из-за границы в Петербург, зимой 1874 г., я жил здесь под именем Василия Павлова, на имя которого имел паспорт, но звание этого Василия Павлова, прописанное в паспорте, а также где и от кого я приобрел оный, я об'яснить не желаю. В эту зиму я встретился случайно в Петербурге с Павлом Монаковым, работавшим тогда на заводе Семянникова. Между прочим, в разговоре с Монаковым, я узнал от него, что он собирается

уехать на родину в деревню Фехтольму Архангельской губернии, где у него, по словам его, была кузница. Я, желая также иметь работу по слесарному мастерству, которое хорошо знаю, предложил ему свое сотрудничество в кузнице на таких условиях, чтобы каждый из нас пользовался собственным заработком. Монаков согласился, но при этом высказал, что он не имеет средств на покупку инструментов для кузницы. В то же время я встретился здесь же случайно также с Николаем Федоровым (Левашовым) и так как от него узнал, что и он искал слесарной работы и был не прочь ехать для этой цели в деревню, то я предложил ему отправиться вместе на родину Монакова, с которым незадолго до от'езда сего последнего и познакомил Федорова. Кажется, у Николая же Федорова я взял на покупку инструментов для кузницы деньги, сколько помню, около 60 рублей, и инструменты покупал вместе с Монаковым. Монаков оставил нам свой адрес и уехал один, взяв с собой и купленный здесь инструмент, а я и Николай Федоров отправились к Монакову в феврале 1875 года, куда и прибыли на масленицу. Пред от'ездом Монакова из Петербурга я не указывал ему, какие именно книги он должен был купить здесь, и вообще не ходил с ним покупать здесь никаких книг. В деревне же у него я видел какие-то книги, но какие именно они были, я не обращал внимания. Там же я не участвовал ни в какой противоправительственной пропаганде, а также ничего не знал о такой деятельности Монакова и Николая Федорова (Левашова). Книг «Стенька Разин» и «Анархия» я Павлу Монакову и в деревне также не давал, так как из Петербурга не брал с собою никаких книг. По приезде нашем в деревню Монакова, он взял у меня и Николая Федорова наши паспорта, но как был в своем паспорте прописан Николай Федоров — я не знал, хотя слышал от него, что будто бы мать его «купеческого звания». Работы у нас в кузнице было много, и разговоров противоправительственных между нами не происходило. А так как согласия между нами тремя также не было, то в конце мая того же 1875 года, как думаю, я уехал из Архангельской губернии, оставив там Николая Федорова. На меня и Федорова, действительно, в деревне Монакова смотрели, как на женихов, и даже я получал предложение жениться там, но я принимал это «в шутку», и женился ли там Николай Федоров, я не знал до об'явления мне сегодня при допросе об этой женитьбе Николая Федорова и о том, что настоящая его фамилия Левашов. Возвратясь, как я сказал, весной в Петербург, я вскоре уехал отсюда за границу, без паспорта, но где я жил до от'езда за границу и у кого из своих знакомых взял деньги на поездку, а также на первоначальную жизнь за границей,— я сказать не желаю. С

этого времени и до осени 1877 г. я жил за границей, преимущественно в Швейцарии.

Виктор Павлов Обнорский.

То же дело, лл. 69—70.

6

Обвинительный акт по делу о кронштадтских мещанах Викторе Павлове Обнорском и Петре Николаевиче Петерсоне и крестьянине Тверской губернии Якове Петрове Смирнове, преданных военному суду, на основании высочайшего повеления 27 апреля 1879 г., Главным Начальником Верховной Распорядительной Комиссии.

В конце 1877 г. и в начале 1878 г. в Правительствующем Сенате, в Особом Присутствии для суждения дел о государственных преступлениях, было рассмотрено дело о сообществе, известном под названием кружка чайковцев, по коему привлечено было 193 человека по обвинению в распространении в России революционной пропаганды; к числу упомянутых лиц произведенным в 1874 и 1875 гг. дознанием был привлечен кронштадтский мещанин Виктор Обнорский, который в то время неизвестно куда скрылся. Почему дознание о нем и других скрывшихся лицах по высочайшему повелению, последовавшему в июне 1876 г., впредь до задержания их, было приостановлено. Затем в начале февраля минувшего года Виктор Обнорский, по распоряжению III Отделения собственной его императорского величества канцелярии, был задержан в С.-Петербурге и предан Военно-Окружному Суду по обвинениям в принадлежности к преступному сообществу, образованному Чайковским, в проживательстве по подложным паспортам и, сверх того, в преступной пропаганде, которую он продолжал и во время побега.

Из вышеупомянутого дела о 193 лицах видно, что в 1872 г., под влиянием западно-европейских революционных течений, несколько лиц, по предварительному между собой соглашению, составили в России противозаконное сообщество с целью ниспровержения правительства и установленного законом государственного устройства в Российской империи в более или менее отдаленном будущем. Сообщество это, состоящее из разных кружков, в состав коего вступили, с знанием о целях оного, лица разного звания и возраста, для достижения указанной выше цели предприняло распространение в некоторых местностях империи существующего для той цели учения среди крестьянского населения, рабочих

людей и учащегося юношества как путем устного наставления, так и путем ввоза из-за границы и печатания в России противоправительственных сочинений. Устные наставления производились частью на собираемых для сего сходках, частью в устраиваемых отдельными лицами мастерских и учреждаемых для обучения народа частных школах.

Ввоз книг из-за границы производился как членами сообщества, так и посторонними лицами, по поручению означенных членов и при их содействии. Наконец, печатание книг помянутого содержания производилось в устроенной для сего в Москве типографии, откуда отпечатанные книги и не брошированные листы разосланы были в разные местности России, где и были задержаны в 1874 г.

Исходным пунктом революционной пропаганды в России был город Петербург, а из числа образовавшихся в этом городе кружков первым по времени возникновения и главным по влиянию, оказанному на дальнейшее развитие революционного дела, был «кружок чайковцев», названный по имени Николая Васильевича Чайковского, окончившего курс наук в С.-Петербургском университете, который задался мыслью сплотить разрозненные силы агитаторов в одно целое, в чем впоследствии и успел. Кружок этот поддерживал постоянную связь с русскими эмигрантами, поселившимися преимущественно в Цюрихе и других городах Швейцарии, и посылал своих агентов в разные города России для пропаганды между рабочими и народом. Одним из главных агентов этого кружка был студент Технологического института Лисовский, посвятивший всю свою жизнь на сближение с рабочими с целью распространения противоправительственных идей. Сближение с рабочими начиналось обыкновенно с обучения их грамоте, причем таковое обучение играло лишь роль благовидной приманки, под прикрытием которой внушались рабочим революционные идеи как словесно, так и посредством раздачи преступного содержания книг, привозимых из-за границы, в числе прочих и самим Лисовским. По примеру Лисовского сблизились с рабочими студенты: С.-Петербургского университета Корнеев и Медико-Хирургической академии Низовкин, живший в 1872 г. на Выборгской стороне, по Астраханской улице, в доме № 38, с товарищами своими по академии, дворянином Сердюковым и Доводчиковым; из них Низовкин и Доводчиков стали читать рабочим лекции по естественной и русской истории, затем лекции продолжали читать студент Кравчинский и князь Кропоткин, из них последний читал о рабочем классе за границей в революционном духе. Из числа первых посетителей этих лекций был обвиняемый по настоящему делу мещанин Обнор-

ский, который стал приглашать на эти лекции и других рабочих. Таким образом были приглашены крестьяне Митрофанов, Лаврэв, Орлов, Виноградов и другие. Затем, по предложению студента Низовкина, была образована библиотека для рабочих, в которую первые книги поступили от Низовкина. Для дальнейшего же развития этой библиотеки положено было собирать с рабочих по 2% с заработанного ими рубля. Сбор этот стал производиться с рабочих и был вручен Низовкину, который, таким образом, сделался кассиром библиотеки. После него кассиром был Обнорский, а затем Колушкин или Кудров и, наконец, Лавров; библиотекою же до наступления лета заведывал сам Низовкин, но с наступлением лета, уезжая на каникулярое время к своим родным, Низовкин разделил ее и передал одну половину Обнорскому, а другую Виноградову, жившему в то время вместе с Обнорским и в одной квартире с Низовкиным. Этими книгами Обнорский снабжал рабочих. Затем в 1873 г. библиотека перешла в заведование рабочеге Виноградова и была обнаружена правительством; в ней оказались многие запрещенные сочинения, изданные за границей. В этом же году, по показанию Низовкина и рабочих Виноградова и Митрофанова, Обнорский сблизился с Чайковским и с членами его кружка, студентами Клеменцем, Левашовым и друг., и в августе или сентябре того года уехал со студентом Лисовским в Москву и Одессу для пропаганды между рабочими тамошних фабрик. Из Одессы Обнорский прислал на имя Виноградова два письма, в которых упоминал, что он там нашел так же хороших людей, как и в Петербурге. При этом, жалуясь на неимение денег, Обнорский просил о высылке ему таковых. По сообщению об этом студенту Кравчинскому, последний выдал Виноградову для отсылки Обнорскому 10 рублей, и эти деньги посланы Обнорскому в Одессу на имя Третьякова. Деньги эти носил на почту и посылал Митрофанов, в чем имеется почтовая расписка, отобранная при обыске у Виноградова.

Из Одессы Обнорский уехал за границу и был в Швейцарии, о чем упоминает в своем показании Виноградов, ездивший в 1874 г. вместе с рабочим Иванайненом в Швейцарию и видевший там Лисовского, с которым уехал из Петербурга Обнорский и от которого узнал о нахождении Обнорского в Женеве.

Все эти сведения об Обнорском извлечены из дознания и следствия по делу о развитии в России революционной пропаганды, произведенных, как выше упомянуто, в 1874—1876 гг., и основаны на показаниях, данных по сему делу студентом Медико-Хирургической академии Низовкиным, крестьянами: Митрофановым, Виноградовым, Вангесовым и другими: при этом из показания Низов-

кина видно, что Обнорский был первостепенным деятелем в кружке «чайковцев» из класса рабочих.

В начале 1875 г., как видно из дознания, произведенного в Архангельской губернии по поводу распространения в оной преступной пропаганды, обвиняемый Обнорский с подложным паспортом на имя мещанина Василия Павлова, вместе с студентом Левашовым, высланным административным порядком за принадлежность к кружку чайковцев на жительство в Восточную Сибирь и имевшим также подложный паспорт на имя купеческого сына Николая Федорова, проживал под видом рабочего в кузнице крестьянина Павла Монакова и незадолго до обыска, произведенного у Монакова, скрылся с Левашовым из Онежского уезда, деревни Выдринской, где помещалась кузница Монакова. При этом, по обыску, произведенному в кузнице Монакова 15 октября 1875 г., найдено было значительное количество книг и писем, из коих отобраны следующие: «Батрачка» Бельского, 1872 г.; «Бозоброчный» Ф. Д. Нефедова, 1873 г.; «Беспутный», 1874 г., неизвестного автора; «Рассказы о царстве Бовы королевича», 1873 г., А. Иванова; «Степные очерки» А. И. Левитова, 1873 г.; «Стенька Разин» неизвестного автора; «Анархия по Прудону» в двух частях, один том неизвестного автора и года, и «Эмма», роман Швейцера, 1871 г.

Спрошенный при дознании крестьянин Монаков показал, что с Обнорским, называвшим себя Василием Павловым, он познакомился в октябре 1874 г. в г. С.-Петербурге в квартире родственника своего Андрея Монакова, проживавшего на Выборгской стороне и работавшего на заводе Нобеля. Затем, когда он в декабре 1874 г. и январе 1875 г. работал на механическом заводе Семянникова и проживал за Невской заставой, то Обнорский бывал у него несколько раз и однажды привел к нему и познакомил с ним своего товарища, Александра Левашова, называвшегося Николаем Федоровым. Посещая его, Обнорский говорил о неправильных и стеснительных действиях правительства в отношении к рабочему классу, при этом убеждал, что необходимо освободиться от этого положения, для чего, по его словам, надо согласиться всем рабочим и уничтожить правительство и всякую власть и затем устроить новый порядок, при котором все были бы равны и у всех были бы равные достоинства. Сверх того, Обнорский принес ему книги: «Стенька Разин» и «Анархия» и советовал приобретать подобные же книги, причем по совету его им приобретены были все те книги, которые были отобраны у него при обыске, для чего Обнорский и Левашов указывали ему книжные магазины на Невском проспекте, где эти книги продавались. Обнорский убеждал его читать эти книги и сообщать содержание их другим крестьянам,

чтобы таким образом увеличить число согласных на свержение и изменение правительства. Около того же времени он, Монаков, получил сведения из деревни о смерти матери и хотел поехать домой, но, не имея на это средств, сообщил об этом Обнорскому, который вместе с Левашовым изъявили желание приехать к нему под видом мастеровых, причем Левашов дал ему 60 рублей на поездку и приобретение инструментов.

Давая ему эти деньги, Обнорский и Левашов обязывали его содействовать им в распространении в народе пропаганды. Имея в то время нужду в деньгах, он принял от них деньги, согласился содействовать в их предприятии и вскоре уехал к себе в деревню Выдринскую, куда в феврале 1875 года приехали Обнорский и Левашов с паспортами на имя Павлова и Федорова, которые представили ему для прописки. Бывая с ним в кузнице, Обнорский и Левашов продолжали убеждать его в необходимости переустройства государства, при этом читали привезенные ими книги, раз'ясняли ему [1] содержание их, указывали на необходимость свергнуть верховную власть и устроить республику; для достижения этой цели, по их мнению, необходимо, чтобы число лиц, желающих нового порядка, было как можно больше, а для этого советовали его убеждать в том и других крестьян, привлекая таким образом целые деревни недовольных, причем приводили в пример Стеньку Разина, действовавшего, по их словам, таким же одинаковым образом. При этом советовали также в каждом обществе устраивать кассу из заработка, на случай поддержания семейств лиц, арестованных правительством по политическим делам. Живя у него в деревне, Обнорский и Левашов никуда сами не ходили, но получали часто письма и деньги из разных мест. При этом Монаков присовокупил, что недели за три до от'езда из деревни Левашов женился на крестьянской девушке Василисе Сокольниковой, которой, по от'езде, высылал деньги и которую вскоре уведомили письмом через третье лицо, что муж ее умер. Такое показание Монакова относительно пребывания Обнорского в дер. Выдринской и проживании его в кузнице Монакова с подложным паспортом на имя кронштадтского мещанина Василия Павлова подтвердили проживающие в этой деревне крестьянская дочь Василиса Ивановна Сокольникова, крестьянин Илья Красильников и жена крестьянина Монакова Александра, которые вместе с тем удостоверяли, что Левашов и Обнорский проживали в деревне с февраля по июнь 1875 г. и затем неизвестно куда скрылись. Левашов же заявил, что, независимо от отобранных у Монакова книг, в кузни-

[1] В тексте: е щ е; сверху карандашом надписано: е м у.

не его он видел еще: «Сказку о мудрице Наумовне» и «Подлиповцы», но при производстве вторичного обыска у Монакова книг этих у него не найдено, при этом Монаков заявил, что «Сказки о мудрице Наумовне» у него совсем не было, книга же «Подлиповцы» им разорвана.

Затем из показаний брата подсудимого Обнорского, шлиссельбургского мещанина Василия Обнорского, видно, что Виктор Обнорский вновь появился в гор. Петербурге и, встретясь с ним в ноябре 1876 г., заявил, что едет в Москву, а оттуда за границу в Швейцарию. За границей Обнорский пробыл до конца 1877 или начала 1878 г. Пребывая за границей, он принимал деятельное участие в устройстве судьбы политических изгнанников из России, на что указывает участие его в составлении «Общества пособия политическим изгнанникам из России», и был членом комитета этого Общества, что удостоверяется приложенным к делу уставом Общества и воззванием, обращенным к обществу комитетом одного, напечатанным [1] в г. Женеве в 1877 г., в числе членов учредителей и членов комитета напечатана фамилия Виктора Обнорского.

В 1878 г. подсудимый Обнорский вновь появился в Петербурге и Москве, и, как видно из сообщения III Отделения собственной его императорского величества канцелярии от 6 февраля 1879 г. за № 258, по собранным в Москве сведениям по поводу распространения там революционного журнала «Земля и Воля», он находился в сношениях с одним из сотрудников этого кружка Левенталем и был командирован в Лондон под именем Ивана Иванова Козлова для приобретения типографской машины, откуда извещал, что типографские станки будут доставлены в Россию при содействии одного из таможенных чиновников еврейского происхождения.

Такая поездка Обнорского за границу удостоверяется показанием дворянина Дмитрия Зейдера, который заявил, что он по просьбе товарища своего, политического преступника Бонди, дал свой паспорт на проезд за границу Ивану Иванову Козлову, который, по словам Бонди, ехал туда по важному поручению. Этот паспорт затем, будучи за границей, получил обратно.

Наконец, в начале 1879 г. были получены сведения, что Обнорский возвратился из-за границы в Москву, а оттуда прибыл в С.-Петербург, где он в первых числах февраля этого же года и был задержан.

[1] В тексте: напечатанных.

По обыску, произведенному у него, при нем были найдены: разная переписка, весьма подозрительного содержания, собственноручные письма его, адресованные к Василию Николаевичу и подписанные Иваном Ивановым, написанное на отдельном листе воззвание к неизвестным лицам, под заглавием «Послание к евангеликам», порицающее образ действия духовенства, дворян и правительства и рекомендующее уничтожение их, записная карманная книжка с заметками и адресами разных лиц, 6 фотографических карточек и паспорт на имя сына диакона г. Оргеева Федора Михайлова Аргентова, каковой паспорт, по отзыву Бессарабского Губернского Жандармского Управления, оказался подложным.

Сверх того, по арестовании подсудимого, проживающий по Большой Дворянской улице сапожных дел мастер крестьянин Митрофанов представил в С.-Петербургское Губернское Жандармское Управление телеграмму, полученную им из Москвы и адресованную на его имя с передачей Ивану Иванову, следующего содержания: «Я возвратился, если Петербурге устроить дела надежда плоха, то дорожите временем, приезжайте или отвечайте скорее, придумал удобный план. Колачев».

Представляя эту телеграмму, крестьянин Митрофанов заявил, что телеграмма эта относится до Обнорского, так как последний, в приезд его в конце 1877 и в начале 1878 г., в Петербурге скрывался под именем Ивана Иванова, о чем он узнал от рабочих Смирнова и Петерсона, у которых Обнорский бывал до задержания его.

В виду такого заявления Митрофанова, а также обнаружения полицией посещения Обнорским в конце января 1879 г. рабочих: крестьянина Якова Смирнова и кронштадтского мещанина Петра Петерсона, у означенных лиц были произведены обыски, по которым однако же ничего преступного не найдено.

Спрошенные по сему делу упомянутые крестьянин Яков Смирнов и мещанин Петерсон, не отрицая посещения их Обнорским, показали, что они знают Виктора Обнорского давно и познакомились с ним первый в 1874 г., а второй в 1873 г. на заводах, на которых вместе работали, о том, что Обнорский привлечен к делу о преступной пропаганде в России, им сделалось известным уже после того, как Обнорский скрылся из Петербурга; при этом Смирнов и Петерсон об'яснили, что не донесли о пребывании его в Петербурге, когда он вновь появился в 1879 г.,—Смирнов из опасения, чтобы Обнорский не сделал ему чего-либо дурного, а Петерсон из боязни быть привлеченным к делу.

Сам подсудимый Обнорский на первоначальных допросах отказался дать какие-либо об'яснения по поводу отобранной у него переписки, но затем на дальнейших допросах показал, что два письма, помеченные в особом приложении № 1 и 2, писаны им в последний приезд его в Петербург в январе 1879 г. и адресованы Василию Николаевичу, фамилии которого он не знает, но с которым его познакомил Николай Васильевич Рейнштейн (нынче убитый), знакомый с ним еще с 1871 г.; оба эти письма были черновыми для письма, помеченного № 3;—выражение в письме сожаления, что «ничего не мог раздобыть из того», относится к поручению Рейнштейна купить книг для библиотеки, которую последний с Василием Николаевичем предполагали устроить. Далее, «что никого почти не видел из торговых людей, почему и не мог ничего прислать с попутчиком», относится к букинистам, у которых он хотел купить книги, а попутчиками называл жену Рейнштейна и некоего Николая Калашникова. Под товаром, о котором упоминается в письме, он подразумевал книги и слесарный инструмент для предполагаемой к устройству Рейнштейном слесарной мастерской. Смысла фразы: «здесь много интересного, приеду—расскажу»—он не помнит. Под письмом он подписался именем «Иван Иванов», так как паспорт на имя Аргентова был дан ему только на проезд по России, а своей настоящей фамилией не мог подписаться, опасаясь обнаружить себя. Письмо № 4 тоже писано им, вскоре по возвращении из-за границы в Москву, и написано было к невесте; но отправлено не было; фраза: «до Кр. проехал очень благополучно» означает город Краков, но у кого он там остановился, кого видел, а также личностей, упоминаемых в письме, «Анна Михайловна» и «Васильев»,—об'яснить не желает. Письма за № 5 и 6 получены им в Париже от некоего Цикермана, общественного положения которого не знает, но с которым познакомился случайно перед своим от'ездом в библиотеке: «личностей адресатов ни «Анны Лазаревны» ни «Н.», адрес которого он потерял, не знает, а последнего письма даже не читал, так как оно было передано ему запечатанным, а потому и не знает его содержания и полагает, что некоторые из выражений, как бы относящиеся к нему, а именно «о деле этом подробно расскажет податель этой записки, с которым лицо, имеющее получить письмо, может говорит свободно, не стесняясь», следует отнести скорее всего к самому Цикерману, который собирался сам ехать в Россию. Письмо № 7 писано Рейнштейном, который просил передать его по адресу, но по приезде в Петербург он забыл раз'яснение адреса, а потому и не мог доставить письма по принадлежности. Письмо № 9 передано ему также Рейнштейном для до-

ставления в Петербург по адресу, написанному им на конверте со слов самого Рейнштейна, но, забыв раз'яснение этого адреса, не успел передать письмо, потому что был арестован. Письмо № 10 получил от Ксаверия Вонсовича, с которым его познакомил в Варшаве какой-то неизвестный ему поляк, с которым он, в свою очередь, познакомился в вагоне железной дороги, когда, возвращаясь из-за границы, ехал из Ченстохова в Варшаву. Содержание этого письма, в котором автор говорит о слиянии между поляками и русскими и в котором Ксаверий Вонсович, рекомендуя его брату своему, прибавляет, что от него брат его все узнает,—для него необ'яснимо. «Послание к братьям евангеликам» получено им от Рейнштейна перед его от'ездом в Петербург, дал он ему для прочтения, но он его даже не читал и забыл возвратить обратно, почерк же, которым написано это послание, ему неизвестен. Лиц, изображенных на отобранных у него на 6 фотографических карточках, за исключением матери его, он не желает назвать. Относительно деятельности в период времени со дня первого его выезда из Петербурга в 1873 г. и до дня его ареста в 1879 г. Обнорский показал, что в августе 1873 г., работая на Патронном заводе на Васильевском острове, он уехал в Одессу, где поступил на механический завод Фалька и прожил там 4 месяца, жил он там под собственной фамилией и по паспорту, выданному ему из Кронштадтской мещанской управы. Переписываясь с некоторыми из своих знакомых в Петербурге, между прочим с Алексеем Лавровым, он узнал из писем, что товарищи его, посещавшие вместе с ним лекции Низовкина, Орлов и Виноградов, были арестованы. Собственно же к так называемому кружку чайковцев он никогда не принадлежал и не знал как о существовании этого кружка, так и о цели ого образования. К лицам, коих он видел с Чайковским у Низовкина, Сердюкову, Доводчикову и другим, он имел отношение обыкновенного знакомого, встречаясь лишь с ними на вышеуказанных лекциях, где читались книги, например, исторического содержания, и вообще все то, что имелось в библиотеке рабочих разных заводов в Петербурге. Когда он получил известие об арестах в Петербурге, он уже служил на одном из пароходов Русского Общества, делавших рейсы за границу, на который он поступил лишь из-за одной любознательности, других причин, побуждавших его уехать за границу, у него не было. Доехав до Лондона и пробыв в нем только полтора суток, он поехал в Париж, а оттуда в Женеву, где и поселился на жительство. В Женеве он через несколько времени, при помощи русского эмигранта Гольденберга, поступил на механический завод Ванера, а также познакомился и с другими эмигрантами: Черкезовым, Ивановским, Ралли, Кле-

менцом, Драгомановым[1], Кропоткиным и Эльсницем, и вступил в образовавшееся между ними «Общество пособия политическим изгнанникам из России», причем участвовал в составлении и подписании устава этого общества в 1877 г. Роль же его в этом об-ве заключалась в приискании работы тем из политических изгнанников, кои пожелали бы вступить на тот или другой механический завод в Женеве; никаких поручений от Общества, ни во время жизни за границей,, ни во время приездов своих в Россию, он не имел. Осенью 1877 г. он приехал в Петербург, собственно потому, что скучал по родине и думал найти здесь работу. Переехал границу при помощи лиц, занимающихся перевозками через границу беспаспортных; в России же он имел паспорт на другую фамилию, но кого именно и от кого приобрел этот паспорт, сказать не желает. Вскоре по приезде он получил работу, но где именно, а также, кого посещал, сказать не желает. В Петербурге он пробыл с год, уезжая лишь на месяц в Москву. В августе 1878 г. вновь уехал в Париж, с целью посетить выставку, где и прожил до начала 1879 г. Там же получил паспорт на имя Аргентова, с которым и вернулся в Россию. Что касается поездки его в Архангельскую губернию в деревню к крестьянину Монакову, то таковая состоялась в зиму 1874 г., когда он также приезжал из-за границы и жил здесь под именем Василия Павлова, на имя которого имел паспорт, но звание этого Василия Павлова, прописанное в паспорте, а также от кого он приобрел его, об'яснить не желает. Тут он встретился с Монаковым, с которым знаком был еще с 1869 г., и, узнав, что он едет в деревню, где у него была кузница, просил его взять с собою в качестве сотрудника. В то же время встретился он с Николаем Федоровым (Левашовым), с которым он познакомился, видевшись всего раз только в 1872 г. на лекциях Низовкина, и в виду того, что он искал слесарной работы и тоже не прочь был поехать в деревню, посоветовал ему обратиться к Монакову. Отправились они к Монакову, уехавшему вперед, в феврале 1875 г. Перед от'ездом Монакова он никаких книг ему не рекомендовал, в деревне же у него видел какие-то книги, но не обращал на них внимания. Равным образом не участвовал ни в какой противоправительственной пропаганде, а так-то, кажется, в мае он уехал из деревни, оставив там Николая Федорова (Левашова), книг «Стенька Разин» и «Анархия», отобранных у Монакова, ему не давал и из Петербурга никаких книг с собою не брал. Так как особенного согласия между ними не было, то, кажется, в мае он уехал из деревни, оставив там Николая Фе-

[1] В тексте: Драгомиловым.

дорова. В Петербурге он жил недолго и вскоре опять уехал за границу без паспорта, но где он жил до своего от'езда и у кого из своих знакомых взял деньги на эту поездку, сказать не желает.

Но несмотря на такое отрицание подсудимым Обнорским своей принадлежности к тайному революционному сообществу и виновности в пропаганде противоправительственных идей и сочинений, к обвинению его в этом преступлении служат: во-первых, показания: бывшего студента Медико-Хирургической академии Низовкина, крестьян: Виноградова, Митрофанова, Вангесова и других привлекавшихся по делу о преступной пропаганде в России лиц, из коих некоторые были осуждены Правительствующим Сенатом за это преступление. Свидетели эти удостоверили о принадлежности Обнорского к обществу, так называемому «кружку чайковцев», причем Низовкин заявил, что Обнорский был одним из главных деятелей в деле пропаганды чайковцами в среде рабочих. Во-вторых, постоянные поездки по разным городам России и за границу, при неимении никаких собственных материальных средств, и посещения проживающих за границей эмигрантов, с которыми принимал деятельное участие в составлении устава вспомоществования политическим изгнанникам из России и был членом комитета этого Общества. В-третьих, отобранные у него вещественные доказательства, между которыми обращает особенное внимание послание к братьям-евангеликам, заключающее в себе воззвание к уничтожению духовенства, дворянства и правительства. И, в-четвертых, показание свидетеля Монакова, сущность которого заключается в том, что еще в Петербурге Обнорский развивал в нем противоправительственные идеи, обращал его внимание на дурное состояние рабочего класса и доказывал необходимость распространения этих идей в народе, с каковой целью он и Левашов поехали к нему в деревню, дав ему предварительно 60 рублей на покупку инструментов и обязав его за это содействовать им в распространении пропаганды. С тою же целью Обнорский дал ему книги: «Анархия» и «Стенька Разин» и посоветовал ему купить и другие отобранные у него книги.

Личность подсудимого кронштадтского мещанина Виктора Павлова Обнорского, 27 лет, установлена при дознании как пред'явлением его фотографической карточки матери его, вдове унтер-офицера, Пелагее Львовой Обнорской, проживающей в городе Вологде, так и пред'явлением его самого брату его, шлиссельбургскому мещанину Василию Павлову Обнорскому.

Остальные подсудимые, по имеющимся в деле сведениям, значатся: Яков Петров Смирнов, 27 лет, из крестьян Тверской губ. Бежецкого уезда, занимается слесарным мастерством, под судом

не был и к дознаниям по политическим делам не привлекался, вероисповедания православного. Петр Николаев Петерсон, 25 лет, из мещан г. Кронштадта, токарь, под судом не был. Привлекался к дознаниям в 1873 г.[1] по преступной пропаганде и в 1878 г. по преступному сообществу; вероисповедания православного.

На основании вышеизложенного по настоящему делу обвиняются: кронштадтский мещанин Виктор Обнорский: 1) в том, что вступил в противозаконное сообщество, образовавшееся в 1872 г. с целью ниспровержения правительства и установленного законом государственного устройства в Российской империи, в более или менее отдаленном будущем, и был в оном одним из главных руководителей, привлекая в это сообщество путем пропаганды других лиц рабочего сословия, 2) в том, что принадлежа к означенному сообществу, он распространял письменные и печатные сочинения, с целью возбудить к бунту или явному неповиновению власти верховной, и 3) в том, что в 1874 г., проживая в Архангельской губернии, имел при себе и пред'являл заведомо подложный паспорт, в котором назывался кронштадтским мещанином Василием Павловым, а также имел при себе таковой же паспорт при задержании его в феврале 1879 г. в С.-Петербурге, в котором назывался сыном диакона г. Оргеева Бессарабской губернии, Аргентовым.

Мещанин Петерсон и крестьянин Яков Смирнов—в том, что, зная о разыскании правительством Обнорского, обвиняемого в государственном преступлении, они не только не задержали его, когда он посещал их квартиры, но и не донесли о пребывании его в Петербурге полиции. Преступления эти предусмотрены 250, 251 и 318 ст.ст. Уложения о Наказаниях Уголовных и Исправительных. Обвинительный акт составлен в г. Петербурге, мая 31 дня 1880 года.

Помощник военного прокурора *Лупалов.*

Дело Петербургского Военно-Окружного Суда, 1880 г., № 314, т. III, лл. 3—15.

Приговор Петербургского Военно-Окружного Суда по делу В. П. Обнорского, П. Петерсона и Я. Смирнова[2].

1880 г. июня 11 дня, Петербургский Военно-Окружной Суд, под председательством генерал-майора Лейхта в открытом судеб-

[1] Следует: в 1874 г.

[2] На приговоре имеется резолюция Главного Начальника Верховной Распорядительной Комиссии, гр. Лорис-Меликова: «Приговор суда утверждаю. Обратить к исполнению. 16 июня 1880 г.».

ном заседании, в котором присутствовали: военный судья генерал-майор Максимов, временные члены: Л.-гв. Павловского полка полковник Борисов, Л.-гв. Московского полка полковник Ляпунов, Л.-гв. Егерского полка полковник Цеттерман, 85 пех. Выборгского полка подполковник Фон-дер-Борг, 93 пех. Иркутского полка подполковник Король, 86 пех. Вильманстрандского майор Коссов, при помощнике военного прокурора надворн. советнике Лупалове и при помощнике секретаря Хржановском, слушал дело о кронштадских мещан Викторе Павлове Обнорском, 27 лет, Петре Николаеве Петерсоне, 25 лет, и крестьянине Тверской губернии Якове Петрове Смирнове, 27 лет, преданных суду Главным Начальником Верховной Распорядительной Комиссии по обвинению. Обнорского — в принадлежности к противозаконному сообществу, имевшему целью ниспровержение государственного устройства в России, в распространении разных сочинений с целью возбудить к бунту и проживательстве по заведомо фальшивым паспортам; Петерсона и Смирнова — в недонесении полиции о прибытии в С.-Петербург Обнорского, заведомого для них государственного преступника.

Выслушав дело, Петербургский Военно-Окружной Суд признал мещанина Виктора Обнорского виновным: во-первых, в том, что он вступил в противозаконное сообщество, образовавшееся в 1872 г. с целью ниспровержения, в более или менее отдаленном будущем, правительства и установленного законом государственного устройства в России, и находился в этом сообществе до задержания своего в феврале 1879 г., причем был одним из главных деятелей и привлекал в это сообщество, путем устной пропаганды, лиц рабочего сословия; во-вторых, в том, что распространял письменные и печатные сочинения, с целью возбудить к бунту или явному неповиновению власти верховной; в-третьих, в том, что в 1874 г., проживая в Архангельской губ., имел при себе и пред'являл заведомо подложный паспорт, в котором назывался кронштадтским мещанином Василием Павловым, а также имел при себе подложный паспорт при задержании его в феврале 1879 г. в С.-Петербурге, в каковом паспорте назывался сыном диакона города Оргеева Бессарабской губернии, Аргентовым; мещанина Петра Петерсона виновным в том, что, зная о принадлежности подсудимого Обнорского к противозаконному сообществу, направленному противу правительства, и зная о розыске его правительством, он не только не задержал его, Обнорского, когда тот посещал его на квартире в январе 1879 г., но и не донес полиции о пребывани его в С.-Петербурге; и крестьянина Якова Смирнова виновным в том, что, зная о принадлежности подсуди-

мого Обнорского к противозаконному сообществу, направленному противу правительства, и зная о розыске его правительством, он не только не задержал его, Обнорского, когда тот посещал его на квартире в январе 1879 г., но и не донес полиции о пребывании его в С.-Петербурге.

Обращаясь к определению наказания подсудимому Обнорскому, Суд нашел, что преступные деяния, учиненные им, влекут за собой следующие наказания: принадлежность к сообществу, направленному к ниспровержению правительства и государственного строя, в более или менее отдаленном будущем, когда виновные не обнаружили умысла действовать насильственно, влечет за собой, по силе 2 части 250 ст. Уложения о Наказаниях по Продолжению 1876 г., ссылку в каторжные работы на время от 4 до 6 лет, или ссылку в Сибирь на поселение, или отдачу в исправительные арестантские отделения на время от 1 года до 4 лет, или заключение в крепости на время от 1½ года до 4 лет. Злоумышленное распространение сочинений, имеющих целью возбудить к бунту, влечет за собой, по силе 2 части 251 ст. того же Уложения о Наказаниях, ссылку в каторжные работы на время от 8 до 10 лет. Проживательство по заведомо подложным паспортам влечет за собой, по силе 975 ст. того же Уложения, отдачу в исправительные арестантские отделения на время от 1 года до 1½ лет. При такой совокупности преступлений, Суд, на основании 1 и 2 пункт. 152 ст. Уложения о Наказаниях, обязан приговорить подсудимого к тягчайшему из сих наказаний и в самой высшей оного мере, что в рассматриваемом случае составляет ссылку в каторжные работы на 10 лет. Обращаясь к определению наказаний подсудимым Петерсону и Смирнову, Суд находит, что деяние их влечет за собой, по силе 8 пункта 318 ст. Уложения о Наказаниях, заключение в тюрьме на время от 4 до 8 месяцев, или арест от 7 дней до 3 месяцев, или денежное взыскание от 100 до 500 рублей. Принимая во внимание как обстоятельства, сопровождавшие деяние подсудимых, так и прежнее их поведение, Суд избрал из этих наказаний арест, для Петерсона в высшей мере — на три месяца, а для Смирнова в средней мере — на один месяц.

На основании вышеизложенного Петербургский Военно-Окружной Суд п о с т а н о в и л: кронштадтского мещанина Виктора Обнорского лишить всех прав состояния и сослать в каторжные работы в крепостях н а д е с я т ь л е т, с последствиями, указанными в 22—28 ст.ст. Уложения о Наказаниях. Кронштадтского мещанина Петра Петерсона подвергнуть кратковременному аресту на т р и м е с я ц а. Крестьянина Якова Смирнова подвергнуть

кратковременному аресту на один месяц. Судебные издержки взыскать с подсудимых, за круговой их ответственностью, а в случае несостоятельности всех троих издержки эти принять на счет казны. Вещественные доказательства, по вступлении сего приговора в законную силу, препроводить на распоряжение III Отделения Собственной Его Величества Канцелярии. Приговор сей, по вступлении его в законную силу, прежде обращения к исполнению, представить Главному Начальнику Верховной Распорядительной Комиссии.

Председатель генерал-майор *Лейхт.*

Военный судья генерал-майор *Максимов.*

Временные члены:

Полковник *Борисов.*
Полковник *Ляпунов.*
Полковник *Цеттерман.*
Подполковник *Фон-дер-Борг.*
Подполковник *Король.*
Майор *Коссов.*

Помощник секретаря *Хржановский.*

Тоже дело, лл. 85.87.

II. СЕВЕРНЫЙ СОЮЗ РУССКИХ РАБОЧИХ

ПРОГРАММА «СЕВЕРНОГО СОЮЗА РУССКИХ РАБОЧИХ»

К русским рабочим!

Сознавая крайне вредную сторону политического и экономического гнета, обрушивающегося на наши головы со всею силой своего неумолимого каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социального положения, лишающего нас всякой возможности надежды на сколько-нибудь сносное существование, сознавая, наконец, более невозможным сносить этот порядок вещей, грозящий нам полнейшим материальным лишением и парализациею духовных сил, мы, рабочие Петербурга, на общем собрании от 23 и 30 декабря 1878 г. пришли к мысли об организации общерусского союза рабочих, который, сплачивая разрозненные силы городского и сельского рабочего населения и выясняя ему его собственные интересы, цели и стремления, служил бы ему достаточным оплотом в борьбе с социальным бесправием и давал бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успешного ведения борьбы.

Организация Северного союза русских рабочих должна иметь строго определенный характер и преследовать именно те цели, какие поставлены в ее программе.

В члены этого Союза избираются исключительно только рабочие и через лиц более или менее известных, числом не менее двух.

Всякий рабочий, желающий сделаться членом Союза, обязан предварительно ознакомиться с нижеследующей программой и с сущностью социального учения.

Все члены Союза должны сохранять между собой полную солидарность, и нарушивший ее подвергается немедленному исключению.

Член же, навлекший на себя подозрение, изобличающее его в измене Союзу, подвергается особому суду выборных.

Каждый член обязан вносить в общую кассу Союза известную сумму, определяемую на общем собрании членов.

Делами Союза заведывает комитет выборных, состоящий из 10 членов, на попечении которого лежат также обязанности по кассе и библиотеке. Общие собрания членов происходят раз в месяц, где контролируется деятельность комитета и обсуждаются вопросы Союза.

Собрание уполномочивает комитет только в действиях, являющихся непосредственно в интересах всего Союза.

На обязанности комитета лежит также право сношения с представителями провинциальных кружков и фракций рабочих России, принявших программу Северного Союза.

Провинциальные фракции Союза удерживают за собой автономное значение в сфере деятельности, определяемой общею программою, и подчиняются только решениям общих представительных собраний.

Центральная касса предназначается исключительно на расходы, необходимые для выполнения планов Союза, и на поддержку рабочих во время стачек.

Библиотека имеет целью бесплатно удовлетворять потребностям столичных рабочих, даже и не принадлежащих к Союзу.

Расходы на ее содержание и на выписку книг идут из кассы Союза и из сумм, жертвуемых рабочими.

Северный союз русских рабочих, тесно примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада, ставит своею программою:

1. Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого.

2. Учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права.

3. Уничтожение поземельной собственности и замена ее общинным землевладением.

4. Правильную ассоциационную организацию труда, предоставляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства.

Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

1. Свобода слова, печати, право собраний и сходок.

2. Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям.

3. Уничтожение сословных прав и преимуществ.

4. Обязательное и бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях.

5. Уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением.

6. Право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как-то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления.

7. Уничтожение паспортной системы и свобода передвижения.

8. Отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству.

9. Ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда.

10. Учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам.

Вот в главных чертах та программа, руководиться какою поставило себе задачею общее собрание петербургских рабочих от 23 и 30 декабря.

Путем неутомимой и деятельной пропаганды в среде своих собратьев, Северный союз надеется достичь тех результатов, которые выдвинут и у нас рабочее сословие и заставят заговорить о себе, о своих правах; посему на обязанностях каждого члена этого Союза лежит священный долг вести посильную агитацию в угнетаемой и отзывчивой на требования справедливости рабочей массе. Услуга его не останется забытою потомством, и славное имя его, как апостола евангельской истины, занесется в летописи истории.

Рабочие! Вас мы зовем теперь, к вашему голосу совести и сознания обращаемся мы.

Великая социальная борьба уже началась — и нам нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов — и нам остается только примкнуть к ним. Рука об руку с ними пойдем мы вперед и в братском единении сольемся в одну грозную боевую силу...

На нас, рабочие, лежит великое дело — дело освобождения себя и своих братьев, на нас лежит обязанность обновления мира, утопающего в роскоши и истощающего наши силы, — и мы должны дать его.

Вспомните, кто первый откликнулся на великие слова Христа, кто первый был носителем его учения о любви и братстве, перевернувшего весь старый мир? — простые поселяне... Мы то-

же зовемся к проповеди, мы тоже призываемся быть апостолами нового, но в сущности только непонятого и позабытого учения Христа. Нас будут гнать, как гнали первых христиан, нас будут бить и издеваться над нами, но будем неустрашимы и не постыдимся их поруганий, так как одно это озлобление против нас покажет нам их бессилие в борьбе с нравственным величием идей, в борьбе с той силой, какую мы представляем собою.

«Вы развращаете мир,—скажут нам,—вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религию». — Нет, — будем отвечать им, — не мы развращаем мир, а вы, не мы причиною зла, а вы. Напротив, мы идем обновить мир, возродить семью, установить собственность, как она должна быть, и воскресить великое учение Христа о братстве и равенстве...

Рабочие! Становитесь смело под наше знамя социального переворота, сомкнитесь в дружную братскую семью и, опоясавшись духовным мечом истины, идите проповедывать свое учение по городам и селам! Ваше будущее лежит в этой спасительной пропаганде, и ваш успех зависит от нравственной силы вашей. С нею мощны вы, с нею вы покорите мир.

Знайте, что в вас заключается вся сила и значение страны, вы — плоть и кровь государства, и без вас не существовало бы других классов, сосущих теперь вашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у вас нет организации, нет идеи, которой бы вы руководились, нет, наконец, нравственной поддержки, столь необходимой для дружного отпора врагу. Но мы, рабочие-организаторы Северного союза, даем вам эту руководящую идею, даем вам нравственную поддержку в сплочении интересов и, наконец, даем ту организацию, в какой нуждаетесь вы.

Итак, за вами, рабочие, последнее слово, от вас зависит участь великого союза и успех социальной революции в России!

III. ЗЕМЛЕВОЛЬЧЕСТВО И НАРОДНИЧЕСТВО

З Е Р Н О

РАБОЧИЙ ЛИСТОК

№ 1 Декабрь 1880 г.

Санкт-Петербург, 25 октября 1880 г.

Из года в год растет в городах число рабочих. Горькая, голодная нужда да подати неоплатные гонят их из родной деревни в чужой незнакомый город. Земли мало, а платить за нее много; урожай худой, да и при хорошем-то не прокормиться круглый год своим хлебом. Как быть? Жить надо, да и недоимки накоплять не полагается, за это, известно, — спасибо не скажут. Заработка на месте нет, и вот хочешь—не хочешь, а бери котомку на плечи и уходи в город, на фабрику, на завод, на какую ни на есть работу. Хорошо, если хватит деньжонок приехать на машине, а и пешком отходить искать промысла. Придешь в город, сидеть без работы нельзя — проситься на фабрику или куда. А тут смотришь, ты не один, много таких же голяков-бедняков из деревни набралось и просится у того же хозяина. На каждую фабрику сотни охотников поступить — рады запродать себя; и вот тут-то хозяину раздолье: выбирай, кого хочешь, плату положи, какую заблагорассудится. И покупается за грош ломанный силушка «вольного» рабочего. Если придется читать эти слова человеку пожилому, то припомнит он, может быть, время до 61 года, когда еще не вышла крестьянам «воля». Худо тогда жилось на Руси: тяжелая рука барина-помещика давала себя знать крепостному рабу-крестьянину. Вся жизнь-то тогда шла не по-нынешнему. И помину не было всего множества железных дорог, пароходов, фабрик, заводов, машин. Рабочий человек больше сидел в деревне, трудясь над кормилицей-землею и отбывая барщину. 19-го февраля 1861 г. вышла «воля». Великое и святое

дело для человека воля. Дорога она каждому, и всякий хороший человек готов за нее душу положить. А русский крестьянин сотни лет бился за «Землю и Волю», пытаясь сбросить ненавистное ярмо помещика. Бился он в одиночку, врозь, выступал и с открытым бунтом, кровавым пожаром разливавшимся нередко по широкой русской земле. Да не выгорело дело. Недостало крестьянину уменья сплотиться крепко в одно, толково и ясно сговориться о том, как вести дело, и условиться, как воспользоваться успехами. Крестьяне давали простор своей ненависти к барам, но не вдумались, как следует, в свое дело и полагались слишком много на чужой ум да на авось. — Наконец, крестьянам подарили «волю»... Обрадовались ей многие вначале, да как пригляделись поближе, то оказалось, что воля-то эта не настоящая, заправская воля, не та воля, которой добивался крестьянин, а новая неволя. В самом деле, нарезали крестьянам из земли, испокон веку им принадлежащей, мало, да и то больше песок да болота. Да что толковать: всякому известно, что лучшая-то часть кровной крестьянской земли отошла помещикам; а мужику за свой клочек надо платить куда дороже, нежели стоит сама земля: и выкупные, и оброчные, и подушные, и государственный, и земский сбор. И во многих местах рад бы он бросить землю, да нельзя, податей не простят, до уплаты паспорта не выдадут. И мечешься, как угорелый: то на земле трудишься, то на заработки уходишь, идешь на фабрику... И никак не сладишь с нуждой... А пользуясь этой новой нуждой, которая давит деревенский люд, появились и выросли новые враги народа, новые расхитители его добра и новые грабители его упорного, потного труда. Как грибы после дождика, стали расти и размножаться по деревням кулаки. Скупают они землю, запутывают крестьянина крепкими сетями, связывают его по рукам и ногам, заставляют «вольного» мужика работать на себя, как прежде он работал на помещика. А тут их городские сподвижники стали строить заводы и фабрики, прокладывать железные дороги и заводить машины, пользуясь тем, что крестьянин не может прокормиться из своего земельного надела и должен уходить на чужую сторону, продавать свой «вольный» труд, свою свободную рабочую силу. И покупает ее фабрикант за-дешево, выжимает из нее все, что только может. Какое ему дело до того, что, работая по 16-ти и больше часов на фабрике душной и пыльной, где задыхаешься, рабочий изнуряется и медленно вколачивается в могилу. Какое ему до этого дело, если у него их потом и кровью растет богатство, наполняется кошелек. А кошель ему заменяет совесть. Так какое ему дело до беды рабочего.... Но есть ли правда в том, что купцы богатеют, жи-

реют, — худеет, беднеет народ? Подумайте об этом, работники, давно пора об этом подумать. Это — не правда, а кривда. Надо, чтобы люди стали жить между собою справедливо и по совести, а может наступить это лишь тогда, когда каждый станет получать то, что действительно заработал собственным трудом. Нынешний год — год тяжкий для рабочего люда. Неурожай хлеба дает себя знать повсюду. Из разных концов доносятся тревожные известия о том, что наступает голод. Мужик обнищал до крайности, и нет у него сил бороться с неурожаем. Будет голодать давно уже ненаедавшаяся досыта деревня; но и в городе нужда наступает на горло бедного, трудящегося люда. Уже теперь хлеб вздорожал вдвое, хоть муки в нем немного, и лабазник прибавляет в него больше примеси разной. А тут как раз из деревни нужда нагнала множество разного нового народа, и один у другого отбивает место. Хозяину это на руку—можно сбавить плату, все равно—охотников поступить на работу слишком довольно. Но этим дело не кончится... Чем дальше в лес, тем больше дров. Все больше и больше будет забирать в свои загребистые руки кулак-пройдоха да хозяин-фабрикант. И что тут удивительного. Ведь они свой интерес понимают тонко, и где дело идет о том, чтобы поприжать рабочих, они наловчились тянуть одну песенку. А рабочие раз'единены, в разладе и не умеют постоять за себя, как следует. Исход есть из нужды, надо только взяться за ум. Ведь не один русский рабочий в нужде, вот и в других странах то же самое проделали с рабочим людом господа капиталисты, — у немцев, французов, англичан давно уже почти вся земля отошла от крестьянина. И не осталось у рабочего человека ничего своего, кроме собственной рабочей силы, и та продается хозяину. Но там рабочие догадались уже, как выбиться из кабалы, там они становятся все заодно против хозяев и поняли, какой надо устроить порядок в обществе, чтобы всем жилось хорошо и один не обижал другого. Подумать об этом давно пора и русскому работнику. Пора сговориться и столковаться между собою всем обиженным. В союзе и единении надо искать силы для того, чтобы низвергнуть наглую кривду и воцарить на нашей земле правду. Надо подумать сообща, расшевелить мозги всех и сговориться между собою по артелям, по фабрикам и городам. Надо надеяться только на себя. Надо понять, что у всех работников один общий интерес, одно общее дело и одна надежда лишь на себя, на свой крепкий союз. У кого есть живая душа, тот возмущается против вечно-бедственного несчастного положения. И лишь тот понимает свое человеческое достоинство, кто смело вступает в борьбу со злом. Пусть «Зерно» это падает на хороший грунт,

живой, отзывчивый на правду души, и пусть оно дает на нем богатые всходы умных и смелых богатырей-борцов за народное дело, за дело рабочих. Рабочий листок со своей стороны постарается пособить этому делу, раз'яснить его и указать на пример других стран, потому что правда везде одна и та же.

ХОЗЯЙСКАЯ ПРИБЫЛЬ И БАРЩИНА

Многие думали, что, по освобождении крестьян, начнется настоящая жизнь для трудящегося человека. Но эта надежда скоро пошла прахом. Вместо крепостного права теперь настало право кулака и хозяина. Думали ли вы, например, рабочие, откуда наживаются большие капиталы, и откуда хозяин получает на эти капиталы прибыль. Подумайте хорошенько и вы увидите, что теперешний хозяин, фабрикант, купец, даже самый мелкий кулак, есть то же самое, что прежний барин, только в новой шкуре. При крепостном праве дело было так: либо ты ни за что ни про что платишь оброк своему барину, либо ты ходишь на барщину. Барщина эта, как известно, состояла в том, что столько-то дней в неделю, примерно три, ты работал на себя, а остальные на барина. Барин за трехдневный труд своего крепостного не платил ему ничего, стало быть, как раз половина крестьянского труда шла задаром в пользу барина. Плохо тогда было, потому что крестьянин не мог заниматься целую неделю по своему хозяйству, а барин сыпал в амбар хлеб, который ему задаром взращивали мужики, отсылал этот хлеб за границу или продавал на месте и выручал чистые денежки. Шли эти деньги на дворянское дело: на домашние театры, на лошадей да охотничьих собак, на заграничные вина, а то и на барских любовниц. Теперь как будто дело идет по-новому: крестьяне получили вольную, рабочий люд стал, как говорится, свободным человеком. Но это только кажется,— что прежде, что теперь, рабочий люд работает не столько на себя, сколько на других. Если хорошенько поглядеть, что творится на фабрике или на заводе, то сейчас увидишь, что теперь рабочий, словно прежний крепостной, отдает часть своего труда задаром своему хозяину, точно барину. Ведь прибыль-то — чистый доход на фабрике — получается хозяином так же, как получал прежний барин доходы со своего мужика. Рабочий трудится на фабрике больше, чем сколько ему нужно было бы трудиться по справедливости, для своего прокормления, а весь лишний труд рабочих задаром идет в пользу хозяина. Выслушайте

повнимательнее вот что. Ценность всякой вещи это то, это сколько труда потрачено на нее. Прежде, например, когда не было хороших машин, — и ситцы стоили дороже, потому что рабочему приходилось больше трудиться, чтобы сработать каждый аршин ситцу. Теперь, при машинах, рабочий тратит много меньше труда, потому и ценность ситца стала меньше. Правда, обыкновенно у нас ценность вещи считается как будто не потому, сколько на нее потрачено труда, а по тому, сколько тебе за нее заплатят. Но, если только подумаешь, ты спросишь себя: а почему же за эту вещь заплатили вот столько-то, а не столько? Ответить на это можно вот что: и самые деньги имеют свою ценность. Ведь заправские деньги — золото и серебро — тоже с неба не падают, а добываются трудом человека. Их добывает такой же рабочий, как ты. Разве мало нужно трудиться на приисках рабочему на то, чтобы промыть сотни пудов песку, из которого добудешь несколько золотников золота. Вот и дорого и золото и серебро, вот с чего и деньги дороги. Деньги, помните, имеют свою ценность все равно, что ситец и шерсть. Ценность денег это то, сколько труда потратит рабочий на прииске, на то, чтобы добыть золота и серебра, и потом на выплавку денег. Точно так же и всякая вещь стоит столько, сколько рабочий потратил на нее труда. Но почему за эту вещь дают столько-то денег? Потому что приисковый рабочий, который добывал золото и серебро для денег, потратил на эту добывку как раз столько труда, сколько другой рабочий, ну, хоть фабричный, потратил на то, чтобы сработать штуку ситца или сукна. Эта вещь, — 10 аршин сукна, что ли, — стоит 10 рублей, потому что фабричный над 10 аршинами сукна и приисковый рабочий для добывки серебра на 10 рублей трудились одинаково долго, положим, хоть 5 дней. Конечно, работа на прииске и фабричная работа — дело разное, но ведь на прииске и на фабрике трудились люди и трудились одинаково много — 5 дней. 10 аршин сукна стоит 5 дней работы, а серебро в серебряных целковых стоит 5 дней. Потому и 10 аршин сукна стоит 10 рублей серебром. Одинаковый труд — одинаковая ценность. Теперь мы знаем довольно для того чтобы сказать, откуда берет свою прибыль хозяин. Положим, ты работаешь на фабрике в день 15 часов. Все число ситцу, которое ты сработаешь за это время, будет стоить 15 часов работы. Но рабочий на прииске, работая 15 часов, добывает серебра, положим, хоть на два рубля серебром. Стало быть, сработанный тобой в день ситец и будет стоить 2 рубля, потому что работали одно и то же время. Значит, хозяин твой и продает

ситец, сработанный тобою в день, за 2 рубля[1]. Но ведь не евши ты работать не можешь и не можешь ты жить на чистом воздухе. Нужна пища и квартира и т. д. Все это будет тебе стоить в день, положим 1 рубль. Что это значит? Что на производство и на доставку хлеба, капусты, мяса и т. д., покупаемых тобою, нужно затратить столько труда, сколько тратит рабочий на прииске, чтобы добыть серебра для одного рубля, т.-е., как сказано выше, 7½ часов. Значит, и ценность твоей пищи, за которую ты отдаешь 1 рубль серебра, равняется 7½ часам. Этот 1 рубль ты получаешь на содержание от своего хозяина, и этот рубль называется твоей заработной платой. Конечно, на самом деле, только заводский рабочий получает столько в день, а фабричный, пожалуй, и меньше. По-настоящему, значит, ты должен был бы отработать своему хозяину этот рубль в 7½ часов. Но хозяин так скоро с фабрики тебя не отпустит, потому что тогда ему не будет никакого барыша. В 7½ часов ты отработал бы ценность одного рубля серебром, т.-е. ценность твоей заработной платы, и прибыли бы твоей хозяин не получил. Но он продержит тебя не 7½, а 15 часов. Ценность сработанного тобой за это время ситцу и будет равна 15 часам: а так как рабочий на прииске за 15 часов добудет серебра, как мы положили раньше, для двух серебряных рублей, то хозяин твой продаст сработанный тобою в течение всего твоего рабочего дня, ситец за 2 рубля. Но ты получишь от него только рубль. Подобно барину, он взял от тебя половину твоего труда даром. Ведь ты трудишься в день целых 15 часов, а отрабатываешь твою рублевую заработную плату в 7½ часов, потому что стольких часов труд стоит 1 рубль, получаемый тобою от хозяина. Значит, остальные 7½ часов в день ты отдаешь задаром твоему хозяину, и от них-то он и получает в день 1 рубль. Каждый день, стало быть, ты отдаешь хозяину полдня, а в шесть рабочих дней отдаешь 6 раз полдня, т.-е. целых 3 дня. Эти 3 рабочих дня составляют прибыль хозяина. Стало быть, рабочий такой же, на самом деле, крепостной человек, как и мужик, работавший 3 дня на барщине, а теперешний хозяин — все равно, что прежний барин.

В настоящий нумер не вошла еще статья «Хроника рабочей жизни». Надеемся, что в будущем улучшение технической стороны издания даст нам возможность пополнить и число статей каждого нумера. Рассчитываем на поддержку лиц сочувствующих.

---

[1] Мы после объясним как-нибудь, что и ценность материала для ситца, в свою очередь, измеряется трудом рабочего.

Издание Общества «Земля и Воля».

ЗЕРНО

РАБОЧИЙ ЛИСТОК

№ 2 1880 г.

4 ноября 1880 г. в 8 час. 10 мин. утра приняли мученический венец борцы за народное освобождение Александр Александрович Квятковский и Андрей Корнеевич Пресняков. Они умерли мужественно, с твердой верой, что их дело не погибнет и правда рано или поздно возьмет верх. И они не ошиблись! На место погибших бойцов станут сотни и тысячи других. Русский народ встанет, как один человек, против своих притеснителей и кровопийц! А имена этих мучеников с гордостью будут повторяться из уст в уста наряду с именами других мучеников, погибших за народное дело! Вечная слава мученикам и месть врагам!!

С.-Петербург, 1880 г. 1 декабря.

Правда везде одна и та же! И не за облаками она скрывается, не в шапке-невидимке гуляет по белу свету. Нет, ее можно узнать и понять! Надо только оглянуться кругом, вдуматься в свою жизнь и в общее дело всего рабочего трудящегося люда да посоветоваться с совестью, как общему горю пособить. Вспомните только, что не в одной нашей России рабочему люду живется плохо, что и в других странах работникам приходится так или иначе выступить против врагов своих: кулаков-фабрикантов, притеснителей-помещиков и поддерживающих эту братию крючкотворов-чиновников. Итак, если правда везде одна и та же, то и русский рабочий, если подумает о ней, как следует, найдет ее в том же, в чем находят ее рабочие других стран. Эта правда—освобождение рабочего народа—зовется с о ц и а л и з м о м, а себя лучшие люди всех стран, люди, ставшие за общее дело работников, отдавшие этому делу жизнь и

душу, готовые голову за него сложить, называют социалистами.

Об'ясним же, что такое социализм. Какой должен быть устроен порядок в обществе, чтобы рабочий человек жил не впроголодь, как ныне, а сытно и в довольстве, и чтобы один человек не обижал и не притеснял другого? Теперь трудящийся человек обогащает хозяина, служит ему рабочим скотом и изнуряется непосильной работой. Социалисты хотят, чтобы каждый, работая лишь столько, сколько на самом деле нужно для его потребностей, стал сам себе хозяином. Теперь рабочий и семья его не обеспечены и куском хлеба: сегодня ты не наелся досыта, а завтра тебе хозяин отказал от работы, и смотри—совсем с голоду гибнуть придется. Социалисты хотят, чтобы всякий, кто желает трудиться, был обеспечен от нужды. Теперь рабочих держат в невежестве и темноте. Социалисты хотят, чтобы свет учения и понимания проник в среду рабочих, чтобы и рабочие могли сделаться людьми образованными и толковыми. Теперь дети рабочих убиваются на фабриках и заводах непосильным трудом. Социалисты хотят, чтобы все дети учились в школах, пока не вырастут и не окрепнут для работы. Теперь рабочие приниженны и придавлены, не имеют никаких прав, и только ленивый не притесняет их. Социалисты думают, что все люди равны, и потому хотят, чтобы рабочие получили человеческие права наравне со всеми членами общества, чтобы никто не смел их обижать, чтобы они стали людьми свободными и независимыми. Теперь вся сила государства берется с крестьян и рабочих: из них вербуется войско, платежами и податями с них наполняется казна; но всем этим начальство распоряжается, не спрашиваясь народа, и даже прямо во вред народу. Социалисты хотят, чтобы крестьяне и рабочие стали хозяевами и гражданами в своей стране и чтоб судьбой ее заправляли их выборные излюбленные люди. Когда она может наступить, эта правда, сулящая всем работникам счастье и довольство? При нынешнем порядке далеко не все члены общества живут своим трудом, своим честно заслуженным заработком. Вот по этой причине тому, кто пропитывается своей работой, приходится больше работать на других, чем на себя. И посмотри-ка на барина—палец о палец не ударит, а в какой роскоши живет: дома великолепные, рысаками народ давит, раз'езжая по балам да по театрам! Рабочему со всей фабрикации прибыль—мозоли да спина горбатая, а капиталисту—брюхо толстое, жизнь развеселая да богатство. Но по справедливости не должно быть того, чтоб один работал на другого... Никто не имеет права жить даром, разве только больные, малые дети да старые старики. Жизнь никому даром не дается, и каждый должен сам в поте лица зарабатывать свой хлеб

насущный. Каждый здоровый и взрослый член общества должен взяться за какую-нибудь работу, чтобы с нее прокормиться. Тогда никому не будет надобности жить чужим трудом. И тогда лишь, когда люди все станут работать, они сделаются вполне честными и совестными! Подумайте, рабочие, кто кормит и содержит в роскоши богача? — Бедняк! Кто является благодетелем капиталиста? — Поденщик! Но рабочий идет работать на фабриканта не по своей доброй охоте, не пожеланию осчастливить кулака или помещика работает на его земле крестьянин-батрак... Их гонит необходимость, потому что, как известно, голод не тетка, нужда не сестра. У крестьянина мало земли своей, и вот ему приходится трудиться на чужой или уходить в город на заработки. У рабочего нет своих инструментов и вообще предметов нужных, чтобы с пользою применить свой труд, и вот он нанимается к фабриканту и работает для его выгоды больше, нежели для своей.

Но ведь земля не создана для Петра и Ивана, она создана одинаково для всех людей, желающих на ней трудиться. Земля принадлежит всему народу, и ею имеет право пользоваться всякий, кто желает ее обрабатывать своими руками. В старые-то времена земля на самом деле была собственностью всего народа, да завладели ею сильные и богатые люди сперва прямо грабежами, захватом, а потом эти же господа сами стали писать законы для всей страны. Ну, всем понятно, что никто сам себе не враг, и вот оказалась по этим барским и царским законам земля священной собственностью помещиков и мироедов. Разве круглый дурак не поймет, что правды в этом столько же, сколько в деревянном истукане, которому молится язычник!.. И такую же священную собственность составляют машины, заводы и фабрики и всякого рода капиталы — все это только предлог грабить рабочего и пользоваться его даровым трудом.

Рассудите сами! Вот, положим, ты ткач—есть у тебя и охота и уменье работать, да нет ни станка, ни машины. Тут ты хоть волком вой, а с пустыми руками ничего не поделаешь... И вот станешь работать за хозяйским станком, за это тебе пойдет плата такая, что еле хватит на прокормление, а весь излишек с твоей работы хозяин в карман спрячет. Но если бы не было нужды ни тебе, ни другому рабочему итти работать на хозяина, то он со своими машинами ничего не мог бы поделать, и капиталы бы ни к чему не пригодились ему. Сам он работать не хочет или не может, а ведь ни кредитных бумажек, ни звонкой монеты, ни паровой машины есть не станешь и сыт ими не будешь, разве только подавишься. Правда, за них можно купить с'естные припасы, да припасы-то сами не вырастут, надо, чтобы рабочий потрудился над

их производством. Значит, все машины и капиталы нужны хозяину для обирательства, а потому их следует отобрать в пользу трудящегося люда, которому они действительно послужат для работы. Да и подумайте, чьими руками созданы все эти машины и капиталы? Не капиталисты и хозяева трудились над ними, а созданы [они] упорным трудом бедняков-работников. Ваши отцы работали, чтобы создать капиталы, а сами всю жизнь остались бедняками, а дети их по сей день остаются бедняками, наемными работниками при этих капиталах. Вот почему фабрики и заводы должны перейти к самим рабочим; работники сами должны стать хозяевами своего труда и капитала. Иной, пожалуй, скажет: «Что же, что машину сработал или дом выстроил наш брат-рабочий? Ведь ему за это заплачено было деньгами, а машина осталась за хозяином!». Это-то правда, да сообрази-ка только, что платят рабочему: весь ли его заработок с его труда или нет? Конечно, нет—рабочий получает лишь столько, чтобы самому прокормиться да детей пропитать и взрастить из них опять будущих кормильцев хозяину. Ты, положим, неделю работал и сработал машину, которой цена 100 руб. Хозяин тебе в конце недели заплатит за твой труд, скажем, 10 руб. сер., а материал ему стоит уже со всеми другими издержками, ну, скажем, 25 руб. или 30 руб. сер. Всего, значит, он заплатил 40 руб., а получил чистого барыша 60 руб. сер. — все за твой труд, потому что материал всякий купит на базаре за те же 25 или 30 руб. сер. Вот как с труда рабочего накопляются капиталы у хозяина! Вот почему все капиталы, по справедливости, принадлежат рабочему. Да только никто из рабочих не может сказать: «вот эта машина принадлежит мне, и я с нею могу сделать, что хочу». Все капиталы созданы отцами и братьями нынешних работников для всего своего потомства, они составляют общее наследство, общее достояние.

Вот почему придется устроить следующий порядок, без спору самый лучший, какой только удалось придумать людям. Вся земля, заводы и фабрики—все будет принадлежать всему обществу; работать на них народ станет артелями, потому, всякому известно, работа сообща не в пример выгоднее, нежели работа в одиночку. Заправлять работами на каждом заводе или на каждой фабрике будут свои выборные мастеровые или старосты. Но вот о чем необходимо еще позаботиться: как бы не вышло так, что за одно производство возьмется слишком много людей, а за другое слишком мало, так что в одном предмете, скажем, в хлебе, получится избыток, а другого, примерно — сукна, окажется мало. Тогда сыт-то будешь, зато, может, нагишом щеголять придется.

Понятно, значит, почему очень важно, чтобы работа всех была рассчитана хорошо и точно по нуждам всего населения страны. А этого уже ни отдельный рабочий, ни отдельная артель сделать не может, они знают только свою работу. Это дело трудное, и его необходимо поручить людям, известным умом, опытностью и честностью—выборным с разных заводов, общин и местностей. Они будут уполномочены распределять все материалы и орудия труда по общему плану, по расчету. Все производство, все, что выработают в общинах и артелях, должно поступать в общие кладовые, а уже оттуда народные выборные, по мере надобности и за строгою отчетностью, станут распределять продукты между рабочими справедливо, по заработкам. Вот какой порядок самый лучший—никому здесь обиды нет. Нет здесь капиталиста, которому задаром идет львиная доля, и каждый получает полный заработок за свой труд.

Иному, кто никогда раньше не думал о таком порядке работы и уплаты за нее, порядок этот покажется очень уж дикованным. Чтобы лучше освоиться с тем, что сказано об этом порядке, надо припомнить какой-нибудь пример из нашей жизни, сколько-нибудь подходящий (хотя вообще-то наша жизнь нынешняя так же походит на будущий порядок, как дымная лучинка на светлое солнышко). Вот, крестьяне хутора Грековки Черниговской губ. и уезда, взявши в 1876 г. в аренду целым обществом имение, ввели общественную запашку, совместный сжон и обмолот, так что в раздел идут уже зерна и солома. Так они поступают и с сенокосом (в селении до 100 дес. пашни и сенокосу). Крестьяне находят свою систему и справедливой и удобной. Ни общий труд, ни дележ продуктов не подавали повода к недоразумениям и нареканиям.

И в других местах бывали примеры такого рода. Есть у нас на Руси артели (куда не затесался еще кулак-пройдоха), которые справляют дела сложные, где требуется много рабочих сил. Каждый работник делает свое дело по указанию и распоряжению выборного старосты. А кончат работу, рассчитаются между собою и разделят заработки по труду каждого. Вот подобную артель будут составлять все работники при будущих порядках, только будет эта артель далеко покрупнее да побогаче. Всякий поймет, что запрячь в одну телегу волка и лошадь нельзя, и потому при будущих порядках нынешнему правительству не будет места, не подойдет оно, значит, к нему, а все власти будут свои, выборные. Внутренними распорядками каждого завода, каждой фабрики, сельской общины или целой местности, округа будут заведывать мир, собрание или местные выборные. А где дело коснется всего

народа, чтобы, значит, вести дело между общинами и артелями, или с другими странами, чтобы, значит, управлять всей страной, надо будет из каждой местности послать гласных или ходоков-доверенных в общую думу, которая и будет общенародными делами править. Особенно этим выборным надо будет заботиться, чтоб все дети одинаково учились в хороших и правильно устроенных школах, потому что, если все будут образованными, то никто себя в обиду не даст. Вот когда правда станет царить на земле! Эта правда наступит, когда:

1) Все будут работать, и никто не останется праздным. 2) Земля, фабрики, заводы и капиталы будут принадлежать всему рабочему народу. 3) Работа будет производиться сообща—артелями, по общему плану, а продукты из общих кладовых справедливо распределяться между работниками. 4) Отдельные люди, артели и общины будут вполне свободны во всем, что не касается интереса других общин и лиц. 5) Все должности будут заняты выборными от всего населения, которых можно сместить, как только окажутся ненадежными. 6) Все дети будут одинаково воспитываться и обучаться.

Вот что называется социализмом! За такой порядок стали рабочие во всех странах Европы. За этот порядок борются и русские социалисты. За это русское правительство ссылает и заточает по тюрьмам, отправляет на каторгу и вешает лучших людей русской земли, истинных друзей народа. Но правды не задушить, рано или поздно она возьмет верх! Русский народ станет за нее крепко, грудью и раздавит орду мироедов и кулаков с ненавистным правительством во главе, как триста лет тому назад он сбросил иго татарской орды. Как повести борьбу и как добиться лучших порядков в жизни, об этом еще у нас будет речь впереди.

О ДОРОГОВИЗНЕ И ЗНАЧЕНИИ БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ

В настоящее время дороговизна дает знать себя повсюду. Конечно, этому есть свои причины, даже несколько причин. Вот об одной-то из таких причин мы и хотели поговорить. Конечно, прежде всего дороговизна происходит от того, что жизненные припасы—хлеб, мука, масло, картофель и т. п.—требуют теперь для своего производства больше человеческого труда, чем нужно было раньше. Главным образом, это стало оттого, что обеднел русский мужик, который сеет хлеб, бьет масло, сажает картофель. С каждым годом подати все увеличиваются, а земли не прибавляется. На уплату податей нужны во что бы то ни стало деньги, а по-

тому крестьянин всячески старается добыть себе их. Он скупится на самые необходимые расходы, хлеба для посева оставляет мало, больше же продает на сторону, земли удобрять не удобряет, потому что для этого нужен хоть навоз, а скота у мужика мало. Часто последних коров да лошадей за подати сводят у него со двора. Земля стала плохо рожать, истощилась без удобрения, и вот русский мужик гораздо больше прежнего мается над плохой полосой земли. Неурожай-то, стало быть, является прямо по вине тех, кто силой выколачивает с мужика подати. Этот неурожай будет все увеличиваться, если будут увеличиваться подати. Ведь мужику впору не об удобрении земли думать, не скот разводить, а только как бы подати уплатить. И с каждым годом все хуже рожает истощенная земля, все больше мается над ней мужик, и все дороже становится хлеб, картофель и т. п. Но не от одной этой причины дорого стало все. Цены повысились еще потому, что русские бумажные деньги подешевели. Ведь русский-то кредитный рубль ценится теперь немного больше половины прописанной на нем цены. Только слава, что рубль, а всего-то гривен шесть он стоит. За границей за него больше и не дают. А у нас (кроме как на бирже) хочешь, не хочешь, а принимай его за рубль. Поневоле стала подниматься цена на все. Сообразите-ка вот что. Положим, что хлебный торговец одну часть хлеба отправил в иностранные земли, а другую продал здесь. За границей ему назначат цену, положим, хоть по 10 руб. за четверть (перевозки и доставки мы не считаем, на этом продавец всегда выручит свое, сколько ему самому обошлось) настоящими, то-есть золотыми, а не бумажными деньгами. Выгодно купцу—станет он продавать свой хлеб за границей и русским он дешевле не уступит. Но ведь мы с вами золотом ему не будем платить. Ведь у нас за деньги идут «государственные кредитные билеты». Однако вот беда-то! Тут купец нам и скажет, что меньше 16 руб. бумажками он с нас за четверть не возьмет. Ведь ему иностранцы 10 руб. золотом платят, а на 10 таких рублей можно купить на бирже 16 русских бумажных рублей, потому что за наш рубль заплатят только шесть гривен. С какой же стати купец возьмет с нас за четверть 10 руб. бумажками, когда за границей дадут ему за четверть 16 руб. золотом, а за такие 10 руб. он купит наших 16 бумажных рублей? Вот и придется нам платить 16 рублей бумажками. Таким образом купец повысит цену хлеба, чтобы не получить убытку от дешевизны русских бумажных денег. Но отчего же подешевели русские деньги? Настоящие золотые деньги стоят, подобно всякому другому товару, как было говорено, столько, сколько чело-

веческого труда потрачено на добывание из земли золота и на выплавку его. Но бумажные деньги—дело другое. Золота промывается на приисках немного, оттого оно и дорого стоит. Но бумаги ты можешь сделать сколько угодно: лишь бы тряпья хватило, а этого добра нам не занимать стать. Труда на выделку бумаги на бумажных фабриках или в экспедиции, где делаются бумажные деньги, тратится теперь, по сравнению с золотом, очень мало. Оттого бумаге, что называется, грош цена. А между тем на ней пишут: «государственный кредитный билет во столько-то рублей». Отчего же получает такую цену грошевая бумага? А вот отчего. Подумайте, что значит слово «кредитный». Кредит значит доверие, кредитором называется тот, кто дает взаймы деньги другому. Ну, а кто берет взаймы деньги, называется должником. При этом должник пишет на свое имя бумагу, называемую векселем, по которой он обязуется платить кредитору взятую им сумму с процентами. Кредитный государственный билет и есть такой именно вексель, который русское правительство выдает на себя. На русском билете даже прописано на обороте обещание уплатить по этому векселю всякому, у кого он будет в руках, известную сумму золотом или серебром. Там написано так: «пред'явителю сего выдается из разменного фонда столько-то рублей золотою или серебряною монетою». Про проценты мы не говорим, потому что их по кредитным билетам не платят. Но все-таки такие билеты—это векселя или расписки правительства; так богатый купец, которого все знают, может пускать свои расписки, и по всей округе их будут принимать за деньги, потому что на самом деле за каждую расписку можно получить деньги. Хороший должник исправно платит по своим векселям. Его векселя могут ходить все равно, что золото. Но у плохого должника, очень задолжавшего или недобросовестного, векселя берутся неохотно. Как ему можно поверить деньги под вексель, когда он плохо платит? Если он и вовсе платить не станет, что с ним ты тогда поделаешь? Ровно ничего, а вексель-то—простая бумага, не золото ведь. Векселя такого должника продаются очень дешево: каждый старается их спустить с рук. Потому, неровен час: ну, как должник об'явит себя банкротом! Оттого на таких сомнительных векселях может быть написано обязательство об уплате 1.000 руб., а за них еле-еле 500 руб. дадут. Это всегда бывает, когда купец надает на себя много векселей, позаберет в долг много денег, а под рукой для уплаты ничего не имеет. Сегодня ему пред'явили вексель, он хвать-хвать, под рукой денег нет, платить нечем, ну и берет под другой вексель у другого лица для расплаты по векселю, которому пришел срок. А назавтра придет к нему новый кредитор, опять

делай новый заем у третьего лица. И целую жизнь тянет недобросовестный должник эту канитель, пока не обанкротится. То же самое делает наше правительство. Взяло оно и берет у нас немало труда на содержание войска, флота, на дворцовые расходы, тратит их безумно, чорт знает на что, платит же оно нам за то своими векселями—бумажными деньгами. А поди, сунься с этими векселями в разменную государственную кассу, попроси, чтобы тебе, по обещанию, уплатили за бумажку, сколько на ней написано золотом, настоящими деньгами. С чем пришел, с тем и уйдешь: «не выдают»—скажут тебе. Попросту говоря, у должника платить нечем. Пойдешь ты после такого ответа в меняльную лавку. Тебе там за красненькую бумажку и заплатят 6 руб. золотом. Значит, 4 руб. вылетели у тебя из кармана за то, что ты поверил правительственному обещанию, подписанному Ламанским. Все равно, как при банкротстве должника, получишь за рубль 60 коп., за 10 руб. 6 руб. А как не брать тебе кредитного билета? Ведь он у нас обязательно заместо настоящих денег ходит. Все дело в том, что мы не знаем, сколько векселей выдал на себя наш должник, т.-е. сколько государственных кредитных билетов выпустило правительство. А выпустило оно, верно, много: недаром же не разменивает правительство своих бумажек на золото. Значит, нехватило у него настоящих золотых денег для уплаты по своим векселям. Меняла же за этот вексель тебе дает полцены. Не хочешь менять, плати бумажками за все дороже. Мало стоят эти бумажки; ведь недаром за 1 рубль шесть гривен дают. Да что делать? Единственное средство, чтобы этого не было, это чтобы каждый кредитор получше узнавал о делах своего должника. Нельзя допустить, чтобы самозванное правительство без ведома и позволения народа выпускало свои векселя. Довольно уже это правительство хозяйничало в чужих карманах. А то ни хлеб, ни картофель, ни мясо не подешевеют, а с каждым годом будут дорожать от хлебного неурожая да от бумажного урожая. И хлебный неурожай от правительства, потому что, как сказано, оно истощает мужика податями, а тот истощил землю, да и бумажный урожай тоже от правительства. В благодарность за это мы должны платить вместо 3 по 5 коп. за 1 ф. хлеба, а нередко попросту умирать с голоду, грызя кору да жолуди. Можно ли иметь доверие к должнику, который так долго морит нас?

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Не по столбовой дорожке, а по извилистой тропинке плетется жизнь наша на святой Руси! Поросла ты, тропиночка, тер-

новником, шипами колючими да иглами острыми. Господам, заправителям русской земли, людям богатым и чиновникам — это ничего, потому ходить им когда приходится?—все больше на чужих спинах ездят, а вот бедняку-работнику плохо — все бока изорвали те иглы да колючки. В самом деле, что ни год, все хуже становится. В прошлом году во многих местах был неурожай, голод, кой-где чума гостила; в нынешнем — каких только бедствий не было: и саранча, и жучки, и червяки, и эпидемия, и язва, и чума на скоте, а главное неурожай повсеместный. Трудно теперь сыскать по всей России такое место, где народ бы не голодал. По деревням голод—есть нечего. В городах работы нет—сотнями и тысячами рабочих рассчитывают и выбрасывают их на улицу мерзнуть и голодать. Конечно, с одним, с двумя неурожаями народ кое-как справился бы, если бы не разорили его вконец обирательства кулаков да поборы да прижимки, притеснения правительства. Слишком привык горе терпеть русский народ; но теперь совсем стала невтерпеж такая жизнь. И стали недовольство и ропот проникать в народ. У правительства нюх на это тонкий, что у собаки гончей. И вот поторопились немного народ подмаслить, значит, глаза отвести; потому, знает кошка, чье сало слопала. И сложили акциз с соли. Хоть подарок-то этот и не ахти какой—все и акциз доставлял казне 10 или 12 миллионов в год, на человека, значит, приходится по 15 коп. в год, а на семью около рубля; но в другое время и это бы недурно—не так жалко подсыпать соли на хлеб или во щи... а теперь-то что станешь с солью делать, коли хлеба нет? Ведь соль—не сахар: голодному ребенку не заткнешь ею глотки: на, мол, соси! Да сам тоже без приправы грызть не станешь... А главное, известно, что русское правительство одной рукой дает, а другой отнимает — не осмотришься, как то на одном, то на другом надбавляет платежей, вот, и будет тебе выигрыш. А кроме правительства есть и другие охотники понадуть простого человека и обобрать его. Даже голодом народным и то сумели воспользоваться ловкие люди. Судите сами, а мы расскажем, какие случаи бывают на святой Руси. Больше всего дает себя знать голод по Волге. Вот, в Саратовской губернии и в соседних с нею местах. Во многих местах совсем есть нечего, а если где и есть хлеб, так такой, что надо диву даться, как это только люди его едят. Кусок такого хлеба, присланный нарочно в здешние газеты, — и вот как описывают это лакомство: «По наружному виду присланный кусок мало похож на с'едобное вещество; это какая-то серо-бурая масса, напоминающая своим видом скорее кусок навоза, смешанного с песком, и только по запаху можно догадаться о присутствии в этой массе также

и муки. Вкус этот хлеб имеет весьма противный, на зубах сильно хрустит». «Серьезно, питаться таким хлебом нет возможности, не подвергаясь медленной смерти... Если и не последует голодной смерти среди сельского населения в охваченном несчастием крае, то каковы силы у тех, которые переживут, в особенности у молодого поколения» («Нов. Вр.» № 717). Конечно, в виду такой нужды отыскались благодетели, которые будто бы взялись помочь от голода, стали собирать средства, скупать хлеб, раздавать его и продавать по дешевой цене. И что же? Вот из того же Саратова пишут: «Уполномоченные городом Вольском для закупки хлеба гг. Губащов и Меркульев привлекаются к судебной ответственности по обвинению в злоупотреблениях при покупке хлеба». А еще Аткарская городская управа и городской голова обличены ревизионной комиссией в разных злоупотреблениях («Гол.» № 336). Что, хороши благодетели? Надейся на них, как на гору каменную! А вот и еще примеры. Рожь больно дорога, и стали опять для пользы мужика подбавлять к ржаному хлебу картофель. Бедняк и рад, потому что за фунт хлеба с примесью надо заплатить меньше, нежели за фунт чистого ржаного хлеба. Но в этом-то и есть надувательство! Вот доктор в Воронеже в думе докладывал, что если с'есть фунт ржаного хлеба, то будешь так же сыт, как когда с'ешь 1½ фунта с картофелем (в последнем, значит, меньше силы питательной). А в цене разница такая: за фунт ржаного хлеба заплатишь 2⅓ коп., за 1½ фунта картофельного заплатишь 2½ коп. («Гол.» № 325). И тут наровят ловкие обиратели лишек с тебя содрать. Вот, истинно, собачья совесть—последний кусок изо рта у голодного отнимают! Но есть господа, которым и этого мало; мало последнюю рубашку с рабочего стянуть. Вот хоть распрекраснейшее начальство Великолуцкого уезда Псковской губ. Нынче, видите ли, дичь стала в редкость, и вот, благородиям вздумалось поохотиться на мужиков. Было дело так. В село Щетинино наехало начальство описывать скот за недоимку соседнему барину. После, на суде-то, раз'яснилось, что и недоимка была неправильно насчитана, да и опись производилась совсем не так, как следует по закону. Бабы упирались: не давали скота. Урядники стали бить и толкать баб. За баб, известно, вступились мужики. Но никто еще не успел тронуть пальцем кого-нибудь из начальства, как командовавший ватагою пристав Нелединский выхватил револьвер и давай стрелять мужиков. Сам-то с компанией удирает, а стреляет направо и налево во всякого встречного и поперечного, хотя никто за ним и не гнался. Убил он таким образом старосту сельского наповал, а двух мужиков ранил и изувечил на всю жизнь. И чем же кончилось дело? Известно, рука руку

моет. И во всем кругом виноватыми остались крестьяне же. Заковали их в цепи, бросили в тюрьму, а недавно в кандалах и на суд представили. Суд оказался милостивым, не повесил мужиков за бунт, а только присудил еще продержать их в тюрьме. Потому, хоть мужик тут и ни при чем, да нельзя над ним не показать строгости—избалуется. А пристав Нелединский и до сих пор себе гуляет на воле. Никто его и не притянул к суду. Потому, что же, если он загубил несколько человек,—его благородие изволил охотиться.

Долго ли русский народ станет сносить подобные безобразия? Неужели чаша терпения его еще не переполнилась? Пора же понять, что не разные проходимцы, а сам народ—крестьяне и рабочие должны хозяйствовать в своей стране. Надо выступить на бой—хуже не будет. Потерять голодному человеку нечего, а выиграть он может все. Ведь находятся же среди рабочих охотники расправляться с мастерами ненавистными. Так надо же понять, что со всеми мастерами в отдельности не справиться. Да и мало толку в этом для себя и для других. А вот надо порешить с теми порядками, что дают возможность всякой гадине запускать свое жало в рабочего трудящегося человека!! Только тогда рабочий человек вздохнет свободно!!

Вот мы еще, братцы, расскажем вам, как «граф Бобринский бунт среди крестьян учинил». Было дело так. В Моск. губ.[1], Епифанск[ого] уезда, с. Люториче, помещик граф Бобринский и управляющий его Фишер такую механику устроили для грабежа и обирательства крестьян, что беда. Удивительно только, как это их еще прямо в министры царские не назначили за их мудрость. Собрали они с крестьян разные недоимки, да платежи, да оброки, наложили на них всякие штрафы и вытянули с них все до ниточки, так что потом и брать нечего было. А помещик с управляющим все не унимаются, добывают они исполнительные листы . . . . .[2] два раза. Вот крестьяне и . . . . . [2], значит, сопротивление властям . . . . . [2], посадили в тюрьму, а потом и на суд барский представили. Ну, судьи, хоть и разобрали, что его сиятельство с управляющим мошенники и простые грабители, но осудили крестьян же. Потому, опять-таки, как бы простой народ не избаловался, да в правду [не] взялся за ум, против бар да начальства не встал бы. Всех крестьян судилось 34 человека; многих из них и обвинить-то ни в чем нельзя было—подержали, подержали в

[1] Так в подлиннике.
[2] Совершенно вылцветшие места.

тюрьме да и отпустили домой. И что же, братцы, нашелся ведь и у них благодетель—этот самый граф Бобринский: прислал им денег на дорогу. Мужики, конечно, отказались взять их, плюнули на его милостыню: «спасибо, мол, тебе, ваше сиятельство, и так много довольны остались твоей милостью, сыты по горло!»

Об этом деле мы еще поговорим, братцы, в следующий раз.

Издание Общества «Земля и Воля».

ЗЕРНО

РАБОЧИЙ ЛИСТОК

№ 3 Июнь 1881 г.

Цена 3 коп.

С.-Петербург, 1 июня 1881 г.

Правда везде одна и та же. И не за облаками она скрывается, не в шапке-невидимке гуляет по белу свету. Нет, ее можно и узнать, и понять. Надо только оглянуться кругом, вдуматься в свою жизнь и в общее дело всего рабочего трудящегося люда да посоветоваться с совестью, как общему горю пособить. Вспомните только, чот не в одной нашей России рабочему люду живется плохо, что и в других странах работникам приходится так ли, иначе ли выступить против врагов своих, кулаков-фабрикантов, притеснителей-помещиков и поддерживающих эту братию крючкотворов-чиновников.

Итак, если правда везде одна и та же, то и русский рабочий, если подумает о ней, как следует, найдет ее в том же, в чем находят ее рабочие других стран. Эта правда—освобождение рабочего народа—зовется с о ц и а л и з м о м, а себя лучшие люди всех стран, люди, ставшие за общее дело работников, отдавшие этому делу и жизнь и душу, готовые голову за них сложить, называют с о ц и а л и с т а м и. Об'ясним же, что такое с о ц и а л и з м. Какой должен быть устроен порядок в обществе, чтобы рабочий человек жил не впроголодь, как ныне, а сытно и в довольстве, и чтобы один человек не обижал и не притеснял другого? Теперь трудящийся человек обогащает хозяина, служит ему рабочим скотом и изнуряется непосильной работой. Социалисты хотят, чтобы каждый, работая лишь столько, сколько на самом деле нужно для его потребностей, стал сам себе хозяином. Теперь рабочий и семья его не обеспечены и куском хлеба: сегодня

ты не наелся досыта, а завтра тебе хозяин отказал от работы, и смотри—совсем с голоду гибнуть придется. Социалисты хотят, чтобы всякий, кто желает трудиться, был обеспечен от нужды. Теперь рабочих держат в невежестве и темноте. Социалисты хотят, чтобы свет учения и понимания проник в среду рабочих, чтобы и рабочие могли сделаться людьми образованными и толковыми. Теперь дети рабочих убиваются на фабриках и заводах непосильным трудом. Социалисты хотят, чтобы все дети учились в школах, пока не вырастут и не окрепнут для работы. Теперь рабочие принижены и придавлены, не имеют никаких прав, и только ленивый не притесняет их. Социалисты думают, что все люди равны и потому хотят, чтобы рабочие получили человеческие права наравне со всеми членами общества, чтобы никто не смел их обижать, чтобы они стали людьми свободными и независимыми. Теперь вся сила государства берется из крестьян и рабочих: из них вербуется войско, платежами и податями с них наполняется касса; но всем этим начальство распоряжается, не спрашиваясь народа, и даже прямо во вред народу.

Социалисты хотят, чтобы крестьяне и рабочие стали хозяевами и гражданами в своей стране, и чтобы судьбой ее заправляли их выборные излюбленные люди.

Когда она может наступить, эта правда, сулящая всем работникам счастье и довольство?

При нынешних порядках далеко не все члены общества живут своим трудом, своим честно заслуженным заработком. Вот по этой причине тому, кто пропитывается своей работой, приходится больше работать на других, чем на себя. И посмотри-ка на барина—палец о палец не ударит, а в какой роскоши живет: дома великолепные, рысаками народ давит, раз'езжая по балам да по театрам. Рабочему со своей фабрикации прибыль—мозоли да спина горбатая, а капиталисту—брюхо толстое, жизнь развеселая да богатство.

Но, по справедливости, не должно быть того, чтоб один работал на другого... Никто не имеет права жить даром, чужим трудом, разве только больные, малые дети да старые старики. Жизнь никому даром не дается, и каждый должен сам в поте лица зарабатывать свой хлеб насущный. Каждый здоровый и взрослый член общества должен взяться за какую-нибудь работу, чтобы с нее прокормиться.

Тогда никому не будет надобности жить чужим трудом. И тогда лишь, когда все люди станут работать, они сделаются вполне честными и совестными. Подумайте, рабочие, кто кормит и содержит в роскоши богача?—Бедняк. Кто является благоде-

телем капиталиста?—Поденщик. Но рабочий идет работать на фабриканта не по своей доброй охоте, не пожеланию осчастливить кулака или помещика работает на его земле крестьянин-батрак... Их гонит необходимость, потому известно, голод—не тетка, нужда—не сестра. У крестьянина мало земли своей, и вот ему приходится трудиться на чужой или уходить в город на заработки. У рабочего нет своих инструментов и вообще предметов нужных, чтобы с пользою применить свой труд, и вот он нанимается к фабриканту и работает для его выгоды больше, нежели для своей. Но ведь земля не создана для Петра или Ивана, она создана одинаково для всех людей, желающих на ней трудиться. Земля принадлежит всему народу, и ею имеет право пользоваться всякий, кто желает ее обрабатывать своими руками. В старые-то времена земля на самом деле была собственностью всего народа, а потом эти же господа стали сами писать законы для всей страны. Ну, всем понятно, что никто сам себе не враг, и вот оказалась по этим барским и царским законам земля священною собственностью помещиков и мироедов. Разве круглый дурак не поймет, что правды в этом столько же, сколько в деревянном истукане, которому молится язычник... И такую же священную собственность составляют машины, заводы и фабрики и всякого рода капиталы—все это только предлог грабить рабочего и пользоваться его даровым трудом. Рассудите сами. Вот, положим, ты ткач, есть у тебя и охота и уменье работать, да нет ни станка, ни машины. Тут хоть волком вой, а пустыми руками ничего не поделаешь... И вот станешь работать за хозяйским станком, за это тебе пойдет плата такая, что еле хватит на прокормление; а весь излишек с твоей работы хозяин в карман спрячет. Но если бы не было нужды ни тебе, ни другому рабочему итти работать на хозяина, то он со своими машинами ничего не мог бы поделать, и капиталы бы ни к чему не пригодились ему. Сам он работать не хочет или не может, а ведь ни кредитных бумажек, ни звонкой монеты, ни паровой машины есть не станешь и сыт ими не будешь, разве только подавишься. Правда, за них можно купить с'естные припасы, да припасы-то сами не вырастут, надо, чтоб рабочий потрудился над их производством.

Значит, все машины и капиталы нужны хозяину для обирательства, а потому их следует отбирать в пользу трудящегося люда, которому они действительно послужат для работы. Да и подумайте, чьими руками созданы все эти машины и капиталы. Не капиталисты и хозяева трудились над ними, а созданы упорным трудом бедняков-работников. Ваши отцы работали, чтобы создать капиталы, и сами всю жизнь

оставались бедняками, а дети их по сей день остаются бедняками, наемными работниками при этих капиталах.

Вот почему фабрики и заводы должны перейти к самим рабочим; работники сами должны стать хозяевами своего труда и капитала.

Иной, пожалуй, скажет: «что же, что машину сработал или дом выстроил наш брат рабочий. Ведь ему за это заплачено было деньгами, а машина осталась за хозяином». Это-то правда, да сообрази-ка только, что хозяин платит рабочему: весь ли заработок с его труда или нет. Конечно нет, рабочий получает лишь столько, чтобы самому прокормиться да детей пропитать и взрастить из них опять будущих кормильцев хозяину. Ты, положим, неделю работал и сработал машину, которой цена 100 рублей. Хозяин тебе в конце недели заплатит за твой труд, скажем, 10 рублей серебром, а материал ему стоит уже со всеми другими расходами, ну, скажем, 25 рублей или 30 рублей серебром. Всего, значит, он затратил 40 рублей, а получил чистого барыша 60 рублей серебром,—все за твой труд, потому что материал всякий купит на базаре, за те же 25 или 30 рублей серебром.

Вот как с труда рабочего накопляются капиталы у хозяина. Вот почему все капиталы, по справедливости, принадлежат рабочему. Да только никто из рабочих не может сказать: «вот эта машина принадлежит мне, и я с нею могу сделать, что хочу». Все капиталы созданы отцами и братьями нынешних работников для всего своего потомства, они составляют общее наследство, общее достояние.

Вот почему придется устроить следующий порядок, без спору самый лучший, какой только удалось придумать людям.

Вся земля, заводы и фабрики—все будет принадлежать всему обществу, работать на них народ станет артелями, потому всякому известно, работа сообща не в пример выгоднее, нежели работа в одиночку. Заправлять работами на каждом заводе или на каждой фабрике будут свои выборные—мастеровые или старосты.

Но вот о чем необходимо еще позаботиться: как бы не вышло так, что за одно производство возьмется слишком много людей, а за другое слишком мало, так что в одном предмете, скажем, в хлебе, получится избыток, а другого, примерно, сукна, окажется мало. Тогда сыт-то будешь, зато, может, нагишом щеголять придется. Понятно, значит, почему очень важно, чтобы работа всех была рассчитана хорошо и точно по нуждам всего населения страны. А этого уже ни отдельный рабочий, ни отдельная артель сделать не может, они знают только свою работу. Это дело трудное, и его небходимо поручить людям известным умом, опытностью и

честностью—выборным с разных заводов, общин и местностей. Они будут уполномочены распределят все материалы и орудия труда по рабочим артелям, а рабочие силы—по разным производствам, как следует по общему плану, по расчету. Все производство, все, что вырабатывают в общинах и артелях, должно поступать в общие кладовые, а оттуда народные выборные, по мере надобности и за строгою отчетностью, станут распределять продукты между рабочими справедливо, по заработкам. Вот какой порядок самый лучший—никому здесь обиды нет. Нет здесь капиталиста, которому задаром идет львиная доля, и каждый получает полный заработок за свой труд.

Иному, кто раньше никогда не думал о таком порядке работы и уплаты за нее, порядок этот покажется очень уж диковинным. Чтобы лучше освоиться с тем, что сказано об этом порядке, надо припомнить какой-нибудь пример из нашей жизни, сколько-нибудь подходящий. (Хотя вообще-то наша жизнь нынешняя так же походит на будущий порядок, как дымная лучинка на светлое солнышко.) Вот, крестьяне хутора Грековка, Черниговской губ. и уезда, взявши в 1876 г. в аренду целым обществом имение, ввели общественную запашку, совместный сжон и обмолот, так что в раздел идут уже зерна и солома. Так они поступают и с сенокосом (в имении до 100 дес. пашни и сенокоса). Крестьяне находят свою систему и справедливой и удобной. Ни общий труд, ни дележ продуктов не подавали повода к недоразумениям и нареканиям.

И в других местах бывали примеры такого рода. Есть у нас на Руси артели (куда еще не затесался кулак-пройдоха), которые справляют дела сложные, где требуется много рабочих сил. Каждый работник делает свое дело по указанию, распоряжению выборного старосты. А кончат работу, рассчитаются между собою и разделят заработки по труду каждого. Вот подобную артель будут составлять все работники при будущих порядках, только будет эта артель далеко покрупнее да побогаче.

Всякий поймет, что запрячь в одну телегу волка и лошадь нельзя, и потому при будущих порядках нынешнему правительству не будет места; не подойдет оно, значит, к нему, и все власти будут выборные. Внутренними распорядками каждого завода, каждой фабрики, сельской общины или целой местности, округа будут заведывать мир, собрание или местные выборные. А где дело коснется всего народа, чтобы, значит, вести дела между общинами и артелями или с другими странами, чтобы, значит, управлять всей страной, надо будет из каждой местности послать гласных или ходоков-доверенных в общую думу, которая и будет

общенародными делами править. Особенно этим выборным надо будет заботиться, чтобы все дети одинаково учились в хороших и правильно устроенных школах, потому что, если будут образованными, то никто себя в обиду не даст.

Вот когда правда станет царить на земле.

Эта правда настанет, когда:

1. Все будут работать, и никто не останется праздным.

2. Земля, фабрики, заводы и капиталы будут принадлежать всему рабочему народу.

3. Работа будет призводиться сообща—артелями—по общему плану, а продукты из общих кладовых справедливо распределяться между работниками.

4. Отдельные люди, артели и общины будут вполне свободны во всем, что не касается интересов других общин и лиц.

5. Все должности будут заняты выборными от всего населения, которых можно сместить, как только они окажутся ненадежными.

6. Все дети будут одинаково воспитываться и обучаться.

Вот что называется социализмом. За такой порядок стали рабочие во всех странах Европы. За этот порядок борются русские социалисты. За это русское правительство ссылает и заточает по тюрьмам, отправляет на каторгу и вешает лучших людей русской земли, истинных друзей народа.

Но правды не задушить, и рано или поздно она возьмет верх. Русский народ встанет за нее крепко, грудью, и раздавит орду мироедов и кулаков с ненавистным правительством во главе, как триста лет тому назад он сбросил иго татарской орды.

Как повести борьбу и как добиться лучших порядков в жизни, об этом еще у нас будет речь впереди.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Всем известно, что делалось за последний месяц в городах Елисаветграде, Киеве, Одессе, Кишиневе, в местечках Смеле, Березовке, Броварах и во многих еще деревнях и селах тамошнего края. Невтерпеж стало рабочему люду еврейское обирательство. Куда ни пойдет он, почти повсюду наталкивается на еврея-кулака. Еврей держит трактиры и кабаки, еврей землю снимает у помещика и потом втридорога сдает ее в аренду крестьянину, он и хлеб скупает на корню, и ростовщичеством занимается, да притом дерет такие проценты, что народ прямо назвал их «жидовскими». «Житья от них нет», кричали из толпы киев-

скому генерал-губернатору, когда он приехал убеждать народ прекратить беспорядки, т.-е. остаться покорно и безропотно в прежнем положении. И не только все губернаторы, но и всякие другие чиновники, полицейские, войско, попы, земства, газетчики—все вступились за кулаков-евреев. Каждый из них делал это на свой образец. Губернаторы стали писать и расклеивать на заборах и стенах об'явления, что правительство охраняет личность и имущество евреев одинаково со всеми прочими гражданами, что «буяны» оскорбляют бога, который заповедал нам кротость и любовь ко всем ближним, без различия веры и племени, что они своими буйствами огорчили сердце нашего «доброго» царя, а про это им известно от самого государя. Все об'явления губернаторские кончаются угрозами, что с виновниками беспорядков будет поступлено по всей строгости законов. А что значит эта строгость законов, увидим ниже. Полицейские высматривали людей, которые были в толпе, арестовывали их, волокли в участок, да иной раз еще стаскивали воровским манером кое-что из разбитого еврейского имущества. Солдаты и казаки расправлялись посредством прикладов и нагаек. Газетчики и земцы забили тревогу: собственность в опасности, кричали они, потому что «грубая толпа» (как они обыкновенно выражаются), привыкши сама расправляться с евреями, примется потом за прочих фабрикантов, купцов, хозяев, помещиков, словом—расправится со всеми кулаками, какой бы веры они ни были, к какому племени ни принадлежали. Попы тоже пустились петь в своих проповедях ту же самую песню.

Не поспушался народ всех этих речей и угроз и принялся гнать от себя евреев, разбивать их имущество, что награбили они у народа же. «Это кровь наша», говорили крестьяне полицейским чиновникам, которые пришли забрать у них назад еврейское имущество.

Не удалось, однако, народу сделать что-нибудь на свою пользу. Всюду, где поднимался народ на евреев, нагоняли солдат и казаков, а эти уж расправлялись по-свойски: били народ ружьями и нагайками, хватали честных людей, как воров, вязали их и представляли в полицию к начальству. Кого отдали под суд и упекли в тюрьму и на каторгу, а других и без всякого суда беспощадно выдрали розгами там же в полиции. Бывало и так (в местечке Смеле), что сами солдаты с офицерами пороли прямо на улице, давали по 200 и 300 розг, не разбирая ни старого, ни малого, секли там же на улице одинаково как мужчин, так и женщин.

В Одессе один рабочий, вышедши из полицейского участка после сильной порки, подошел к толпе и об'явил, что вышла новая

бумага. «Кто грамотный, читай». Поднял потом рубаху и показал свою иссеченную спину. А какова бумага на твой взгляд, читатель? Ясно ли в ней прописано? Попробуем почитать. Может быть, и прочтем что-нибудь полезное для себя.

Не даром испугались за свою шкуру все русские кулаки-помещики, купцы-хозяева фабрик. На воре и шапка горит, гласит русская пословица. Всюду, где нет евреев, разве хорошо живется народу, разве место евреев не заступает там свой же брат—русский кулак? Разве не обирает он рабочий люд в кабаках и трактирах, не скупает хлеб крестьянский и его имущество, когда оно продается с аукциона за недоимку? Разве среди русских нет ростовщиков, которые дерут с бедных людей те же жидовские проценты? Ясно теперь, почему все русские хозяева и господа вместе с их царем, солдатами, полицией и чиновниками вступились за евреев.

За что же били одних только евреев? Да вы, братцы, приглядитесь повнимательнее к самим-то евреям, тогда вы увидите, что и среди евреев далеко не все богаты, что не все они кулаки. И между ними есть много бедняков, которые, так же, как и вы, в поте лица добывают хлеб свой, которых жмут кулаки и хозяева не меньше, чем вашего брата. За что же, спрашиваем мы, разорены бедные лачуги ремесленников-евреев, за что разграблены и уничтожены их скудные пожитки, что скоплены на трудовые гроши?

Пора понять рабочему люду, что кулак-хозяин не разбирает того, к какому племени он сам принадлежит, а к какому его жертва, пора народу убедиться, что христианская вера ничего не значит для его врагов, что столь же мало имеет она значения и для евреев-кулаков; они грабят своих одноплеменников одинаково, как и русских. Каждый волен исповедывать такую веру, какую приказывает ему его совесть и в какой он вырос. А что кто-нибудь родился немцем, а не русским, то как же можно обвинять его за это?

В 1863 году, во время польского восстания, крестьяне помогли русскому правительству против поляков. Они били польских помещиков, ловили их и представляли начальству. Правительство воспользовалось ненавистью русских крестьян к полякам. Бывали, правда, случаи, что крестьяне приводили к исправнику и русского барина, потому, мол, что приказано бить всех бар. Да этаких не гладили по головке за такие дела, а просто били по морде. Что же получили крестьяне? Какая для них выгода произошла от того, что они шли против поляков, а не против всех помещиков вообще? Почитай, всем известно, что землю, отобранную от поляков, роздали царским слугам и чиновникам, а мужи-

кам только кукиш показали. И сидят на месте польских «панов» русские баре, и дерут с мужиков не меньше прежних господ.

Отбросьте же вражду к иноплеменникам и иноверцам. Помните, что все трудящиеся, какой бы религии и нации они ни были, должны соединиться, чтобы действовать сообща против общего врага. Враг еще слишком силен. Не тратьте же своих сил понапрасну, не враждуйте, на утеху кровопийцам народным, с рабочими другого племени, хотя бы то были даже евреи. Лучшие рабочие в других странах давно уже поняли это и составили для борьбы с капиталом международное товарищество рабочих. В это товарищество входят членами рабочие всех народов в Европе и Америке. Только русских там еще нет до сих пор.

Мы видели, как враги наши поднялись все разом друг за дружку, не разбирая ни племени, ни веры. А как действовал рабочий люд? Начнут в Елисаветграде, а в других местах в это время молчат. Разгонят рабочих солдаты, тогда лишь нападают на евреев в других местах. Те же елисаветградские солдаты идут туда и производят усмирение. Всюду рабочий люд действовал не в одно время, а в раздробь, врассыпную. А врагу народному это на руку. Нужно, стало быть, заранее сговориться, чтоб действовать сразу всем. При согласии народ представит такую силу, что никому против него не устоять. А когда среди народа рознь, так его, как соломинку, сломят. Да к тому же нужно ясно знать, что именно делать, чего требовать. Какой толк вышел с того, что уничтожили еврейское имущество? Если народ хочет избавиться от всякой кабалы, так для этого ему недостаточно разорить хозяйское и господское добро, он должен завладеть землею и фабриками, сменить всех царских слуг и чиновников, а на их место везде, где нужно, посадить своих людей: тогда только народ сам будет распоряжаться своей судьбой. Войско царское должно быть распущено, потому что оно всегда билось и будет биться за царя и господ против народа. На место его должно быть составлено войско народное, ополчение, которое будет состоять под начальством выборных народа; солдаты тогда не будут забывать, что они—те же крестьяне, мужики, и что их священный долг—защищать интересы народа.

При таком только порядке народ будет иметь возможность поступать, как он захочет, по справедливости; не придется ему тогда читать таких бумаг, какую прочли одесские рабочие на иссеченной спине своего же брата, рабочего.

ЗА КОГО ЦАРЬ

Рассказ

На заводе пошабашили; идет получка. Спустя несколько времени, толпа рабочих прямо с завода с шумом и гамом ввалилась в портерную. Через минуту в портерной стоял дым коромыслом. Крики: «пару пива», «а нам „дедушку", Иван Сидорыч» то и дело раздавались по портерной. Двое мальчуганов-подручных засуетились и быстро зашныряли с бутылками и стаканами, а сам хозяин, Иван Сидорыч, толстый с лоснящимся от жира лицом, умильно улыбаясь, хлопотливо распоряжался за прилавком.

Поодаль от других, за небольшим столиком, уселись двое рабочих и потребовали себе бутылку пива. Один из них, Василий, годов сорока, был видный из себя, коренастый мужчина, лет двадцать уже мыкавшийся по фабрикам и заводам Питера. Товарищ его, молодой парень, всего месяцев пять как приехавший из деревни в Питер на заработки (дома-то, в деревне, жевать нечего было, а тут еще староста пристает с податью, стращает последнюю лошаденку продать,—ну, как не уехать), был земляк Василия и служил на одном с ним заводе чернорабочим.

— Ты чего, Егор, вчера на работе-то не был? Загулял, что ли? Кажись бы, не с чего гулять-то, того и гляди, что три дня в неделю работать будем, а есть-то, ведь, каждый день нужно, пожалуй, и впроголодь насидишься.

— Наши-то, вишь, ходили смотреть, ну, и я...

— Чего смотреть-то?

— Да, ведь, вчера их вешали. Народищу-то было—страсть что... Только везде это солдаты стоят, близко-то больно не подпущают, и видать-то не гораздо было... А знаешь, Василий Иваныч, и бабу-то ихнюю тоже повесили, ей богу, повесили.

— Так, доброе дело пошли смотреть. Людей мучают, а они смотреть идут, вот дьяволы-то, право, дьяволы. Разве это по-человечески живых людей вешать, разве это можно,—с сердцем проговорил Василий Иваныч.

— Да чего ты, Василий Иваныч, серчаешь-то так? Нешто жаль тебе бар-то? А по мне хоть бы их всех перевешали, так и тогда мне горюшка мало было бы.

— Баре, баре,—передразнивая его, говорил Василий Иваныч:—хорошо бы, кабы баре, что кровь нашу пьют, а в том-то и штука, что не баре.

— А кому же больше? Известно, баре: все так говорят, чай, ты слышал, у нас на заводе сказывали, будто баре нас снова в

крепость взять хотели, да царь-то, вишь, не согласился, ну, так они его и ухлопали.

— В крепость взять. Эка, умная ты голова. Да кто же по нынешнему времени даст себя в крепость взять? Ну, брат, угодал, нечего сказать. Попробуй-ка ныне, сунься с крепостью-то. Нет, брат, шалишь. Не выгорит. Почему крепость-то отошла, не знаешь? Мужики, брат, больно шибко бунтовать стали, невмоготу стала она, сердечная, потому-то и дали вольную. Поди, попробуй теперь крепость завести, так в деревне так встретят, что и ног не унесешь. А то крепость.

— Да и Петро-то, молотобойцем он у нас в кузне, тоже это сказывал, как ты. Наши-то сначала не поверили, а опосля, как домой пришли, тоже согласились, что насчет крепости нонче, пожалуй, и тугонько будет. А так, промеж себя, рассказывали, ну и на счет подати хотел облегчение сделать; баре, вишь проюхали про такое дело, ну, им, конечно, не рука, они возьми да убей его. И по моему, это не в пример вернее будет.

— Верно, брат, да не очень. Слушай-ка, что я сказывать буду. Разве впервой стреляют в царя? Ведь и раньше в него стреляли; стрелял-то и наш брат, рабочий, а разве рабочий человек пойдет стрелять за бар, зачем ему супротив рабочих итти? Правда, и меж нашим братом завелись теперь Иуды, что за грош готовы продать человека, ну, да тем деньги начальство дает, а не вешает; те, которые стреляли, не из таковских, совести своей ни за какие деньги не продадут. Опять же и судят-то их тоже баре, разве они не могли бы укрыть их, облегчить, что ли, наказание, а они осудят и правого, и виноватого, всех, кто им в лапы попадется. Вот Тимофея-то, что у Петрова работал, тоже осудили, а уликов-то против него, что он будто хотел убить царя, никаких не было. Жаль, что ты грамоты-то не знаешь, а то бы сам прочитал, что говорили на суде эти люди. Ну, да я и сам скажу: хочешь—верь, хочешь—нет: они говорили, что стоят за рабочий народ, хотят, чтобы фабрики, заводы, земля принадлежали не барам да купцам, а рабочему люду, чтобы не управляли народом царь с барами да купцами, а сам бы народ управлял собой, сам бы и подать назначал, сам бы мирских людей назначал на должности. Вот что они говорят, а то баре.

— Ну, на счет суда-то... они, может, и брешут, чтобы глаза отвести, а сами-то наровят как бы поприжать мужика посильней. Потому, опять, за кого же царю и стоять-то, как не за крестьян. Он-то и давно бы землю роздал, кабы не баре, провались они совсем.

— Постой, постой, не торопись. Разве у нас года два тому назад не вычитывали указа о том, чтобы мужикам землю больше не ждать. Чай, слышал.

— Как не слышать, слышали. Только это у нас тогда сказывали, что указ-то это барский, не от царя, что они обманули его. Тогда еще Фрол, Федора-то хромого отец, старик такой, все сказывал: «пустое это все, что земли не дадут; и перед волей такие же штуки вычитывали, ан, смотришь, волю-то и дали; так и теперь: подождем, смотришь, и землю снова делить начнут». У нас в деревне и теперь все ждут к осени передела.

— Эк, какой ты Фома неверный! Ну, ладно, пусть царь за нас. Баре мешают ему сделать доброе дело.

— Известно, что они, кому же больше.

— Ну, ладно. Ведь может царь-то по городу проехаться в праздничный день, хоть, положим, он теперь и сидит, что медведь в берлоге, но все же, надо думать, может?

— Ну, конечно может.

— Ладно. Ну, выехал бы он, значит, куда-нибудь, где рабочего люда побольше, да и крикнул, что ли, коли самому с барами не справиться: «бей, братцы, православный народ, бар. Одолели они меня, змеи проклятые, мешают мне дать вам волю заправскую». Отвечай, должен бы он это сделать, если бы стоял за нас, а?

— Погоди малость. Как же это так?

— Да ты отвечай, должен или нет? Ведь, сколько лет, значит, сам-то он с барами борется, да все верх взять не может. Должен он тогда народ призвать на помощь, ведь не издыхать же мужику с голоду, пока, по вашему, сам царь с барами справится.

— Ну, должен...

— Ну, а сделал он это?

— Нет.

— Да никогда и не сделает, не дождешься ты этого, потому, что царь-то он барский да купеческий, за одно с ними орудует, а на рабочего-то человека ему наплевать. Если бы он радел о мужике, так давно бы попросил его расправиться по-свойски с барами да купцами. Так-то, брат. Так смекаешь теперь, за кого стоит царь.

— Оно как быдто выходит, что за бар да купцов.

— Как быдто. Не как быдто, а и в самом деле стоит за них. Ну, да мне теперь недосуг, надо еще к товарищу зайти, обещал. Иван Сидорыч, получай гривенник. Ну, прощай, Егор.

— Да кто же, Василий Иваныч, землю-то даст нам, коли царь не за нас?—понурив голову, спросил Егор.

— Много знать будешь, скоро состаришься,—с усмешкой ответил Василий Иваныч.—Заходи как-нибудь на неделе, потолкуем, может статься, и без царя справимся. Ну, прощай.

Егор пошел домой какой-то встревоженный и всю дорогу повторял: так царь-то не за нас, шут его побери. Ну, да вот что Василий скажет, парень-то он дошлый...

(Продолжение следует)

Типография Общ. «Земля и Воля». С.-Петербург.

ЗЕРНО

РАБОЧИЙ ЛИСТОК

№ 4 Август 1881 г.
Цена 3 коп.

С.-Петербург, 1 августа 1881 г.

В прошедшем номере мы рассказали, что такое социализм. Только тогда, сказали мы, воцарится на земле правда, счастье и свобода, когда повсюду будут установлены такие порядки, как указывают социалисты.

Кто распоряжается теперь трудом народа и его имуществом? Кто определяет, сколько кому работать и какие товары производить, заставляет выделывать шелки да бархаты, когда жрать-то нечего? Кто забирает в свои руки плоды народного труда, забирает все без остатка как в городе, на фабриках и заводах, так и в деревне,—на полях, лугах и в лесу, а рабочему человеку остается лишь столько, чтобы еле хватило ему с голоду не околеть да расплодить детей, оставить новых рабов на смену себе? Всякому видно, кто такие эти нонешние заправители народа и что они за птицы. Долой же кулака-помещика и фабриканта-торгаша! Пусть сам народ станет на их место. Пусть сам станет полновластным хозяином своего труда и работает над тем, что ему нужно, по его собственному соображению. Пусть завладеет двумя великими орудиями производства—землей и машиной, без которых человек, ведь, все равно, что без рук: они принадлежат народу по всей справедливости, божеской и человеческой, народ давно уже выплатил за них своим трудом, потом и кровью. Баре и хозяева насилием отняли у народа землю и материалы, из которых понастроили себе фабрик, заводов, домов и проч. Отнявши это, народ только воротит свое добро.

А кто назначает судей неправедных, что всегда решают дела в пользу помещика, хозяина, подрядчика? Кто нагоняет полицию

и солдат на крестьян и рабочих, когда они захотят сами расправиться со своими обидчиками? По чьему указу шлют мирских людей в Сибирь и на каторгу? Всему виной министры государевы да сам его величество. А вспомните еще о том, кто рекрутчиной давит народ, кто обременяет его налогами и податями непосильными? Кто помогает кулаку-помещику и фабриканту-торгашу грабить народ и защищает их в таком добром деле? Кто ведет войны, разорительные для народа? Все это совершается по определению того же царя и подручных его—господ министров. На желания народа никогда не обращают никакого внимания. Об его согласии на те или другие государственные меры никто не спрашивает. Царь и министры заботятся единственно о своем собственном благополучии и для этого попирают ногами права народа и расхищают его имущество. Долой же их! Пусть народ станет сам верховным распорядителем своей судьбы. Он сам должен управлять всеми своими делами через излюбленных мирских людей, должен сам назначать своих судей, определять налоги, составлять свое ополчение и так далее.

Самодержавие народа во всех областях жизни—вот что такое социализм. При таком порядке вещей интересы народа найдут себе достаточное уважение. Только в том случае, когда общество будет построено на социалистических началах, народ получит наконец возможность выбраться из нищеты и широко развить свои умственные и нравственные силы. Коренной переворот в условиях экономической жизни народа—вот основное условие его счастия и свободы. До тех цор, пока оно не будет выполнено, не достигнуть народу земли обетованной. Если народ подавлен непосильным трудом и тяжкими налогами, состоит в кабале у хозяина, если нехватает ему ни времени, ни средств заблаговременно понабраться ума-разума для сознательного и деятельного участия в общественных делах,—он неизбежно попадает во власть хозяина и чиновника.

Как же дойти народу до земли обетованной, как добиться поистине человеческого существования? Об этом мы и намерены повести нашу речь.

С первого же взгляда видно, кому послужит на пользу введение в нашу жизнь социализма. Вполне естественно, что помещики всеми силами будут сопротивляться этому, потому что социализм считает землю принадлежащею только тем, кто ее обрабатывает сам, т.-е. народу: без земли помещику-дворянину нельзя будет жить в праздности и роскошестве. По той же самой причине введению социализма будут сопротивляться фабриканты, заводчики, всякие вообще хозяева, купцы, банкиры и проч. Социализм гово-

рит: всякий здоровый человек обязан собственным трудом создавать себе средства к жизни, а они все живут лишь трудом рабочего человека, и сильно не хочется им расстаться с своей роскошной и праздной жизнью. Они иногда как будто держат сторону народа и действуют заодно с ним против царя и дворян. История Франции представляет особенно много примеров этого рода. Так было в 1789 г. во время Великой Французской Революции, затем в 1830 г., когда произошла так называемая июльская революция, потом еще в 1848 году, когда низвергли с престола короля Луи-Филиппа. Но не следует обманываться этим союзом буржуазии[1] с народом. Для нее дороги не интересы народа, а его сила. Она стремится к тому же, что и дворяне, она хочет стать лишь на их место или, по крайней мере, на ряду с ними властвовать над народом, хочет, чтобы дворяне и ее допустили свободно грабить народ. Чего, в самом деле, добились французские рабочие блистательными победами, которые они столько раз одерживали над своими врагами? Почти ничего или очень немногого. Буржуазия всецело воспользовалась плодами народной победы; она стала во главе государственного управления и получила право бесконтрольно распоряжаться народным хозяйством и направлять труд народа по своему усмотрению на ту или другую отрасль промышленности. Когда же после февральской революции 48-го года народ не удовлетворился теми ничтожными подачками, которыми буржуа хотели усыпить его сознание, и напомнил буржуа, что для него, для народа, еще в сущности ничего не сделано, что он остается одинаково не обеспечен в материальном отношении и после того, как вместо королевской власти провозглашена республика, тогда буржуа ответили народу так называемой июньской бойней; генерал Кавеньяк, член республиканского буржуазного правительства, выкатил на улицу пушки и стал вразумлять народ картечью. Такое же отношение буржуазии к рабочему сословию можно наблюдать и в других странах, например, в Германии, Англии, Италии. Оттого-то социалисты рабочие Западной Европы давно уже поняли, что их интересы противоположны интересам буржуазии, что борьба, которую они ведут, есть борьба одного общественного класса против другого. Нельзя никогда ожидать, чтобы целое сословие, будь то дворянство, капиталисты или еще кто-либо иной, отказалось от своих сословных интересов и поступилось ими в пользу народа, в пользу рабочих. Отовсюду отыскиваются, конечно, отдельные лица, которые самоотверженно добиваются правды и

---

[1] Так называется сословие, которое состоит из купцов, фабрикантов заводчиков, банкиров и тому подобных людей.

жертвуют своей жизнью за свободу и счастье народа. Но таких людей, во всяком случае, не тьма бесчисленная, и сами они собственными только силами не могут разрушить существующий порядок и на его место установить новый строй жизни. Враги народа, хотя и победимы, но все-таки, еще достаточно сильны. Современное государство стоит на страже существующего порядка вещей и, как свирепый пес, хватает за горло всякого, кто осмеливается наложить на него руку. Сами рабочие должны взять свое дело в свои руки и соединиться с самоотверженными борцами за права народа. Они не могут полагаться на великодушие какого-либо другого сословия, ожидать от кого щедрых и великих милостей. Освобождение рабочих может совершиться только при их собственных усилиях.

В деле коренного улучшения экономического положения народа на современное государство можно надеяться столько же, как и на буржуазию и дворянство. Как ничтожна помощь, которую русское государство склонно оказать народу, можно видеть уже по одному следующему примеру. В настоящую минуту правительство как будто смилостивилось над крестьянином и слагает с него выкупных платежей на 12 миллионов рублей. Во-первых, вся земля без всякой платы принадлежит крестьянину, а стало быть, и платежей за нее никаких не следует. А, во-вторых, вспомним, сколько денег наше правительство роздало кулакам всякого рода; ведь одни железнодорожники получили более полутора тысяч миллионов кровных народных денег, стало быть, в 125 раз больше того, что теперь правительство как будто дарит народу. Нет, на правительство рабочим нечего надеяться. Они добьются своей цели только, разбивши современное государство. Только по обломкам последнего народ может дойти до своего счастия.

В Западной Европе промышленность и торговля достигли уже гораздо большего развития, чем в России. Фабрики и заводы сосредоточены там в огромном количестве в городах. Таких больших крупных промышленных центров, каковы Лондон и Париж, еще долго не будет в России. В Англии большая половина всего населения страны живет в городах, во Франции городских рабочих несколько меньше, чем крестьян, но все-таки, как оказалось в 30-м, 48-м и 70-м годах, достаточно для того, чтобы низвергнуть гнет современного им общественного и государственного порядка. В России дело стоит совсем иначе. Русский народ живет по преимуществу в деревне: там он землю пашет и рукомеслом занимается. В городах на фабриках и заводах работает сравнительно со всей массой крестьян немного рабочих. Одних городских рабочих недостаточно для того, чтобы одолеть всех врагов народных.

Они могут сделать почин восстания, прогнать власти своего города, захватить на время управление городом в свои руки. Но всего этого недостаточно для окончательной и полной победы. Рабочее восстание в городах должно быть поддержано крестьянским восстанием в деревнях, притом по возможности в большем количестве местностей. Если восстанет только один город, а повсюду в других местах в это время будут молчать, правительству легко будет направить большие военные силы на один этот город, оно окружит его сплошной цепью войск и подавит восстание. Совсем иначе пойдет дело, если на помощь восставшему городу подымутся крестьяне. Правительство будет вынуждено раздробить свои силы на многие пункты, и потому всюду будет побито.

Помните это, рабочие-социалисты! Знайте, какое громадное значение для общенародного дела имеет ваш союз с деревенскими крестьянами. Пользуйтесь всяким удобным случаем, чтобы влиять на них. Старайтесь всяким способом приобрести их сочувствие вашим стремлениям, отыскивайте между ними сторонников и энергических деятелей на пользу общего дела. Тогда ваш успех вполне обеспечен.

Но главная ваша забота и главная ваша деятельность должны направляться на вашего же брата, городского рабочего. Приобретайте всюду сторонников своему делу. Проповедывайте свои стремления словом и делом. Старайтесь всячески расширить рабочее движение. Распространяйте революционные книжки и газеты. Читайте их и растолковывайте тем из своих товарищей, которые еще не достигли правильного понимания всей неправды современного общественного и государственного устройства и не додумались до новых разумных начал социалистического общежития.

Но ваша деятельность никак не должна ограничиваться одной пропагандой. Всякая живая партия не может не заявлять себя более решительно и резко: рабочее движение на пути к достижению своей великой цели часто натыкается на преграды и затруднения, которые ставят ему враги народные. Нужно опрокидывать эти препятствия во что бы то ни стало, хотя бы с значительными жертвами. Только ведя постоянную и энергическую борьбу с врагами народа, рабочая партия может разрастись широко и стать грозной силой, перед которой падет современная неправда. Устраивайте же всякого рода союзы для достижения всевозможных целей. В союзе лишь обретете вы спасение свое. Самый слабый человек, вступивши в союз, чувствуя, что он не один, что рядом с ним за одно и то же борются и многие другие,

становится бодр, энергичен и силен. Если один человек повздорит с хозяином, то с ним быстро справятся. Совсем не то выйдет, если сразу много рабочих пред'явят одинаковое требование своему хозяину, да, кроме того, получат поддержку от рабочих другого хозяина. Устраивайте же союзы сопротивления. Английские рабочие с тех пор, как соединились в такие союзы, стали огромной силой, страшной не только для фабрикантов и капиталистов, но и для английского правительства. Они имеют свою кассу, своих выборных, которые ведут дела всего союза: собирают сведения о том, где сколько человек работает, какую плату получают, как идет в данную минуту промышленность и торговля и проч. и проч. Имея в руках эти сведения, они могут выбрать удобное время для того, чтобы пред'явить фабрикантам свои требования относительно задельной платы, числа рабочих часов и прочих условий, от которых зависят удобства жизни рабочего человека. И нередко бывало так, что хозяева поскорее соглашались на требования рабочих, не доводя их до стачки. Когда же бывают принуждены сделать стачку, то стачечникам отпускаются деньги на прожитие из общей кассы всего союза.

Мастера вас часто обманывают. Денег не доплачивают, штрафы непомерные ставят, работу понапрасну бракуют. Добивайтесь того, чтобы брак производился не по произвольному усмотрению мастера, а по совокупному приговору его и выборных от рабочих, а пока удастся достигнуть этого, нужно расправляться с ними теми средствами, какие есть под рукой.

Шпионы затесываются среди вашего брата, мешают работать на пользу хорошего дела, доносят полиции, а то и напраслину взведут, и гибнет человек от оговора змеи подколодной.

Нужно обороняться и от мастеров-кровопийц, и от шпионов—гадюк ядовитых. Нужно устраивать боевые дружины для истребления этого противного семени.

Такая деятельность во всех отношениях полезна. Кроме того, что вы обороняетесь от непосредственных нападений своих врагов и добиваетесь различных улучшений своего положения, вы показываете пример мужества и энергии для своих прочих товарищей, еще не примкнувших к вашей организации. Вы доказываете, что справедливость еще не погибла на земле, что если есть негодяи, которые попирают ее своими ногами, то находятся и честные люди, которые наказывают негодяев. Вы ободрите тех своих товарищей, которые унывают и падают духом, и наведете страх на своих врагов. Все увидят, что рабочие представляют серьезную силу, достойную уважения. Рабочая организация будет расти и крепнуть, число союзов, входящих в ее состав, будет увеличи-

ваться постоянно. Тогда народ дружно восстанет и двинется по заранее намеченному плану, одновременно со всех сторон посыпятся его могучие удары, и давящее его двойное ярмо гнета кулацкого и чиновничьего разлетится в прах.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

И прежде-то не особенно весело жилось на Руси рабочему человеку, а по нынешним временам так хоть и совсем волком вой, и то в пору. В городах, на заводах да на фабриках тысячами отпускают рабочих, тысячами выкидывают на улицу без куска хлеба. В деревнях тоже не лучше: малоземелье, подать да начальство совсем мужика доканали. Распродает мужичье свои «животишки» и бежит целыми деревнями от житья развеселого «на вольные места», в Оренбургские степи, за Урал, в Томскую губернию, а иной и еще дальше. А кулакам, кровопийцам народным, это как раз и наруку. Скарб крестьянский за грош скупают, чтобы легче да спокойнее, значит, мужику было в дальний путь брести. Без денег по крайности не так страшно итти будет, небось, никто не ограбит; иди да песенки распевай. И поет, идя счастия искать, мужик песенку: подайте, Христа ради, потому что «животишки»-то скудны больно,—деньжат и на полпути нехватает. Помещикам-то хоть и не на руку, что прет народ с ихних местов, потому что рабочих-то поменьше малость останется, стало быть, и цена-то на их повысится, да делать нечего. Прямо не пускать мужика невозможно, чего доброго еще бунтовать, пожалуй, начнет; ну, а разбунтуются, так и самому барину на орехи достанется. Вот и придумали начальство с барами вместе такой подвох мужику, что отдай все—и то мало будет. «Мужики-де не знают,—говорят помещики,—где и земля-то свободная есть, только зря шляться будут, а мы всегда рады помочь ему, вот и теперь станем указывать мужичку, где нашей земли много, селись, знай, всем местов хватит. Мы и конторы для этого заведем, чтобы все места у помещиков знать, где селиться можно». Вишь, какие радетели отыскались, горю мужицкому пособить захотели... Спасибо вам, много довольны вашей милостью. И так вы над нами радели не одну сотню лет, снова порадеете, пожалуй, и без порток находишься. Помочь захотелось, совесть зазрила. Так, что ли? Да выйдет ли так-то, ведь совесть-то у вас прожженная? Привыкли вы рожь на обухе молотить. Что ж, может, ихней милости подарить землю нам захотелось. Как же, держи карман шире! Ничуть не бывало. В аренду сдают. А поселишься у них, пообзаведешься малость

хозяйством, так и станут они с тебя такие денежки драть, что небо с овчинку покажется. Либо плати им, что захотят, либо совсем в разор входи. Так-то. Эх вы, благодетели наши, обождите маленько, отольются вам наши слезы! Широк-то карман у вас,— много войдет, не успеешь припасать-то, пожалуй. Все одно, что бочка бездонная, ни в жизнь не наполнишь. И у нас в Питере тож радетели отыскались. Ишь, сколько их вылезло, благодетелей-то, точно мышь на муку. Градоначальник Питера, вишь, комиссию устроил, чтоб облегчить житье-бытье питерского рабочего... Какие жалостливые, беда. Ну, а есть ли в этой комиссии рабочий люд? ведь, кому, чай, лучше знать, как не рабочему человеку, что его теснит и чего ему нужно. Так-то так, а рабочих и помину нет. Не догадливы больно, или память отшибло, только рабочих призвать позабыли. Одни баре в ней заседают, поди, чай, и жалование получают. Денежку, по крайности, зашибут, хошь и дела-то не сделают. Ну, что им придумать. Ведь, они то, баре—враги наши (а кто сам себе враг), фабрик да заводов, что от нас понаграбили, ведь, добровольно не отдадут. А разве так копейку-другую бросят, что псу голодному, да и то потому, что сами замечают, что начинает рабочий подымать голову. Они так-то, брат, тоже не дадут, не таковский народ, свое дело туго знают, потому что рабочий люд начинает маленечко кулачком помахивать. Пожалуй, грехом, им может перепасть, а они этого не долюбливают, народ деликатный.

Хоть и помаленьку, а все же начинают расправляться рабочие с своими злодеями, грабителями. Только дело-то в том, что действуют они недружно, не стоят друг за друга, за общее дело всех рабочих, что называется, горой, своей жизни не жалеючи. Ну, понятно, что и не выходит у них ничего порядочного. Сначала, смотришь, и дружно встанут на врага, а потом нет-нет, да и дрефить начнут, поддаются хозяину, значит. Вот, к примеру, не так давно рабочие торфяники в Покровском уезде устроили против хозяина стачку, чтобы прибавил малость заработка, потому его и на хлеб, почитай, нехватало. Рабочих-то было 170 человек. Управляющий работами сейчас, конечно, за полицией послал, дескать, «бунт», ну, а насчет платы-то, прибавки, значит, и рыло воротит. «Уходи,—говорит,—коли не ндравится. Нам наплевать». Вот тут-то и следовало бы уйти всем с работы, как остался бы совсем без рабочих, сразу-то где их снова найдешь, так, небось, не то бы заговорил, тоже, ведь, не выгодно дело-то не работать. А рабочие вместо того, чтобы стоять друг за дружку, всем уйти с работ, и сдались. 70 человек ушло, а 100 осталось, так ничего и не добились, стали работать за прежнюю плату.

Куда лучше поступили железнодорожные рабочие в Кременчуге. Дело было так. Поступил к ним в мастерскую новый управляющий, человек, одно слово, дрянь. И стал-то он разные новые порядки заводить. Уж велико ль у рабочего жалованье, так и то показалось мастеру большим. Рабочему-то, видно, сытно есть — только брюхо портить. Удержу не знает, нажрется так, что и захворать можно. Управляющий возьми и скинь по 30, 40 копеек с рубля заработка. Рабочие сговорились промеж собой и решились даром ему этого не спускать. Вот как-то раз и изловили они его, запрятали, значит, в мешок от углей и давай лупить в хвост и в гриву. Отлупцовали они его препорядочно, положили на тачку, да и ну в овраг. Одним словом, лихо отработали, знай наших, поминай своих. Подобрали добрые люди побитого управляющего, из мешка вытащили и домой предоставили. Ну, понятно, железнодорожное начальство рабочих сейчас на цыгундер притянуло. Что, как, зачем и почему? Тут-то рабочие и заявили, как один человек, за что они побили управляющего, что на понижение рабочей платы они несогласны, мастером же желают иметь своего человека, рабочего, с тем только, чтобы он не указывал бы в работах, «потому мы сами без указки умеем работать», причем все единодушно и указали на одного рабочего.

Вот и видно сейчас, что понимали эти рабочие, как надо действовать, чтобы сорвать что-нибудь в свою пользу с начальства. Начальство-то поломалось немного, да видит, рабочие не сдаются, ну и уступило. Этак-то и нужно свои дела обделывать, всяких прав себе добиваться, потому под лежачий-то камень и вода не бежит. Только непременно надо сначала сговориться хорошенько, чего именно добиваться, да стоять крепко друг за дружку.

Тоже, видно, не вмоготу стало на белом свете и чухнам жить, тоже недавно бунтовать стали. Собирают сходки по городам и в деревнях и за подписями своими отправляют прошения по начальству, чтобы и им земля тоже была, потому они теперь земли-то не имеют, а занимаются больше батрачеством. Помещики-то ихние пережрались, да больше для своего успокоения в газетках пропечатали, что «это-де все злонамеренные люди неразумных мужиков обманывают, что дескать, батраку нашему живется разлюли малина, как весело, что он своим положением совершенно доволен и прекрасно знает, что земля есть собственность помещика». Ишь, как ладно. Без земли, да живется весело. Вот шуты-то. Неча сказать, хорошо веселье. А чухна-то, что русский мужик, оченно хорошо понимает, что земля-то по-настоящему не барская, а того, кто на ней работает. Кто работает,

тот и владей землей. А то «хорошо знают, что помещичья». Только прошениями-то разными начальство не больно проймешь, бумагу-то и под стол швырнуть можно. Нет, не проберешь. Слезами горькими, да вздохами с ними ничего не поделаешь, надо от них силком все брать. Заработок мал,—сговаривайся промеж себя, стачку делай; мастер плох, задарма притесняет,—мастера бей, чтобы впредь ему неповадно было всякие пакости рабочему причинять.

Так-то и надо постоянно рабочим поступать, если они хотят освободиться от своих лиходеев-врагов—купцов, фабрикантов да бар.

Очухаются и чухны, как увидят, что прошеньями-то ровно ничего не поделаешь, так, пожалуй, и сами к дубинке прибегнут.

ЗА КОГО ЦАРЬ

Рассказ

(Продолжение)

Разговор с Василием Ивановичем произвел порядочную сумятицу в голове Егора. До той поры Егор твердо верил, что вот-вот наступит времечко, когда мужику земли дадут вдоволь, податей платить придется самую малость, одним словом, настанет такое житье, что и в рай не надо. После же разговора его стали одолевать всякие «сомнения», его прежняя уверенность в это «дадут, беспременно дадут» малость поколебалась. Он в несколько дней как будто маленько поосунулся, сделался угрюм и задумчив. Уж на что, кажись, на заводе, а и тут-то Егор думает думушку крепкую. Работает, работает да и призадумается, смотришь, и работа из рук вывалилась. «Земли беспременно надоть,—думается Егору,—потому нашему брату без земли никак нельзя. И подать опять велика шибко, с хозяйством никак не справишься, на одну подать едва денег сколотишь, а о прочем ином и думать не моги. Да, жизть... Ну, как же опосля всего этого царю земли не дать? Разве можно? А почему же он не дает до сих пор, поди, чай, знает, каково приходится нонче нашему брату, ведь, об этом, почитай, всякий дурак знает?.. Да... Ну, а если не даст, как же быть-то, неужто так вечно и жить, только маяться целый век свой, трудиться да перебиваться с пустого брюха на голодное? Ну, и жизнь, шут бы ее драл, растреклятую». И думает Егор до тех пор, пока не заметит этого мастер да не заорет на него во всю глотку: «чего рот-то разинул, дубина деревянная. Работать,

так работай, нет—проваливай, не занимать стать нонче вашего брата». «Беспременно надо Василия Иваныча повидать, он все доподлинно знает»,—прошепчет Егор, сплюнет, выругается и снова примется за работу.

Прошло уже около двух недель со времени разговора с Василием Иванычем, а Егору все еще не удалось потолковать с ним насчет своих «сомнений». Работали они в разных мастерских и поэтому на заводе встречались лишь мельком, на минутку; захаживал было Егор к нему и на квартиру раза два-три, да все не заставал его дома.

«И чего это Василий запропастился, шут его, право, знает. Ведь, просил заходить-то... Уж и не придумаю ничего; пьянством не занимается, человек-то он не гулящий, а вот уж третий день, как и на завод-то совсем не показывался. А надоть бы мне повидать-то его. И в толк-то не возьму...»

— «Егор Петров дома, что ль, аль нет?»—раздался вдруг в коридоре знакомый Егору голос, который и прервал его дальнейшие размышления о местопребывании Василия Иваныча.

— «А, кажись, Василий Иваныч пришел»,—радостно проговорил Егор и быстро вышел в коридор.

— «Здравствуй, Василий Иваныч. Вот, брат, разодолжил-то. Спасибо, спасибо, что зашел. Я раза три уж забегал было к тебе, да все дома тебя не было. Да, давненько мы не видались с тобой, Василий Иваныч, дарма, что почти вместе живем».

Все это Егор проговорил, улыбаясь и что есть силы пожимая руку Василия Иваныча.

— «Пусти руку-то, шут. Грехом и оборвать можно. Ведь, кормить-то меня, чай не станешь. Ну, здорово, здорово».

— «Да что ж мы стоим-то здесь, пойдем в комнату, Василий Иваныч. Митревна, а Митревна!»

— «Чего тебе?»

— «Поставь-ка самоварчик, да сходи... или нет, я уж сам сбегаю, а ты насчет самоварчика-то похлопочи. Ты, Василий Иваныч, подожди малость, я сейчас приду, мигом сбегаю»...—почти убегая, проговорил Егор.

— «Да куда ты бежишь-то, угорелый?»

Но Егоркин и след простыл. Через несколько минут он вернулся, в руках у него были ситный и ветчина, а из кармана приветливо выглядывала «сороковка».

— «Ну, вот и я, Василий Иваныч. Теперь, значит, выпить и закусить можно».

— «Отчего ж и не выпить, выпьем. Да и насчет жратвы-то пройдусь, потому в городе был, не обедал».

— «А и рад я, Василий Иваныч, что ты зашел ко мне нонче, совсем без тебя я измаился. Ну будь здоров. Да ты возьми вот этот кусочек, славный, с жиром. Ну, что ли, выпьем еще по стаканчику?»

— «Погоди, торопиться-то некуда. Выпьем и по другому. Да чего ты маялся-то? Иль больно разобрало царем тебя, что ли?»

— «Кем же больше, знамо дело, царем. Иной раз подумаешь, кажется, все, как следовает, в другой, так может и взаправду, что царь-то не больно за нас стоит. Хоть бы что-нибудь, а то и так и так. Просто, не знаю, как и быть мне».

— «Так, так. Эх, паря, паря! Посмотри-ка ты хорошенько, что творится на белом свете, столько резонов найдешь против царя, что и за пазуху не упрячешь. Ты слыхал аль нет, что это значит, у самого царя были крестьяне в крепости, а теперь ему подать платят, а?»

— «Понятно, знаю, все, ведь, мы—царские, только были-то мы за барами, позабрали они нас в руки, проклятые, а царь-то, ведь, тут ни при чем».

— «Нет, не об этом я речь веду. Слушай! Вот, примерно, мы были, значит, за помещиками, был у нас хозяин, помещик, получал он оброк и прочее; так и у царя-то также были крестьяне в крепости. Шибко бывало раздаривал нашего брата барам да барыням разным, а теперь-то крестьяне эти ему денежки платят. Понял что ль?»

— «То-есть, как это? Ты сказываешь, как будто эти денежки идут ему, на свои дела, так? Нешто это правда, нешто он—помещик?»

— «В том-то и штука, что так. Это, ведь у него со сродственниками таких-то крестьян миллионы, брат. Удельными они, значит, прозываются. Не веришь? Хошь кого хочешь грамотного спроси, всякий тебе скажет, потому это в каждой газете даже прописано. Ну, положим, как обидели помещики, государственных (эти деньги прямо в казну платят)—тоже баре, потому им на жалованье-то деньжищ порядочно нужно; ну, а посмотри-ка, как эти царские-то живут. Любо с два! Если б царь-то за мужика стоял, так он хошь бы своих-то, царских, коли уж всех не в моготу, мог бы хорошенько устроить, земли дать вволю, подать наложить настоящую, потому, если он радетель, так не к лицу ему богатеть на мужицкие денежки. Верно я говорю, аль нет?»

— «Знамо дело, верно; разве можно с барами одну песенку петь».

— «Ан, вот и подтягивает, да еще как. Царским-то этим самым живется все одно, что нашему брату—помещичьему. Так ка-

кой же он опосля этого наш защитник, коли такие же денежки с мужика дерет?»

— «Да, может, в казну идут деньги-то?»

— «В казну? Сказано—ему самому, значит, так и есть. Врать-то мне не к чему; он, значит, куда хочет эти деньги, туда и сует».

— «Так. Значит, и он охулки на руку не кладет, только лапа-то у него, выходит, малость позагребистее... так. Тех же щей, да погуще влей—разница».

— «Да, опять, окромя этого...»

— «Ну, вот вам и самоварчик готов, кушайте всласть»,— входя, проговорила хозяйка.

— «Спасибо, Митревна. Не хочешь ли рюмочку? Да и мы кстати с Василием Ивановичем пройдемся по стаканчику, так что ли? За царя-батюшку выпьем!» — подмигнув, сказал Егорка Василию Иванычу.

— «Валим и за батюшку, коли поперек горла не станет. Ну, Митревна, начинай, что ли».

— «Да, пейте вы, батюшка, я уж потом».

— «Пей, пей. Наше не пропадет, дернем и мы».

— «Ну благодарствуй, родимый. Если нужно будет, так кликни меня, Егорушка. Ну, полоскайте животишки, а мне надо еще постирать поскорее, засветло кончить».

— «Ну, Василий Иваныч, выкладывай дальше про батюшку с матушкой; лихой народ, здорово они нашему брату глаза отводят. Лимончику-то положить тебе в чай?»

— «Положь. Ну, так сказывал я, окромя всего этого, окромя своих крестьян, значит, он еще от казны, то-есть, опять с нашего брата, только не прямо, а околицей, еще миллиончик рубликов получает. Да нешто он один? А семейка-то его, ведь, тоже именья имеет да жалованье получает. Вот как ловко заботятся они вместе с царем-батюшкой о мужике, до-гола все снимают, чтобы не тяжело, видно, мужику землю пахать было. Облегчают мужика от денежек его трудовых. Доброе дело делают».

— «Да, вижу теперь я, что неча нам ждать от царя-батюшки, не наш он, а барский. Такого царя—плюнуть да растереть—вот и цена ему вся. Спасибо тебе, Василий Иваныч, что порассказал ты мне про него настоящее, значит, по правде».

— «А ты глянь-ка еще, как они нашим денежкам, потом и кровью заработанным, бока промывают. Покойный-то царь, что в бозе умер, уж старый чорт, пора бы ему и о грехах подумать, а он с бабой связался. Долгоручихой она прозывается, так сколько он ей деньжищ оставил, страсть, сказывают. Двадцать слиш-

ком миллионов. Вот, брат, куды наши денежки-то деваются! Мы трудилися, работали, а наши денежки поскудной девке дают, так».

— «Так, одно слово, мученик... А попахивает»,—смеясь, проговорил Егор.

— «Особенный. Налей-ка еще стаканчик-то. Опять теперича, посмотри-ка, как царь время проводит: сегодня англичан принимали, завтра башибузуков каких-нибудь, после завтра парад, там театры, балы и все прочее. Ну, а промежду всем этим и бумаги всякие подписывает, что ему министры подают, уже они-то не все сами читают, а царю-то и бог велел. Пожалуй, чего доброго, и гулянье еще пропустишь».

— «Да чего ему заботиться о мужике, коль он сам первый грабитель. Так теперь, значит, Василий Иваныч, нового царя ставить нам надоть, нашего, значит, мужицкого. Так, что ли?»

— «Ну, нет, брат. Хошь какого хочешь царя посади, а все ж он прохвостом сделается. Вот, к примеру, у французов разные цари были; взбунтуются это там, значит, рабочие, прогонят одного царя, сами другого посадят; уж, кажись, чего бы лучше? Ан, смотришь, и нет! Не тут-то было! Спервоначалу он как будто и ничего, а опосля немного снова с барами начнет народ грабить. И опять рабочему человеку никакой настоящей пользы нет. Так-то. Нет, брат. С царем-то харчисто больно выходит. И без царя справимся».

— «Да как же это без царя-то? Кто же управлять всем будет? Без порядка-то тож, ведь, жить нельзя. Ну, к примеру, убью я кого, заберу у него денежки—и шабаш, прав, значит. Так, что ль по-твоему выходит? Признайся, малость сбрехнул?»

— «Зачем брехать. Ведь я не сказывал, чтобы это, значит, всякий, что хошь делал. Надо, чтобы нами управляли не царь с барами, а свой народ, выборный, везде был на слу́жбе. И суд свой у нас будет, коли кто проштрафится, и подать сами налагать будем по согласию, значит, и казну-то усчитывать наши же будут, чтобы доподлинно знать нам, на какие дела наши денежки идут».

— «Да ребята-то наши и слушаться не будут, коль острастки да начальства не будет».

— «Нешто, по твоему, нашему брату вечно нужно барина с палкой для острастки, значит? Нет, брат, и сами справимся. Тоже можем понять, что на пользу нам, а что нет. А коль дурак какой меж нами найдется, так мир-то на что? сможет, чай, урезонить. И у нашего брата в голове не навоз, может статься, товарто почище барского выйдет».

— «Так. Пожалуй, что и впрямь без царя-то можно. Ну, а как же насчет земли-то нам сделаться?»

— «Так, ведь, земля-то чья? Кто ее, родимую, потом да кровью обрабатывал? Нешто барин? Ведь мужик! Так и земля-то, значит, мужичья, а не барская. Ведь, баре-то сами на ней не работают, только нас притесняют. Землю-то, значит, от них отберем, поразделим промежду себя, чтобы было без обиды, хочешь, и барин получай, сколько там ему причитается, все одно, как нашему брату, обижать мы не станем».

— «Это насчет земли ты верно, Василий Иваныч, потому что земля божья, кто хошь, тот и работай на ней. Одно слово, так. Это выйдет по справедливости, кто работает, у того земля. Верно!»

— «Возьми, опять рабочего человека, иной и пахать не умеет, родился, вырос в городе, к рукомеслу приобык, земли-то, значит, ему хоть и даром не надо. Ему-то как быть, чтоб по справедливости тоже было? Потому заводчик-то попрежнему, какую плату захочет, такую и положит рабочему, нешто это справедливо? Правда, плата-то будет малость поболе, потому, коль у мужика земля будет, не пойдет он зря на фабрику горе мыкать, от добра добра искать нечего, рабочих-то станет поменьше, ну, цена-то на нашего брата малость и повысится. Только это опять будет не так, как следует, по справедливости. Почему фабрикант капиталы-то наживает? Грабит он нашего брата, с нашего труда разживается. Вот что. Я ему в день-то сработаю на два, на три рубля, а он платит мне рубль, остальные же денежки себе в карман кладет, вот с этого они и наживают фабрики, заводы. Правда али нет, по твоему?»

— «Да уже насчет грабежа, неча греха таить, народ-то они ловкий, на обухе рожь молотят, лихо нашего брата обирают».

— «Ну, а это справедливо, значит?»

— «Уж где же справедливо, коли дневной грабеж идет, да, пожалуй, с этим ничего не поделаешь, потому как же сделать, чтобы грабежа-то не было, разве мужиками сделаться да землю пахать. Только и есть».

— «А ходить-то в чем станешь, нешто голый, что ли? Разве можно всем землю пахать, а кто другой-то материал поставлять будет, а?»

— «Пожалуй, что и нельзя. Только как же тогда сделать?»

— «А вот как. С каких денег понастроил фабрикант фабрики да заводы? С нашенских, с награбленных. А коль так, так и подавай нам сюда эти денежки, значит, заводы да фабрики, ведь, они наши, кровные. А коль станут они нашими, так кто хошь, приходи, работай, денежки заработанные сполна, потому хозяи-

на нет. Одним словом так же, как и с землей будет,—пользуйся всякий, кто работать хочет».

— «Так, ловко. Значит, барам-то совсем карачун прийдет. Ловко же ты, Василий Иваныч, поддел их, право. Вот спасибо-то они тебе скажут. Ну, а как сделается-то все это, а?»

— «А глянь-ка, час-то который? Двенадцать скоро, а ведь завтра мне на работу нужно. Надо и домой, прикорнуть малость. Ну, прощай. Спасибо за угощение».

— «Спасибо тебе-то, Василий Иваныч, что научил ты меня уму-разуму. Мне-то прежде и невдомек было, а теперь-то, брат, понимаем, что это за штука царь есть. Нет. Теперь не проведешь. Ну, зайдешь что ли, на неделе как? Уж рассказывать, так говорить все».

— «Отчего не зайти, зайду. Ну, прощай!»

— «Прощай. Так, смотри ж, заходи».

(Окончание следует.)

Типография Общ. «Земля и Воля». С.-Петербург.

ЗЕРНО

РАБОЧИЙ ЛИСТОК

№ 5 Октябрь 1881 г.
Цена 3 коп.

С.-Петербург, 5 октября 1881 г.

«Не нами мир начался, не нами он и кончится». «Отцы наши и деды поумнее нас были, да и они прожили при тех же порядках,—проживем и мы». Часто приходится слышать подобные заявления, когда поднимается разговор о неправде, царящей ноне на земле, о хозяевах-кулаках, которые забирают в кабалу трудящихся людей, о чиновниках и барах, что всячески притесняют рабочий люд. Всякий сейчас жмется, «ничего, мол, с ними не поделаешь,—говорит,—много их очень. Мы бы рады, готовы с ними, прохвостами, собственными средствами расправиться, да другие вот не поддержат: народ уж здесь такой»... И сидят это все, друг на дружку сваливая почин дела. Врагам же народа это на руку: они свое дело делают и живут себе в сласть, да еще над рабочим же человеком насмехаются.

А между тем, народ, ведь, сила могучая, которой весь мир держится, да и прежде всего держался. В тех случаях, когда народ подымался общим бунтом против нестерпимого для него порядка, он разбивал царские войска, самих царей обращал в бегство и становился хозяином всей страны. Всюду, где народ дружно и смело требует своих прав, он добивается их. А нонешние порядки не с пред-века существуют и установлены они не богом, а заведены такими же людьми, как и мы. Поэтому разрушить эти порядки и на емсто их установить новые—вполне в нашей власти. Много разных порядков было уже у разных народов, а теперь все стало иначе, по-новсму. Чтобы недалеко ходить за примером, укажем хоть на крепостное состояние. Многие из нас сами еще

помнят его, а кто не знает, что это за штука такая, пусть расспросят тех, кто постарше. Они расскажут ему, что каждый помещик имел своих рабов, с которыми делал, что ему вздумается: заставлял их без отдыху работать на себя, порол ни за что, ни про что, что единственно по капризу своему женщин насиловал, мужчин отдавал в солдаты, ссылал в Сибирь, на каторгу. И делал все это помещик по закону, никакой жалобы на него нельзя было никому подать, потому что такие права предоставила дворянам сама императрица Екатерина II, которую прозвали Великой, и памятник ей поставили на Невском проспекте. А теперь весь этот порядок отменен, и отменен он не по доброй милости покойного царя, а из страха пред народом: больно уж шибко стал бунтовать всюду крестьянин и рабочий. Сам царь признался в этом, когда убеждал в Москве дворян ослобонить народ: «ежели,—говорил он,— мы не освободим народ от крепости, так он сам себя освободит, а как возьмет народ всю власть в свои руки то всем нам плохо будет: разнесет в дрызг». Дворяне и послушались, согласились сами освободить народ. Только обманули они сильно крестьян, не дали им настоящей заправской воли. И хотя теперь живется народу немного лучше, чем было до воли, а все же плохо приходится.

Но не только у нас, на Руси, скверно живется рабочему люду. Если бы в других странах хорошо жилось и не было бы притеснителей народных, так не стал бы там народ рабочий бунтовать да союзы разные устраивать, чтобы вернее врага своего одолеть, чтобы свое положение поправить. Мы намерены теперь, братцы, рассказать вам про одну землю, Ирландией прозывается, в каком положении там народ, как он действует и чего ему удалось уже добиться.

Лет двести слишком тому назад покорили эту землю англичане. Много народа тамошнего они перебили и перерезали, всю землю его отобрали в свою пользу, установили тяжелые подати и поборы и всякими притеснениями старались обратить ирландцев в свою веру. Без земли жить нельзя, а потому пришлось ирландцам брать в аренду свою же землю. А помещики лупят такую цену, какую им только на ум взбредет: за аренду приходится платить в 5 и в 10 раз больше того, сколько всего дохода получается. Да этого мало: ты удобрил землю, возделал ее, потратил на это и труд свой и деньги, стала земля давать больше дохода, а помещик сейчас же к тебе: или подавай ему еще большую плату, чем прежде, или убирайся прочь. Ясно, что таким образом крестьянин никогда не может расплатиться со своим помещиком и сидит у него в долгу неоплатном, в кабале безысходной. А ме-

...ду тем помещик во всякую минуту может потребовать уплаты сполна всех денег, а не уплатишь, так беда—прогонит совсем: приходит это сейчас полиция, сбрасывает с избы крышу, разламывает стену и выгоняет всех на дорогу, несмотря ни на грязь и дождь, ни на стужу и снег, нет никому пощады: ни старикам, ни ребятам, ни хворым. А если кто захочет на ночь приютиться в каком-нибудь хлеву, сейчас его в тюрьму или штраф. После голода, что был 33 года тому назад, таким образом прогнали до ста тысяч человек.

Видит народ, что совсем плохо ему приходится, что в конец разоряют его помещики, а начальство нисколько себе и в ус не дует, совсем и не помышляет об том, чтобы помочь народу. Начал он тогда составлять разные тайные общества. чтобы бороться с врагами своими: с помещиками и фабрикантами, со сборщиками податей и тому под. Из таких обществ приобрела особую силу и известность тайная дружина рибонменов—это по-ихнему так называется, а по-нашему общество лохмотников. Вернее сказать, это было не одно общество, а целый союз многих обществ, распространившихся по всей земле. Этот союз лохмотников приобрел огромную силу и наводил страх на всю страну. Он издавал свои приказы и свои законы, которым все должны были повиноваться. Ни один помещик не посмел в это время прогнать своих арендаторов и рабочих, поднимать арендную плату наемных рабочих. Лохмотникам даже не нужно издавать своих законов, обнародовать их: и без этого всем известно, чего они добиваются. Со всяким, кто идет против них и не исполняет их требований, они непременно распразятся какими бы то ни было средствами. Вот какой один случай. Ежели помещик прогонит кого-нибудь из своих арендаторов, крестьян, то союз требует, чтобы никто другой не брал земли в аренду у этого помещика и не платил ему больше того, сколько положено по общему соглашению. Обыкновенно это и исполняется, так что помещик волей-неволей должен опять пустить на землю своего прежнего арендатора. Но однажды нашлись от мира отметчики, семь человек англичан, которые и пошли против общего мирского дела: один из них снял землю, с которой только-что прогнали арендатора. Союз лохмотников постановил убить его и привел это в исполнение. Явился другой, который снял ту же землю—спровадили и этого вслед за первым, и орудовали таким образом до тех пор, пока не добились своего. Много помещиков, полицейских, сборщиков податей потерпели должное наказание. И народ весь крепко стоит за «лохмотников»: всякий их укроет от преследования полиции, и на суде никто не даст показания против них.

Теперь на место лохмотников составилось другое общество, еще более многочисленное и еще более могущественное. Прозывается оно «Поземельная Лига». Имеет это общество до пятисот отделений во всей стране и насчитывает своих членов до пятисот тысяч человек с семьями. Да, кроме того, оно имеет сношение со многими своими соплеменниками, которые должны были уехать из своего отечества далеко за море. «Поземельная Лига» получает от них большую помощь деньгами, оружием, людьми. Сила этого общества теперь огромна. Пока английское правительство только думает да разговаривает, как быть с Ирландией, как их успокоить, «Поземельная Лига» добилась уже многого, что желательно и полезно для народа, и скоро добьется еще большего. Все признают, что теперь «Поземельная Лига» и есть настоящее правительство, потому, что захочет, то и сделает, какие решения постановит, все их исполнят.

В других странах рабочие тоже стали уже силой настолько большой, что их боятся другие сословия, к их голосу и требованиям прислушиваются правительства и цари. В Англии рабочие союзы насчитывают своих членов больше миллиона: они обладают огромными капиталами и имеют большое значение при разрешении общественных дел. Во Франции рабочие уже не раз прогоняли все свое начальство с царем вместе и захватывали в свои руки государственную власть. У немцев рабочие тоже не спят. Пора же и русским взяться за ум, бросить всякую надежду на царя и его подручных, а самим приняться за дело и прогнать своих притеснителей.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

С месяц тому назад начальство наше, с ведома царя, стало печатать для народа особую газетину; прозывается она «Сельским Вестником». На наш взгляд, так начальству, кажись, куда сподручнее было бы народ в темноте да невежестве держать, потому много знать будет, пожалуй, еще бунтовать начнет, а оно вдруг стало газетину издавать, хочет учить уму-разуму рабочего человека. Вот тебе и штука, понимай, как знаешь. Нет тут, очевидно, что-то не ладно. Надо думать, подвох какой-нибудь есть. Поглядим же поближе, что это такая за газетина, может статься, на деле-то выйдет, что цена ей один ломаный грош, только слава одна, что «народная», а пользы от нее народу вовсе нет никакой.

Ну, батюшка-царь (газетина-то, ведь, от царя идет), сказывай нам доподлинно, где таится причина народной бедности, почему наш мужик—нищий, несмотря на то, что весь век свой трудится. Покажи ты ее, растреклятую, нам! Научи нас, родной! Ведь ты все должен знать, на то ты царь, один управляешь нами, чтобы все дела наши доподлинно знать. Заглянем же в царскую газетину, посмотрим, что в ней об этом предмете написано. А написано-то в ней, братцы, вот что: «Неумеренное употребление вина составляет издавна одну из главных причин, почему крестьянские семьи и даже целые сельские общества не в силах улучшить свое хозяйство и жить зажиточно». Вишь, куда махнул, царь-батюшка. Вишь, оттого мужик беден, что водку здорово пьет. Попал пальцем в небо. Баре-то, ведь, заморское винцо здоровей нашего лущат, бутылочка-то ведь рубля по три стоит, а все же они не беднеют, попрежнему себе брюхо отращивают. Или у них денежки не разменные, сколько хошь прогуливай, все снова вернутся, так, что ли? Эх, голова, голова! Разве мало есть из рабочего люда, что водки и в рот не берут, или употребляют ее аккуратно. А взглянь, как живут они. Как и всякий рабочий, еле перебиваются изо дня в день, гроша лишнего за душой не имеют. Нет, батюшка-царь, не оттого наш мужик беден, что водку пьет, а напротив, потому он и пьет ее, что беден совсем. Как не выпить, как не забыться, когда у тебя за недоимку тащат со двора последнюю лошаденку или коровенку, когда сносят у избы крышу... Пьет наш народ еще оттого, что темнота царит в нем, не знает и не видит он других более полезных удовольствий. А почему наш народ неучен, грамоту даже и ту мало знает? Да где же набраться ему уму-разуму, когда бедность в конец одолела, когда с самых малых лет рабочему приходится начинать трудовую жизнь, самому зарабатывать себе хлеб насущный. У отца с матерью не велик доход, каждый лишний рот на счету, им самим нужна помощь сынишки, нужен его заработок, чтобы прожить кое-как; отдавать же его в школу, платить за него деньги им совсем не под силу. Вырастет мальчуган, сделается заправским рабочим, все та же трудовая жизнь, целый день с утра до позднего вечера зарабатывает себе он копейку. Так есть ли у рабочего время учиться, надежа-православный царь? Нет, при такой работе да при таком жалованьи, как теперь, рабочий многому не научится. Поработал бы ты, батюшка-царь, хоть один день, как рабочий, так посмотрел бы я, какую бы ты песенку петь стал! Попробуй-ка теперь рабочий книжку читать, собраться друг к дружке побалакать о делах, того и гляди, что заорут: «бунтовщики», мигом в участок предоставят.

Совсем другое дело, коли бы народ жил в достатке, земли бы у мужика было вдосталь, подати небольшие, рабочий день был бы, примерно, часов восемь, заработная плата рубля два и больше. Тогда не было бы необходимости рабочему посылать своих ребятишек на фабрики и заводы, ведь он их так же любит, что и барин своих детей, они ему так же дороги и ему хотелось бы ласкать да голубить их, да ведь голод не тетка, нужда не свой брат, волей-неволей приходится отдавать их на работу. Тогда рабочий отдал бы их в школу, гимназию, где бы они многому могли научиться и вышли бы людьми с понятием, образованными. Да и сам бы рабочий имел средства и свободное время, чтобы сходить в библиотеку книжку умную почитать, к своему брату рабочему потолковать об общих делах своего рабочего люда, в театр и проч.

Ну, а все же, как думает царь на Руси пьянство искоренять? Созвал он для этого... Вы братцы, думаете, мужиков? Как бы не так, держи карман шире! Куда мужику с суконным рылом в калашный ряд! Разве мужик понимает, что ему надо? Так созвал, значит, царь просто-на-просто бар, чтобы посоветоваться с ними, как бы пьянство прекратить на Руси. Хоть царь с барами и не решили еще окончательно насчет водки, но и теперь уже можно видеть, что прока у них никакого не выйдет. Кстати сказать вам, что эту самую водку с давних пор обложил царь тяжелою податью, так что каждый год получается с нее в казну около двухсот миллионов рублей, т.-е. почти одну треть всех доходов казны. Понятно, что денежки эти идут прямо из мужицкого кармана. Еще уменьши царь акциз, т.-е. подать с водки, так малость и полегчало бы, потому что простой народ пьет водку обыкновенно по праздникам, в будни-то ведь некогда—работать нужно, ну, а дешевой или дорогой водкой напиться—одно количество ее нужно, разница будет в том, что рабочий пропьет меньше денег, значит, у него больше останется. Уменьшить же акциз с водки царь ни в коем разе не хочет, а думает сократить пьянство, уменьшив число кабаков. А таким манером пьянство не искоренишь; уменьшит царь число кабаков, запретит в некоторых местах держать трактиры да кабаки, станут там торговать водкой тайно, значит, пользы-то никакой и не будет. Предлагают иные царю еще больше назначить податей с водки, только и это опять ни к чему не приведет; водка подорожает, пить ее станут реже, но выпьет мужик раз, да горазд,—еще хуже будет. Видите, братцы, как вас царь с барами нагревают. Я хочу, дескать, и народу помочь... а и денежки за водку мне сполна подавай. И вам-де будет тепло, да и нам не холодно, есть около чего руки греть. Право, кровопий-

цы. Обдирают народ, а вид показывают, будто добра желают ему. Только, думаю я, поймете вы на этот раз, братцы, в какую сторону царь с барами дугу гнет... Ведь все это в царской газете пропечатано.

А, вот послушайте еще, как в той же газетине, это в царской-то, батька-поп издевается, да, прямо издевается над рабочими. «Люди благоразумные замечают,—говорит поп,—что человек, соблюдающий чистоту и опрятность, имеет мысли светлые, намерения добрые, сердце нежное, волю, расположенную к труду и добродетели». Ой ли? Смотри, так ли, батька? Знаешь ли ты, поп, бар, купцов и фабрикантов? Бывал ты у них на квартирах? Уж на что, кажись, палаты, везде чистота да опрятность, нигде соринки нет, зеркала, мебель бархатная, полы так навощены, что нашему брату и пойти по нем никак невозможно, скользко больно, еще башку себе расшибешь. А что они за люди, ты знаешь. Как же, самые светлые у них мысли, как бы больше грабить народ, сердце самое нежное, безо всякой жалости прогоняют тысячами рабочих, гроша медного не подадут рабочему человеку; а уж они ль не трудятся, целый день на рысаках раз'езжают, народ давят пьют, едят за десятерых, по несколько мамзелей у себя держат. Вот работники-то, и как это они не устанут! По твоему, батька, выходит, что, если рабочему человеку приходится жить в грязи да неопрятности, так в нем и человеческого ничего нет? Нет, батька, есть у него много человеческого, справедливости, на всех вас с лишком хватит. Неужто народ наш такая свинья, что любо ему жить в грязи да неопрятности, неужто ему не хочется жить, как следует, по-человечески? Хочется, ой, как хочется, батька, этому рабочему человеку, да пока еще руки коротки, не достать такого житья. А теперь, получая каких-нибудь двадцать-двадцать пять рублей в месяц, разве можно семейному человеку жить хорошо да опрятно? Жена работает где-нибудь на фабрике, присмотреть за домом, значит, некому; заберется артель человек в 10—15 в одну небольшую комнату,—какой может быть тут порядок? Ну, а в деревне, где зимой в избе живет вместе с людьми всякая птица, мелкая скотина, где стирается и сушится перепачканное малолетними ребятишками белье, может быть чистота и опрятность? Эх, поп, поп, как есть толоконный лоб, махал бы ты себе в церкви кадилом, а то учить народ вздумал, как ему следует жить...

О том, куда царь девает денежки, которые всякими правдами и неправдами выколачиваются каждогодно из народа, в газетине нет ни полслова. Видно, опасается он, что как пронюхают мужики, куда деваются их кровные денежки, так, пожалуй, и подати

платить перестанут. За то в каждом номере газетины пишут про царя, что он и такой, сякой, хороший, распригожий и трудолюбивый-то он, с 9 часов утра трудится, слушает доклады министров да ушами хлопает, что и народ-то он свой страсть как любит, одно слово—золото, а не царь. В своей газетине да самого себя хвалит. Ловко. Ржаная каша сама себя хвалит.

Расскажу вам, братцы, на последок потешную штуку про царя. Сам царь, слышите, сам, а он нонче, почитай все время у себя в берлоге сидит в Петергофе (он там жил лето), с мужиком разговаривал, а государыня крестила у его сына ребенка. Вот, как мы, дескать, любим народ, не гнушаемся им. Хошь, положим, вообще разговаривать да крестить—дело не трудное, не велика еще милость, шубу из нее не сошьешь, это не то, что земли дать или подать сложить, а и тут-то царю не выгорело. Мужик этот самый—кулак, всех рыбаков местных в кабале держит, земли скупил себе препорядочно. К кулаку в гости, значит, попал царь. Вот тебе и мужик простой, попал как раз в центру. Вот, братцы, каков есть наш новый царь. Ну, а газетина? Да, уж известно, по Сеньке и шапка, и газетина—плюнуть да растереть!

ЗА КОГО ЦАРЬ

Рассказ

(Окончание.)

— Ну, Егорка, к тебе на квартиру я не пойду, потому приятель один сказывал, жил он у твоей Митревны, что она насчет языка баба бедовая, супротив ее в этом деле никто не выстоит, сплетничает да подслушивать больно любит, а это, брат, нам не с руки, чего доброго, и в кутузку еще угодишь.

— В кутузку? За что в кутузку, ведь мы с тобою не убили кого, не ограбили; так, промеж себя, значит, калякаем. Кому какое дело есть, о чем мы с тобою говорим?

— Эй, ты, простота сердечная! Да, ведь, мы с тобою супротив царя говорим, понимаем мы, что от него все одно, как от козла, ни шерсти, ни молока, ну, а это ему не больно ндравится, не по нутру, значит, приходится; таких людей он в кутузку садит.

— Вишь, он ловкий какой, и говорить супротив него ничего не моги. Так. Ну, так пойдем, к тебе, там побалакаем.

— Нет, это тоже не больно сподручно, да мне и в город сегодня все одно надо итти, так пойдем вместе, дорогой и потолкуем.

— Ну, ладно, прем. Только зачем, Василий Иваныч, ты меня в прошлый раз маленечко поднадул. А? Думал я, что ты мне всю правду, как есть выложишь, а ты брехать начал. Все одно, мол, дурак, и так сойдет. Ведь опосля этого тебе у людей веры нет. Ведь тебе ж хуже будет.

— Чего ты? Белены что ль об'елся, или все еще опосля получки туман в голове ходит? Чего я сбрехнул? Заладил—«сбрехнул» да «сбрехнул», а толком слова не выскажешь. Говори прямо, в чем дело?

— Да пошел я опосля того, как ты у меня был, к землякам в артель, на фабрике они работают, да и ну им рассказывать, что от тебя слышал. Ну, сначала они ругать меня начали, что я царя так распатронивать стал, но, одначе, выслушали, смекнули и сами, что с царем дело-то не особенно ладно выходит, сидят это, значит, и поддакивают мне. Я им и говорю, что, братцы, жить так больше нельзя, не в моготу больше, что надо забирать от бар земли, фабрики да заводы и прочее все такое. Разошелся было совсем, ан, смотришь, тут и закорючка вышла. Застопорил меня один парень... Ты это от кого,—говорит,—слышал?—Да так, у нас, мол, на заводе там один сказывал.—Хошь и видно,—говорит,—что рассказчик твой парень умный, только не все превзошел он. Все верно, как ты сказываешь, по справедливости, так должно, только быть этого ни в коем разе ничего не может, потому не судьба, наш предел,—говорит,—не такой. Какой такой предел?—А так,—сказывает,—мужикам такой предел положен, чтобы завсегда рабочей скотиной быть. Не нашими руками все это поделано, не нами, стало быть, и кончится. Хорошо такое житье, да не про нас оно писано. Ну, брат, и огорошил же он меня этими словами. Стою, как пень, рот разинул, слова не вымолвлю. Вот, тебе, думаю, и счастье наше к чортовой матери улетело. Мужики наши тоже ему поддакивают, плетью обуха, мол, не перешибешь, против рожна не попрешь, и прочее такое. И в самом деле, думаю, судьба. Верно, судьба. Уж сколько годов терпим, ждем лучшего, а его нет, как нет. Не про нас оно, видно, писано. Как же мне об этом Василий Иваныч ничего не сказывал; говорил, что волю раздобыть очень даже возможно. Вот и хватил шилом патоки, раздобыл себе счастье. Ну, признайся, Василий Иваныч, говори напрямик, перехватил малость через край? Потому против судьбы ничего не поделаешь. А?

— Ишь, чорт окаянный! Сам глуп, что мерин сивый, а еще людей мутить вздумал. Дурья ты голова, Егорка. Право, слово, дурья. Судьба, предел! Да, разве прапрадеды наши тоже жили, как и мы? Как бы не так, Федот, да не тот, что называется. Податей

они никаких не платили, князей сами себе выбирали, не понравился князь, спирай, куда хочешь, другого получше отыщут, земли у мужиков было вдоволь, только знай паши, над чем потрудился, то и забирай себе. Почему же нашим предкам была такая судьба, а нам другая? Нет, брат; не в судьбе дело тут. Темнота мужицкая—вот почему всем так плохо живется.

— Да, насчет темноты, это ты верно. Мало чего мужик понимает.

— В том-то штука, что не понимает мужик толком, что именно его давит. Ну, а коли растолковать ему хорошенько, так он и поймет, узнает, где раки зимуют. Стало быть, все это дело неважное, судьба тут совсем ни при чем. Опять возьми. Хоть и не нашими руками строились нонешние порядки, одначе какие-нибудь руки да делали их, не растут они сами по себе, что трава в поле. А коли они созданы руками человеческими, так их и изменить людям же можно. Это, примерно, так будет. Положим, выстроили рабочие дом, тесно жильцам жить там, перестраивать, значит, надо. Так неужто и перестроить его никак невозможно, неужто звать тех же рабочих, что его строили. Совсем нет! Надо только, чтобы люди были, которые понимали, каких именно порядков следует добиваться рабочим. Так-то, брат, как видно, много понимает твой парень, что с панталыку тебя сбил. Аль, по твоему, теперешних порядков ни в жисть не переменить? За какие такие милости привилегия такая нашим порядкам, отчего прежде изменяли их люди, а теперь нельзя? Нет, брат, таких резонов совсем нет. Нет, Егор, всю тебе правду выложил я в прошлый раз; много, брат, за нее людей по царскому веленью в Сибири сидит.

— Прости, родной. Уж больно понатерпелся я, хочется дожить до привольной жизни, все об этом хочется доподлинно разузнать. Только так мне сдается, ты не серчай, Василий Иваныч, что если, примерно, от господ придется насильно все брать, то нам, пожалуй, не выгорит. Силы у них, у проклятых, здорово: деньжищ куча, а с ними можно многое сделать, да и солдаты за них стоят. Ведь, почитай, не один раз бунтовали мужики, добивались себе воли заправской, и кажинный раз их все били. Как ты думаешь, Василий Иваныч? А?

— Да, беспременно придется у них силой все брать, добровольно они ни в жисть не отдадут ничего, потому они к труду да к работе совсем непривычны, жить своим трудом им не с руки, не будешь жить в таком роскошестве да довольстве, как теперь, а им это не любо. Правда, теперь за барами стоит сила большая, только всячески не такая, чтобы одолеть ее было бы никак не-

возможно. К примеру, возьми не нашинских рабочих, ну, что ль, англичанских. И у них вначале, как и у нас, очень мало силы было, а взглянь-ка теперь, такими делами ворочают, что держись. И понимающего народа у них много, и деньжищ много. Ну, а насчет бунтов, это тоже ничего не значит, потому поднимался народ не вместе, да окромя этого супротив ружей да пушек вилой да кулаком много не навоюешь, мигом в повиновение приведут. Другое дело, если бунтовать начнет весь народ, тогда и насчет солдатов сомнительно, может—и за нас пойдут. Да и у нас дело совсем не так плохо, есть и у нас друзья, социалистами они прозываются, за народ они крепко грудью стоят. Надо только, чтобы наш брат сам не зевал, открывал глаза своим товарищам-рабочим, грудью стоял бы за интересы народа, цапался бы с врагами народными—барами, купцами да фабрикантами. Тогда и у нас дело пойдет хорошо.

— Эх, Василий Иваныч, кабы мне все знать да ведать, как ты, так и я б стал на заводе рассказывать землякам правду настоящую, только не знаю теперь ничего я, шустрый парень живо с толку собьет, конфуз один только выйдет. Поучил бы ты меня, Василий Иваныч. Сделай милость, поучи!

— Ведь, я сказывал тебе, что друзья у нас есть, вот они постоянно, окромя того, что в тайных книжках да газетах стараются раз'яснить все рабочему человеку, и сами рассказывают да учат рабочих. Хошь познакомлю тебя с одним, он тебя всему выучит.

— Вот так спасибо тебе, Василий Иваныч; беспременно познакомь. Только когда ж?

— Да пойдем вместе со мной, там и познакомимся, только об этом, смотри, молчок. Ну, нам в этот дом надо итти.

— Вот так здорово! Задам я теперя перцу всяким прохвостам!

ЗЕРНО

РАБОЧИЙ ЛИСТОК

№ 6 Ноябрь 1881 г.

Цена 3 коп.

С.-Петербург, 10 ноября 1881 г.

Должно быть, братцы, всякий из вас знает сказку про Ивана-Царевича. Помните ли, как Иван приехал на перекресток, где расходятся три пути, и не знает, куда ему дорогу держать. Только видит, стоит столб, и на столбе надпись: «если пойдешь вправо—сам пропадешь, конь цел останется; пойдешь прямо—сам пропадешь и с конем, а налево свернешь—конь пропадет, зато сам цел останешься». Как ни жалко было коня, все-таки Иван решил итти влево, чтобы хоть самому целым на дорогу настоящую пробиться.

Вот, к примеру, в таком положении находится в настоящее время русский народ. Плохо, невмоготу стало жить рабочему люду. И думает он думушку тяжкую, как ему быть, как горю общему пособить. По какому пути итти надобно, чтобы выбиться из настоящего горького положения? Есть один путь—на царя-батюшку надеяться, на начальство милостивое уповать. Так по деревням во многих местах и ждут, что вот-вот царь отнимет землю у помещиков и мужикам раздаст. Да, как бы не так, держи карман пошире! С такой пустой надеждой, которой разве только одни слепые да глухие могут верить, в гроб сойдешь голодный, а путного ничего не дождешься. Цари только и дают то, что у них силой сорвешь, и мирволят больше своей братье—богатым людям, чем рабочему человеку.

Другой путь—бросить всякую надежду на то, что рабочему человеку станет когда-либо дышаться вольнее, решить, что должно быть так уже от судьбы свыше указано, чтобы рабочий трудился на господ, купцов и чиновников, чтобы обирали его кулаки-хозя-

ева да царские прислужники. Только это вздор. Стыдно и совестно так рассуждать порядочному человеку. Так может рассуждать только тот, который себя и за человека не считает, а за рабочую скотину. Кто забывает, что и он создан по образу и подобию всех людей. Все равны между собою, и по справедливости всякий должен жить своим собственным трудом, а никто не имеет права заедать чужой век.

Не должно быть ни дармоедов, гнетущих народ и высасывающих из него соки, ни изнуренных работой и все-таки живущих впроголодь бедняков. Вот почему те, которые говорят, что рабочему никогда не выбиться из его горькой доли, врали и себе и всему рабочему люду. Своею покорностью и своим холопством они сами в ущерб себе, своим товарищам и братьям помогают народным притеснителям, которые пока не зевают, а все больше и больше опутывают трудящийся народ. Вот что значит: прямо пойдешь—сам пропадешь и с конем. Если станешь покорно тянуть лямку, да безропотно работать на кулака-помещика да на хозяина-фабриканта, тогда погибло твое дело, сам ты будешь голодать до гробовой доски, да не лучшая доля ждет и братьев твоих и детей твоих, и их жизнь пройдет в тяжком рабстве да в работе на других. Но этого быть и не должно.

Есть еще третий путь, третий исход. Тут конь пропадет, да зато сам жив останешься и на настоящую дорогу пробьешься; тут будет много потери, зато много выгодаешь; тут придется принести немалые жертвы, тут придется рисковать много, зато только этим путем и выбьешься из нужды, только этим путем и станешь сам себе и хозяином, и господином, не будут тобою ни помыкать, ни обирать тебя никто. Путь этот—революция, т.-е. восстание против всех нынешних порядков, бунт против всех, кто обирает рабочий народ и пользуется его трудом. Дело тут не в Петре или Иване, не в том или ином человеке, а именно во всех порядках нынешних; это надо твердо помнить и надо твердо знать то, что рабочему и крестьянину только тогда станет житься лучше, когда на место нынешних порядков заведется порядок социалистический, о котором было говорено в № 3. Вот и надо силой, собственными руками да собственной грудью добиваться того, чтобы нынешний строй жизни и государственный порядок заменить более справедливым, где не было бы возможности одному человеку обирать и притеснять другого. Этого надо добиться силой, потому что нельзя надеяться, что защитники теперешних порядков добром отступятся от них. Этот путь рискованный, но вместе с тем единственно надежный и верный, он потребует много жертв и потерь, но зато только он и приведет к успешному, желан-

ному концу. Все враги народа соединятся и ополчатся на защиту выгодных им нынешних государственных порядков и не пожалеют никаких средств, чтобы не дать народу освободиться. И многим из тех, что станут грудью за народное дело, придется погибнуть в борьбе, не один борец падет под ударом врагов, но все-таки народное дело выгорит. Только этим путем рабочие станут людьми обеспеченными и свободными.

Уж с того одного, как жестоко расправляются наши нынешние господа заправители со всяким, кто осмелится выступить против них и призывать народ на борьбу за освобождение от кулацкой кабалы и полицейского гнета, видно, как они опасаются за свое положение и не надеются удержаться, если народ станет на собственные ноги. Они прекрасно знают, что народ можно давить только до тех пор, пока он не решится сопротивляться этому, пока он, подобно богатырю, убаюканному лукавой чародейкой, не проснется от тяжелого сна. Вот почему они так боятся и преследуют тех, которые будят народ и призывают его стать за лучший порядок и за его права, которые говорят крестьянину, что ему надо взять землю, а рабочему заводы и фабрики, что хозяином во всей стране должен быть сам народ, а управлять ею должны его собственные выборные. Поэтому смелее вступайте в борьбу против отживающих свой век порядков и против из своей корысти защитников их. Победа будет за вами, только открытой и смелой борьбой вы добьетесь лучшей участи и освобождения; если многим из вас не удастся добиться этого для себя, то вы добудете лучшую долю своим младшим братьям и сыновьям. На эту борьбу за народное освобождение зовут рабочий люд социалисты-революционеры, потому что дело народа—их дело.

Еще повторяем: освободиться от народных разорителей и притеснителей можно только открытой борьбой и всенародным восстанием, и русскому рабочему народу остается избрать этот путь, ибо сказано: «только в борьбе обретешь ты право свое».

Но не следует думать, что великий бунт сразу же принесет счастие и лучшее будущее восставшему народу. Увы! Так долго давили и гнули в бараний рог рабочий народ, что теперь добыть ему свободу стало делом сложным и трудным. Бунты бывали не раз на Руси и раньше, бунты разные: и мелкие и крупные. Бунтовали и отдельные деревни или волости, бунтовали и десятки тысяч народа сразу, а бывало и так, что половина и больше страны сразу зальется кровавым пожаром бунтов. Всякий, конечно, слыхал и про бунт Стеньки Разина и про Пугачевщину, всколебавшую весь приволжский народ и чуть было не одолев-

шую и самой Москвы. Да не выгорело, однако, тогда народное дело, не довели его до конца. Правительство победило восставший против него народ и учинило тогда расправу с бунтовщиками по-своему. Бывали и после того народные бунты не раз, бунтовали и в городах, бунтовали и по деревням целыми уездами, и даже губерниями, но и тут ничего не вышло.

Спрашивается, где же причина этого и не правы ли те, которые говорят, что рабочему надо покоряться начальству и молчать и что бунты ничего хорошего не дадут? Мы уже говорили на это раньше, что нет и тысячу раз нет. Вся причина здесь заключается в том, как и из-за чего бунтовать. Если не знать ясно и твердо, из-за чего бунтоваться и за что стоять, не уметь различить добрых людей от злых недругов значит бунтоваться на погибель себе. Так, крестьяне после манифеста 19 февраля 1861 года бунтовали и добивались настоящей, заправской чистой воли, то-есть полного освобождения вместе с землею. Но они бунтовали порознь, не сумели стать всем стеною заодно да думали, что на их стороне и царь и закон, — царь, который не ими поставлен, правит, не спрашиваясь народных выборных и советуясь только с чиновниками, врагами народа; и закон, который пишется теми же чиновниками для собственного их интереса и против народа. Могли ли они иметь успех, когда на самом деле царь и закон были на стороне помещиков и против крестьян? Или вот другой пример. Не дальше, как этим летом, во многих городах, местечках и отчасти деревнях, на Юге, произошли так называемые беспорядки против евреев. Толпа бросалась на еврейские дома и уничтожала их имущество; начальство арестовало многих из толпы и на спинах арестованных прутьями прописала манифест нового царя. Народ не выиграл ничего от этого бунта, но разве он мог чего-нибудь добиться, действуя зря и без всякой подготовки? Вместо того, чтобы добиваться замены невыносимо тяжелых порядков лучшими, он только выместил свою злобу на евреях. Но разве только одни евреи гнетут его и пользуются даром его трудом, разве кулаки из крестьян или помещики лучше, разве не они забрали землю у крестьян и по-прежнему заставляют их отбывать на себе барщину, разве русский хозяин-фабрикант не наровит сорвать с рабочего последний заработанный гривенник? Происхождение и вера тут ничего не значат: всякий принадлежит к тому племени, от которого родился, и исповедует веру, какую ему велит его совесть. За это никого нельзя ни хвалить, ни винить. А грабеж и обирательство не знает ни племени, ни веры. Ведь и среди евреев есть много таких, которым приходится жить своим тру-

дом и которых их богатые соплеменники обирают не хуже, чем русский фабрикант своих русских рабочих. Евреи рабочие так же нуждаются в лучших порядках, как и рабочие русские, поэтому их дело — общее: ввести лучший порядок управления в стране и обеспечить полный заработок каждому, кто желает сам трудиться, без различия, русский ли он, еврей, татарин или поляк. Вот к этому и следует стремиться, этого стоит добиваться.

Чтобы народный бунт увенчался успехом и доставил народу освобождение, необходимо *два условия, чтобы существовало единодушие, общее согласие на этот счет, так, что как только* поднимается бунт в одном месте, так чтобы его подхватили и в других местностях, как по городам, так и по деревням. Если таким образом бунт произойдет одновременно во многих местностях, тогда правительству не совладать с ним, оно принуждено будет раздробить свои силы по частям, и потому народ повсюду одержит победу. Поэтому необходимо стараться, чтобы на этот счет был сговор заранее, и всякий должен толковать об этом повсюду, куда ни забросить его судьба, в город или в деревню. Это первое условие. Второе условие еще более важно. Необходимо, чтобы народ бунтовал не зря, без цели и без толку, а сознательно и обдуманно и именно с целью заменить нынешние порядки новыми, по которым земля перейдет в пользование крестьянам, а заводы и фабрики — рабочим артелям. Вот почему всякое восстание должно быть направлено против лиц, имеющих власть и насильно навязывающих народу ненавистные ему порядки. И при самом начале восстания следует назначать своих выборных и доверенных людей, которые сместили бы прежние власти и стали бы сами на их место управлять и вводить новые. Вот поэтому-то в настоящее время более всего следует заботиться о том, чтобы в народе распространились правильные мысли о том, каких порядков надо добиваться и как их добыть, чтобы никто не относился к общенародному делу спустя рукава, а стал бы за него грудью и готов был бы дать отпор врагам народа. Только тогда произойдет всенародное восстание, которое увенчается успехом. Только революция, т.-е. общенародное восстание с целью заменить невыгодные народу порядки лучшими и создать такое правительство, которое стояло бы за народ, принесет народу облегчение и освобождение. К этому следует готовиться и призывать рабочий люд и крестьянство.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

У нас на Руси теперь новый царь. Многие, должно быть, думают да гадают, чем-то будет он для бедного, рабочего человека: отцом-батюшкой или злым вотчимом? И действительно новый царь еще мало чего сделал, а уж успел показать себя, показать, чью руку он тянет.

Царь, хоть и молодой, да все-таки живет не первый день. Было много у него времени заранее на досуге ознакомиться с неправдой, гуляющей на русской земле, с горем и нуждой рабочего люда. Было у него время узнать все это и мог он сразу, как вступил на царство, сделать доброе дело, защитить рабочего человека от прижимок разных обирателей, кулаков и чиновников. Ну вот уже прошло 7 месяцев, как царь вступил на престол, а путного до сих пор еще ничего не сделал. Только, чтобы морочить добрых людей, завел речь о выкупных платежах и о переселениях.

Кажется, дело простое и думать тут долго нечего. Крестьяне и без того уже много переплатили за землю, которую старые цари отняли у мужиков и отдали помещикам, поэтому следовало бы прямо уничтожить все выкупные платежи да и остальную барскую землю отдать крестьянам. Вопрос о переселениях тоже прост: тесно где живется народу, нехватает земли, так пусть идут люди в другое место, где просторно: без крайней нужды никто не покинет своего поля. Спроси царь у выборных от крестьян, они сказали бы ему, как лучше решить это дело. Но царь с простым рабочим человеком не хочет советоваться. Министров он набрал себе из знати да для совета, для помощи им пригласил сведущих людей, все из бар да купцов. Можно ли ждать рабочему человеку добра от таких советников, неужли они по доброй воле откажутся от прижимок и притеснений, которые сами делают трудящемуся народу? На чем они порешат, поговорим подробно после, а теперь напомним слова главных царских министров по поводу крестьянских переселений. Мы, — говорили они приглашенным на совет сведущим людям, — пришли к глубокому убеждению всемерно сдерживать порывы крестьян к переселению.

Эх, царь, царь, к чему же ты поднял вопрос о переселениях крестьян, если своим министрам дал приказ «всемерно», т.-е. всеми силами, удерживать крестьян на старых местах, чтобы они были дешевыми работниками у помещиков и надежными арендаторами их земель? Да, братцы, если б царь думал быть не злым вотчимом для рабочих людей, а кормильцем-батюшкой, то, долж-

но быть, для совету к себе стал бы приглашать не богачей, а выборных от рабочих людей.

А то выходит, что все это пустые разговоры: переселяться на самом деле народу не дадут, а выкупных платежей сложат около рубля с души, много ли это значит? Да еще, пожалуй, постараются этот рубль на чем другом выгодать. Много ли вообще могут рабочие ждать себе облегчений от правительства, когда царь и его министры толкуют про мужика то же, что кулаки или баре из старых крепостников, что мужик-де от того беден, что пьянствует. Верят ли только эти господа сами тому, что говорят? Ведь если бы в этом была хоть доля правды, они сами давно по миру ходили бы, потому известное дело, кто больше пьет, мужик или барин; барин одного этого заморского вина быдует страсть, а иной купчина в толстое свое пузо льет все равно, что в бочку бездонную, а ничего — мошна все-таки у них отдувается, а мужику на самом-то деле редко когда и приходится выпить порядком, разве в годовые праздники. И то сказать — рабочему человеку не беда подкрепить себя рюмочкой, а по т о ч н о м у с ч е т у выходит, что русский рабочий круглым числом за год потребляет меньше вина, чем рабочие в других странах. Значит, вовсе уже он не такой от'явленный пьяница, и не оттого и беднота его происходит, а скорей наоборот, от голода да с горя и пьет рабочий человек. Вот всем этим господам, толкующим про пьянство народа, не мешало бы припомнить, как в стихотворениях Некрасова описано, каким образом мужичек один барина, толкующего на этот счет, тоже метко осадил. Барин толкует про то, что народ пьянствует, а крестьянин Яким Нагой ему в ответ:

«Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!
Чему ты позавидовал:
Что веселится бедная
Крестьянская душа?
Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем,
Нас пьяных много водится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмем ведерко с водкою,
Пойдем-ка по избам:
В одной, в другой навалятся,

А в третьей не притронутся,—
У нас на семью пьющую
Непьющая семья.
Не пьют, а также маются,
Уж лучше б пили, глупые,
Да совесть такова...
Чудно смотреть, как ввалится
В такую избу трезвую
Мужицкая беда.
И не глядел бы... Видывал
В страду деревни русские?
В питейном что ль народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые.
Скажи-ка, чьей рукой
С весны они оденутся,
А осенью разденутся?
Встречал ты мужика
После работы вечером?
На пожне гору добрую
Поставил, с'ел с горошину.
— Эй, богатырь, соломинкой
Сшибу, посторонись!
Сладка еда крестьянская,
Весь век пила железная
Жует, а есть не ест.
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на еду не плачемся...
Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика...
. . . . . .
«Нет меры хмелю русскому».
А горе наше мерили?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет;

Так неужель над чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь?
А что глядеть зазорно вам,
Как пьяные валяются,
Так погляди поди,
Как из болота волоком,
Крестьяне сено мокрое,
Скосивши, волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочкам, по зазоринам
Ползком ползет с плетюхами,—
Трещит крестьянский пуп.
Под солнышком без шапочек,
В поту, в грязи по макушку,
Осокою изрезаны,
Болотным гадом, мошкою
Из'еденные в кровь, —
— Небось, мы тут красивее!
Жалеть — жалей, умеючи,
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и гульбе...
У каждого крестьянина
Душа, что туча черная, —
Гневна, грозна, — и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождем,
А все вином кончается.
Пошла по жилам чарочка —
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа...»

Еще следует принять в расчет и то, что правительству нашему пьянство на руку, потому немалая часть доходов ему идет с этого пьянства — именно, с акцизного сбора за вино. И, небось, как стали толковать об уменьшении пьянства, сразу за свой карман хватились. Министры так прямо и заявили, что хорошо бы

уменьшить пьянство, да только лишь бы наш доход с этой статьи шел бы попрежнему, без убыли... Вот и выходит, что им самим и охота, и расчет спаивать народ, и больше они хлопочут про свои доходы, чем о помощи разоренному народу.

Задумал еще старый царь переменить управление по крестьянским делам (уездные по крестьянских делам присутствия) и заменить его чем-нибудь иным, и тоже за советом по этому делу обратился к дворянам, заседающим в наших земствах. Совестно стало даже барам решать мужицкие дела без согласия крестьян, и вот Весьегонское земство Тверской губернии написало новому царю просьбу, что справедливее и лучше будет, если в мужицком деле спросит он мнение самих мужиков: пусть-де они посоветуются по вопросу о переменах, их касающихся, с кем вздумают, и, обсудив дело на сходах, дадут царю ответ. Царь в июне месяце нынешнего года на просьбу Весьегонского земства ответил отказом.

Или вот вам пример, как иногда царь начистоту действует за бар. Между прочим, правительство задумало земское дело целиком передать в руки дворян да богатых кулаков, по примеру того, как городское управление все находится в руках купцов да фабрикантов, а выборных от рабочих в думу совсем не пускают. Вот, чтобы удружить барам Петербургского уезда, в июне месяце нынешнего года было обнародавано высочайшее (т.-е. царем) утвержденное мнение государственного совета, по которому петербургское земство должно состоять из 20 выборных от землевладельцев и только из 10 от крестьян. И прежде в петербургском земстве выборных от бар, по закону, было почти в полтора раза более, чем от крестьян (от землевладельцев 8, а от крестьян 6), значит, и прежде баре могли всегда брать верх над мужиками, но Александр III захотел еще больше дать силы в земстве дворянам. Значит, теперь в земстве всякое дело богачи могут решить по-своему, не слушая голоса крестьян; крестьяне же допускаются в земство для вида, для отвода глаз.

Расскажем еще одно дело, где видно, как ловко распоряжается правительство. 29-го сентября 1881 года в петербургской судебной палате разбиралось дело о лицах, принадлежащих к партии «Черного Передела». В чем обвинялись эти люди, из газет не видно, поэтому мы расскажем это здесь. Подсудимые еще при старом царе стали печатать газету, которую назвали «Черным Переделом». В этой газете говорилось, что в русской земле много неправды, что хорошо и правильно у нас живется только тем, которые обирают трудящийся люд. Говорилось еще в этой газете про то, что крестьяне не даром толкуют про «черный передел».

да только ждать его от царя нечего, а надо народу самому взяться за это дело — крестьянам забрать в свои руки землю, а рабочим — фабрики и заводы, да правительство составить из своих же выборных людей. Крепко не полюбились эти речи старому царю, и он приказал людей, издававших газету, посадить в тюрьму, а новый царь назначил над ними суд; суд приговорил их к ссылке в Сибирь. И так, честных людей новый царь, по примеру отца, отправляет в Сибирь, а богатых воров и поджигателей в роде Овсянникова, что сжег мельницу, чтобы страховые деньги забрать, ворочает оттуда обратно. Мало, знать, стоит за совесть и правду. Вот и дело о лицах, судившихся за убийство старого царя, тоже переврали в газетных отчетах, а теперь решили вовсе молчать о таких делах. Поэтому-то дело об лицах, судившихся за печатание «Черного Передела», хотевших народу рассказать правду, царь вовсе запретил печатать, да и судили их при закрытых дверях, т.-е. никого из публики в суд не пустили, побоялись, значит, чтобы рабочие люди не видели из этого дела, на чьей стороне царь стоит: на стороне богачей или бедняков.

Царь понимает, что простые люди не поблагодарят его, если узнают, что для них путного он ничего не хочет делать, а думает лишь отводить им глаза, заговаривать зубы, поднимая с барами пустые разговоры о выкупных платежах, о переселениях да про то, что мужик — заклятый пьяница.

МУЖИЦКАЯ БЕСЕДА.

Рассказ.

В небольшой деревеньке — каких-нибудь 20 дворов — все уже полегли спать; в окнах не видно света, на улице нет ни души. Только в одной избе, стоящей особняком от других, на высоком, крутом берегу быстрого ручья, из окон сквозь ветви деревьев виднелся свет.

В этой избе жил 60-тилетний старик из дворовых. И молодые, и старые — все звали его «дед Гермоген»; во времена крепостного права, за грамотность да за соображение, он был у барина в приказчиках; после освобождения управлял лет пять барским имением.

На деревне не запомнят, чтобы кого-нибудь дед Гермоген обидел, чтобы кому-нибудь отказал в помощи или в совете; ни один сход без деда Гермогена ничего не решал...

Живет он небогато, сам обрабатывает свою полосу, которую мир отрезает ему при всякой дележке, наравне с прочими хозяевами. Вот из его-то избы и светился огонек, а в избе за столом сидели человек 12 мужиков, пили чай да разговоры вели... известно, какие у мужиков разговоры: на счет земли все, — «когда-то только ее, матушку, от господ отберут»...

— Пафнут Васильевич, — обратился дед Гермоген к одному из сидящих за столом; это был черноволосый, худой мужик, он сначала плотничал в своей деревне, а потом ушел в город и поступил в церковь в караульщики: — а, Пафнут Васильевич, расскажи, братец ты мой, как это к царю три митрополита приезжали.

— Рассказывал, ведь чего ж тебе еще, — огрызнулся плотник.

— Что, видно, не хочется, а то бы мужики тоже послушали.

— Сказывай, Пафнут Васильевич, ничего, — заговорили со всех сторон.

— Нет, братцы, ему не рука теперь такие басни рассказывать, уж я за него — уж я за него. Это как царя во дворце взрывали, так, стало быть, к нему после этого враз три митрополита приехали, и никто их не звал, сами приехали и говорят ему: «ну, теперь, батюшка, живи себе покойно, и ничего этого больше не будет, долго еще проживешь и помрешь своею смертью, потому ты — царь, помазанник божий». Что ж, Пафнут Васильевич, выходит, что эти самые твои митрополиты все наврали. Как еще убили-то, а?

— Известно, царь — помазанник, — проговорил плотник.

— Да бог-то от него отступился, — перебил его дед, — за то, что мужиков на грабеж барам отдал, волю дал такую, что с нею, к примеру, вон дубовские с голоду помирают: всю скотину у них за подати да за долги распродали, а чуть было стали не давать скотину со двора уводить, солдат пригнали...

— Да, ведь, это господа все. Небось, царь-то этого и не знает, — заметил один из мужиков.

— Не знает? — переспросил с усмешкой дед. — Вот за то-то ему и смерть такая вышла — ухлястали середь улицы, — что он этого не знал, что господ да кулаков не окоротил. Какой же он царь, коли этого он знать не хочет, а над своими же подданными над господами, власти никакой не имел?

— Вот молодой-то царь, небось, даст им, — сказал плотник,—в Козлове сказывали, указ-то об земле уж пришел.

— А не сказывали, как молодой-то царь за бунт, почитай, всех хохлов перепорол? Не жду я от них ни от кого проку: яблочко от яблоньки недалеко падает. Покуда насчет царей у нас

такой порядок будет, ничего от них мужики не дождутся,— с уверенностью произнес дед.

— А какой у нас порядок насчет царей, дед Гермоген?—спросил молодой парень, все время внимательно слушавший разговор.

— Да такой, паря, что умен ли ты, глуп ли, все будешь царь, только родись от царя. Нешто это порядок?

— А ты, небось, самый настоящий порядок придумал? — подсмеялся плотник.

— Придумал, Пафнут Васильевич; не всем же сказки насчет митрополитов сказывать, надо кому-нибудь и об хороших порядках подумать.

— Любопытно бы послушать, какой такой порядок ты придумал? — спросил плотник.

— Правда, дед Гермоген, сказывай! — попросили мужики.— Известно, ты человек грамотный, умственный.

— Отчего ж и не сказать, все скажу, — начал дед. — Должен ли царь, спрошу я вас, изо всех быть самым умственным, самым справедливым, чтобы знал, как все сделать в наилучшем виде, по правде? Для мужичьего хозяйства и то соображение нужно: в большаки, небось, ставят, кого посмышленее, а чуть нехватает, остарел, уж и не годится; а царю-то всей Россией управлять приходится.

— Да, это что толковать, — подтвердили присутствующие, — известно, самого умственного надоть.

— Вот то-то же, — продолжал дед. — А теперь спрошу я вас, нешто можно, чтобы в одном роду, хоша и в царском, старшие сыновья все самые умственные изо всей России рождались? Вон у тебя, Василий Михайлович, — обратился дед к пожилому мужику, — твой Ванюха-то куда годится, как ты ему хозяйство доверишь?

— Это точно, никак нельзя,—согласился Василий Михайлович.

— Да, ведь, цари-то — помазанники божии, — вмешался плотник. — так нам и соборный батюшка говорил.

— Помазанники? — с усмешкой переспросил дед. — Кабы были-то они божьи помазанники, так была бы у нас правда, а то покуда одно грабительство только; поверил ты, Пафнут Васильевич, попу соборному. Коли уж твои митрополиты царя обманули. то поп мужика просто в лучшем виде надует.

Все присутствующие рассмеялись.

— Стало быть, и нельзя, чтобы цари всегда из одного рода были, а каждый раз выбирали бы самого умственного, самого справедливого. тогда к нему и доступ всякому будет, и во все он вникать будет.

— Вестимо, этак куда лучше,—подтвердили мужики.

— Да и выбирать его, нешто на всю жизнь? Да чтобы он ответа никому не отдавал? — этого опять никак нельзя. К примеру взять, старшина у нас был, Михаил Сергеевич-то, мужик умственный, что говорить, и к миру какой прилежный был, а как выбрали в старшины — дальше, больше, — да уж двойные денежки стал с нас взыскивать; кабы усчитывать да сменить-то его нельзя было, так, ведь, он всю волость в разор разорил бы; да это старшина, а что ж, как царь такой попадется? — он всю Россию по миру пустит. Теперь-то почитай что все мужики голодные сидят.

— Это верно, — подтвердили присутствующие.

— А, стало быть, чтобы мошенник какой всем на шею не сел, нужно, чтоб учить царей, а коли что, так и смещать их можно было. Тогда, кого выбирать бы стали, и сказать ему: вот какое житье наше — пить, есть стало нечего, всю хорошую землю господа да кулаки забрали, а ведь она нашей кровью, нашим потом полита, мы за нее давно уже подати заплатили, по правде-то она давно наша: коли отдашь нам землю, чтобы по правде все было, так и будешь царем, а коли не хочешь, и другого найдем: свет-то, ведь, клином не сошелся. Тогда в раз бы всего добились.

— А как же это его учтешь в обмане-то да другим заменишь? тоже — в цари поставил, да без воли оставил, — заметил плотник.

— Воли! Про то и говорю, чтобы он не своей волей правил, да как вздумается, этак он с своей волей и барам ныне руку-то тянет... А вот выбрали своих людей выборных да и приставь к нему смотреть за ним, чтобы он за народное дело стоял и обирателям разным не мирволил; вот какие распорядки выборные укажут, он и должен слушаться, — а без них ничего не моги; а выборных-то мы можем проверять часто и сами, чтобы они из нашей воли не выходили.

Мужики сидели молча, в раздумьи...

— Порядок — что говорить — заправский, да как ты его заведешь? — отозвался плотник.

— Порядок придумали вот, Пафнут Васильевич, бог даст, и, как завести его, придумаем.

— А ты знаешь, дед Гермоген, как завести его? — с живостью спросил молодой парень.

— Расскажу и об этом когда-нибудь, ко времени, а теперь, чай, и спать пора, братцы; завтра нам на покос выходить.

IV. ГРУППА „ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА“

1.

РЕЧЬ АЛЕКСАНДРОВИЧА (П. Б. АКСЕЛЬРОДА) НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ В ХУРЕ

Я присутствую здесь не в качестве делегата и не ожидал, что мне предложено будет рассказать о состоянии социалистического движения в России. Я поэтому и не приготовил никакого отчета по этому вопросу. Вследствие этого я ограничусь только кратким указанием причин непоявления на международном конгрессе делегата от русских социалистов. Это указание даст в то же время некоторое представление о состоянии и условиях социально-революционного движения в России.

Ближайшая и наиболее очередная причина непоявления на этом конгрессе делегата от России заключается в положении для русских революционеров после 13 марта. Страшные преследования делали невозможным для наиболее энергичных и влиятельных членов постоянное пребывание в одном месте; многим приходилось чуть не ежедневно менять свое местопребывание, и бывали случаи, когда нелегальный человек, приехав в какой-нибудь город, должен был немедленно уезжать, потому что местным товарищам невозможно было доставить ему сколько-нибудь безопасное убежище. Присоедините к этому массу арестов, высылок в Сибирь и т. п.—и вы легко поймете, что в социалистических группах должно было наступить временное расстройство и некоторое затишье в их деятельности. Очевидно, что первые усилия влиятельных членов должны были быть направлены, при таких обстоятельствах, на восстановление организации и деятельности революционных элементов и на пополнение их рядов. При такой напряженно-лихорадочной деятельности, окруженной столькими опасностями и трудно вообразимыми препятствиями, неудивительно, что революционным группам в России трудно было уделить долю внимания и усилий на отправку делегата на международный

конгресс. Тем не менее не в этих внешних обстоятельствах заключается *главная* причина отсутствия делегата от русских социалистов. Они во всяком случае могли бы прислать мандат тому или другому из известных им эмигрантов. Главная причина безучастия русских социалистов к интернациональным конгрессам вообще заключается в отсутствии практически осязательных точек соприкосновения между революционным движением в России, с одной стороны, и Западной Европы—с другой.

В России прежде всего отсутствует сколько-нибудь значительная организация рабочих, которая просто на почве повседневной борьбы с хозяевами имела бы прямые и очевидные выгоды от тесной связи с рабочими партиями Запада. Я не хочу этим сказать, что у нас нет социалистов среди рабочих. Наоборот, без преувеличения можно сказать, что в общей сложности в России найдется и теперь несколько тысяч рабочих с социалистическими тенденциями и во всяком случае способных при сколько-нибудь благоприятных условиях образовать серьезную рабочую партию, хотя и не очень обширную в смысле западно-европейском. Но громадное большинство этих рабочих—люди обыкновенные, не герои, многие вдобавок семейные,—словом, они принадлежат все-таки к той категории, которая обозначается словом «масса». Невозможно требовать, чтобы все эти рабочие шли добровольно и сознательно на каторгу и на виселицы,—словом, чтобы они проявляли систематически такой стойкий героизм, на который способны исключительные личности. При всем том в главных центрах не раз возникали рабочие организации, состоявшие из федерации нескольких местных групп. Бывали даже попытки образовать союзы между организациями разных городов. Но при малейшем подозрении или событии, приводящем жандармерию в лихорадочное состояние, десятки преданнейших и инициативных рабочих высылаются административно в Сибирь или арестуются на многие годы в тюрьму. Естественно, что при таких условиях трудно было, по крайней мере до настоящей минуты, возникнуть многочисленной рабочей организации, которая на почве стачек и т. п. легко поняла бы свою тесную связь с международным социально - революционным движением. По этим же причинам наиболее даровитые и героические натуры нашего рабочего класса пристают непосредственно к революционным группам из интеллигенции, в особенности к «Исполнительному Комитету». Движение наше не носит, таким образом, характера *организованной сословной* борьбы, хотя и у нас, как и всюду, существует антагонизм между разными общественными классами.

Несмотря на отсутствие у нас в буквальном смысле слова рабочей партии или крупных рабочих организаций, практическая связь между русскими социалистами и западно-европейскими все же могла бы установиться, если бы условия деятельности и в соседних странах настолько совпадали бы с нашими, что явилась бы необходимость в организации взаимной помощи—в путях сообщения (тайных)—для перевозок запрещенных вещей, писем и т. п. Правда, о всех таких вещах не разговаривают на международных конгрессах, и организация подобных сношений устраивалась бы специальными группами на строго конспиративных началах. Но одно существование подобных практических связей настолько делало бы осязательной, для руководящих революционных групп России, солидарность или, еще точнее, прямую зависимость успеха их дела от общеевропейского революционного движения, что интерес к международным конгрессам возрос бы в очень значительной степени, и хлопоты и издержки на отправку делегата казались бы для всякого социалиста в России существенно полезными для нашего движения. Но характер и условия социалистического движения в пограничных государствах существенно отличаются от нашего. Правда, в Германии в последнее время вынуждены были вступить на путь тайной организации и пропаганды, и в этом обстоятельстве уже дана почва для практических связей с революционными группами в России. Но, во-первых, социалисты Германии еще новички на почве конспирации, а, во-вторых, разница между приемами их деятельности и нашими еще очень велика. Не говоря уже о значительной разнице в политическом гнете, не следует забывать, что в Германии и теперь даже правительство представляет собою все-таки агента экономически привилегированных классов и непосредственно опирается хотя бы на класс землевладельцев, а отчасти и крупной буржуазии. Первостепенную роль в подавлении низших классов играют все-таки политически организованные имущественные сословия. Правительственные лица не могут здесь считаться одни ответственными за преследования социалистов и подавление рабочего движения. Последнее является организованной борьбой низших классов против высших, и система террора против представителей власти, быть может, еще и в данную минуту была бы нецелесообразной и Германии. Впрочем, Бисмарк постарается довести и немецких социалистов до употребления динамита и т. п. по отношению к своим угнетателям, и тогда тесный союз между ними и русскими социалистами сделается вопросом необходимости. Но каково бы ни было отношение социалистов в Германии к подобным революционным действиям в России, последние явля-

ются необходимостью и не могут быть отрицаемы даже с принципиально-социалистической точки зрения. Наше правительство не опирается на какой-нибудь, хотя бы консервативный, класс общества. Развившись из исторических условий, оно в настоящее время опирается только на массу чиновников и солдат, представляя собою разбойничью шайку, высасывающую жизненные соки страны и беспощадно подавляющую всякую оппозицию, из какого бы класса общества она ни исходила. Искренних защитников у него нет или очень мало. Значительная часть общества индиферента в борьбе революционных элементов с правительством. Недовольные же элементы всех классов прямо или косвенно содействуют революционным группам и специально «Исполнительному Комитету», как центру борьбы против общего врага. Таким образом, борьба ведется собственно между двумя организованными группами—революционным меньшинством, с одной стороны, и правительством, с другой. Желая собственными силами подавить революцию ради своих личных интересов, правительство должно само и нести ответственность за все свои зверские деяния. Социалисты не требуют от него коренных социальных преобразований, понимая, что эта задача не по силам ему; только отречения от варварского самоуправства, препятствующего развитию общественной инициативы и организации народных элементов в сознательно и открыто защищающую свои интересы народную партию,—вот единственное требование социалистов от абсолютистского правительства.

Итак, весь характер нашего движения существенно отличается от социалистического даже в Германии, несмотря на его нелегальную форму, и почва для тесной связи между ними пока еще отсутствует. Но мало того: в России даже не знают в точности, как немецкая социальная демократия и западно-европейская вообще относится к тамошним социалистам. Русская эмиграция, конечно, присмотрелась к рабочему движению Запада и живо интересуется им. Она сознает важность участия русских социалистов на международных конгрессах, даже помимо непосредственно практических результатов, просто с точки зрения обмена идей и упрочения моральной солидарности. Но живущие в России имеют только самые общие представления о ходе рабочего движения на Западе и его горячего сочувствия их борьбе. В Россию не пропускаются не только социалистические газеты, но и радикально-республиканские, даже «République Française» и т. п. органы проходят туда с замазанными чернилами страницами, на которых находятся сообщения, неудобные русскому правительству. Конечно, известия о таких громких проявлениях симпатии

рабочих классов Запада к нашему движению, как агитация во Франции против выдачи Гартмана и по поводу Гельфман, доходят и в Россию, хотя и отрывочно. Но, к сожалению, подобные манифестации устраивались до сих пор только в одной Франции, и если бы такие факты чаще повторялись и в других свободных странах, то в России, конечно, живее чувствовали бы значение присылки делегатов на международные рабочие конгрессы в интересах упрочения взаимной солидарности, по крайней мере, моральной—до поры до времени. Как слабо сознание в России практического интереса в участии представителей от революционных групп на международных социалистических конгрессах, благодаря указанным мною причинам, вы можете видеть из следующего факта. Некоторые из моих товарищей, живущих за границей, обратились к группе «Ч. П.» в Питере с предложением поручить кому-нибудь из эмиграции представительство на конгрессе. Группа эта ответила, что, хотя она не видит теперь практического значения в упомянутом предложении, она тем не менее дает полномочие на представительство мне, если мы находим это полезным. Я отклонил это предложение, не считая возможным являться представителем революционного движения в России, не получив обстоятельно формулированного мандата и отчета о состоянии движения; я не мог принять полномочия на представительство при таких условиях, тем более, что уже больше года с четвертью нахожуть вне родины. Как бы то ни было, этот факт характеризует господствующее настроение у нас по отношению к представительству на международных конгрессах, настроение, обусловливаемое указанными мною обстоятельствами. Один из предыдущих ораторов заметил, что желательно было бы знать отношение Исполнительного Комитета к разногласиям между «социальными демократами» и «анархистами». Я должен заявить, что при отрезанности русских социалистов от европейско-американского рабочего движения они не могут даже и знать об этих разногласиях или имеют о них, во всяков случае, смутное представление. Если можно говорить, при таких условиях, об отношении наших революционных групп к здешним социалистическим фракциям, то оно нейтральное и иным быть не может.

Скажу еще несколько слов о взаимных отношениях фракций «Ч. П.» и «Н. В.». Германский делегат заметил сегодня мимоходом, что разница между ними та, что первая стоит исключительно на почве пропаганды, вторая—на почве террора. Это неверно. При теперешних обстоятельствах в России невозможно революционным элементам ограничиться одной пропагандой, как ее здесь понимают. Разница между ними состояла, по крайней мере

прежде (я напоминаю, что я давно из России и, следовательно, могу ошибиться относительно теперешнего положения дел), в том что «Н. В.» требовала сосредоточения деятельности в городах, на почве антиправительственной борьбы—пуская в ход как террор, так и пропаганду, между тем как «Ч. П.» напирал на сосредоточение сил в деревне и на возбуждение духа протеста в крестьянстве также путем пропаганды и террора—например, против особенно ненавистных народу своей эксплоатацией правительственных и даже частных лиц. Приверженцы «Ч. П.» указывали особенно на то обстоятельство, что террор против крайне жестоких эксплоататоров народа произведет такое же возбуждающее действие на оппозиционное настроение народа и сделает провинциальную партию столь же популярною в его среде, как городской террор по отношению к интеллигентным слоям общества. Нельзя далее сказать, чтобы фракция «Н. В.» отличалась от «Ч. П.» меньшей преданностью социализму, как думают некоторые. По крайней мере относительно членов Исполнительного Комитета я могу с полным убеждением заявить, что они глубоко проникнуты социалистическими идеями. Мало того, многие из них, между прочим, Перовская и Кибальчич, даже в тактическом отношении сочувствовали «Ч. П.» и стояли в рядах «Н. В.» только в надежде общими усилиями скорее избавиться от абсолютизма, чтобы затем приняться за несравненно более симпатичную им работу среди народа. Только немногие члены «Н. В.», как, например, героический Желябов, особенно настаивали на агитации преимущественно радикально-политического характера, в виду соображений часто практических, именно: возможно скорого ниспровержения деспотизма и проложения пути к большему развитию народных сил. Словом, принципиально и все члены «Исполнительного Комитета» целиком стоят на почве социализма. Вообще не нужно упускать из виду, что тактика и программа «Н. В.» возникли не по наперед составленному плану или принципу, а постепенно, почти непроизвольно, под влиянием страшных преследований правительственных и крайней трудности образовать истинно народную партию при обстоятельствах, в которых очутились пропагандисты из интеллигенции. Чтобы ближе стать к народу, большинство искренних пропагандистов решилось в начале 70-х годов посвятить себя физическому труду. Но сразу сделаться хорошим рабочим, конечно, невозможно. Более терпеливые тратили по нескольку лет на изучение ремесла; натуры более стремительные отправлялись в среду крестьян без всяких профессиональных знаний, облекаясь только в народный костюм. Но те и другие, в большинстве случаев, не могли приобрести среди

народа уважения как люди практического дела в будничном, хозяйственном смысле слова. При этом, чтобы не возбудить подозрения властей относительно своего происхождения, необходимо было воздерживаться от удовлетворения одной из насущнейших потребностей интеллигентного человека—чтения книг, журналов, а то и газет. Рабочий, посвящающий свои досуги подобным занятиям,—личность очень подозрительная для русского полицейского или жандарма. При таких обстоятельствах неудивительно, что вляние пропагандистов в народной среде росло далеко не с такой быстротой, как многие надеялись, что в связи с варварскими преследованиями постепенно выработалась мысль о выступлении на путь более интенсивной борьбы, а затем и о временном концентрировании сил на борьбе за освобождение России от абсолютизма. О принципиальном отречении от социализма не может быть, следовательно, и речи, и с этой стороны нет различия между обеими фракциями. Но разница между ними проявилась, помимо вопроса о центре деятельности, по отношению к политическим требованиям: «Н. В.» выдвинула политическим лозунгом созвание земского собора, «Ч. П.» высказался против этого требования, как не соответствующего разнообразию составных элементов чудовищно обширной империи. Невозможно представить себе такого парламента, который сколько-нибудь сносно мог бы регулировать разнообразные интересы столь разнообразного населения,—возражали из рядов фракции «Ч. П.». Поэтому центром тяжести политических требований должно быть требование общинной и областной автономии и свободных федераций населения разных местностей.

Повторяю еще раз, что я уже больше года из России, и все сказанное мною относится к прошедшему. По новейшим же сведениям можно заключить, что обе фракции сближаются между собою и, быть может, скоро сольются в одну организацию. Это тем более вероятно, что фракция «Н. В» на деле давно уже энергично принялась за организационную работу среди городских рабочих и взывает к молодежи о необходимости приняться за агитацию в крестьянстве. Она ясно высказалась за устремление революционных элементов на подготовление народного восстания. С другой стороны, «Ч. П.» признал необходимость специально политической борьбы для избавления народа от гнета абсолютизма. Обе фракции отказались от некоторых своих крайностей, и весьма вероятно, что они скоро выступят на борьбу против современного строя соединенными силами.

В заключение считаю нужным указать на причины одного весьма странного обстоятельства. «Исполнительный Комитет» ря-

дом героических усилий проявил свою деятельность. Группа «Ч. П.» ни одним фактом не заявила о своем существовании. Непосредственная причина этого явления заключается, по моему мнению, в том, что наиболее опытные и предприимчивые в деле организации люди с самого начала разделения оказались в «Исполнительном Комитете», и, как показывает само название, группа, составлявшая его, уже до разделения представляла собою организацию. Группа же «Ч. П.» образовалась из лиц, отчасти состоявших в одной общей организации с членами, вошедшими в фракцию «Н. В.», отчасти из лиц, не состоявших ни в какой организации. Им нужно было наскоро организоваться и выработать план действий в духе своей программы. Для этого, кроме внешних благоприятных обстоятельств, нужен был контингент особенно даровитых организаторов. Но ни того, ни другого не оказалось. Был, правда, в группе «Ч. П.» один член с выдающимися организаторскими способностями—Стефанович, но ему вместе с некоторыми другими членами пришлось по настоянию самих товарищей уехать за границу, так как опасались очень настойчивых поисков со стороны полиции. Вскоре была арестована типография «Ч. П.»—и на смену сравнительно опытных руководителей фракции должны были выступить люди, стоявшие до сих пор вне непосредственно-революционного дела и только косвенно помогавшие ему. При таких чрезвычайных обстоятельствах, какие наступили в России после московского взрыва, нечего было и рассчитывать, чтобы эта молодежь могла в короткое время приобрести хотя бы ту опытность, какую выработали в себе многими годами практики лица, вошедшие в состав Исполнительного Комитета.

«Вольное Слово», № 13, 1 ноября (19 октября) 1881 г.

2

ПИСЬМО И. Н. ПРИСЕЦКОГО В «ВОЛЬНОЕ СЛОВО».

Les pays ne sont pas cultivés en raison de leur fertilité, mais en raison de leur liberté

Montesquieu.

Мысли и дела их подобны звездам, которые дают мало света, потому что они далеки от земли.

Бекон.

Милостивый Государь! Орган «Вольное Слово» по самому положению своему обязан способствовать выяснению общественной мысли в России, выяснению идей и целей нарождающихся партий,

их отношений ко всему обществу вообще и друг к другу в частности.—Не говоря о большой, но еще не сформировавшейся партии либералов, партии славянофилов и иных прочих партиях мирного прогресса, две партии социально-революционного движения останавливают на себе всеобщее внимание. Это партия «Народная Воля», или, как ее часто называют, партия террористов, и партия народников, или чистых социалистов.

Что породило их, каково их значение в истории русской жизни, каково отношение их друг к другу и ко всему обществу и пр. и пр.—вот вопросы, которые неминуемо должны были быть подняты на страницах вашего органа. К сожалению, кроме замечания об ангельской кротости социалистов-пропагандистов и вскользь брошенного, неодобрительного отзыва о террористах, до сих пор по этому вопросу ничего не появилось в вашем органе. Считая выяснение вопроса об истинном значении обоих течений нашей социально-революционной мысли очень важным, я решился, не претендуя на полноту и всесторонность, изложить несколько мыслей по этому вопросу.

Как известно, народническое движение считает свое начало с очень давних времен. Тяжелое экономическое положение русского народа не могло не отозваться в чуткой душе нашей интеллигенции. В 1856—61 годах она с юношеским жаром увлеклась идеей освобождения крестьян. Оно совершилось. Как совершилось,—другое дело. Продолжительная борьба утомила непривычные нервы. Русская интеллигенция задремала. И вот, посреди этой дремоты, лишь изредка прерываемой то каракозовщиной, то нечаевщиной, раздались раздирающие душу стоны парижского народа, бьющегося на баррикадах. Это была Парижская Коммуна.

Стоны и ужас массами расстреливаемых борцов за идею, их геройская самооборона и удивительная стойкость не могли не дойти до слуха дремавшей интеллигенции.

С ужасом она встрепенулась. Она прислушивается, дрожа, к этим ужасным событиям. Запах крови доносится до нее... Нервы напряглись... Но вот все замолкло... Зарево и тишина... Так внезапно, после долгой дремоты, возбужденные нервы не могут скоро успокоиться; они ищут пищи, мысль работает. Она обращает свои взоры к себе, к своей родине, недавно только освобожденной от крепостного права. И что же представляется ее глазам: тяжелые черные тучи носятся над русским народом. Горе голода, горе холода, горе непроглядной нужды, горе выбиваемых и вымораживаемых недоимок, горе преследований за веру, горе эпидемий, уносящих и старых и малых...

Отовсюду несся стон русского народа.

Но то не был геройский стон парижских коммунаров, вызывающий удивление и гордость, нет, то был стон задавленный, боязливый, но тем более ужасный. Человек, раз прислушавшийся к нему, не мог его забыть, он всегда был с ним... Нужен был выход. Здесь начинается пролог социально-революционного движения. Образовались кружки молодежи с целью итти в народ, Просветить его и приготовить к лучшему будущему. Сильная своим геройством, своей любовью к мужику, своим самоотвержением, неопытная, несведущая молодежь двинулась по всей России с проповедью социальной революции. Какой же умственный багаж был с ней? «Ничего иль очень мало». Много любви и мало науки, знания.—«Народ не развит, он не нуждается и не понимает высших требований цивилизованной жизни; чтобы интеллигенция могла жить интеллигентной жизнью, она должна проедать трудовые деньги народа, должна питаться его соками; чтобы один человек мог учиться и двигать прогресс, необходимо, чтобы, по крайней мере, 10 человек на него работали». Таковы были господствующие идеи нашей молодежи. Взволнованному юноше уже представлялось, сколько человек голодает, потому что он сыт; сколько человек он сделал несчастными лишь одним своим существованием. Образ замученного, забитого, с укором смотрящего на него мужика преследует его воображение. Где выход?!

Неужели он будет жить попрежнему?

Неужели он будет сознательно есть плоть и пить мужицкую кровь?! Подобная мысль приводила его в содрогание. Нет, более этого не будет! Отныне ни одна крошка хлеба не перейдет из мужицкого в его панский рот. В отплату же за все страдания, причиненные им мужику, он клянется посвятить всю свою жизнь на служение народу. Последовательная мысль юноши идет далее: «если наука, если цивилизация идет мимо мужика, не улучшая его положения, а только ухудшая его, то прочь ее, эту науку, прочь ее, эту цивилизацию!». И вот раздается везде крик: «Долой науку, бросайте университеты, гимназии, беритесь за черный труд и проповедуйте народу социальную революцию». Среди молодежи, проповедывавшей о ненужности наук, находились еще люди, посвящавшие свои досуги чтению книг социалистического направления—о рабочем движении, о революциях и пр., и пр.

Что могли дать им эти книги, каким образом их ум, не привыкший к самостоятельной работе и к оценке исторических событий, мог воспринять ряд мыслей этих писателей? Нужно вспомнить, что это было за время тогда в Западной Европе.—Каково было направление мысли в западной социалистической литературе? В это время на Западе царило разочарование и недоверие

к важности значения политических форм общественного устройства; то была реакция восторженной вере людей предыдущей эпохи, думавших, что с введением представительного правления все муки народа прекратятся, и зло исчезнет из мира.—Пылкие и восторженные ожидания не оправдались, новые формы много дали, но не оказались панацеей от всех зол, и вот возбужденная и разочарованная мысль, забывая все блага, принесенные новым режимом, видя только мрачные стороны его, заявляет, что для простого народа политические формы общественной жизни не имеют никакого значения, что конституция и все блага свободы печати, личности и пр. приносят пользу т о л ь к о буржуазии и оставляют в стороне народ.

Более резкие идут далее: так как буржуазия прямой антагонист народа, то, следовательно, все, что способствует усилению и организации ее, способствует в то же время порабощению и угнетению народа. Такое направление социально-революционной мысли Западной Европы, добившейся уже свободы слова и потому не ценящей ее значения, как нельзя более соответствовало настроению нашей социалистической молодежи. К своим самостоятельным выводам о ненужности и вредности науки прибавилось капитальнейшее заключение о неважности форм государственного устройства, о ненужности и даже вредности представительного правления. «Распропагандировать народ, сорганизовать его, влить в него революционный дух, который, впрочем, предполагается уже в нем в потенциальном состоянии,—вот задача и цель социально-революционной партии». Но такое положение дел долго не могло продолжаться. Грубая действительность сразу показала всю разницу между Западной Европой и Россией. В то время как в Западной Европе, в царстве конституционного режима и буржуазии, не сдерживаемая правительственными мерами социалистическая пропаганда разрасталась и в силе и в интенсивности, когда французские и даже немецкие пропагандисты могли беспрепятственно собирать вокруг себя тысячи рабочих и проповедывать им свои идеи; в то время когда они могли наводнять всю страну своими брошюрами и газетами,—в это время в России открывались неистовые преследования и травля юношей, шедших с любовью к народу для проповеди социалистических идей, травля и преследования, напоминающие только первые времена христианства. Пошли аресты, обыски, процессы. Молодежь, при виде преследований, сплочалась, и из раз'единенных доброжелателей народа получились довольно прочно организованные кружки. Работа продолжалась, но вполне мирная, какая не запрещена ни в одной конституционной стране. Между тем, реакция

росла, она наложила руку на печать, земства, школу... Деспотизм, казалось, чувствовал тайный смысл этого движения, понимал, что под оболочкой социально-экономического движения скрывается протест спутанного в пеленках возмужалого юноши. Он, казалось, чувствовал, что час деспотизму и произволу пробил, и тем яростнее ухватывался за свои прерогативы, чем яснее было, что они ускользают из его рук. Он выдвинул систему устрашения; пошли в ход административные ссылки, Петропавловская крепость, грубое обращение с «политическими». Раздался выстрел Засулич. Кровь взволновалась у всех, и все помнят, как отнеслось общество к выстрелу в презренного Трепова. Реакция двинулась далее. Явились казни,—Ковальский был расстрелян. Ужас и негодование разнеслись по Руси. Работа в народе сделалась невозможною, и вот все сильнее и сильнее раздаются голоса свежих сил, требующих пересмотра основных положений программы революционной партии. Для многих стало или становилось ясным, что так дело далее не может итти, что, несмотря на страшные жертвы, понесенные революционной партией, чисто народное дело не подвинулось ни на шаг вперед, что есть «что-то», что мешает интеллигенции столкнуться с народом, и уже довольно ясно обозначилось, что это «что-то» есть не что иное, как политический режим, отсутствие свободы личности, печати, самых основных прав человека. Задача для многих революционеров начала раз'ясняться. Если между народом и ими стоит не могущая быть обойденной преграда, деспотизм, то необходимо его уничтожить. И вот раздаются по многим местам, сначала боязливо, робко, как бы стыдясь самих себя, голоса, требующие борьбы с деспотизмом, борьбы за конституционный режим. Раз поставленный вопрос этот не мог уже более заглушиться. Многие из более выдающихся революционных деятелей, более реально относящихся к движению, ясно формулировали, что для принятия социализма нужна пропаганда, для пропаганды—свобода слова, печати, свобода же слова может существовать только при прочных конституционных гарантиях.

Вопрос был решен бесповоротно. Апостольские времена прошли, дорого Россия заплатила за них. Народники оставались еще, но их вялое, бездеятельное существование бледнело пред выступающей на горизонте новой общественной силой—партией «Народная Воля».

Новой партии приходилось осмотреться, взвесить свои силы и силы противника, посмотреть своему врагу прямо в глаза. И страшное, удивительное зрелище предстало пред нею: гнилой расшатанный деспотизм, своими костлявыми, старческими руками, своей бюрократией, держал в тисках молодую Россию. Тщетно

старалась она выбиться из его ужасных рук, костлявые пальцы все сильнее сжимались и грозили задушить обессиленный организм. Все общество, вся думающая и читающая Россия мучилась и стонала под давящим деспотизмом, почти вся печать, как она ни плоха (что совершенно зависит от цензуры—уничтожьте цензуру, и завтра мы не узнаем нашей печати), находилась в открытой оппозиции. В оправдании Засулич, в аплодисментах чиновной публики, в требованиях земствами конституции, видно ясно, до очевидности, что старая оболочка общественной жизни умирает, что под ней уже выросла новая, не имеющая только силы сбросить старую. Необходима сила, которая помогла бы ей в этом. Такой силой, по мнению народовольцев, должна была сделаться их партия. Итак, партии «Народная Воля» приходится стать лицом к лицу с деспотизмом. Кто победит: этот ли мертвящий, отвратительный старец, призрак бывшей силы, или эта новая, юная, полная развивающихся сил молодая Россия? Ответ казался нетрудным. Свалить одного, другого тирана, вдохнуть энергию и жизнь в онемелый под влиянием продолжительных тисков общественный организм—и цель достигнута. Разбуженное общество вступит в свои права, возьмет дело в свои руки, и «летопись окончена моя»! Таким образом, стал на очереди вопрос об уничтожении царя, как олицетворения деспотизма и самовластия. Борьба и опыт показали, что царя уничтожить можно [1], что общество, под влиянием таких потрясений, пробуждается и начинает расправлять свои члены. Припомните голоса дворянских и земских собраний, печати и частных лиц. Борьба еще не кончена, она едва только еще начинается, и время покажет, справедливы ли мысли «Народной Воли», что наше общество в состоянии вступиться за свои права и взять общественные дела в свои руки. Надо, однако, надеяться, что общество, выславшее на борьбу с деспотизмом столько своих героев,—не погибнет, а если оно не погибнет, то должен погибнуть деспотизм.

Из этого краткого очерка развития мысли обеих социалистических партий можно ясно видеть, что raison d'être обеих состоит в невыносимо бедственном положении рабочего сословия, что обеими руководят социалистические идеи, что обе партии достаточно показали геройства и самоотвержения и, наконец, что внутренним двигателем их действий было полное отсутствие общественной жизни, затхлость и дряблость общественных форм,

---

[1] Покуда опыт показал только, что можно уничтожить одним насильственным действием, прекратить жизнь личности, власть же царя, самодержавие, еще никто не уничтожил и даже не ослабил.
Примечание ред. «Вольного Слова».

полная невозможность честному человеку взяться за какое-либо дело. Одни и те же внутренние мотивы руководили и направляли нашу молодежь и в борьбе с турком за братьев-славян, и в войне с правительством за брата-мужика. Отсутствие возможности какой-либо целесообразной, разумной деятельности делало жизнь очень невзрачной для молодого человека. Жизнь страшно подешевела. К чему она, если ее нельзя употребить ни на одно разумное дело! Таким образом, причины, вызвавшие деятельность обеих партий, их цель, их шаги совершенно одинаковы, общи обеим. Но вот начинается различие и довольно существенное. В то время как народники, хотя и признали за наукой права гражданства, право на существование, все еще продолжали отрицать значение форм общественного устройства, все еще продолжают, несмотря на фактическую бездеятельность, думать и верить, что возможно, при нынешнем режиме, вести пропаганду социалистических идей в народе, что возможно сорганизовать его и повести на бой со всем общественным организмом;—в это время народовольцы, горьким опытом убедясь в невозможности пропаганды, сами посмеялись над своим прежним увлечением и решили, что так как одно из самых необходимейших условий для успешности социалистической деятельности есть свобода слова, обеспечение прав человеческой личности, то поэтому необходимо добиться их, во что бы то ни стало. Раз конституция будет завоевана, раз свобода пропаганды будет гарантирована, временная цель партии будет достигнута, и она опять возьмется за свое прежнее дело—пропаганду социалистических идей в рабочем сословии.

Обратимся теперь к способам действий обеих партий. У обеих опять найдем много общего. Обе признают и требуют т а й н о й организации своих сил, т а й н о й пропаганды. Но каким образом могут народники надеяться на успех этой т а й н о й пропаганды?! Если в Западной Европе обширная пропаганда, при свободе слова, печати, сходок, едва с трудом завоевывает внимание рабочих сословий, погруженных в свои мелкие интересы, то каким образом можно надеяться иметь успех, пропагандируя тайно среди наших неразвитых, забитых, безграмотных крестьян?! Если в Западной Европе все попытки Интернационала организовать прочно рабочих, уже социалистов, почти всегда упорно разбивались об индифферентизм рабочего сословия, то каким образом наши народники надеятся сорганизовать русский народ при его разбросанности, при его различии в правах, при враждебности друг к другу многих национальностей, входящих в Российскую империю, не говоря уже о традиционной вере в царя?!..

Другое дело народовольцы. Для них тайная организация, тайная борьба есть необходимость. В самом деле, когда в обществе уже созрели известные идеалы, известные требования, когда они не реализуются только вследствие задерживающей силы известной группы людей, тогда тайная борьба, удар, неизвестно откуда направленный, но всеми чувствуемый и внутри всеми одобряемый, наносит чувствительное поражение этой группе. Такова борьба с иноземным владычеством за национальное освобождение. Такова у нас борьба с отжившим свое время деспотизмом. Кто станет отрицать, что наше общество достаточно чувствует потребность в обеспечении прав личности, свободы печати и в представительном правлении? Правительственный деспотизм имеет против себя всех, поддерживается только недоразумением и несорганизованностью сил общества, его непривычкой к решительным шагам; здесь нужен решительный толчок, здесь необходима организация дела в отличие от необходимой для чистых социалистов организации пропаганды идей. Присматриваясь к революционной борьбе в России, нельзя не видеть, что делу освобождения ее от деспотизма наиболее вредила и вредит раздвоенность мысли у лучших сынов ее, противоречия у них между умом и чувством. Чтобы борьба велась интенсивно, страстно, необходимо идеализировать ее результаты, необходимо, чтобы они не были известны заранее в их телесной, реальной форме. Никогда результаты не могут соответствовать ожиданиям, а потому знание их наперед всегда отталкивает от борьбы много людей. Таково положение дел в России, в борьбе за свободу. На Западе, во время борьбы с отжившим режимом, ум всегда шел рука об руку с чувством, ум сознавал необходимость изменения его и завоевания свободы, чувство тут же идеализировало эти свободы, окрашивало их всевозможными великолепными красками и, таким образом, вносило в борьбу энергию и страстность. В России мы замечаем совершенно обратное: исторический момент выдвигает на очередь вопрос о политической свободе, ум довольно ясно сознает необходимость изменения режима, невозможность дальнейшего развития при настоящих формах политического устройства; в это время чувство, подкрепляемое ложно понятыми историческими фактами, непрерывно охлаждает все порывы. «Что даст нам политическая свобода, представительное правление? Разве она освободит рабочего от нужды и рабства, разве она уничтожит нарождающийся пролетариат?! Конечно, нет. Она поспособствует только развитию капиталистического производства, она облагодетельствует только интеллигенцию. Стоит ли в таком случае социалисту вступать из-за нее в борьбу с правительством? Конечно, нет!» Это-то противо-

речие между умом и чувством, между требованиями эпохи и опередившими жизнь требованиями мысли и чувства,—более всего способствовали долгому шатанию революционной мысли из стороны в сторону и бесплодной гибели многих сотен лучших сынов России.—Но, пора, наконец, покончить со всем этим. Теперь уже для всех ясно, что вопрос о конституционном режиме стоит на очереди. Разрешение его неминуемо, и оно будет если не в этом году, так еще через несколько лет. Деспотизм находится в агонии; от общества, от всех, населяющих Российскую империю, зависит теперь, сколько времени продолжится эта агония. Если люди всех партий, всех образов мыслей, дружно примутся за общее всем дело, время этой агонии можно было бы считать всего лишь несколькими месяцами. Трудно действовать неорганизованным его силам, разбросанным по всей Российской империи единицам. Трудно, но не невозможно. К тому же этим делом уже занята организованная сила, показавшая свою способность к решительным и энергичным мерам. Если бы каждый человек, желающий укоротить агонию деспотизма, поставил себе задачей способствовать деятельности «Народной Воли», облегчать ее трудное дело как материальными, так и другими средствами, если бы все социалисты, поняв важность переживаемого Россией момента, оставили споры в основах и присоединились на время к «Народной Воле», если бы земства и города дружно подняли головы и возвысили голоса за попранные права России, дело значительно подвинулось бы вперед.—«Но мы не можем работать наряду с народовольцами, они грешат против первой и основной заповеди социалистического катехизиса: «Все для народа и посредством народа!» говорят народники. Посмотрим же, каков внутренний смысл этой заповеди. Как и все фразы, имеющие выражать очень многое, она дает возможность к превратным толкованиям. Что подразумевается под словом «народ»? Вся ли нация, сопокупность ее интеллигентного, промышленного и рабочего классов, или только один рабочий класс? Если вся нация, то, конечно, нечего и говорить, мысль верна, так как, понятно, все должно делаться для блага всей нации. Но если «умысел другой тут был», если здесь говорится только об одном рабочем сословии, что все нужно делать исключительно для него, если интересы рабочих отделяют от интересов интеллигенции, то, право, так и начинает пахнуть Аксаковским мракобесием.

Ибо, как не понять, что при настоящем устройстве общественной жизни, организации производства, все, что ни делается для интеллигенции, делается и для народа. Это слишком ясно, чтобы распространяться об этом. Теперь, что означают слова «по-

средством народа»? Если посредством опять таки одного рабочего люда, то мысль будет абсурдна. Никто не сомневается, что рабочим полезно, чтобы свобода слова была обеспечена. Но, однако, я думаю, никому и в голову не придет требовать, чтобы рабочий класс, мало сознающий всю пользу свободы слова, был поставлен ее стражем и даже требователем. Таким образом, фразу: «Все для народа и посредством народа» необходимо выразить так: «Все для нации и всякое дело посредством части этой нации, наиболее заинтересованной в этом деле». В таком случае деятельность «Народной Воли» будет вполне соответствовать этому требованию. Желая свободы и права для всей нации, она стремится опереться на интеллигентную часть нации, как на наиболее заинтересованную в этом деле. Таким образом, одно из препятствий для совместной деятельности народовольцев и народников рушится само собой. «Но народовольцы—террористы. Мы не хотим иметь дела с убийцами. Нам противно всякое убийство!» слышим мы из другого лагеря. Полноте, так ли? Разве борьба с деспотизмом—не правильная война, где с обеих сторон одинаковы шансы как на успех, так и на смерть? Имеете же вы дело с генералом, который славен своими победами. Превозносите же вы Гарибальди, освободителя Италии, хотя на его душе более погибших жизней, чем на душе наших террористов. К тому же надо помнить, что основное положение деятельности народовольцев это — агитация в пользу завоевания насущнейших прав человеческой личности. Терроризм—это аксессуар, это—вынужденная бездеятельностью общества форма, а не сущность борьбы. От общества же зависит и изменить эту форму. Если бы все общество активно и энергично вступилось за свои права, терроризм группы революционеров не имел бы смысла и исчез бы сам собой. Еще несколько слов. Не раз приходилось мне слышать, что если бы не катастрофа 1 марта, то мы имели бы уже свою палату депутатов. Но, подумайте, какая была бы эта палата?! Вспомните русский проект болгарской конституции, которую не приняло народное собрание. Наверно, мы имели бы половину депутатов, назначенных правительством, при высоком для остальной части депутатов выборном цензе. Разве может подобная конституция гарантировать свободу прений, личности, печати и пр. и пр.?

Великий, трудный момент переживает теперь наше отечество. От всех нас зависит теперь, чем разрешится этот ужасный кризис. Пусть же каждый взвесит свои силы и исполнит свой долг по отношению к родине. Пусть соединятся все честные люди под одно знамя—обеспечения прав человеческой личности, и

дело свободы будет выиграно, деспотизм же отойдет в область истории.

И. П.

4 октября 1881 г.

«Вольное Слово», № 10, 11 октября (29 сентября) 1881 г.

ОТВЕТ П. Б. АКСЕЛЬРОДА НА ПИСЬМО И. Н. ПРИСЕЦКОГО.

ВСЕ ДЛЯ НАРОДА И ПОСРЕДСТВОМ НАРОДА.

(Ответ на письмо И. П.)

Напечатанное в № 10 «В. С.» письмо за подписью И. П. о социально-революционных партиях в России содержит в себе, между прочим, некоторые ошибочные положения, настолько существенные с точки зрения «социалистического катехизиса», что нелишне будет высказаться по поводу их и представителям из лагеря «чистых социалистов», к числу которых я имею честь принадлежать. Тон письма и общий характер отношения его автора к революционным группам в России ясно обнаруживает в нем человека, всецело преданного нашему революционному движению. Очевидно, он сам пережил если не все, то некоторые фазы этого движения, перечувствовал горе и радости своих товарищей—участников в последнем—и лично работал на пользу его не из прекрасного далека или в роли «сочувствующего», а непосредственно на поле сражения, подвергаясь всем рискам, связанным с ним в России. Именно это-то обстоятельство и побуждает меня возразить на некоторые высказанные им положения, представляющие, весьма вероятно, происходящую реакцию некоторым односторонностям и крайностям, сопровождавшим наше сравнительно молодое революционное движение. Те же взгляды, но в устах недружелюбно настроенного или свысока третирующего революционное движение противника, хотя бы из лагеря врагов существующего политико-социального строя, не могли бы и в отдаленной степени произвести такого впечатления на социалистическую молодежь, как в данном случае, когда они высказаны товарищем.

Автор начинает свое письмо беглым обзором возникновения революционного движения в России и констатированием ряда крайностей в нем, происшедших от того, что главный контингент его инициаторов и участников состоял из неопытной и теоретически только подготовленной молодежи, не унаследовавшей

при этом от прежних поколений традиций серьезной революционной борьбы. Выступила же молодежь на борьбу с вековой неправдой и произволом потому, что «зрелое» общество или холопствовало перед властью, или показывало ей кукиш в кармане, или убаюкивало себя надеждой на непреодолимый ход органического прогресса, а в особенности, если в обществе накопляются знания. Но в то время, когда солидные элементы общества, за весьма редкими исключениями, прозябали в такой нравственной дряблости, «взволнованному юноше уже представлялось, сколько человек голодает, потому что он сыт... Образ замученного, забитого, с укором смотрящего на него мужика преследует его воображение». Констатируя этот факт, автору, конечно, не приходит на ум укорять молодежь за то, что она посреди общего индифферентизма и холопства ринулась с скудным запасом сведений и опыта на борьбу за свои общественные идеалы, вместо того, чтобы отсрочить это дело до того блаженного времени, когда она обогатится жизненным опытом и теоретической мудростью, рискуя при этом принять образ и подобие окружающей общественной среды. Когда человек тонет и собравшаяся толпа только глазеет и вздыхает, то естественно, если какой-нибудь неопытный пловец, в порыве глубокого сострадания к утопающему, бросится в воду, рискуя не только не спасти его, но и самому погибнуть. И было бы по меньшей мере не великодушно бросать в такого человека упреками за то, что он не отсрочил спасения утопающего впредь до основательного изучения искусства плавания. Гораздо добропорядочнее и целесообразнее обратить свое негодование на эгоистические инстикты окружающей толпы.

Я также вполне согласен с об'яснением И. П. причин существования у нас политического террора. Хотя автор и не высказывается определенно относительно роли и значения этого средства в борьбе с русским абсолютизмом, но, без сомнения, он не фанатический приверженец его, как это видно из его замечания: «Если бы общество активно и энергично вступилось за свои права, терроризм группы революционеров не имел бы смысла и исчез бы сам собою». Таким образом, raison d'être политического террора вытекает, по его мнению, из пассивности массы общества по отношению к правительственному произволу. И это совершенно справедливо. Когда кругом все холопствует, то немногим, наиболее героическим натурам приходится взять на себя тяжелую задачу Прометея завоевать свободу для всех. И чем малочисленнее контингент таких борцов, тем интенсивнее они должны напрягать свои силы, тем страшнее должны быть их орудия борьбы, чтобы интенсивностью ударов вознаградить недостаток

средств в количественном отношении. Мало того, действуя на свой риск, о д н и жертвуя своею жизнью в борьбе с противообщественными силами страны, такие борцы имеют право не руководствоваться мнениями бездеятельного, эгоистического большинства чаятелей благ в более или менее отдаленном будущем, когда какой-нибудь начальник города Глупова смилуется, наконец, над своими подданными и пожалует им конституцию для истребления «крамолы». Пусть общество, в лице земств, городских, судебных, университетских и т. п. учреждений, об'явит серьезную и систематическую войну абсолютизму, тогда оно будет вправе требовать от «Исполнительного Комитета» прекращения самовластной расправы с коронованными властителями страны, именуемой Российской империей. Впрочем, тогда и сам «Исполнительный Комитет» оставит систему террора, практикуемую им далеко не с таким легким сердцем, как это многим кажется [1].

Но за этими пунктами начинается мое разногласие с И. П. По его мнению, единственною целью революционного движения в России в настоящий момент должно быть достижение конституционных гарантий. А так как последние составляют настоятельную потребность всего русского общества, то, стало быть, все оппозиционные элементы должны об'единиться в одно целое с революционными во имя борьбы против абсолютизма. Далее, в виду того, что рабочие массы не могут вдохновляться исключительно политическими требованиями, да еще в рамках либерального парламентаризма,—необходимо на время оставить н а р о д н о - р е в о л ю ц и о н н у ю деятельность и заняться организацией исключительно «интеллигенции». Автору, однако, не хочется попасть в противоречие с «основной заповедью социалистического катехизиса»: «все для народа и посредством народа». Поэтому он дает этой формуле такое толкование: «В с е д л я н а-

[1] Некоторых, в том числе и М. П. Драгоманова, приятно поразил заявление «Исполнительного Комитета» по поводу убийства Гарфильда Меня лично, как и всякого, следившего без предубеждения за изданиями «Н. В.» и заявлениями «террористов» на процессах, заявление «Исполнительного Комитета» нисколько не удивило, так как отношение его к политическим убийствам давно установилось

В статье г. Драгоманова не видно, чтоб известное заявление п о р а з и л о его; там сказано только: «нам приятно было прочесть» и проч. П о р а з и т ь это заявление, хотя и в другом смысле и притом вовсе не приятно, должно было только тех, кто из «прекрасного далека» проповедывал политические убийства, как нормальный и повсеместный принцип, и тем оказывал медвежью услугу, между прочим, и самим террористам теперь далеко «не прекрасной» России.

П р и м е ч а н и е ред. «В о л ь н о г о С л о в а».

ции и всякое дело посредством части этой нации, наиболее заинтересованной в этом деле».

В своей реакции против прежнего, безусловно отрицательного, отношения к политическим реформам независимо от экономических, автор впадает в другую крайность, а именно находит целесообразным и даже необходимым, чтобы революционное движение на время исключительно сконцентрировалось на борьбе за конституционные требования. Я не стану, однако, теперь полемизировать с автором по этому вопросу. Наоборот, согласимся на время с ним в этом пункте. Необходимо только не упускать из виду, что под конституционными гарантиями он подразумевает такие учреждения, которые обеспечивали бы за рабочими массами, наравне с имущественными, право или юридическую возможность группировать свои силы для отстаивания своих классовых интересов путем сходок, союзов, прессы и представительства в законодательных, административных и судебных учреждениях страны. В противном случае, сосредоточение революционной борьбы на завоевании политической свободы не имело бы смысла и с точки зрения автора, так как мотивом этого предложения является у него не что иное, как именно то обстоятельство, что «раз свобода пропаганды будет гарантирована,—временная цель партии будет достигнута, и она опять возьмется за свое прежнее дело—пропаганду социалистических идей в рабочем сословии».

Итак, если такова цель временного сосредоточения революционной борьбы в России на исключительно политических требованиях, то само собою возникает вопрос: всегда ли и при всяких ли условиях борьбы с абсолютизмом в результате получается политическое равенство, а стало быть, и юридическая свобода рабочих масс составлять коалиции, представителей их—вести пропаганду в пользу учений, благоприятных полной социально-экономической эмансипации этих масс? Не зависит ли, например, результат борьбы за политическую свободу в громадной степени от того, какая роль выпадает в этой борьбе на долю именно рабочих масс? Для автора этого вопроса, повидимому, не существует, как это видно из его предложения оставить в течение периода конституционной борьбы рабочую массу в стороне и организовать только «интеллигенцию». Я, с своей стороны, считаю вопрос о степени и характере участия рабочих масс в борьбе за «конституционные гарантии» чрезвычайно существенным с точки зрения ее результатов для политического положения низших классов после победы над абсолютизмом. И в этом отношении я схожусь не только с фракцией «Ч. П.», но и «Н. В.», тенденции которой в этом пункте видны из прокламаций и листков

«Исп. Комитета» и из самой «Н. В.», начиная с № 3. Противоположная точка зрения И. П. составляет центральный пункт его письма, и все его соображения группируются так, чтобы доказать необходимость признания ее революционными группами руководящим принципом своей деятельности в настоящее время. Поэтому я сосредоточу свое главное внимание на рассмотрении вышеуказанного вопроса и точки зрения автора в нем.

Вот отрывок из письма, касающийся вопроса об элементах, на которые, по мнению И. П., должна опереться теперь социально-революционная борьба в России, и роли в ней рабочих масс.

«Если бы земства и города дружно подняли головы и возвысили голоса за попранные права России, дело значительно подвинулось бы вперед». Но... «народовольцы грешат против первой и основной заповеди соц. катехизиса: «Все для народа и посредством народа»,—говорят «народники». Но что подразумевается под словом «народ»?.. Если вся нация, то, конечно, нечего и говорить, мысль верна, так как, понятно, все должно делаться для блага всей нации. Но... если здесь говорится об одном только рабочем сословии, что все нужно делать исключительно для него, если интересы рабочих отделяются от интересов интеллигенции, то, право, так и начинает пахнуть Аксаковским мракобесием. Ибо, как не понять, что при настоящем устройстве общественной жизни, организации производства, все, что ни делается для интеллигенции, делается и для народа... Теперь, что означают слова «посредством народа»?.. Я думаю, никому и в голову не придет требовать, чтобы рабочий класс, мало сознающий всю пользу свободы слова, был поставлен ее стражем и даже требователем. Таким образом, фразу: «все для народа и посредством народа» необходимо выразить так: «Все для нации и всякое дело посредством части этой нации, наиболее заинтересованной в этом деле». «Желая свободы и права для всей нации, она («Н. В.») стремится опереться на интеллигентную часть нации, как на наиболее заинтересованную в этом деле».

Заметим, прежде всего, что фракция «Н. В.» только в течение некоторого времени, и то не в такой степени, как выражается автор, считала достаточным опереться только на «интеллигентую часть нации» (собственно, империи, в которой не одна нация, а несколько). Но скоро пришлось «Н. В.» отказаться от этой мысли. По очень понятным причинам, я считаю неудобным вдаваться в фактические указания на попытки вызвать в среде наших либералов сколько-нибудь серьезную оппозиционную организацию—вне пределов легальности. Ограничусь только констатированием того факта, что крайняя боязнь за свою пер-

сону, даже просто за свою комфортабельную обстановку, малодушное отступление перед первым препятствием, при первой неприятности, постигшей какого-нибудь общественного деятеля, или тревоге по поводу погрома, коснувшегося исключительно социалистов, неспособность «зрелой» интеллигенции к образованию в своей среде какой-нибудь тайной организации с определенным планом агитации в земских и т. п. общественных учреждениях— все это проявилось (я говорю о конце 79 г. и первой половине 80 г.) в такой степени, что «Н. В.» скоро разочаровалась в своих расчетах опереться на одну «интеллигентную часть нации» и, начиная с № 3, в ряде программ, воззваний к народу и призывов к социалистической молодежи приняться опять за агитационно-организаторскую деятельность среди рабочих и крестьянства, все резче и резче констатировала необходимость привлечения рабочих масс к революционной борьбе теперь же и даже немедленно. Нечего и говорить, что при всякой неудаче, постигавшей революционные попытки «Н. В.», и между прочим при аресте ее типографии первыми отступниками являлись сочувствователи из либералов, между тем как социалистическая молодежь после каждого удара правительства еще сильнее закалялась для борьбы и еще энергичнее выступала не только в лице немногих, но и в массе, на помощь борцам.

Но вернемся к содержащимся в цитированном отрывке положениям. По мнению автора, формула: «все для народа и посредством народа» может быть признана руководящим принципом общественной деятельности только в том случае, если понимать ее в смысле: «Все для нации...». В применении к современному моменту русской жизни это означает, что революционное движение должно опереться не на рабочие массы, а на «интеллигенцию», как на часть нации [1], наиболее заинтересованную в завоевании политической свободы. Всмотримся же поближе в реальное значение «интеллигенции», как силы, долженствующей, по мысли автора, стать исключительной опорой борьбы за «конституционные гарантии».

Интеллигенция, как совокупность в разной степени образованных людей, является в настоящее время истолкователь-ницей интересов и стремлений населения, руководительницей его во всех сферах жизни. Составляя органическую часть нации, теснейшим образом связанную по своему воспитанию, привычкам, своими умственными и материальными интересами с ее составными эле-

[1] По отношению к современным государствам вообще, а тем более к России, термин этот совершенно непригоден, но я буду употреблять его в виду того, что автор употребил его.

ментами, интеллигенция не может не быть проникнута страстями и даже предрассудками, порождаемыми сословным антагонизмом современного общественного строя. Даже философы и чистые теоретики примыкают, в общественных вопросах, к той или другой из общественных групп (классов, сословий), на которые подразделяется теперь повсюду население, и в большинстве случаев являются даже очень усердными защитниками, в сфере научной, интересов близких им по положению или воспитанию общественных элементов страны или нации. Смотря по тому, чьи интересы и стремления интеллигенция обобщает, формулирует и защищает в науке, прессе и общественных учреждениях, интеллигенция является консервативно-монархической, либеральной, социалистической и т. д. Интеллигенции же, как совокупности лиц, проникнутых исключительно идеальными стремлениями, живущих вполне вне классового антагонизма, в действительности не существует [1]. Если же общественное значение интеллигенции обусловливается именно ролью ее, как выразительницы и организатора разных слоев населения в виду защиты их интересов, если сама интеллигенция, соответственно антагонистическому составу последнего, состоит из разнокалиберных элементов, то она сама по себе, вне остальной массы граждан, то бишь, подданных, не может послужить опорою революционного движения против абсолютизма. Рассматривать интеллигенцию, как опору этого движения, можно только в том смысле, чтобы при ее помощи привлечь на его сторону ту массу населения, в которой она пользуется наибольшим влиянием. В противном случае, она по своей малочисленности, даже если соединить все ее оттенки, просто бессильна сослужить ту службу в борьбе за конституционные гарантии, которую от нее требует И. П. Вот тут-то и является крайне важный вопрос: в какой части населения наша интеллигенция может иметь или уже имеет наибольшее влияние? Или, иначе говоря: какие классы могут быть при ее посредстве привлечены к активному участию в борьбе с абсолютизмом? Категорически автор не ставит этого вопроса; да он и самого вопроса об отношении интеллигенции к массе не коснулся. Тем не менее, в его письме содержится ответ на поставленный мною вопрос. Рабочие классы, по необразованности своей, не могут понять пользы свободы слова и т. д.; их поэтому приходится оставить вне арены борьбы с абсолютизмом. Остаются, стало быть, привилегированные классы. Автор не гово-

[1] Это особенно проявляется в критические моменты общественной жизни, например, во время революций, когда наиболее абстрактные и, повидимому, беспристрастные мыслители вдруг превращаются в отчаянных реакционеров или, наоборот, в страстных защитников народа.

рит этого прямо, но они фигурируют у него под другими названиями. «Если бы земства и города дружно подняли свои головы»... заявляет он. «Если бы все общество дружно и энергично вступилось за свои права»... и т. д. Но что такое наши земские и городские учреждения? Это—представительные собрания привилегированных в имущественном или профессиональном отношении классов. Из кого эти собрания преимущественно состоят? Из культурных по своей материальной обстановке и по образу жизни элементов, добрая половина которых так же заслуживает названия «интеллигенции», как сама толпа Разуваевых, Колупаевых, Поляковых, Губониных и так далее, которых представителями они являются[1]. Наконец, общество в целом составе представляет собой опять-таки не что иное, как массу сюртучников и фрачников, т.-е. тот элемент привилегированных классов, который одевается, ест, пьет, устраивает себе удовольствия на манер цивилизованных европейцев. Эта-то часть нации и составляет так называемый культурный слой «русского народа». Интеллигенция, в смысле совокупности действительно образованных людей, является небольшим меньшинством «общества», и из этой интеллигенции наибольшим влиянием пользуются в культурной среде разновидных Разуваевых, крупных и малых Бобринских, Горвицев, коммерческих и иных дельцов—духовно родственные им Суворины, Аксаковы, Катковы и, пожалуй, еще «Голос» Краевского.

Таким образом, предложение автора привлечь к революционному движению во имя политической свободы одну только «интеллигентную часть нации» при внимательном рассмотрении сводится к тому, чтобы опереться в революционной борьбе исключительно на высшие и средние классы, отчасти при посредстве их официально признанных руководителей в земских, городских и дворянских собраниях, отчасти при посредстве всей массы внешне облагороженных культурной обстановкой жизни.

Спрашивается теперь: можно ли рассчитывать, чтобы конституционные гарантии, завоеванные помимо активного содействия низших классов, обеспечивали за последними одинаковые с высшими классами политические права? (Мы говорим исключительно об юридических гарантиях и соответствующих им общественных

---

[1] Конечно, в наших представительных учреждениях, как и в прессе, есть контингент честных и действительно интеллигентных демократов, изображающих собою нашу «extrême gauche». Но не имея твердой опоры в низших классах и находясь, по самому характеру своих стремлений, в антагонизме с привилегированной толпой, они пока играют роль беспочвенных идеологов.

учреждениях, оставляя совершенно в стороне вопрос о бесчисленных нарушениях политических прав рабочих, вследствие отсутствия экономической обеспеченности большинства народа.) Нам стоит только припомнить, как были завоеваны конституционные гарантии рабочих классов в других странах, чтобы ответить на этот вопрос.

В Англии, при полной политической свободе высших классов, рабочие лишены были всяких «конституционных гарантий» вплоть до 1824 г. Полтораста лет спустя, после низвержения абсолютизма, английских рабочих массами сажали в тюрьму, осуждали на пожизненную каторгу и вешали за всякую попытку путем сговора, а тем более стачки, добиться от хозяев увеличения своей платы или прекращения особенно нестерпимых злоупотреблений. Конституционный режим либеральной буржуазии заставил рабочих прибегнуть к тайной организации «союзов сопротивления» и за принадлежность к ним наказывал рабочих с такою жестокостью, что вызывал с их стороны, в ответ на правительственный террор, террор «союзов сопротивления». В течение последнего десятилетия первой четверти XIX века в Англии ежегодно десять, двадцать и более рабочих осуждались на виселицу по обвинению в принадлежности к тайным союзам или за участие в стачке; тысячами они погибали в тюрьмах, на каторге и т. д. И вот, только когда борьба тайных рабочих обществ против правительственной и хозяйской жестокости достигла такой интенсивности и размеров, что навела страх на высшие классы, когда под влиянием этой организованной борьбы рабочих классов поднялись голоса в их пользу и из рядов более благоразумных и честных представителей буржуазии[1], только тогда, наконец, пролетариату предоставлена была свобода сходок и ассоциаций. Но нужно было еще полвека энергических усилий со стороны последнего, чтобы его ремесленные организации признаны были «юридическими лицами», т.-е. гарантированными со стороны законодательства от расхищения своих фондов каким-нибудь бесчестным кассиром и т. п.

Таким образом, в Англии рабочий класс добился некоторых «конституционных гарантий» только после отчаянных усилий и бесчисленных жертв в борьбе с либеральным режимом, низвергнувшим абсолютную монархию уже в XVII столетии. Только после того, как рабочие классы сами сделались «стражем и даже

---

[1] Не буржуазия, а джентри ратовала в Англии за политические права рабочих.

Примечание ред. «Вольного Слова».

требователем» политической свободы, они добились ее в некоторой степени. Говорю—в некоторой, потому что английский пролетариат и до сих пор цензовыми и т. п. условиями почти устранен от представительства в парламенте и муниципалитетах и совершенно лишен возможности участвовать в избирательных судебных органах страны.

Во Франции нужны были революции 30, 48 и 71 гг., чтобы рабочие добились сравнительно широкой политической свободы. Не прошло еще года, как отменен взнос залога для ежедневных изданий. Что касается до Австрии и Италии, то пролетариат не только лишен там всеобщего избирательного права, но и самая свобода сходок, ассоциаций, прессы так ограничена, что ему приходится прибегать к тайной пропаганде и тайному распространению листков и прокламаций. Легальные же издания постоянно конфискуются, и в Австрии, например, из 10 номеров какой-нибудь рабочей газеты, по крайней мере, 6—7 являются в свет наполовину с белыми столбцами. К этому присоедините еще крупные залоги для ежедневных (кажется, даже и для еженедельных изданий) газет и вы получите представление о «свободе пропаганды» эмансипационных идей в Австрии. Но и этою, в буквальном смысле слова, тенью свободы рабочие Австрии и Италии пользуются именно потому, что они немало жизней потеряли (хотя и в качестве пушечного мяса) в период борьбы с абсолютизмом и за национальное об'единение (в Италии). Это обстоятельство не могло не повлиять хотя бы в некоторой степени на составление конституции этих стран. Принимая же во внимание, что рабочие не могли не сохранить традиции своего активного участия в борьбе с абсолютизмом (принесши гораздо больше жертв, чем имущественные классы), современные буржуазные законодатели, конечно, не могут рискнуть окончательно об'явить пролетариат политически бесправным.

Относительно Германии напомним в двух словах, что и там общее избирательное право и другие политические права рабочих (бывшие) добыты не либеральной буржуазией, а наперекор ей опять-таки революционной борьбой 48—49 гг. (в которой, по обыкновению, на баррикадах и на открытом поле больше всего они проливали свою кровь) и агитацией, начатой в 63 г. Лассалем, да еще уступчивостью Бисмарка в виду того, чтобы привлечь низшие классы на свою сторону в деле «об'единения Германии». Характерно, что и в Берлине, и в других промышленных центрах, где либералы господствуют в муниципальных учреждениях, рабочие до сих пор лишены представительства в них, благодаря цензовым условиям.

Если же мы обратимся к странам, вроде Румынии, где «конституционные гарантии» заполучены одними усилиями высших классов да дипломатическими влияниями, то мы увидим там народ почти столь же политически бесправным, как в деспотической России. А лишь только появились среди интеллигенции стремления воспользоваться конституцией в интересах народа, тотчас «города», в лице муниципалитетов, заговорили о необходимости преследований и ограничения свободы сходок и т. д. Правовое же положение народа характеризуется в Румынии тем, что законы о прислуге по варварству своему не уступают средневековым законам Англии.

Мы видим, стало быть, что наиболее серьезными политическими гарантиями рабочие массы пользуются там, где сами долго и многократно боролись всякими средствами за свои политические права. Страна, в которой они пользуются наибольшей политической равноправностью,—Швейцария, где они вот уже 50 лет не прекращают быть «стражем и даже требователем» политических свобод. В Австрии же и Италии, того и гляди, народу придется скоро еще раз выступить на баррикадах, чтобы добиться хотя бы той свободы, при которой есть какая-нибудь возможность отстаивать свои интересы путем коалиций и пропаганды устной и печатной.

Таким образом, опыт всех цивилизованных стран опровергает положение И. П., что «все, что ни делается для интеллигенции», eo ipso делается и для рабочих масс. Это, впрочем, очевидно и a priori. Каждая страна, каждая нация подразделяется на два главных класса, интересы которых коренным образом расходятся. Эксплоататоры и эксплоатируемые—вот термины, достаточно рельефно характеризующие глубокий антагонизм, разделяющий каждую нацию на два враждебных лагеря. Разве может существовать в таком общественном строе интеллигенция настолько внесословная, чуждая происходящей в нем борьбе за существование между разными элементами, чтобы в с е, ч т о н и д е л а е т с я д л я н е е (интелтигенции), делалось непременно и для всей нации—безразлично. Если же можно применить последнее выражение автора, то разве в том смысле, что «все, что ни делается для интеллигенции», делается eo ipso и для т о г о к л а с с а, с которым она органически связана воспитанием и материальными условиями существования. Но так как громадное большинство интеллигентных сил не только в России, но и на Западе [1] телом и душой

[1] На Западе рабочий класс уже выдвинул самостоятельно из своей среды интеллигентный слой, являющийся его руководителем.

связано с привилегированными классами, то все умственные, промышленные и социально-политические завоевания, совершавшиеся под руководством или по инициативе первых, прежде всего шли непосредственно на пользу этих классов. Конечно, прогресс производительных сил, знания и политических учреждений до известной степени служит общему под'ему культуры всего населения в стране. Но это уже крохи или остатки с обильного стола богатого барина, выпадающие на долю прислуги. Действительно же человеческое участие в хозяйской пище и комфорте прислуге достается только в том случае, когда она пред'являет на это свои права, в силу сознания ею свой роли, как главной изготовительницы этих благ. «Своя рубаха ближе к телу»—эта мудрая поговорка применяется во всевозможных формах с неумолимой логикой в обществе, основанном на антагонизме материальных интересов. И было бы противоестественно, что «образованная» масса нации или, попросту, руководящие элементы эксплоатирующих классов, по собственному почину, помимо всяких внушительных заявлений со стороны эксплоатируемых, отреклась от этого лозунга антагонистического общества именно в сфере политической, предоставив последним средства борьбы против эксплоатации—этого жизненного источника имущественных классов.

Констатирование этого факта, красной, кровавой нитью проходящего через всю историю человечества, обоснование его и применение к делу эмансипации низших классов составляет великую заслугу Маркса, Энгельса, Лассаля и возникшей в 60-х годах международной ассоциации рабочих. «Все для рабочих масс и посредством рабочих масс»—таков руководящий принцип общественной деятельности на пользу народа, логически вытекающий из констатированного современной наукой антагонизма материальных интересов во всех существующих и существовавших человеческих обществах. Лозунг «все для нации», даже с прибавкой: «посредством заинтересованной в этом деле нации», при всей своей внешней идеальности, оказывался до сих пор на деле прекрасным орудием в руках привилегированных классов или их руководителей увлекать рабочие массы на дело загребания жара своими руками на пользу первых. Среди волков жить—по-волчьи выть. Там, где класс капиталистов ввозом «дешевых рук» из Китая, или из Италии, или еще менее культурных стран обрекает на голодную смерть своих сограждан, где ради обогащения немногих готовы лишить остальную часть «нации» всякого участия в культурных завоеваниях современной эпохи,—не может быть и речи о применении принципа: «все для нации и всякое дело посредством

части нации, заинтересованной в этом деле». Как это ни грубо-материалистично на первый взгляд, а все-таки, до тех пор, пока будет господствовать современный антагонизм из-за материальных интересов, приверженцам народа необходимо всеми силами бороться против иллюзий «национальной солидарности» и во всех общественных вопросах, не исключая вопроса о политических реформах, неуклонно руководствоваться мыслию о существующем антагонизме общественных классов.

И. П. полагает, что это «пахнет Аксаковским мракобесием», упустив из виду, что «народ» Аксакова—это московские мясники, ястребы-хищники в чуйках, сермягах, да, пожалуй, и в сюртуках, если только они веруют в царя, православие и о конституции не мечтают. Совсем иной смысл получает формула: «все для народа и посредством народа» (рабочих масс) в устах социалистов, для которых, во-первых, рабочий вопрос связывается с целым цивилизационным переворотом, а, во-вторых, религиозные суеверия народа, национальные предрассудки и т. п. наследия эпохи варварства и многовекового рабства ничуть не рассматриваются как особенности народной жизни, на которых можно или даже следует построить эмансипационное движение рабочих масс [1].

При таком взгляде на рабочий вопрос формула: «все для народа и посредством народа» на деле сводится, eo ipso, к работе и на пользу всей «нации», потому что она означает установление равенства условий для всего населения страны относительно материального благосостояния, политической свободы и интеллектуального развития. А так как никто, кроме рабочих масс да ничтожного числа идеологов, не может быть страстно заинтересован в установлении такого равенства, то они и должны составлять главную опору и активный элемент всякого общественного движения, имеет ли оно ближайшею целью политические изменения или экономические.

Некоторые из русских революционеров склонны ставить «русскую интеллигенцию» на особом положении. Она чуть не поголовно проникнута социалистическими воззрениями; стоит только избавиться от оков абсолютизма, высказывают некоторые, и она почти вся станет на сторону народа, не отступит перед самыми радикальными реформами и т. д. Положения Интернационала, выработанные «на Западе», не имеют поэтому для нас такого практического значения.

---

[1] Среди русских революционеров попадались одно время единичные личности, которые не прочь были примириться и с «народным царем»—во имя «народничества». Но эта отрыжка славянофильской чепухи улетучилась, кажется, совершенно в наших рядах.

Не отрицая того факта, что наша интеллигенция (т.-е. действительно образованный слой общества) в гораздо большей степени, чем буржуазная интеллигенция Запада, демократична, не мешает однако обратить внимание на два обстоятельства: во-первых, искренно демократичная интеллигенция составляет все-таки меньшинство и в общем составе образованной части нашего общества, а, во-вторых, аналогичное явление мы встречаем и в истории других стран, в эпохи борьбы с абсолютизмом. Но большинство этой «демократической интеллигенции», обыкновенно вслед за первым поражением своего врага, изменяло народу и становилось в ряды того класса, с которым оно по положению и по личным интересам теснее всего связано. Немногие же, глубоко преданные низшим классам, представители интеллигенции оставались одинокими посреди всеобщего хора ликований новых властителей страны или шли на баррикады умирать вместе с обманутым в своих надеждах на новый режим народом.

Без всякого сомнения, в рядах русской интеллигенции немало честных и глубоко преданных народным интересам людей. Помимо революционных групп, у нас, особенно в прессе, есть люди, справедливо пользующиеся глубокой симпатией и уважением в рядах социалистической молодежи. Но какую силу изобразят они собою в момент получения в России конституционных гарантий, если, следуя совету И. П., рабочие массы не будут играть никакой роли в борьбе за эту конституцию? Народ не организован не только в массе, но и в лице наиболее активных элементов. Народное сознание не затронуто доконституционной революционной борьбой, мысль народа не подготовлена хоть в некоторой степени к совершающемуся политическому перевороту,—словом, тот общественный элемент, который представляет собою естественную опору истинно-демократической интеллигенции, окажется стоящим где-то вдали, на заднем фоне, без всякого сознания своего значения и в полном неведении относительно усилия на его пользу истинных его друзей. Последние логикой событий обречены будут на роль бессильных идеалистов, пророков в пустыне.

Зато, с другой стороны, толпа всевозможных хищников и дельцов,—в чуйках и сюртуках,—«культурных» и некультурных,—быстро сорганизуется и образует крепкий оплот для своей интеллигенции. Суворины, Марковы, Озмидовы, Молчановы, Новосельские, Ренненкампфы... выплывут на поверхность политической и общественной жизни в качестве естественных трибунов и вождей «разуваевского» класса. Перспектива эта представляется для меня до такой степени неизбежной, в случае полного игнорирования народа в теперешний момент, что, если бы не

осталось иного выбора, кроме политической бездеятельности или сосредоточения революционного движения исключительно в сфере привилегированных классов, то социалистические элементы должны бы, по-моему, выбрать первую.

Но, в таком случае, скажет И. П., революционные группы действительно обречены на бездеятельность, потому что при своей необразованности народ политическими требованиями не может заинтересоваться, а пропаганда радикального экономического преобразования немыслима при отсутствии свободы слова и т. д. Я глубоко убежден, что автор ошибается в том и другом.

Прежде всего, посмотрим, насколько оправдывается русскою жизнью взгляд И. П. на индифферентизм рабочих масс к политическим реформам. В России не меньше 15 миллионов населения преследуется за веру и терпит всевозможные формы полицейского и бюрократически-поповского гнета.Далее, остальная масса крестьянства страдает от невыносимых поборов духовенства и в такой же, а то и еще большей степени от полицейского произвола—исправников, становых, урядников и т. д. Разве в этом положении народа, иллюстрируемом изо дня в день бесчисленными разнохарактерными фактами, нет твердой точки опоры для агитации среди крестьян и вообще низших классов в пользу свободы совести, применения принципа избрания и сменяемости населением членов администрации, суда и служителей церкви? А ненависть народа и страх перед солдатчиной, разорение крестьянского хозяйства вследствие крайне тягостных налогов и повинностей,—правительственных и земских,—разве эти явления в народной жизни не способны страстно заинтересовать массу в требовании предоставить ей непосредственное влияние, путем обсуждения и голосования, на установление и сбор налогов и на организацию военных сил,—заменою, например, постоянного войска системой всеобщего вооружения и обучения военному делу, не отрываясь от домашнего очага? Далее, усердное и систематическое преследование автономных учреждений и традиций всего казачества, очень и очень недовольного этим обстоятельством, насильственная русификация разных национальностей запрещением употреблять родной язык в школах и т. п. полицейскими вторжениями в жизнь местного населения,—все это, вместе взятое, представляет весьма осязательные зацепки для агитации во имя областной, общинной и индивидуальной свободы и права соседних областей самостоятельно федерироваться для удовлетворения их общих и местных потребностей. Наконец, право составления коалиций для отстаивания своих интересов настолько конкретно и непосредственно связано с материальным положением промышленных рабочих, что, без

всякого сомнения, значительная часть их гораздо страстнее отнеслась бы к агитации в этом направлении, чем масса наших «культурных» земцев относится к вопросу о политической свободе.

Таким образом, в нашей народной, т.-е. мужицко-рабочей, среде оказывается немало очень осязательных исходных пунктов и для агитации в пользу политических реформ, и, заметьте, гораздо более радикальных, чем способны требовать или, вернее, вымаливать наши земства и города. Необходимо только знать специально наиболее яркие и гнетущие формы правительственных насилий в каждом районе и уметь находить соответственную, всем понятную, исходную формулу для агитации,—и я убежден, что рабочие массы окажутся и у нас гораздо более серьезным «стражем и даже требователем» свободы слова и т. д., чем наше общество, т.-е. окрашенный лоском европейской культуры слой нашей демократической буржуазии.

Однако, может заметить И. П. по поводу последнего моего заключения, нигде народные массы не восставали против абсолютизма исключительно во имя политических реформ. Повсюду главным импульсом массовых движений являлись социально-экономические требования. Крайне невероятно, чтобы именно в России массы страстно взволновались под влиянием исключительно политических импульсов. Выступить же с пропагандой коренных экономических требований невозможно теперь, потому что «каким образом могут народники надеяться на успех этой тайной пропаганды, если в Западной Европе обширная пропаганда при свободе слова... едва, с трудом, завоевывает внимание рабочих».

Указание на последнее обстоятельство кажется И. П. несомненным доказательством полной безуспешности социалистической пропаганды в среде наших рабочих классов. Замечу прежде всего, что он, под влиянием односторонних наблюдений одного момента в социалистическом движении Запада, неверно оценил действительные его размеры и влияние на массу рабочих. Рабочее движение в Германии, Франции и Испании имеет массовый характер и в основе своей, даже в лице умеренных организаций, носит принципиально социалистический характер. Даже в Бельгии и Голландии к социалистам примыкают десятки тысяч рабочих, хотя не все они в одинаковой степени сознательно относятся к принципам социализма. В Англии же больше ½ миллиона рабочих организованы в «союзы сопротивления», классовый характер которых проявляется в периодических стачках. Автор, очевидно, принял за слабость то затишье и вялость в рабочем движении, которые наступают в одной, а то и в нескольких странах—или после таких

кровавых подавлений пролетариата, как в 71 г. во Франции и 73 г. в Испании, или в период сильного экономического кризиса, или после очень крупных стачек, в случае неудачи. Наконец, если рабочее движение на Западе не приняло еще размеров национальных движений, то это об'ясняется двумя обстоятельствами: во-первых, существованием еще в большинстве государств весьма многочисленного класса, хотя и номинально, но все-таки самостоятельных мелких собственников и производителей-крестьян, ремесленников, мелких торговцев и т. п.; во-вторых, тем, что рабочие массы, потерявшие в течение многих веков феодального и буржуазного господства всякое представление об общности в организации производства и распределения и затем несколько десятков лет боровшиеся под руководством буржуазных партий за конституцию, республику, национальное об'единение..., сами заражены тенденциями и доктринами буржуазных теоретиков и публицистов и с трудом освобождаются из-под их влияния. В то же время в Ирландии, где социально-экономические условия развились до того, что их изменение сделалось очевидной и сознанной большинством населения необходимостью, где, с другой стороны, приверженцы status quo—лендлорды—резко обособлены от низших классов,—на наших глазах возникло обширное народно-революционное движение, об'единившее даже протестантов и католиков.

Положение рабочих масс в России в двух очень существенных пунктах аналогично ирландскому. И у нас есть очень определенное аграрное требование, только гораздо более радикальное, чем в Ирландии, и страстно волнующее громадное большинство земледельческого населения. Наше крестьянство еще в большей степени, чем ирланские фермеры, свободно от политического и интеллектуального влияния своих эксплоататоров. Это, конечно, не специально природная добродетель низших классов в России, а результат исторических обстоятельств, и, если хотите, даже обусловливается культурной отсталостью страны. Но теперь этими особенностями можно воспользоваться для агитации среди крестьянства и рабочих во имя их классовых интересов—в сфере политической и экономической. По тем же причинам, по которым автор считает возможным вести конституционную агитацию в «обществе», на мой взгляд, возможно вести и среди низших классов в сфере социально-экономической. «Когда в обществе уже созрели известные идеалы, известные требования, когда они не реализуются только вследствие задерживающей силы известной группы людей, тогда тайная борьба, тайный удар... всеми чувствуемый и всеми одобряемый, наносит чувствительное поражение этой группе». Такова у нас борьба с деспотизмом.

Я решительно не понимаю, почему бы ту же меру не приложить к аграрному движению среди крестьян. «Кто станет отрицать,—говорит И. П.,—что наше общество достаточно чувствует потребность в обеспечении прав личности»... А кто станет отрицать, спросим мы, что крестьяне «достаточно чувствуют потребность» в увеличении своих наделов, в освобождении от чрезмерных поборов, от постоянного насильственного вмешательства в их жизнь петербургско-московской бюрократии при посредстве своих бесчисленных агентов? Странная вещь: когда дело касается вопроса о политической свободе, то И. П. удовлетворяется «тайным ударом» и одной агитацией в пользу уже «созревших требований», нисколько не смущаясь трудностями пропаганды в пользу идеи политической свободы в более широком и радикальном смысле, например, федеративной республики, полной автономии всех народов, входящих в состав империи. Он совершенно рационально считает необходимым сосредоточить конституционную агитацию среди «общества» на таком требовании, хотя и умеренном, но которое уже созрело в сознании большинства и которое по этому самому удобнее всего может служить исходным пунктом массовой агитации. Но как только дело касается народно-революционной деятельности, он сосредоточивает все внимание на невозможности теперь вести «пропаганду социалистических идей в народе», как будто у нас нет социально-экономического требования, настолько же «созревшего» в сознании рабочих масс, как требование представительного правления в обществе. Сознание последними своего права на землю, уверенность в близком осуществлении этого права,—все это констатировано множеством исследователей и наблюдателей народной жизни. Пропаганда социалистического миросозерцания—одно дело, агитация в народе во имя очень определенного, конкретного и всеми сознаваемого требования передела земель—другое дело. И без сомнения, «удар неизвестно откуда и кем нанесенный, но всеми чувствуемый и внутри всеми одобряемый», направленный на особенно жестокого эксплоататора, вроде Бобринского, или усмирителя чигиринцев, Гессе, произвел бы по крайней мере такую же агитацию среди рабочих масс, как специально политическое убийство на наше «общество», представители которого осмеливались только умолять о конституции не иначе, как с уверением, что она необходима для истребления «крамолы». У нас ежедневно совершаются бесчисленные насилия над народом со стороны правительственных агентов и помещиков или хозяев промышленных заведений. И все они оставались до сих пор безнаказанными.

Если бы параллельно с антиправительственным террором, вызванным справедливым негодованием на жестокие преследования социалистов, с такой же отвагой и энергией организован был террор против непосредственно ненавистных народу зверских его мучителей, то, без всякого сомнения, революционная партия довольно скоро вызвала бы еще более серьезное и страстное волнение в рабочих массах, чем до сих пор среди «общества». Если наше, богатое материальными средствами, знаниями и т. д., общество нуждается во внешней силе для под'ема его оппозиционного духа, то тем естественнее, что «безграмотное, забитое крестьянство» нуждается во внешнем толчке, который поднял бы его дух, самодеятельность и дал бы наиболее революционным натурам его импульс и лозунг для организованной борьбы.

Я и в данную минуту с полнейшим сочувствием отнесся бы ко всякой группе систематических пропагандистов социалистических идей во всем их об'еме. Но, как л о з у н г народно-революционной деятельности для массы революционеров, теоретическая пропаганда не может иметь места т е п е р ь, когда мы, очевидно, переживаем канун крупного политического переворота в России, когда «известные требования» настолько созрели в крестьянстве, и брожение в низших классах настолько сильно, что даже и они, несмотря на свою забитость и неграмотность, заколыхались и в форме бунтов, поджогов, стачек и антиеврейских беспорядков весьма недвусмысленно заявили о своем настроении. При таком положении вещей нельзя отрекаться от агитационной деятельности в рабочих массах, вследствие их невосприимчивости к социалистическим идеям. Теперь вопрос сводится к тому, чтобы внести конкретный всенародный лозунг в частные, разрозненные движения или, вернее, обобщить частные мотивы «беспорядков» в несколько простых и ясных требований п о л и т и ч е с к о г о и э к о н о м и ч е с к о г о характера, приспособляясь в форме и в частностях к местным особенностям со стороны национального состава населения и его положения[1]. Такой крупный факт, как антиеврейские беспорядки, мог бы при некотором усилии организованных социалистических групп сделаться началом социалистического к л а с с о в о г о движения во имя «з е м л и и в о л и» для трудящихся м а с с. Нужно было только в Киеве, например, направить толпу в кварталы к а п и т а л и с т о в-евреев да на банки, где сосредоточены капиталы высших классов всех национальностей. Разумеется, при таком направлении «беспорядков» дальней-

[1] К украинцам уже обращались с прокламациями; но и татары около Казани, например, бунтовали недавно; затем бессарабцы, например, еще менее понимают русский язык, чем татары.

ший ход движения неминуемо привел бы к столкновению лицом к лицу бунтующей массы с имущественными элементами вообще и их естественным союзником—правительством. Теперь же, к общему стыду нашему (социалистов), волнения против «жидов» так и застряли на ступени слепой вражды масс против целой нации, оставив по себе разоренными, главным образом, десятки тысяч пролетариев и мелких лавочников. «Русь», «Новое Время» и т. д. могут теперь «народничать» еще на одну тему,—проповедуя племенной антагонизм—в интересе Разуваевых православной веры [1].

Но революционеры могут еще многое сделать для внесения большей системности и целесообразности в народные волнения, которые, несомненно, будут повторяться все чаще и чаще и, кто знает, быть может, расти в интенсивности и размерах. Нельзя, или по крайней мере, до чрезвычайности трудно теперь укрепиться революционерам в деревне. Но в их рядах немало энергических и отважных людей; а с этими качествами возможно многое преодолеть и теми или иными способами проникнуть и в крестьянство. Не следует упускать из виду, что в такой момент напряженных ожиданий, толков и брожения, какой теперь переживают все слои населения в России, массы очень чутки и восприимчивы и многие приемы агитации, хотя бы и «налетом», могут иметь большое значение, если только она исходит из фактов местной жизни.

Но это уже вопрос практических деталей, а мое положение вдали от поля действия обязывает меня к сдержанности в этом отношении. В моем положении я должен ограничиться только констатированием того факта, что как современное настроение рабочих масс в России, так и вся совокупность их политического и экономического положения крайне благоприятны для того, чтобы

---

[1] Я далеко не поклонник народных восстаний в форме повального грабежа и насилия над массою граждан. Мне лично несравненно симпатичнее народные движения в форме восстаний французских рабочих, начиная с 48 г. Несомненно, что и социалистический переворот будет на Западе отличаться тем же характером в поведении масс относительно не стоящих во главе контрреволюции элементов. Но раз, благодаря многовековому рабэтву и невежеству масс в России, народные протесты могут проявляться пока только в такой грубой форме, социалистам остается, насколько возможно, вносить в эту стихийную форму движения принципиально экономическую подкладку, направляя его на д е й с т в и т е л ь н ы е ц е н т р ы народной эксплоатации. Если теоретики и публицисты «разуваевщины» не стесняются подстрекать массу на подобные действия — из-за племенной ненависти, то тем более социалисты в праве и даже обязаны направлять эти вспышки народного негодования на пункты, в которых рельефнее всего выступал бы к л а с с о в ы й а н т а г о н и з м современного экономического и политического строя.

подготовить их к сколько-нибудь сознательному активному участию в предстоящих событиях во имя нескольких простых и ясных требовиний экономического и политического характера. Самоотвержения и энергии, необходимых для этого, хватит у наших товарищей..., если только они убедятся в необходимости жертв и усилий в этом направлении. Излишне и даже вредно было бы «идеализировать» результаты этой деятельности. Достаточно не упускать из виду, что чем сильнее будет участие истинно народных элементов в общем составе реформирующих строй империи факторов, тем больше шансов отклонить направление равнодействующей всех этих преобразовательных усилий в сторону интересов «безграмотных и забитых». Но и помимо соображений о размерах непосредственно материальных результатов, есть и другие, не менее важные по своим последствиям, соображения в пользу своевременного привлечения масс, как класса эксплоатируемых, к участию в политической и социальной перестройке империи. Я подразумеваю—заложение прочного фундамента крестьянско-рабочей партии в России, в состав которой войдут не только ныне действующие нелегально революционеры, но и социалистические элементы, по тем или другим причинам наполняющие теперь поры «культурного» общества, стоя в стороне от революционной борьбы. Наконец, самоотверженными и энергическими на дело агитирования среди низших классов во имя требований, аналогичных по своей конкретности с требованием земского собора, наиболее интересующим высшие классы,—можно у нас укрепить за социализмом такую же традицию, как во Франции за республиканизмом, а в Италии за революционной партией на пользу об'единения и независимости от Австрии. Рядом героических усилий эти партии завоевали себе такой нравственный авторитет, что и теперь социалистам приходится тратить много сил, чтобы освободить рабочих из-под влияния преемников этих партий, пользующихся авторитетом только благодаря обаянию лозунга, с которым у всех соединяются традиции героизма и неустанной энергии. В статье: «За что старика обидели»... т. Драгоманов замечает, как, по иронии истории, социалистическая молодежь завоюет свободу розничной продажи для «Голоса» и «Нового Времени», конституционные гарантии для Кони etc., и как эти, видя признательность за такие услуги, будут ссылать в Сибирь и преследовать опять-таки тех же социалистов. Весьма и весьма вероятно, что это так и будет, и в этом отношении мы разделим судьбу всех крайних партий в периоды первого их выступления на историческую арену. Но если все усилия русских социалистов будут совершаться под знаменем

одних конституционных требований нашей буржуазии (как предлагает И. П.), мы можем сделаться предметом такой «иронии истории», какая едва ли приходилась когда-нибудь на долю другой крайней партии. Враги социализма воспользуются всем нравственным величием наших героев для борьбы против социализма. К счастью, революционные группы продолжают, попрежнему, бороться даже в сфере политической—под знаменем социализма, и, судя по доходящим за границу сведениям, внимание к агитации среди рабочих и крестьян опять начинает возрастать во всех оттенках нашей революционной партии и, повидимому, уже и теперь занимает видное место в ее деятельности.

П. Аксельрод.

«Вольное Слово», № 19, 1881 г. 1/13 декабря.

V. ЮВЕНАЛИЙ МЕЛЬНИКОВ

ОПЫТ ПРОГРАММЫ РУССКОЙ СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ГРУППЫ РАБОЧИХ

Мы социалисты, потому что считаем наилучшим устройством общества то, при котором орудия труда составляют собственность производителей, и распределение продуктов труда совершается соразмерно участию каждого в общественном призводстве. Мы революционеры, потому что считаем себя вправе насильственно свергнуть существующий строй для замены его лучшим. Мы не думаем, что в ближайшем будущем возможно устроить общество на началах социализма, но мы считаем возможным и необходимым целый ряд крупных изменений, которые приблизят нас к социализму, и при своем осуществлении значительно поднимут благосостояние большинства населения, т.-е. рабочих классов. Эти изменения должны касаться как государственного, так и экономического устройства общества.

А. Изменения в области государственного устройства.

1) Учреждение в качестве верховной государственной власти собрания, составленного из представителей народа, избранных прямой общей подачей голосов.

2) Свобода сходок, слова, печати и вероисповедания.

3) Неприкосновенность личности без судебного постановления.

4) Гласное, устное судопроизводство с участием присяжных заседателей по всем без исключения преступлениям.

5) Отмена постоянного регулярного войска и замена его постоянным ополчением.

Б. Изменения в области экономического устройства.

1) Отобрание земли в государственную собственность и передача ее в пользование сельским земледельческим общинам; причем распределение ее должно находиться в руках местных органов самоуправления.

2) Отобрание в государственную собственность всех фабрик и заводов и передача их в пользование артелям рабочих; причем артели эти составляются по собственному почину и по желанию рабочих и пользуются содействием государства.

3) Если не образуется артели для ведения какого-либо предприятия, то оно временно, впредь до образования таковой, остается в руках прежнего хозяина под строгим надзором рабочих.

4) Фабричное законодательство и наблюдение за выполнением его находится в руках рабочих.

5) Изменение системы налогов по принципу подоходного налога.

6) Организация кружка для производительных артелей и земледельческих ассоциаций.

Главным препятствием к осуществлению этих реформ есть современная государственная организация. Уничтожение этой организации и замена ее новою возможны только революционным путем.

Учреждение нового государственного и общественного строя должно лежать на учредительном собрании, составленном из представителей народа, избранных общею прямой подачею голосов. Благо рабочего класса, по нашему мнению, требует, чтобы преобладающее большинство собрания составлялось из лиц рабочего класса, принадлежащих к нашей группе или, по крайней мере, сочувствующих нашей программе. Кроме того, необходимо, чтобы значительное количество промышленных рабочих и крестьян понимало значение своих представителей в собрании и в случае необходимости было бы готово поддержать их требования. Поэтому наши главнейшие и ближайшие задачи, суть: 1) Приобрести как можно более сознательных сторонников среди крестьян и рабочих. 2) Распространить по возможности более рационально-критическое отношение к существующему государственному и экономическому строю среди тех же классов. 3) Сделать среди крестьян и рабочих популярным имя социалистов в смысле защитников народных интересов и этим установить связь и понимание между революционерами-социалистами и массою и, таким образом, обеспечить поддержку требований социалистов со стороны массы.

Признавая деятельность, направленную к разрешению этих задач, главным пунктом нашей программы, мы вполне признаем необходимость одновременной борьбы с существующим государственным строем. Инициативу борьбы мы пока взять на себя не можем. Мы будем содействовать всякой, борющейся в этом смысле, партии, насколько это содействие не будет отвлекать сил, нужных нам для главного пункта нашей деятельности. Содействие наше террористической борьбе против центральной правительственной организации будет определяться каждый раз: 1) Солидарностью требований борющейся группы с нашими собственными требованиями. 2) Продуктивностью данного факта с точки зрения рабочей организации. Террор против лиц местной администрации, а также фабричный и аграрный террор мы признаем только в тех случаях, когда он имеет пропагандистский характер. Террор в смысле самозащиты от шпионов и лиц, особенно вредных для революционеров, мы признаем полезным во всякое время, при всяких обстоятельствах. Мы пока составляем самостоятельную группу, но готовы войти, как часть, в организацию партии, воззрения которой согласны с вышеуказанными положениями.

(Писано на свертке.)

Краткое содержание листка, издаваемого для рабочих доктором Бекарюковым и озаглавленного:

ГОЛЬ НА ВЫДУМКИ ХИТРА.

Для тех, от кого многое скрывают, но кто должен знать, где друзья, а где враги, и каким образом в других государствах люди добиваются лучшего существования.

Правительство внушает народу мысль, что оно заботится о нем, и не позволяет критиковать своих действий,—слушаться, а не рассуждать. Между тем, напр., в Подольской губ., несмотря на урожай,—упадок цен на рабочие руки, заработка нет, а кулаки берут от 20 до 26% в год. Волостной суд—друзья богача, и в конце концов бедняк идет в батраки. Освободить деревню от кулака—это излечить его от раз'едающей язвы.—В Крыму неурожай и страшная бедность местного населения, а во дворце балы превосходят роскошью все когда-либо бывалое, как по туалетам государыни и гостей, так и по угощению. У правительства много денег,—в 1886 г. отложено в государственный банк на хранение 1,771 миллион руб., а в 87 г. еще 54 м. р., а в селе Черняково,

Киевской губ., у крестьян отобрали за недоимки даже теплую одежду, но суммы этой нехватит, чтобы угостить на балу во дворце. В Самаре земли мелких владельцев (45 т. дес.) башкир переходят к крупным, несмотря на то, что закон разрешает покупать эти земли только крестьянам или казне. Видя эти все бедствия, правительство решило помочь и устроило крестьянский банк, но потом рядом и дворянский. Крестьянский банк за 6 лет выдал 50 милл. руб., дворянский 157½ мил. руб., т.-е. втрое больше; —вот какова царская власть! Из числа покупщиков только 38% безземельных. В Псковской губ. крестьяне, не зная банковых правил, теряют задатки и становятся жертвой разных проделок. —Известен один землевладелец, который ежегодно продает свое заложенное имение, и раз крестьяне дали 1000 руб. задатку, и они пропали. Правительство могло бы отдавать по дешевой цене казенные земли в аренду крестьянам. Кулаки пользуются в свою пользу распоряжением правительства об отчуждаемости земель только в среде своего крестьянского общества. Они заставляют бедных, уплачивая за них выкуп, передавать им землю. Оказывает ли в таком случае правительство помощь при переселении? Оказывается, что нет. Симферополь. В январе масса людей всегда просит милостыню,—это возвращающиеся назад из Закавказья переселенцы северн. губ. Они нашли там лишь голые камни. В 1887 г. через Томскую губ. прошло 1029 семей; из них только $^1/_3$ на пароходах и с увольнительными свидетельствами, а остальные шли пешком, без всяких сведений и с паспортами, связывающими их с родиной, куда они должны посылать подати; $^6/_7$ имели 75 р. на семью. Из 7780 семей в Томске заболело 433 челов. В г. Томске устроены по общественной инициативе бараки, где переселенцы останавливаются дня на 3—4 и есть чиновник, дающий указания относительно земли и небольшие пособия, частью безвозвратно, частью в ссуду—около 12 руб. на среднюю семью. —Из Черниговской губ. переселенцы идут в Оренбург без всяких сведений и пособий, питаясь милостыней, а земство и образованные люди лишены права высказывать свои желания, и попытки их кончаются ничем. — «Гражданин» передает об устройстве касс (страховых) для рабочих, но средства этих касс незначительны и помощь ничтожна. В Харькове, в заседании Технического общества, был прочитан устав страховых рудниковых касс в Пруссии и было указано на то, что некоторые наши заводы пытались устроить кассы для страхования рабочих от увечий, но для этого надо было привлечь к участию самих рабочих. Была составлена комиссия из пяти членов означенного общества для выработки устава, о чем будет своевременно сообщено в местных

газетах (Прощаюсь, ангел мой с тобою...). Уфимское губ. земское собрание ассигновало в распоряжение Мензелинской земской управы 5 тыс. руб. для выдачи ссуд безлошадным крестьянам на покупку лошадей, не свыше 25 руб., на срок до 5 лет, на 12% без круговой поруки, но до погашения долга лошадь считается собственностью земства.

Правительство, под влиянием «Московский Ведомостей», несочувственно относится к суду присяжных и хочет заменить суд совести судом коронным. Уже многие дела из'яты у суда совести и переданы коронному суду, и мы можем ожидать, какой правый и милостивый суд нас ожидает. Дело миллионера Ралли разбиралось в Одессе без присяжных. Он обвинялся в непринятии мер предосторожности, последствием чего была смерть, — его собаки-водолазы бросились на купающегося крестьянина, и он утонул. Ралли оправдан,—это суд милостивый! Суд скорый,—жена поручика Васильева обвинялась в 1885 г. в том, что прожила в С.-Петербурге по чужому виду, а Морозов—в том, что прописал ее в гостинице «Франция» под именем своей жены. Один только свидетель-слуга показал, что это было сделано с ведома Васильевой, между тем как ее настоящий вид был у Морозова, и суд приговорил их—каждого на 2 недели к аресту при тюрьме.

И в других странах притесняют крестьян, но там они не покоряются. Например, в Англии: беспорядки на острове Льюисе принимают все более и более широкие размеры. Мелкие арендаторы проповедуют, с оружием в руках, возвращение земли в руки земледельцев, разрушают межи крупных владельцев и не уступают даже военной силе, как это было недавно в Шотландии и Ирландии, где крестьяне требовали уменьшения арендной платы. Суд их оправдывает. Богатые не хотят облегчить участи бедных и предоставляют им либо жить рыбной ловлей, чтобы не умереть с голоду, либо эмигрировать, земли же им не уступают. В Ирландии продолжаются аресты членов парламента и их осуждают в тюрьму по самым странным поводам. Борьба и возмущение крестьян идут своим чередом, так же, как и жестокое обращение с ними в тюрьмах, например, с Блэндом. Суд оправдал человека, убившего на улице ирландца.

Если бы все наши рабочие и крестьяне действовали так настойчиво, то давно бы им жилось лучше, во всяком случае пример хорош.

В Бельгии само правительство покровительствует эмиграции за океан и тем уменьшает число людей, не находящих себе заработка дома. Там есть «бюро эмиграции», где получают все необхо-

димые сведения. Похоже ли это на то, как относится к переселенцам наше правительство?

ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ Ю. МЕЛЬНИКОВА И ДРУГИХ

Департамент полиции имеет честь уведомить г. начальника Харьковского жандармского управления, для сведения, что произведенное во вверенном ему управлении дознание разрешено административным порядком, причем по высочайшему повелению, последовавшему в 11 день июля сего года, обвиняемые:

1) Дмитрий Бекарюков выслан на жительство под надзор полиции, в местности Степного генерал-губернатора, на три года.

2) Подвергнуты тюремному заключению: Владимир Перазич—на один год, Иван Веденьев, Василий Соколов, Соломон Бронштейн, Андрей Кондратенко, Яков Алексеев, Яков Рябоконь и Ювеналий Мельников—на восемь месяцев каждый; Семен Чайченко, Григорий Лукьянов и Степан Ткаченко—на три месяца; по отбытии же Перазичем помянутого наказания, выслан, как неблагонадежный иностранец, безвозвратно за границу.

3) Подчинены гласному надзору полиции: Сергей Велецкий, Федор Дениш и Вера Дениш на три года каждый, первый—в место родины, Полтавской губ., а двое последних—вне местностей, об'явленных в положении усиленной охраны, а также губерний столичных, Нижегородской, Тверской и Рязанской.

Дознание по отношению Надежды Остапенко, Ивана Теличенко и Анны Мельниковой производством прекращено, и за ними учрежден негласный надзор полиции.

VI. ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

ТАБЛИЦА I

Число стачек и бастовавших рабочих с 1881 г. по 1895 г.

Годы	Число бастовавших рабочих	Число стачек с известным числом бастовавших рабочих	Всего стачек	% бастовавших к общему числу за 15 лет
1881	1.149	5	8	0,7
1882	9.477	11	19	6,3
1883	5.805	8	17	3,8
1884	4.563	11	17	3,0
1885	14.185	7	12	9,3
1886	691	6	14	0,5
1887	6.322	8	25	4,2
1888	3.046	8	19	2,0
1889	7.760	9	18	5,1
1890	4.878	15	24	3,2
1891	6.127	17	24	4,0
1892	36.075	4	21	23,7
1893	11.873	13	22	7,9
1894	16.267	21	34	10,7
1895	23.641	32	55	15,96
Всего . . .	151.859	175	330	100,0

ТАБ

Распределение стачек и бастовавших рабо

Категории рабочих	1881		1882		1883		1884		1885		1886		1887	
	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших
1. Механическая	—	—	4	600/2	—	—	1	400/1	1	—	1	—	3	150/1
2. Текстильная	2	614/1	9	8477/7	6	2050/2	4	2429/3	6	13579/4	4	297/2	12	4460/4
3. Строительная	1	120/1	1	—	—	—	1	150/1	—	—	1	—	1	—
4. Табачная	—	—	—	—	—	—	1	500/1/–	—	—	1	—	—	—
5. Кирпичная	—	—	—	—	—	—	2	30/1	—	—	1	—	—	—
6. Прочие	5	415/3	5	400/2	11	3755/6	8	1054/4	5	606/3	7	394/4	10	1712/3
Итого . . .	8	1149/5	19	9477/11	17	5805/8	17	4563/11	12	14185/7	14	691/6	26	6322/8

Примечание. Числитель дроби указывает число участников в

ЛИЦА II

чих по категориям с 1881 г. по 1895 г.

1888		1889		1890		1891		1892		1893		1894		1895		Итого		% бастовавших к итогу
Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	
1	30/1	2	290/2	1	—	1	400/1	3	—	5	1500/3	2	4000	1	—	26	3370/11	2,2
14	2316/5	12	4590/5	3	1240/1	7	1797/4	7	700/1	8	7790/5	6	6940/4	18	18238/10	118	75517/58	49,7
—	—	—	—	4	1480/4	1	400/1	—	—	2	200/1	5	764/4	9	1859/7	26	4973/19	3,3
—	—	—	—	—	—	1	1200/1	—	—	—	—	2	300/1	2	1060/2	6	3060/5	2,0
—	—	1	80/1	—	—	1	8/1	2	—	—	—	6	282/3	5	171/3	18	571/9	0,4
4	700/2	3	2800/1	16	2158/10	13	2322/9	9	35375/3	7	2383/4	13	7981/9	20	2313/10	136	64368/73	42,4
19	3046/8	18	7760/9	24	4878/15	24	6127/17	21	36075/4	22	11873/13	34	16267/21	55	23641/32	330	151859/175	100,0

стачках, а знаменатель число стачек, в которых известно число бастовавших.

ТАБ

Распределение стачек

Районы	1881		1882		1883		1884		1885		1886		1887	
	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших
Северный	1	120/1	9	8363/7	5	360/3	4	1634/4	1	—	1	—	1	1500/1
Центральный	6	884/3	3	714/2	5	3550/2	6	1879/4	7	13659/5	3	—	17	2960/3
Западный	—	—	4	—	3	1500/1	3	300/1	1	146/1	6	527/4	2	262/2
Урал и Сибирь	1	145/1	1	200/1	2	—	—	—	2	—	1	—	—	—
Юг	—	—	2	200/1	2	395/2	4	750/2	1	380/1	3	164/2	6	1600/2
Всего . . .	8	1149/5	19	9477/11	17	5805/8	17	4563/11	12	14185/7	14	691/6	26	6322/8

Примечание. Числитель дроби указывает число участников в

ЛИЦА III

по районам (1881—1895 г.)

1888		1889		1890		1891		1892		1893		1894		1895		Итого		% к общему числу бастовавших
Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	Число стачек	Число бастовавших	
1	300/1	—	—	3	1280/3	3	2100/3	2	875/2	5	1200/2	8	982/5	14	3182/8	58	21896/40	14,4
15	2316/3	14	4840/5	4	400/1	6	1230/5	8	—	11	8590/7	5	1083/2	21	13672/12	131	55777/57	36,7
1	400/1	3	2920/3	5	1893/5	10	2420/7	2	35000/1	1	—	9	11092/5	9	5952/5	59	62412/37	41,1
—	—	—	—	5	730/3	1	200/1	—	—	2	300/2	6	660/6	10	835/6	31	3070/20	2,0
2	30/1	1	—	7	575/3	4	177/1	9	200/1	3	1783/2	6	2450/3	1	—	51	8714/21	5,8
19	3046/8	18	7760/9	24	4878/15	24	6127/17	21	36075/4	22	11873/13	34	16267/21	55	23641/32	330	151859/175	100,0

стачке, а знаменатель число стачек, в которых известно число бастовавших.

ТАБЛИЦА IV

Распределение стачек по результатам (1881—1895 г.)

Годы	В пользу рабочих		В пользу предпринимателя		Компромисс		Неизвестный исход		Всего	
	Число стачек	Число баст. в стачках и число стачек	Число стачек	Число баст. в стачках и число стачек	Число стачек	Число баст. в стачках и число стачек	Число стачек	Число баст. в стачках и число стачек	Число стачек	Число баст. в стачках и число стачек
1881	2	200/1		949/4	—	—	2	—	8	1149/5
1882	6	910/4	6	7214/4	1	—	6	1353/3	19	9477/11
1883	4	3000/1		2455/6	1	350/1	2	—	17	5805/8
1884	4	1250/3	8	2063/5	3	950/2	2	300/1	17	4563/11
1885	8	6880/4	2	7059/2	—	—	2	146/1	12	14185/7
1886	4	50/1	6	207/3	1	—	3	434/2	14	691/6
1887	12	2500/1	8	2362/4	3	260/2	3	1200/1	26	6322/8
1888	4	716/2	8	2030/5	2	—	5	300/1	19	3046/8
1889	5	920/3	10	3840/5	1	3000/1	2	—	18	7360/9
1890	4	700/2	6	2015/5	4	1430/4	10	733/4	24	4878/15
1891	8	4020/6	8	1887/6	1	—	7	220/5	24	6127/17
1892	2	700/1	6	175/1	4	—	9	35200/2	21	36075/4
1893	8	6540/7	7	2750/3	2	2483/2	5	100/1	22	11873/13
1894	9	903/6	18	9630/11	3	5372/2	4	362/2	34	16267/21
1895	13	1550/6	23	14202/15	5	5535/3	14	2354/8	55	23641/32
Итого	93	30839/48	130	58938 79	31	19380/17	76	42702/31	330	151859/175
%		20,3		38,8		12,8		28,1		100,0

Примечание. В знаменателе указано число стачек, в числителе—рабочих, принимавших в них участие.

ТАБЛИЦА V

Распределение стачек по причинам возникновения (1881—1895 г.)

Годы	Понижение зарпл., расц., низкая зарплата		Штрафы, вычеты и др. удержания из зарплаты		Неправильный расчет, задержка платы		Плохие условия работы, жилищн. и т. п.		Плохое обращение администрации		Плохое продовольств. в общ. фабр. столовой и т. п.		Продолжительный рабочий день		Прочие причины		Всего	
	Число стачек	Число баст. в стачках и число стачек	Число стачек	Число баст. в стачках и число стачек	Число стачек	Число баст. в стачках и число стачек	Число стачек	Число баст. в стачках и число стачек	Число стачек	Число баст. в стачках и число стачек	Число стачек	Число баст. в стачках и число стачек	Число стачек	Число баст. в стачках и число стачек	Число стачек	Число баст. в стачках и число стачек	Число стачек	Число баст. в стачках и число стачек
1881	4	270/2	—	—	2	120/1	—	—	—	—	—	—	—	—	2	759/2	8	1149/5
1882	12	7510/6	1	553/1	1	400/1	2	500/1	1	200/1	—	—	—	—	2	214/1	19	9477/11
1883	4	2095/3	1	—	2	3000/1	1	—	7	510/3	—	—	—	—	2	200/1	17	5805/8
1884	3	304/2	—	—	5	1730/5	—	—	4	1300/2	—	—	2	1229/2	3	—	17	4563/11
1885	5	13379/3	1	—	1	80/1	1	380/1	—	—	1	—	2	200/1	1	146/1	12	14185/7
1886	6	434/2	3	13/1	1	14/1	2	—	1	50/1	—	—	—	—	1	180/1	14	691/6
1887	8	2700/2	—	—	4	110/1	3	462/2	3	400/1	—	—	3	2500/1	5	150/1	26	6322/8
1888	9	2216/4	—	—	1	—	2	500/2	1	30/1	1	—	3	—	2	300/1	19	3046/8
1889	8	7530/7	1	—	2	80/1	3	150/1	—	—	—	—	2	—	2	—	18	7760/9
1890	6	2415/5	3	400/1	5	400/2	2	780/2	3	80/1	1	150/1	2	153/2	2	500/1	24	4878/15
1891	10	3433/9	1	400/1	3	208/2	—	—	2	4/1	1	—	1	2/1	6	2080/3	24	6127/17
1892	6	175/1	2	—	5	200/1	1	700/1	3	—	1	—	1	—	2	35000/11	21	36075/4
1893	8	5380/3	—	—	1	100/1	4	2750/3	1	—	1	—	1	600/1	6	3043/5	22	11873/13
1894	15	8007/10	1	472/1	4	444/2	2	5900/2	4	409/2	1	73/1	2	—	5	962/3	34	16267/21
1895	25	17513/17	5	755/2	9	758/5	4	700/1	4	2088/2	1	—	—	—	7	1827/5	55	23641/32
Итого	129	73361/76	19	2693/7	46	7644/25	27	12822/16	34	5071/15	8	223/2	19	4684/8	48	45361/26	330	151859/175
%		48,3		1,8		5 0		8,5		3,3		0.1		3,1		29,9		100,0

Примечание. Знаменатель обозначает число стачек, числитель—число рабочих, принимавших в них участие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Николай —он, Н. Ф. Даниельсон, известный экономист-народник, много писавший по вопросам экономического развития России; переводчик К. Маркса. Главная его работа «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». Спб., 1893 г. Вел переписку с Марксом и Энгельсом.

В. В., В. П. Воронцов, народник-экономист. Главная его работа «Судьбы капитализма в России», Спб., 1883 г. К середине 80-х годов мысль о том, что капитализм сделал уже очень прочные завоевания в России, стала распространенной даже в революционной народнической среде. В интересной и мало кому известной брошюре (хранится в библиотеке Истор.-Револ. Арх. в Ленинграде), напечатанной нелегально в России не позже 1887 г., с целью ознакомления революционной публики, стоявшей на распутьи и желавшей ориентироваться в том хаосе, который царил на развалинах «Народной Воли», неизвестные авторы собрали всякого рода статьи, рассматривавшие вопрос о развитии и дальнейшем направлении революционного движения. [Вот содержание брошюры: «От издателей», «Переходный момент нашей партии» П. Аксельрода, «Социализм и народничество», «Очерк развития социально-революционного движения в России», N, «Социализм в революционном движении интеллигенции 70-х годов (историко-критический этюд)»]. В статье «Социализм и народничество» неизвестный автор, анализируя современную экономическую жизнь, приходит к такому заключению: «По отношению к крупной к а п и т а л и с т и ч е с к о й промышленности не подлежит, конечно, сомнению, прежде всего, самый факт ее существования...» (стр. 47); мало того, тот же автор признает, что «по отношению к нашему капитализму можно выставить то, что он является ф а к т о м р а с т у щ и м» (стр. 51). Но, признавая это, автор далее утверждает, что когда вопрос ставится о будущей роли капитализма в русской жизни, то «здесь уже все является предметом спора». Признавая даже факт распадения общины («Вообще существование самого процесса распадения общины, по-видимому, признается всеми...»—говорит автор на стр. 60) и принимая во многих частях учение Маркса, которое автор излагает, он (автор), однако, сомневается, что процесс перехода от капитализма к социализму будет очень длителен... и потому приходит к заключению, что единственно пригодной программой для России может быть только народническая. Впрочем, программа эта рисуется как эклектическая смесь программ народнической и социал-демократической. Автор говорит по этому поводу: «Само собою разумеется, что интересы рабочего пролетариата никоим образом не могут игнорироваться народническою партиею, и требования социал-демократической программы, если отбросить их исключительный характер, должны входить, как составная часть, в общую народническую программу, но они не могут стоять в ней на первом плане, так как главное ядро рабочей

массы народа составляет еще до сих пор и будет еще долго составлять не рабочий, а крестьянин, и потому н а р о д н о е направление долго еще будет означать, главным образом, направление крестьянское» (стр. 87).

Интересно сравнить это желание автора соединить социал-демократов с народниками и взгляд П. Б. Аксельрода по вопросу о создании рабочей партии, как этот взгляд выразился в 1885 г. и даже в 1889 г. Вот что, например, Аксельрод говорит в книжке «Задачи рабочей интеллигенции в России», вышедшей в 1889 г.: «Окончательным последствием деятельности нашей рабочей интеллигенции по указанному пути будет то, что все искренние и сознательные социалисты-революционеры, какого бы звания и происхождения они ни были, войдут в общий рабочий союз; вместо теперешних революционных кружков, из которых каждый действует за народ и от имени народа, образуется одна с о ц и а л и с т и ч е с к а я р а б о ч а я партия, в состав которой будут входить «все действительные друзья народа» (стр. 16).

Если даже П. Б. Аксельрод после таких работ, как «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» Плеханова, приглашал всех друзей народа в одну рабочую партию, то чего же было ожидать от народников?

2) «Община»—журнал, издававшийся в течение 1878 г. за границей, в Женеве. Вышло 9 об'емистых номеров. По словам П. Б. Аксельрода («Пережитое и передуманное», стр. 200 и 201), этот журнал явился преемником «Работника», издававшегося в 1875—1876 гг. группой Ралли. Редакция «Общины» состояла из двух человек—эмигрантов из группы «Работника»,—Ралли и Н. И. Жуковского, и Д. А. Клеменца и П. Б. Аксельрода. Вместо уехавшего Клеменца в редакцию вступил С. Кравчинский. Направление журнала было анархическое.

3) «Летучий Листок» № 1 был написан Н. К. Михайловским и издан подпольно в апреле после выстрела В. Засулич в Трепова. См.: «Революционная журналистика 70-х годов», изд. Базилевского, 1895 г., Париж, стр. 111—113. О взглядах Михайловского на революционное движение см. наши «Очерки по истории РКП(б)», изд. «Прибой», т. I, стр. 91.

4) «Вольное Слово»—еженедельное издание. Издавалось в Женеве эмигрантом, украинофилом-федералистом Драгомановым тетрадями в $^1/_4$ листа. Издавалось на деньги русского министерства внутренних дел при участии агента III Отделения Мальшинского.

В 1881 г., когда в «Вольном Слове» печатались статьи П. Аксельрода, вышло всего 22 номера. Об участии в этом номере Аксельрода см. последнюю главу его «Пережитое и передуманное», Берлин, издание Гржебина, 1923 г. Об отношении к революционерам Драгоманова см. в «Пролет. Револ.», 1923 г., № 8 (20), в статье Дейча «О сближении и разрыве с народовольцами (к истории возникновения группы «О. Т.»)». О Мальшинском и об отношениях к нему и Драгоманову Аксельрода см. в книге «Из архива П. Б.Аксельрода» (материалы по истории русского революционного движения), Берлин, изд. 1924 г., стр. 45—61.

5) Речь П. Б. Аксельрода на социалистическом конгрессе в Хуре напечатана в № 13 «Вольного Слова» за 1881 г.; см. также «Пережитое и передуманное» П. Б. Аксельрода, стр. 381, гл. XVI.

6) Статья И. Н. Присецкого была напечатана в № 10 «Вольного Слова» за 1881 г. См. у Аксельрода в XVI главе «Пережитого и передуманного», а также наше приложение.

Иван Николаевич Присецкий родился в 1858 г. Учился в полтавском кадетском корпусе и в военном инженерном училище. Не окончив курса, Присецкий примкнул к революционному движению. В 1881 г. мы находим

его за границей в качестве ярого приверженца «Народной Воли». В 1883 г. он был арестован в Киеве и в 1885 г. выслан в административную ссылку в Восточную Сибирь, а по отбытии ссылки в 1889 г. возвратился в свое имение (в Полтавской губ., Зеньковского уезда). С этого момента начинается легальный период его деятельности и осуществление всех идей, которые он высказал в печатаемом выше письме в «Вольном Слове»: работал в земстве, был гласным и прошел в первую Государственную Думу по списку конституционно-демократической партии. Умер 12 сентября 1911 г. в Крыму, на собственной даче в Алупке (см. Я. Имшенецкий в сборнике: «К десятилетию первой Государственной Думы», изд. «Огни», Петроград, 1916 г., стр. 201—203).

Об эволюции народовольчества к либеральной буржуазии, именно о заявлениях Якубовича и Корбы на суде, а также о «Социалисте» и «Свободной России» см. у Г. В. Плеханова в его предисловии к «Истории революционных движений» проф. Туна, Петербург, изд. Рутенберга, 1906 г., стр. 49—53.

7) О роли Л. Г. Дейча, как мы очертили ее в тексте, высказывается и редактор книги «Из архива П. Б. Аксельрода» (материалы по истории русского революционного движения, т. II. Русский революционный архив. Берлин, 1924 г., стр. 85—6). Он приводит следующую выдержку из второй, уже подготовленной к печати, части воспоминаний П. Б. Аксельрода: «На плечах Л. Г. Дейча лежали все материальные и административные заботы, связанные с существованием группы. С неистощимой энергией он завязывал знакомства, которые могли в каком бы то ни было отношении оказаться полезны для нас, изыскивал финансовые источники, возился с типографией, вел переписку с различными городами, где была революционно настроенная молодежь, заведывал распространением наших изданий,— вообще, вел всю административную работу группы. Через него шла также вся деловая переписка между мною и женевскими товарищами».

8) О роли Саула Гринфеста см. в названной выше книге «Из архива П. Б. Аксельрода», стр. 85—108. Саул Гринфест, принимавший участие в революционном движении с конца 70-х годов, организовал в 1880—81 гг. в Минске вместе с Рольником и Гецовым типографию «Черного Передела». В конце 1882 г. все они эмигрировали; в Цюрихе они явились к П.Б. Аксельроду. Гринфест примкнул к группе и, как это видно из его переписки с Аксельродом, недолго исполнял роль организатора в группе. Аксельрод считает, что на этом поприще С. Гринфест не мог заменить Л. Дейча. Это, конечно, верно; так, например, в конце 1883 г. Гринфеста командировали в Россию для укрепления связи группы с русскими революционными кружками. По словам Аксельрода, миссия Гринфеста не дала почти никаких результатов не только потому, что в революционном движении в России уже начинался разброд, но и потому, что сам Гринфест «оказался не на высоте возложенной на него задачи и не сумел разыскать те революционные элементы, которые в то время еще оставались в России».

Это, может быть, и верно, но, как это выясняется из переписки С. Гринфеста, были и другие причины, мешавшие группе связаться с Россией. Прежде всего не совсем верно то, что будто бы в России совсем уже плохо обстояло дело с революционным движением. Судя по письму С. Гринфеста к П. Б. Аксельроду от 24 июня 1884 г., еще летом этого года группа имела связи с революционной организацией (быть может, чернопередельческой) в Петербурге. По крайней мере Гринфест приводит в своем письме к Аксельроду письмо, полученное из Петербурга (см. письмо второе на стр. 91 книги «Из архива П. Б. Аксельрода»). В этом письме, действительно, рисуется развал, наступивший в России. Но, однако, эта существующая

в Петербурге организация не только существует, но и обещает усиленную помощь издательству группы «Освобождение Труда».

«Дело издания нашей библиотеки встретило здесь чрезвычайное сочувствие: обещают доставить способы провоза, литературное сотрудничество, предлагали уже материальные средства 400 рублей, если я ручаюсь за надежность завязывающихся отношений»... Так пишет неизвестный русский корреспондент.

Были связи у группы и с каким-то социал-демократическим или черно-передельческим кружком в Вильне, как это видно из того же письма С. Гринфеста. Были, повидимому, связи и с другими городами, как, напри-мер, с южными [Дрезденский (Слободской, студент Дрезденского политех-никума), повидимому, имел такие связи], но все дело в том, что связей этих группа не могла ни использовать, ни закрепить. Прежде всего, у группы не было людей. Петербуржцы летом 1884 г. написали: «...А еще лучше, если приедете сами. Я полагаю, что ваше присутствие в России теперь было бы весьма кстати и даже необходимо ввиду желательной разработки и окончательного утверждения в головах путей революции, принятых группой «Освобождение Труда» («Из архива П. Б. Аксельрода», стр. 92). Послать, однако, группа никого не могла. Почему же группа не могла никого выделить для поездки в Россию? Просто потому, что группа замкнулась в самой себе и почти никого не принимала в свою среду, в свою маленькую тройку: Плеханова, Аксельрода и Засулич. До 90-х годов или по крайней мере в течение 80-х годов в группу был принят на равных правах с тройкой только один новый член—С. Ингерман. По этому поводу редактор книги «Из архива П. Б. Аксельрода» пишет (стр. 86) следующее: «...он (С. Грин-фест) смотрел на группу «Освобождение Труда» как на кружок единомышлен-ников, который должен непрерывно расширяться путем привлечения новых членов; себя он считал полноправным членом этого кружка и стремился вводить в него всех, кто только заявит о своем сочувствии принципам группы. Между тем, основатели группы смотрели на себя как на литературную ячейку, которая должна вербовать сторонников и создавать вокруг себя соответствующую периферию, но не растворяется в этой периферии и сохра-няет свой строго замкнутый характер. Этот взгляд проводился настолько последовательно, что за все время существования группы в нее был принят лишь один новый член—С. Ингерман,—а о приеме С. Гринфеста не было даже и речи».

Все это, быть может, так, но дело-то в том, что ведь и периферии-то по сути даже к концу 80-х годов не было создано. Эта периферия все еще в хаосе и разброде, и не разберешь, марксистская или народовольческая эта периферия.

Группа охраняла чистоту своих принципов и не пускала Гринфеста в свое «святая святых» и, однако, та же группа по первому же замечанию Гринфеста вносит исправления в свою программу. В письме к Аксельроду от 24 июня 1884 г. Гринфест пишет по поводу программы, выработанной группой и печатавшейся в типографии в Женеве, где жил Гринфест: «Мы думаем отпечатать ее, думаем так же, как вы, печатать в виде проекта. Я думаю, что некоторые места следует яснее формулировать, яснее выска-зать взгляд группы на крестьянство, на аграрные нужды его. В программе, например, сказано в числе ближайших требований: «пересмотр аграрных отношений»—фраза слишком общая» («Из архива П. Б. Аксельрода», стр. 94). Как совершенно правильно замечает редактор писем Гринфеста, эта общая фраза была заменена «более полной формулировкой»: «радикальный пере-смотр наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделе-ния ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела

и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. п.».

«... Пункт о сочувствии «Народной Воле»,—замечает еще Гринфест в том же письме (стр. 94),—в ее террористической борьбе с правительством следует, по моему, тоже изменить. Во-первых, слово «сочувствие» не удовлетворяет русскую публику, во-вторых, «Народная Воля» не представляет более собою партии, она не живет, а доживает; гораздо лучше будет, если группа выскажет свой взгляд на политический террор без всякой зависимости от «Народной Воли». Программе нашей следует придать не кружковое значение, а рекомендовать ее всем русским социалистам-революционерам, в том числе и народовольческим кружкам, так как все они не имеют теперь никакой программы и сознают это». Как известно, и этот пункт программы был изменен в направлении, указанном Гринфестом. Казалось бы после этого, что группа не побоится поближе сойтись с такой «периферией», как С. Гринфест, который вносит весьма существенные поправки даже в программу группы. И, однако, этого не было. А между тем, как это видно все из тех же писем Гринфеста, самой-то группы людей, способных организовать свою периферию, и не было. По крайней мере к организаторским способностям Г. В. Плеханова С. Гринфест относится весьма скептически. Это видно из письма С. Гринфеста от 10 июня 1884 г., где он о Плеханове пишет: «Жорж очень мало думает о переорганизации группы; будь теперь несколько сот франков в кассе, он считал бы положение группы вполне удовлетворительным. Очевидно, он рассчитывает вполне на свою практичность, но я а б с о л ю т н о не доверяю ей. Одно странное явление набрасывает тень на Жоржа, как на практика, это то, что он нравится людям только в начале знакомства, а как только поближе познакомятся с ним, то он перестает им нравиться, и даже еще хуже»...

Итак, Дейча не было, Плеханов не был организатором, Аксельрод бился в тисках нужды, денег у группы не было, а она и не думала о расширении.

До какой степени группа была стеснена в деньгах, видно все из тех же писем Гринфеста, который, например, в письме от 9 октября 1884 г., между прочим, пишет Аксельроду: «Я просил вас, хотя был уверен, что не удастся вам, о д о л ж и т ь где-нибудь на две недели сто франков, через две недели Дрезденский (Слободской) обещал прислать несколько денег»...

Бедственное положение группы в финансовом отношении особенно ярко рисуется в письме Гринфеста от 30 ноября 1884 г.

Только с начала 90-х годов группа в финансовом отношении несколько оправилась, когда доктор Гурьев (шурин д-ра О. Веймара, осужденного на каторгу в 1880 г.) дал денег на издание «Социл-демократа», да и то четвертая книга именно из-за отсутствия средств вышла спустя два года после начала издания (февраль 1890 г. и весна 1892 г.). Еще раньше, в 1888 г. вышел литературно-политический сборник «Социал-демократ» на деньги, радикального адвоката Кулябко-Корецкого.

Группа, стало быть, билась, как рыба об лед. Финансовое положение ее было очень тяжело и в первую половину 90-х годов; так т. Ерманский рассказывает, что когда он собрал несколько десятков франков в пользу группы в начале 90-х годов и привез их Плеханову, то его встречали как какого-то Креза.

Почему же в таком случае группа не пыталась включить новых членов и не сорганизовала периферию? Потому что, быть может, она боялась затормозить выработку нового мировоззрения, а отсутствие организатора лишало ее как периферии, так и связей с Россией.

9) Сведения, сообщенные нами в нашей статье о Н. Слепцовой и Р.Соловейчике, равно как и о некоторых других эмигрантах, находятся в разных делах и по преимуществу в делах, связанных с известным взрывом бомб в Цюрихе, во время которого погиб эмигрант Дембо.

Дело Дембо, вернее, связь этого дела с социал-демократической эмиграцией 80-х годов, сводится к следующему:

Еще в 1884 г. в Петербурге возникли новые кружки, т.-е. кружки военной учащейся молодежи. Одним из главных организаторов и руководителей этих кружков был Марк Брагинский и мичман Николай Шелгунов. Цель этих кружков очень хорошо видна из программы, обсуждавшейся и принятой на этих кружках (см. «Еженедельные Записки» Ленингр. Ист.-Рев. Арх. за 1886 год, от 4 по 11 августа). «Мы—социалисты,—говорится в параграфе первом этой программы,—и конечная наша цель—осуществление социалистического строя в общественных формах. Мы считаем, что этот строй не только наиболее справедлив, но неизбежно вытекает из условий нашей исторической жизни». В о втором параграфе той же программы мы читаем: «Для успеха революции в ней должны принимать участие все силы, заинтересованные в разрушении старого и создании нового общественного строя. Под словом «заинтересованные силы» мы понимаем те слои общества, которые выигрывают при разрушении старого строя. Мы считаем, что главное участие в революции должны принять наиболее эксплоатируемые слои общества, т.-е. простой народ, рабочие и интеллигентные пролетарии; но мы вполне допускаем, что могут явиться также революционеры из других слоев, не заинтересованных и прямо враждебных делу революции, хотя в таком случае эти лица не будут истинными представителями своей среды, как самостоятельного класса. Относительно войска можем сказать,—мы рассчитываем и на его помощь, потому что оно есть часть народа и при нынешнем положении дел оно не представляет замкнутости и не теряет связи с народом».

Как видно из этого отрывка программы, в ней, как деятель революции, является рабочий класс. Несомненно, что именно это место программы военных кружков появилось в результате воздействия благоевцев (членов «партии русских социал-демократов») на военные кружки. В специальном исследовании, посвященном благоевцам, мы, совместно с т. Сергиевским, подробно покажем это, а сейчас скажем только, что один из членов военных кружков прямо указывает на это влияние. Подпоручик Василий Шейдевандт, член военных кружков, давший откровенные показания, между прочим, показывал: «... Так как, еще бывая в кружке, говорилось о том, что наша программа близко подходит к программе социал-демократов и следует познакомиться с ними поближе, то указанное лицо и было представлено от этой фракции». Этим лицом, о котором говорит Шейдевандт, был Павел Шатько, член благоевской группы. Как выявляется из показаний инженера-технолога Николая Григорова, тоже благоевца, он, другой инженер-технолог Василий Данилов (и, может быть, еще один благоевец Петр Мефодиевич Редько) были на том собрании в Академии Наук (у одного из молодых людей, давших для этого помещение), где благоевцы и представители военных кружков обсуждали программу благоевской группы (в мае 1886 г.). Об этом определенно говорится в показаниях Григорова: «... Шелгунов тоже не скрывал своих симпатий к тому направлению (т.-е. благоевскому.—*В. Н.*), говорил, что у него есть товарищи, более или менее разделяющие его взгляды в этом отношении, и обещал познакомить меня с ними» («Еженед. Записки», 1887 г., от 16 по 23 февраля). Состав же одного из военных кружков был таков: мичман Николай Шелгунов, Марк Брагинский, Лев Бобровский, мичман Чернявский, артиллерийский офицер Эссен, студент Александр Редько и, может быть, Петр Редько. Братья Редько были благоевцы.

Марк Брагинский и Николай Шелгунов были хорошо знакомы с Над. Ник. Слепцовой, и на ее квартире и происходили иногда собрания руководящего кружка. Таким образом Н. Н. Слепцова и была знакома с благоевцами и с их программой. А судя по тому, что читалось в этих кружках, можно с уверенностью сказать, что здесь-то и получила Н. Н. Слепцова первые начатки социал-демократического учения. Читались же там следующие книги: «Наши разногласия» Г. В. Плеханова, «Научный социализм» Ф. Энгельса, «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «Речь о свободе торговли» К. Маркса, «Коммунистический Манифест».

Н. Н. Слепцова была, конечно, знакома и со многими военными молодыми людьми, в том числе и с офицером Димитрием Бруевичем (см., например, обвинительный акт в № 4 «Социал-демократа» 1892 г. и в деле «О мещанке Софье Гинзбург, поручике Иване Чижевском и Петре Душевском». Ист.-Рев. Арх., 3 делопроизводство, д. № 47, т. VIII, 1889 г.), Лукою Гаевским и друг.

Лука Гаевский познакомил Петра Душевского с Димитрием Бруевичем, а тот пригласил его зайти к Н. Н. Слепцовой, где в 1886 г. Душевский и встретился с Софьей Гинзбург.

Таким образом и завязался тот узел, который жандармы начали распутывать уже только после взрыва в Цюрихе. Дело о военных кружках окончилось в 1887 г., причем Н. Н. Слепцовой удалось до суда уехать за границу.

За границей, как уже сказано выше, в 1887 году, именно в Цюрихе, была довольно многочисленная русская колония. Жил в этой колонии и Исаак Бриштейн под фамилией Дембо и Александр Дембский, оба эмигранты, бежавшие за границу, причем Дембо привлекался жандармами еще по делу 1 марта 1887 года.

В числе знакомых Дембо и Дембского была Софья Гинзбург, слушательница Бестужевских курсов, товарка и знакомая Н. Слепцовой, бывавшая у нее (в течение 1882—1885 гг.). В 1885 г. С. Гинзбург уехала за границу и там вошла в «Кружок народовольцев в Цюрихе», который поставил своей задачей убить Александра III. Вот что по этому поводу рассказывает Борис Исаевич Рейнштейн, бывший в те времена народовольцем (ныне коммунист, член Коминтерна):

«Летом 1886 года выехал в Швейцарию с целью уяснить себе и оформить социалистическое мировоззрение и вернуться для революционной работы в Россию. В Швейцарии в ту пору бушевала борьба между защитниками революционного народничества—народовольчества, с одной стороны, и основоположниками социал-демократии—Плехановым, Аксельродом, Засулич и другими членами и приверженцами группы «Освобождение Труда»—с другой. Это была эпоха, когда революционное движение стояло на распутьи между народовольчеством и марксизмом. Я вскоре стал на точку зрения социал-демократии по вопросу о перенесении центра тяжести в революционной борьбе с крестьянства на промышленный пролетариат, по вопросу об ударности работы пропаганды, агитации и организации пролетариата, о необходимости издания марксистской литературы и проч., но все же не входил в контакт с приверженцами группы «Освобождение Труда» вследствие их индифферентного, если не открыто враждебного отношения, к террору. А по моим тогдашним убеждениям, при режиме самой черной реакции Александра III, конца 80-х годов, когда всякое проявление революционной борьбы молча душили, и ни одна газета не могла даже пикнуть, систематический террор, ряд террористических актов был необходим не как средство, достаточное для свержения самодержавия, а как средство, стимулирующее работу агитации и организации промышленного пролетариата.

На такую же приблизительно точку зрения, сочетания социал-демократической пропаганды с террором, становились тогда и некоторые прибывшие в Швейцарию молодые эмигранты после провала покушения 1 марта 1887 г., в связи с которыми были казнены Александр Ульянов (брат Ленина), мой товарищ по Екатеринодару Пахом Андреюшкин и другие. В числе бежавших в Швейцарию в связи с этим провалом были Говорухин из Петербурга и из виленской группы террорист Исаак Дембо (Бринштейн), Гнатовский, Прекер, Шарль Раппопорт и другие. Весной 1887 г. у нас создалась в Цюрихе организация под именем «Кружок молодых народовольцев», ставившая целью продолжать террористическую борьбу и одновременно издавать и пересылать в Россию социалистическую литературу.

В ожидании возможности вернуться в Россию я занялся переводом марксистской литературы и перевел Маркса «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта» и Каутского «Экономическое учение Карла Маркса». Этот перевод книжки Каутского появился в Швейцарии в 1888 г. под фирмой «Кружка молодых народовольцев», как первое издание этой книжки на русском языке. Одновременно мне приходилось работать по отправке транспортов нелегальной литературы в Россию. (В заграничном издании «Из архива П. Б. Аксельрода», на стр. 35, в примечании седьмом указывается, что группой цюрихской молодежи была издана еще брошюра «Введение к критике философии права Гегеля» К. Маркса с предисловием П. Лаврова. Ошибочно там же указано, что брошюра «Экономическое учение К. Маркса» Каутского была переведена Тарасовым (Русановым): перевод был сделан Б. Рейнштейном.—*В. Н.*).

Летом 1888 г. я начал работать в Берне, потом в Цюрихе с народоволкой Софьей Гинзбург, по изучению техники приготовления метательных снарядов. В Цюрихе к этой работе был нами привлечен тов. Исаак Дембо (Бринштейн). После нескольких опытов в окрестностях Цюриха Гинзбург уехала в Петербург подготовлять покушение на Александра III. Чтобы продолжать опыты, тов. Дембо привлек к работе члена польской организации «Пролетариат» Александра Дембского, тогда стоявшего на интернационалистской точке зрения. В марте 1889 г., когда они производили опыты в лесу около Цюриха, произошел случайный взрыв, смертельно ранивший Дембо и тяжело Дембского. В связи с этим из Швейцарии были изгнаны ряд русских эмигрантов и по выходе из больницы и Дембский».

Не только изгнаны, как говорит т. Рейнштейн, но и арестованы. На обысках при этом были найдены разные адреса, заграничные и русские, а так как при этом в России 31 марта 1889 г. была арестована и Софья Гинзбург, то жандармы произвели огромные аресты (С. Гинзбург была арестована вследствие несчастной случайности: в Петербурге в магазине она забыла портмоне и в нем набросок прокламации, в которой говорилось о применении террора к Александру III).

Таким образом, и была привлечена к этому делу масса народа, в том числе и эмигранты «освобожденцы». (С. Гинзбург была приговорена к смерти, которую заменили пожизненным заключением в Шлиссельбурге, где она и покончила с собой.)

В связи с привлечением многих «освобожденцев» учащихся к делу Дембо мы и находим в этих делах материалы, рисующие жизнь «освобожденской» эмиграции.

Материалы эти находятся в делах Ист.-Рев. Архива в Ленинграде: 4 дел-ство, д. № 47, 1889 г.: т. I и II—«О воззвании преступного содержания, свидетельствующего о существовании злоумышления против священной особы государя императора»; том IV и V—«О преступных революционных кружках среди учащейся молодежи в Цюрихе»; в этих томах

сведения о знакомстве Гинзбург со Слепцовой, показания Гр. Гуковского о жизни в Цюрихе и в Берлине и т. п., показания офицера Чижевского о связях Слепцовой в России; т. VI—«Об Александре Залкинде и других лицах»; здесь показания офицеров по делу Н. Шелгунова и связь Шелгунова с благоевцами; т. VII—«О Бунине, Бруевиче и других»; т. VIII—«О мещанке Софье Гинзбург, Петре Чижевском, Петре Дуговском, обвинительный акт по делу С. Гинзбург»; т. IX—«О цюрихских революционных кружках» и т. X—дополнительная переписка. Кроме того, 4 дел-ство, № 47, ч. 1, т. I—«Об Евген. Григорьевой, Михаиле Стояновском, Елизавете Гинзбург и других», и ч. 1, т. II—«Об образовавшихся среди цюрихской молодежи революционных кружках», и ч. 1, т. III—«О Петре Станиславове Витковиче и других лицах».

10) К сожалению, за неимением данных, мы не можем дать сведений о всех лицах, которых документы причисляют к «освобожденцам», и в литературе о многих из них тоже очень мало данных. Однако, о некоторых из этих лиц необходимо сказать несколько слов.

В № 4—5 «Рабочего Дела» (сентябрь—декабрь 1899 г.) помещен следующий некролог Г. Э. Гуковского: «В ночь с 17-го на 18-е мая покончил с собою в Среднем Колымске выстрелом из револьвера Григорий Эммануилович Гуковский. Припутанный к делу о цюрихских бомбах, он в 1889 году 17—18-летним юношей был арестован в Аахене и препровожден в Россию, где был присужден к 4-летней высидке в петербургских «Крестах». 1894 год застал его там, и за отказ присягнуть Николаю II он был сослан по окончании срока высидки в Колымск на 5 лет. Искренний, живой, впечатлительный по натуре, Г. Э. принадлежал к числу тех людей, которые быстро завоевывают себе симпатию окружающих. Еще в дороге он часто выражал свое беспокойство. Г. Э. по прибытии на место стал усиленно заниматься физическим трудом. Он был чуть ли не единственным из ссыльных, который занимался последним, как промыслом. Но отсутствие живой жизни давало себя, повидимому, чувствовать, и Г. Э. два раза пытался отравиться, но неудачно. В последнее время он не возбуждал более в товарищах никакого беспокойства. Еще вечером 17 мая он весело беседовал со своими соседями, излагая им свои новые планы, и затем до двух часов ночи слышно было, как он возился на дворе с пилою и топором в руках. Утром 18 мая его нашли с накрытой подушкой головой (вероятно, чтобы заглушить выстрел) и опущенной левой рукой; правая с револьвером осталась на месте: смерть, очевидно, последовала моментально. В записке к исправнику, найденной на столе, он просил в его смерти никого не винить, а в записке к товарищам говорится только, что решился он на самоубийство потому, что не чувствует никакого желания дольше жить, так как не верит в свои силы; а жить, не участвуя активно в революционной деятельности, он не хочет. «Я всегда старался быть честным человеком; удалось ли это мне, пусть судят товарищи», так кончается его записка».

К этому необходимо прибавить, что Гуковский, не в пример некоторым из молодых своих товарищей, держался очень хорошо на допросах, и жандармы не выжали из него ни слова лишнего.

И. Гельфонд (Парвус). Вот что говорит Д. Б. Рязанов по поводу Парвуса в цитированном нами предисловии к письмам Г. В. Плеханова к Ф. Энгельсу («Под Знаменем Марксизма», 1922 г., № 11—12):

«... уже обративший на себя внимание статьями в «Neue Zeit» о Бем-Баверке и в «Vorwärts» о голоде в России, в действительности не принял никакого участия в работе новой группы. Он поместил только под фамилией Игнатьева в «Neue Zeit» подробный реферат о первомайских речах виленских рабочих, вышедших в издании «Социал-демократической библио-

теки». С 1894 г. он окончательно перешел в ряды немецкой социал-демократии. Только после приезда «молодых»—Ленина, Мартова, Потресова—он принял впервые участие в литературных органах российской социал-демократии» (стр. 9).

Б. К р и ч е в с к и й. О нем Д. Б. Рязанов говорит там же: «Главным литературным работником группы был Борис Наумович Кричевский (умер в Париже в 1919 г.). Ему принадлежат изданные группой переводы Маркса («Наемный труд и капитал», «Восемнадцатое Брюмера») и Каутского («Эрфуртская программа»), а также две популярные брошюры («Борьба английских рабочих за свободу» и «Как бельгийские рабочие боролись за свободу»).

П. Ф. Т е п л о в. После расхождения с группой «Освобождение Труда» в 1898 г., Теплов становится редактором «Рабочего Дела» (первый номер вышел в 1899 г.) вместе с Б. Н. Кричевским. Приехав в Россию по делам «Союза» в 1900 г., он попадает в руки жандармов и уходит в ссылку в Якутскую область на 5 лет. В 1904 г. участвует в известной Романовской истории. Амнистия 17 октября 1905 года освобождает его, и он с тех пор до самой смерти в 1906 г. является активным работником в профессиональном движении. Теплов много писал в нелегальной прессе под псевдонимом «Сибиряк». Ему принадлежит брошюра о студенческих беспорядках в 1899 г. и известная книга о Романовской истории. (См. некролог Теплова в № 12 «Голос Социал-демократа», февраль 1908 г.)

О Ю. Р а п п о п о р т е, изданном им одном номере журнала «Социалист» в 1889 г. и о связях с ним Плеханова и Аксельрода см. в книге «Из архива П. Б. Аксельрода», стр. 109—115.

11) До какой степени слабы были связи группы с революционными кружками в России, свидетельствуют материалы, опубликованные в книге «Из архива П. Б. Аксельрода» (см. стр. 231 и сл.). Аксельрод, на котором лежала обязанность разработки вопроса о формах движения и тактики, хватался за каждый удобный случай, чтобы связаться с Россией. Когда Ганелин, примыкавший к группе и живший в Женеве, узнал в 1887 г. из письма своего одесского родственника, что одесские революционеры желают завязать сношения с группой, он тотчас же сообщил об этом Аксельроду, и П. Б. тотчас же написал большое письмо к одесскому революционному кружку. Письмо это по назначению не дошло и было в извлечении напечатано в американской газете «Знамя», издававшейся русскими эмигрантами Мюллером, Капланом, Никольским, Столетниковым, Горвицем, Кранцем и др.

В этом письме ясно доказывается оторванность группы от русского движения. Аксельрод там между прочим пишет: «За исключением явно обнаружившегося стремления одного слишком рано погибшего кружка стать в критическое отношение к господствующим у нас теориям и программам, я не слыхал ни об одной попытке среди революционной молодежи последних лет в таком направлении» (стр. 232).

Аксельрод здесь имеет в виду группу Благоева, которая завязала переписку с группой «Освобождение Труда»; но в России в это время существовали и другие кружки: в Петербурге, кроме наследников Благоева (Андреев и др.), работал Точисский, существовала группа марксистов-технологов, в Киеве тоже формировались первые социал-демократические кружки, да и в остальной провинции кое-где встречались группки социал-демократов. Они существовали конспиративно, и нужны были люди, которые от имени группы собрали бы эти силы, а таких людей группа-то и не создала.

В высшей степени интересно письмо П. Б. Аксельрода к варшавским социал-демократам (Константиновский, Шумов, Виткинд, А. Залкинд, Ма-

харадзе, Микадзе и др.). Варшавский студент соц.-дем. Израиль Моисеевич Пескин (известный под именем Сомова), живя в 1893 г. в Бельгии, обратился к Аксельроду с письмом, в котором ставились вопросы современного социал-демократического движения в России.

В ответ Пескину П. Б. Аксельрод написал письмо, воспроизведенное в книге «Из архива П. Б. Аксельрода» (стр. 237).

Из этого письма видно, что теперь, в 1893 году, уже и группа знает, что в России идет довольно значительное социал-демократическое движение; это ясно из следующих слов Аксельрода: «Ваше письмо нас поэтому еще раз убеждает в крайней необходимости с'езда за границей из делегатов от д е й с т в у ю щ и х в Р о с с и и революционных кружков и членов нашей группы».

Зная это, Аксельрод далее упрекает русских товарищей за то, что они не связаны с группой и с западно-европейским рабочим движением.

«От наших рабочих кружков,—пишет Аксельрод,—еще ни разу даже адреса с выражением солидарности не послано было ни интернациональным конгрессам, ни национальным (например, германским или австрийским), хотя это очень легко было сделать при посредстве группы» (стр. 239).

Этот упрек тем более странен, что сама группа встречала с недоверием и подозрительностью всякие попытки русской молодежи повлиять на содержание работы группы; кроме того, русские социал-демократические кружки конца 80-х годов (как, например, в Казани Скворцов, Федосеев, Санин и др.) развивались независимо от группы: они изучали Маркса и Энгельса не по изданиям группы, которых группа в Россию не доставляла, а по первоисточникам.

Интересно письмо Аксельрода к варшавянам и потому, что в нем говорится уже о давно пройденной стадии движения в России: подготовки социал-демократов из передовой интеллигенции (что, впрочем, не мешает Аксельроду правильно квалифицировать буржуазную интеллигенцию вообще). Говорить об этом, пожалуй, было уже поздно в то время, когда в Харькове и Киеве вырастали такие рабочие, как Ю. Мельников, а, например, московская организация вынуждена была за отсутствием популярной рабочей литературы создавать и издавать ее собственными силами.

12) Стало быть, вопрос «о всех честных русских людях» для группы «Освобождение Труда» был не только теоретическим вопросом. Зимой 1891—92 гг. Аксельрод приступил к организации «Общества борьбы с голодом». Как это видно из его переписки с Лавровым и из других документов (например, из воззвания комитета общества), это была попытка об'единить все оппозиционные элементы в борьбе за конституцию.

«Общество задается целью поднять агитацию в пользу политической свободы, пользуясь современным кризисом в России. Оно имеет в виду содействовать созданию, переправке и распространению в России соответственной литературы среди всех слоев населения, обращаясь за помощью ко всем оппозиционным элементам».

Слова эти принадлежат одному из деятельнейших сторонников группы, секретарю «Общества борьбы с голодом» Якову Кальмансону, но и Аксельрод высказывался по этому вопросу очень ясно и определенно:

«... Со стороны революционеров было бы непростительной ошибкой,—писал Аксельрод 31 декабря 1891 г. комитету «Общества борьбы с голодом»,—вернее, преступлением перед собственным знаменем, если бы они не воспользовались кризисом, переживаемым теперь Россией, в интересах возбуждения конституционно-демократической агитации—в обществе и народных массах. Только такая агитация и может повести к избавлению русского народа от постигшего его бедствия и превратить голод в орудие

освобождения нашей родины от царского и чиновничьего деспотизма, сковывающего развитие ее экономических, интеллектуальных и нравственных сил. Успех этой агитации будет, конечно, в значительной мере зависеть от степени энергии и целесообразности способов деятельности революционных групп в среде нашей интеллигенции и рабочих».

Народовольцы довольно сдержанно отнеслись к попытке социал-демократов об'единить «всех честных русских людей», а холодная встреча этих попыток и в России со стороны русских социал-демократов скоро показала группе «Освобождение Труда», что голод и связанная с ним политическая агитация еще далеко не достаточное средство для завоевания конституции. И в этом вопросе сказалась оторванность группы от России. (Об «Обществе борьбы с голодом» см. «Из архива П. Б. Аксельрода», стр. 117—132.)

13) Только через семь лет Г. В. Плеханов пришел к заключению, что в России много социал-демократов, что программа группы «Освобождение Труда» победила в России и принята не только социал-демократическими кружками, но и народовольческими. Вот что он говорит по этому поводу в своей книжке «Новый поход против русской социал-демократии» (изд. «Союза русских социал-демократов», Женева, 1897 г.): «Программа социал-демократов? Она напечатана за границей, на станке, принадлежащем эмигрантам,—на нее ссылаться нельзя, хотя напечатанная там в виде п р о е к т а, она н а д е л е принята всеми работающими в России социал-демократическими кружками» (стр. 27). В сноске к этому месту Плеханов добавляет: «И даже—ох, увы, древлее благочестие!—многими н а р о д о в о л ь ч е с к и м и, что особенно плохо действует на настроение г. «Старого Народовольца».

Итак, программа группы «Освобождение Труда» принималась даже народовольцами, а вместе с тем в 1898 г. находились социал-демократы, утверждавшие, что никакой программы у русских социал-демократов еще нет. Мы говорим о споре «экономистов» (Б. Кричевского, Акимова и т. д.) с Плехановым, споре, в котором, конечно, правда была целиком на стороне группы «Освобождение Труда». Но правда была на стороне группы «Освобождение Труда», и в то же время оторванность группы от России в конце 80-х и начале 90-х годов и самостоятельное развитие русских социал-демократических кружков без руководства группы завели их в тупик оппортунизма и привели на деле к отрицанию революционной сущности социал-демократии.

14) К характеристике того направления, которое, несмотря на личный героизм его выразителей, эмансипировалось, как и народовольчество конца 80-х годов, от социализма и превращалось в либерально-буржуазное течение мысли, очень кстати привести здесь в параллель с письмом И. Н. Присецкого выдержки из прокламации Софьи Гинзбург, забытой ею в магазине.

«Мы будем уничтожать,—говорится в этой прокламации,—всякого представителя царской власти до тех пор, пока не явится возможность работать для народа законными путями: свободным словом в печати и свободной речью во Всероссийском Земском Собрании»...

«...Наши стремления просты и легко достижимы: а) ограничение самодержавия Всероссийским Земским Собором, законодательным, выбирающим ответственных пред ним министров и контролирующим все отрасли государственного управления и народной жизни; б) широкое местное городское и земское самоуправление; в) независимый суд. В отношении мер, неотложно необходимых, мы считаем на первом плане самое широкое распространение, без различия вероисповедания и пола, народного образо-

вания, во-первых, низшего земледельческого и технического; во-вторых, среднего с уничтожением классицизма, и, в-третьих, высшего общего и специального. Затем нужно отменить налоги, тяжело падающие на бедные классы общества. Сокращение численного состава армии и срока обязательной службы для солдат. Уничтожение паспортов. Бесплатное наделение безземельных и малоземельных крестьян казенными землями и лесом (фабр.). Средства к проведению реформ мы находим в сокращении массы ненужных расходов на армию и флот, строгой экономии в расходах и продаже бесчисленных сокровищ никому ненужных дворцов, награбленных у народа» (Ист.-Рев. Арх., 4-е дел-ство, № 47, ч. 1, 1889 г., лл. 16 и 17).

Конституция, ни слова не говорящая о демократической республике и не идущая далее конституционной монархии, как нельзя лучше показывает, что даже употребление бомб и самая героическая смерть буржуазного революционера не меняет, не может изменить его буржуазной сущности. По словам Б. Рейнштейна, С. Гинзбург приехала в Россию с письмом П. Л. Лаврова к Н. К. Михайловскому, с которым ей после больших препятствий удалось повидаться. Михайловский, как утверждает Б. Рейнштейн, и был автором прокламации, найденной в кошельке С. Гинзбург. О деле С. Гинзбург и о связях ее с Лавровым см. также в «Голосе Минувшего» 1917 г. № 7—8.

ПРИМЕЧАНИЕ К ТАБЛИЦЕ II, ПОМЕЩЕННОЙ НА СТР. 343.

В подсчет в этой таблице не вошли стачки, которые проверить по имевшимся в нашем распоряжении сведениям было невозможно: стачки судовых рабочих в Петербурге в 1875 г. (работало 30 тыс. чел.), стачка на фабрике Коншина в январе 1879 г., о которой говорит Мартов, стачка на фабрике Дурунча, которую Мартов относит к 1875 г. (в 1872 г. она вошла), стачка строителей в Казани и те волнения на заводах, о которых говорится в примечаниях к таблице I. Цифры, кроме проверки по данным, находящимся в документах, проверялись и по печатным источникам, напр., по перечню фабрик и заводов за 1880 г. Цифры второй колонки строго проверены по официальным документам. Ссылки на листы дел находятся в списке источников I таблицы и в подстрочных примечаниях текста. Подсчет, конечно, обнимает и случаи волнений.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А.

Абрамова Н. Ф., участница пензенского с.-д. кружка—260.
Абрамович Э. А., врач, киевский с.-д.—238, 242, 245, 246, 252, 256, 273, 310.
Авилов Б. В., с.-д.—310.
Автономов Н., харьковский рабочий—265.
Агапонов, заводчик Петерб. губернии—342.
Агафонов А., петерб. рабочий—57.
Аграпинская Л. К., с.-д.—256, 257, 260.
Адамов Карл, петерб. рабочий—81, 153.
Азеф Е. Ф., провокатор—190.
Азов, устюжский фабрикант—44, 331.
Акимов, управляющий соляными промыслами—47.
Акимов—см. Махновец В. П.
Аксельрод П. Б., с.-д.—92,102, 111, 121, 131, 135—136, 144—145, 163—165, 177—178, 184, 199—200, 216—217, 220—224, 227, 230, 232, 238, 241, 247, 249—251, 253—255, 316, 319—320, 462, 479, 500, 514—518, 520—521, 523—525.
Акулов В., петерб. рабочий—38.
Александр, нелегальный—179.
Александр II, император—26.
Александр III, император—457, 520—521.
Александров М. С.—см. Ольминский.
Александрович— см. Аксельрод П. Б.
Алексеев, содержатель мастерской в Петербурге—44, 46.
Алексеев, петерб. фабрикант—331.
Алексеев П. А., рабочий-революционер 70-х гг.—87, 114, 238.
Алексеев Я., харьковский рабочий—265, 273—275, 281,284,288, 506.
Аликин К., харьковский рабочий—179.
Алпатов, уральский рабочий—43.
Альтман А., управляющий фабрикой—54.
Амосов В. А., историк—292.
Анатольев П. И., историк—7.
Ангарский, хозяин мастерской в Петербурге—339.
Андреев, благоевец—523.
Андреев, сибирский золотопромышленник—333.
Андреев А.П., черноперелелец—182.
Андреев С., московский рабочий—40.
Андреюшкин П. И., народоволец—521.
Андронов С. В., член группы «Рабочее Знамя»—320.
Антипов О., елабужский рабочий—50.
Антонова М. И., московская чайковка—111.
Аптекман О. В., землеволец, черноперелелец— 112—113, 116, 145, 149, 163, 175—176, 182, 210, 217—218, 228.
Аристов Н. Я., историк—233.

Аркомед С. Т. (псевдоним), историк—311.
Артемов А., харьковский студент—267.
Астратов, подрядчик—342.
Аунерт, фабрикант Гродненской губ.—61.
Афанасьев А., серпуховской рабочий—66.
Афанасьев Е. А., рабочий, с.-д.—102.

Б.

Бабушкин, петерб. фабрикант—331.
Багин А.Ф., пермский рабочий—65.
Базилевский—см. Богучарский.
Бакунин М. А., революционер-анархист, эмигрант—110, 149, 209, 212—214, 221.
Бал, управляющий фабрикой—61—62.
Балабанов М., историк—38, 44, 53, 57, 64, 68, 145.
Балабуха О. П., черноперед елец—180—181.
Баландин, владелец приисков—330.
Балашов, фабрикант Московской губ.—341.
Балашов Ив., серпуховской рабочий—54.
Бамбин А., петерб. рабочий—157—158.
Барад Д., сторонник группы «Освобожд. Труда»—242.
Баранов, с.-д.—260.
Баранов, александровский фабрикант—53, 334.
Баранов, участник черноперед. харьковского кружка—179.
Баранов Л. П., елабужский рабочий—49—50.
Баранов М. Г., пермский рабочий—65.
Барановский, петерб. заводчик—333.
Баранцев Г. И., одесский рабочий—78—80, 120.
Бардина С. И., революционерка 70-х г г.—87.
Барский—245—246.
Батагов Г.—одесский рабочий—178.
Батурин Н. Н., историк—68, 104, 323.
Бачин И. А., член «Северно-русского рабочего союза»—72—76, 107, 116, 133—134, 144, 146, 151, 153, 156—159, 162—163.
Бедункевич А., петер. рабочий—154, 162.
Бейт, варшавский рабочий—137.
Бек, народоволец, член цюрихской колонии—242.
Бек А. Ф., петерб. рабочий—162.
Бекарюков Д. Д., врач, революционер 80-х гг.—5, 178—181, 266, 270—272, 279, 282, 285, 290—291, 503, 506.
Бекер, петерб. фабрикант—71, 339.
Бекон Фр., английский мыслитель—469.
Белецкий, харьковский рабочий—179, 180.
Белилов П. Г., петерб. рабочий—151.
Белинский В. Г., критик—255.
Белли но-Фендерих, одесский заводчик—53, 101.
Бельский, писатель—124, 373.
Бем-Бавер к, немецкий экономист—522.
Берд, петерб. заводчик—57, 108, 115, 132, 161, 336.
Бернар, французский капиталист—352.
Бернс Людвиг, немецкий писатель—112, 149.
Бибарсова, заводовладелица—20.
Бибиков Я., харьковский рабочий—179.
Бирюков, владелец типографии в Одессе—336.
Бисмарк Отто, герман. канцлер—223, 464, 488.
Бишлер, сторонник группы «Освобожд. Труда»—241.
Благоев Д. Н., революционер—93, 101, 104, 176, 182, 196, 237, 242, 253, 304, 306—308, 310, 523.
Благославов В.Е., революционер 80-х гг.—102, 176, 182, 232, 256—257, 260.

Благославова О. П., участница пензенского с.-д. кружка—260.
Блан Луи, французский социалист—112, 149.
Блек А. Л., чернопеределец—175, 181.
Близниченко А. Е., харьковский рабочий—280.
Близниченко М. Т., харьковский рабочий—280.
Блэнд, ирландец—505.
Блюммер А. П.—117, 119—120.
Бобринский, граф, помещик—406,—407, 496.
Бобровский Л., участник военного революц. кружка—519.
Богданов Н.Д., рабочий, с.-д.—306.
Богданович А. В., жена генерала Богдановича—205.
Богданович А.Г., революционер-семидесятник—169.
Боголюбов (Емельянов) А. А., революционер-семидесятник—296.
Богомолов, фабрикант Московской губ.—340.
Богораз С. М., революционер—277—278.
Богучарский (Яковлев) В. Я., историк—145, 151, 171, 515.
Бойко А., харьковский рабочий—179.
Бокль, английский историк—112, 265.
Бонди Л. Л., революционер—375.
Бонч-Осмоловская В. И., революционерка 70-х гг.—176.
Бонч-Осмоловский А. О., революционер—176.
Борг, подполковник—382, 384.
Борисов, полковник—382, 384.
Борот, згержский фабрикант—333.
Бортник М., историк—146, 148, 152, 155.
Боскарев, следователь—294.
Брагинский М. А., революционер—519—520.
Брандшау И. В., рабочий в Гродненской губ.—60.
Браницкий, заводчик в Киевской губ.—338.
Бринштейн—см. Дембо.
Бровкин, московский фабрикант—342.
Бронштейн С. А., харьковский рабочий—179, 265—267, 271, 275—276, 281, 284—285, 506.
Бруевич Д., офицер, член революц. кружка—520, 522.
Брун, подрядчик—331.
Брунс Г., служащий Кренгольмской мануфактуры—45.
Брушнев М. И., революционер—102, 305—306, 308, 310.
Бубнов А. С., с.-д. большевик, историк—142, 168, 323.
Булавин Кондратий, вождь казацкого восстания—212, 215.
Буланов А. П., чернопеределец—175—176, 182, 184, 187.
Буланова-Трубникова О. К., чернопеределка, 175, 176.
Бунин Ю. А., чернопеределец—178—179, 522.
Бурцев В. Л., революционер, эмигрант—74, 110, 144, 157—158. 164—165, 286.
Бычкова В. М., чернопеределка—176.
Быстриевские—99.
Быстриевский В. И., одесский рабочий—98.
Быстриевский Д. И., одесский рабочий—98.
Быстриевский К. И., одесский рабочий—98.

В.

В. В. (Воронцов В. П.), писатель-народник—206, 310, 514.
Ваганян В., историк—71, 211.
Валк С. Н., историк—326.
Вангесов М. Я., петерб. рабочий—162.
Вангесов Ф. Я., петерб. рабочий—115, 154, 162—163, 372, 380.
Ванер, женевский заводчик—134, 361, 378.
Ванновский В. А., с.—д.—324.
Варлен Э., французский социалист—239.

Варнеховский, народоволец, член цюрихской колонии—242.
Василий, харьковский рабочий—179.
Васильев Е., петерб. рабочий—13, 52.
Васильев М. И., петерб. рабочий—162.
Васильев Ф., кинешемский рабочий—52.
Васильева, жена поручика—505.
Васгафт, уральский заводчик—42.
Ватовы, иваново-вознесенские фабриканты—65.
Веденьев И. В., харьковский рабочий — 178 — 180, 265—267, 270—271, 274—281, 284—285, 288—291, 506.
Веймар О. Э., врач, революционер-семидесятник—518.
Вейнтрауб, сторонница группы «Освобожд. Труда»—242.
Велецкий С. Н., революционер, статистик—180, 267—269, 271, 274, 284, 289, 506.
Вельбицкий, жандармский полковник—269, 271, 273, 279, 282—284, 289.
Веру В., учитель—98.
Вершинина С., революционерка-восьмидесятница—181.
Ветютнев А.П., чайковец—156.
Ветров В., харьковский рабочий—265.
Виленский, с.-д.—313, 319.
Вильямс, врач в Петропавловке.
Виноградов С. И., член «Северно-Русск. Рабочего Союза»—72, 73, 79—81, 107, 115—119, 121—122, 134, 139, 148, 152—159, 163—164, 166, 173, 361, 372, 378, 380.
Винокуров А. Н., с. д.—311.
WyssuEscher, швейцарский заводчик—122.
Виткинд, варшавский с.-д.—523.
Виткович П. С., член цюрихской колонии—522.
Владимиров С., петерб. рабочий—38.
Владыченко П. В., одесский революционер—100—101.
Вознесенский С., историк—68.
Волков, харьковский рабочий—280.
Волков, подрядчик—329.
Волков В. С., рабочий, один из руководителей Морозовской стачки—295, 297, 299.
Волков С. К., петерб. рабочий—72, 74, 107, 115, 118, 146, 154, 156—159, 162—164, 170, 334.
Волковичер И., историк—136—137, 144.
Волощук К. М., член «Южнорусск. союза рабочих»—98.
Волховский Ф. В., революционер-семидесятник, эмигрант—111, 119.
Вольфберг, московский фабрикант—337.
Вонсович К., варшавский рабочий—137, 367, 378.
Воронков, член чернопередельч. кружка—180.
Ворсвик, служащий Далматовской фабрики—52.
Вульфович, с.-д.—311.
Выгалковский, владелец булочной в Варшаве—62—63, 340.
Вырубова С. А., черноперделка—175, 182.

Г.

Гаврилов, петерб. рабочий—158.
Гаевский Лука, член военного революц. кружка—520.
Галкин, харьковский студент—267.
Галковская А. А. (в замуж. Мельникова), революционерка—264—265, 267, 277—278, 288, 506.
Галковские—265.
Галковский А. священник—264.
Галковский Г. А.—264.
Галковский М. А.—264.
Галковский Ф А.—264.
Гаммер, польский фабрикант—301.
Ганелин, сторонник группы «Освобожд. Труда»—523.

Гарибальди Джузеппе, итальянск. национальн. деятель—478.
Гартман Л. Н., народоволец, эмигрант—175, 232, 466.
Гарфильд Джемс, президент С.-А.С.Ш.—481.
Гвоздарев, рабочий Морозовской фабрики—296.
Гегель, германский философ—521.
Гед Жюль, французский социалист—237, 300.
Гейнс А. К., одесский градоначальник—205.
Гельруд Х., руководитель харьковского рабоч. кружка—265, 267.
Гельфман Г. М., народоволка—466.
Гельфонд—см. Парвус.
Герасимов А., петерб. рабочий—162.
Герасимов А. А., благоевец—102.
Герье В. И., профессор—267.
Гессе Н. П., киевский губернатор—496.
Гецов И. Н., черноперелец—516.
Гилль, фабрикант Московского уезда—66, 341.
Гинзбург (Кольцов) Б. А., с.-д., эмигрант—254.
Гинзбург Елизавета—522.
Гинзбург Исаак, родственник Р. Соловейчика—244, 246.
Гинзбург Мария, сторонница группы «Освобожд. Труда»—241.
Гинзбург С. М., народоволка—183, 241, 520—522, 525—526.
Гинтовт Я., одесский рабочий—78—79, 120.
Гладин, железнодорожный строитель—39.
Гнатовский А. Д., народоволец, эмигрант—243, 521.
Говорухин О. М., народоволец, эмигрант—241, 243, 521.
Голиков В., народоволец—178.
Голицынский А., писатель—86.
Голосов Г., историк—73, 133, 144, 146, 151, 163.
Голосов Н.А., народоволец—180.
Голубев, петерб. заводчик—332, 343.
Голубев В. С., революционер 80-х гг.—102.
Голубев П. А., революционер-семидесятник—181, 242.
Гольденберг Г. Д., народоволец, предатель—190.
Гольденберг Л. Б., революционер-семидесятник, эмигрант—134, 361, 378.
Гольдендах—см. Рязанов.
Гольштейн В. А., эмигрант—87.
Горвиц, эмигрант—523.
Гордон П. О., с.-д.—312.
Гордон Э. О., поднадзорная в Холмогорах—258.
Горев Б. И., историк—323.
Горецкий, сахарозаводчик—49, 334.
Городничий А. Г., петерб. рабочий—154, 158—159, 162—163.
Готовцева А., участница пензенского с.-д. кружка—260.
Гофман, участник харьковского черноперед. кружка—179.
Грабовский П., черноперелец—180.
Грабский С., польский с.-д.—254.
Графов В. А., петерб. рабочий—115, 154—155, 162—163.
Грейлих Г., швейцарский социалист—155, 166.
Гренко Д. П., член «Южно-Русск. Союза Рабочих»—83, 98.
Гржебин, издатель—185, 515.
Грибанов, вологодский фабрикант—41, 330.
Григоров Н., благоевец—240, 519.
Григорьев А. А., петерб. рабочий—138.
Григорьев Н. В., руководитель харьковского раб. кружка—265, 267, 281.
Григорьева Евгения, революционерка—522.
Григорьева Н., жена Н. В. Григорьева—281.
Грингмут В. А., реакционный публицист—189.

Гриневский, заводчик Черниговской губ.—47, 333.
Гринфест Саул, эмигрант, сторонник группы «Освобожд. Труда»—234—235, 516—518.
Гринштейн, с.-д.—312.
Грозовский — см. Тышко.
Громов, петерб. рабочий—157.
Гроньяр — см. Михайловский Н. К.
Гросман Н., сторонник группы «Освобожд. Труда»—242.
Губащов, уполномоч. по закупке хлеба—405.
Гуковский Г. Э., сторонник группы «Освобожд. Труда»—241, 243, 247, 522.
Гуленко, харьковский рабочий—179—180.
Гуленко Н., харьковский студент—267.
Гулье-Бланшард, одесский заводчик—34.
Гурвич Исаак, с.-д.—182.
Гуревич З., с.-д.—313.
Гурьев, д-р—518.
Гусаров, заводчик в Московской губ.—330.
Гусев И. А., член «Сев. Русского Рабоч. Союза»—138, 157—159.

Д.

Давильон, лодзинский фабрикант—340.
Даниельсон Н. Ф. (Николай—он), публицист, народник—206, 207, 209, 514.
Данилов В., благоевец—519.
Дарвин Ч., английский естествоиспытатель—112.
Даргольц М. Г., с.-д.—310, 312.
Дебагорий - Мокриевич В. К., революционер-семидесятник, эмигрант—239.
Дегаев С. П., народоволец, провокатор—190.
Дейч Л. Г., революционер—77—79, 81—82, 92, 132, 136, 140—141, 144, 175, 182, 210, 215, 219, 227—229, 231—235, 515—516, 518.
Дембо (Бринштейн) И. В., народоволец, эмигрант—241, 243, 246, 519—521.
Дембский Александр, пролетариатец—520, 521.
Демидов, уральский заводчик—28, 53, 334.
Демины, московские фабриканты—340.
Дениш В. П. (Диатолович), революционерка 80-х гг.—267, 282, 284, 289, 506.
Дениш Ф., член харьковского кружка—506.
Джабадари И. С., революционер-семидесятник—87.
Дзвонкевич Н. Н., народоволец—178.
Диатолович—см. Дениш.
Дикштейн С. Л., эмигрант—235, 255.
Дицман И., одесский рабочий—78—80, 120.
Дическуло Л. А., чайковец—119.
Дмитриев П., серпуховской рабочий—47—48.
Добкевич К., сторонник группы «Освобожд. Труда»—242.
Добролюбов Н. А., критик и публицист 60-х гг.—112, 149.
Доброхотовы, калужские с.-д.—310.
Доводчиков, петерб. студент—147, 361, 371, 378.
Долбинин Д., петерб. рабочий—162.
Долгоруков, В. А., князь, моск. генерал-губернатор—54.
Драгоманов М. П., эмигрант, писатель—121, 361, 379, 481, 499, 515.
Дрезденский — см. Слободской.
Дрей М. И., народоволец—178.
Дрепер, американск. историк—112.
Дроздов Ф. К., петерб. рабочий—56.
Дружинин В. П., черноперелец—176, 182.
Дружинина З., историк—292.
Друкер, белостокский фабрикант—64, 340.
Дубровин Е. А., черноперелец—175, 181.
Дуговский И.—246.

Дуговский П., революционер—522.
Дурново П. Н., директор Департамента полиции, позднее министр внутр. дел—282—283.
Дурунча, виленский фабрикант—55, 67, 343.
Душевский П.,революционер—520.
Дылон, лодзинский фабрикант—64.
Дьяконовы, фабриканты в Нерехте—339.
Дюпин, уральский рабочий—43.
Дюринг Евгений, германский мыслитель—232, 235.

Е.

Евдокимов, петерб. рабочий—153.
Евстигнеев М. П., петерб. рабочий—56.
Егор, харьковский рабочий—179.
Егоров, одесский рабочий—80.
Егоров А., петерб. рабочий—157.
Егоров А., историк—323.
Егоров Г., елабужский рабочий—50.
«Егорыч»—см. Николаев.
Егупов, член брусневского кружка—305.
Екатерина II, императрица—438.
Елизарова-Ульянова А.И., с.-д. большевичка—325.
Ельницкий А., историк—323.
Енукидзе А., с.-д. больш.—311.
Епифанов, петерб. рабочий, 154.
Ермаков, вышневолоцкий фабрикант—40, 53, 58, 329, 334, 337.
Ерманский О. А., с.-д.—254, 518.
Ершин, подрядчик—38.
Ефименко А.Я., исследовательница народной жизни—198.
Ефимов З., серпуховской рабочий—47.
Ефрон И., эмигрант—241.

Ж.

Жданов, петерб. фабрикант.
Жебуневы, братья, революционеры—119.
Желябов А. И., народоволец—177, 202, 219, 224—225, 227, 467.
Жордания Ной, с.-д.—311.
Жуков, участник харьк. черноперед. кружка—179.
Жуковский Н. И., революционер 60-х гг., эмигрант—87, 515.

З.

Забалуев П., черноределец—179.
Завьялов, жандарм. капитан—17—18.
Загорский К. Я., черноределец—175, 185, 187.
Зазубович, харьковский рабочий—265.
Зайцев В. П., петерб. рабочий—176, 187.
Зайцев М., харьковский студент—267.
Залкинд А., варшавский с.-д.—522—523.
Заславская М. Г., жена Е. О. Заславского—96.
Заславский Е. О., революционер, основатель «Южно-Рос. Союза Рабочих»—34, 53, 74—75, 77, 80—86, 88—90, 92—102, 104, 119, 120, 138, 142, 177, 182, 210, 349.
Засулич В. И., революционерка—140, 175, 215, 218, 227, 231, 233, 235, 237, 239, 254, 473—474, 515, 517, 520.
Затурский А. Ф., черноределец—178.
Захватнин Ф. Н., уральский рабочий—43.
Захватнин Я. Ф., уральский рабочий—42—43.
Звездочетов О.Е., член группы «Рабочее Знамя»—320.
Звонников Ив., петерб. рабочий—162.
Зейдер Д.,—375.
Зелькер И., контрабандист—244, 246.
Землянский А., харьковский рабочий—265.
Землянский Т., харьковский рабочий—265.
Зимин, фабрикант—296.

Зиненко М., харьковский студент—267.
Зиновьев, заводчик Петербург. губ.—53, 335, 342.
Зиновьев Б., рабочий, с.-д.—310.
Златоврацкий Н. Н., беллетрист-народник—269.
Золотарева Н. Л., черноперделка—176.
Зоммермейер Агата, участница харьк. рабоч. кружка—267, 275—276.
Зубатов С. В., начальн. моск. охран. отделения—35.
Зубковы, фабриканты—15, 52, 64—65, 335, 341.
Зунделевич А. И., народоволец—139—140, 188.

И.

Иванайнен К. А., рабочий-революционер 70-х гг.—72—74, 115, 121—122, 154—157, 162—163, 178, 372.
Иванов А., популяризатор—124, 373.
Иванов Иван—см. Обнорский.
Иванов Лука, рабочий, один из руководителей Морозовской стачки—295, 297, 299.
Иванов М., петерб. рабочий—46.
Иванов О., вологодский рабочий—40.
Иванов С. И.,одесский рабочий—97—98.
Ивановский В. С., революционер-семидесятник, эмигрант—121, 361, 378.
Иванчин-Писарев А. И., революционер-семидесятник—111.
Иванюков И. И., профессор-экономист—272.
Ивичевичи, братья, революционеры-семидесятники—101.
Игнатов В. Н., один из основателей группы «Освобожд. Труда»—175, 231, 233—234.
Игнатьев—см. Парвус.
Игнатьев Е., кинешемский рабочий—52—53.
Игнатьев Н. П., граф, генерал-ад'ютант—205, 207.
Изотов Д. Е., член «Южно-Рос. Союза Рабочих»—83, 98.
Иконников, подрядчик—329.
Ильин, серпуховской фабрикант—65, 341.
Ильин К., петерб. рабочий—162.
Иляшенко—367.
Имшенецкий Я. К., литератор—516.
Ингерман С. И., эмигрант—517.
Инфантьев П. П., благоевец—242.
Иорданн Н. В., черноперделец—178—179.

К.

Каблиц И. И. (Юзов), революционер, писатель-народник—90, 272.
Кавеньяк Э., французский генерал—423.
Каверин, московский фабрикант—67, 342.
Каган, с.-д.—260.
Каган Е.—246.
Калашников Николай—363, 368, 377.
Каллаш В. В., историк—149.
Калужский, шуйский фабрикант—15.
Кальмансон Я. М., сторонник группы «Освобожд. Труда»—242, 524.
Каменев Л. Б., с.-д. большевик, историк—236, 255, 324.
Каневский Г., привлеченный по делу Р. Соловейчика—245—246.
Кантор Р. М., историк—139, 144.
Каплан, эмигрант—523.
Караваева, рыбинская владелица мельницы—336.
Кареев Н. И., историк—290.
Карелин А. Е., рабочий, с.-д.—306.
Карелина В. М., работница, с.-д.—306.
Каретников, рабочий Тарусского уезда—21.
Каретниковы, фабриканты Владимирской губ.—63, 339.
Карл X., французский король—354.

Карл Иванович, мастер Тагильского завода—29.
Карпов А. С., петерб. рабочий—157.
Катков М. Н., реакционный публицист—299—300.
Катуар, заводчик Московской губ.—331.
Каутский Карл, германский с.-д.—254, 521, 523.
Кафьянц Г., сторонник группы «Освобожд. Труда»—241.
Кашинский Н. М., член брусневского кружка—305.
Квятковский А. А., народоволец—395.
Кениг, петерб. фабрикант—62, 340.
Керси, франц. рабочий-социалист—300.
Кибальчич Н. И., народоволец—467.
Кинг, петерб. заводчик—65.
Кирова, чернопеределка—178.
Кирюшкин П., петерб. рабочий—150.
Киселев П. Е., уральский рабочий—42—43.
Киселев Я., уральский рабочий—43.
Кланг М. А., чернопеределец—176.
Клейнборт Ш., приказчик—244—246.
Клеменц Д. А., революционер-семидесятник—121, 153, 188, 361, 372, 378—379, 515.
Клименко П., одесский рабочий—178.
Клюге, чернопеределец—179.
Клят Ф. В., рабочий Гродненской губ.—60.
Клячко С. Л., московский чайковец—111.
Кнеппер А. А., член «Южно-Рос. Союза Рабочих»—98.
Кноп, жанд. полковник—78, 351.
Кнорре, петерб. фабрикант—58, 132, 336.
Коваликк С. Ф., революционер-семидесятник—116, 151, 163.
Ковальская Е. Н., революционерка - семидесятница — 77, 90, 92—94, 102, 177—178, 183.
Ковальский И. М., революционер-семидесятник—473.
Кожевников Н., харьковск. студент—267.
Козакевич Вера, сторонница группы «Освобожд. Труда»—241.
Козлов, участник харьк. чернопередельч. кружка—179.
Козлов А. И., петерб. рабочий—115, 154—155.
Козлов Евгений, чернопеределец—175.
Козлов Ив. Ив. — см. Обнорский.
Козлова (урожд. Рубинчик), чернопеределка—175.
Козьмин Б. П., историк—144.
Койген Ф., одесский революционер 90-х гг.—100.
Кокорев, кинешемский фабрикант—64, 342.
Кокушкин, шуйский фабрикант—14—15.
Колков С. К., петерб. рабочий—154.
Колоткевич Н. Н., народоволец—177.
Колпакчи, одесский революционер 90-х гг.—100.
Кольцов — см. Гинзбург Д.
Комаров — см. Говорухин О. М.
Комшау, фабрикант Гродненской губ.—62, 339.
К-ов В., историк—81, 83, 86, 98.
Кондратенко А., член харьковского рабочего кружка—179, 265—267, 271—272, 274—277, 280—281, 284—285, 290, 506.
Кондратьев А. Н., петерб. рабочий—154, 156—157, 159, 163.
Кондратьев Н., петерб. рабочий—150.
Кони А. Ф., судебный деятель—499.
Коников М., сторонник группы «Освобожд. Труда»—241.
Кононов Д.,петерб. студ.—123.
Конотопов М. П., харьковский рабочий—265—266, 275, 284.
Константинов, рабочий Тарусского уезда—21.
Константинов Г., петерб. рабочий—176, 187.

Константиновский, варшавский с.-д.—523.
Коншин, серпуховской фабрикант—46—47, 53, 54, 62—64, 67, 71, 333, 336, 339, 341, 343.
Коношохов, рабочий Тарусского уезда—21.
Конельзон, бундовец—312.
Корба (Прибылева), народоволка—227, 261, 516.
Корье, франц. историк—112.
Корнеев, петерб. студент—147—148, 371.
Короленко М. Р., член «Южно-Рос. Союза Рабочих»—98.
Король, подполковник—382, 384.
Корольков Вл., отставной поручик—147.
Корольчук Э. А., исследовательница—7, 70, 73, 129, 146, 156—157, 163—164, 169.
Коротквевич Н., черноперделец—175.
Корсаков И. В., петерб. рабочий—162.
Коссов, майор—382, 384.
Костомаров Н. И., историк—112, 149.
Костюрин А. Ф., одесский чайковец—119.
Костюрин В. Ф., революционер-семидесятник—119.
Костюринов, одесский студент—83.
Котов, московский фабрикант—44, 46, 331.
Кравец А. Я., заграничный студент—244, 246.
Кравец Г., привлеченный по делу Р. Соловейчика—246.
Кравец И.П., письмоносец—244, 246.
Кравченко Ф. И., член «Южно-Рос. Союза Рабочих»—80, 89, 96—97, 120.
Кравчинский (Степняк) С. М., революционер-семидесятник, эмигрант—80, 89, 94, 110—111, 119, 144, 149, 163, 217—218, 229, 232, 371—372, 515.
Краевский А. А., издатель—486.
Кранц, эмигрант—523.
Крапивин П., елабужский рабочий—50.
Красиков П. А., с.-д. большевик—260.
Красильников, устюжский фабрикант—44, 331.
Красносерова, харьковская черноперделка—178.
Красовский, священник—26.
Краузе, сибирский золотопромышленник—341.
Крахт, член судебной палаты—120, 143, 147.
Кремер А. И.,бундовец—311, 324.
Кренц, участник харьк. черноперед. кружка—179.
Кривуша В. С., лаврист—131.
Кричевский Б. Н., с.-д., рабочеделец—242, 253—254, 260, 523, 525.
Кропоткин П. А., революционер-семидесятник, анархист, эмигрант—94, 111—112, 114, 116—117, 121, 125, 147—149, 151, 194, 361, 371, 379.
Крупп, немецкий заводчик—19.
Крупская Н. К., с.-д. большевичка, писательница—314—315, 324—325.
Крутиков С., харьковский рабочий—179.
Крылова Галина, харьковская работница—265—266.
Крылова М. К., революционерка-семидесятница—175.
Крыжановская—см. Невзорова З. П.
Крыжановская В., с.-д.—315.
Крыжановский Ю., одесский чайковец—119.
Крыжановский Д. К., черноперделец—178—179.
Кудельман, с.-д.—312.
Кудинов, серпуховской рабочий—54.
Кудров Н., петерб. рабочий—152, 154.
Кудрявый В. А., вологодский поднадзорный—128, 144.
Кузнецов, с.-д.—259.
Кузнецов Н. Е., революционер-семидесятник—157.

Кузовкин В. П., петерб. рабочий—162.
Кузьменко, член харьк. черноперед. кружка—179.
Кузьмин Ф., елабужский рабочий—49—50.
Куликов В., елабужский рабочий—50.
Кульчицкий Л., польский историк—178.
Кулябко-Корецкий Н. И., адвокат—518.
Куприянов М. В., чайковец—150.
Куприянова Н. В., чайковка—120.
Курганский М. Ф., член «Южно-Рос. Союза Рабочих»—97
Курелюк, предатель—180, 264—279, 282—284, 289.
Куриков, петерб. заводчик—62, 339.
Курнатовский В. К., с.-д.—254, 259—260.
Кускова Е. Д., с.-д.—255.
Кучкин Н., елабужский рабочий—50.
Кушнаренко П., участник харьк. рабочего кружка—267.
Кушнерев Г., служащий на жел. дороге—246.
Кюнцель, московский фабрикант—330.

Л.

Лаврентьев К. Ф., петерб. рабочий—154.
Лаврентьев Н. Н., черноперелец—176.
Лавров А. В., петерб. рабочий-революционер—114—115, 118, 153—154, 361, 372, 378.
Лавров Г. Н., благоевец—102, 176.
Лавров Н. Н., мичман, черноперелец—176, 182.
Лавров (Миртов) П.Л., революционер, эмигрант, писатель—11, 110, 136, 166, 168, 170—171, 174, 212, 229, 231—232, 243, 271, 280, 521, 524, 526.
Лаврова А. Ф.—368.
Лазарев, петерб. рабочий—13, 52.
Лазарев, московский фабрикант—334.
Лалаянц И. Х., с.-д.—309.
Лалаянц Праск. Ив., с.-д.—309.
Ламанский Е. И., директор госуд. банка—403.
Ланганс М. Р., революционер 80-х гг.—119.
Ланге Фридрих Альберт, немецкий писатель—112, 149.
Ланжоле, франц. историк—112
Лассаль Ферд., немецкий социалист—112, 117, 149, 167—168, 174, 236, 245, 255, 488, 490.
Латышев П. А., черноперелец, благоевец—102, 176, 308.
Лафарг Поль, франц. социалист—237, 300.
Левашов А. К., революционер-семидесятник—77, 79, 123—128, 144, 153, 164, 368—369, 372—374, 379.
Левенталь Л. Г., революционер-семидесятник—375.
Левентис, народовлец, член цюрихской колонии—242.
Левенштейн, варшавский заводчик—57, 336.
Левин Е. Я., с.-д.—312.
Левитов А. И., беллетрист-народник—124, 373.
Левицкий (Цедербаум), с.-д., литератор—324.
Левкес—246.
Левченкова Е. А., черноперелка—180.
Лезерсон, богородский фабрикант—54, 336.
Лейтейзен (Линдов) Г. Д., с.-д.—259, 311, 324.
Лейхт, генерал-майор—381, 384.
Ленин В. И., с.-д. большевик, вождь пролетарск. революции—7, 95, 202, 206, 251—252, 254—255, 260, 262, 300, 305, 309—310, 315—317, 319—322, 324, 521, 523.
Леонтьев Г., петерб. рабочий—46.
Лепешкин, дмитровский фабрикант—64, 340.
Либкнехт Вильгельм, германский с.-д.—271.

Лизогуб Д. А., революционер-семидесятник—94, 296.
Лилиенталь Э., петерб. рабочий—162.
Лильком, варшавский заводчик—57, 336.
Линдов—см. Лейтейзен.
Линдфорс, владелец типографии в Ревеле—337.
Липин, петерб. заводчик—40, 329.
Липовецкая Ф., с.-д.—312.
Лисовский А. А., чайковец—80—81, 119—120, 147, 150, 371—372.
Литтауер, лодзинский фабрикант—43—44, 330.
Лойко Л. П., революционерка—180—182.
Ломейер А. К., сын чиновника—98—99.
Лопатин Г. А., народоволец, шлиссельбуржец—196.
Лопатин Н. К., киевский чайковец—111.
Лопатины, подрядчики—38.
Лорис-Меликов М. Т., министр внутр. дел—139, 381.
Лувищук (в замуж. Шлихтер) Т., с.-д.—258.
Луи-Филипп, французск. король—423.
Лукьянов Г., рабочий—276, 277, 279, 284, 506.
Луначарский А. В., с.-д. большевик, писатель—324.
Лупалов, пом. военн. прокурора—381—382.
Лурье А. П., с.-д.—312, 315.
Лурье Елиз., сторонница группы «Освобожд. Труда»—241.
Лущенко С. Д., член «Южно-Рос. Союза Рабочих»—97.
Львов, подрядчик—44.
Любенецкий, харьковск. студент—267.
Любимов И., петерб. рабочий—162.
Людовик XIV, франц. король—352.
Люксембург Роза, германская с.-д.—248, 253, 255, 262.
Лядов, заводчик Петерб. губернии—337.
Лядов М. Н., с.-д. большевик, историк—68, 248, 313, 324.
Ляпунов, полковник—382, 384.
Лях ович М. Я.—член «Южно-Рос. Союза Рабочих»—97—98.
Ляховский И., одесский рабочий—98.
Ляховский Я. М., с.-д.—312.

М.

М. Н., автор статьи—27—30.
Мазуренко Д. П., черноперделец—180.
Мазурины бр., фабриканты Московской губ.—64.
Майорова Л. М., участница пензенского с.-д. кружка—260.
Макаревский А. Н., народоволец—178, 180, 291.
Макаренко А. А., харьк. черноперделец—178.
Макаров Е., елабужский рабочий—50.
Максаков В. В., историк—78, 144, 183.
Максвель, петерб. фабрикант—13, 58—59, 132, 335—336.
Максимов, генерал-майор — 382, 384.
Максимов-Филатов, серпуховской рабочий—66.
Макухин, член черноперделец. кружка—180.
Макушкин Н., солдат—54.
Макферсон, петербург. фабрикант—72, 107, 114, 148, 161—162, 338.
Малиновский Р. В., с.-д. большевик, провокатор—190.
Малых Мария, издательница—202.
Мальцев С. И., фабрикант—23—26, 30, 41, 45.
Мальшинский А. П., литератор, агент III Отделения—515.
Малютины, московские фабриканты.
Мандельштам, народоволец, член цюрихской колонии—242.
Мандельштам Г. Н., с.-д.—311.
Манин, заводчик Олонецкой губ.—337.

Манучаров И. Л., черноперед елец, шлиссельбуржец.
Мараев, серпуховской фабрикант—65—66, 341.
Марковский В. А., черноперед елец—176.
Марковский С. А., черноперед елец—176.
Марковы О. и И.—181—182.
Маркс Карл, германский социалист, один из основоположников научного социализма—141, 149, 168, 174, 180, 183, 185, 192, 211—213, 231—236, 245, 252—254, 256, 258—259, 261—262 265, 272—273, 289, 309, 318, 490, 514, 520—521, 523—524.
Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.), с.-д., писатель—37, 40, 47, 54, 57, 60, 62—69, 104, 106, 252, 255, 262, 312—313, 323—324, 326, 329, 331—332, 341, 343, 523.
Мархлевский Ю., польский с.-д.—253.
Марченко Ип., член харьк. чернопер. кружка—179, 273.
Маслов П. П., с.-д.—288.
Масловский И. Н., одесский рабочий—78, 80.
Матвеев Д., благоевец—241—242.
Матис, сторонник группы «Освобожд. Труда»—242.
Матюнины бр., сибирские золотопромышленники—332, 338.
Махарадзе, варшавский с.-д.—523—524.
Махновец (Акимов) В. П., с.-д.—314, 323—324, 525.
Медведев А. Ф., одесский рабочий—98.
Мезенцев Н. В., шеф жандармов—96, 98.
Мейергоф, згержский фабрикант—333.
Мейснер И. И., народоволец—265—266, 273.
Мельников Д. Д., черноперед елец—179.
Мельников Д. К., отчим Ю. Д. Мельникова—263.
Мельников Ю. Д., с.-д.—5, 259, 263—265, 267, 270—275, 277—280, 284—289, 291—292, 305, 308, 311, 325, 501, 506, 524.
Мельникова А. А.—см. Галковская.
Мельникова А. Ф., мать Ю. Д. Мельникова—263.
Мельникова Л., участница харьк. кружка, сестра Ю. Д. Мельникова—267.
Мельцер, рабочий Гроднен ской губ.—61.
Меринг Франц, германский с.-д.—166—167.
Меркулов, петерб. рабочий—155, 162.
Меркулов В. А., рабочий-народоволец, предатель—177—178.
Меркульев, уполномоч. по закупке хлеба—405.
Мерхалев Н. А., черноперед елец—178, 180.
Микадзе, варшавский с.-д.—524.
Милль Д.-С., англ. мыслитель—112, 149.
Милютин, фабрикант Московск. губ.—36.
Миндовский, кинешемский фабрикант—64, 342.
Миртов—см. Лавров П. Л.
Митрофанов С. В., рабочий-семидесятник, предатель—72, 79—80, 107, 109—111, 115—119, 138—139, 147—150, 152, 154—156, 162—164, 173, 362—364, 372, 376, 380.
Михайлов А. Д., народоволец—188.
Михайлов М., серпуховской рабочий—66.
Михайлов П., елабужский рабочий—49—50.
Михайловский Н. К., критик и публицист народнич. направления—190—192, 200, 219, 515, 526.
Михин, костромской фабрикант—47, 332.
Мицкевич С. И., врач, с.-д. большевик—102, 309.
Мичри, петерб. фабрикант—339.
Моисеенко (Моисеенок) П. А., рабочий-революционер,

руководитель Морозовской и Ростовской стачек—72, 101, 295—299, 336.
Монаков А., рабочий—368, 373.
Монаков П. С., кузнец—78—79, 123—128, 143, 368—369, 373—375, 379—380.
Монтескье, франц. мыслитель XVIII в.—469.
Морозов—505.
Морозов Викул, фабрикант—294—295.
Морозов Н. А., революционер-семидесятник, народоволец, шлиссельбуржец—188, 210, 232.
Морозов Савва, фабрикант—13, 58,—59, 296—297, 332, 337.
Мотовилов Н. А., ростовский революционер—277—279.
Моэс, белостокский фабрикант—55, 336.
Мрачковский В. Я., член «Южно-Росс. Союза Рабочих»—97—98.
Муравьев—326.
Мурашов, рабочий Тарусского уезда—21.
Мышкин Сократ, революционер-восьмидесятник—181.
Мюллер, эмигрант—523.
Мягков, студент—284.
Мясников, член «Северно--Рус. Рабочего Союза»—72, 153—159, 162—163.

Н.

Навроцкий А., писатель—124, 373.
Нагель А., народоволец, член цюрихской колонии—242.
Наддачин Н. Б., член «Южно-Рос. Союза Рабочих»—83, 89, 95, 98, 100.
Наддачин С. Б., член «Южно-Рос. Союза Рабочих»—98—101.
Наддачины, братья—99.
Налетушкин Г.И., член «Северно-Рус. Рабоч. Союза»—138, 162.
Налимов, мичман, черноперепередел—176.
Наполеон III, франц. император—205, 254, 521.
Насонов Н., харьковский рабочий—179.
Натансон М. А., революционер—111, 157.
Наумов С. С., член «Южно-Рос. Союза Рабочих»—97—98, 100.
Невзорова З. П. (Крыжановская), с.-д. большевичка—256—257.
Неволин, революционер 80-х гг.—181.
Невский В. И., с.-д. большевик, историк—47, 51, 53, 78, 121, 144, 146, 163, 172, 175, 292, 323—325.
Незабитовский И. К., свидетель на процессе «Южно-Рос. Союза Рабочих»—99.
Некрасов Н. А., поэт—454.
Нелединский, пристав—405—406.
Немешайлов, член черноперед. кружка—180.
Немоляев, фабрикант Московской губ.—331.
Немчинов, заводчик Московской губ.—44, 331.
Несслер, петерб. заводчик—53, 336.
Нестеров, харьк. студент—267.
Нестройко, член харьк. черноперед. кружка—179.
Нефедов Ф. Д., беллетрист-народник—124, 373.
Нечаев, вологодский фабрикант—40, 329.
Нечаев С. Г., революционер—111, 123.
Низовкин А. В., революционер-семидесятник, предатель—74, 110, 115—117, 119, 147—154, 156, 163, 361, 368, 371—372, 378—380.
Николаев, революционер—273.
Николаев («Егорыч») О., черноперелец—175—176.
Николаев В., петерб. рабочий—154—155, 163.
Николаев Г., петерб. рабочий—176.
Николаев Дм., петерб. рабочий—154—155, 162.
Николаевский Б. И., историк—102, 176, 307.
Николай II, император—522.
Николай —он—см. Даниельсон.

Никольский, эмигрант—523.
Нобель, петерб. заводчик—79, 109—110, 115, 123—124, 135, 146, 160, 162, 373.
Новиков, иваново - вознесенск. фабрикант—65.
Новицкий В. Д., генерал, начальник Киевск. жанд. упр.—286.
Новополин Г., историк—51, 318, 325, 335.
Ногин В. П., член группы «Рабочее Знамя», позже с.-д. большевик—320.
Норблин, владелец магазина—367.
Норинский К., рабочий, с.-д.—306.
Носовы, московские фабриканты—330.
Носырев, уральский рабочий—43.
Н-ский, литератор—325.

О.

Обнорская П. Л., мать В. П. Обнорского—108—109, 360, 380.
Обнорский А. П., брат В. П. Обнорского—109.
Обнорский Вас. Павл., брат Викт. П. Обнорского—109, 134, 368, 375, 380.
Обнорский Викт. Павл., рабочий-революционер, основатель «Сев.-Русского Раб. Союза»—72—82, 84—85, 89—90, 92—93, 95, 101, 103, 107—111, 113—128, 131—144, 146, 148—149, 142, 155, 156, 158—159, 162—166, 169, 171—174, 189, 210—211, 338, 359—360, 363—364, 368, 370—383.
Обнорский Е. П., брат В. П. Обнорского—109.
Обнорский П. И., отец В. П. Обнорского—108.
Обручников, петерб. рабочий—157.
Овчинников, участник харьк. черноперед. кружка—179.
Ольминский (Александров М. С.),с.-д.большевик,писатель—196, 306, 307, 323.
Орлов М. А., петерб. рабочий—115, 116, 118, 152, 153, 361, 372, 378.
Оробченко-Бедняченко И. Ф., помещик, отец Ю. Д. Мельникова — 263 — 264.
Осетров Р., петерб. рабочий—156, 162.
Осинский В. А.,революционер-семидесятник—94, 218—219, 224, 227.
Осипович Н. М., историк—177.
Ослонов, чернопеределец—179.
Остапенко Надежда, член харьк. рабочего кружка—288, 506.
Остряния, харьк. студент—267.
Осуховский, одесский рабочий—83, 98.
Ошанина (Оловенникова) М. Н., народоволка,—228.

П.

Павликов, петерб. рабочий—157.
Павлов Ал-др Павлович, член. «Сев. Рус. Рабочего Союза—138, 157—159, 172.
Павлов Андрей, одесский рабочий—98—99.
Павлов Степан, петерб. рабочий—46.
Павловский И. Я., писатель, б. эмигрант—140, 145.
Палкин, фельдшер—45.
Паль, петерб. фабрикант—338.
Панкратьев В., петерб. рабочий—176.
Парадизов П. П., историк—7.
Парвус (Гельфонд И.), русский и немецкий с.-д.—241, 243, 522.
Паркинен А., петерб. рабочий—162.
Пасанник Г., сторонник группы «Освобожд. Труда»—241.
Пассбург, моск. заводчик—40—41, 329,
Пахомов И., писарь — 123, 124.
Пашке, варшавский рабочий—137.

Пеккемеги К., служащий Кренгольмской мануфактуры—45.
Перазич В. Д., революционер—183, 254, 259, 263, 271—274, 279, 284—289, 291—292, 311, 324—325, 506.
Перелляев, черноперделец—176.
Переплетчиков, революционер—175.
Перес А., сторонник группы «Освобожд. Труда»—241.
Пермикин, сибирский заводчик—337.
Перовская С. Л., народоволка—11, 227, 467.
Пескин (Сомов) И. М., с.-д.—524.
«Петербуржец» — см. Тахтарев.
Петерс, с.-д.—260.
Петерсон А. Н., член «Сев.-Рус. Рабочего Союза»—110, 115, 153, 156—159, 162—163, 170, 362, 364.
Петерсон П. Н., член «Сев.-Рус. Рабочего Союза»—138—139, 143, 156—157, 159, 163, 370, 376, 381—383.
Петерсоны, братья—72—73, 107, 154, 162.
Петров В., петерб. рабочий—57.
Петров Н., кинешемский рабочий—52.
Петров Н., харьк. студент—267.
Петров Н. (псевдоним), черноперделец—91.
Петров П. П., мичман, черноперделец—176.
Петров Ф., петерб. рабочий—38.
«Петрович», революц. псевдоним (м. б., А. П. Буланова)—176.
Петрусевич, с.-д.—318—319.
Печоркин Е. Ф., революционер 80-х гг.—181.
Писарев Д. И., критик и публицист 60-х гг.—112, 149.
Планков, с.-д.—260.
Плеханов Г. В., один из основоположников русской соц.-дем. — 9—10, 13, 18, 61—62, 64, 69, 71—76, 92, 103, 107, 110, 112—114, 116—117, 128—129, 131, 140, 144—145, 149, 156—157, 163, 168—169, 175, 183—185, 199—200, 202—203, 206, 210—217, 219, 221, 224, 227—239, 242—243, 245, 247—249, 251—255, 259—261, 288, 298—299, 304, 307, 319—320, 325, 339—340, 515—518, 520, 522—523, 525.
Плис, заводчик—368.
Плохоцкий Л., историк—301.
Победоносцев (или Знаменосцев), одесский студент—83.
Поздеев, уральский рабочий—43.
Покровский М. Н., с.-д. большевик, историк—104, 106—107, 144, 162, 208.
Полетаев П., пермский рабочий—187.
Полинковский, с.-д. — 260.
Полуянов, подрядчик—38.
Поляк А. Д., с.-д.—319.
Поляков Т. Е., член «Южно-Рос. Союза Рабочих»—98.
Померанцев, жандарм—283—284.
Понамарев, уральский фабрикант—42.
Попереков В. А., пермский рабочий—65.
Попов, участник харьк. черноперед. кружка—179.
Попов, одесский фабрикант—341.
Попов А., сторонник группы «Освобожд. Труда».—241.
Попов М. Р., революционер-семидесятник, черноперделец, шлиссельбуржец—133, 144, 147, 148, 163, 175, 296.
Попов Моисей, одесский рабочий—178.
Потанин Н., елабужский рабочий—49—50.
Потапов Б., петерб. рабочий—38.
Потресов А. Н., с.-д.—260, 523.
Потюхин, подрядчик—38.
Пратт, управляющий завода—56.
Прекер (псевдоним), народоволец, эмигрант—521.
Преображенский Георгий, черноперделец—175.

Пресняков А. К., народоволец—157, 296, 395.
Приходько П. В.-Теслен-ко, черноперделец—175.
Присецкий И. Н., народоволец—203, 222, 225—230, 261, 469, 479—481, 483, 485, 489, 491—494, 496, 500, 515, 525.
Прокопович С. Н., экономист и публицист—104, 255.
Прокофьев В., серпуховской рабочий—66.
Простяков, моск. фабрикант—61, 338.
Пругавин А. С., писатель-народник—269.
Прудон П.-Ж., французский социалист—124, 149, 229, 373.
Пугачев Емельян, вождь народного восстания—196, 212, 215, 354.
Путилов, петерб. фабрикант—57.
Пушанкин, петерб. рабочий—156, 162.
Пыпин, семидесятник—156.
Пьянков И. П. черноперделец—175.

Р.

Рабенек, владелец торфяных разработок—59, 337.
Радченко, участник харьк. чернопер. кружка—179.
Радченко И., харьковский рабочий—179, 265.
Разин С. Т., вождь народного восстания—212, 215, 354, 369, 373, 379—380, 450.
Райчин, пролетариатец—305.
Раков В. В., уральский рабочий—43.
Ралли, одесский миллионер—505.
Ралли З. К., революционер, эмигрант—87, 121, 361, 378, 515.
Раппопорт Ш., эмигрант—521.
Раппопорт Ю., эмигрант—523.
Распопов, издатель—257.
Рау, варшавский заводчик—57, 336.
Редько А., благоевец—519.
Редько П. М., блогоевец—519.
Рейнштейн Б. И., народоволец, позднее с.-д. большевик—242, 520—521, 526.
Рейнштейн Н. В., провокатор—135, 138—139, 143, 362, 364, 366—368, 377—378.
Рейнштейн Т. А., жена провокатора Рейнштейна—362.
Репин С. А., пермский рабочий—65.
Решетникова М., участница рабоч. кружка в Харькове—179, 265—266, 275, 281.
Решко М. К., чернопеределка—175.
Риберт, фабрикант Гродненской губ.—60.
Рикардо Д., англ. экономист—272.
Рклицкий М. В., чернопередделец—180.
Рогачев Д. М., революционер-семидесятник—153.
Роги, франц. рабочий социалист—300.
Родионов, архангельский прокурор—123.
Родионов С., серпуховской рабочий—47.
Розенталь, белостокский фабрикант—62—63, 339.
Розенштейн Вера, сторонница группы «Освобожд. Труда»—242.
Рольник (Левков), чернопередделец—516.
Романов, якут—287.
Романов М., петерб. рабочий—176.
Рубач М., историк—291.
Рубинштейн И., сторонник группы «Освобожд. Труда»—241.
Рудевич Н. А., народоволец, эмигрант—242—243.
Румянцев П. П., с.-д., литератор—315.
Русанов, заводчик Архангельской губ.—338.
Русанов Н. С., народник-революционер, эмигрант—184—185, 187, 521.
Рутенберг, издатель—212, 214, 224, 516.

Рыбицкий Ян, член «Юж.-Рос. Союза Рабочих»—80, 89, 95—97, 120.
Рыжов И. Л., управляющий фабрикой—294.
Рымашевский Б., член цюрихской колонии—241.
Рымашевский В., член цюрихской колонии—241.
Рябоконь Я., участник харьк. рабочего кружка—179, 265—267, 271—272, 275—276, 280—281, 284—285, 506.
Рязанов (Гольдендах) Д. Б., с.-д. большевик, историк—236, 238, 240, 242—243, 248, 252—253, 257—259, 300, 310, 522, 523.
Ряховский Н. А., с.-д.—310.

С.

Сабашниковы, владельцы приисков—46—47, 333.
Саблин, издатель—115, 117, 145, 149, 178.
Савельев В. Я., петерб. рабочий—157, 162.
Савченко С., харьк. рабочий—265, 267, 275.
Саенко, участник харьк. черноперед. кружка—179.
Сажин М. П., революционер—125.
Саммер, с.-д.—315.
Самсонов, одесский рабочий—98.
Санин А. А., литератор - марксист—169, 309, 524.
Сарычев Л., член пензенского с.-д. кружка—260.
Святловский В. В., член брусневского кружка, литератор—306.
Святополк-Мирский П. Д., министр внутр. дел—287.
Сек П., староста на Кренгольмской мануфактуре—45.
Селиверстов А., серпуховской рабочий—47.
Селитренный Л., сторонник группы «Освобожд. Труда»—242.
Селихов, участник харьк. черноперед. кружка—179.
Семевский В. И., историк—330, 332, 334, 337—338, 341.
Семенов Н. И., черноперделец—175.
Семенова Л. А., серпуховская работница—66.
Семеновский, лаврист—131.
Семенчиков Р. М., рабочий, с.-д.—310.
Семихат, участник харьк. черноперед. кружка—179.
Семянников, петербургский заводчик—12, 72, 335, 368, 373.
Сергеев, фабрикант Московской губ.—36.
Сергиевский Н. Л., историк—7, 176, 242, 258, 260.
Сердюков А. И., чайковец—111, 142—153, 361, 371, 378.
Серебренников, крестьянин Онежского уезда—123—124.
Сериков, серпуховской фабрикант—67, 343.
Сеченов И. М., физиолог—112.
Сибиряков, сибирский золотопромышленник—332.
Сигида Н. К., революционерка—239.
Сикачии П. Г., член «Юж.-Рос. Союза Рабочих»—83, 98.
Силенко П. М., член «Юж.-Рос. Союза Рабочих»—97—98.
Симаков, петерб. рабочий—116.
Симзен М. М., врач, черноперделец—176.
Синегуб С. С., чайковец—114, 147—148.
Синцов К., харьковск. рабочий—179.
Синявина С. А., черноперделка—180, 267, 282.
Сиов, уральской рабочий—42.
Сквери М. П., член «Юж.-Рос. Союза Рабочих»—97—101, 349.
Скворцов, офицер-революционер—182.
Скворцов, фабрикант—334.
Скворцов П. Н., писатель-марксист—252, 309, 524.
Скляренко А. П., с.-д.—309—310.
Скороспелов, фабрикант Московской губ.—58—59, 337.

Слепцова Н. Н., с.-д.—240—241, 243, 245—247, 262, 519—520, 522.
Слепян, соц.-демократка — 260.
Сливинский, варшавский рабочий—137.
Слободской («Дрезденский») О. Е., с.-д.—158.
Смаковский, участник харьк. черноперед. кружка. —179.
Смирнов Д. Н., петерб. рабочий—72, 74, 76, 111, 115, 118, 146, 148, 152, 154, 156—159, 162—164, 170, 364.
Смирнов М. Б., член группы «Рабочее Знамя»—320.
Смирнов Н., сельский староста—22.
Смирнов Я. П., петерб. рабочий—138—139, 143, 362, 364, 370, 376, 380—384.
Смыслов, петерб. рабочий—154—155.
Собиновский, фабрикант Владимирской губ.—66.
Соболев Н., петерб. рабочий—154, 156, 162—163.
Соколов Вас. Ив., харьковский рабочий—179, 265—267, 275—276, 281—285, 506.
Соколов Влас, харьковский рабочий—179.
Соколов М., вологодский рабочий—43.
Соколов Н. В., революционер 60-х гг., эмигрант—149.
Соколов Ф. Д., член «Южно-Рос. Союза Рабочих»—98.
Сокольникова В. И., крестьянка, жена А. К. Левашова—125—126.
Соловейчик Р., с.-д.—240—247, 252, 262, 519.
Солодуха К. — см. Перазич.
Сольц А. А., с.-д. большевик—322.
Спенсер Герберт, англ. мыслитель—112, 149, 290.
Спиридович А. И., жанд. генерал, историк—325.
Стаховский В. А., чайковец—147—148.
Стеклов Ю. М., с.-д. большевик, историк—211, 310.
Степан Егорович, управляющий завода—22.
Степняк — см. Кравчинский.
Стефанович Я.В., революционер-семидесятник—91, 175, 177—178, 215, 217—218, 220—221, 231.
Столетников, эмигрант—523.
Стольберг, петерб. рабочий—13, 52.
Столяров, московск. фабрикант—88.
Стояновский, харьк. студент—267, 272.
Стояновский М. Л., народоволец—522.
Страхов, одесский рабочий—78, 80, 120.
Струве, фабрикант Московской губ.—36.
Струве П. Б., литератор, легальный марксист—316, 323.
Струков, владимирский губернатор—16—17.
Судейкин, елабужский рабочий—50.
Судейкин Г. П., инспектор секретной полиции—192.
Суетин П., провокатор—138.
Сыцянко А. И., революционерка—267.
Сюзюмова Е. Г., участница пензенского с.-д. кружка—260.

Т.

Тавлеев, одесский рабочий, шпион—99.
Талантов Д. Я., рабочий, с.-д.—310.
Таляев, московский фабрикант—88.
Тараненко Г. Н., член «Южно-Рос. Союза Рабочих»—98.
Тарасов — см. Русанов Н. С.
Тарасов, петерб. рабочий—150.
Тарновский, сахарозаводчик Нежинского уезда—341.
Тасюк Д. Н., одесский рабочий—98.
Тахтарев К. М., с.-д.—325.
Тейтельбаум, врач, с.-д.—310.

Теличенко И., член харьковского кружка—288, 506.
Теличенкова Т. В., участница харьк. рабочего кружка—265, 267.
Телятников И. Д., одесский рабочий—98—99.
Темный П., харьковский рабочий—265, 275, 277—278, 281.
Теплов П. Ф., с.-д.—182, 238, 256, 259—260, 287, 310, 523.
Терентьев-Рогов М. О., одесский революционер—101.
Теслер Л. В., с.-д.—259.
Тефтул И., одесский революционер—101.
Тимофеев Александр, петерб. рабочий—57.
Тимофеев Вас., петерб. рабочий—153—154, 156, 162—163.
Типисев А. Ф., онежский крестьянин—123—128, 143.
Тисельский П. Е., член «Южно-Рос. Союза Рабочих»—98—99.
Тихомиров Л. А., народоволец, ренегат—147, 149, 188—193, 195—204, 228, 232, 238.
Тихонов, петерб. рабочий—13, 52.
Ткачев П. Н., писатель-революционер, эмигрант—11, 121, 254.
Ткаченко С., харьковский рабочий—179—180, 271, 275—276, 284, 506.
Токтуев И., пермский рабочий—187.
Толстоносов П., доносчик—98—99, 349.
Томашевский В., революционер—79.
Тонзуров Н. А., одесский рабочий—98—99.
Торнтон, петерб. фабрикант—13.
Торсуева Е., работница—308.
Точисский П. Л., революционер—182, 237, 252, 310—311, 523.
Трапицын, А. И., петерб. рабочий—176.
Трепов Ф. Ф., петерб. градоначальник—473, 515.
Третьяковы, серпуховские фабриканты— 46—48, 61—62, 65—66, 333, 339, 341.
Тригони М. Н., народоволец, шлиссельбуржец—178.
Трифонов, подрядчик—342.
Трубникова М. К., черноперделка—175.
Трускер, фабрикант Гродненской губ.—63.
Туган-Барановский М. И., историк-экономист—206.
Тугарин А., вологодский рабочий—43.
Тун А., историк—212, 217, 224, 516.
Турушин, купец—15.
Тучапский П. Л., с.-д.—315, 318, 324—325.
Тышко (Лео Иогихес), польский и русский с.-д., германский коммунист—248, 253, 255, 260, 262.

У.

Уваров, М. врач, чернопередделец—176.
Ульянов, заводчик Петерб. губ.—337.
Ульянов Александр Ильич, народоволец—521.
Ульянов Алексей, чернопеределец—175.
Уманец, участник харьковск. черноперед. кружка—179.
Ухтомский, кн., помещик—337.
Ушаков, петерб. рабочий—157.
Ушков, заводчик Вятской губ.—44, 331, 334.

Ф.

Фадеев, одесский фабрикант—330.
Файнберг Л. Б., с.-д.—312.
Файнштейн Г. А., цюрихский студент—245—246.
Фальк, одесский фабрикант—78—80, 119—120, 361, 378.
Федоров Г. И., петерб. рабочий—162.
Федоров И., петерб. рабочий,—154.

Федосеев Н. Е., революционер-марксист—252, 309, 524.
Фейербах Л., германский мыслитель—239.
Фетисов, петерб. рабочий—156.
Фигиман, заводчик Петроковской губ.—340.
Фигнер В. Н., революционерка-семидесятница, народоволка, шлиссельб.—188, 197.
Филипп, фабрикант Гродненской губ.—62, 339.
Филиппео, народоволец, член цюрихской колонии—242.
Филиппов Я., серпуховской рабочий—66.
Филипченко А. Ф., харьковск. рабочий—265, 275, 280—281.
Филипченко Г., жена А. Ф. Филипченко—282.
Финн-Енотаевский, экономист—325.
Фицнер, польский фабрикант—301.
Фишер, управляющий гр. Бобринского—406.
Флеровский (Берви) В. В., писатель-социалист—9, 31, 112, 149.
Фокин, иваново-вознесенский фабрикант—65.
Фокин М. Д., революционер 80-х гг.—181.
Форсман И., петерб. рабочий—157, 162.
Франкфурт Ш., сторонник группы «Освобожд. Труда»—242.
Фрейдель Р., с. д.—311.
Фрейфельд А., харьковский студент—267.
Фрейфельд Л. В., харьк. народоволец—183, 272, 292.
Френкель, эмигрант—241.
Френкель Л. Б., издатель—205.
Фридландер, петерб. заводчик—343.
Фроленко М. Ф., революционер-семидесятник, народоволец, шлиссельбуржец—177.

Х.

Хазов Н. Н., революционер-семидесятник—157, 169.
Хайков А. А., серпуховской рабочий—66.
Халтурин С. Н., рабочий-революционер—72—73, 75, 77, 82, 89—90, 93, 101, 107, 132, 134, 136, 158, 162—165, 169, 171—172, 174, 210—211, 296, 298.
Харизоменов С. А., черноперделец—91, 175.
Харитонов В. Г., благоевец—176, 308.
Хинчук Л. М., с.-д.—258—259, 310.
Хлопецкий М. В., мастеровой завода Мальцева—27.
Худов—92.
Хотинский А. А., революционер-семидесятник—175.
Хохлов Г., петерб. рабочий—158—159, 162.
Хржановский, помощн. секретаря военного суда—382, 384.
Христина Максимилиановна, жена мастера Тагильского завода—29.
Хромов, петерб. рабочий—176.
Хроновский, политич. ссыльный—266.
Хрущова, владелица завода Тарусского уезда—20—21, 57.

Ц.

Цедербаум С. С., член группы «Рабочее Знамя»—320.
Цетлин А. Л.—365.
Цеттерман, полковник—382, 384.
Цикерман Л.,—365—366, 377.
Цыперович Г. В., с.-д. большевик—310.

Ч.

Ч., черноперделец—182.
Чайкин С., харьковский рабочий—265.
Чайковский Н. В., революционер-семидесятник—78, 111,

139, 151—152, 156, 361, 370—372, 378.
Чайченко С., член харьк. рабочего кружка—266—267, 275—277, 280, 284—285, 506.
Чарушин Н. А., чайковец—147, 149.
Чарушников А., черноперделец—181.
Ченцов, рабочий Тарусского уезда—21.
Ченыкаев В. Д., врач, черноперделец—176.
Черкезов В. Н., анархист, эмигрант—121, 361, 378.
Чернов В. М., соц.-рев.—250.
Чернышевский Н. Г., писатель-революционер 60-х гг.—110, 112, 149, 239, 257.
Чернявский, мичман, революционер—519.
Чешер, петерб. фабрикант—150.
Чижевский И., поручик, революционер—520, 522.
Чимеренко, одесский рабочий—98—99.
Чичерин Б. Н., профессор—198.
Чубаров С. Ф., революционер-семидесятник—296.
Чудновский С. Л., одесский чайковец—111.
Чуркин Д., петерб. рабочий—158, 162, 362, 364.

Ш.

Шадрин, харьковский черноперделец—178.
Шалаев, московский фабрикант—40, 329.
Шалэн, франц. рабочий—87.
Шапшал, петерб. фабрикант—71, 339.
Шатунский И. С., одесский рабочий—98.
Шатько П., благоевец—240, 519.
Шау, петерб. фабрикант—64, 71, 296, 335—336, 340.
Шах, участник харьк. черноперед. кружка—179.
Швейцер, немецкий писатель—124, 373.
Шевырева Е., чернопеределка—175.
Шейдевандт В., подпоручик, революционер—240, 519.
Шелгунов В. А., рабочий, с.-д.—306.
Шелгунов Н. В., публицист—192—196, 239, 296, 300.
Шелгунов Н. Н., мичман, революционер—240, 519—520, 522.
Шенцис Софья, народоволка, член цюрихской колонии—242.
Шепеленко И. Ф., член харьк. черноперед. кружка—179.
Шефле, немецкий писатель—280.
Шефтель, народоволец, член цюрихской колонии—242.
Шефтель М. И., чернопеределец—175, 185, 187.
Шехтер К., член группы «Рабочее Знамя»—320.
Шибаев, богородский фабрикант—53, 334.
Шиков, костромской заводчик—62.
Шилов А. А., историк—138, 144, 158.
Шиман, белостокский фабрикант 55.
Шипов, костромской заводчик—339.
Ширяев Н. А., член харьк. кружка—272.
Ширяев С. Г., народоволец—136, 144, 166, 169—171.
Шишко Л. Э., чайковец—89, 107, 110—114, 144, 147—149, 163.
Шишман, виленский фабрикант—55.
Шкалов В. Д., петерб. рабочий—157, 162.
Шкряба Ф., предатель—179.
Шлихтер А. Г., с.-д.—258, 259.
Шмидман, харьковский заводчик—65.
Шмулевич, с.-д.—260.
Шокин И., одесский рабочий—38.
Шпидтман, харьковский фабрикант—341.
Шпильгаген Фридрих, немецкий романист—112.
Шрадер, моск. фабрикант—66, 342.

Шрамм, жандарм. полковник—21.
Шульц, фабрикант московской губ.—40, 329.
Шумов, варшавский с.-д.—523.
Шутьков Е., вологодский рабочий—40.

Щ.

Щапов А. П., историк—112, 149, 233.
Щеглов, петерб. рабочий—153, 156, 162.
Щеглов Д., реакционный историк социализма—257—258.
Щедрин Н. П., революционер-шлиссельбуржец—90, 93—94, 177.
Щербаков, фабрикант Московской губ.—343.
Щеробина Ф. А., студент, привлекавшийся по делу Заславского, впоследствии статистик—98—99, 101.
Щетинин, архангельский жандарм. полковник—123.

Э.

Э. Б., автор статьи—254, 273, 278—279, 286.
Эйдельман Б. Л., с.-д.—263, 289, 292, 308, 311, 314—315, 318, 323—325.
Эльсниц А. Л., революционер 60-х гг., эмигрант—121, 361, 379.
Энгельс Фридрих, германский социалист, один из основоположников научного социализма—141, 185, 231—232, 234—239, 243, 245, 252, 254, 258, 261, 490, 514, 520, 522, 524.
Энглези В. И., штурман в Одессе—98—99.
Эндауров И. Н., вологодский помещик—127.
Эндауров А. И.—127—128.
Эрде—литератор—326.
Эрейвман Рувим, участник харьк. рабочего кружка—267.
Эрховерх, одесский рабочий—83.
Эссен, тов. мин. юстиции—128.
Эссен, артиллер. офицер, революционер—519.

Ю.

Ювеналъев А. П., революционер-семидесятник—219.
Юдин, столяр в Симферополе—101.
Юз, заводчик—48, 50—52, 108, 272, 333, 335.
Юзов—см. Каблиц.
Юрков, уральский рабочий—43.
Юшлевич, с.-д.—260.

Я.

Яворская, харьковск. черноперелелка—178.
Яворский П. Т., черноперелелец—180.
Якоби, фабрикант Гродненской губ.—60.
Яковлев В., петерб. рабочий—157.
Яковлев Е., московский рабочий—40.
Яковлев П., серпуховской рабочий—66.
Якубович П. Ф., народоволец—227, 261, 516.
Яновский, с.-д.—260.
Ярошевич (или Ярошенко?), одесский студент—83.
Ярцев А. В., семидесятник, участник процесса 193-х—124.
Ясинский, народоволец—243.

ВНИИ
ВЫПИСКА РЕФЕР
19. ГОД

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие автора 5

I. Рабочее движение семидесятых годов.

К вопросу о рабочем движении 70-х годов XIX в. 9
Первая классовая социалистическая организация рабочих в России. 77
1. Пребывание В. П. Обнорского в Одессе в 1873—74 годах и его первый от'езд за границу. 77
2. «Южно-российский союз рабочих» как школа для В. П. Обнорского. 82
3. «Южно-российский союз рабочих» и «Южно-русский рабочий союз» Ковальской 90
4. Судьба некоторых участников процесса по делу «Южно-российского союза рабочих». 94
5. «Южно-российский союз рабочих»—первая классовая рабочая социалистическая организация 100
Виктор Павлович Обнорский. 103
1. Несколько замечаний о характере рабочего движения 70-х годов. 103
2. Биографические сведения о В. П. Обнорском и начало его революционной работы 108
3. Образование рабочего центра в первой половине 70-х годов в Петербурге 111
4. Поездка В. П. Обнорского в Одессу и первое путешествие за границу 118
5. Работа В. П. Обнорского в народе в Архангельской губернии. Роман А. К. Левашова. 123
6. Вторая поездка за границу (ноябрь 1876 г.—декабрь 1877 г). 128
7. Третья поездка В. П. Обнорского за границу. Связи В. П. Обнорского с польскими рабочими. Возвращение в Россию. Арест и суд. Личность и значение Обнорского в истории русского рабочего движения. Выводы. 136

II. «Северный союз русских рабочих».

«Северный союз русских рабочих». 146
1. Хронологические даты развития Союза. 146
2. Условия возникновения Союза. 160
3. Организаторы «Северного союза русских рабочих». 163
4. Программа «Северного союза русских рабочих». 165

III. Землевольчество и народовольчество.

«Зерно». (Рабочий листок). 175
Герой политического безвременья. 188

IV. Группа «Освобождение Труда».

Группа «Освобождение Труда» в период 1883—1894 годов. 205

V. Ювеналий Мельников.

Харьковское дело Ювеналия Мельникова и других. 263
1. Социально-революционный кружок рабочих в Харькове. . . 263
2. Связи кружка с другими городами. 275
3. Провал харьковского кружка и провокатор Курелюк . . . 282
4. Ю. Д. Мельников в «Крестах» и Перазич в Сибири. 285
5. Замечания по поводу статьи Перазича «Ювеналий Мельников и харьковский рабочий кружок», воспоминаний тов. В. Д. Перазича и статьи тов. С. П. Мазуренки. 287

VI. Поворотный пункт рабочего движения в России.

Поворотный пункт рабочего движения в России. 293
К двадцатипятилетию первого съезда партии. 305

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. Рабочее движение семидесятых годов.

Таблица I. Число стачек и волнений в 1870—1880 годах. 329
Таблица II. Число стачек и бастовавших рабочих в 1870—1880 годах. 343
Таблица III. Распределение стачек и бастовавших рабочих по категориям (1870—1880 годы). 344
Таблица IV. Распределение стачек по районам (1870—1880 годы). . . 344
Таблица V. Распределение стачек по результатам. 348
Таблица VI. Распределение стачек по причинам возникновения. . . 346
Устав Южно-российского союза рабочих. 349
Программа Южно-русского рабочего союза. 351
Программа Союза, составленная после ареста Щедрина и Ковальской. 356
Приложения к статье «Виктор Павлович Обнорский». 359

II. «Северный союз русских рабочих».

Программа «Северного союза русских рабочих 385

III. Землевольчество и народовольчество

«Зерно» (рабочий листок) № 1, декабрь 1880 г. 389
«Зерно» № 2, 1880 г. 395
«Зерно» № 3, июнь 1881 г. 408
«Зерно» № 4, август 1881 г. 421
«Зерно» № 5, октябрь 1881 г. 437
«Зерно» № 6, ноябрь 1881 г. 448

IV. Группа «Освобождение Труда».

Речь Александровича (П. Б. Аксельрода) на социалистическом конгрессе в Хуре. 462

Письмо И. Н. Присецкого в «Вольное Слово». 469
Ответ П. Б. Аксельрода на письмо И. Н. Присецкого. 479

V. Ювеналий Мельников.

Опыт программы русской социально-революционной группы рабочих. 501
«Голь на выдумки хитра». 503
Приговор по делу Ю. Мельникова и других. 506

VI. Поворотный пункт рабочего движения в России.

Таблица I. Число стачек и бастовавших рабочих с 1881 г. по 1895 г. 507
Таблица II. Распределение стачек и бастовавших рабочих по категориям с 1881 г. по 1895 г. 508
Таблица III. Распределение стачек по районам (1881—1895 гг.). . . 510
Таблица IV. Распределение стачек по результатам (1881—1895 гг.). 512
Таблица V. Распределение стачек по причинам возникновения (1881—1895 гг.). 513

Примечания. 514
Именной указатель. 527

ПОЛИТЕХ 1961

Apdo. 932.